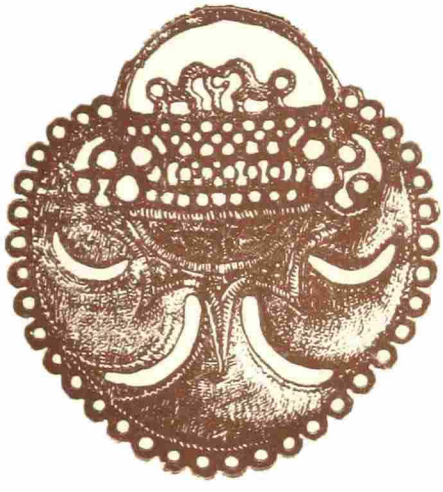
ISSN 0038-5034

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ



3
1986

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА» МОСКВА

СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

№ 3
1986

Журнал основан в 1957 году

Выходит четыре раза в год

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Б. А. Рыбаков (главный редактор)

П. П. Артеменко, В. И. Козенкова (отв. секретарь),
Г. А. Кошеленко, В. В. Кропоткин, Л. Р. Кызласов,
В. П. Любин, В. М. Массон, Н. Я. Мерперт,
Р. М. Мунчаев, Б. Б. Пиотровский,
С. А. Плетнева (зам. главного редактора),
А. А. Формозов, В. П. Шилов

СОДЕРЖАНИЕ

Кореневский С. Н. (Москва). О металле эпохи средней бронзы в горной зоне Северо-Восточного Кавказа 5
Беленицкий А. М., Мешкерис В. А. (Ленинград). Змеи-драконы в древнем искусстве Средней Азии 16
Амброз А. К. (Москва). Кинжалы V в. с двумя выступами на ножнах . . . 28
Фонякова Н. А. (Ленинград). Лотос в растительном орнаменте металлических изделий салтово-маяцкой культуры VIII—IX вв. 36
Красильников К. И. (Ворошиловград). Тандыры в салтовских жилищах Подонья 48
Макаров Н. А. (Москва). Археологические данные о характере колонизации Русского Севера в X—XIII вв. 61
Новаковская С. М. (Ленинград). Камнетесное дело Владимиро-Суздальской Руси в XII—XIII вв. 72

Публикации

Гурина Н. Н. (Ленинград). О связях древнего населения Кольского полуострова (по материалам погребения в бухте Большой Песконец) 85
Матюхин А. Е. (Ленинград). О галечных псевдоорудиях 95
Щербакова Т. И. (Ленинград). Палеолитическая стоянка Талицкого (по раскопкам 1942 г.) 105
Аптекарев А. З., Козенкова В. И. (Краснодар, Москва). Клад эпохи поздней бронзы из станицы Упорной (Краснодарский край) 121
Черных Е. Н., Кузьминых С. В. (Москва). Химический состав металла клада у станицы Упорной 135
Кубышев А. И., Черняков И. Т. (Киев). Грунтовой могильник белозерской культуры у села Чернянка (Херсонская обл.) 139
Михеев В. К. (Харьков). Сухогомольшанский могильник 158

© Издательство «Наука»,
«Советская археология», 1986 г.

Белецкий С. В. (Москва). Курган у деревни Романово под Псковом 174
Андреева Е. Г. (Москва). Костные остатки из кургана у деревни Романово 185
Трусов О. А. (Минск). Белорусская черепица XIV—XVIII вв. 186

Дискуссии

Башилов В. А., Лооне Э. Н. (Москва, Тарту). Об уровнях исследования и познавательных задачах археологии 192
Клейн Л. С. (Ленинград). О предмете археологии (в связи с выходом книги В. Ф. Генинга «Объект и предмет науки в археологии») 209

Заметки

Чистяков Д. А. (Ленинград). Исследование Малой Воронцовской пещеры в Сочинском Причерноморье 220
Отрощенко В. В. (Киев). Костяные детали плеток из погребений срубной культуры 227
Ляшук П. М. (Севастополь). Нож из позднескифского поселения Доброе . . 232
Игнатов В. Н. (Москва). Бронзовые зеркала из курганов Краснодарского края 233
Косяненко В. М. (Ростов-на-Дону). Египетский импорт из некрополя Кобякова городища 235
Казакявичюс В. К. (Вильнюс). Погребение с наконечником стрелы из могильника Плинкайгалис 238
Логинов С. Д., Никитин А. Б. (Ашхабад, Москва). Монеты с всадником из Мерва 243
Ставиский В. И., Бобровский Т. А. (Киев). Клейма на голосниках XI—XII вв. из Киева 249
Цыбин М. В. (Воронеж). Погребения средневековых кочевников X—XIV вв. в Среднем Подонье 257
Седов Вл. В. (Москва). Церковь Никиты Гусятника XV в. в Пскове 266

Критика и библиография

Алексеев Л. В. (Москва). Три тома альбома-каталога по искусству Белоруссии XII—XVIII вв. Минск, 1980—1984 272
Оленковский Н. Б. (Херсон). *Станко В. Н.* Мирное. Проблемы мезолита степей Северного Причерноморья. Киев, 1982 280
Кызласов Л. Р. (Москва). *Фахрутдинов Р. Г.* Очерки по истории Волжской Булгарии. М., 1984 283

Хроника

Янушевич З. В., Пашкевич Г. А. (Кишинев, Киев). Шестой симпозиум Международной рабочей группы по палеоэтноботанике (Нидерланды, 1983) . . 286
Седов В. В., Чернецов А. В., Баран В. Д. (Москва, Киев). Международный конгресс славянской археологии (Киев, 1985) 290
Владыко Н. Н. (Москва). Всесоюзный научный семинар «Новые методы исследования, консервации и реставрации археологических находок» (Киев, 1984) 296

ACADEMY OF SCIENCES OF THE USSR
INSTITUTE OF ARCHAEOLOGY

Founded in 1957

SOVIET ARCHAEOLOGY

№ 3
1986

Editor-in-Chief B. A. RYBAKOV

CONTENTS

Korenevsky S. N. (Moscow). On the Metal Dated to the Middle Bronze Epoch in the Moutainous Regions of the North-Eastern Caucasus 5
Belenitsky A. M., Meshkeris V. A. (Leningrad). Dragons in Ancient Central Asian Art 16
Ambroz A. K. (Moscow). Fifth-Century Daggers in Sheaths with Two Suspension Fittings 28
Fonyakova N. A. (Leningrad). Lotus in the Floral Ornament on Metal Artifacts of the 8th-9th Century Saltovo-Mayak Culture 36
Krasilnikov K. I. (Voroshilovgrad). Tandyrs in the Saltovo Dwellings of the Don Region 48
Makarov N. A. (Moscow). Archaeology on the Way the Russian North was Settled Between the 10th and 13th Centuries 61
Novakovskaya S. M. (Leningrad). Stonecutting in Vladimir-Suzdal Rus in the 12th-13th Centuries 72

Publications

Gurina N. N. (Leningrad). On the Ties of the Earliest Population of the Kola Peninsula 85
Matyukhin A. E. (Leningrad). On Pebble Pseudo-Artifacts 95
Shcherbakova T. I. (Leningrad). The Talitsky Camp (the 1942 materials) . . . 105
Aptekarev A. Z., Kozenkova V. I. (Krasnodar, Moscow). A Hoard from the Village of Upornaya Dated to the Late Bronze Epoch 121
Chernykh E. N., Kuzminykh S. V. (Moscow). Chemical Composition of Metal from the Hoard at the Village of Upornaya 135
Kubyshev A. I., Chernyakov I. T. (Kiev). A Ground Burial of the Belozerskoe Culture at the Village of Chernyanka, Kherson Region 139
Mikheyev V. K. (Kharkov). The Sukhaya Gomolsha Burial Ground 158
Beletsky S. V. (Moscow). A Burial Mound at the Village of Romanovo near Pskov 174
Andreyeva E. G. (Moscow). Bone Remains from the Burial Mound at the Village of Romanovo 185
Trusov O. A. (Minsk). Byelorussian Tiles of the 14th-18th Centuries 186

Discussions

Bashilov V. A., Loone E. N. (Moscow, Tartu). On the Levels of Knowledge and Cognitive Aims of Archaeology 192
Klein L. S. (Leningrad). On the Subject-Matter of Archaeology (On Vladimir Gening's book *The Object and Subject-Matter of Archaeology*) 209

Notes

Chistyakov D. A. (Leningrad). Study of the Malaya Vorotsovskaya Cave near Sochi 220
Otroshchenko V. V. (Kiev). Bone Parts of Lashes from the Timber-Grave Culture Burials 227
Lyashchuk P. M. (Sevastopol). A Knife from the Late Scythian Settlement of Dobroye 232
Ignatov V. N. (Moscow). Bronze Mirrors from Barrows of the Krasnodar Area 233
Kosyanenko V. M. (Rostov-on-Don). Egyptian Artifacts from the Necropolis of the Kobyakovo Gorodishche site 235

Kasakyavichus V. K. (Vilnius). A Burial with an Arrowhead from the Plinkaygalis Burial Ground 238
Loginov S. D., Nikitin A. B. (Ashkhabad, Moscow). Merv Coins with a Rider 243
Stavisky V. I., Bobrovsky T. A. (Kiev). Stamps on the Resonants from Kievan Buildings Kept in St. Sophia's 249
Tsybin M. V. (Voronezh). Burials of Medieval Nomads of the 10th-14th Centuries in the Middle Don 257
Sedov Vl. V. (Moscow). 15th-Century Church of St. Nicetas Gusyatnik in Pskov 266

Book Reviews

Alexeyev L. V. (Moscow). Three Volumes of the Illustrated Catalogue of Byelorussian Art of the 12th Through 18th Centuries, Minsk, 1980-1984 272
Olenkovsky N. P. (Kherson). *Stanko V. N.* The Mirnoe Settlement. Problems of the Mesolithic in the Northern Pontic Steppes, Kiev, 1982 280
Kyzlasov L. R. (Moscow). *Fakhrutdinov R. G.* Essays on the History of the Volga Bulgaria, Moscow, 1984 283

Chronicle

Yanushevich Z. V., Pashkevich G. A. (Kishinev, Kiev). The 6th Symposium of the International Working Group on Palaeobotany (The Netherlands, 1983) 286
Sedov V. V., Chernetsov A. V., Baran V. D. (Moscow, Kiev). International Congress of Slavic Archaeology (Kiev, 1985) 290
Vladyko N. N. (Moscow). An All-Union Scientific Seminar «New Methods of Research, Conservation and Restoration of Archaeological Finds» (Kiev, 1984) 296

С. Н. КОРЕНЕВСКИЙ

О МЕТАЛЛЕ ЭПОХИ СРЕДНЕЙ БРОНЗЫ В ГОРНОЙ ЗОНЕ СЕВЕРО-ВОСТОЧНОГО КАВКАЗА

Металлические изделия горной зоны Северо-Восточного Кавказа исследованы недостаточно полно. Основные находки происходят из могильников Гинчи в Дагестане и Гатын-Кале в Чечено-Ингушетии. Оба некрополя служат определяющими источниками для выделения М. Г. Гаджиевым своеобразной гинчинской культуры [1], а для В. И. Марковина — восточнокавказской культурно-исторической общности [2, с. 10, 11].

Металлические предметы, найденные в могильниках, подробно описаны авторами раскопок [1—4], поэтому приведем только их краткую классификацию. В ассортименте утвари из некрополей главным образом представлены декоративные предметы. Находки орудий редки.

Категории украшений включают различные типы булавок, браслетов, колпачков, подвесок-медальонов, височных подвесок и т. д.

Бронзовые булавки можно подразделить на типы: биволютные с подтреугольной раскованной головкой (рис. 1, *1*; рис. 2, *2*), биволютные с расковкой головки в овал (рис. 2, *1*), дисковидные (рис. 1, *2*; рис. 2, *3*), булавки с полукруглой головкой, иногда с опущенными вниз рогами, покрытыми солярной орнаментацией (рис. 1, *4*). В одном экземпляре в могильнике Гинчи имеется булавка с полукруглой биволютной головкой без пунсонной и солярной орнаментации (рис. 1, *3*).

Браслеты могильников Гинчи и Гатын-Кале в большинстве случаев скручены из прута плоского сечения. Среди них есть браслеты многовитковые в 3—4 оборота (рис. 1, *5*; рис. 2, *6*), согнутые в 1—2 оборота (рис. 1, *6*; рис. 2, *7*). Один браслет имеет расширение посередине (рис. 2, *8*). Изредка попадаются литые сегменты. В ряде случаев они могли использоваться в наборах как украшения запястья. Сегменты представлены двумя типами — с двумя отверстиями (рис. 1, *7*; рис. 2, *5*) или с одной литой петлей (рис. 2, *4*).

Бронзовые колпачки имеют две вариации одной формы: с пунсонным орнаментом (рис. 2, *9*) и без него (рис. 1, *14*). В могильнике Гинчи найден покрытый пунсоном бубенчик (рис. 1, *13*), а также спирали (рис. 1, *19*).

Коллекция подвесок-медальонов представлена небольшими экземплярами до 30 мм в диаметре. Можно выделить следующие группы медальонов: с узкой петлей дисковидные (рис. 1, *9*; рис. 2, *10*), кольцевидные (рис. 1, *8*; рис. 2, *11*), кольцевидные с перекладинкой (рис. 1, *10*; рис. 2, *12*), медальоны с широкой петлей дисковидные (рис. 2, *13*). В могильнике Гатын-Кале найден один крупный кольцевидный медальон диаметром около 50 мм, покрытый орнаментом в стиле «эгейской спирали» (рис. 2, *15*).

Подвески в виде капельки (рис. 1, *12*) или шнурка (рис. 1, *11*), а также литые бусы (рис. 2, *16*) и небольшие трубочки-пронизки (рис. 2, *14*) редки. Самой многочисленной категорией украшений являются височные подвески, которые можно подразделить на типы: подвески из прута круглого сечения, согнутого в 1,5 оборота (рис. 1, *15*; рис. 2, *17*), подвески с одним раскованным плоским концом (рис. 1, *16*), подвески с раскованными вогнутыми двумя лопастями (рис. 1, *17*), подвески с раскованными, вогнутыми тремя лопастями (рис. 2, *19*), т. е. М-видной формы, наконец, подвески в виде одной раскованной лопасти (рис. 1, *18*).

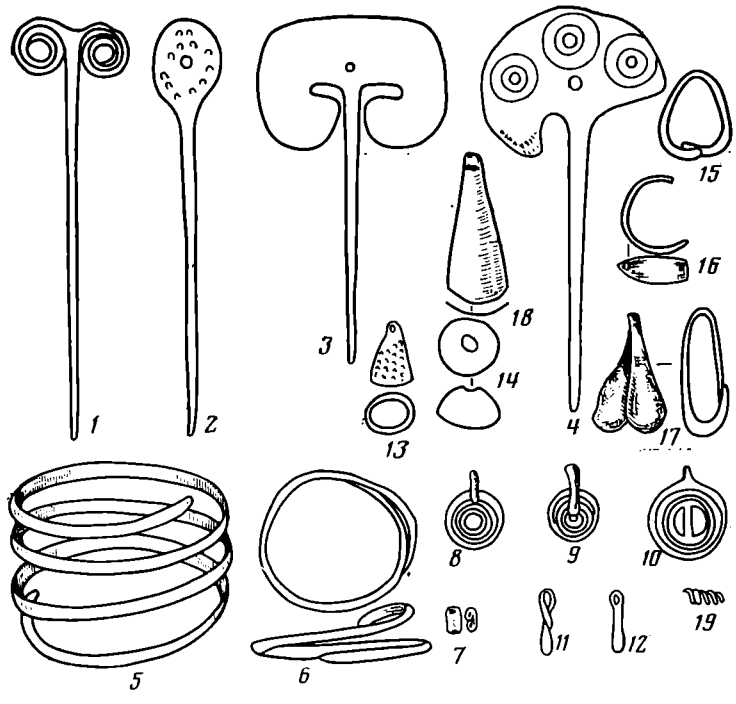


Рис. 1. Типы бронзовых украшений могильника Гинчи

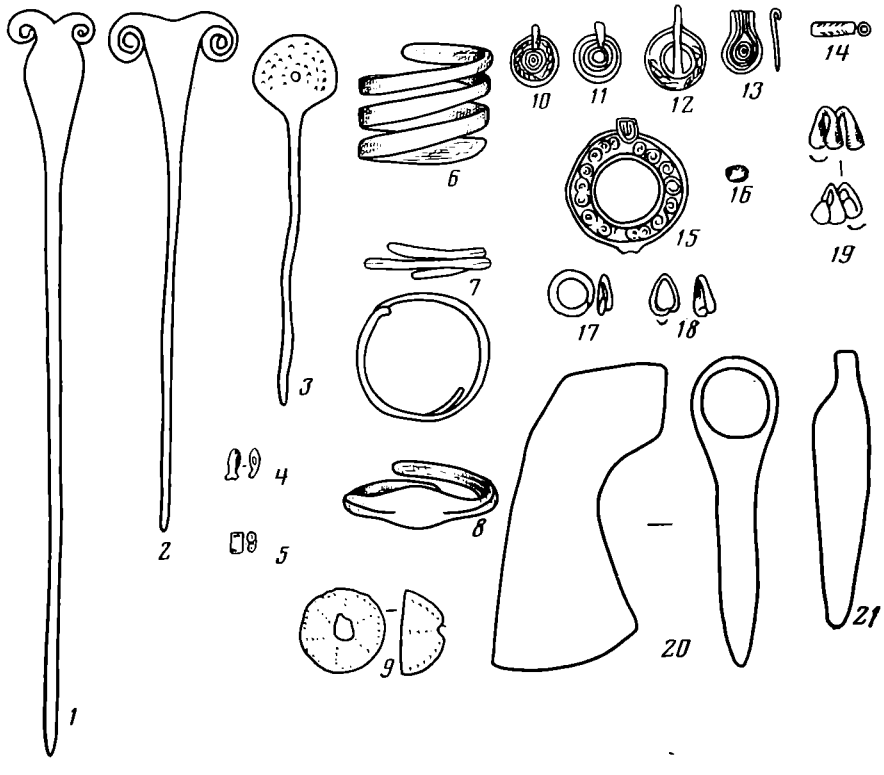


Рис. 2. Типы бронзовых украшений и орудий могильника Гатын-Кале

Находки орудий в могильнике Гинчи и Гатын-Кале представлены иглами, а в Гатын-Кале — шильями, черенковыми ножами (рис. 2, *21*) и втульчатым топором (рис. 2, *20*).

Формы металлических украшений могильников Гинчи и Гатын-Кале имеют много общих черт, что отмечалось исследователями [1]. Вместе с тем наборы декоративных предметов некрополей нельзя признать тождественными, так как в Гинчи и Гатын-Кале присутствуют серии украшений, характерные для каждого памятника в отдельности. В Га-

тын-Кале к числу таких типов принадлежат биволютные булавки с раскованной в овал головкой и маленькие дисковидные медальоны с широкой петлей. В Гинчи к оригинальным вещам можно отнести подвески с раскованной в лист лопастью и булавки с полукруглой головкой с опущенными вниз концами и пунсонной орнаментацией.

Декоративная утварь рассматриваемых могильников отличается от украшений с равнин и предгорий Северного Кавказа. Различие состоит прежде всего в формах биволютных и дисковидных булавок [1, с. 24—26]. Последние неизвестны в предгорьях Дагестана, Чечено-Ингушетии, Северной Осетии, Кабардино-Балкарии и Прикубанья, за редким исключением [5, с. 250, рис. 34, *5*, с. 260, рис. 40, *1*, табл. X, *2*]. Наиболее близкую аналогию на Северном Кавказе типы булавок из Гинчи и Гатын-Кале, как справедливо отметил М. Г. Гаджиев, находят среди украшений горной Северной Осетии [1]. Однако следует заметить, что для североосетинских горных булавок весьма характерно скручивание стержня. При этом сами формы булавок из могильников у с. Галиат и Кумбулта более разнообразны, чем обнаруженные в горных памятниках Северо-Восточного Кавказа [6, табл. 12, 34, 35]. В Гинчи и Гатын-Кале булавки с перекрученным стержнем отсутствуют полностью. Лишь в склепе у с. Харсеной в горах Чечено-Ингушетии был обнаружен маленький экземпляр биволютной булавки с перевитым стержнем [2, с 10, рис. 1, *2*].

Результаты исследования состава металла Гинчинского некрополя были опубликованы нами в специальной работе [7], где рассмотрены 59 вещей из склепов 2, 3, 5, 7. 9, 11; находки изучены методом спектрального анализа в лаборатории ИА АН СССР. Кроме того, учтены 8 анализов из склепа 2 по данным И. Р. Селимханова [4, с. 160]. 40 вещей оказались с низкими примесями олова — до 0.1%, 9 предметов с примесями олова от 0,1 до 0,8%, 18 изделий с концентрациями олова от 0.8 до 5% (рис. 3, *I*, V). Низкие примеси олова, до 0,1%, явно носят естественный характер. Для удобства изложения назовем предметы, не имеющие оловянистой лигатуры, изделиями класса *А*. Содержание олова от 0,1 до 0,8% в составе металла некоторых предметов не позволяет точно установить, отражает ли это искусственную присадку или природные концентрации данного элемента в медной руде и в легирующих компонентах. Серию вещей с оловом от 0.1 до 0,8% выделим в класс *Б*? — условно-оловянистых бронз. И наконец, примеси олова более 0,8—1%, по всей вероятности, указывают на его искусственное добавление. Легированные оловом вещи обозначим как класс *Б*.

Содержание мышьяка в бронзах класса *А* с низкой концентрацией олова колеблется главным образом от 0,1 до 3% (рис. 4, *I*). Предметы этой серии можно интерпретировать как мышьяковые бронзы. Вместе с тем следует оговориться, что в данной статье мы не можем ответить на вопрос, является ли содержание мышьяка во всех предметах результатом намеренной присадки или отражает только его природные концентрации в руде. Наибольшая частота примесей мышьяка в металле предметов приходится на интервал 0,1—1%. Ранее бронзы класса *А* могильника Гинчи обозначались нами группой Д-1 [7].

Один сегмент из Гинчи (рис. 1, 7) выделяется высоким присутствием свинца — до 3,5%, возможно, искусственного характера [7].

Оловянистые и условно-оловянистые бронзы Гинчинского могильника классов *Б* и *Б*? по сравнению с мышьяковым металлом отличаются большей насыщенностью свинцом — от 0,1 до 7% (рис. 3, *I*), а также примесями сурьмы в десятых долях процента и никеля от 0,03 до 0.15% (рис. 3, *II*; рис. 5, *II*). Содержание мышьяка в бронзах класса *Б* и *Б*? примерно такое же, как и в бронзах класса *А*, главным образом от 0,1 до 2% (рис. 5, I). Из условно-оловянистой и оловянистой бронзы в могильнике Гинчи отлиты височные подвески, колпачки без пунсона, подвеска в виде лопасти, булавки с полукруглой головкой и солярной орнаментацией. Ранее бронзы класса *Б* и *Б*? выделялись в группу Д-2 [7, рис. 2, *1—25*].

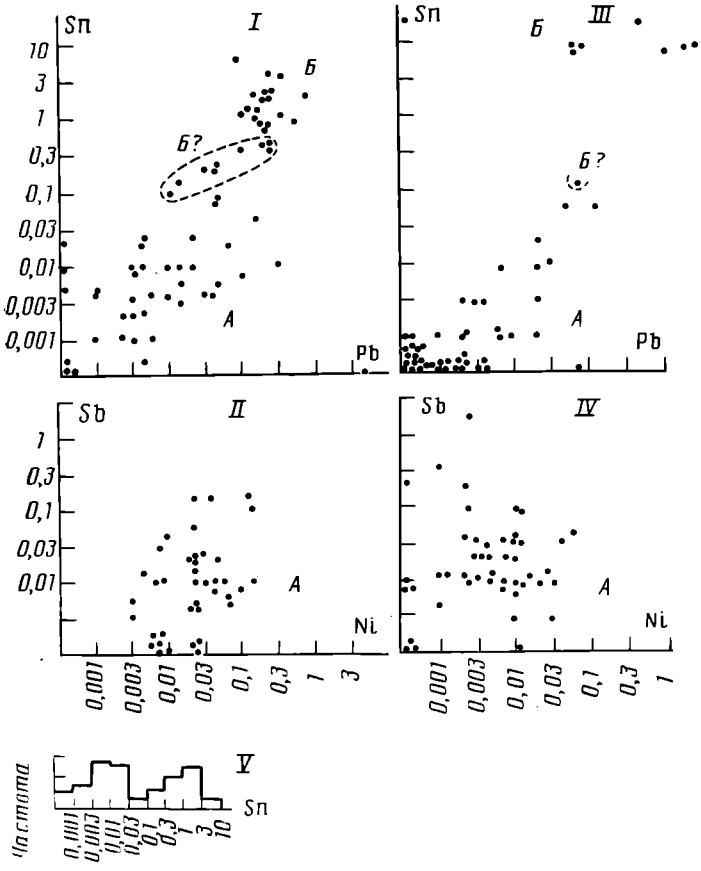


Рис. 3. Корреляционные графики и гистограмма распределения примесей в составе металла изделий могильников Гинчи (*I*, *II*, *V*) и Гатын-Кале (*III*, *IV*). *А* — мышьяковые бронзы без оловянистой лигатуры; *Б* — бронзы с оловянистой лигатурой; *Б?* — условно-оловянистые бронзы

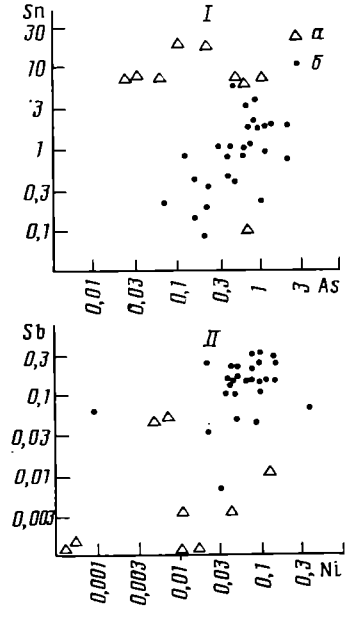


Рис. 5. Корреляционные графики распределения примесей в составе металла предметов из условно-оловянистой и оловянистой бронзы. *а* — предметы из могильника Гатын-Кале, *б* — предметы из могильника Гинчи

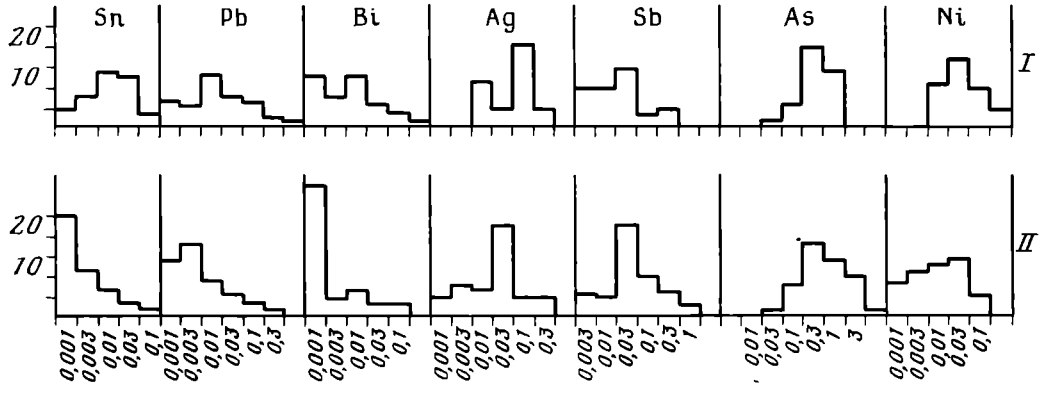


Рис. 4. Гистограммы примесей в составе металла предметов, не легированных оловом. *I* — могильник Гинчи; *II* — могильник Гатын-Кале

Состав металла могильника Гатын-Кале изучен по анализам 55 вещей (табл. 1). Из них 19 проанализировал и опубликовал Е. Н. Черных [3]. Исследователь сделал вывод, что металл могильника Гатын-Кале легирован мышьяком и насыщен сурьмой более, чем бронзы Прикубанья. Увеличение аналитической выборки позволяет подробнее рассмотреть химические особенности металла этого памятника. Из 55 учтенных вещей 46 предметов являются мышьяковыми бронзами класса *А* без оловянистой лигатуры (рис. 3). Содержание олова в них не превышает 0,1% и

часто меньше 0,001%. По сравнению с мышьяковыми бронзами класса *А* могильника Гинчи мышьяковый металл могильника Гатын-Кале обладает меньшей насыщенностью микропримесями олова, свинца, никеля (рис. 4, *I*, *II*), что позволяет предполагать его связь с иными источниками сырья. По концентрациям мышьяка бронзы класса *А* обоих могильников схожи максимальными пиками его содержания в интервалах 0.1—1%. Вместе с тем в могильнике Гатын-Кале найдено несколько больше предметов с мышьяком от 3—10% и выше. Это пронзи, бусы, сегменты с литой петлей (рис. 4, *I*, *II*).

Новым фактом в характеристике металла могильника Гатын-Кале является обнаружение в его коллекции 8 предметов, легированных оловом. Эти предметы однородны по формам и представлены височными подвесками с раскованными лопастями в 1,5 оборота (рис. 2, *18*) и М-видной подвеской (рис. 2, *19*). Оловянистые бронзы класса *Б* могильника Гатын-Кале менее насыщены примесями сурьмы, чем оловянистые бронзы могильника Гинчи (рис. 5, *II*). Не является ли это свидетельством того, что источники сырья, шедшего на производство бронз с лигатурой олова рассматриваемых некрополей, были разные?

Из условно-оловянистой бронзы в могильнике Гатын-Кале зафиксирован лишь колпачок из погр. 7. Содержание олова в его металле 0,12%.

Обнаружение в могильниках Гинчи и Гатын-Кале предметов из оловянистой бронзы заставляет поставить вопрос о более конкретной дате появления предметов с таким составом металла у горцев Северо-Восточного Кавказа. М. Г. Гаджиев отнес могильник Гинчи к эпохе среднего бронзового века и рассматривал его как переходное звено к эпохе поздней бронзы [4]. Распределение типов металлической утвари по ярусам склепов Гинчи позволяет выделить внутри памятника две разновременные группы комплексов с металлом (табл. 2). К нижней, среднебронзовой группе относятся погребения с биволютными, дисковидными булавками, медальонами, подвесками в 1,5 оборота круглого сечения, подвесками с одним раскованным плоским концом, колпачками с пунсоном, пружинными браслетами из склепов 2, 5, 7, 13 и нижнего яруса склепа 9. Металлические предметы этой фазы изготовлены из мышьяковой бронзы. Использование предметов из оловянистой бронзы не удается зафиксировать на больших сериях вещей. Две височные подвески, отлитые с использованием оловянистой лигатуры олова (склепы 2 и 5), только позволяют поставить вопрос об этом [7]. Поздняя фаза гинчинского некрополя по типам металлических украшений четко отделяется от более древней среднебронзовой. В верхнем горизонте Гинчи, склепах 3, 6, верхних ярусах склепа 9, склепах 11, 12, уже нет типичных среднебронзовых украшений. Их место занимают другие типы булавок, напоминающие кобанские. Встречаются подвески с вогнутыми лопастями в 1,5 оборота, колпачки без пунсона. Именно на поздней фазе Гинчинского некрополя наряду с изделиями из мышьяковой бронзы (11 экз.) отмечены вещи из условно-оловянистой бронзы (9 экз.) и оловянистой бронзы (16 экз.).

Могильник Гатын-Кале датирован В. И. Марковиным преимущественно в диапазоне 1700—1500 гг. до н. э. Автором раскопок также разработана внутренняя периодизация некрополя. Стратиграфия металлического инвентаря приведена нами в табл. 3. Захоронения в могильнике Гатын-Кале совершены в ямах и склепах. В ямах обнаружены одиночные, главным образом скорченные погребения, а в склепах — коллективные усыпальницы с доминирующим обрядом вытянутого трупоположения. В. И. Марковин отмечает, что погребения в ямах древнее, чем захоронения в склепах [3].

Желобчатые подвески, изготовленные из оловянистой бронзы, были обнаружены в склепах 7 и 14. По описанию В. И. Марковина, в склепе 7 находилось 12 скелетов на глубине от 0,3 до 1,4 м. Все костяки были потревожены, кроме самых поздних скелетов II и XII. Желобчатые подвески в склепе 7 попадались на разных глубинах. В непотревоженном состоянии их нашли только у черепа наименее древнего скелета XI. Похожая картина отмечена в склепе 14. Здесь лежали остатки скелетов

Таблица 1

Результаты спектрального анализа состава металла предметов могильника Гатын-Кале

Номер анализа	Предмет	Cu	Sn	Pb	Zn	Bi	Ag	Sb	As	Fe	Ni	Co	Au	Рисунок в [3]
1	Топор, п. 33	Осн.	0,001	0,002		0,001	0,06	0,023	0,85	0,2	0,003			29, *6*
2	Браслет, п. 31	»		0,001			0,006	0,025	0,9	0,001	0,008			23, *2*
3	»	»		0,001		0,001	0,001	0,03	1,3		0,009			23, *3*
4	Нож, п. 27	»	0,003	0,02		0,09	0,01	0,005	2,4	0,001	0,001			20, *5*
5	Булавка, п. 16	»	0,001			0,012	0,006	0,012	0,95	0,001	0,002			17, *2*
6	» п. 31	»		0,001		0,001	0,005	0,17	0,28	0,001	0,002			23, *6*
7	» п. 27	»		0,001			0,003	0,33	2,2	0,001	0,001			21, *2*
412	Пронизь, п. 31	»	0,002	0,002	0,009	0,003	0,003	<0,01	3,5	0,05	0,003			27, *12*
413	»	»		0,08	0,003	0,003	0,001	0,23	6,3	0,004	0,001			27, *13*
414	Бусина, п. 31	»		0,003	0,015	0,003	0,002	1,7	14	0,013	0,002			27, *14*
461	Браслет-пронизь, п. 27	»	0,003		0,005	0,001	0,02	0,012	⩾12	0,002	0,003			20, *3*
462	Бусина, п. 31	»					0,002	0,013	7,6		0,001			27, *11*
463	Подвеска, п. 29	»		0,001		0,002	0,001	0,01	0,7	0,001	0,003			19, *10*
464	Медальон, п. 27	»		0,007			0,003	0,038	4,8	0,002	0,003			20, *4*
24052	Булавка, п. 7	»	0,02	0,02		0,007	0,02	0,01	0,5	0,008	0,02	0,006	<0,001	11, *3*
24053	» п. 14	»	0,001	0,02			0,02	0,02	1,2	0,003	0,01	0,006		15, *5*
24055	Браслет, п. 7	»	0,06	0,12		0,03	0,01		1,2	0,002		0,007	<0,001	9, *12*
24056	»	»	0,06	0,05	0,007	0,005	0,06	0,003	0,65	0,002	0,03	0,01	0,001–0,003	5, *9*
24057	Колпачок, п. 7	»	0,12	0,06	0,005	0,01	0,15	0,003	0,65	0,03	0,01	0,007	<0,001	6, *7*
24058	»	»	0,009	0,02		0,008	0,0002		0,1					6, *8*
24059	Подвеска, п. 7	»	0,003	0,004		0,001			0,05					11, *1*
24060	»	»	20			0,005	0,001	0,02	0,2	0,3	0,12	0,007	<0,001	9, *4*
24061	»	»	0,01	0,03		0,03	0,015	0,01	1,8		0,03	0,009	0,001–0,003	9, *5*
24062	Колпачок, п. 7	»	0,003	0,02			0,01		0,65	0,008	0,01	0,01	0,001–0,003	Аналогия 20, *4*
24063	Медальон, п. 27	»		0,002			0,001	0,04	3,5	0,01	0,002	0,001		»
24064	»	»		0,002				0,1	3,5	0,01	0,002	0,01		»
24065	»	»		0,001				0,01	1,8	0,008	0,002	0,007		»
24066	Подвеска, п. 27	»					0,2	0,04	1,2		0,01	0,005		Аналогия 20, *2*

Таблица 1 (окончание)

Номер анализа	Предмет	Cu	Sn	Pb	Zn	Bi	Ag	Sb	As	Fe	Ni	Co	Au	Рисунок в [3]
24067	»	Осн.	0,001	0,002			0,01	0,04	0,65		0,035	0,002		»
24068	»	»					0,2	0,1	0,7	0,003	0,01	0,002		»
24069	»	»					0,2	0,1	1,2		0,01	0,006		»
24070	»	»					0,01	0,01	0,6		0,01			»
24071	»	»					0,2	0,05	1,5		0,01			»
24073	Браслет, п. 27	»	0,025				0,01	0,01	9	0,02	0,0007			Аналогия, 20, *3*
24074	»	»					0,01	0,01	3,5	0,008		0,005		»
24075	»	»	0,003	0,003			0,02	0,008	7	0,008		0,005		»
24076	Подвеска, п. 7	»	9	0,06			0,15		0,02	0,01		0,005		11, *7*
24077	»	»	9	0,06			0,15		0,06	0,07		0,005		Аналогия 11, *7*
24078	»	»	9	0,07			0,09		0,5	0,02	0,015	0,005		»
24079	»	»	20	0,5			0,1	0,004	0,1					»
24080	»	»	9	2,5	0,007	0,001	0,01		0,03	0,05	0,01	0,007		»
24081	Подвеска, п. 8	»	0,001	0,001			0,005	0,01	0,2		0,01	0,006		12, *3*
24082	» п. 14	»	0,001	0,002		0,01	0,01	0,04	0,6	0,08	0,006	0,005	<0,001	Аналогия 12, 3
24083	» п. 27	»	0,001		0,009		0,03	0,008	1,2	0,002	0,01	0,006	<0,001	19, *10*
24084	» п. 29	»	0,009	0,007	0,005		0,01	0,02	1,2	0,01	0,005			Аналогия 19, *10*
24085	» п. 14	»	9	1,8	0,007	0,01	0,15	0,05	1,2	0,12	0,007	0,001–0,003		15, *2*
24086	» п. 14	»	8	1		0,001	0,15	0,05	0,6	0,09	0,005	0,001–0,003		Аналогия 15, *2*
24087	» п. 16	»		0,002			0,06	0,01	0,6	0,01	0,006			Аналогия 20, *2*
24088	»	»	0,001		0,007		0,02	0,01	0,6	0,01	0,005			»
24089	»	»					0,01	0,01	0,2	0,007	0,005			»
24090	»	»					0,01	0,01	0,2	0,006	0,005			»
24126	Булавка, п. 1	»	0,001	0,01			0,02	0,035	0,12		0,01		<0,001	1, *1*
24127	Медальон, п. 1	»		0,004			0,025	0,06	0,8		0,06		<0,001	1, *3*
24128	»	»	0,001	0,007			0,015	0,012	0,8		0,015		<0,001	1, *5*
24129	Браслет, п. 1	»	0,001	0,007			0,01	0,015	1,2	0,05	0,025		<0,001	1, *9*

Примечание. Анализы № 1—464 опубликованы: *Черных Е. Н.* Спектральные исследования металлических изделий из могильника Гатын-Кале. — В кн.: Древности Чечено-Ингушетии. М., 1963, с. 137; *его же.* История древнейшей металлургии Восточной Европы. М.: Наука, 1966, с. 109—114.

Таблица 2

Распределение типов вещей по ярусам и склепам в могильнике Гинчи

Склеп	Ярус	Индексы																						Сплавы		
		1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21	22	23	А	Б	Б?
3	1																			14	1		1	1			
	2																			3			2				
	3																			>5	1?		4	2	6	11	8
	4																			1							
11	1																			18		2		1	2	2	1
12	1																			4		1					
6	1																					2					
	2																										
	3																										
9	1																			3		2					
	2	1																		7		3			3	3	
	3	1		1																1							
13	1																										
	2			1															1?	2							
2	1	1																		2							
	2	1		1		1												1 *	2	1					10	1	
	3																			1							
5	1																										
	2				1	1	1	1	1	1	1	1	1	1		1					1						
	3																		1?	5					17	1	
	4		1	1													2			12	2						
	5	2		3		1	1		1	1		2		1	1	1			2?	>5							
7	1			3	1														>1	>3					2		

Примечание. Индексы типов вещей: *1* — булавки дисковидные; *2* — браслеты многовитковые в 3—4 оборота; *3* — браслеты пружинные в 1—2 оборота; *4* — булавки биволютные с подтреугольной расковкой головки; *5* — булавки биволютные с опущенными вниз завитками без пунсонного орнамента; *6* — иглы; *7* — дисковидные медальоны; *8* — кольцевидные медальоны; *9* — кольцевидные медальоны с перекладиной; *10* — подвеска-стерженек шнуровидный; *11* — подвеска-стерженек каплевидный; *12* — колпачок-колокольчик; *13* — колпачки с пунсонным орнаментом; *14* — предмет неясной формы (разогнутый браслет?); *15* — спиральки; *16* — бусы бочонковидные литые; *17* — сегмент наборного браслета с двумя отверстиями; *18* — подвеска в 1,5 оборота с раскованными плоскими концами; *19* — подвеска в 1,5 оборота из стержня круглого сечения; *20* — подвеска в виде одной раскованной лопасти; *21* — подвеска в 1,5 оборота с раскованными и вогнутыми лопастями; *22* — колпачок без пунсона; *23* — булавка биволютная с полукруглой головкой, опущенными вниз завитками и пунсонным орнаментом. *А* — мышьяковые бронзы без оловянистой лигатуры; *Б* — бронзы с оловянистой лигатурой; *Б?* — условно-оловянистые бронзы; х — условное отнесение к комплексу; ? — условное определение формы предмета.

Таблица 3

Распределение типов вещей по склепам и ямам в могильнике Гатын-Кале

Погребение		Поза погребенного	Индексы																						Сплавы		
тип	№		1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21	22	23	А	Б	Б?
В склепе	7	в													2	2	1	3	7	1	1					7	6	1
	14	?																	2							2	2	
	36	в												4									1		1			
	29	ск												9												3		
	26	?												2														
	9	в												2														
	8	»												1												1		
	5	ск												2														
	30	в											1															
	35	?									1		1															
В яме	33	в												⩾2								1		1		1		
	31	ск		1	2	33				2		7		8								1				7		
	27	»	1				17				6			12											1	16		
	16	»		1										5												5		
	2	»				2								2														
	1	»	1		1	1		2	3					6												4		

Примечание. Индексы типов вещей: *1* — булавки биволютные с подтреугольной расковкой головки; *2* — булавки биволютные с расковкой головки в овал; *3* — браслеты многовитковые в 3—4 оборота; *4* — бусы бочонковидные литые; *5* — сегменты наборного браслета с одной литой петлей; *6* — медальоны малые кольцевидные; *7* — медальоны малые кольцевидные с перекладиной; *8* — медальоны дисковидные; *9* — медальоны малые дисковидные с широкой петлей; *10* — пронизи малые; *11* — сегменты наборного браслета с двумя петлями; *12* — подвески в 1,5 оборота из стержня круглого сечения; *13* — булавки дисковидные; *14* — браслеты пружинные в 1,2 оборота; *15* — медальон большой кольцевидный; *16* — колпачки с пунсоном; *17* — подвески с раскованными вогнутыми лопастями в 1,5 оборота; *18* — подвески с раскованными вогнутыми лопастями М-видной формы; *19* — браслет с утолщением в середине; *20* — шилья; *21* — иглы; *22* — топор; *23* — листовидные ножи. В графе «Поза погребенного» приняты сокращения: в — вытянутые, ск — скорченные.

и 11 черепов. Погребальный инвентарь оказался перемешанным, многие кости разбросаны. Желобчатая подвеска была зафиксирована на лбу черепа, лежащего на глубине 0,8 м. В этом же склепе обнаружили биволютную булавку, однако она лежала вблизи другого скелета на глубине 1,3—1,5 м. По всей видимости, желобчатые подвески могильника Гатын-Кале не были связаны с погребальным инвентарем эпохи средней бронзы и фиксируют самые молодые захоронения могильника.

В целом изложенный выше материал позволяет прийти к следующим выводам. Металлический инвентарь могильников Гинчи и Гатын-Кале по особенностям форм украшений отражает своеобразие костюма жителей горной зоны Северо-Восточного Кавказа. Костюм горцев отличался по типам булавок, многовитковых браслетов от костюма жителей равнин и предгорий этого региона, оставивших погребальные памятники у ст. Мекенской [8], у с. Бамут [9] в Чечено-Ингушетии, а также памятники среднесулакской и приморской групп населения [1], Великентский склеп [10] в Дагестане.

В литейном деле мастеров, обслуживающих горцев, которым принадлежали некрополи Гинчи и Гатын-Кале, прослеживается традиция изготовления вещей с невысоким процентом присутствия мышьяка в сплаве — от 0,1 до 1%. Разница микроконцентраций олова в составе предметов, изготовленных с повышенными примесями мышьяка в сериях из Гинчи и Гатын-Кале, позволяет поставить вопрос: не отливались ли они из металла различных источников? По формам предметов, найденных в погребениях могильников, устанавливается как большое сходство вещей, так и явные отличия. Не является ли последнее обстоятельство доводом в пользу выделения двух различных локальных участков обработки металла (условно приаргунский и верхнесулакский), опирающихся на различные источники сырья?

Предметы эпохи средней бронзы из могильников Гинчи и Гатын-Кале характеризуются главным образом изготовлением с повышенными примесями мышьяка. Этот факт установили И. Р. Селимханов и Е. Н. Черных. В свою очередь нам приходится констатировать в наиболее молодых погребениях некрополей украшения из оловянистой бронзы. Особенно их много в могильнике Гинчи. По своим формам они как бы продолжают традиции среднебронзовых предметов, но уже напоминают изделия новой, позднебронзовой эпохи. В могильниках эти предметы, очевидно, появились в переходный период от эпохи средней бронзы к поздней, но до наступления классического этапа позднебронзового века. Аналогичный процесс можно отметить по материалам Тлийского могильника горной Юго-Осетии [11].

Стратиграфия бронзовых украшений могильника Гинчи имеет определенное значение и для периодизации культур эпохи бронзы Дагестана. Так, В. Г. Котович на основании аналогии гинчинских булавок с полукруглой головкой и солярной орнаментацией (рис. 1, *4*) с обломком такого же украшения из Каякентского могильника предложил отнести каякентско-хорочёевскую культуру к эпохе среднего бронзового века [12, с. 64, 73]. Вряд ли с этим можно согласиться, поскольку молодую фазу могильника Гинчи, откуда происходят упомянутые выше булавки, более оправданно относить к переходному периоду от эпохи средней бронзы к поздней.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Гаджиев М. Г.* Дагестан и Юго-Восточная Чечня в эпоху средней бронзы.— В кн.: Древности Дагестана. Махачкала, 1974.
2. *Марковин В. И., Мужухоев М. Б.* Некоторые итоги изучения древностей Чечено-Ингушетии.— В кн.: Археологические памятники Чечено-Ингушетии. Грозный: Чечен.-Инг. кн. изд-во, 1979.
3. *Марковин В. И.* Новый памятник эпохи бронзы в горной Чечне.— В кн.: Древности Чечено-Ингушетии. М.: Наука, 1963.
4. *Гаджиев М. Г.* Из истории культуры Дагестана в эпоху бронзы. Махачкала, 1969.
5. *Деген Б. Е.* Курганы в Кабардинском парке г. Нальчика.— МИА, 1941, № 3.
6. *Крупнов Е. И.* Материалы Северной Осетии докобанского периода.— МИА, № 23, 1953.

7. *Кореневский С. Н.* О металле могильника Гинчи эпохи средней бронзы. Древние и средневековые археологические памятники Дагестана.— МАД, 1980, № 9.
8. *Крупнов Е. И., Мерперт Н. Я.* Курганы у станицы Мекенской.— В кн.: Древности Чечено-Ингушетии. М.: Изд-во АН СССР, 1963.
9. *Мунчаев Р. М., Сариаиди В. И.* Бамутские курганы эпохи бронзы.— КСИА, 1964, вып. 98.
10. *Гаджиев М. Г.* Новые данные бронзового века Дагестана.— В кн.: Материалы сессии, посвященной итогам экспедиционных исследований в Дагестане в 1978—1979 гг. (тез. докл.). Махачкала, 1980.
11. *Кореневский С. Н.* Химический состав бронзовых изделий из Тлийского могильника.— СА, 1981, № 3.
12. *Котович В. Г.* К определению исторического места каякентско-хорочёевской культуры.— В кн.: Памятники эпохи бронзы и раннего железа в Дагестане. Махачкала, 1978.

S. N. Korenevsky

ON THE METAL DATED TO THE MIDDLE BRONZE EPOCH IN THE MOUNTAINOUS REGIONS OF THE NORTH-EASTERN CAUCASUS

Summary

The article deals with a comparative typological analysis and chemical investigations of metal artifacts obtained from the Ginchi burial ground in Daghestan and the Gatin-Kale burial ground in the chechen Ingush region. Though bein somewhat different the objects from these two burial grounds have much in common. Earlier burial complexes yielded mainly arsenic bronzes free from tin additives. Later periods coinciding with the necropolises' final stages exhibit tin-alloyed ornaments. This fact leads to a conclusion that tin-alloyed bronzes first appeared in the mountainous regions of the north-eastern Caucasus still in the pre-Koban period during the transition from the Middle to the Late Bronze Epoch. As arsenic bronzes from the burial grounds differ in their chemical composition the question of two different sources of metal seems well-grounded.

А. М. БЕЛЕНИЦКИЙ, В. А. МЕШКЕРИС

ЗМЕИ-ДРАКОНЫ В ДРЕВНЕМ ИСКУССТВЕ СРЕДНЕЙ АЗИИ

Интерес исследователей к культу змеи в древней Средней Азии проявился с момента находки каменного изваяния змей в Фергане (кишлак Сох). Г. Кастанье в 1913 г., публикуя памятник, впервые попытался на основе мифов народов мира раскрыть некоторые семантические аспекты культа змеи, которые могли иметь место в Средней Азии. С обычаем офилатрии (приношение жертв змее) он связал уникальное глиняное скульптурное изображение пятнистой двуголовой змеи, найденное под Ташкентом в начале XX в. [1, с. 17—24].

Попытку интерпретации этого зооморфного образа на материалах среднеазиатской археологии предпринял в 1956 г. М. Э. Воронец [2]. Он видит в изображениях из Соха определенный вид распространенных в Средней Азии змей — эфы, главной отличительной особенностью которой является пятнистость. Этот и некоторые другие признаки дали повод сопоставить сохских змей не только с изображением рептилий на памятниках эпохи бронзы Средней Азии, но и с некоторыми памятниками древности Месопотамии, относимыми к эпохе Шумера. Приведенные аналогии позволили исследователю датировать изваяние из Соха эпохой бронзы, II тыс. до н. э.[1]

М. Э. Воронец отмечает, что в качестве объекта изобразительного искусства змея характерна для искусства оседлого населения и что в Средней Азии ее изображения относятся ко времени еще до широкого проникновения сюда «кочевых и полукочевых элементов» — к периоду до VI—VII вв. н. э. Позже «изображения змей хотя и встречаются в изобразительном искусстве и в фольклоре, но утрачивают самостоятельное значение». Упомянутая Г. Кастанье скульптура двуголового змея датируется исследователем VI—VII вв. на основании сопоставления с позднесогдийскими керамическими поделками [2].

В статье 1940 г. Н. В. Дьяконова раскрыла вспомогательное семантическое значение змей. Антропоморфный образ со змеями, запечатленный в скульптуре, автор отождествил со знаменитым героем эпоса — Зохаком [4, с. 195, 209].

В широком аспекте рассматривает идеологические представления, связанные с образом змеи, С. П. Толстов в монографии, изданной в 1948 г. [5]. Однако нельзя не отметить, что в «глобальном» сравнительном анализе, проведенном исследователем, собственно среднеазиатский изобразительный материал занимает незначительное место. Тем не менее привлекаемые им письменные, этнографические и фольклорные источники представляют значительный интерес. В связи с образом змеи С. П. Толстов выдвигает на первый план так называемый близнечный миф, подчеркивая, что последний связан с тотемистической идеологией, отражает фратрийное деление рода в первобытной общине. В образе змеи исследователь видит также отражение и космогонических представлений многих древних народов [5, с. 196—209].

В 70—80-е годы в связи с публикацией печатей-амулетов из поселений дельты Мургаба [6], а затем и близких по характеру памятников Север-

[1] Датировка и переднеазиатский генезис каменного изваяния змей из Соха подтвердились дальнейшими исследованиями американского ученого Ф. Коля в области изучения интенсивных торговых связей Средней и Передней Азии в эпоху бронзы [3, с. 465, рис. 4].

ного Афганистана [7, с. 89, рис. 47] В. И. Сарианиди приводит весьма широкий круг аналогий в искусстве Древнего Востока, Ирана и Индии и привлекает общеэтнографическую литературу. Главные символические моменты образа змеи-дракона, по его истолкованию, следующие. Змеи — прежде всего «священные животные», олицетворяющие «положительное начало», «не враждебное людям». Они связаны с плодовитостью, «плодородием в его хтоническом аспекте». Автор подчеркивает фаллический аспект образа змеи и отмечает, что они изображены нападающими на других животных (быка), в связи с чем исследователь пишет: «Рептилии пытаются похитить какие-то могущественные, сверхъестественные силы, присущие животным» [6, с. 66]. Та же тема отражена на ритуальных сосудах эпохи бронзы из Пархайского могильника [8, с. 104, 105, рис. 3] и поселения Тоголок [9, с. 167—179]. В. И. Сарианиди указывает при этом на «авестийскую традицию». В данном аспекте представило бы значительный интерес сопоставление мургабских амулетов в качестве генетических прототипов с памятниками искусства западно-европейского митраизма позднеримской эпохи, где этот момент выступает с особой наглядностью [10, с. 93, табл. 1—3, 6—8, 11, 17, 18].

Опыт интерпретации культа змеи на основе изобразительного материала эпохи энеолита и бронзы юга Туркмении осуществили в специальной статье П. М. Кожина и В. И. Сарианиди [11, с. 35—40].

В исследовании семантики изобразительных мотивов мургабских печатей-штампов Е. А. Антонова значительное место уделяет образу змеи, змееподобных и драконоподобных существ. Очень ценно, что в основе реконструкции древних мифологических представлений земледельцев юга Средней Азии, Ирана, Месопотамии, Малой Азии, Индии лежит комплексный анализ древневосточной иконографии, письменных текстов и фольклорно-этнографических данных, построенный на обширной источниковедческой базе. Приведенные подробные комментарии, раскрывающие сакральный смысл изображений змеи как символа плодородия, представляют важный дополнительный материал к изучению древнеземледельческих культов [12, с. 13—31].

Б. А. Литвинский также пишет о сакральном значении изображения змей, считая основной их функцией охрану дома [13, с. 100]. Большое значение в понимании смыслового содержания древнего культа змеи имеют и работы, основанные целиком на материалах этнографии [14, с. 215—223; 15, с. 178; 16, с. 114, 115; 17, с. 130, 131].

В настоящее время общий фонд памятников искусства различных категорий, на которых изображены змеи или усложненные змеевидные образы, прежде всего драконы, достаточно велик: он включает памятники каменного века, эпохи бронзы и вплоть до раннего средневековья. Наиболее древними следует признать изображения змей на наскальных памятниках Зараут-сая [18, рис. 1], Саймалы-Таша [19, с. 62, рис. 12], Илян-сая [20], Могол-Тау [21]. Некоторые из них, надо полагать, принадлежат к эпохе неолита или даже мезолита (рис. 1).

В Южной Туркмении истоки культа змеи, связанного с универсальной идеей плодородия, восходят к эпохе энеолита. В IV тыс. до н. э. изображения змей встречаются на сосудах; слитность культа женского божества плодородия с культом змеи наблюдается с III тыс. до н. э. К этому периоду относится статуэтка со змеей на бедре, фрагмент сосуда из Алтын-депе с живописной сценой, где представлена женская фигурка в непосредственной связи со змеей [11, с. 35—40].

В большом изобилии изображения драконов и змей в сочетании с людьми и животными можно видеть на амулетах Мургаба эпохи бронзы [22, рис. 1, с. 224; 23, с. 210, 211, рис. 10] (рис. 2, *1*), на ритуальном сосуде из поселения Тоголок. Змеи поднимаются с земли, присасываются к животу животных и похищают живительное семя [9, с. 167—179]. Изображения змеи зафиксированы в керамике III тыс. до н. э. Намазга-депе [24, с. 42]. Из слоя Анау III происходит глиняная кружка на которой налепная змея, выполняя роль оберега, как бы ползет, поднимаясь к венчику сосуда [25, табл. 13, *2*].

Рис. 1. Изображение змей в сцене охоты Зараут-сая. Фототека ЛОИА 1481 (4)

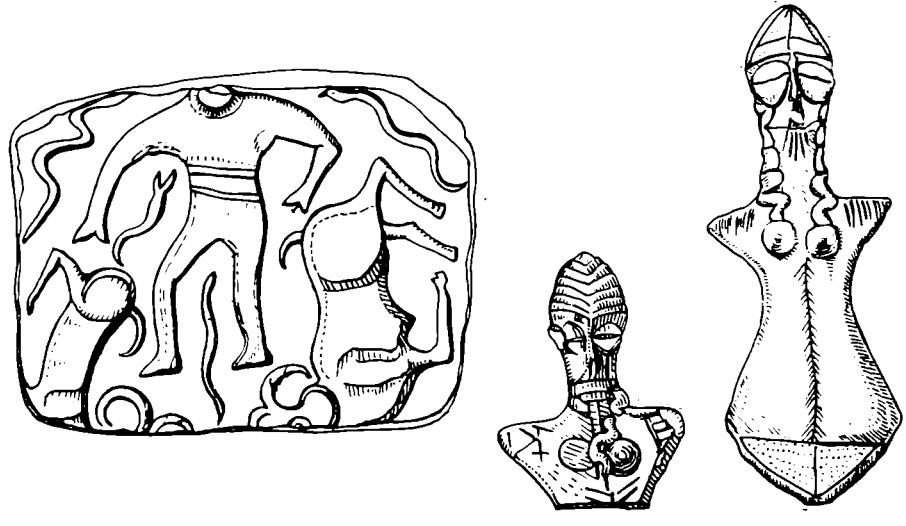


Рис. 2. *1* — композиция со змеями в сочетании с людьми и животными на амулете из Мургаба; *2, 3* — женские статуэтки II тыс. до н. э. с юга Туркмении

Слитность культа змеи и женского божества плодородия получает своеобразное воплощение в многочисленных статуэтках II тыс. до н. э. Некоторые экземпляры имеют символический атрибут в виде налепной змейки, располагающийся между грудями (рис. 2, *2*). Лица типичных богинь (рис. 2, *2*, *3*) обрамлены косами-змеями, спускающимися на плечи и грудь (Намазга-депе, Алтын-депе, Хопуз-депе) [26].

Эпохой бронзы датируется упомянутая каменная скульптура пары змей, найденная в Сохе.

Изображения змеи на памятниках искусства малых форм бронзового века встречаются в Туркмении, Узбекистане, Афганистане. На городище Сапалли-депе (юг Узбекистана) обнаружена печать с изображением четырех змей [27, с. 78, табл. XLIV]. На перегородчатой печати из Северного Афганистана ясно различается фигура божества, сидящего не то на змее, не то на драконе [28, с. 89, рис. 47].

Традиция изображения змей на культовых предметах юга Туркмении сохраняется и в эпоху железа: таковы композиции из четырех змей на металлических печатях Намазга-депе [29, с. 278, рис. 23]; носик сосуда

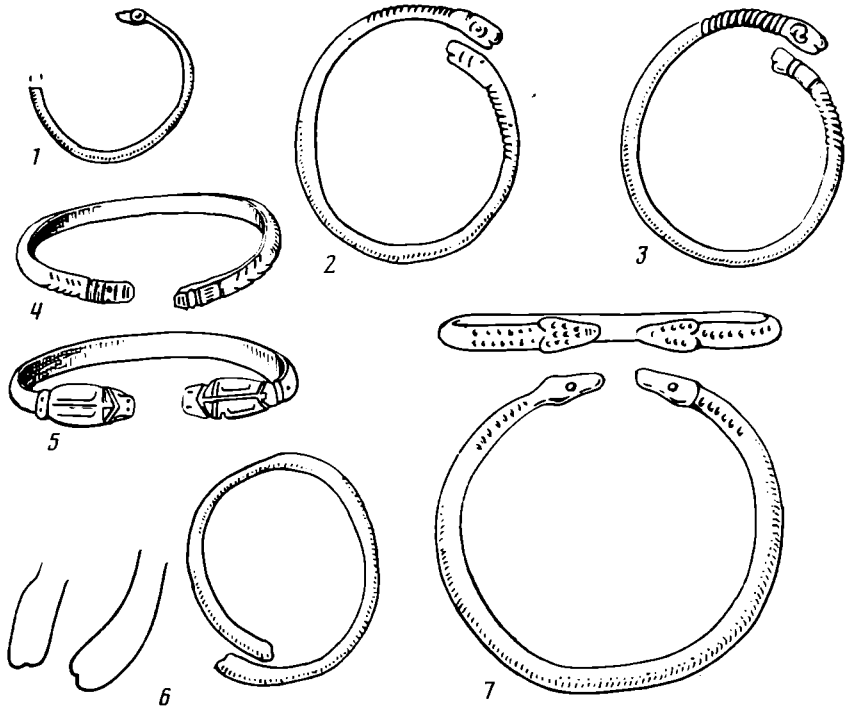


Рис. 3. Бронзовые браслеты, найденные в сако-усуньских погребениях и в могильниках Бактрии кушанского времени. *1—3* — находки из сако-усуньских погребений долины Или IV—II вв. до н. э. [33, рис. 80—81 (кург. 12, 14)]; *4, 5* — браслеты раннекушанского времени из Бактрии II в. до н. э.— I в. н. э. (Тулхарский могильник) [38, табл. LIV, *5*, табл. LV, *4*]; *6* – позднеусуньские браслеты с утолщенными концами — обобщенными зооморфными головками (возможно, змеиными) (*Кушаев Г. А.* Два типа погребений правобережья р. Или. Тр. ИИАЭ АН КазССР. Алма-Ата, 1955, с. 209, 214, табл. I); *7* — браслеты раннекушанского времени из Бактрии II в. до н. э.— I в. н. э. (Тулхарский могильник) [37, табл. XVII]

в виде головы змеи из поселения Тахирбой 3 середины — второй половины II тыс. до н. э. [30, табл. XII, *1*, XV, *1*].

Начиная с сако-ахеменидской эпохи и до кушанской включительно, изображения змей часто служат в качестве элемента украшения бытовых предметов прикладного искусства. Так, на ножнах VII—VI вв. до н. э. из Амударьинского клада в композицию сцен мидийского стиля включено изображение змеи [31, с. 43, 44]. Змея вместе с другими животными также воспроизведена на золотых ножнах меча V в. до н. э. из сакского кургана Иссык. Извивающиеся туловища рептилий показаны на острых окончаниях пластинок кинжала схематичными вертикальными волнистыми линиями с утолщенными концами, напоминающими змеиные головки [32, с. 29, 69, табл. 24]. Весьма распространены браслеты из золота и бронзы, заканчивающиеся головками змей. Таковы золотые браслеты амударьинского клада, на которых стилизованные головки, вполне возможно, не козлиные, а змеиные [31, с. 43, 44]. Таковы браслеты, связанные с сакской традицией [33, рис. 80, 81]. Символические изображения змей в виде накладных волнистых и изгибающихся лент встречаются на керамике греко-бактрийского [34, с. 118, рис. 18] и кушанского времени [35, с. 36, рис. 29]. В кушанское время продолжаются традиции изготовления браслетов со змеиными головками, бронзовые браслеты найдены при раскопках могильника в Кую-Мазаре в районе Бухары [36, с. 205—207] и Тулхарском могильнике в Бишкентской долине на юге Таджикистана [37, с. 51, табл. XVII, *6*, XVIII, *26*, X, с. 119, 120; 38, табл. IV, V, с. 119, 120] (рис. 3).

Для кушанской эпохи довольно типичен образ гиппокампа — фантастического гибридного существа коне-змея, коне-дракона, который встречен на хорезмийских печатях из Беркут-калы и на стеатитовых палетках, обнаруженных в основном в Афганистане [39, с. 19, табл. VI, *12*, с. 39, табл. XIX, *37*]. Одна стеатитовая палетка найдена также и на юге Тад-

Рис. 4. Змеи и драконы в иконографии маргианской богини. Богиня с изображением змей. *1* — оттиск из формочки — богиня с двумя зеркалами (Гяуркала — МГК); *2* — с зеркалом и сосудом $\left(\text{МГК, Р-6}\ \frac{\text{Б}-2}{\text{IX}}\right)$; *3* — с двумя зеркалами, одно из них с лучами, змея в виде ломаной линии (Чиркоу-депе); *5* — № 80 (МГК) — Институт искусствознания АН УзССР. Ташкент; *6* — фрагмент статуэтки с изображением ног богини и двух змей (Чанглы-депе) — Историко-краеведческий музей, г. Ашхабад, опись 147, № 3), инв. 2366. Богиня с драконом и сопутствующими змеями: *4, 7, 11* — МГК, $\text{Р-6}\ \frac{\Gamma-10}{\text{XI}}$; $\frac{2}{\text{VII}}$ (67), $\text{Р-6}\ \frac{\text{Я}-6}{\text{IX}}$ (83 В, XVII) — Институт искусствознания АН УзССР, г. Ташкент; *10* — Крылатый и рогатый дракон у ног богини (Гебекли-депе, Историко-краеведческий музей, г. Ашхабад) $\frac{0-137}{28}$, инв. список коллекций № 2002, опись № 137, инв. 2356

жикистана, на городище Яван в кушанском слое [39, табл. XLVI, *93*; 40, с. 165, рис. 4]. Всадник в кирбасии держит поводья, сидя на гиппокампе верхом. Гиппокамп изображен в летящем галопе. Передняя часть коня с характерным изгибом шеи моделирована тщательно, с хорошим знанием анатомической пластики. Туловище коня переходит в гибкий змеиный хвост, свернутый двойной петлей с круто загнутым кверху концом. Э. А. Юркович с помощью аналогий подтвердил популярность образа гиппокампа в искусстве Среднего Востока, на территории Бактрии, ирано-парфянского региона (Дура-Европос), Восточного Туркестана [41, с. 45—48; 42, табл. 3, с. 20—21; 43; 44, с. 106, 107]. Следует отметить, что дракон и драконоподобные гибридные существа — один из излюбленных сюжетов мастеров кушанских палеток [39, табл. XII, XVII, XVIII, XX, XXVI, XXVII, XXXIII, XXXIV]. С монетами кушано-сасанидских правителей в Дильберджине обнаружены стеклянный флакончик, обвитый лентой в виде змеи [35, с. 80, рис. 77].

В парфянскую эпоху (в первые века нашей эры) изображения змей и змееподобных существ встречаются в Маргиане на статуэтках женского божества с зеркалом. Змея в качестве атрибута, явно восходящая к древнейшим культам этой страны, одновременно является своеобразным признаком иконографии женского божества, наиболее характерным для этого региона. Змеи и драконоподобные двуголовые змеевидные существа изображались у ног богини. Средства изображения этих животных довольно примитивны. Толстые и тонкие извивающиеся туловища рептилий показаны то в виде тонких и толстых плавно извивающихся рельефных лент, то ломаными прерывистыми угловыми линиями, похожими на рисунок молнии. Молниеподобная змея наводит на мысль о космогоническом толковании рассматриваемой детали. Змеи в наиболее реалистической трактовке изображены поднимающимися вверх в стойке на загнутом хвосте. Различаются на статуэтках и бескрылые драконы с длинным уплощенным туловищем, с протянутыми вперед ногами и поднятым хвостом, с длинной змееподобной шеей либо с двумя головами (одна голова как бы вырастает из другой), либо с одной головой, увенчанной ветвистым рогом в виде пальметки-трилистника. Драконам всегда сопутствуют змеи (рис. 4). К этой категории вполне возможно отнести и бактрийскую статуэтку богини-матери с ребенком, на которой схематично обозначены по бокам две змеи, олицетворяющие плодотворящие силы природы [45, с. 32, 33, рис. 1].

Такова небольшая сводка памятников, связанных с культом змеи-дракона в Средней Азии в кушано-парфянскую эпоху.

Обратимся к памятникам изобразительного искусства Средней Азии раннего средневековья. Они представляют для нас особый интерес, поскольку приоткрывают перед нами новый важный этап в идеологии, связанный с образом змеи-дракона, а именно эпический.

Ко времени раннего средневековья следует отнести опубликованную Р. Гёблем группу монет, на которых змеи изображены вокруг головы правителя [46, т. I, с. 165; т. II, с. 228; т. III, табл. 66, с. 242 (*1—3*); т. IV, табл. 2, *50*].

Для раннего средневековья сравнительно многочисленный изобразительный материал, представляющий змей и драконов, дают систематически исследуемые согдийско-уструшанские археологические памятники: древний Пенджикент, Варахша, дворцовый комплекс Шахристана. Из числа находок на городище древнего Пенджикента отметим прежде всего происходящую из местной мастерской группу стеклянных сосудов, тулово которых обвито сверху донизу змеевидными налепами [47, с. 66, 67] (рис. 5). Аналогичный стеклянный сосудик найден на городище Аджинадепе [48, с. 23, 24]. Головками змей заканчиваются ручки глиняных сосудов. На концах некоторых бронзовых браслетов Пенджикента также следует видеть схематически выполненные головки змей. Выразительно и разнообразно переданы образы драконов на памятниках монументального искусства, особенно в скульптуре и живописи древнего Пенджикента. Таковы отдельно найденные глиняные фигуры драконов с характер-

Рис. 5. Стеклянный сосуд с изображением змеи. Пенджикент

ными крокодильими головами и изогнутыми спинами [49, с. 68, 72, табл. XXXVI, XXXVIII; 50, табл. 75]. Замечательным по исполнению представляется изображение двух драконов на частично сохранившейся глиняной скульптуре, условно названной «тпарой» [49, табл. XXXV; 50, табл. 76] (рис. 6). Эти существа с крокодильими головами и перевитыми длинными хвостами, лапами и крыльями расположены в позе яростной схватки. Вероятно, от аналогичного существа сохранилась голова дракона на глиняной рельефной панели в айване второго храма, рядом с тритоном [51, табл. 96] (рис. 7). Скульптурный образ дракона (не полностью сохранившийся), выполненный в штуке, найден в Варахше. По описанию В. А. Шишкина, это «чудовище с разинутой пастью и острыми зубами. На голове у него небольшие загнутые вперед рога. Уши прижаты к длинной изогнутой шее с гривой, обозначенной завитками с шерстью. Щека обрамлена треугольной бородкой» [52, с. 183, рис. 105]. Сходными по своему характеру и сюжету являются изображения драконов, выполненные в дереве, которые были открыты во дворце афшинов Уструшаны в Шахристане. В одном случае у дракона, по словам Н. Н. Негматова, «человеческие черты головы и корпуса» и ему навстречу «скачут две группы всадников». Другое изображение представляет дракона, поверженного воином-всадником [53, с. 353 362]. Фантастический образ двуглоповой змеи также соответствует средневековому этапу развитого мировоззрения эпосного содержания [2, с. 51, рис. 7].

Исключительно большой интерес представляют изображения змеи и драконовидных существ в живописи Пенджикента. Замечательно живописное изображение дракона с головой крокодила и телом в виде следующих друг за другом мощных колец, служащего седалищем-троном для женской четырехрукой богини [50, с. 13, 14, табл. 1].

Несомненно, наибольший интерес представляет изображение фантастического существа, которое мы вправе назвать драконом, открытое в многокадровой повествовательной живописной композиции, вошедшей в литературу под именем «Рустемиада». Здесь дракон представлен в наиболее сложном виде в трех кадрах. В двух из них у него голова львицы, верхняя часть туловища и руки человечьи, с плеч выступают крылья. Остальная часть его в виде мощного змеиного хвоста. Дракон как бы весь начинен огнем, который вырывается из многих нанесенных ему ран. К сожалению, от третьего кадра сохранилась только голова чудовища. У него голова льва с руками человека. Но безусловно, в полном виде он был сходен с изображением в первых двух кадрах [50, табл. 7]. Наконец, отметим, что на памятниках монументального искусства при изображении предметов материальной культуры последним приданы змееили драконообразные формы. Таковы, например, изображения мечей и кинжалов в пенджикентской живописи, рукояти которых заканчиваются головой дракона [50, с. 82, 128]. Также оформлены и некоторые наплечья доспехов [51, с. 82, 109]. Головой дракона украшена арфа [54, табл. XXXIV]. Так же оформлены рукояти мечей на известном биянайманском оссуарии [55, с. 168].

Упомянутую глиняную статуэтку Эрмитажа, изображающую человеческую фигуру с выступающими из плеч двумя змеями, Н. В. Дьяконова с полным основанием отождествила с образом знаменитого персидского эпоса — Зохаком [4, с. 196—209]. Едва ли вызывает сомнение, что

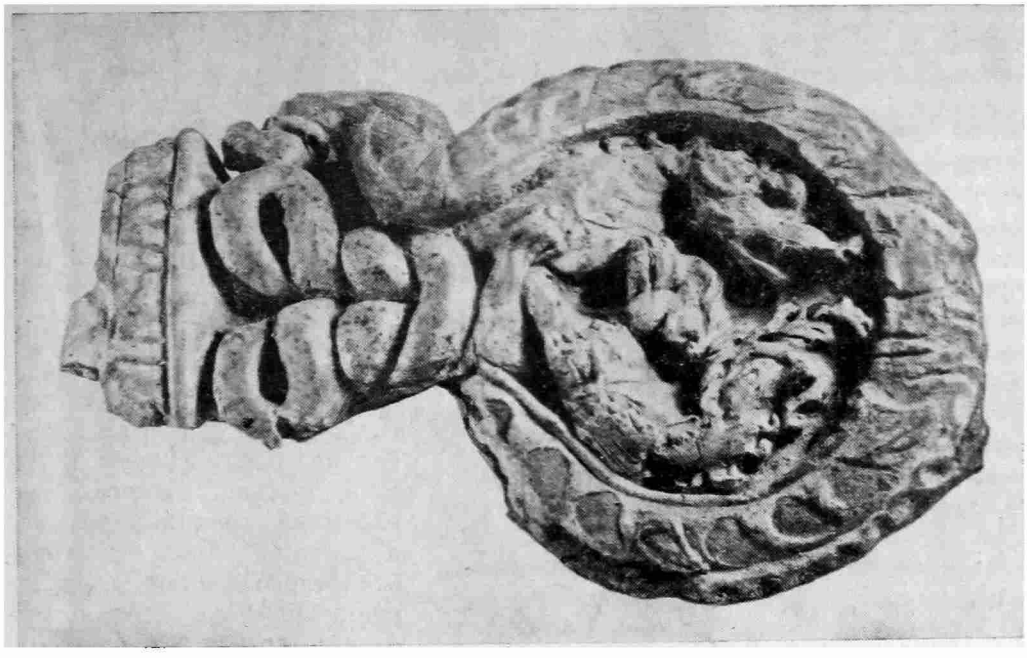


Рис. 6. Изображение двух драконов в схватке. Пенджикент

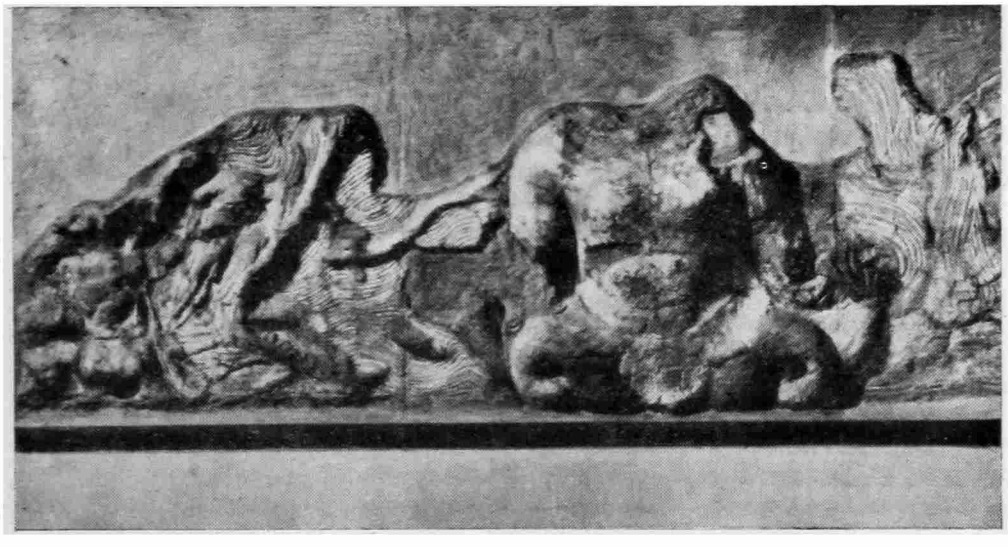


Рис. 7. Композиция на рельефной панели из Пенджикента

пенджикентский живописный памятник, изображающий персонаж в короне и с нимбом с вырастающими из плеч змеями, следует также идентифицировать с тем же эпическим героем, Зохаком — царем-тираном, как его рисует Фирдоуси в «Шахнаме» [51, с. 203, 204] (рис. 8). Н. Н. Негматов видит также образ Зохака на резном дереве Шахристана, трактуя композицию в целом как эпизод борьбы героя Феридуна — славного героя Шахнаме, освободителя страны от тирана — с узурпатором трона Зохаком [56, с. 64—66].

Особый интерес с точки зрения семантической символики представляет скульптурная голова Зохака со змеями, функционально выполняющая роль ручки крышки оссуария из Тараза, который датируется, как и весь оссуарный таразский комплекс, временем раннего средневековья — VI—VII вв. н. э. [57, с. 106, 107, рис. 40]. Образ дракона запечатлен на костяном сосуде (для хранения трута) из Сукулукского городища (слой V—VII вв. н. э.) [58, с. 146]. Изображение рептилий встречается и в искусстве зрелого средневековья: змеи на керамике Туркмении

Рис. 8. Изображение Зохака в живописи Пенджикента

[59, с. 84, 85] и дракон на медальоне из Отрара XII—XIII вв. [60, с. 229].

Образы змей, драконов Зохака сохранились в этнографии Средней Азии не случайно. Запись, сделанная Г. П. Снесаревым в Хорезме, в этом отношении представляет значительный интерес. Приведем в сокращенной форме его сообщение: «В 50 км от Куня-Ургенча издавна почитался мазар святого с весьма оригинальным именем Аждар-Бобо; аждар, аждархо — так народная традиция повсюду в Средней Азии именовала сказочного дракона с огнедышащей пастью, образ которого восходит к авестийскому Ажи-Дахаке, ипостаси божества зла Ангро-Майнью». Г. П. Снесарев приводит легенду, услышанную им от местного жителя — ответ на вопрос о том, почему так назван мазар: «Да потому, что этот святой все сметал на своем пути, пусть даже миллион людей ему встретится... Аждар-бобо на всех наводил ужас одним своим видом» [16, с. 291, 292].

Мы можем с полным основанием отнести к определенному эпическому сюжету сцены борьбы героя с драконом, как они воплощены в пенджикентской живописи, в композиции, названной Рустемпадой. Сопоставление данного сюжета в целом со знаменитой эпической поэмой «Шахнаме» Фирдоуси сделано в ряде публикаций. Не повторяя сказанного, приведем значительный материал из таджикской этнографии, характеризующий образ дракона, записанный А. А. Семеновым. «По берегам горных речек, в мрачных ущельях гор, где зарождаются шумные потоки, обитают драконы (аждахоры) — чудовища в виде больших змей без ног, с длинной гривой, с громадной головой и страшной пастью, которая усажена острыми и крепкими зубами. Из пасти дракона выходит дым и огонь и постоянно истекает желтая ядовитая слюна. Пасть дракона и глотка так велики, что проглотить человека для него ничего не значит. Драконы очень любят лакомиться человеческим мясом и потому, как только завидят человека, стараются втянуть его в себя, с необыкновенной силой вбирая в себя воздух. Попав в эту воздушную струю, человек, как перо, летит к пасти дракона и отуманенный зловонными испарениями, выходящими изо рта последнего, обожженный его огнем без чувств падает в рот аждахора, который и пожирает его. Все драконы и змеи гор подчиняются живущему в недоступных для людей заоблачных высях гор «Змеиному Царю» (Шохи-Моро), который обитает в своей столице — «Змеином городе». Он великий волшебник, и окружающая его свита старается превзойти друг друга в совершении различных невиданных и небывалых про-

явлений волшебной силы» [61, с. 77]. Сходство этого описания с художественным образом, созданным неведомым художником на пенджикентской росписи, следует признать поразительным. Вместе с тем при сравнении всего сюжета в целом с трактовкой его в «Шахнаме» и в приведенном этнографическом материале о полном тождестве их не приходится, разумеется, говорить.

В пенджикентской росписи, очевидно, отражен мотив подвига. В росписи представлена женская фигура с челом, украшенным повязкой типа диадемы. Женщина помещена позади горы, у подножия которой лежит поверженный змей. По всей вероятности, речь идет об освобождении царской дочери, оказавшейся в плену у чудовища в горах. Было высказано предположение, согласно которому в трактовке пенджикентской живописи нашли отражение и элементы легенды о Георгии Победоносце, распространенные в странах Ближнего Востока в эпоху раннего средневековья. Подтверждением тому является ряд деталей в иконописной христианской трактовке этой легенды и также в изобразительной ее передаче [62, с. 100].

Этнографический материал указывает на двойственное отношение к змее в Средней Азии. На Памире змея почиталась как благодетельное существо. Согласно М. С. Андрееву, помещение змеи в стойле для скота уже должно было содействовать умножению скота [63, с. 222]. В Хорезме, по наблюдениям Г. П. Снесарева, к змее было и положительное и отрицательное отношение [64, с. 46—49].

Весьма значительный интерес представляют записи этнографа А. К. Писарчик [15, с. 173], сделанные в Канибадаме и Бухаре. Так, в записи из Канибадама читаем: «Душа человека воплощается после смерти в птице, драконе или змее. Запрет убивать змею в доме, кладбище, мазаре распространяется и на ядовитых. Эроны Бухары делят змей на вредных и безвредных — последние воплощение душ умерших». Таджикский этнограф М. Хамиджанова опубликовала специальную статью, сопроводив ее интереснейшими иллюстративными материалами по апотропейному характеру изображений змей на предметах детской одежды [14, с. 220, рис. 53].

Трактовка дошедших до нас памятников искусства Средней Азии не покрывает собой, разумеется, весь круг идеологических представлений, с которыми были связаны образы змей и дракона в Средней Азии на протяжении многих веков развития культуры ее народов. Ограничимся указанием на основные смысловые расшифровки образов змей и змееподобных существ на среднеазиатском материале. Это прежде всего связь змеи и дракона с загробным миром. В отношении среднеазиатских народов хтоническое начало, связанное с образом змеи-дракона, отмечают большинство исследователей. В еще большей степени, чем ряд других представителей мира животных, змея и дракон связаны с водной стихией. Об этом свидетельствуют прямые сообщения дошедших до нас письменных источников. Различные водоемы, озера, реки и даже колодцы являются излюбленным местопребыванием змей и драконов. Письменные источники называют конкретные водоемы, которые служат местопребыванием дракона.

Змеи и драконы олицетворяют идею плодородия и являются существенным атрибутом иконографии женского божества юга Средней Азии (в древнейшей архаической Туркмении) и в кушано-парфянскую эпоху (в Маргиане и Бактрии). Этот аспект змеи нашел отражение и в среднеазиатском фольклоре [63, с. 49]. Змея-молния — понятие, хорошо известное в древнеарийских воззрениях [65, с. 99]. Символика образа змеи связана с космогоническим началом, с представлением о «бесконечности времени». Она нашла отражение в иконографии Зрвана — важнейшего персонажа пантеона митраизма [66, с. 103, рис. 25; 67, с. 222].

В средневековый период, с момента коренной ломки мировоззрения, преобладающим образом становится дракон, олицетворяющий темные, злые силы. Тема победного сражения героя эпоса с драконом становится традиционной. Таковы некоторые аспекты расшифровки семантики с тен-

денцией эволюции образа змеи-дракона на основе обзора имеющихся в нашем распоряжении в настоящий момент памятников изобразительного искусства Средней Азии. Они пополняют источниковедческую базу исследования столь популярного зооморфного сюжета на материалах Средней Азии в широких хронологических пределах от мезолита до раннего средневековья.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Кастанье Г.* Культ змей у различных народов и следы его в Туркестане.— ПТКЛА. Год семнадцатый. Ташкент, 1913.
2. *Воронец М. Э.* Каменное изображение змей из кишлака Сох Ферганской области.— КСИИМК, 1956, вып. 61.
3. *Kohl Ph. L.* The Balance of Trade in Southwestern Asia in the Mid-Third Millennium B. C. Current Antropology.— A world J. scien. man, September, 1978, v. 19, № 3.
4. *Дьяконова Н. В.* Терракотовая фигурка Зохака.— Тр. Отдела Востока Гос. Эрмитажа. Т. III. Л., 1940.
5. *Толстов С. П.* Древний Хорезм. М., 1948.
6. *Сарианиди В. И.* Печати-амулеты мургабского стиля.— СА, 1976, № 1.
7. *Сарианиди В. И.* Древние земледельцы Афганистана. М.: Наука, 1977.
8. *Хлопин И. Н., Хлопина Л. И.* Второй сезон раскопок могильника Пархай-II.— КСИА, 1983, вып. 176.
9. *Сарианиди В. И.* Культовый сосуд из Маргианы.— СА, 1980, № 2.
10. Ђотовић Љубице. Митраизам на тлу југославије. Београд, 1972.
11. *Кожин П. М., Сарианиди В. И.* Змея в культовой символике анаусских племен.— В кн.: История, археология и этнография Средней Азии. М.: Наука, 1968.
12. *Антонова Е. В.* Мургабские печати в свете религиозно-мифологических представлений первобытных обитателей юга Средней Азии и их соседей.— В кн.: Средняя Азия, Кавказ и зарубежный Восток в древности. М.: Наука, 1983.
13. *Литвинский Б. А.* Кангюйско-сарматский фарн (к историко-культурным связям племен Южной России и Средней Азии). Душанбе: Дониш, 1968.
14. *Хамиджанова М.* Некоторые представления таджиков, связанные со змеей.— Тр. АН ТаджССР. 1960, т. 120.
15. *Писарчик А. К.* Раздел «Смерть и похороны».— В кн.: Таджики Каратегина и Дарваза. Вып. 3. Душанбе: Дониш, 1976.
16. *Снесарев Г. П.* Реликты домусульманских верований и обрядов у узбеков Хорезма. М.: Наука, 1969.
17. *Чвырь Л. А.* Опыт анализа одного современного обряда в свете древневосточных представлений.— В кн.: Средняя Азия, Кавказ и зарубежный Восток в древности. М.: Наука, 1983.
18. Материалы поездки Парфенова Г. В. в Зараут-сай УзССР. Фототека ЛОИА АН СССР, инв. 1481—62(4).
19. *Бернштам А. Н.* Наскальные изображения Саймалы-таш.— СЭ, 1952, № 2.
20. *Сухарев И. А.* Наскальные изображения Илян-сая.— Социалистическая наука и техника. Ташкент, 1938, № 3.
21. *Маджи А. Е.* Наскальные рисунки в горах Могол-тау.— ИООН АН ТаджССР, 1957, вып. 14.
22. *Sarianidi V. J.* Seal Amulets of the Murghab Style.— In: The Bronze Age Civilizating of Central Asia. Recent Soviet Discoveries/Ed. with an introduction by Kohl Philip. N. Y., 1981.
23. *Masimov J. S.* The Study of Bronze Age Sites in the Lower Murghab.— In: The Bronze Age Civilization of Central Asia. Recent Soviet Discoveries/Ed. with an introduction by Kohl Philip. N. Y., 1981.
24. *Литвинский Б. А.* Намазга-тепе по данным раскопок 1949—1950 гг.— СЭ, 1952, № 4.
25. *Pumpelly R.* Explorations in Turkestan. Expedition of 1904. Prehistoric civilization of Anau. Wash., 1908, v. 1.
26. *Массон В. И., Сарианиди В. И.* Среднеазиатская терракота эпохи бронзы. М.: Наука, 1973.
27. *Аскаров А.* Древнеземледельческая культура эпохи бронзы Юга Узбекистана. Ташкент: Фан, 1977.
28. *Сарианиди В. И.* Древние земледельцы Афганистана. М.: Наука, 1977.
29. *Куфтин Б. А.* Полевой отчет о работе XIV отряда ЮТАКЭ по изучению культуры первобытно-общинных оседлоземледельческих поселений эпохи меди и бронзы в 1952 г.— Тр. ЮТАКЭ, 1956, т. 7.
30. *Массон В. М.* Древнеземледельческая культура Маргианы.— МИА. 1959, № 73.
31. *Зеймаль Е. В.* Амударьинский клад. Л.: Искусство, 1979.
32. *Акишев К. А.* Курган Иссык. Искусство саков Казахстана. М.: Искусство, 1978.
33. *Акишев Г. А., Кушаев Г. А.* Древняя культура саков и усуней долины реки Или. Алма-Ата: Изд-во АН КазССР, 1963.
34. Fouilles d'Aï Khanoum, 1.— MDAFA, 1973, t. XXI (planches).
35. *Кругликова И. Т., Пугаченкова Г. А.* Дильберджин. М.: Наука, 1977.
36. *Обельченко О. В.* Курганные могильники эпохи кушан в Бухарском оазисе В кн.: Центральная Азия в эпоху кушан. Т. I. М.: Наука, 1974.

37. *Мандельштам А. М.* Памятники кочевников кушанского времени в Северной Бактрии. Л.: Наука, 1975.
38. *Мандельштам А. М.* Кочевники на пути в Индию.— МИА, 1966, № 136.
39. *Francfort H. P.* Les palettes du Candhara.— MDAFA, 1979, t. XXIII.
40. *Юркевич Э. А.* Городище кушанского времени на территории Северной Бактрии.— СА, 1965, № 4.
41. *Тревер К. В.* Памятники греко-бактрийского искусства. М.— Л.: Изд-во АН СССР, 1940.
42. *Bernard P., Francfort H. P., Gardin J. C.* Fouilles d'Aï Khanoum (Afghanistan) campagne de 1974.— Bull. de l'Ecole Français d'Extrême — Orient, P., 1976, t. 63.
43. *Rostovzeff M.* Dura and the problem of parthian art.— Yale Classical Studies. New Haven, 1935, v. V.
44. *Grunwedel A.* Altbuddhistische Kultstatten in Chinesische Turkestan. B., 1912.
45. *Бабаев А. Д.* Коропластика Чим-Кургана (Северный Таджикистан).— СА, 1982, № 4.
46. *Göble R.* Dokumente zur Geschichte der Iranischen kunnen in Bactria and Indien. Wiesbaden, 1967, B. I—IV.
47. *Беленицкий А. М., Бентович И. Б., Большаков О. Г.* Средневековый город Средней Азии. Л.: Наука, 1973.
48. *Литвинский Б. А., Зеймаль Е. В.* Аджина-Тепе. М.: Искусство, 1971.
49. *Беленицкий А. М.* Новые памятники искусства древнего Пенджикента.— В кн.: Скульптура и живопись Древнего Пенджикента. М.: Наука, 1969.
50. *Беленицкий А. М.* Монументальное искусство Пенджикента. М.: Искусство, 1973.
51. *Belenizki A. M.* Mittelasien Kunst der Sogden. Lpz.. 1980.
52. *Шишкин В. А.* Варахша. М.: Изд-во АН СССР, 1963.
53. *Негматов Н. Н.* Резное дерево дворца афшинов Уструшаны.— В кн.: Памятники культуры. Новые открытия. Письменность. Искусство. Археология (1976). М.: Наука, 1977.
54. Живопись древнего Пенджикента. М.: Изд-во АН СССР, 1954.
55. *Ставиский Б. Я.* Оссуарии из Бия-Наймана.— Тр. ГЭ, 1961, т. 6.
56. *Воронина В. Л., Негматов Н. Н.* Открытие Уструшаны.— В кн.: Наука и человечество. М.: Знание, 1975.
57. *Ремпель Л. И.* Некрополь древнего Тараза.— КСИИМК. 1957, вып. 69.
58. *Бернштам А. Н.* Историко-археологические очерки Центрального Тяньшаня и Памиро-Алтая.— МИА. 1952, № 26.
59. *Лунина С. В.* Зооморфные сюжеты в керамике со штампованной орнаментацией из гончарной мастерской XII — начала XIII в. квартала керамистов Старого Мерва.— Тр. Ташкент. гос. ун-та им. В. И. Ленина. Вып. 172. Ташкент, 1960.
60. *Акишев А. К., Байпаков К. М.* Медальон с изображением борьбы с драконом из Отрара.— СА, 1981, № 4.
61. *Семенов А. А.* Этнографические очерки Зеравшанских гор Каратегина и Дарваза. М., 1903.
62. *Belenitskij A. M., Marchak B. J.* Theme: Subjekt Matter and Iconography in Secular Imagery.— In: Azarpay Sogdian Painting. Berkley, Los Angelos, London, 1981.
63. *Андреев М. С.* Таджики долины Хуф. Вып. 1.— Тр. АН ТаджССР. 1953. т. VII.
64. *Снесарев Г. П.* Как вы относитесь к змеям?— Наука и религия, 1983, № 3.
65. *Афанасьев А. Н.* Древо жизни. М.: Современник, 1983.
66. *Беленицкий А. М.* Находка железного ключа.— КСИА, 1949, вып. XXIX.
67. *Беленицкий А. М.* Железный ключ из Пенджикента.— МИА, 1950, № 15.

A. M. Belenitsky, V. A. Meshkeris

DRAGONS IN ANCIENT CENTRAL ASIAN ART

Summary

The article brings together all materials associated with representations of serpents and dragons in painting, plastic art, ornaments found on pottery, seals, terra-cotta figurines, glass and metal objects which span the time from the Neolithic to the early Middle Ages. The authors try to interpret these subjects in the sculpture and painting of Penjikent, Varakshi and Shakhristan drawing on epic songs and ethnographic materials.

А. К. АМБРОЗ

КИНЖАЛЫ V В. С ДВУМЯ ВЫСТУПАМИ НА НОЖНАХ

«Значение оружия как предмета археологических и исторических исследований обусловливается исключительностью положения, которое оно занимало в народной жизни минувших веков; как предмет первой тогда необходимости, от боевых качеств и годности которого зависели жизнь, свобода и состояние как отдельного лица, так и всего народа, оружие, естественно, должно было занимать одно из первых мест в жизненной обстановке и привлекать к себе лучшие производительные силы страны. Выделка его находилась в руках наиболее искусных мастеров» [1, с. 2]. А для рассматриваемых здесь эпохи великого переселения народов и раннего средневековья изучение оружия позволяет характеризовать уровень не только военного дела, но и ремесел, воскресить забытые страницы истории прикладного искусства: находки оружия особенно красноречиво говорят о некогда существовавших оживленных связях между разными, подчас самыми удаленными частями Евразии.

Цель этой статьи — в какой-то мере заполнить пробел в изучении раннесредневекового вооружения, дав обзор кинжалов с двумя выступами для подвешивания на ножнах. Существует немалая археологическая литература о мечах, луке, доспехах. Но и такое скромное оружие, как кинжал, почти забытое исследователями, оказывается не менее, а подчас даже более информативным. Поводом к написанию статьи стал обмен мнениями с д-ром Вакоу Анадзава (Япония), которому автор сердечно благодарен за ту доброжелательность, с которой он знакомил меня с новейшей литературой по дальневосточной археологии, важной для поднимаемой здесь темы.

Обычно от кинжала или меча сохраняется лишь железная полоса без всяких следов рукояти и ножен, т. е. утрачивается значительная часть информации, изучаемой оружиеведением. Рукоять и ножны очень важны для датирования, выяснения ремесленных традиций, связей, взаимовлияний. В ходе работы удалось выявить ряд великолепных художественно исполненных образцов, сохранившихся в обломках и подчас относимых к категории предметов неизвестного назначения. Вообще археологические находки кинжалов нечасты, но, судя по восточной живописи V—VIII вв. и тюркским статуям VII—VIII вв., они, как правило, сопутствовали мечу, а в некоторых случаях оставались единственным «домашним» оружием представителей правящего класса.

Способы подвешивания клинков, а с ними и формы ножен менялись в течение I тыс. н. э., причем не всегда синхронно для мечей и кинжалов, на что первым указал Б. И. Маршак. Римляне вешали их за петли по обе стороны ножен, но с конца III в. в обиходе их знати фиксируются более длинные мечи со скобой (статуи тетрархов в Венеции, 293—305 гг.) [2, рис. 4, *3*], которые уже в первые века нашей эры широко бытовали у народов Азии от Кореи до Ирана и у сарматов Восточной Европы [3, с. 14, 24—27]. Скобу делали из ценных пород камня, железа или бронзы, но чаще, видимо, из дерева, и тогда она не сохранялась. Скоба имела снизу выступы, крючки, паз в середине, как-то сцеплялась с плоскостью ножен, и под нее продевался скользящий ремень, свисавший с боевого пояса,— меч висел вертикально, и его придерживали рукой или ногой (рис. 1, *8*, *9*). Впрочем, иногда меч висел наклонно, тогда возле скобы, как бы упираясь в нее, видна округлая наременная бляха

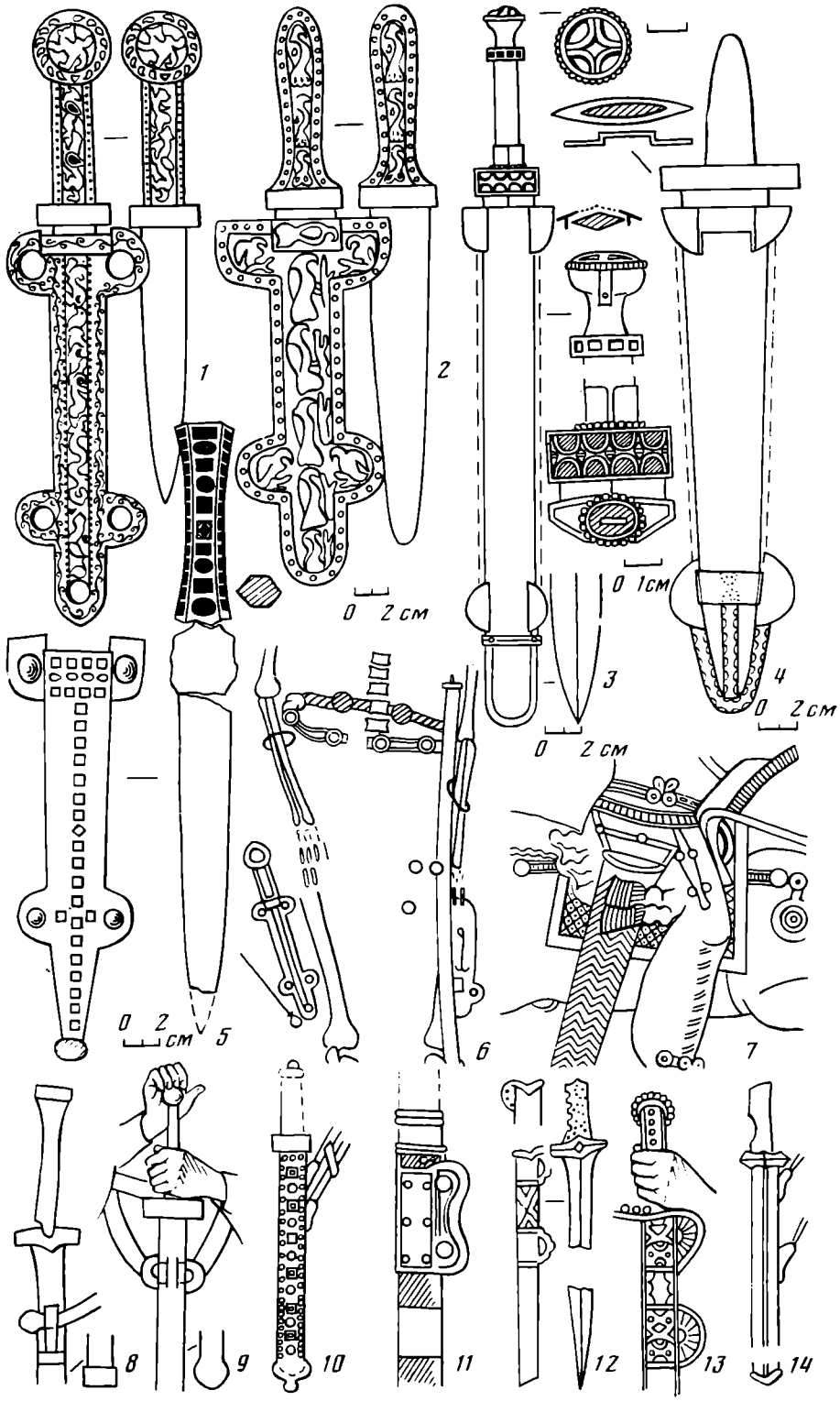


Рис. 1. Кинжалы I—V вв. с двусторонними выступами на ножнах и некоторые формы мечей I—VIII вв. *1, 6* — Тилля-тепе; *2* — Анапа; *3, 4* — Цибилиум I, могилы 43 (*3*), 39 (*4*); *5* — Армазис-хеви; *7* — Малая Перещепина; *8* — Курган-тюбе; *9* — блюдо Хосрова I; *10* — Так-и-Бустан; *11* — Аньян, могила Чан Шэна; *12* — блюдо со сценой поединка; *13* — Фундукистан; *14* — блюдо Пур-и-Вахмана. *1, 6, 13* — Афганистан; *2—5* — Кавказ; *7* — Украина; *8* — Узбекистан; *10* — Иран; *11* — Китай

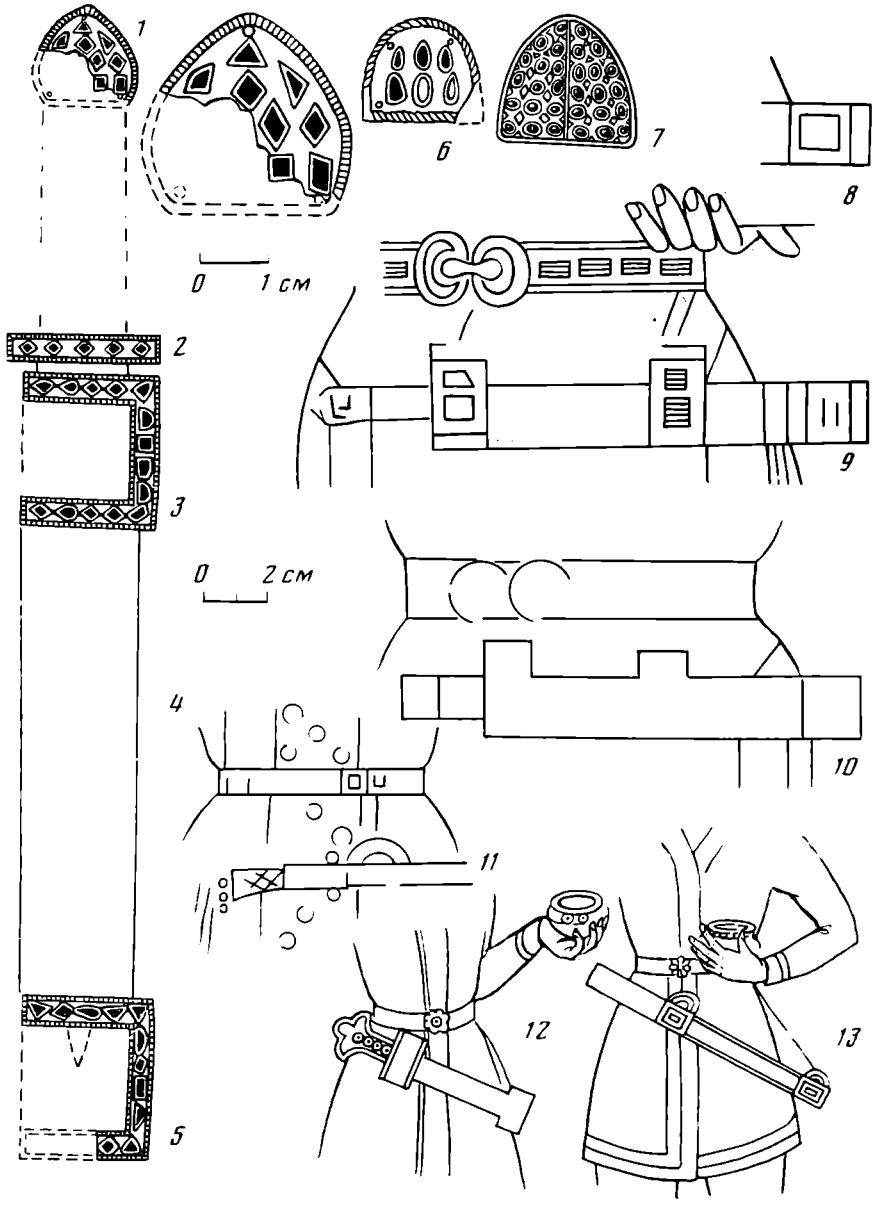


Рис. 2. Кинжалы V в. с двумя боковыми выступами. *1—5* — Новогригорьевка, могила VIII (реконструкция); *6* — Щербатая котловина; *7* — Кучугуры; *8—11* — Пенджикент, живопись северной капеллы во дворе II храма; *12, 13* — Кызыл, оазис Куча, живопись из пещеры художников. *1—7* — Украина; *8—11* — Таджикистан; *12, 13* — Восточный Туркестан. *1—7* — золото и сердолик; *8—13* — живопись. *6—13* — без масштаба

(рис. 1, *8* и некоторые сасанидские скальные рельефы). Но в основном положение меча было неустойчивым, и, вероятно, он мог мешать воину при движении. Мечи со скобой последний раз изображены в Иране на рубеже VI—VII вв. в Так-и-Бустане как церемониальное оружие, а в Пенджикенте и афганистанском Фундукистане даже в VIII в. наряду с мечами более совершенной конструкции — с двумя боковыми выступами на ножнах для фиксированного наклонного подвешивания (рис. 1, *10*, *12—14*). На западе и севере Европы вертикальное подвешивание тоже сохранялось долго.

Кинжалы вплоть до первых веков нашей эры имели ножны с четырьмя парными выступами по краям (рис. 1). Они то висели вертикально, то привязывались к правому бедру двумя ремешками [3, с. 13, 14, 27]. Самые ранние находки III—II вв. до н. э. сделаны в Горном Алтае [4], самые поздние, второй половины V и начала VI в.,— в Абхазии (рис. 1, *3*, *4*) [5, с. 148—154, рис. 17—19]. Их изображения есть в Иране

I—V вв. (рис. 1, *7* — два блюда 457—483 гг.). Роскошные образцы I—III вв., обложенные золотом и ценными камнями, найдены в Афганистане (рис. 1, *1*, *6*) [6, рис. 38, 45—47 и между с. 32, 33], Анапе (рис. 1, *2*) [7, цветные фото 16, 18] и Мцхете (рис. 1, *5*) [8, табл. I, III, XXXVIII, LII, LIII]. Обычно, как и на Алтае, твердая обкладка была лишь с лицевой стороны, а с изнанки клинок прикрывался кожей, возможно, с мягкой прокладкой, так как привязывался к телу. Часто встречается ложная крестовина — выделенное рельефом устье ножен, охваченное с боков выступами (рис. 1, *1*, *2*). Этот прием появился на гораздо более древних ножнах иранских и скифских мечей (рельефы Персеполя, Келермес, Литая могила) и встречался на восточных кинжалах из Керим-ло и Борового еще в VI—VII вв. н. э., т. е. спорадически появлялся в течение полутора тысячелетий.

Следующий этап развития ножен — подвешивание их слева в наклонном или горизонтальном положении за два боковых выступа (рис. 1, *10—14*). У мечей оно появилось во второй половине VI в. (рис. 1, *10*), у кинжалов — уже с начала V в. (рис. 2, *1—5*). Известные пока ранние выступы кинжалов — прямоугольные и полукруглые (рис. 2, *9—13*); позднее, со второй половины VI в., к ним прибавились асимметричные Р-образные. Происхождение ножен с двумя выступами неясно: или это совершенно новое изобретение, или переработка ножен с четырьмя выступами. Кинжалы новой формы, судя по изображениям, согдийцы носили у самого пояса в горизонтальном положении (рис. 2, *8—11*), тохары Восточного Туркестана — чаще наклонно (рис. 2, *12*, *13*). На Востоке сами кинжалы V в. пока не найдены, только их изображения.

Кинжал в золотых ножнах с двумя выступами, относящийся к гуннскому времени первой половины V в., можно реконструировать по обломкам из кочевнической VIII могилы в Новогригорьевке на Днепре (рис. 2, *1—5*) [9, с. 15]. Рисунок кинжальной полосы, хранящейся в Эрмитаже, до сих пор не опубликован, есть лишь краткое описание: клинок обоюдоострый, эллиптический в разрезе, самый конец острия отломан, сохранившаяся длина 19,5, ширина у основания 3 см. Стержень рукояти плоский, размеры не указаны. К кинжалу Т. М. Минаева отнесла гладкие обкладки из слабо сужающихся золотых листов размерами 14,2×3,8 — 3 см, с загнутыми продольными краями; отверстий от гвоздиков на обкладках нет (рис. 2, *4*) [10, с. 95]. Среди часто публикуемых инкрустированных предметов «неизвестного назначения» из той же находки [10, с. 97, табл. IV, *29*, *30*; 11, с. 73, 74, табл. V, *85*] можно выделить и другие позолоченные детали оформления кинжала (рис. 2, *1—3*, *5*). Это бронзовые пластинки с накладными бордюрами из рубчатой проволоки, обернутые листками золота, на которых подложенная проволока оттиснулась выпуклыми валиками, а все свободное пространство густо заполнено мелкими угловатыми сердоликами в низких гнездах из золотых ленточек с заходящими концами. Они сделаны из бледного золота, как и гладкие обкладки, и по характеру исполнения составляли один комплект. Прямая полоска (рис. 2, *2*) сохранила следы того, что когда-то с одного конца загибалась, как более широкие обкладки крестовин мечей V в. Сердцевидную пластинку со следами гвоздиков (рис. 2, *1*) можно сопоставить не только с близкими пластинками находок (рис. 2, *6*, *7*) [11, с. 59, № 49, с. 62, № 57, 58, табл. V, 57, 58], но и с плоскими или слаборебристыми набалдашниками кинжалов I—VII вв. (рис. 1, *1*; рис. 3, *5*, *6* и др.). Традиция завершать кинжал плоским сердцевидным навершием сохранилась на Востоке до XIX—XX вв. Загадочные П-образные рамки (рис. 2, *3*, *5*) можно определить только как оковки двух боковых прямоугольных выступов для подвешивания ножен, как это видно на восточных и тюркских изображениях (рис. 2, *9*, *10*, *12*). Расположение выступов на концах новогригорьевских ножен определяется параметрами клинка, обкладок и отсутствием на средней обкладке следов от штифтов, которых на каждой П-образной пластинке было по четыре. Общая длина реконструированных ножен составит 23,6 см — лишь на 4,1 см длиннее клинка с обломанным концом. Как

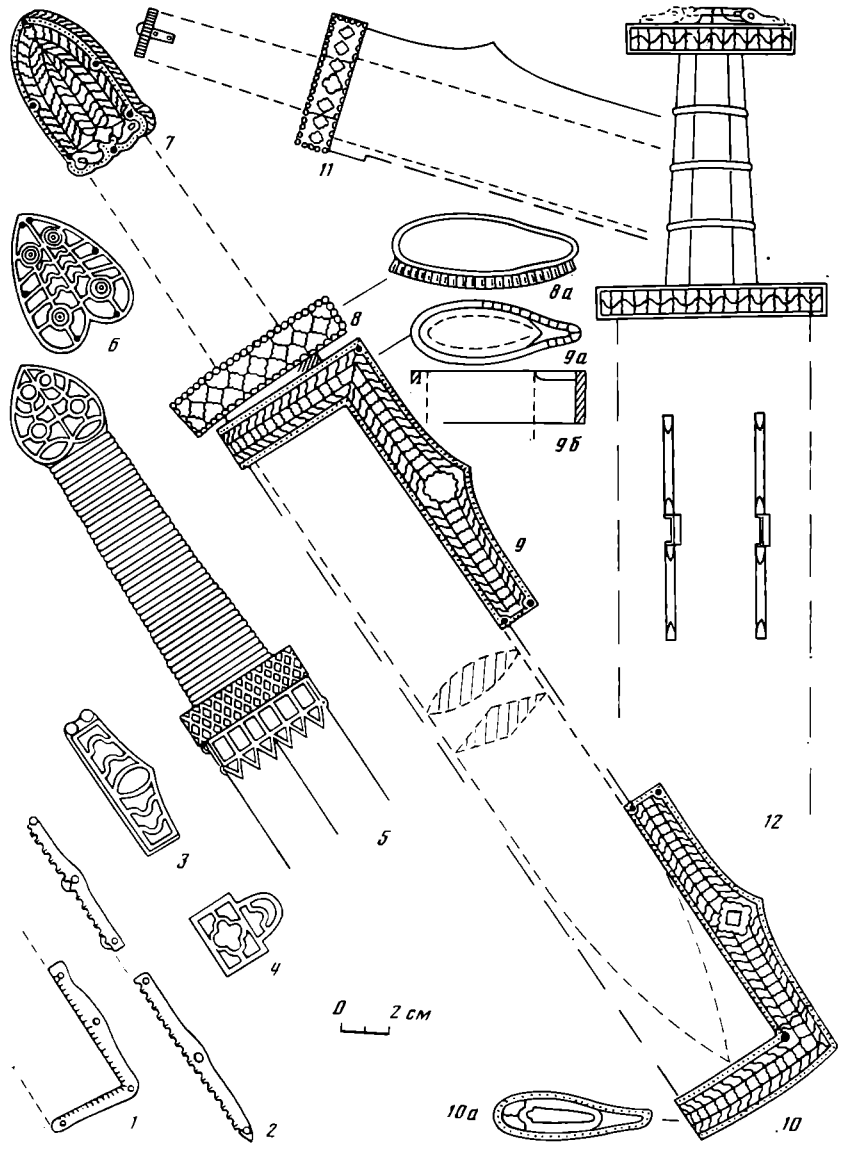


Рис. 3. Оружие V в. и его детали из Средней и Западной Европы. *1* — Чонград-Кендерфёльдек, могила 28; *2* — Кёрёшладань; *3, 4* — Кляйн-Хюнинген; *5* — Пуан; *6* — Неметкер; *7—12* — Турнэ, могила короля Хильдериха 482 г. *1, 2, 6* — Венгрия; *3, 4* — Швейцария; *5* — Франция; *7—12* — Бельгия. *7—12* — золото, гранаты. Реконструкции по Х. Арбману (*11, 12*) и А. К. Амброзу (*7—10*). *3—5, 11* без масштаба

видно на примере мечей того же времени, конец кожен имел внутри деревянную «пробку» не тоньше 1,5—2 см [2, рис. 2].

В целом эта очень яркая и красивая вещь явно восходит к восточным прообразам, у которых выступ помещался и на конце ножен (рис. 2, *12, 13*), но сделана она в местной степной восточноевропейской технике «эпохи государства Аттилы» местным мастером. Пока новогригорьевский кинжал с односторонними выступами на ножнах — самый ранний в Евразии. Далее по времени следуют согдийские изображения (рис. 2, *8—11*), относимые «примерно к концу V — началу VI в.» [12, с. 34; 13, с. 58—61; 14, рис. 24]. Они найдены в северной капелле II храма Пенджикента под закладкой, содержавшей обломки посуды V в. Кинжалы висят в горизонтальном положении слева у поясов донаторов. Видны два узких ремешка для подвешивания (рис. 2, *9*), показаны инкрустации. К тому же времени относят живопись пещеры художников в Куче, в Восточном Туркестане (рис. 2, *12, 13*) [12, с. 36; 15, рис. 336—338; 16, с. 27, 28]. Судя по всем этим данным, кинжалы с двумя выступами ранее V в. пока не известны. Их появлению предшествовало широкое употребление кинжалов с четырьмя выступами, носимых

чаще справа, и в течение V в. одни были постепенно вытеснены другими, более совершенными.

Кинжалы с низкими прямоугольными выступами на концах ножен, подобные новогригорьевскому, могли иметь отношение и к сложению раннесредневекового оружия Западной Европы. Исследователи давно ищут связь между появлением у древних германцев короткого однолезвийного меча (или боевого ножа) «сакса» и традициями Азии [17, с. 48—69; 18, с. 43—46]. Ведь в отличие от обычных больших германских мечей, еще много веков по-старому подвешивавшихся вертикально за скобы (рис. 3, *12*), сакс висел в наклонном положении и имел сбоку две петли для этой цели. Реальный прообраз такого подвешивания до сих пор находили только у кинжалов из живописи Восточного Туркестана (а теперь еще и Согда). Казалось, что посредниками в переносе на запад восточного обычая должны были стать пришедшие из Азии гунны эпохи Атиллы, поэтому среди археологов возникло предположение, что у гуннов V в. наряду с общеизвестным длинным «вертикальным» мечом обязательно имелся короткий однолезвийный с боковыми выступами для наклонного ношения — его условно назвали «гуннской саблей» или «гуннским саксом». До сих пор в степи такой «сакс» не найден, а мелкие обломки однолезвийных клинков без следов ножен принадлежат не то мечам, не то кинжалам. Зато реконструкция новогригорьевского кинжала показывает, что у гуннов имелся еще один, не учитывавшийся при этих построениях вид оружия, и именно он мог быть тем искомым звеном между изделиями Запада и Азии.

К самым знаменитым ранним саксам относят остатки короткого меча из Турнэ (Бельгия), из могилы франкского короля Хильдериха, погребенного в 428 г. Могила вскрыта в XVII в., от мечей уцелели только золотые оковки, так что все суждения о них остаются в области предположений и опираются на аналогии. Наиболее известна реконструкция Х. Арбмана [19, с. 107—137]: ножны в виде широкого уплощенного справа футляра, окованного по краю золотом (рис. 3, *11*). Анализируя рисунок реконструкции, можно заметить, что рукоять и крестовина сильно сдвинуты вправо по отношению к клинку. Реконструкция сделана не без влияния в качестве аналогий более поздних, сформировавшихся саксов [17, рис. 8, 10, 11, 14, 16, 17, 22, 108, 112, 259].

Мне кажется возможной иная реконструкция с учетом восточных и гуннской аналогий V в. Ножны меча должны были иметь твердую основу, вероятно обтянутую кожей. Возможны такие варианты: 1) дерево положено по ширине клинка, а далее вправо свободный край кожи около 1,5 см шириной сжимается и скрепляется золотыми обоймами — тогда ножны приобретут такой вид, как на реконструкции Х. Арбмана; 2) деревянная основа шире клинка, и ее пустая часть постепенно утончается к правому краю — внешний вид, как в предыдущем случае; 3) ножны сделаны по ширине клинка, а у концов имеют низкие постепенно утончающиеся деревянные выступы, с лицевой стороны обитые золотом. В последнем случае повторяется форма восточного кинжала, лишь оковки выступов упрощены, из рамчатых превратились в Г-образные (рис. 2; рис. 3, *9*, *10*). К сожалению, ни один из вариантов не может быть обоснован как единственно возможный, вероятность каждого зависит от разного круга привлекаемых аналогий. Реален ли вариант с выступами? Целиком сохранились только выступы VII в., имеющие вид равномерной толщины дощечек с металлической облицовкой. Ни один из них не утончался к краю, как это видим в Турнэ (рис. 3, *9*а, *10*а). Но они были еще тоньше, например, в аварском могильнике VII в. Кёрнье (Венгрия) их толщина меняется от 2,5 до 4 мм при высоте 2,5—3 см. В Турнэ высота гипотетического выступа — около 1 см при толщине у основания около 6 мм, у края — около 2 мм. С лицевой стороны выступы были усилены массивными золотыми пластниками, прочно соединенными широким кольцом, охватившим ножны поперек. Конструктивно существование таких выступов представляется вполне возможным. Торец тыльного выступа был закрыт золотым донцем (рис. 3, *10*а),

торец переднего со стороны устья ножен — тонкой золотой перемычкой с остроугольным вырезом, вероятно, для соприкасания с лезвием (рис. 3, *9а*, *9б*).

Меч из Турнэ не мог быть длинным, так как ремешки портупеи прикреплялись у его концов, вероятно там, где на выступах находились заострения. Просмотр изобразительного и вещевого материала V—XIX вв. показал, что расстояние между точками прикрепления ремешков к ножнам колебалось в пределах 20—35 см, часто было и меньшим. У саксов VIII в. оно не превышало 14—17—20 см [17, рис. 7—17 и др.], так что при максимальном исчислении ножны и клинок из Турнэ не превысили бы 35—50 см при ширине клинка не более 4,5 см. Судя по особо тщательной отделке донца ножен, меч носили горизонтально: только тогда оно было бы видно. При такой подвеске длина меча еще более ограничивалась размером талии владельца. Способ ношения и габариты так называемого «сакса» из Турнэ более характерны для кинжалов, чем для какого-либо иного вида оружия. Видимо, кинжалом он и был. По азиатскому (и гуннскому?) обычаю Хильдерих дополнил им свой типично германский широкий, вертикально носимый меч (рис. 3, *7—10*, *12*).

Рукоять и крестовина реконструируются симметрично клинку. Форма клинка неизвестна, он мог быть однолезвийным или обоюдоострым, как известный «сакс» V в. из Пуана (рис. 3, *5*) [19, рис. 25]. У исследователей вызывала сомнение принадлежность к этому предмету крестовины с иным и более крупным узором (рис. 3, *8*). И напрасно, так как подобный прием, позволявший мастеру избежать однообразия и перегрузки в насыщенном декоре, повторен на многих изделиях Востока и их имитациях (рис. 3, *5*, *8*), в частности на кинжалах из Керим-ло и Борового. Крестовина асимметрична в плане, вероятно повторяя очертания устья ножен с выступом над ним.

Х. Арбман завершил рукоять маленьким круглым навершием, несоразмерным пышному целому (рис. 3, *11*). Подобное «пуговицеобразное» навершие было у кинжала из Абхазии (рис. 1, *3*), но не имело там самостоятельного значения, а входило составной частью в более крупное катушкообразное навершие. Возможно, и отмеченный Х. Арбманом предмет увенчивал рукоятку ножа. Но навершием такой крупной и богато украшенной вещи, как «сакс» из Турнэ, скорее мог быть сердцевидный предмет, известный по рисунку XVII в. (рис. 3, *7* — немного в ракурсе) [19, рис. 17]. Эта плоская пышно украшенная коробочка прибивалась к основе шестью гвоздиками. Сердцевидные навершия кинжалов известны до XIX в., не были они исключением и для I тыс. н. э. (рис. 1, *1*; рис. 2, *1*, *6*, *7*; рис. 3, *5—7*). Часто они имели форму металлической коробочки. Обычен для рукоятей и мотив орлиных головок.

Золотые части кинжала из Турнэ покрыты сплошной гранатовой инкрустацией с множеством тонких золотых прожилок и с мелкими «искорками» граната по краям пластин. Эта великолепная вещь сделана по азиатским прообразам, но западным ювелиром. Возможно, кинжалы с двумя выступами, носимые вместе с мечом, повлияли на формирование западного сакса как тем, что меч дополнялся вторым, меньшим клинком, так и их новым способом подвешивания. Но все же, вероятно, форма сакса складывалась своим, самостоятельным путем, не столько под влиянием кочевников и Азии, сколько с учетом боевого опыта оседлых народов. Не случайно комплекты из двух разной величины мечей находят у германцев, на Дунае, у горцев Абхазии V—VI вв. [5, с. 130, рис. 4, *17—19*, *30*; рис. 20, *9*, *10*], но не в степи.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ленц Э. Э.* Собрание оружия.— Указатель отделения средних веков и эпохи возрождения Императорского Эрмитажа. Ч. I. СПб., 1908.
2. *Werner J.* Spätrömische Schwertortbänder vom Typ Gundremmingen.— Bayerische Vorgeschichts-Blätter. München, 1966, Jg. 31, H. 1/2.
3. *Хазанов А. М.* Очерки военного дела сарматов. М.: Наука, 1971.

4. *Кубарев В. Д.* Кинжалы из горного Алтая.— В кн.: Военное дело древних племен Сибири и Центральной Азии. Новосибирск: Наука, 1981.
5. *Воронов Ю. Н., Шенкао Н. К.* Вооружение воинов Абхазии IV—VII вв.— В кн.: Древности эпохи великого переселения народов. М.: Наука, 1982.
6. *Сариаиди В. И.* Афганистан: сокровища безымянных царей. М.: Наука, 1983.
7. *Алексеева Е. М.* Горгиппия.— В кн.: Археология СССР. Античные государства Северного Причерноморья. М.: Наука, 1984.
8. *Апакидзе А. М., Гобеджишвили Г. Ф., Каландадзе А. Н., Ломтатидзе Г. А.* Археологические памятники Армазис-хеви.— Мцхета, т. I. Тбилиси, 1959.
9. *Амброз А. К.* Восточноевропейские и среднеазиатские степи V — первой половины VIII в.— В кн.: Степи Евразии в эпоху средневековья. Археология СССР. М.: Наука, 1981.
10. *Минаева Т. М.* Погребения с сожжением близ гор. Покровска.— Уч. зап. Сар. ГУ, педагогический ф-т, 1927, т. VI, вып. III.
11. *Засецкая И. П.* Золотые украшения гуннской эпохи. Л.: Аврора, 1975.
12. *Беленицкий А. М., Маршак Б. И.* Вопросы хронологии живописи раннесредневекового Согда.— Успехи среднеазиат. археологии, 1979, вып. 4.
13. *Беленицкий А. М., Маршак Б. И.* Стенные росписи, обнаруженные в 1970 г. на городище древнего Пенджикента.— СГЭ, 1973, вып. XXXVI.
14. *Belenitski A. M., Marshak B. I.* The Painting of Sogdiana.— In: Azarpai G. Sogdian Painting. Berkeley — Los Angeles — L., 1981.
15. *Grünwedel A.* Altbuddhistische Kultstätten in Chinesisch-Turkistan. B., 1912.
16. *Le Coq A., von.* Die buddhistische Spätantike in Mittelasien, 1975, B. VII. Graz. Neue Bildwerke, 3.
17. *Olsén P.* Die Saxe von Valsgarde. Uppsala, 1945.
18. *Werner J.* Beitrage zur Archäologie des Attila-Reiches. München, 1956.
19. *Arbman H.* Les épées du tombeau de Childeric.— Meddelanden från Lunds universitets Historiska museum. Lund., 1948.

A. K. Ambroz

FIFTH-CENTURY DAGGERS IN SHEATHS WITH TWO SUSPENSION FITTINGS

Summary

Daggers dated to the period of the great migration and kept in sheaths with two suspension fittings to be horizontally attached to the belt were known to us solely from Orintal pictures starting with the late 5th century (Fig. 2, *8–13*). Several objects of this type have been restored from their fragments. A dagger dated to the Hun epoch (the 5th century) found in Novogrigorievka village in the Ukraine is encrusted with gold and carneols (Fig. 2, *1-5*). The 5th-century fittings were semi-circular or rectangular. It seems probable that daggers of this type served a prototype of the well-known Frankish sax from Tournai, which was, most probable, a horizontally attached dagger with two slighty protruding fittings (Fig. 3, *7-10*).

Н. А. ФОНЯКОВА

ЛОТОС В РАСТИТЕЛЬНОМ ОРНАМЕНТЕ МЕТАЛЛИЧЕСКИХ ИЗДЕЛИЙ САЛТОВО-МАЯЦКОЙ КУЛЬТУРЫ VIII—IX ВВ.

Почти столетняя литературная традиция связывает салтовский орнамент с Востоком [1, с. 8; 2, с. 64; 3, с. 53; 4, с. 102, 105; 5, с. 404; 6, с. 167; 7, с. 31]. Все исследователи, которые так или иначе касались этой темы в своих работах, признают, что сложные и разнообразные растительные узоры, появившиеся на поясах и конской сбруе в VIII—IX вв. и широко распространившиеся в степи и лесостепи европейской части нашей страны, происхождением своим обязаны каким-то восточным прототипам. Относительно содержания этих орнаментов, их конкретных источников единого мнения не существует. Так, В. Арендт считал, что основу этого орнамента составляет трилистник, представляющий собой стилизованное изображение водяной лилии. Происхождение этого мотива В. Арендт связывал с искусством эпохи Тан [2, с. 64]. Н. Мавродинов приписывал салтовским мотивам античное или византийское происхождение, а истоки их видел в акантовом узоре, который из Византии широко распространился в Передней Азии и Северном Причерноморье [8, с. 56]. Того же мнения придерживался вначале и Н. Я. Мерперт [9, с. 138]. Позднее он пришел к выводу, что в VIII—IX вв. на огромной территории от Дальнего Востока до Дуная существовали разные варианты орнамента в виде стилизованных листьев водяной лилии и что вопрос о происхождении и развитии этого орнамента должен решаться для каждого варианта отдельно [10, с. 30]. М. И. Артамонов вслед за Т. Арне считал, что мотивы растительного орнамента были заимствованы из Ирана [3, с. 96—99; 5, с. 404]. В. П. Даркевич указывает на среднеазитские прототипы [6, с. 167], а Б. И. Маршак связывает салтовские мотивы с согдийским или хорасанским бутоном лотоса, широко представленным в серебре этого круга древностей [7, с. 31; 11, с. 39, 40].

Не вдаваясь в рассуждения о соответствии каждого конкретного изобразительного знака реальному растению, отметим, что лотос характерен в первую очередь для растительного мира Индии и Египта; там же известны и его древнейшие, глубоко символические изображения. В средневековую торевтику Ирана и Средней Азии, а тем более Восточной Европы, они приходят сложным путем и уже в достаточно разработанной форме. Попадая в чужеродную среду, декоративная форма, оторванная от первоначального содержания, может истолковываться чисто орнаментально — «древо», «цветок», «пальметта» — и совершенно переосмысляться местными мастерами. Так, в салтовских древностях некоторые орнаментированные поясные бляшки рассматриваются исследователями как «двузначные» — и растительные, и антропозооморфные одновременно [12, с. 162, 163; 13, с. 63]. Поэтому, отмечая бесспорное сходство некоторых салтовских мотивов с растениями, изображенными на серебряных блюдах из кладов близ д. Кытманова б. Глазовского у. Вятской губ. и в с. Слудка б. Пермского у. Пермской губ. [1, с. 10, 11, № 49, 78], сделанных в хорасанско-согдийских традициях [11, с. 39—41], будем называть их «лотосом» лишь условно.

Возникнув в результате подражания иноземным образцам, салтовский орнамент в дальнейшем сделался настолько ярким и самобытным явлением, что не раз использовался исследователями в качестве отличительного признака для памятников салтово-маяцкой культуры. Близкие ему

мотивы широко распространились на сопредельной со степью и лесостепью территории Центральной и Западной Европы.

Венгерские ученые, начиная с Н. Феттиха [14; 15], признают влияние «постсасанидского» стиля на искусство Венгрии X в., но, принимая во внимание синкретический характер этого стиля, обращаются к растительным орнаментам салтовского круга как к некоему промежуточному звену в передаче восточной традиции [11, с. 62, 63; 16, с. 120].

Не раз отмечалось также сходство салтовского орнамента с орнаментом на золотых сосудах из Надь-Сент-Миклошского клада [6, с. 173; 8, с. 56; 13, с. 74], сделанных, как предполагает Н. Мавродинов, на территории Болгарского царства [17].

Близкие салтовским мотивы известны на Западе (в каролингской торевтике) [18, с. 33 и сл.], на Севере (на вещах из славянских и древнерусских погребений и кладов и далее вплоть до Скандинавии) [3; 13]. Поэтому в настоящее время предполагают, что все многообразие европейских раннесредневековых растительных орнаментов нельзя сводить только к сасанидскому влиянию и что механизм взаимодействия был значительно сложнее [6, с. 167].

Но большинство исследователей, анализируя орнамент кочевников в целом, ограничивали свои задачи либо поиском самых общих закономерностей, либо указанием на отдельные мотивы декора и сюжеты, сближающие или разделяющие традиции мастеров и их предшественников. Чаще всего они лишь вскользь касались этой темы в своих работах. Исключение составляет детальное стилистическое исследование серебряного пояса из Саркельского клада, проведенное С. А. Плетневой и Т. И. Макаровой и позволившее выделить этапы металлообработки Юго-Восточной Европы IX—XI вв. [13, с. 71].

Очевидно, что растительная орнаментика евразийского пояса степей нуждается в комплексном источниковедческом исследовании. В рамках настоящей статьи представляется целесообразным обратиться прежде всего к салтовскому растительному орнаменту, занимавшему, по-видимому, узловое положение в сети художественных контактов стран Ближнего, Среднего и Дальнего Востока с европейскими государствами.

Основным материалом для работы послужили растительные орнаменты на металлических деталях поясов и конской сбруи — всего около 500 единиц. Находки происходят из могильников лесостепного (аланского) варианта салтово-маяцкой культуры: катакомбного и ямного у с. Верхнее Салтово Старо-Салтовского р-на Харьковской обл., катакомбного у с. Дмитриевка Шебекинского р-на Белгородской обл., Волоконовского ямного, Нижне-Лубянского и Ютановского катакомбных могильников у с. Волоконовка Волоконовского р-на Белгородской обл.[1] Привлечены также орнаменты на двух сосудах, имеющих узор, сходный с орнаментом на поясах и сбруе: на серебряном ковше из Коцкого городка в низовьях Оби близ с. Кондинского б. Березовского у. Тобольской губ. (найден в 1866 г.) и на кружке из Томызского починка на р. Томыз, притоке р. Камы на территории б. Глазовского у. Вятской губ. (находка 1893 г.) [1, с. 10, № 92, с. 12, № 116], которые относят к так называемой «хазарской» торевтике [6, с. 167]. Многие поясные украшения происходят из датированных комплексов, что позволяет точно очертить время бытования орнаментов: оно определяется хронологическими рамками существования самой салтово-маяцкой культуры — вторая половина VIII—IX в. [9, 10, 12, 19].

Процедура исследования состояла из нескольких этапов. Вначале все орнаменты были описаны по единому списку признаков, включающему 35 орнаментальных мотивов и приемов композиции, а также характеристики техники исполнения и материала изделий (рис. 1, *А*, *Б*).

1. Мотивы и приемы композиции. 1. Трехлепестковый цветок без стебля («лотос»). 2. Трилистник без стебля. 3. Пальметта без стебля.

[1] Благодарим С. А. Плетневу и Г. Е. Афанасьева за предоставление неопубликованных материалов Дмитриевского, Нижне-Лубянского, Ютановского и Волоконовского могильников.

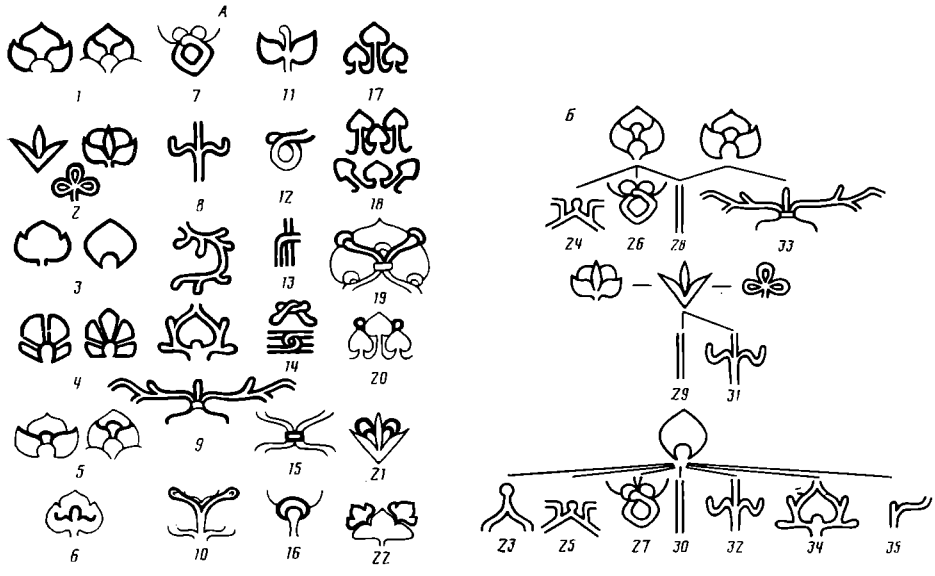


Рис. 1. Признаки для описания салтовского растительного орнамента. *А* — простые мотивы и приемы композиции (*1—22*); *Б* — сложные мотивы (*23—35*)

4. Четырех- или пятилепестковый цветок без стебля. 5. Центральная часть цветка. 6. Орнамент, условно обозначающий центральную часть цветка. 7. Гладкий стебель свернут кольцом. 8. Ветвящийся стебель без вершины с двумя гладкими, симметричными стеблями-отростками по бокам. 9. Стебель разветвляется на множество симметричных стеблей-отростков. 10. Стебель разветвляется с боков на парные узкие симметричные побеги. 11. Симметричные листья по бокам от стебля. 12. Перекрещивание двух концов одного стебля. 13. Перекрещивание стеблей или черенков листьев. 14. Переплетение стеблей. 15. Перевязка стеблей поперечной полоской. 16. Поперечная полоска отделяет стебель от венчика. 17. Чередование трех пальметт: двух боковых на коротких стеблях и средней на длинном. 18. Чередование трех пальметт: двух боковых на длинных стеблях и средней на коротком. 19. Вставка стеблей в промежутки между пальметтами. 20. Геометрические вставки в промежутки между пальметтами. 21. Геометрические вставки в промежутки между лепестками цветка (трилистника). 22. Вставка двух боковых пальметт в зубцы средней. 23. Два сходящихся стебля, на общей вершине которых вырастает пальметта. 24. Два сходящихся ветвящихся стебля с одинаковыми гладкими стеблями-отростками по бокам; на общей вершине цветок. 25. Два сходящихся ветвящихся стебля с одинаковыми гладкими стеблями-отростками по бокам; на общей вершине пальметта. 26. На месте перекрещивания двух концов одного стебля вырастает цветок. 27. Оба конца гладкого стебля украшены пальметтами и перекрещены. 28. Гладкий стебель с вершиной, украшенной цветком. 29. Гладкий стебель с вершиной, украшенной трилистником. 30. Гладкий стебель с вершиной, украшенной пальметтой. 31. Ветвящийся стебель с вершиной, украшенной трилистником, и с двумя гладкими симметричными стеблями-отростками по бокам. 32. Ветвящийся стебель с вершиной, украшенной пальметтой, и с двумя гладкими симметричными стеблями-отростками по бокам. 33. Ветвящийся стебель с вершиной, украшенной цветком, и с двумя ветвистыми стеблями-отростками по бокам. 34. Ветвящийся стебель с вершиной, украшенной пальметтой, и с двумя ветвистыми стеблями-отростками по бокам. 35. Ветвящийся стебель с вершиной, украшенной пальметтой, и с одиночным отростком на боку.

II. Техника исполнения. 36. Литье. 37. Обтяжка другим металлом. 38. Штамповка. 39. Гравировка. 40. Позолота.

III. Материал. 41. Бронза. 42. Серебро.

На следующем этапе, принимая определение археологического типа как устойчивого сочетания признаков, отличного от других устойчивых

их сочетаний [20—22], мы попытались выделить такие же сочетания и между нашими признаками. Результаты обработки данных[2] представлены в графической форме. Точки, соответствующие признакам орнамента (1—35), размещены на плоскости так, что их расположение определяется рассчитанными между ними связями. Наиболее близко находятся признаки, связанные сильной корреляцией, а связанные слабой корреляцией находятся дальше друг от друга. Соединив эти точки линиями, длина которых будет пропорциональна силе связей между признаками, и указав направление связей в сторону признака, обладающего большей частотой, мы получим так называемый базисный граф отношения между признаками орнаментации [24, с. 124] (рис . 2).

Для того, чтобы изобразить связь между признаками орнамента (1—35) и признаками техники (36—40) и материала (41—42), построим граф иного вида, в котором силе связей между признаками будет соответствовать определенное число линий, соединяющих точки (рис. 3). Те мотивы, которые не обнаруживают определенной связи с техникой и материалом, на рис. 3 не показаны. Выделяются три группы признаков орнамента, связанных между собой сильной корреляцией.

Группа I включает признаки 1, 2, 4, 5, 21 и 29. Этими признаками описывается орнамент в виде трилистников с геометрическими вставками между листьями, в виде многолепестковых цветов и цветов «лотоса» с выделенной центральной частью. Чаще всего они бывают совсем без стеблей, но иногда встречаются трилистники на гладких стеблях.

На графе, сочетающей орнаментальные мотивы с техникой исполнения и материалом, видно, что входящие в эту группу мотивы 2, 4, 21 выполнялись только литьем, а гравировка использовалась для мотива 5; мотив 1 сделан в бронзе, а остальные — и в бронзе, и в серебре. Все же прочие мотивы выполнялись в различной технике и в разном материале (рис. 3).

Группа II включает признаки 6, 10, 11, 22, 30, описывающие орнамент в виде пальметт с листвой и тонкими побегами на стеблях. Единственный лепесток таких пальметт украшен изображением, условно обозначающим центральную часть цветка. Характерен композиционный прием вставки боковых пальметт в зубцы средней и расположение их треугольником. Мотивы 10, 11, 22 довольно часто делались в серебре. Для остальных использовалась и бронза; применялась разнообразная техника.

Группа III. Для всех входящих в нее мотивов характерна связь с мотивом 16 — поперечная полоска, отделяющая стебель от венчика пальметки или цветка. Эта группа мотивов самая многочисленная и может быть подразделена на три подгруппы.

Подгруппа 1 включает признаки 7, 12, 16, 23, 26—28, описывающие орнамент в виде цветов и пальметт на гладких стеблях, сходящихся под углом или свернутых кольцом. Для этого орнамента характерен мотив перекрещенных концов стебля. Мотивы этой подгруппы связаны с различными техническими приемами: вещи, на которых встречаются мотивы 7, 12 и 27, часто делали из бронзы и обтягивали серебром, при этом мотив 12 связан преимущественно с позолоченными изделиями. Прочие мотивы не обнаруживают определенной связи с какой-либо техникой. Материал использовался разный, однако можно сказать, что мотивы 12 и 26 характерны для бронзовых вещей.

Подгруппа 2 включает признаки 9, 15—18, 25, 31—34, которые описывают орнамент в виде пальметт на ветвящихся стеблях. Характерно чередование коротких и длинных стеблей, так что нижний ряд пальметт вписан в промежутки между верхними, а также прием перевязывания стеблей поперечной дужкой. Орнаментальные мотивы этой группы выполнялись в самой разнообразной технике и в любом материале. Преимущественные связи имеют только мотив 15, выполнявшийся в бронзе с позолотой, и мотив 25, известный главным образом на литых вещах.

[2] Обработка производилась в Ленинградском институте информатики и автоматизации АН СССР с использованием соответствующей части пакета прикладных программ для ЭВМ «АЛПОГОР», разработанного там же [23].

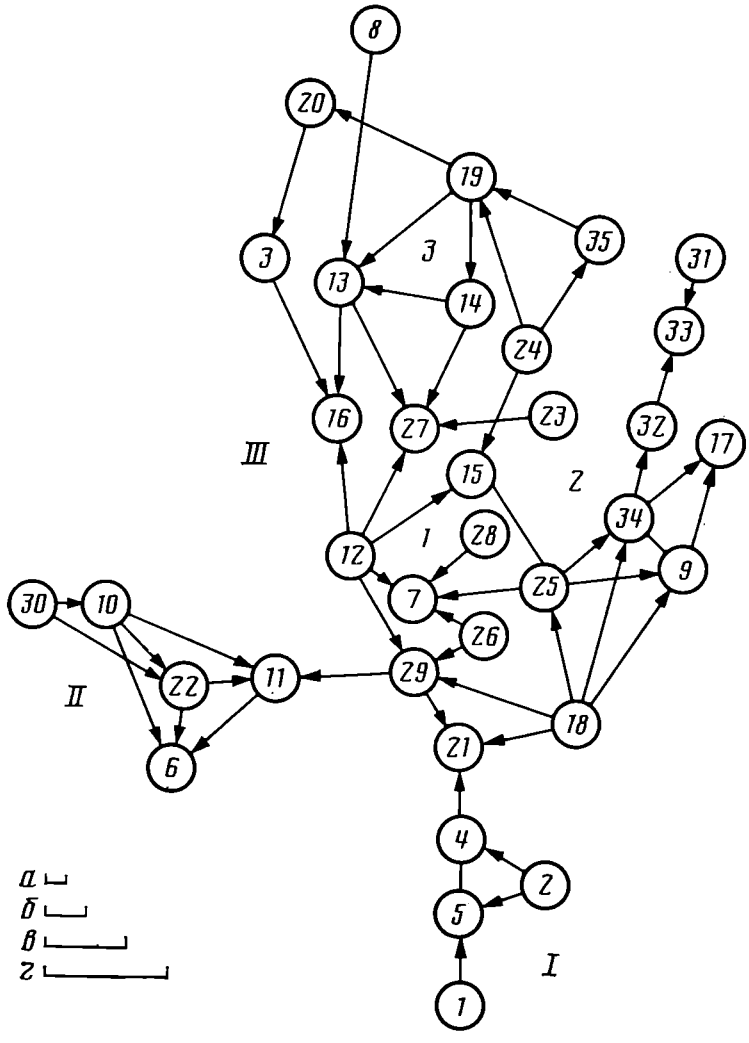


Рис. 2. Граф связи между мотивами салтовского орнамента. *I—III* — группы; *1—3* — подгруппы; *а* — 1,00; *б* — 0,99—090; *в* — 0.89—0,80; *г* — 0,79—0,70

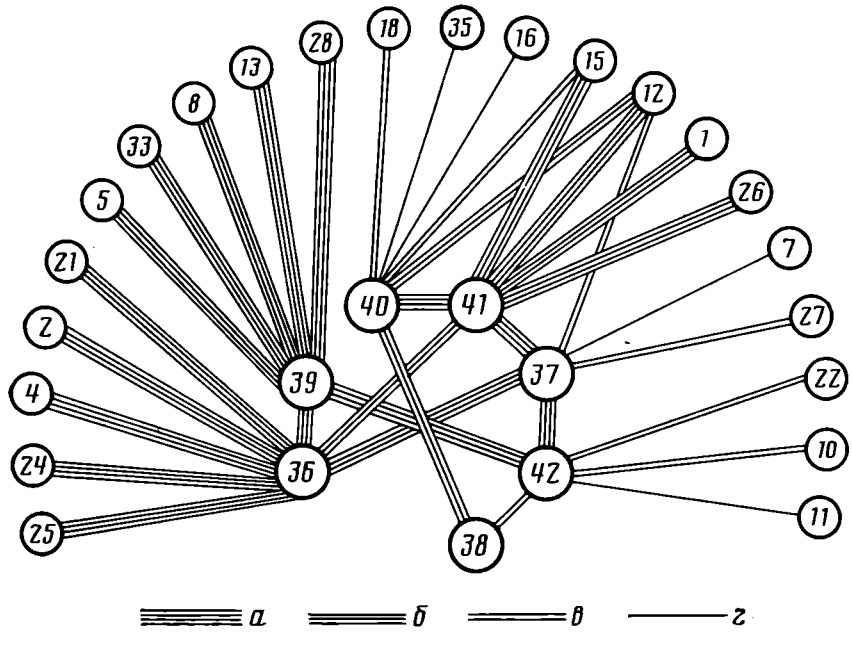


Рис. 3. Граф связи мотивов салтовского орнамента с материалом и техникой исполнения вещей. *а* – 1,00; *б* – 0,99–0,90; *в* – 0,89–0,80; *г* — 0,79—0,70

Подгруппа 3 включает признаки 3, 8, 13, 14, 16, 19, 20, 24 и 35, описывающие древовидные орнаменты и частые для них приемы перекрещивания и переплетения стеблей, вставки стеблей или геометрических фигур в промежутки между пальметтами, отсутствие вершины у ветвящегося стебля, пальметты без стеблей. Техника гравировки широко использовалась для передачи мотивов 8 и 13. Все остальные мотивы не имеют значимых связей с определенной техникой или материалом.

Полученные группы взаимосвязаны. Характер их связи может быть различным: хронологическим, т. е. группы отражают последовательную смену этапов художественной металлообработки в восточноевропейских степях [13, с. 71]; пространственным, когда группы отражают одновременное существование различных стилей изготовления вещей. Наконец, эти группы могут отражать различия между манерой исполнения, которой придерживались мастера, делавшие преимущественно крупные дорогие вещи и лишь изредка вырабатывавшие массовую продукцию, на которую переносили все богатство орнаментальных композиций, почерпнутое в известных им привозных изделиях, и той манерой, которой владели ремесленники, изготовлявшие недорогую массовую продукцию.

Можно предположить, что все перечисленные обстоятельства, действуя одновременно, обусловили распадение нашего материала на описанные выше группы. Обратимся сначала к рассмотрению хронологического аспекта связи между группами. Ее последовательность, т. е. направление типологического ряда, позволяет установить обычные в археологии процедуры, а именно: выявление на вещах типологических рудиментов и сопоставление исследуемого материала с прототипами, последовательность производства которых уже известна.

Было осуществлено сопоставление растительных мотивов орнамента кочевников с орнаментами Ирана, Китая, Согда, Византии и выделены те, которые могли быть прототипами степных растительных орнаментов (рис. 4, *1—4*). Также были сравнены между собой степные мотивы с тем, чтобы выяснить степень участия ранних в сложении более поздних из них. В полученной последовательности можно выделить три этапа.

I этап — первичное освоение «лотоса». Первая типологическая стадия (группа признаков I). Вначале салтовские мастера тщательно копировали иноземные образцы. Они отбирали простые растительные мотивы (цветок «лотоса» и др.), добавляли от себя несложные симметрические композиции и украшали новым орнаментом уборы коней. Например, на конском налобнике из Дмитриевского могильника лотос показан в трех стадиях цветения: полукруглый закрытый бутон на гладком стебле, сердцевидный бутон, раскрытый наполовину, и цветущий лотос в виде большой многолепестковой розетки [3] (рис. 4, *5*).

В конце VII—VIII в. тюрки и согдийцы повсеместно носили пояса с сердцевидными бляшками. Вполне возможно, что эта форма, проникнув в Хазарский каганат, подсказала мастерам или заказчикам идею использовать бутон «лотоса» в качестве бляшки на ремне. Сбруйная накладка в форме «лотоса» из Нижне-Лубянского могильника [4] (рис. 4, *6*) сохранилась вместе с ремешком и была закреплена на нем в том же положении, что и сердцевидные накладки пояса, изображение которого есть в росписи Пенджикента [25, с. 97]. Переосмысление сердцевидной формы как бутона «лотоса» и положило начало развитию самобытного салтовского орнамента.

Вторая типологическая стадия (группа признаков III, подгруппа 1). В дальнейшем местные мастера сильно видоизменили первоначальный мотив и сумели использовать его по-своему. Они раздробили большой трехлепестковый цветок на несколько мелких однолепестковых, снабдив каждый своим стеблем, и путем сложных композиционных построений создали множество разнообразных вариантов. Например, на той же сбруйной бляшке из Нижне-Лубянского могильника сердцевидный бутон

[3] Хранится в ОИПК ГЭ, кол. 2614, № 115.
[4] Хранится в ОИПК ГЭ, кол. 2660, № 61.

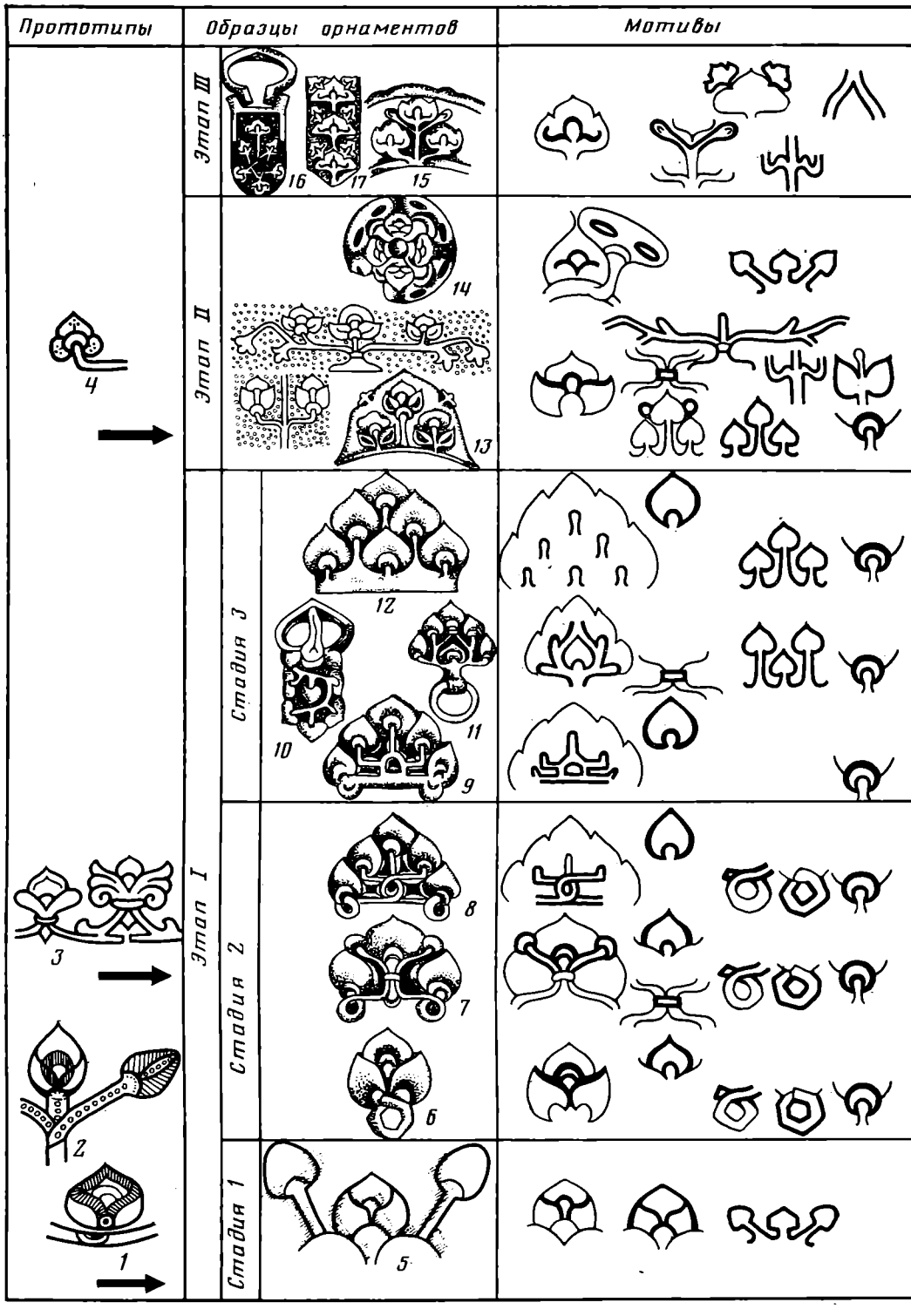


Рис. 4. Типологический ряд салтовского растительного орнамента. *1* — д. Кытманова б. Глазовского у. Вятской губ. [1, № 49], начало VIII в. [11, таблица]; *2* — д. Оношат б. Оханского у. Пермской губ. [1, № 105], VIII в. [6, № 20]; *3* — д. Гутова б. Оханского у. Пермской губ. [1, № 109], вторая половина VIII в. [11, таблица]; *4* — д. Турушева Омутнинского р-на Кировской обл. [6, с. 83, табл. 9, *4—8*], конец VIII в. [11, таблица]; *5, 8, 10* — Дмитриевский могильник Шебекинского р-на Белгородской обл.; *6* — Нижне-Лубянский могильник Волоконовского р-на Белгородской обл.; *7, 9, 11, 12, 14, 16, 17* — Верхне-Салтовский могильник Старо-Салтовского р-на Харьковской обл.; *13* — Починок Томыз б. Глазовского у. Вятской губ. [1, № 116]; *15* — Коцкий городок близ с. Кондинского б. Березовского у. Тобольской губ. [1, № 92]

осложнен длинным кольцевым стеблем, концы которого сложены перекрестьем наружу и украшены двумя цветами, в точности повторяющими контуры и расположение его боковых лепестков. Получился как бы пучок цветов, сохранивший в своих очертаниях традиционную форму бутона «лотоса». На бляшке-накладке из Верхне-Салтовского могильника[5] (рис. 4, *7*) представлен пучок-бутон иного варианта. Он возник из мотива чередующихся больших и малых пальметт, разделенных стеблями, вставленными в промежутки между ними. При этом полукруглые дужки на концах этих стеблей осложняют ровный контур бутона выступами, а сами стебли повторяют своими изгибами внутренние края боковых лепестков цветка, сохраняя тем самым представление о его центральной части. К ней примыкает бляшка из Дмитриевского могильника[6] (рис. 4, *8*), сохранившая кольцевые стебли. Но в ее орнаментальной композиции виден переход от пучка к ветке с цветками: происходит дифференциация элементов, из которых одни (головки цветов) становятся ведущими в формировании контура, а другие (стебли) группируются для заполнения пространства внутри него. Контур, образованный верхушками пяти цветков, можно назвать фестончатым.

Третья типологическая стадия (группа признаков III, подгруппа 2). С этой стадии начинается процесс упрощения и схематизации орнаментальных композиций, созданных в ходе предшествующего развития салтовского растительного орнамента. Постепенно мотивы кольцевого стебля и перекрещивания стеблей теряют свое функциональное значение элементов орнамента и превращаются в элементы формы бляшки — ровный край с полукруглыми выступами. Над этими выступами по-прежнему располагаются головки цветов с короткими рудиментами стеблей. Например, бляшка из Верхне-Салтовского могильника[7] (рис. 4, *9*) хорошо иллюстрирует постепенное преобразование орнамента.

В то же время такая композиция, помещенная в сердцевидную форму, демонстрирует стойкость традиции изображения цветка в салтово-маяцкой орнаментике. Почти забытый, распавшийся на несколько цветков бутон «лотоса» сохраняется в композиции бляшек в виде схемы, подчиняя своей структуре новые мотивы. Например, на наконечнике из Дмитриевского могильника[8] изображен волнистый стебель с отогнутыми поочередно в обе стороны побегами, а на щитке пряжки из того же могильника[9] (рис. 4, *10*) изображен отдельный его виток. Вся эта композиция меняется на сердцевидной бляшке из Верхне-Салтовского могильника[10] (рис. 4, *11*). Головки побегов размещаются по контуру и образуют ряды. В результате получается, что вместо круглого витка на бляшке изображен ветвистый стебель с вершиной, украшенной цветком. Этот цветок помещен в горизонтальном ряду между парами боковых отростков, сходящихся под углом и оканчивающихся традиционной перевязкой, утратившей в данном случае свое функциональное значение.

Бляшка из Верхне-Салтовского могильника[11] (рис. 4, *12*) имеет еще более упрощенную композицию — нет сросшихся стеблей, теряется представление о ветке, появляется ряд из цветов на высоких вертикальных стеблях, которые чередуются с цветами на маленьких стеблях по уже известному в Салтове принципу больших и малых пальметт.

К концу I этапа прямая связь с прототипами утрачивается и формируется самобытный орнамент.

II этап. Серебряная кружка из Томызского клада с изображением павлинов по сторонам дерева (группа признаков III, подгруппа 3). Кружка считается юго-восточноевропейской [1, с. 8; 11, с. 54]. В. П. Даркe-

---

[5] Хранится в ОИПК ГЭ, кол. 1107, № 223—225.
[6] Хранится в ОИПК ГЭ, кол. 2614, № 38—48.
[7] Хранится в ОИПК ГЭ, кол. 1107, № 1008.
[8] Хранится в ОИПК ГЭ, кол. 2614, № 12.
[9] Хранится в ОИПК ГЭ, кол. 2614, № 78—82.
[10] Хранится в ОИПК ГЭ, кол. 1107, № 412.
[11] Хранится в ОИПК ГЭ, кол. 1107, № 305.

вич указал на некоторые мотивы среднеазиатского орнамента как на возможные прототипы ее декора [6, с. 167].

Кружка занимает особое положение в типологическом ряду (рис. 4, *13*). С одной стороны, это дорогая вещь, сделанная первоклассным мастером. Ее растительный орнамент сохраняет ряд черт, свойственных только крупным ремесленным мастерским. Это сохранение трехлепесткового цветка и первоначальных очертаний лотоса, манера рассматривать цветы в качестве деревьев, свойственная иранским изображениям (блюдо из клада у д. Оношат б. Оханского у. Пермской губ., найденное в 1892 г. [1, № 105 и др.]). С другой стороны, в растительном декоре кру́жки можно выделить признаки, характерные для орнамента малых форм: строгую симметричность всех линий, вертикальные гладкие стебли, декоративные дужки, отделяющие цветок от стебля, однолепестковую пальметту, уступчатые очертания щитка ручки, повторяющие некоторые формы салтовских бляшек. Все эти признаки указывают на ее местное, салтовское происхождение.

По-видимому, в дальнейшем, судя по составу мотивов на кружке, связи с прототипами начинают ослабевать и в среде высококвалифицированных мастеров, уступая местной традиции, сформировавшейся при изготовлении поясов. Что касается ремесленников, тиражирующих массовую продукцию, то они в качестве прототипов выбирают уже не чужеземные, а свои, местные сосуды, с ограниченным числом старых и многократно использованных мотивов орнамента. Так, с мотивами кружки связаны, по-видимому, древовидные орнаменты, например, на сбруйных бляхах из Нижне-Лубянского[12] и Верхне-Салтовского[13] могильников и др. Композицию из трилистников на сердцевидных бляшках из Нижне-Лубянского могильника[14] тоже можно сравнить с подобными этим композициями на щитке и тулове кружки. Кроме того, они демонстрируют новую традицию украшения цветка: геометрические вставки заполняют промежутки между лепестками (ср. с розеткой на дне кружки и с контуром щитка ручки).

Сбруйная бляшка из Верхне-Салтовского могильника[15] имеет орнамент, образованный кругом чередующихся больших и малых пальметт, причем высокие пальметты вытянутой формой лепестков, скругленными верхушками и симметричными вмятинами, имитирующими черточки-жилки на лепестке, восходят к кружке из Томызского клада. Вполне возможно, что подобное схематически прорисованное в лепестке дно бутона послужило толчком к изобретению нового орнаментального мотива, ставшего крайне популярным в салтовском орнаменте на следующем этапе его развития, когда под влиянием процесса схематизации постепенно переосмысливается первоначальное содержание изображения: трехлепестковый цветок окончательно уступает место пальметте с одним лепестком (рис. 4, *14*).

III этап. Ковш из Коцкого городка со сценами охоты и борьбы и новым типом салтовского растительного орнамента, широко распространенным на поясах (группа признаков II). С орнаментом предыдущих этапов ковш связывают следующие мотивы: ветвящийся стебель с вершиной, украшенной пальметтой, три пальметты как напоминание о трех лепестках «лотоса». С кружкой из Томыза его сближают размеры растений относительно других фигур, более соответствующие дереву, нежели цветку (рис. 4, *15*). По-видимому, к бляшкам тяготеет манера вписывать в лепесток условное изображение центральной части цветка лотоса. Но орнамент на бляшках, поясных и сбруйных, отражает этап в развитии искусства орнаментации больших сосудов, отделенный от предыдущего и последующего этапов [11, с. 54]. Мастера, делавшие пояса, заимствовали, как правило, более простые мотивы и композиции, подбирали их в соответствии с традиционными формами деталей поясов.

[12] Хранится в ОИПК ГЭ, кол. 2660, № 61.
[13] Хранится в ОИПК ГЭ, кол. 1107, № 61, 62.
[14] Хранится в ОИПК ГЭ, кол. 2660, № 376.
[15] Хранится в ОИПК ГЭ, кол. 1107, № 206, 207.

В то же время сосуды не принадлежат к массовым находкам. Поэтому переход к новому типу орнаментации мог свершиться и на них, но точнее зафиксировать его невозможно, так как до нас дошла очень небольшая их серия.

Что касается расположения пальметт, то уже с конца II этапа оно не связывалось с традиционной структурой лотоса. На III этапе это привело к окончательному отрыву и деградации мотивов, выразившейся в их геометризации. Например, переплетение плавных линий превращается в жесткую решетку «звезды» (рис. 4, *16*) на пряжке из Верхне-Салтовского могильника[16], а пальметты на сердцевидной бляшке из того же могильника располагаются перевернутым треугольником [26, рис. 21] (рис. 4, *17*). Геометризация распространяется и на лепесток. Сначала исчезают мелкие детали — S-видноизогнутые линии орнамента внутри цветка: стебель, дужки, выступы лепестков. Цветы теряют определенные очертания и превращаются в геометрические фигуры, а иногда заменяются просто «игрой» прямых линий.

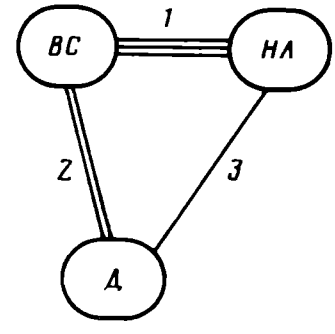


Рис. 5. Граф связи между могильниками по составу орнаментов. *1* — 0,75; *2* — 0,66; *3* — 0,56. *ВС* — Верхне-Салтовский; *ДМ* — Дмитриевский; *НЛ* — Нижне-Лубянский

Полученная последовательность отражает пути формирования двух типов салтовского орнамента, представленных на кру́жке из Томыза, ковше из Коцкого городка и множестве поясных и сбруйных бляшек из могильников лесостепного варианта салтово-маяцкой культуры. Первый тип сформировался под влиянием среднеазиатских прототипов приблизительно в начале IX в. Он представлен на поясах I и II этапов и находит высшее выражение в орнаменте кружки из Томыза. Второй тип генетически связан с первым, но имеет сильные местные корни и возник, вероятно, позднее — уже в середине IX в. Тем не менее вещи с орнаментом обоих типов обладают самобытным стилем, который, как показывает граф связи между орнаментами на вещах из Нижне-Лубянского, Верхне-Салтовского и Дмитриевского могильников, по мотивам, технике исполнения и материалу, един для данной территории лесостепного варианта салтово-маяцкой культуры. По-видимому, здесь мастерами использовались одни и те же приемы орнаментации (рис. 5). Особенное сближение мотивов Дмитриевского и Верхне-Салтовского, Верхне-Салтовского и Нижне-Лубянского могильников объясняется скорее всего хронологически.

Подводя итоги, следует сказать, что едва ли верна точка зрения, согласно которой все изящное на территории Юго-Восточной Европы в эпоху раннего средневековья было привозным с Востока.

Анализ выявленных закономерностей в развитии мотивов, а также связи их с материалами и техникой исполнения дают доказательства существования ремесла высокого художественного уровня на территории салтово-маяцкой культуры и позволяют сделать некоторые выводы относительно организации этого ремесла.

Ремесленные центры, существовавшие здесь, по-видимому, в конце VIII—IX в., располагались в ставках военных предводителей, возможно в ставке кагана, так как ассортимент ремесленной продукции связан с воинской средой [13, с. 76, 77]. По всей вероятности, среди мастеров, работавших в этих центрах, существовала группа ювелиров высокой квалификации, принимавших заказы от знати и работавших по серебру в технике литья, чеканки и гравировки. Они изготовляли дорогие сосуды, украшения для конской упряжи и богатые пояса (мотивы 5, 8, 10, 11, 13, 22, 28, характеризующие декор кружки из Томыза, встречаются на сбруйных бляшках из серебра и выполнены гравировкой).

---

[16] Хранится в ОИПК ГЭ, кол. 1107, № 683.

Судя по составу орнамента, эти мастера имели доступ к драгоценным восточным сосудам, военными или торговыми путями попавшим в ставки знати. Салтовские златокузнецы широко использовали на первых порах их в качестве прототипов, но постепенно преобразовали заимствованные мотивы в соответствии с местными традициями и вкусами.

Кроме мастеров, выполнявших индивидуальные заказы, существовала прослойка ремесленников, обслуживавших рядовых салтовских воинов и изготовлявших бронзовые поясные наборы в технике литья, иногда обтягивая бляшки серебром, чтобы придать им более богатый вид. Они также широко использовали прием штамповки бляшек из тонких листов серебра и бронзы.

Однако и те, и другие мастера украшали свои изделия одинаковыми мотивами орнамента, что говорит об их тесном сотрудничестве. При этом ремесленники, изготовлявшие массовую продукцию, старались приспособить эти мотивы к формам поясов и тем внесли определенный вклад в создание самобытного салтовского стиля, характеризующегося строгой симметричностью изображения и геометрическими уравновешенными композициями.

Детальный анализ салтовской растительной орнаментики позволил выделить в ней ряд черт, говорящих о местном происхождении вещей, высокий уровень исполнения которых позволяет сравнить их с лучшими образцами изделий Востока.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Смирнов Я. И.* Восточное серебро. Атлас древней серебряной и золотой посуды восточного происхождения, найденной преимущественно в пределах Российской империи. СПб., 1909.
2. *Zakharov A., Arendt W.* Beiträge zur Frage der Türkischen Kultur der Volkerwanderungszeit.— Archaeologia Hungarica, T. XVI. Budapest, 1935.
3. *Arne T. J.* Lo Suéde et l'Orient. Upsal, 1914.
4. *Рыбаков Б. А.* Ремесло Древней Руси. М.: Изд-во АН СССР, 1949.
5. *Артамонов М. И.* История хазар. Л.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1962.
6. *Даркевич В. П.* Художественный металл Востока. М.: Наука, 1976.
7. *Маршак Б. И.* История восточной торевтики III—XI веков и проблемы культурной преемственности. Автореф. докт. дис. Л.: Гос. Эрмитаж, 1979.
8. *Mavrodinov N.* Le tresor protobulgare de Nagyszentmiklos.— Archaeol. Hungarica, T. XXIX, Budapest, 1943.
9. *Мерперт Н. Я.* О генезисе салтовской культуры.— КСИИМК, 1951, вып. 36.
10. *Мерперт Н. Я.* Из истории оружия племен Восточной Европы в раннем средневековье.— СА, 1955, т. XXIII.
11. *Маршак Б. И.* Согдийское серебро. М.: Наука, 1971.
12. *Плетнева С. А.* От кочевий к городам. Салтово-маяцкая культура.— МИА, 1967, № 140.
13. *Макарова Т. И., Плетнева С. А.* Пояс знатного воина из Саркела.— СА, 1983, № 2.
14. *Fettich N.* Die Metallkunst der landnehmen den Ungarn.— Archaeol. Hungarica. T. XXI. Budapest, 1937.
15. *Fettich N.* Altungarische Kunst. B., 1943.
16. *Барта А.* Истоки венгерской культуры X в.— В кн.: Проблемы археологии и древней истории угров. М.: Наука, 1972.
17. *Мавродинов Н.* Старобългарското изкуство.— В кн.: Изкуството на Първото българско царство. София. 1959.
18. *Skubiszeuski P.* Czara włoclawska. Poznan, 1965.
19. *Плетнева С. А.* Хазары. М.: Наука, 1976.
20. *Спицын А. А.* Разбор, обработка и издание археологического материала.— ЗРАО, 1898, т. 10, вып. 1—2.
21. *Лебедев Г. С.* Структурная типология погребального ритуала (по материалам Скандинавии эпохи викингов).— Тезисы докладов на секциях, посвященных итогам полевых исследований 1971 г. ИА АН СССР. Археол. секция. М., 1972.
22. *Каменецкий И. С., Маршак Б. И., Шер Я. А.* Анализ археологических источников. М.: Наука, 1975.
23. *Александров В. В., Горский Н. Д., Поляков А. О.* Пакет прикладных программ АЛПОГОР. Инструкция для пользователя. Л., 1978.
24. *Оре О.* Графы и их применение. М.: Мир, 1965.
25. *Распопова В. И.* Металлические изделия раннесредневекового Согда. М.: Наука, 1980.
26. *Ляпушкин И. И.* Памятники салтово-маяцкой культуры в бассейне р. Дона.— МИА, 1958, № 62.

N. A. Fonyakova

LOTUS IN THE FLORAL ORNAMENT ON METAL ARTIFACTS OR THE 8th-9th CENTURY SALTOVO-MAYAK CULTURE

Summary

The first stage of the comprehensive source-studies analysis has identified 35 stylistic features which became a subject of a computed factor analysis. The process of consolidation of two types of the Saltovo floral ornament can be traced down through an arrangement of typological features based on the already indentified ornamental groups. The first type exhibited an undoubted Central Asian influence and took shape in the early 9th century. It can be seen on the belts of the I and II stages of the typological arrangement, its fullest expression being found on a mug from Tomyz. The second type being genetically connected with the first was of local extraction and appeared probably later, in the mid-9th century. It is associated with the ornament found on a dipper from Kotsky gorodok. Objects carrying ornaments of both types are highly original, their style being specific for the forest-steppe belt of the Saltovo-Mayak culture. It looks as if artisans among whom there were highly skilled jewellers, lived and worked, in the late 8th and 9th centuries, in camps of military leaders.

К. И. КРАСИЛЬНИКОВ

ТАНДЫРЫ В САЛТОВСКИХ ЖИЛИЩАХ ПОДОНЬЯ

В последние годы при изучении салтовских жилищ степного правобережного Подонья на поселениях IX в. в бассейне Северского Донца обнаружены тандыры — печи для выпечки хлеба.

Термин «тандыр» — тюркского происхождения. Среди народов Востока он издавна получил очень широкое распространение. Звучит он поразному: тундур, тунур, танур, торне, тандр, тендир, тандыр и т. д., но суть остается единой — это специальная наземная или вкопанная в землю хлебная печь, построенная из глины, иногда с применением камней [1, с. 380, 381]. Наиболее авторитетные сведения о тандырах дают этнографические материалы. Они, несомненно, шире и полнее археологических. Этнографы установили, что среди народов Азии именно тюркоязычные племена, в частности уйгуры, издавна и по настоящее время сооружают очажную яму, в которую иногда вместо обмазки стен вставляют корчагу без дна [2, с. 279]. В таком очаге, называемом «йер-танур» (земляной танур), заключает А. К. Писарчук, можно было печь лепешки и хлеб [3, с. 81; 4, с. 63; 5, с. 46—49].

К числу тандыровидных печей в Средней Азии, в частности в Восточном Туркменистане, следует относить круглые, корчагообразные, не углубленные в пол «тандыр-боши» [3, с. 81, 82].

География тандыров среди народов Азии обширна. Например, печи-тынды, сделанные из глины, зафиксированы в крестьянских дворах Кореи, Китая [6, с. 221], печи-тенуры — в Иране и Афганистане [7, с. 100, 134], «тандуры» — в Пакистане [7, с. 148].

Немало сведений о колоколовидных глиняных печах для выпечки хлеба можно встретить в литературе, посвященной народам Кавказа; подробно описаны ямные печи, на горячие стенки которых прилепляют тесто — пекут лаваш [8, с. 94, 108, 181; 9, с. 180]. Народные печи Армении называют «тонратунами», а в Азербайджане — «тендирами». Их можно встретить во многих районах Закавказья, где они бытуют до сих пор в двух видах — врытые в землю и наземные. Высота печей доходит до 1—1,3 м [10, с. 105, 106].

Археологических свидетельств о тандырах меньше, нежели этнографических. Эти печи обнаружены в Узбекистане, в жилых кварталах IX в. городища Варахша [11, с. 105], на раннесредневековых земледельческих поселениях Туркмении [12, с. 15—17]. Остатки тандыров раскопаны на Змейском поселении [13, с. 15]. По мнению исследователей, они занесены на Кавказ из Средней Азии. У осетин с древности и по настоящее время наряду с традиционными открытыми очагами бытуют тандыры [14, с. 155].

Отдельные данные о тандырах известны в Поволжье среди материалов Волжской Булгарии [15, с. 191, 192] [1]. Наконец, нельзя не упомянуть о высоких наземных круглых печах из глины, раскопанных в жилищах древних болгар на селищах Попино и Джеджови лозя [16, с. 29, 30, 52]. Есть также пока не опубликованные материалы о тандырах во дворах построек средневекового Крыма.

[1] Сведения о тандырах привел также Р. Ф. Шарифуллин в докладе «Основные формы строительной деятельности волжских болгар в домонгольский период» (доклад прочитан на заседании сектора славяно-русской археологии ИА АН СССР 18 марта 1982 г.).

Таблица 1

Корреляция типов построек с очажными ямами, очажными печами и тандырами на поселениях Подонья

Вид очага, очажной печи, тандыра	Новолимаревка			Подгаевка			Рогалик			Правобережное Цимлянское городище		
	тип постройки											
	кр.	кв.	пр.	кр.	кв.	пр.	кр.	кв.	пр.	кр.	кв.	пр.
Очаг в яме	2 5 17	19		6 8	3		3 15 17	1		20 21 22 32		
Очажная печь	3 7	12 16			5			2 20	13	17	15 23	
Тандыр ямный		4 9						14 16 20	6		5 6 10 12 31	
Тандыр наземный			13 20			7 10 13 13		7 11 12				

Примечание. Цифры означают номера построек. Тип постройки: кр. — круглый (полуземлянки с сильно закругленными углами), кв. — квадратный, пр. — прямоугольный. Очажные ямы глубиной до 20 см (рис. 1, *1*) и очажные печи — постройки со стенами высотой до 15—20 см (рис. 1, *2*, *3*) мы рассматриваем как прообраз тандыра.

Приведенные этнографические и археологические сведения говорят о том, что тандыры не являются чем-то новым в хозяйстве населения Юго-Восточной Европы, что в жилищах тюркоязычных болгар степного Подонья они не чужеродное явление. Напротив, давно доказана прямая связь этих печей с традициями тюркоязычных народов Азии [2, с. 278—280]. Очевидно, и на европейскую территорию тандыры проникли из Азии вместе с тюркоязычными болгарами.

Первые археологические представления о тандырах в степном западном Подонье получены из раскопок Правобережного Цимлянского городища, проводимых С. А. Плетневой в 1958—1959 гг. [17]. Тогда же из-за отсутствия информации о находках «классических» тандыров VIII — IX вв. в европейских степях они были названы «глубокими очагами». Что же такое тандыр в салтовской культуре степной полосы Подонья?

Это хозяйственная печь, построенная из глины внутри жилища, или, что также нередко, в специальной для нее пристройке у жилища. Тандыры здесь представлены двумя типами: ямные и наземные. В 14 постройках из 49, раскопанных на трех салтовских селищах (Новолимаревка, Подгаевка, Рогалик[2]), обнаружено 15 тандыров, еще 5 в жилищах Правобережного Цимлянского городища (табл. 1).

Техническое состояние печей в момент раскопок различное и зависит в основном от степени рабочего износа их стен. Бо́льшая часть раскрыта в такой сохранности, по которой можно в деталях воссоздать многие практические стороны их работы. Например, в жилищах 7 и 10 селища Подгаевка печи почти разрушились. Стенки — со следами многократных ремонтов, местами прогорели, прочность соединения глины слабая. В жилищах 4, 13, 19 селища Новолимаревка и в жилищах 11, 12 селища Ро-

[2] Селища находятся на берегах рек Деркул (Новолимаревка и Подгаевка) и Евсуг (Рогалик). Обе реки — притоки Северского Донца.

Таблица 2

Типологическая и эволюционная характеристика очажных ям, очажных печей и тандыров в жилищах Среднего Донца

Тип	Подтип	Печь, №	Новолимаревка	Подгаевка	Рогалик	Месторасположение в постройке	Техника строительства	Размеры, см				
								Д — пода	Д — жерла	Н — высота	Т — стены, верх/низ	Т — наружной обмазки
Тип II – наземные	Б	15		13		В пристройке	Ленточная	70	46	98	5	28
		14		10		То же	»	60			4	17
		13		7		У стены	»	55			4	20
		12	20			В пристройке	»	55	50	85	4,5	з. г.
		11	13			То же	»	60	55	96	5	з. г.
	А	10			12	К стене	Лепная	55	40	45	3,5	25
		9			11	В центре	»	57	44	50	3/5	
		8			7	У стены	»	63	40	43	5	15
		7		13		В центре	»	50			4	17
Тип I – ямные	Б	6			20	У стены	Корчага	20×4	6×30	60	2,5	
		5			6	То же	Обмазка	52	45	55	3	
		4	19			В центре	»	46	42	56	3	
	А	3			16	У стены	Надстройка, обмазка	40	45	40	2/7	16
		2			14	В центре	То же	45	30	46	3/13	
		1	4			То же	»	46	32	56	2/8	25
Очажные печи			3		2	В центре	Лепная, обмазка, кирпич	Диам. дна ямы 38–50		Диам. верха 32–30		
			7	5	13							
			12		20	В углу						
			16									
Очаги в ямах			2	3	1							
			5	6	3	В центре	Обмазка	45–50		15–20		
			17	8	15							
			19		17							

Примечание. Новолимаревка 20, 13, 19, 4 — номера жилищ; к стене — непосредственно под стеной; у стены — на расстоянии 1—1,5 м; з. г. — забутовка глиной; Д — диаметр; Н — высота; Т — толщина.

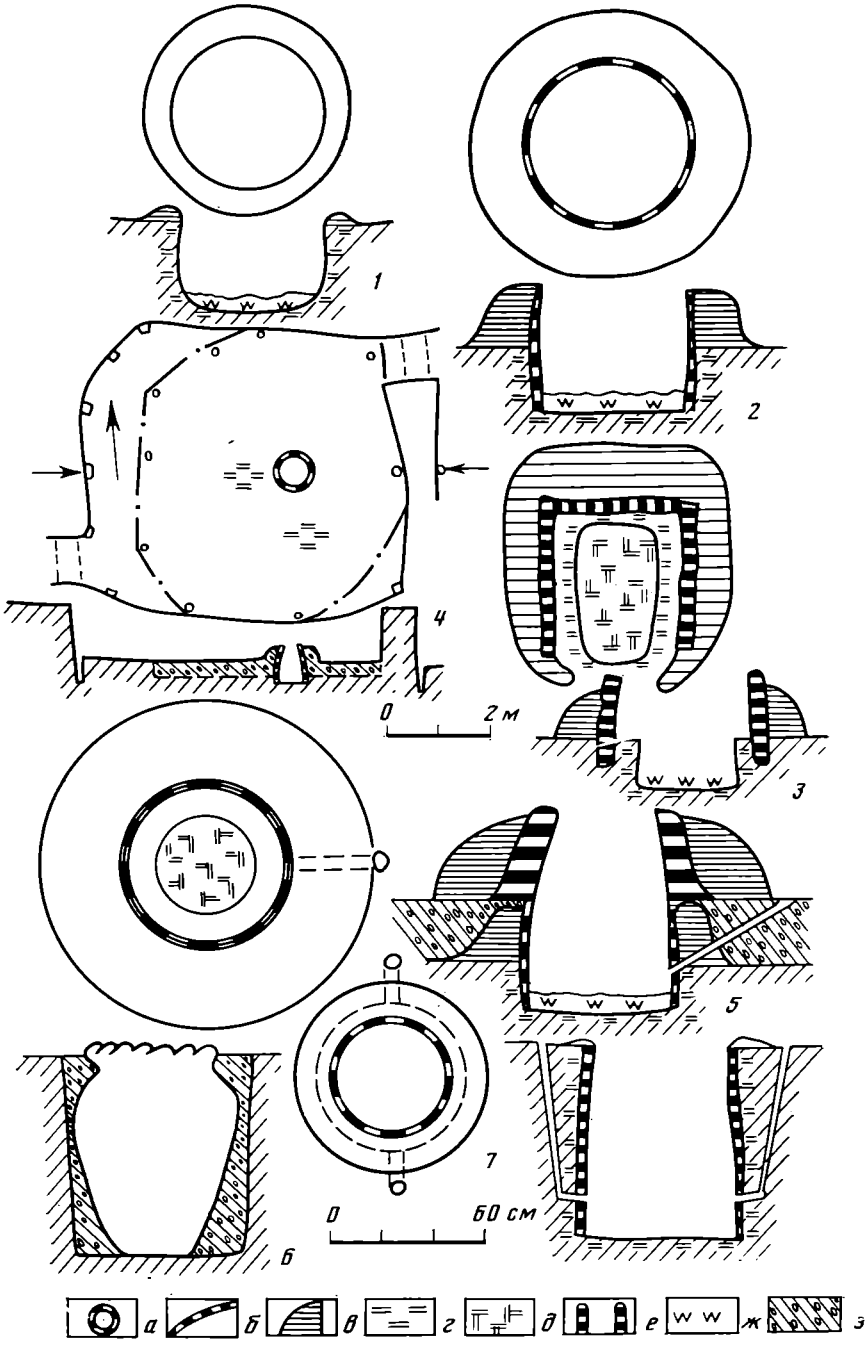


Рис. 1. Очаги в ямах, очажные печи и тандыры первого типа (подтипы А, Б). *1* — очажная яма; *2* — очажная печь; *3* — очажная печь из кирпичей; *4* — жилище 3 и 4 селища Новолимаревка; *5* — полууглубленный тандыр, тип I (подтип А); *6—7* — тандыры ямные, тип 1 (подтип Б); *а* — тандыр; *б* — стены тандыров; *в* — наружная обмазка; *г* — прокал почвы, очаги; *д* — обмазка и прокал пода тандыров: *е* — кирпичи; *ж* — зола; *з* — засыпка слоем глины и мела

галик состояние тандыров оказалось вполне удовлетворительным, и они практически после небольшого ремонта пригодны для работы. Иногда в постройках вместо тандыра удается зафиксировать лишь место его расположения — в том случае, когда разрушившуюся печь полностью разобрали, а строительный мусор вынесли.

В основу предложенной нами типологии тандыров, обнаруженных на салтово-маяцких памятниках, положены два признака: общая конструкция печи и техника строительства ее стен (табл. 2).

Первый тип — ямные тандыры, 6 печей (№ 1—6) (рис. 1, *5—7*). Основой их конструкции является яма в средней части жилища. Строитель-

ным материалом для возведения и обмазки стен служила хорошо подготовленная глина. Ямные тандыры в соответствии с двумя строительными приемами подразделяются на два подтипа.

Подтип А, полууглубленные тандыры — 3 печи (№ 1—3) из жилища 4 селища Новолимаревка и жилищ 14, 16 селища Рогалик. Они возникли на месте глубоких очажных печей путем достройки стен. Например, в жилище 3 селища Новолимаревка вместе с усовершенствованием (расширением) жилища (рис. 1, *4*) была перестроена печь. Над очажной печью глубиной 32 см дополнительно возвели кольцевую глинобитную стену высотой 29 см, с толщиной у основания 13 см. В этом случае очажная печь со стеной над уровнем пола больше напоминает тандыр, у которого расстояние от пола до жерла уже составило 60—61 см (рис. 1, *5*). Средние размеры таких тандыров: глубина от жерла до пода 50—60, диаметр жерла 30—35, пода 40—45 (50) см, высота наземной части 26—27, соответственно ямной 26—30 см. Толщина стен до 10, обмазка 2—3 см. На стенках внутри видны следы ремонтов, а снаружи иногда дополнительная обмазка — до 25 см (рис. 1, *5*). Для притока воздуха в камеру печи снизу пробиты отверстия.

Подтип Б, полностью ямные тандыры (рис. 1, *6*, *7*; рис. 2, *1*). На селищах Среднедонечья их обнаружено пока только три (№ 4—6): в жилищах 6, 20 селища Рогалик и 19 селища Новолимаревка. Еще одна группа (примерно пять ямных тандыров) расчищена в жилищах Правобережного Цимлянского городища [17, с, 21—32]. Весь корпус печи помещался в яме, построенной в центре или у стены жилища. Жерло печи за счет кольцевого валика всего на 3—5 см выше горизонта пола или находится с ним в одной плоскости. Форма ямы цилиндрическая, иногда конусовидная книзу, стены обмазаны слоем глины 2,0—3,5 см. С пола жилища к поду печи пробиты два отверстия для поддувки воздуха. Размеры тандыров подтипа Б приблизительно соответствуют размерам предыдущих, глубина 55—58 см, диаметры у пода 46—50, у жерла 40—46 см. Все тандыры первого типа особенно на Донце встречаются в жилищах, которые заметно утратили юртообразность постройки и превратились почти в квадратные полуземлянки. В классической квадратной постройке (жилище 20 селища Рогалик) обнаружен только один тандыр — № 6 (рис. 1, *6*). В отличие от других печей этого же подтипа здесь в яму вставили массивную корчагу, пространство между стенками ямы и корчаги забутовали глиной с меловой крошкой. Особенность печи № 6 еще и в том, что в ней не сжигали топливо, а прогревали печь за счет засыпки горячих углей из открытых очагов (внутри жилища рядом с печью их расчищено сразу четыре). Для территории Подонья тандыр-корчага пока единственная находка, но в Средней Азии такой прием постройки «земляных тануров», когда вместо стен вставляли корчагу,— обычное явление [3, с. 81].

Итак, тандыры первого типа, в особенности подтипа Б,— повторение среднеазиатских уйгурских бытовых печей. Этнографы сообщают, что тюркские народы и в прошлом, и теперь в «очажном земляном тануре» пекут хлеб, им же обогревают жилище, над ним готовят пищу [2, с. 279, 280; 3, с. 81]. В салтовских жилищах Подонья все печи первого типа (ямные тандыры) можно отнести к числу ранних и наиболее простых.

Второй тип — наземные тандыры, их 9 из 20 (45%) (табл. 2, № 7—15). Принципиальное отличие тандыров второго типа от первого в том, что они построены над горизонтом пола, лишь небольшая часть печи (около 10 см) могла находиться ниже его уровня. Изучение техники строительства стен показало, что их возводили двумя приемами, что высота и конструкция печей в значительной мере определяются техникой строительства. По этому признаку нами выделены тандыры подтипов А и Б.

Подтип А — 4 печи (№ 7—10), (рис. 2, *2*, *4*; рис. 3, *2*, *4*), все они построены техникой лепки, толщина стен 4—5 с заметным утолщением до 10 см у основания. Для прочности стены иногда дополнительно обмазаны глиной, правда, худшей структуры, нежели строительная глина стен пе-

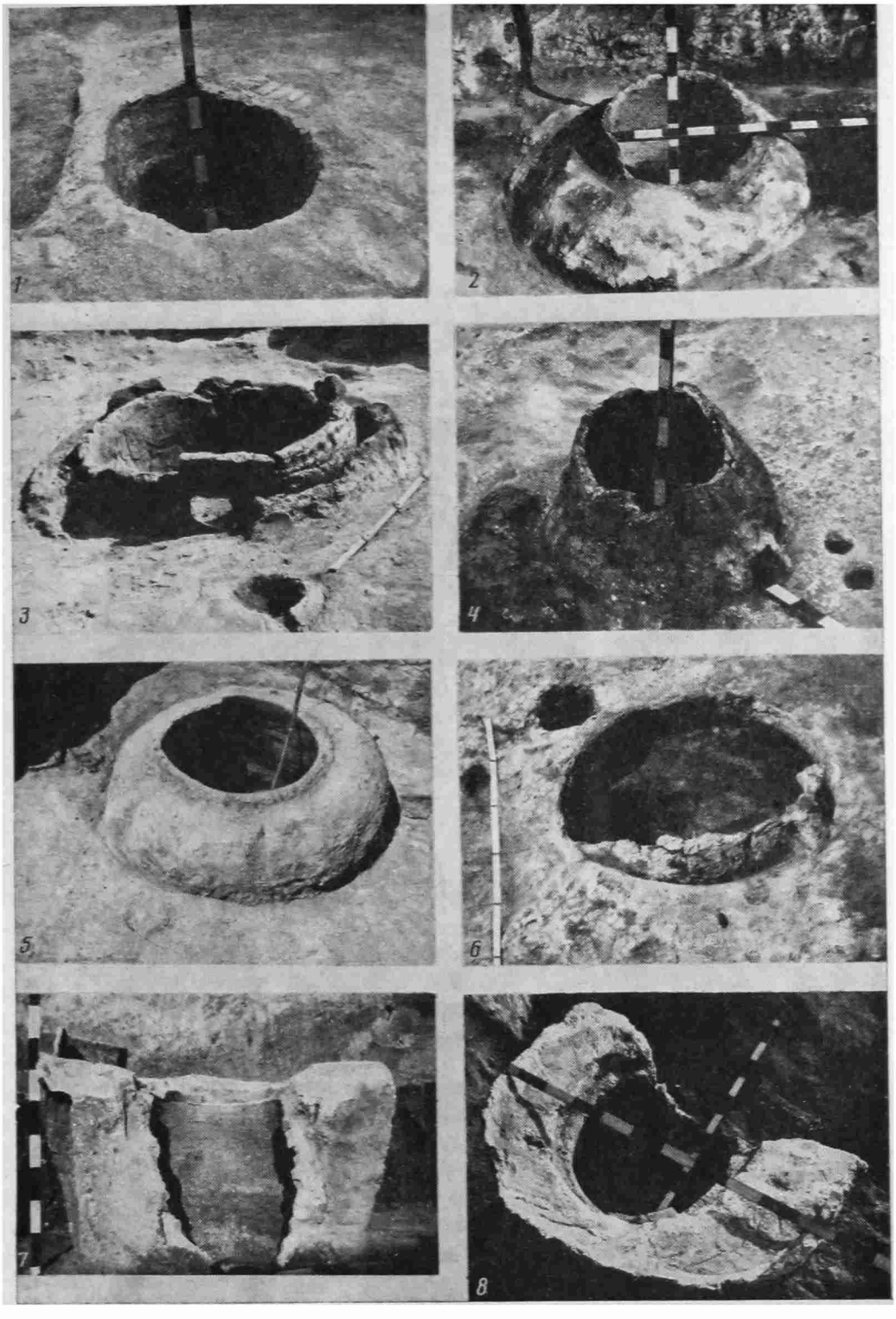


Рис. 2. Тандыры в салтовских жилищах. *1* — ямный тандыр типа I, подтип Б; *2* — тандыр, тип II (подтип А); *3* — воздуходувное отверстие в стенке печи; *4* — наземных тандыр типа II (подтип А); *5* — наземный тандыр типа II (подтип Б); *6* — тандыр с жаровой ямой; *7* — тандыр с жаровней, тип II (подтип Б); *8* — жаровня

чей. Толщина обмазки 15—20, высота до 30 см (рис. 2, *2*). В обмазке и стене печи на уровне пола оставлены отверстия диаметром 6—8 см (рис. 2, *3*). По общей конструкции эти тандыры невысокие с широким основанием, что придает им приземистый вид. Высота печей в пределах 45—50, диаметр пода 50—60 см (рис. 2, *4*). Обнаружены они в основном в квадратных полуземлянках (рис. 3, *1*, *3*).

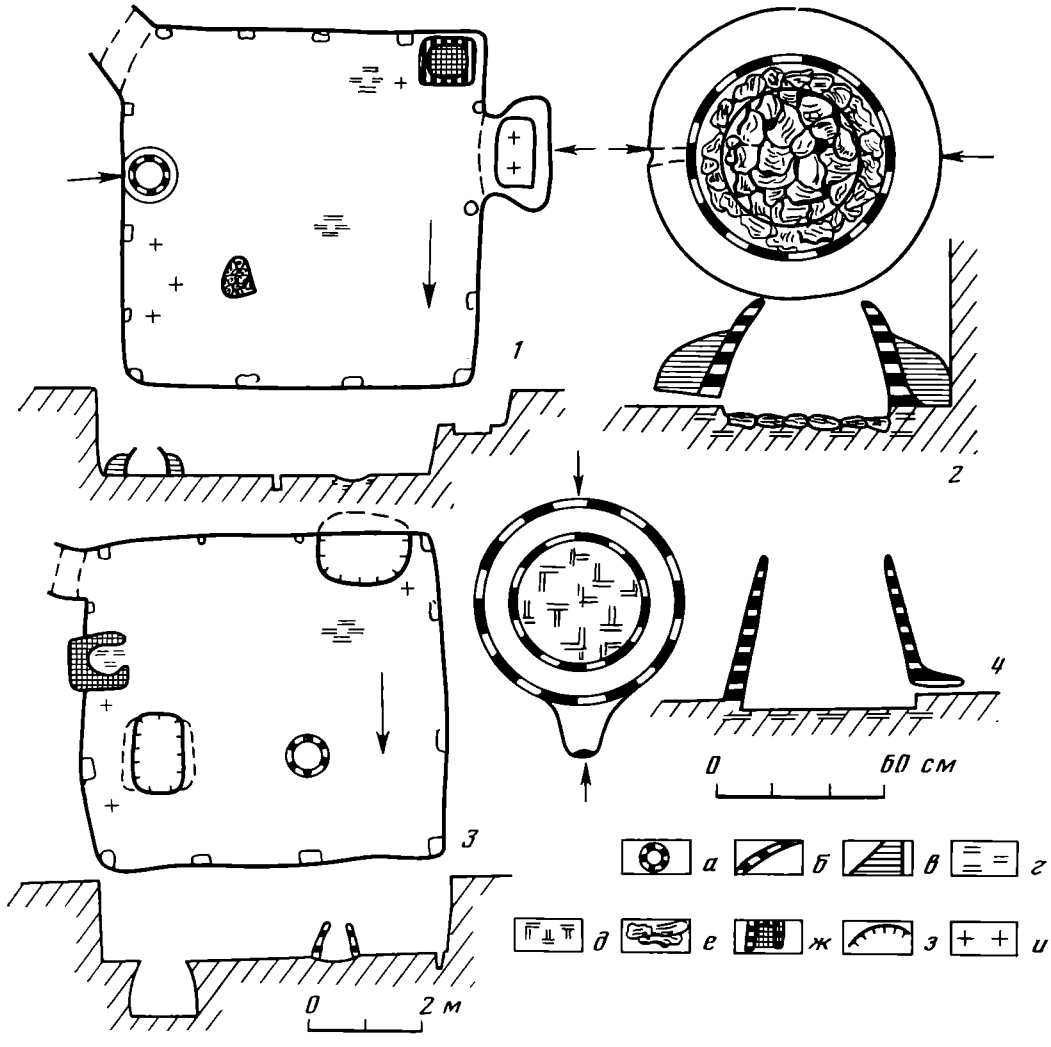


Рис. 3. Жилища с тандырами типа II (подтип А). *1* — жилище 12 селища Рогалик; *2* — тандыр в жилище 12; *3* — жилище 11 селища Рогалик; *4* — тандыр в жилище 11; *а* — тандыр; *б* — стены тандыров; *в* — наружная обмазка; *г* — прокал почвы, очаги; *д* — обмазка и прокал пода; *е* — камни; *ж* — жаровня; *з* — хозяйственная яма; *и* — керамика

Подтип Б — 5 печей (№ 11—15). Построены ленточной техникой из валиков длиной 20—25 см, 5×3 см в сечении (рис. 4, *2*, *3*, *5*). Накладывая по кругу один ярус на другой и соединяя сырую глину защипами и вдавлинами, возводили наземную печь. Высота тандыра зависит от количества ярусов валиков. Низкие печи, высотой 70—80 см, сложены из 15—16 ярусов, а высокие, около 1 м, из 20—22. Диаметр печей в пределах 56—70 см. Тандыры, построенные ленточной техникой, выглядят стройно, похожи на цилиндр или усеченный конус. Основание печи почти на уровне пола жилища. Внизу обязательно оставлены отверстия (6—7 см), через которые воздух попадал в топку. Снаружи стены обмазаны глиной толщиной до 25 см (рис. 2, *5*). Как и в предыдущем случае, обмазка значительно укрепляла ленточную основу стены, обеспечивала высокую работоспособность и длительность эксплуатации.

Тандыры второго типа подтипа Б отличаются от предыдущих из этого же типа не только строительной техникой, но и более широким диапазоном практического применения. Например, кроме основного назначения — хлебных печей — они использовались и как печи для просушки зерна[3], поэтому, заметим еще раз, значительное внимание при их строи-

[3] Зерно также сушили в небольших переносных жаровнях, установленных над очажными печами и ямами. В данном случае речь идет о количественной стороне, так как над тандырами устанавливали большие жаровни или же в жерло могли вставлять корчаги с зерном.

тельстве уделяли вопросу прочности стен и повышения продолжительности работы путем максимального сохранения необходимой температуры.

Были и другие приемы сохранения рабочего режима. Например, в тандыре жилища 7 селища Подгаевки в уровень с подом печи вмонтировали кухонный горшок (рис. 2, *6*; рис. 4, *3*). Стены горшка и глина, заполнившая пространство между горшком и ямой, сильно прокалились. Внутри горшок наполовину заполнен золой. Видно, что в него сгребали жар этой же печи после того, как активное сгорание топлива прекращалось. Этот жар в своей массе длительное время поддерживал высокую температуру.

Итак, различные технические усовершенствования свойственны в основном тандырам второго типа. Они направлены на решение одной общей практической задачи — сохранить в печи необходимый температурный режим для определенного вида работ и обеспечить тем самым длительное рабочее состояние.

Наши представления о тандырах будут неполными, если ограничиться только их общим описанием и типологией. Не менее важно рассмотреть вещи и приспособления, имевшие отношения к практической стороне работы тандыров: обломки и развалы крышек и жаровен, противней, спорные подставки — пирамидки.

Вся группа предметов встречается не в одиночных экземплярах, происходит она из тех же комплексов, в которых раскопаны тандыры, часто их обнаруживают внутри печей или возле них. Важно отметить, что большинство крышек, пирамид, противней сделано из той же глины, что и тандыр, следовательно, одновременно со строительством печи изготовляли необходимые приспособления. Обращает на себя внимание характерная прокаленность от длительного и неоднократного пребывания их в условиях высоких температур, а также полное отсутствие копоти. Это указывает на то, что перечисленные приспособления применяли тогда, когда печь протопили, стены достаточно хорошо прогрелись и образовавшийся жар становился источником высокой температуры.

Крышки тандыров (рис. 5, *1*, *2*) — массивные лепные круги диаметром 50—60, толщиной 3—6 см. Диаметр крышек обычно на 7—10 см превосходит диаметр жерла тандыров. Следовательно, функции крышек сводились к тому, чтобы после прогрева закрыть печь и сохранить внутри нее высокую температуру. Не случайно чаще всего обломки крышек или развалы их лежат внутри печей. Не была исключением и массивная крышка, найденная внутри тандыра селища Новолимаревка, в жилище 13. Однако здесь она предназначалась и для другой цели. Над тандыром устанавливали массивную (диаметр 105, высота борта 15—17, толщина стен до 10 см) лепную (глина с примесью толченого мела) жаровню (рис. 4, *5*). По всему видно, что ее сделали в разное с тандыром время. В средней части жаровни находилось отверстие, которое соответствовало внешнему диаметру стенки тандыра. Печь протапливали при открытом жерле, но перед тем, как жаровню заполнить зерном, вставляли крышку. Диаметр крышки соответствует диаметру отверстия в жаровне и на 7—8 см превосходит внутренний диаметр тандыра. Следовательно, крышка, опираясь на верхний ярус валиков печи, ложилась в один уровень с дном жаровни.

Жаровни[1] (рис. 2, *7*, *8*). В жилищах их находят рядом с очагами, печами, тандырами. В отличие от других приспособлений жаровни лепили из грубого глиняного теста, в котором большой процент примеси составляют шамот, меловая крошка, трава (полова), крупный речной песок. Следовательно, их делали индивидуально и неодновременно со строительством печи. По объему и форме жаровни можно подразделить на два типа: тип I — круглые массивные емкости с диаметром более 1 м; тип II — эллипсоидные лепные небольшие — 30×40 (50) см. Несмотря на различия в размерах, оба типа жаровен использовали одинаково. Они

[1] Жаровня — плоский, круглый или овальный лепной керамический противень с бортами, предназначенный для просушки зерна и других продуктов.

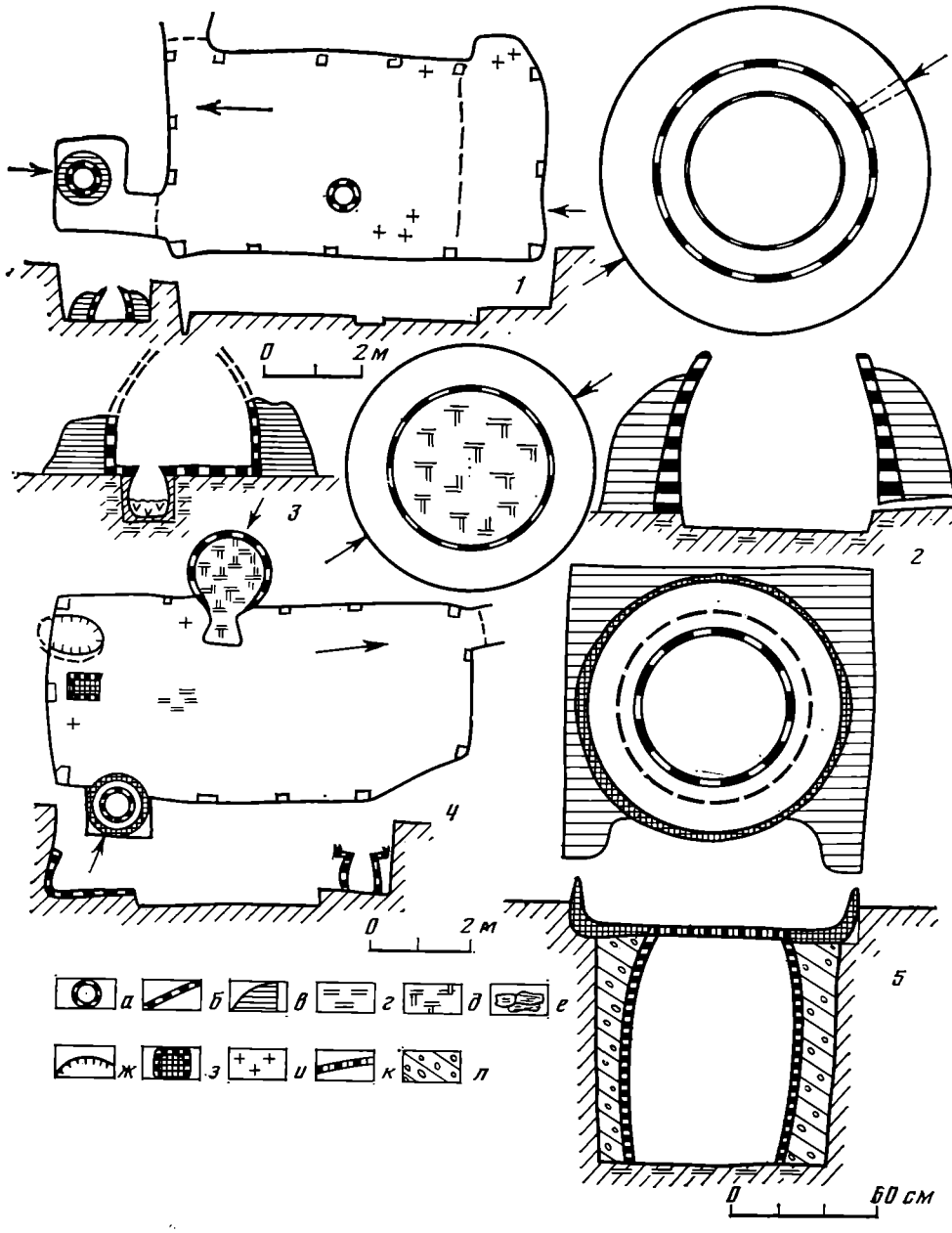


Рис. 4. Жилища с тандырами типа II (подтип Б). *1* — прямоугольная полуземлянка с пристройкой для тандыра; *2* — наземный тандыр, тип II (подтип Б); *3* — тандыр с очажной ямой в жилище 7 селища Подгаевка; *4* — жилище 13 селища Новолимаревка с тандыром в нише; *5* — тандыр с жаровней, тип II (подтип Б); *а* — тандыр; *б* — стены тандыров; *в* — наружная обмазка; *г* — прокал почвы; *д* — обмазка и прокал пода; *е* — камни; *ж* — хозяйственная яма; *з* — жаровня; *и* — керамика; *к* — крышка; *л* — забутовка глиной с мелом

были переносными и хранились в дальнем углу жилища, поэтому часто развалы жаровен обнаруживают в углах. В работе жаровни устанавливали сверху на тандыр (очажную печь) вместо крышек, вот почему стенки печей, дополнительно укрепляя, обмазывали слоем глины.

Пирамиды и противни (рис. 5, *3—5*) встречаются в жилищах обычно возле печей. Их назначение — увеличить полезную площадь печи, поэтому в рабочем состоянии они должны находиться внутри нее. В печь на под ставили три-четыре конусовидных пирамидки высотой 15—20 см, которые были опорами противней. Противни, как и жаровни, в виде обломков и развалов частые находки на полу салтовских жилищ, и их можно встретить далеко от Подонья, всюду, где проживало древнеболгарское население.

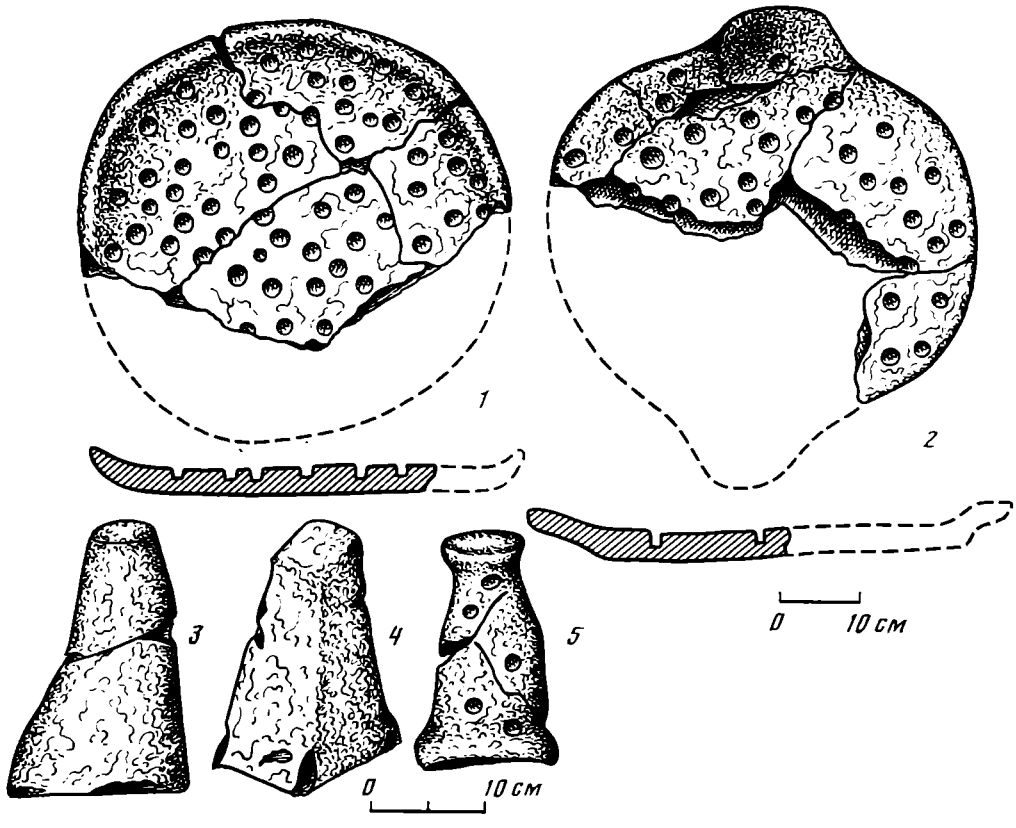


Рис. 5. Крышки и подставки, применяемые в тандырах

Топливом, применяемым в тандырах, была древесина, однако ни породу дерева, ни размеры чурок установить невозможно. Этнографические параллели свидетельствуют, что многие народы для этого использовали камыш, ветки, сухую траву, солому, высушенный помет скота [18, с. 84, 88]. При раскопках во всех без исключения тандырах обнаруживают слой белой порошкообразной золы. Полностью сгоревшее топливо и оставленная зола еще раз свидетельствуют о том, что после сгорания топлива жар из печи не удаляли.

Тандыры салтовской культуры на территории Подонья вошли в обиход в IX в., но, видимо, не одновременно. Нас, естественно, интересуют время и условия внедрения каждого из подтипов. Для решения поставленного вопроса необходимо построить схему корреляции, соотношения типов жилищ и тандыров в них (рис. 6). Из нее видно, что в круглых, юртообразных, наземных и полуземляночного типа постройках, обнаруженных на салтовских стойбищах и кочевьях Среднедонечья, тандыры вообще не встречаются. Следовательно, в VIII в., когда у болгар существовало полукочевое скотоводческое хозяйство, население пользовалось только очагами открытого типа (рис. 7).

Прообраз тандыра, очажная печь, возникшая из глубокой (около 20 см) очажной ямы, появилась в постройках, которые по форме и конструкции еще далеко стоят от настоящих квадратных полуземлянок. В них на Среднем и Нижнем Донце в конце VIII — первой четверти IX в. проживали полуоседлые болгары, у которых рядом с домашним скотоводством начало развиваться земледелие.

Первые тандыры, которые можно называть полууглубленными печами, т. е. первого типа, подтип А, во многом еще напоминают глубокие очажные ямы, но с нарощенными стенками (20—25 см), заодно с ямой обмазаны глиной; они появились в переходный период от жилищ с закругленными углами к квадратным полуземлянкам. Такие постройки в Подонье возникают к середине IX в. в связи с распространением прочной оседлости, в условиях разностороннего хозяйства, в котором рядом с домашним скотоводством существует земледелие.

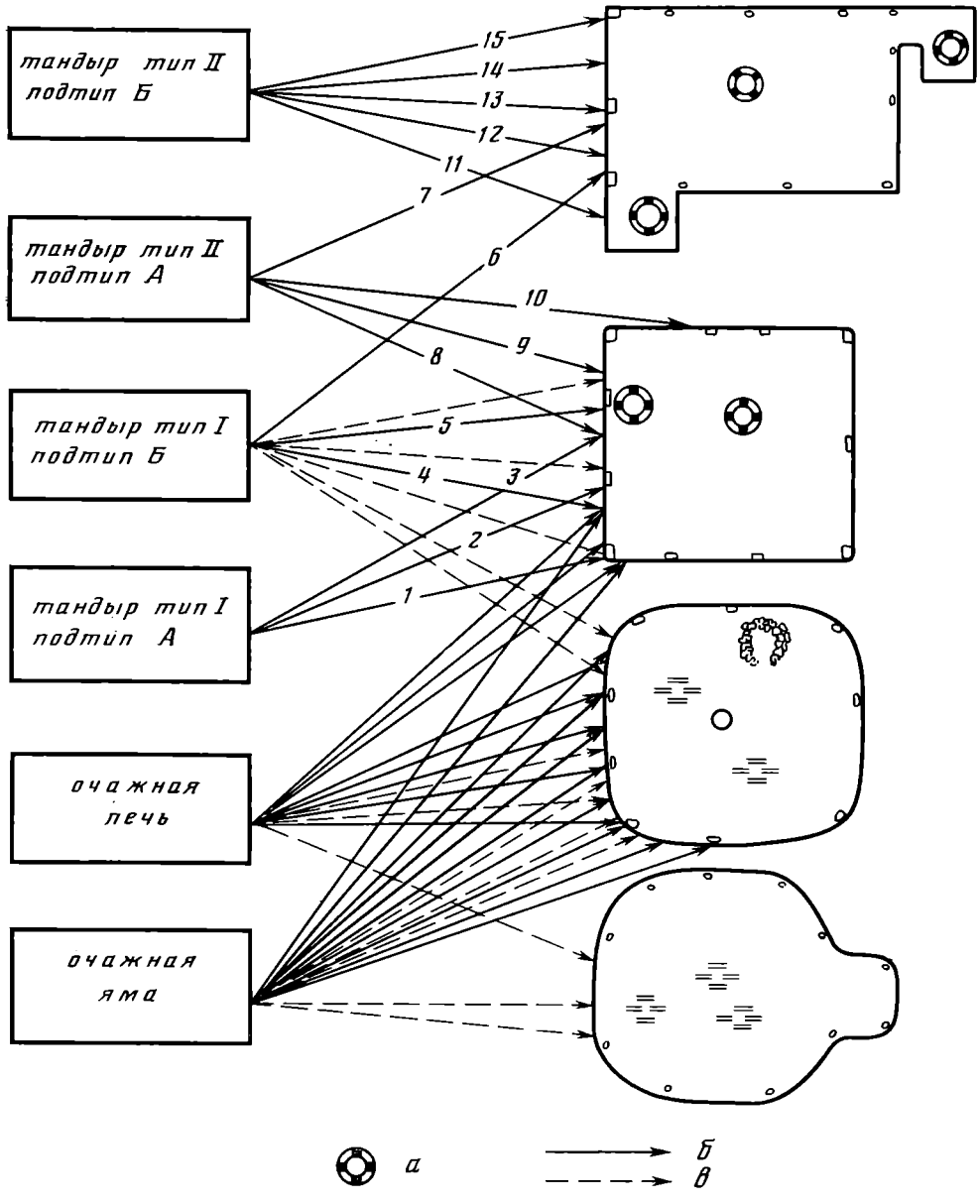


Рис. 6. Схема соотношения типов жилищ с очажными ямами, очажными печами и тандырами в них на поселениях Подонья. *1—15* — номера тандыров; *а* — тандыр; *б* — Средний Донец; *в* — Правобережное Цимлянское городище

Тандыры первого типа подтипа Б — полностью ямные (рис. 2, *1*), появились немного позднее полууглубленных, так как они ближе связаны с квадратными полуземлянками, датируемыми серединой IX в.

Наша датировка не противоречит данным, полученным при исследовании аналогичных печей из слоя середины IX в. на древнеболгарских селищах Попина и Джеджови лозя (жилища 11, 31, 32) [16, с. 29, 30, 52]. Примерно в этом же веке в Средней Азии и на Кавказе вместо очажных ям постепенно внедряются «земляные тануры» [11, с. 105; 12, с. 15—17].

Тандыры второго типа обоих подтипов, сложные наземные, даже двухъярусной конструкции, сооружения с вмонтированной сверху жаровней, на Среднем Донце получили распространение в тот период, когда повсеместно строили только квадратные и прямоугольные жилища [19, с. 58—60; 20, с. 119, 120]. В помещении жилищ им по-прежнему отводили место в центре или у восточной стены. Но для населения, которое осело и постоянно живет в одних и тех же жилищах, такие вопросы, как удобство и оптимальное использование полезной площади, видимо, не

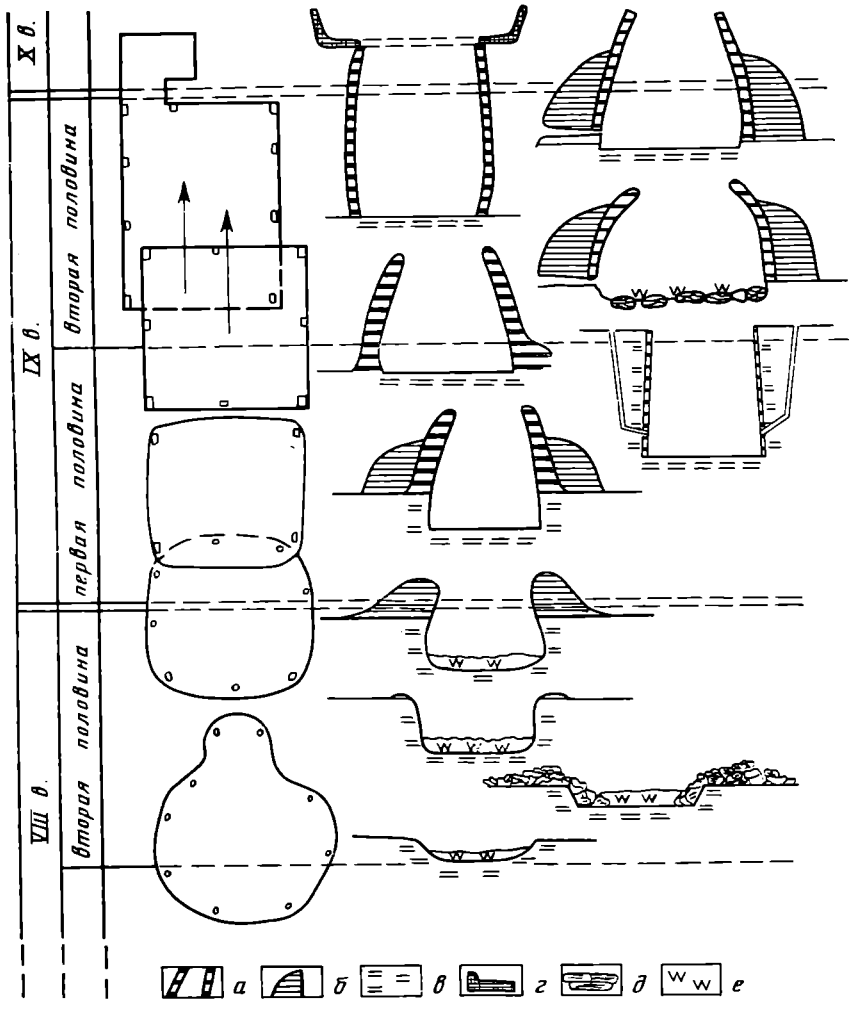


Рис. 7. Последовательность развития в Подонье тандыров из очажных ям и очажных печей. *а* — стены тандыров; *б* — наружная обмазка; *в* — прокал почвы; *г* — жаровня; *д* — камни; *е* — зола

являлись второстепенными. Возможно, поэтому хозяйственные печи, и особенно тандыры, из центра жилища переносят ближе к стенкам, устраивают под стеной (рис. 3, *1*), а в прямоугольных постройках тандыры вообще вынесены за пределы жилья (рис. 4, *1*, *4*). Для них специально делали пристройки со входом из жилища, и в данном случае совершенно определенно можно говорить о сугубо хозяйственной функции тандыра. Реальным фундаментом прочной оседлости во второй половине IX в. праболгар донских степей были земледелие и ремесла. Прямых фактов, подтверждающих развитое земледелие на селищах Среднедонечья и смежных территорий Подонья, накоплено немало: топография поселений, орудия земледелия, объемные зернохранилища с остатками зерна, приспособления для переработки зерна, жаровни для его просушки, наконец, хлебные тандыры. Много сведений получено о ремесленном производстве и мастерских, которые вместе с жилищами составляли сложные комплексы [20, с. 120, 121; 21].

Часть таких комплексов со следами погромов и пожарищ была уничтожена массовым вторжением печенегов в начале X в. в Подонье, другая часть тогда же покинута перед надвигавшейся с восточных степей, все уничтожавшей на своем пути опасностью [22]. Следовательно, полуземлянки прямоугольной конструкции и тандыры в них (второй тип, подтип Б) составляли заключительное звено в развитии салтовского домостроительства. Теперь на многие столетия (до XVI в.) донецкие и донские степи становятся малопригодными для жизни и ведения хозяйства из-за постоянных войн между кочевыми племенами.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Будагов Л. З.* Сравнительный словарь турецко-татарских наречий. Т. I. СПб., 1869.
2. *Захарова И. В.* Материальная культура уйгуров Советского Союза.— Среднеаз. этногр. сб., 1959, вып. II.
3. *Писарчук А. К.* Традиционный способ отопления жилищ оседлого населения Средней Азии в XIX—XX вв.— В кн.: Жилища народов Средней Азии и Казахстана. М.: Наука, 1982.
4. *Воеводский М. В.* К истории гончарной техники народов СССР.— Этнография, 1930, № 4.
5. *Давыдов А. С.* Жилище.— В кн.: Таджики Каратегина и Дарваза. Т. 2. Душанбе, 1970.
6. Типы традиционного сельского жилища народов Юго-Восточной и Центральной Азии. М.: Наука, 1979.
7. Типы традиционного сельского жилища народов Юго-Западной и Южной Азии. М.: Наука, 1981.
8. *Городцов В. А.* Результаты археологических исследований на месте развалин г. Маджар в 1907 г.— В кн.: Тр. XIV АС. Т. 3. М., 1911.
9. *Кобычев В. П.* Поселения и жилища народов Северного Кавказа в XIX—XX вв. М.: Наука, 1982.
10. Народы Кавказа. Т. II. М.: Наука, 1962.
11. *Кабанов С. К.* Раскопки жилого квартала IX века в западной части городища Варахша.— В кн.: Тр. Ин-та истории и археологии АН Узбекской ССР. Вып. VIII. Ташкент, 1956.
12. *Массон В. М.* Древнеземледельческие поселения Маргианы.— МИА, 1959, № 73.
13. *Деопик В. Б., Крупнов Е. И.* Змейское поселение кобанской культуры.— В кн.: Археологические раскопки в районе Змейской Северной Осетии. Орджоникидзе, 1961.
14. *Калоев Е. А.* Осетины. М.: Наука, 1971.
15. *Халиков А. Х., Йовков С. М., Шарифуллин Р.* Исследование Билярского городища.— АО—1972. М., 1973.
16. *Вължарова Ж. Н.*— Славянски и славянобългарски селища в Българските земи VI—X век. София, 1965.
17. *Плетнева С. А.* Отчеты о работах Донской экспедиции на Правобережном городище в 1958—1959 гг.— Архив ИА АН СССР, р-1, № 1907, 1959.
18. *Харузин Н.* История развития жилища у кочевых и полукочевых тюрских и монгольских народностей России. СПб., 1896.
19. *Плетнева С. А.* От кочевий к городам.— МИА, 1967, № 142.
20. *Красильников К. И.* Возникновение оседлости у праболгар Среднедонечья.— СА, 1981, № 4.
21. *Красильников К. И.* Новые данные о гончарном производстве в салтовское время на Среднем Донце.— КСИА, вып. 160.
22. *Константин Багрянородный.* Об управлении государством/Пер. Латышева В. В.— Изв. ГАИМК, 1934, вып. 91.

K. I. Krasilnikov

TANDYRS IN THE SALTOVO DWELLINGS OF THE DON REGION

Summary

The Early Bolgarian dwellings in the Don region yielded 20 tandyrs with numerous analogies among the baking ovens in the Central Asia and the Caucasus. Their general structures and construction methods divide them into two types: Type I — pit tandyrs (Subtype A — in pits with built-up walls covered with clay and Subtype B — the entire oven sank in a pit. Type II embraces surface tandyrs with low walls (up to 50 cm), modelled tandyrs with additional clay layer of up to 20 cm thick (Subtype A) and high coiled tandyrs (up to 1 m) with an additional clay layer up to 25 cm thick (Subtype B). Taking into account the ancient Turkic origin of the tandyrs and the local evolution of their designs brought about by the economic development of the Saltovo culture in the entire Don area the author thinks that they, far from being an alien phenomenon, were a natural element of the ethnic and economic environment. Tandyrs appeared in the mid-9th century in nearly square dug-outs. Sixty per cent of such ovens were found in square or rectangular dug-out dwellings dated to the second half of the 9th century. They seased to be used after the Saltovo culture disappered in the early 10th century.

Н. А. МАКАРОВ

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ДАННЫЕ О ХАРАКТЕРЕ КОЛОНИЗАЦИИ РУССКОГО СЕВЕРА В X—XIII ВВ.

Под Русским Севером подразумевается обычно обширная территория, включающая бассейн Онежского озера на западе и бассейн Мезени на востоке, с южной границей, проходящей по линии водораздела Волги и Сухоны. Русское население этого края характеризуется определенным единством диалекта и единством традиционной бытовой культуры. Можно говорить и о единстве исторической судьбы края в средневековье. Основная его часть в период образования древнерусского государства была лишена славянского населения и не вошла в границы государственной территории Руси, а в XV—XVI вв. это уже одна из ее наиболее развитых областей с плотным массивом русского населения. Начальные этапы колонизации края скупо освещены в письменных источниках. Само содержание понятия «колонизация» во многом неясно, и разные исследователи вкладывают в него разный смысл. Рассматривая различные мнения, можно наметить две основные концепции.

Одна из них была в развернутом виде сформулирована В. О. Ключевским и С. Ф. Платоновым, считавшими, что колонизация представляла собой прежде всего проникновение славян в малонаселенный северный край и возникновение здесь сети славянских поселений [1, с. 4—7; 2, с. 13—18]. Основным содержанием процесса являлось, таким образом, заселение Севера и становление на его территории сначала промыслового, а затем в некоторых местах и земледельческого хозяйства. Признавая факт существования на Севере местного финноязычного населения, эти историки полагали, что оно было немногочисленным и сыграло подчиненную роль в истории Севера. Включение северных земель в состав древнерусского государства рассматривалось В. О. Ключевским и С. Ф. Платоновым как следствие освоения этой территории переселенцами-славянами. Концепция Ключевского и Платонова была принята многими историками, одни из которых целиком разделяли основные ее положения [3, с. 190—193; 4, с. 35; 5, с. 207], другие, отвергая некоторые из них, соглашались с ее исходным пунктом — взглядом на период X—XIII вв. как на время быстрого взрывообразного заселения края [6, с. 257—261; 7, с. 47, 48; 8, с. 32, 33; 9].

На сложение другой точки зрения большое влияние оказали достижения финно-угорского языкознания, в том числе выявление на Русском Севере пласта гидронимов финно-угорского происхождения. Это навело на мысль, что к моменту начала колонизации здесь уже существовало многочисленное финское население, а сама колонизация сводилась к установлению власти русских князей над северными территориями. По мнению ряда исследователей — П. С. Ефименко, Е. К. Огородникова, М. М. Богословского, А. А. Кизеветтера, А. А. Савича, колонизационное движение на начальных своих этапах представляло собой серию военных экспедиций, имевших целью покорение и обложение данью местных племен [10, с. 56—63; 11, с. 4, 5; 12, с. 2; 13, с. 13, 14; 14, с. 24]. Своеобразное развитие получила эта концепция в работе А. Н. Насонова, который, отказавшись от трактовки освоения Севера как цепи военных походов, представил колонизацию в виде процесса распространения даней среди старожильческого населения края [15, с. 99, 110].

Противопоставление двух изложенных точек зрения не стоит абсолютизировать. Для большинства работ послевоенного периода, касающихся данной темы, характерно понимание того, что в реальной исторической действительности колонизация-заселение и колонизация-распространение даней сосуществовали. Проблема сводится не к тому, чтобы доказать безусловное преобладание одного из этих процессов, а к тому, чтобы выяснить, каково было их соотношение. Этот вопрос является одним из ключевых для средневековой истории Севера.

Археологи включились в разработку северной проблематики лишь два-три десятилетия назад, после того как развернулись широкие раскопки Белоозера и Вологды и были получены некоторые данные о погребальных памятниках Севера [16; 17, с. 6—24; 18, с. 120—136]. С самого начала внимание археологов оказалось сосредоточенным на проблеме этнической атрибуции древностей Севера, на выяснении славянской или финской принадлежности отдельных памятников и их групп. Попутно затрагивались и вопросы колонизации. При этом большинство исследователей исходили из предпосылки, что отражением процесса колонизации в археологических материалах должна являться смена культуры финно-угорского облика пластом славянских древностей, приходящаяся на X—XIII вв. По результатам этих работ этническая карта Севера предстает перед нами довольно пестрой: в некоторых районах, в частности на Белоозере, отмечено присутствие славянской культуры уже в X в. [16, с. 194], с другой стороны, в бассейне оз. Воже, рек Ваги и Сухоны известны погребальные комплексы XII—XIII вв. с ярко выраженной финно-угорской окраской [19, с. 81—83; 20, с. 115; 21, с. 196—201; 22, с. 66]. Однако для решения вопроса о характере колонизационного движения на Север важны не только поиски достоверно славянских древностей в регионе, но и общая оценка территориального распространения средневековых памятников, заселенности края и изменения плотности населения в X—XIII вв. по сравнению с предшествующим периодом. Постановка этих вопросов стала возможной лишь в последние годы, после того как полевые исследования на Севере значительно активизировались, а география их расширилась. Эти проблемы и рассматриваются в настоящей работе.

Зона плотного распространения курганов X—XII вв. не заходит на территорию Русского Севера. Граница этой зоны, проходя по юго-восточному побережью Ладожского озера, верховьям Ояти и далее по Суде и Мологе, оконтуривает рассматриваемую территорию с юго-запада. К северу и востоку от этой границы известно в настоящее время 177 пунктов с находками X—XIII вв. и 20 пунктов с находками I тыс. н. э. На карте (рис. 1) показаны все памятники и отдельные местонахождения этих периодов вне зависимости от их типологической принадлежности и степени изученности. Однако учтены лишь те памятники и отдельные находки, датировка которых устанавливается вполне определенно. Материалы, происходящие из большинства этих пунктов, хранятся в фондах различных музеев и оказались доступными для ознакомления. Архивные и литературные данные использовались лишь в тех случаях, когда они содержали фотографии, рисунки или подробные описания датирующих вещей. Не учитывались многочисленные архивные и литературные сведения о городищах и могильниках, в которых не найдено датирующих материалов.

I тысячелетие н. э. остается периодом, памятники которого изучены на Севере хуже всего. Городища этого времени в Поонежье и Подвинье неизвестны, отсутствуют здесь и большие грунтовые могильники, подобные могильникам Прикамья и Среднего Поволжья. Основным типом памятников являются селища с незначительным культурным слоем и редкими находками металлических вещей, представляющих большую важность для их датировки. Среди этих предметов ножи с горбатой или изогнутой спинкой или прямой спинкой без уступа при переходе от черешка к клинку, бронзовые прямоугольные поясные накладки, коническая привеска с треугольными прорезями, бронзовый браслет с расши-

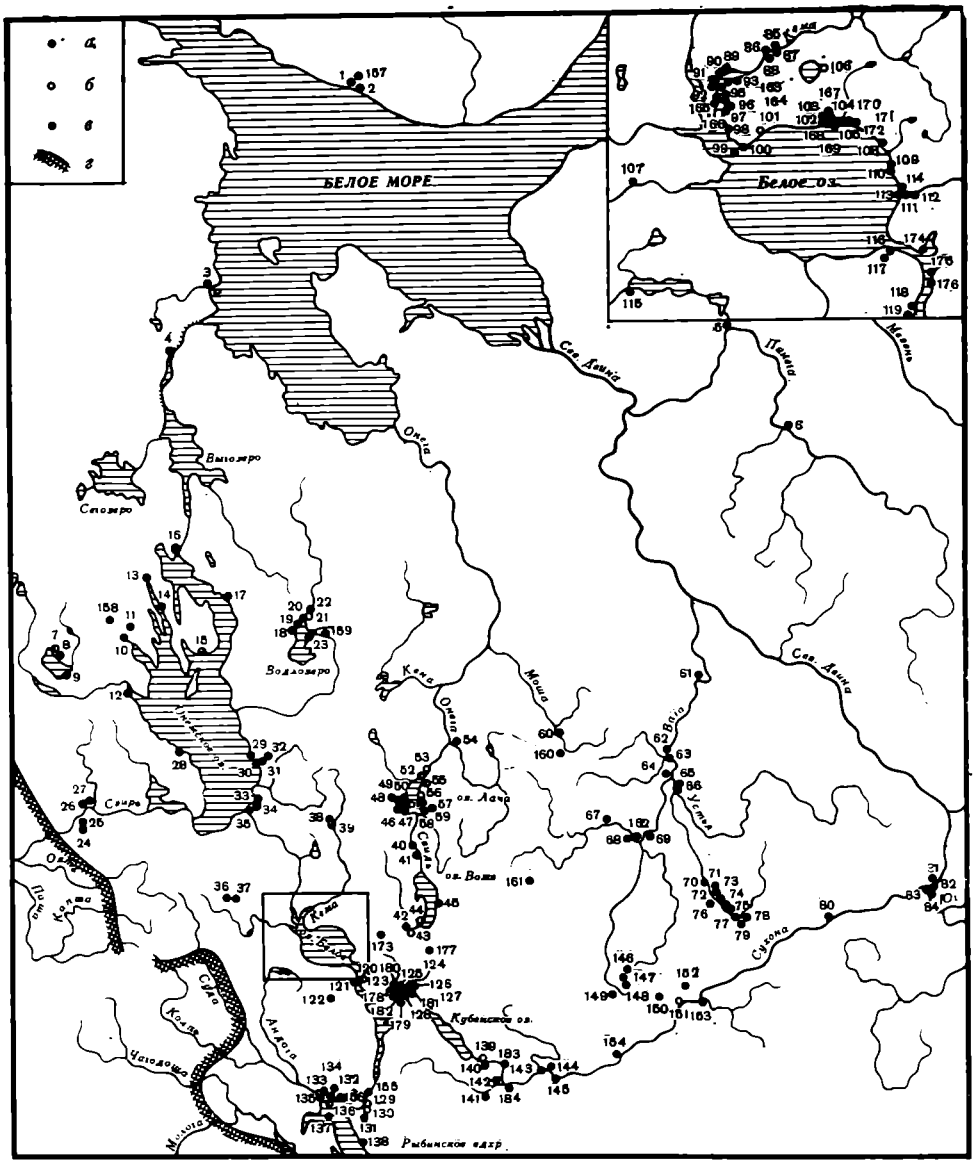


Рис. 1. Памятники I — начала II тыс. н. э. на Русском Севере. *а* — памятники X—XIII вв.: *б* — памятники I тыс. н. э.; *в* — памятники с комплексами I тыс. н. э. и X—XIII вв.; *г* — граница зоны плотного распространения курганов. *1* — Кузомень, могильник; *2* — Индерка, клад; *3* — Кемь, клад; *4* — Горелый Мост VI, селище; *5* — Пинега, случайная находка; *6* — Ваймуши, могильник; *7* — Кудома XI, селище; *8* — Лахта II, селище; *9* — Малая Суна IX, селище; *10* — Суна VI, селище; *11* — Сандал, клад; *12* — Петрозаводск, клад; *13* — Кокорин, случайная находка; *14* — Куткостров, селище; *15* — Падмозеро, клад; *16* — Повенец, случайная находка; *17* — Челмужи, курганы; *18* — Илекса IV—V, селище; *19* — Илекса III, селище; *20* — Нижняя Колонжа, селище; *21* — Шеттима I, селище; *22* — Шеттима II, одиночное погребение; *23* — Водла V, селище; *24* — Озера, клад; *25* — Верхняя Мандрога, курган; *26* — Свирьстрой I, клад; *27* — Свирьстрой II, клад; *28* — Шелтозеро XXIX, селище; *29* — Муромское VIII, селище; *30* — Муромское VII, селище; *31* — Муромское VI, селище и одиночное погребение; *32* — Муромское III, селище; *33* — Тудозеро I, селище; *34* — Тудозеро II, селище; *35* — Устье Вытегры, случайная находка; *36* — Куштозеро IV, клад; *37* — Куштозеро III, селище; *38* — Кукозеро II, селище; *39* — Кукозеро V, селище; *40* — Давыдово, селище; *41* — Селище, селище; *42* — Погостище, могильник; *43* — Гостинный Берег, селище; *44* — Селище, селище; *45* — Низ, могильник; *46* — Попадьино, могильник; *47* — Попадьино, селище; *48* — Тихманьга, могильник; *49* — Горка, могильник; *50* — Горка I, селище; *51* — Горка II, селище; *52* — Каргополь, случайные находки; *53* — Надпорожье, случайная находка; *54* — Шулепово, могильник; *55* — Кубенино, случайная находка; *56* — Ольский мыс, селище; *57* — Малый Колокол, селище; *58* — Веретье, случайная находка; *59* — Попово, могильник; *60* — Мошинский погост, селище; *61* — Корбола, могильник; *62* — Усть-Пуя, могильник; *63* — Аксеновская, случайная находка; *64* — Васильевская, случайная находка; *65* — Алферово, случайная находка; *66* — Благовещенское, клад; *67* — Хозьмино, случайная находка; *68* — Селютинская, случайная находка; *69* — Городище, случайная находка; *70* — Матвеевское, случайная находка; *71* — Игунинская, случайная находка

ряющимися концами, бронзовая круглая ажурная бляха, серебряная подковообразная фибула с гнездами для эмали, обломок бантовидной накладки, смонтированной из выпуклых круглых бляшек, и некоторые другие вещи [23, с. 145, 146; 24, с. 140, 141; 25, с. 70—83; 26]. Датирующим материалом может служить и найденная вместе с этими вещами керамика с поверхностью, покрытой расчесами или легкой штриховкой, и орнаментом в виде ямочных вдавлений на плечике и шейке сосудов. Кроме селищ известны единичные погребения с кремациями и ингумациями [24, с. 109, 110; 26]. Малочисленность памятников и невозможность узкой датировки большинства из них вынуждают рассматривать материалы всего I тыс. (исключая X в.) суммарно; при этом следует иметь в виду, что бóльшая часть памятников относится к середине — третьей четверти I тыс. н. э. Что касается географического распространения памятников, то они сосредоточены в западных и юго-западных районах: в бассейне Онежского озера [24, с. 109, 110, 140, 141; 25, с. 70—83], Белого озера и Шексны [23, с. 145, 146; 26; 27, с. 5], но встречаются и восточнее — на Сухоне, озерах Лача и Воже [26]. В северной части рассматриваемой территории — в низовьях Онеги и Северной Двины и на Белом море — памятники этого периода пока не выявлены.

Переходя к материалам X—XIII вв., отметим прежде всего значительное увеличение количества памятников, хотя протяженность этого периода вдвое меньше. Типологически этот материал разнороден. На карте отмечены 100 открытых поселений, одно городище и два древнерусских города — Белоозеро и Вологда. Среди погребальных памятников преобладают грунтовые могильники — их 29, известно также 5 курганных групп и 2 одиночные сопки. Из 27 пунктов происходят случайные наход-

---

ка; *72* — Шухлиха, случайная находка; *73* — Проневская, могильник; *74* — Новгородовская, случайная находка; *75* — Долговицкая II, могильник; *76* — Нижнепаунинская, могильник; *77* — Исаковская, случайная находка; *78* — Кремлево, случайная находка; *79* — Шевденицы, могильник; *80* — Медведево, курганы; *81* — Великий Устюг, клад; *82* — Пестово, селище; *83* — Морозовица I, селище; *84* — Морозовица II, селище; *85* — Новое Село I, сопка; *86* — Новое Село II, сопка; *87* — Новое Село III, селище; *88* — Новое Село IV, селище; *89* — Никольское I, городище; *90* — Никольское VI, селище; *91* — Никольское V, селище; *92* — Никольское VII, селище; *93* — Покровское I, селище; *94* — Покровское II, селище; *95* — Никольское III (Болтинская), курганы и грунтовый могильник; *96* — Новокемский I, случайная находка; *97* — Новокемский II, селище; *98* — Новокемский III, селище; *99* — Новокемский V, селище; *100* — Орлово, случайная находка; *101* — Водоба II, селище; *102* — Монастырек, селище; *103* — Троицкое I, могильник; *104* — Троицкое II, селище; *105* — Троицкое III, селище; *106* — Егорьевка, селище; *107* — Васютино, поселение; *108* — Старые Вашки, селище; *109* — Муньга I, селище; *110* — Муньга II, селище; *111* — Ухтома I, селище; *112* — Ухтома II, селище; *113* — Ухтома III, селище; *114* — Ухтома IV, селище; *115* — Усть-Андога, селище; *116* — Белоозеро, поселение и курган; *117* — Пески, могильник; *118* — Пупково, селище; *119* — Волохово, селище; *120* — Федосьин городок, селище; *121* — Крутик, поселение; *122* — Яковлево, случайная находка; *123* — Нефедьево III, селище; *124* — Нефедьево I, могильник; *125* — Нефедьево II, селище; *126* — Гора, случайная находка; *127* — Сопигино, селище; *128* — Кудрино, селище; *129* — Шушгора (Ульяново), селище; *130* — Каралка, селище; *131* — Минино, могильник; *132* — Панькино, клад; *133* — Соборная гора, селище, *134* — Торово, могильник; *135* — Луковец, поселение; *136* — Городище, поселение; *137* — Любец, случайная находка; *138* — Козьмодемьянское, случайная находка; *139* — Клыжово, селище; *140* — Качалки, селище; *141* — Вологда, поселение; *142* — Векса, селище; *143* — Двиница II, селище; *144* — Двиница I, селище; *145* — Шуйское, селище; *146* — Семеновская, могильник; *147* — Марьинская, могильник; *148* — Заречье, могильник; *149* — Чижово, случайная находка; *150* — Кудринская, могильник; *151* — Усть-Царева II, селище; *152* — Пустошинская, могильник; *153* — Старототемское, селище; *154* — Усть-Стрелица, клад; *155* — Устье Имаи, селище; *156* — Октябрьский мост, селище; *157* — Кузомень II, могильник; *158* — Черанга I, селище; *159* — Пога I, селище; *160* — Воезеро, могильник; *161* — Каратыгинская, могильник; *162* — Ростовское, селище; *163* — Никольское VIII, селище; *164* — Никольское IX, селище; *165* — Никольское XI, селище; *166* — Никольское X, селище; *167* — Киснема (Троицкое VI), селище; *168* — Троицкое IV, селище; *169* — Троицкое V, селище; *170* — Коптево II, селище; *171* — Коптево I, селище; *172* — Киуй; *173* — Волок, селище; *174* — Устье Пидьмы, селище; *175* — Бородава, селище; *176* — Вогнема, селище; *177* — Сокольниково, селище; *178* — Шуйгино II, селище; *179* — Шуйгино I, селище; *180* — Нефедьево V, селище; *181* — Лукинское, селище; *182* — Славянка, селище; *183* — Селище, селище; *184* — Никола Мокрый, селище

ки средневековых украшений, орудий труда и керамики. Кроме того, на рассматриваемой территории найдено 13 кладов X—XII вв., в составе которых были куфические и западноевропейские монеты и украшения.

Из 177 пунктов с находками этого времени 4 локализуются на Свири [28, с. 152; 29, с. 102, 103; 30], 3 — на Сямозере[1] [24, с. 141, 145], 18 — в бассейне Онежского озера[2] [25, с. 83—93; 28, с. 161; 31, с. 96, 99; 32, с. 95—102; 33, с. 103—112; 34, с. 149—157; 35, с. 169; 36, с. 29, 30; 37, с. 54; 38, с. 33, 34; 39, с. 21, 22; 40, с. 16, 17], 18 — в бассейне озер Воже, Лача и р. Онеги[3] [18, с. 123, 134, 135; 19, с. 81—83; 41; 42, л. 27—33; 43, л. 2, 3; 44, с. 19, 20; 45, с. 20; 46, с. 25; 47, л. 9; 48, с. 30; 49, л. 4 об.], 72 — в районе Белого озера[4] [16; 28, с. 161; 43, л. 11, 12; 44, с. 19, 20; 50, с. 65—69; 51 с. 42—48; 52, с. 261, 262; 53, л. 2—7, 17—19; 54, с. 19, 20; 55, л. 66, 67, 70; 56, с. 132—135; 58, с. 37], 10 — в среднем течении Шексны[5] [18, с. 135; 27, с. 5; 57, с. 28], 20 — в бассейне Сухоны и Кубенского озера[6] [17, с. 6—24; 21, с. 196—201; 28, с. 161, 176; 37, с. 2; 44, с. 19, 20; 59, л. 18—21; 60, с. 24; 61, с. 21, 22], 23 — в бассейне Ваги и Кокшеньги[7] [20, с. 115; 21, с. 199, 200; 22; 28, с. 161; 62, с. 73, 74; 63, с. 92, 95; 64, с. 22; 65, с. 7; 66, с. 45—49; 67, с. 66—71], 2 — на Карельском и Поморском берегах Белого моря [20, с. 111, 112; 68, с. 230—244], 3 — на Терском берегу[8] [69, с. 6, 7; 70, с. 25, 26] и 2 — на Пинеге[9] [71, с. 153]. В целом ареал находок этого периода простирается гораздо дальше на север и на восток, чем ареал памятников I тыс. н. э. Некоторые скопления пунктов с находками X—XIII вв. приходятся на те районы, где материалы предыдущего периода неизвестны: на Заонежье, Водлозеро, Вагу, Кокшеньгу. Однако основная масса пунктов сосредоточена в юго-западной части рассматриваемой территории — там же, где и памятники предыдущего периода. На северной периферии, включая бóльшую часть Беломорского побережья, Подвинье и среднее и нижнее течение Онеги, памятники по-прежнему неизвестны.

Суммарный подход к картированию памятников X—XIII вв.— периода протяженностью около 400 лет — обусловлен тем, что многие из них не могут пока получить более узких дат, чем X—XII или XI—XIII вв. Однако примерно для половины материала — 97 комплексов — существует возможность сравнительно точного датирования. К числу этих материалов принадлежат комплексы поселений, подвергавшихся более полным исследованиям, погребения с инвентарем, клады и находки ювелирных украшений. Большинство вещей из этих комплексов относится к известным общедревнерусским или общесевероевропейским типам и может быть датировано в соответствии с хронологией древностей Новгорода, Старой Ладоги и древнерусских курганов. Существенное значение для датировки имеют находки монет, происходящие из 19 пунктов. Датированные комплексы объединяются в три хронологические группы: первой — третьей четверти X в., последней четверти X в.— первой четверти XII в. и XII—XIII вв. (рис. 2).

---

[1] Археологический музей ИЯЛИ КФ АН СССР, кол. № 161, 215, 608, 667.

[2] Археологический музей ИЯЛИ КФ АН СССР, кол. № 403, 450, 468, 469, 480, 636, 777, 778, 1060, 1113. Лепная керамика из устья р. Вытегры хранится в Вытегорском краеведческом музее. Пользуюсь случаем выразить признательность Г. А. Панкрушеву, М. Г. Косменко и С. И. Кочкуркиной, любезно познакомившим меня с материалами разведок и раскопок в Карелии.

[3] Гос. Эрмитаж, ОИПК, кол. № 1970.

[4] Археологический музей ИЯЛИ КФ АН СССР, кол. № 983, 1008, 1011.

[5] Ярославский краеведческий музей, инв. № 7073, кол. № 29; Череповецкий краеведческий музей, кол. № 1384, 1947, 1737, 3947.

[6] Череповецкий краеведческий музей. Великоустюгский краеведческий музей.

[7] Гос. Эрмитаж, ОИПК, кол. № 666/13, 655; ГИМ, инв. № 76695, опись 892, № 1—17; Вельский краеведческий музей, № 134—137, 144, 159—164; Тотемский краеведческий музей, № 44, 46—48, 54 и экспозиция.

[8] Гос. Эрмитаж, ОИПК, кол. № 523.

[9] ГИМ, инв. № 31 878, опись 1318, № 1.

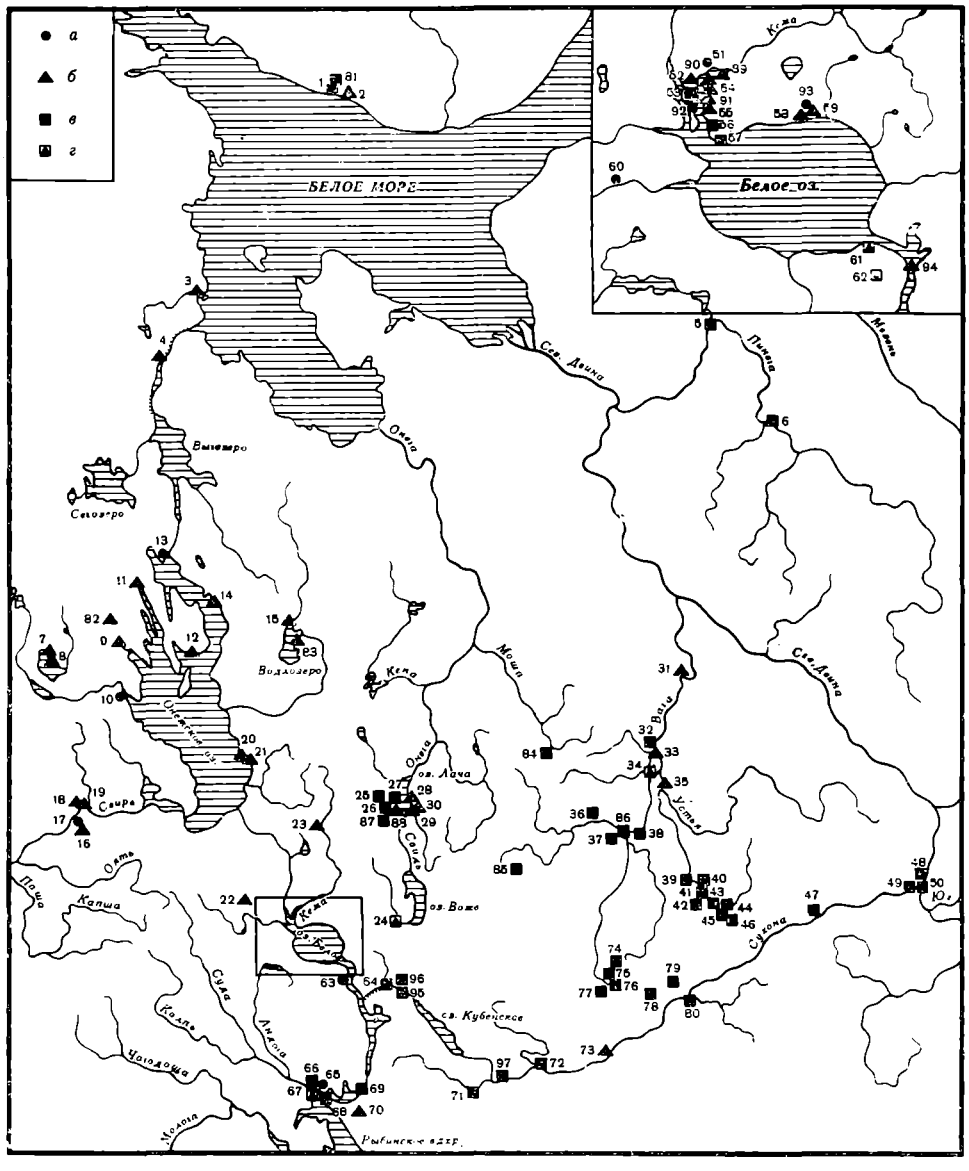


Рис. 2. Памятники X—XIII вв. на Русском Севере. *а* — памятники первой — третьей четверти X в.; *б* — памятники последней четверти X — первой четверти XII в.; *в* — памятники XII—XIII вв.; *г* — памятники с комплексами X—XI и XII—XIII вв. *1* — Кузомень I, могильник; *2* — Индерка, клад; *3* — Кемь, клад; *4* — Горелый Мост VI, селище; *5* — Пинега, случайная находка; *6* — Ваймуши, могильник; *7* — Кудома XI, селище; *8* — Лахта II, селище; *9* — Суна VI, селище; *10* — Петрозаводск, клад; *11* — Кокорин, случайная находка; *12* — Падмозеро, клад; *13* — Повенец, случайная находка; *14* — Челмужи, курганы; *15* — Илекса IV—V, селище; *16* — Озера, клад; *17* — Верхняя Мандрога, курган; *18* — Свирьстрой I, клад; *19* — Свирьстрой II, клад; *20* — Муромское VII, селище; *21* — Муромское VI, одиночное погребение; *22* — Куштозеро IV, клад; *23* — Кукозеро V, селище; *24* — Погостище, могильник; *25* — Тихманьга, могильник; *26* — Горка, могильник; *27* — Горка, селище I; *28* — Малый Колокол, селище; *29* — Веретье, случайная находка; *30* — Попово, могильник; *31* — Корбола, могильник; *32* — Усть-Пуя, могильник; *33* — Аксеновская, случайная находка; *34* — Васильевская, случайная находка; *35* — Благовещенское, клад; *36* — Хозьмино, случайная находка; *37* — Селютинская, случайная находка; *38* — Городище, случайная находка; *39* — Матвеевское, случайная находка; *40* — Игунинская, случайная находка; *41* — Шухлиха, случайная находка; *42* — Новгородовская, случайная находка; *43* — Нижнепаунинская, могильник; *44* — Исаковская, случайная находка; *45* — Кремлево, случайная находка; *46* — Шевденицы, могильник; *47* — Медведево, курганы; *48* — Великий Устюг, клад и случайная находка; *49* — Морозовица I, селище; *50* — Морозовица II, селище; *51* — Никольское I, городище; *52* — Никольское V, селище; *53* — Никольское VII, селище; *54* — Никольское III (Болтинская) курганы; *55* — Новокемский II, селище; *56* — Новокемский III, селище; *57* — Орлово, случайная находка; *58* — Монастырек, селище; *59* — Киснема, могильник; *60* — Васютино, поселение; *61* — Белоозеро, поселение и курган; *62* — Крохинские Пески, могильник; *63* — Крутик, поселение; *64* — Нефедьево I, могильник; *65* — Панькино, клад; *66* — Торово, могильник; *67* — Луковец, поселение; *68* — Городище,

Комплексы первой группы происходят из девяти пунктов. Дата их устанавливается по находкам дирхемов, чеканенных в IX — первой половине X в., набору бус, в котором преобладают лимонки, в том числе многочастные позолоченные и посеребренные, глазчатые бусы и рубленый бисер, проволочных височных колец мерянского типа, трапециевидных привесок с орнаментом в виде точечных вдавлений, подковообразных фибул с шипами на граненых концах, а также по набору керамики, в котором отсутствуют гончарные сосуды древнерусского облика. Важным датирующим признаком можно считать отсутствие в комплексах ряда распространенных украшений, вошедших в употребление в последней четверти X — на рубеже X—XI вв. Наиболее полно слои первой — третьей четверти X в. изучены на поселении Крутик на Шексне. Серединой, а скорее второй половиной X в. может быть датирован нижний слой Белоозера. К этому же периоду относятся материалы трех поселений в бассейне Белого озера и клад куфических монет, найденный в среднем течении Шексны. Кроме того, укажем находки в бассейне Онежского озера: серию украшений из разрушенного кургана на Свири, клад куфических монет из Петрозаводска, от которого сохранился единственный дирхем 946 г., и подковообразную фибулу с гранеными концами из Повенца. Относя эти находки к первой хронологической группе, следует учитывать, что они должны быть датированы второй половиной X в., не исключая и последней четверти этого столетия. Немногочисленные комплексы первой хронологической группы локализуются, таким образом, в двух районах — на Белом озере и Шексне и вблизи Онежского озера.

Материалы второй хронологической группы найдены в 44 пунктах (рис. 2). Для датировки их существенны находки западноевропейских и куфических монет, набор бус (в котором лимонки и глазчатые бусы сочетаются с золото- и серебростеклянными бочонкообразными и цилиндрическими), находки грушевидных бубенчиков с крестообразной прорезью, подковообразных фибул со спиральными концами и треугольным или ромбическим сечением дуги, витых, проволочных, дротовых и пластинчатых браслетов с завязанными концами, лировидных пряжек, костяных односторонних расчесок с футлярами, ножей с узким клиновидным лезвием и толстой спинкой. В керамическом наборе характерно сочетание лепных и гончарных сосудов, причем на большей части рассматриваемой территории лепная керамика остается преобладающей.

Географические комплексы этой группы распределены неравномерно. 16 из них локализуются на Свири, в Заонежье, в Восточной Карелии и в Западном Беломорье. Здесь известны 9 селищ, курганная группа, одиночное погребение, коллекция украшений, представляющая собой скорее всего инвентарь разрушенного погребения, и 5 монетных и монетно-вещевых кладов. В районе Белого озера и среднего течения Шексны локализуются 16 комплексов, включающих город Белоозеро, 9 открытых поселений, 3 грунтовых могильника, 2 курганные группы и 1 монетный клад. Два могильника, два селища и одна случайная находка этого периода известны в районе озер Лача и Воже. Клад серебряных шейных гривен XI в. найден на Терском берегу, а два клада западноевропейских монет — в среднем и нижнем течении Сухоны. Четыре комплекса второй хронологической группы происходят из бассейна Ваги. В их числе грун-

---

поселение; *69* — Устье Имаи, селище; *70* — Минино, могильник; *71* — Вологда, поселение; *72* — Двиница I, селище; *73* — Усть-Стрелица, клад; *74* — Семеновская, могильник; *75* — Марьинская, могильник; *76* — Заречье, могильник; *77* — Чижово, случайная находка; *78* — Кудринская, могильник; *79* — Пустошинская, могильник; *80* — Старототемское, селище; *81* — Кузомень II, могильник; *82* — Черанга I, селище; *83* — Пога I, селище; *84* — Воезеро, могильник; *85* — Коротыгинская, могильник; *86* — Ростовское, селище; *87* — Попадьино, могильник; *88* — Попадьино, селище; *89* — Покровское I, селище; *90* — Никольское VIII, селище; *91* — Никольское IX, селище; *92* — Никольское X, селище; *93* — Киснема (Троицкое VI), селище; *94* — Вогнема, селище; *95* — Кудрино, селище; *96* — Сопигино, селище; *97* — Никола Мокрый, селище

товый могильник, клад куфических и западноевропейских монет и две коллекции украшений, очевидно, из разрушенных могильников. Мы видим, что районом преимущественного распространения древностей конца X — начала XII в. остается западная половина рассматриваемой территории, тогда как в восточных ее областях зафиксированы лишь единичные памятники.

Комплексы третьей хронологической группы еще более многочисленны — их 52. Датировка их основывается на находках полых зооморфных подвесок — коньков и баранчиков, плоских прорезных двухголовых подвесок-коньков, косорешетчатых подвесок, шаровидных бубенчиков с прямой прорезью и поперечным литейным швом, топоров с широким опущенным лезвием, небольшой выемкой и бородком или с симметричным лезвием, ножей с широким и плоским лезвием. Керамический набор ряда памятников содержит исключительно круговую посуду, среди которой преобладают горшки с высоким плечиком, короткой шейкой и сильно отогнутым наружу венчиком с загнутым внутрь краем.

На Свири, в Заонежье, и в Восточной Карелии комплексы, относящиеся к третьей хронологической группе, неизвестны. Следуя далее на восток, в районе Белого озера и среднего течения Шексны мы встретим 13 комплексов этого периода: 10 открытых поселений, включая Белоозеро, и 3 грунтовых могильника. Еще одно селище и 5 грунтовых могильников локализуются в районе озер Лача и Воже и в бассейне Онеги. В бассейне Сухоны культурный слой этого времени встречен на шести поселениях, в том числе в Вологде. Здесь же, в бассейне Сухоны, известны три грунтовых могильника и единственная на Севере курганная группа этого периода. Наиболее крупное скопление памятников и отдельных находок, относящихся к третьей хронологической группе, мы обнаруживаем в бассейне Ваги и Кокшеньги. Здесь локализуется 7 грунтовых могильников, 1 селище и 10 местонахождений украшений и орудий труда. Еще два могильника этого периода известны на Терском берегу и два пункта с находками вещей из разрушенных погребений — на Пинеге. Легко заметить, что комплексы третьей хронологической группы концентрируются в восточных районах Севера, где комплексы предыдущих периодов отсутствуют или немногочисленны. Резко увеличивается в этот период количество памятников в Важском бассейне. В районе озер Лача и Белое число комплексов остается в XII—XIII вв. примерно таким же, как и в предыдущем периоде, тогда как в бассейне Онежского озера памятники исчезают.

Составленная нами археологическая карта отражает современный уровень знаний о средневековых памятниках Севера. Будущие исследования внесут в нее большие дополнения, которые могут значительно изменить общую картину, наблюдаемую в настоящее время. Поэтому прежде чем суммировать результаты наблюдений, необходимо остановиться на вопросе о «белых пятнах», имеющихся сейчас на карте. Действительно, нельзя не обратить внимание на отсутствие памятников X—XIII вв. на огромных территориях, в частности в Подвинье и на Беломорском побережье. Является ли это следствием слабой изученности территории или же она была действительно не заселена? Что касается Нижнего Подвинья и Поморья, то эти районы считать необследованными нельзя. Первые попытки сбора сведений об археологических памятниках этих районов были предприняты более 100 лет назад [72, с. 187—193; 73, с. 319—364], в дальнейшем здесь пролегли маршруты разведок К. П. Ревы, В. И. Смирнова, А. Я. Брюсова, О. В. Овсянникова, А. А. Куратова, в ходе которых были выявлены памятники эпохи неолита, бронзы, раннего железа и позднего средневековья [74, с. 9—11, 51—76, 85—88]. Трудно, однако, предположить и полную незаселенность Нижнего Подвинья и Поморья в X—XIII вв. Вероятно, население в этих и других районах северной и северо-восточной части края было редким и малочисленным. Отдельные памятники X—XIII вв. будут, безусловно, найдены и здесь, но количество их останется несравнимо меньшим, чем в юго-западных районах.

Общий обзор хронологического и территориального распределения памятников, отмеченных на карте, позволяет сделать два наблюдения. Во-первых, это резкое увеличение количества памятников, приходящееся на X—XI вв. и продолжающееся, хотя и более медленно, в XII—XIII вв. Сравнение числа памятников I тыс. н. э. и X—XIII вв.— 20 и 177 — само по себе выразительно. Впрочем, оно нуждается в некоторых комментариях. Комплексы I тыс. н. э. бедны металлом и содержат довольно невыразительный керамический материал, поэтому обнаружение их или выделение древностей этой эпохи в составе уже существующих коллекций несравненно труднее, чем обнаружение памятников X—XIII вв. Не исключено, что часть материалов I тыс. н. э. остается неопознанной и неотделенной от более ранних древностей эпохи железа. Мы должны учитывать, что фиксируемая в настоящее время резкая диспропорция числа памятников двух эпох на самом деле могла быть более сглаженной. И все же значительное увеличение числа археологических памятников в конце X—XI в. устанавливается вполне определенно.

Второе наблюдение — неодинаковое хронологическое распределение памятников в разных районах Севера. Если в районе Онежского и Белого озер довольно многочисленны памятники X—XI вв., то на востоке — в бассейнах Ваги и Сухоны — они единичны. Здесь преобладают материалы XII—XIII вв. Таким образом, увеличение количества памятников сопровождается расширением их ареала и смещением основной их массы на северо-восток.

Отмеченные изменения на археологической карте Севера происходят в тот период, на который, судя по письменным источникам, падает начало колонизации края. Естественно рассматривать их как прямое отражение процессов колонизации в материалах археологии. В таком случае основным содержанием процесса колонизации следует считать быстрое заселение Севера, в первую очередь его юго-западных районов, за счет притока населения извне. Хорошо прослеживается основное направление движения — с юго-запада на восток и северо-восток. Трудно предложить другую интерпретацию изменений, наблюдаемых на археологической карте. Если признать, что колонизация Севера представляла собой лишь распространение даней на новые территории, то зафиксированное нами увеличение числа археологических памятников (а следовательно, и населения) в X—XIII вв. не может получить удовлетворительного объяснения. Материалы археологии склоняют к мысли, что постепенному включению различных областей Севера в состав государственной территории Руси предшествовало широкое проникновение сюда пришлого населения.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ключевский В. О.* Хозяйственная деятельность Соловецкого монастыря в Беломорском крае.— Московские университетские известия, 1867, № 7.
2. *Платонов С. Ф.* Прошлое Русского Севера. Пг.: Время, 1923.
3. *Ефименко А. Я.* Крестьянское землевладение на Крайнем Севере.— В кн.: Исследование народной жизни. М., 1884.
4. *Колесников П. А.* Северная деревня в XV — перв. пол. XIX в. Вологда: Сев.-зап. кн. изд-во, 1976.
5. *Данилова Л. В.* Очерки по истории землевладения и хозяйства в Новгородской земле в XIV—XV вв. М.: Изд-во АН СССР. 1955.
6. *Пименов В. В.* Вепсы. М.— Л.: Наука, 1965.
7. *Витов М. В.* Историко-географические очерки Заонежья XVI—XVII вв. М.: Изд-во МГУ, 1962.
8. *Бернштам Т. А.* Поморы. Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1978.
9. *Бернштам Т. А.* Роль верхневолжской колонизации в освоении Русского Севера.— В кн.: Фольклор и этнография Русского Севера. Л., 1973.
10. *Ефименко П. С.* Заволоцкая Чудь. Архангельск, 1869.
11. *Огородников Е. К.* Прибрежья Ледовитого и Белого морей с их притоками по Книге Большого Чертежа.— ЗРГО по отделению этнографии, 1877, т. VII.
12. *Богословский М. М.* Земское самоуправление на Русском Севере в XVII в. Т. I. М., 1909.

13. *Кизеветтер А. А.* Русский Север. Роль Северного края Европейской России в истории Русского государства. Вологда, 1919.
14. *Савич А. А.* Соловецкая вотчина XV—XVII вв. Пермь: Изд. о-ва ист. филос. и соц. наук при Перм. ун-те, 1927.
15. *Насонов А. Н.* Русская земля и образование территории древнерусского государства. М.: Изд-во АН СССР, 1981.
16. *Голубева Л. А.* Весь и славяне на Белом озере. М.: Наука, 1973.
17. *Никитин А. В.* Древняя Вологда по археологическим данным.— В кн.: Сборник по археологии Вологодской области. Вологда: Сев.-зап. кн. изд-во, 1961.
18. *Тухтина Н. В.* Об этническом составе населения бассейна реки Шексны в X—XII вв.— Тр. ГИМ, 1966, вып. 40.
19. *Брюсов А. Я.* Финское погребение X—XI вв. в дер. Погостище Кирилловского района Вологодской области.— КСИА, 1969, вып. 120.
20. *Tallgren A. M.* Biarmia.— ESA, 1931, v. VI.
21. *Черницын А. Н.* Угро-финские могильники на территории Вологодской области.— СА, 1966, № 4.
22. *Гуслистов Н. В.* Марьинский могильник.— В кн.: Вопросы финно-угроведения. Сыктывкар, 1979.
23. *Голубева Л. А.* К проблеме этногенеза веси.— В кн.: Древние славяне и их соседи. М.: Наука, 1970.
24. *Косменко М. Г.* Многослойное поселение Кудома XI на Сямозере.— В кн.: Новые археологические памятники Карелии и Кольского полуострова. Петрозаводск, 1980.
25. *Косменко М. Г.* Комплексы эпохи железа и раннего средневековья на многослойном поселении Муромское VII.— В кн.: Поселения каменного века и раннего металла в Карелии. Петрозаводск, 1982.
26. *Макаров Н. А.* О некоторых комплексах середины — третьей четверти I тыс. н. э. в Юго-Восточном Прионежье и на р. Сухоне.— КСИА, 1985, вып. 183.
27. *Башенкин А. Н.* Работы в бассейне р. Шексны.— АО-1981. М., 1983.
28. *Потин В. М.* Топография находок западноевропейских монет X—XIII вв. на территории Древней Руси.— Тр. ГЭ, 1967, т. IX.
29. *Корзухина Г. Ф.* Русские клады. М.— Л.: Изд-во АН СССР, 1954.
30. О древних предметах, найденных на берегу р. Свири в Лодейнопольском уезде Олонецкой губернии.— Архив ЛОИА, ф. 1. д. 1899/92.
31. *Станкевич Я. В.* Курганы Юго-Восточного Приладожья и Карело-Финской ССР.— В кн.: Археологический сборник. Петрозаводск: Госиздат. Карело-Финской ССР, 1947.
32. *Песонен П. Э.* Памятники раннего средневековья на Муромском озере.— В кн.: Археологические исследования в Карелии. Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1972.
33. *Кочкуркина С. И.* Курганы северного побережья Онежского озера.— В кн.: Археологические исследования в Карелии. Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1972.
34. *Косменко М. Г.* Двуслойное поселение в устье р. Суны.— В кн.: Средневековые поселения Карелии и Приладожья. Петрозаводск, 1978.
35. *Равдоникас В. И.* Скандинавские находки в курганах Прионежья.— ПИДО, 1934, вып. 9—10.
36. *Савватеев Ю. А.* Археологические исследования на территории Карелии.— В кн.: Средневековые поселения Карелии и Приладожья. Петрозаводск, 1978.
37. *Ошибкина С. В.* Отчет о работе Северной экспедиции в 1978 г.— Архив ИА АН СССР, р-1, № 8615.
38. *Панкрушев Г. А.* Отчет о работе Восточно-Карельской археологической экспедиции в 1967 году.— Архив ИА АН СССР, р-1, № 3456.
39. *Косменко М. Г.* Раскопки многослойных поселений в Южной Карелии.— АО — 1981. М., 1982.
40. *Косменко М. Г.* Исследования на Водлозере.— АО — 1983. М., 1985.
41. *Макаров Н. А.* Средневековый могильник Попово на Каргополье.— КСИА, 1983, вып. 171.
42. *Ошибкина С. В., Макаров Н. А.* Отчет о работе Северной экспедиции в 1979 г.— Архив ИА АН СССР, р-1, 7451.
43. *Макаров Н. А.* Отчет о разведках в Архангельской и Вологодской областях в 1980 г.— Архив ИА АН СССР, р-1, № 7956.
44. *Макаров Н. А.* Работы Онежско-Сухонского отряда.— АО — 1982. М., 1984.
45. *Макаров Н. А.* Работы Онежско-Сухонского отряда.— АО — 1983. М., 1985.
46. *Фосс М. Е.* Стоянка Веретье.— Тр. ГИМ, 1941, вып. 12.
47. *Брюсов А. Я.* Отчёт о результатах работ Архангельской археологической экспедиции.— Архив ИА АН СССР, р-1, № 2277.
48. *Овсянников О. В.* Разведки в Архангельской области.— АО — 1981. М., 1983.
49. Заявление преподавателя Каргопольского духовного училища Д. Березкина о необходимости исследования Каргопольского детинца.— Архив ЛОИА, ф. 1, д. 1893/277.
50. *Ошибкина С. В.* Могильник Пески в Вологодской области.— КСИА, 1972, вып. 129.
51. *Golubeva L. A.* The White Lake Area and the Volga Water-way.— Fenno-ugri et Slavi., 1978. Helsinki, 1980.
52. *Голубева Л. А.* Кемские курганы.— СА, 1969, № 3.
53. *Макаров Н. А.* Отчет о разведках и раскопках в Вологодской области в 1981 г.— Архив ИА АН СССР, р-1. № 8153.
54. *Макаров Н. А.* Работы Онежско-Сухонской экспедиции.— АО — 1984. М., 1985.

55. *Панкрушев Г. А.* Отчет о работе Онежского отряда Карельской археологической экспедиции в 1973 г.— Архив ИА АН СССР, р-1, № 5281.
56. *Фехнер М. В.* Материалы к археологической карте Белозерского и Кирилловского районов Вологодской области.— Тр. ГИМ, 1953, вып. 22.
57. *Марков А. К.* Топография кладов восточных монет. СПб., 1910.
58. *Чернов С. З.* Поселение X в. в селе Киснема на Белом озере.— АО — 1983. М., 1985.
59. *Глазов В. Н.* О раскопках в Устюгском уезде Вологодской губернии.— Архив ЛОИА, ф. 1, д. 1911/79.
60. *Никитинский И. Ф.* Работы Вологодского музея.— АО — 1982. М., 1983.
61. *Никитинский И. Ф.* Работы в бассейне р. Сухоны.— АО — 1983. М., 1985.
62. *Овсянников О. В.* Археологические памятники чуди заволочской в бассейне Ваги.— В кн.: Вопросы финно-угроведения. Сыктывкар, 1979.
63. *Едемский М. Б.* Кокшеньгская старина.— ЗОРСА, 1907, т. VII, вып. 2.
64. *Овсянников О. В.* Работы на Архангельском Севере.— АО — 1979. М., 1980.
65. *Гуслистов Н. В.* Раскопки и разведки в Вологодской области.— АО — 1979. М., 1980.
66. *Едемский М. Б.* О старых торговых путях на Севере.— ЗОРСА, 1913, т. IX.
67. *Рябинин Е. А.* О средневековых древностях Заволочья (по находкам в бассейне Кокшеньги).— СА, 1981, № 3.
68. *Савватеев Ю. А.* Залавруга. Ч. 2. Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1977.
69. *Гурина Н. Н.* Работы Кольской экспедиции.— АО — 1979. М., 1980.
70. *Овсянников О. В.* Разведки в Архангельской и Мурманской областях.— АО — 1982. М., 1983.
71. *Tallgren A. M.* Die russischen und asiazischen archaologischen Sammlungen im Nationalmuseum Finnlands.— ESA, 1928, v. III.
72. *Ефименко П. С.* О древностях Архангельской губернии.— Тр. I АС. Т. I, М., 1871.
73. *Тышинский А. Г.* О чудских древностях в Архангельской губернии.— Тр. I АС. Т. II. М., 1871.
74. *Куратов А. А.* Археологические памятники Архангельской области. Архангельск: Сев.-Зап. кн. изд-во, 1978.

N. A. Makarov

ARCHAEOLOGY ON THE WAY THE RUSSIAN NORTH WAS SETTLED BETWEEN THE 10th AND 13th CENTURIES

Summary

The archaeological map of the Russian North carries 20-odd sites where materials of the first millennium A. D. were found. For their most part they are small-scale unfortified settlements concentrated mainly in the south-western and western regions. One hundred seventy-seven sites have yielded materials of the 10th to 13th centuries. Settlements and ground burials are most frequent types of sites, their boundaries being the lower reaches of the Sukhona and Pinega in the east and the Tersky coast in the north. The bulk of the sites was still found in the south-western corner. The period between the 10th and 13th centuries, on the whole, witnessed an increase in the number of sites and their gradual shift in the north-eastern direction. These circumstances can be regarded as an indication of a settlement which was a rapil and one-time process and of the presence of a vast stratum of an alien population in the region prior to its inclusion in the Russian state.

С. М. НОВАКОВСКАЯ

КАМНЕТЕСНОЕ ДЕЛО ВЛАДИМИРО-СУЗДАЛЬСКОЙ РУСИ В XII—XIII ВВ.

На протяжении восьми десятилетий белокаменное зодчество Владимирской земли развивалось интенсивно. При таких темпах строительства обработка камня должна была вестись непрерывно, а камнетесное ремесло являться важной стороной строительного процесса. В связи с этим столь частный вопрос, как обработка камня, представляет интерес: изучение камнетесного дела может раскрыть особенности работы строительной артели и тем самым способствовать решению более общих вопросов развития владимиро-суздальского зодчества.

Такой подход свойствен современной науке за рубежом, где интерес к организации строительства, в том числе к теске камня, появился еще до второй мировой войны. Вместе с тем лишь немногие работы зарубежных авторов основаны на изучении фактического материала [1—4]. Значительно чаще в их основу положены данные письменных источников и изобразительный материал: витражи, мозаики, рельефы, миниатюры рукописей, гравюры [5; 6, табл. 4, 5; 7, рис. 4—11, 15, 19, табл. III, V, VII, X—XIII и др.; 8, ч. I, с. 34, ч. III, с. 185, 189, 190, 206, ч. IV, с. 313, 315]. В целом же обработка камня в средневековье мало изучена, хотя ясно, что по ней можно датировать памятники, отличать работу разных артелей, отдельных мастеров [1, с. 25, 35, 60—67]. Однако западными исследователями в науку введено так мало конкретного материала о теске камня[1], что главной задачей все еще остается возможно более полное его изучение и публикация.

В Древней Руси из камня строили меньше, чем в Западной Европе. Возможно, поэтому вопрос о древнерусском камнетесном деле ставится впервые[2]. В домонгольское время монументальное строительство из белого камня велось только в Галицком и Владимиро-Суздальском княжествах. Но камень применялся в Киеве (шиферные рельефы), Чернигове (белокаменные резные капители), Старой Ладоге (крепость XII в.), Гродно; во многих местах он использовался для порогов храмов, саркофагов.

К сожалению, источники изучения обработки камня у нас не так многочисленны, как на Западе. В богато иллюстрированном памятнике письменности XV в.— Радзивиловской летописи, в которой часто изображаются сцены строительства, инструменты в руках каменщиков и «древоделей» имеют символическое значение. Они воспроизводят реально существовавшие, не раз встреченные при раскопках курганов топоры [11, с. 22; 12, л. 3, 7, 67 об., 84, 87, 107 об., 202, 204 об.]. Но форма последних одинакова в изображении как каменного, так и деревянного строительства. В действительности типов инструментов должно было быть больше. На это указывают следы инструментов на самих памятниках. На более ранних миниатюрах изображения топоров нам не

[1] Более широкий материал мы встретили только в работах Е. Виолле-ле-Дюка и А. Шовеля [3; 9, с. 1—7]. Но, к сожалению, в беглом изложении отсутствуют доказательства изложенных выводов, в том числе и датировок разных видов тески. В этом смысле исключение составляет серьезная работа К. Фридриха [1].

[2] Нам известен лишь небольшой фрагмент текста о теске псковской известняковой плиты в книге Ю. П. Спегальского [10, с. 17].

известны. С реальными инструментами каменотесов дело обстоит еще хуже. Они до сих пор не найдены [3].

Таким образом, единственным источником изучения тески камня в Древней Руси остаются следы обработки на стенах самих построек. В этих условиях памятники владимиро-суздальского зодчества XII—XIII вв. дают исключительный материал. Перед нами целая группа датированных летописью зданий. И хотя многие сооружения до нас не дошли, сохранившиеся представляют все этапы развития владимиро-суздальского зодчества XII—XIII вв. Кроме того, изучен строительный материал соборов — известняк из нижней зоны мячковского горизонта, добывавшийся на юге современной Московской обл. в карьерах Подольска, Домодедово, Съян [15, с. 51—53]. Все это дает для исследования тески камня владимирских построек реальную почву, хотя есть и свои трудности. На протяжении столетий соборы не раз ремонтировались, порой возводились заново на старом основании. Поэтому наблюдения над обработкой камня каждого участка стен важно всякий раз соотносить с запутанной историей ремонтов и реставраций памятника, что является необходимым условием датировки разных видов тески.

В ходе изучения обработки камня владимиро-суздальского зодчества нами были обследованы все сохранившиеся памятники. Их девять: Спасо-Преображенский собор в Переславле-Залесском (1152 г.), церковь Бориса и Глеба в Кидекше (1152 г.?), собор Рождества богоматери, переход и лестничная башня в Боголюбове (1158—1165 гг.), Золотые ворота во Владимире (1164 г.), церковь Покрова на Нерли (1165 г.), Успенский собор во Владимире (1158—1160 гг.), галереи, абсиды и боковые главы (1185—1189 гг.), Дмитриевский собор во Владимире (1194—1196 гг.), Рождественский собор в Суздале (1222—1225 гг.), Георгиевский собор в Юрьеве-Польском (1230—1234 гг.). В дополнение к этому были учтены все профилированные блоки и рельефы с фасадов владимиро-суздальских памятников (числом более 200), при различных обстоятельствах попавшие в коллекции Исторического музея (Москва), музеев Владимира, Суздаля, Юрьева-Польского, Боголюбова, а также Эрмитажа и Русского музея [4]. Они позволили увидеть, как обрабатывались торцовые, тыльные стороны блоков, заводимые в кладку.

На стенах владимиро-суздальских соборов мы видим последний этап работы каменотеса — лицевую обработку выходящей на фасад поверхности камня. В действительности каждый блок обтесывали с пяти сторон. Только тыльная сторона не имела лицевой тески. В этом можно убедиться, осмотрев камни, находящиеся в музеях. Именно обработка блока с пяти сторон позволяла плотно пригнать их друг к другу. Ширина швов между камнями редко превышала 0,5 см.

Для строительства белокаменных зданий требовались тысячи тесаных и резных блоков. Камни, вероятно, обрабатывали поблизости от строительной площадки. Разведочные раскопы у Дмитриевского собора во Владимире вскрыли над поверхностью XII в. «мощный слой строительства собора, состоящий из обломков камня и известковой пыли» [16, с. 426]. При раскопках у Георгиевского собора в Юрьеве-Польском обнаружили слой «довольно крупных отесков, соответствующих сооружению соборов в 1230—1234 гг.» [17, с. 154]. В забутовке стен так называемого «Полигона» (памятник середины — второй половины XII в. у с. Шевченково над Галичем) и церкви Пантелеймона нашли отески кам-

---

[3] Известны лишь домонгольские инструменты каменщиков [13, с. 207—213]. Найденные Ю. П. Спегальским у церкви Богоявления с Запсковья инструменты каменотеса относятся, судя по месту находки, к концу XV в. Они служили для обработки специфической псковской известняковой плиты [10, с. 16]. Три камнетесных топорика, найденные в Москве, датируются XVI—XVII вв. [14, с. 266, рис. 2, *2*, рис. 4, *8*, *9*].

[4] Мы искренне благодарны сотрудникам музеев, способствовавшим изучению коллекций белокаменной резьбы, а также преподавателю по обработке камня Института живописи, скульптуры и архитектуры им. И. Е. Репина Л. А. Кулебякину за консультации по вопросам тески камня в наши дни.

ня, что возможно лишь при предварительной обработке вблизи от места строительства [18, с. 68] [5].

На стенах всех обследованных нами владимирских построек встречены три вида тески, которые, на наш взгляд, датируются временем строительства соборов. Камни первого вида тески сохранили следы тесовика (по современной терминологии) — инструмента на ручке с прямым обрезом лезвия (как у молотка) (рис. 1, *6*) [6]. Такие блоки есть не только на фасадах, но и на участках стен, до недавнего времени скрытых культурным слоем и освобожденных в ходе раскопок, например, в центральной абсиде церкви Бориса и Глеба в Кидекше (раскопки 1946 г.),

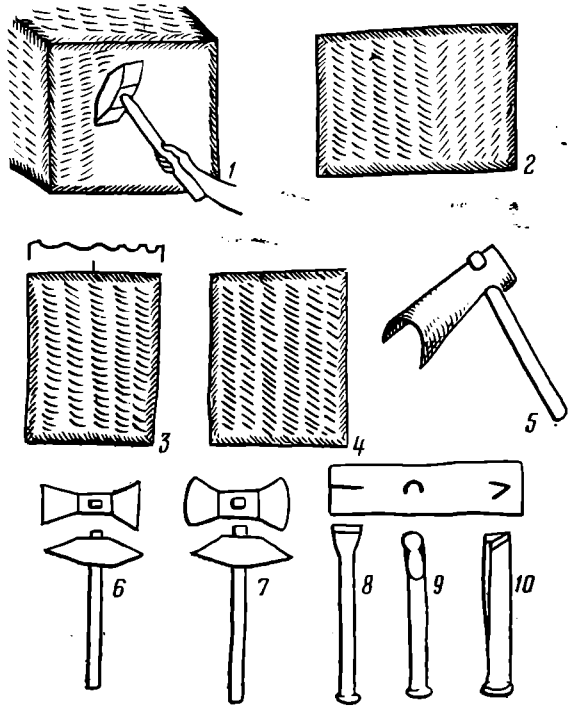


Рис. 1. Схемы обработки камня и реконструкция инструментов владимирских каменотесов. *1* — обработка камня тесовиком с прямым лезвием; *2* — камень со сменой направления бороздок; *3* — обработка тесовиком с профильной заточкой (лицевая сторона блока и сечение); *4* — обработка тесовиком с прямым лезвием; *5* — тесло; *6* — тесовик с прямым лезвием; *7* — тесовик с профильной заточкой; *8* — скарпель с прямым лезвием; *9* — скарпель с полукруглым лезвием; *10* — зразик

в кладке подземных частей стен церкви Покрова на Нерли [7] (раскопки 1954—1955 гг.). В Дмитриевском соборе во Владимире их можно видеть в нижних рядах подкупольных столбов и стен, скрытых под поздними полами, в Рождественском соборе в Боголюбове — на лопатках между центральной и южной абсидой (раскопки 1934—1938 гг.). В церкви Бориса и Глеба в Кидекше следы тесовика с прямым лезвием сохранились на камнях с фрагментами первоначальной фресковой росписи (западная стена под хорами). Блоки с такой теской отмечены домонгольскими граффити в виде крестов с треугольным расширением на концах (церковь Бориса и Глеба в Кидекше, Спасо-Преображенский собор в Переславле-Залесском и др.), в виде процветшего креста (Георгиевский собор в Юрьеве-Польском). Наконец, следы тесовика с прямым лезвием есть на камнях с отверстиями от пальцев строительных лесов времени сооружения соборов (Успенский собор во Владимире). Это убеждает в изначальности данного способа тески и его применении на протяжении 80 лет развития владимиро-суздальской архитектурной школы.

По краям таких камней, как правило, идет фаска — кайма шириной от 1,5 до 2,5 см (реже до 4 см) из косых, очень частых бороздок, выполненных тем же тесовиком. Фаска — не признак времени, как считает

---

[5] Относительно «Полигона» сообщено начальником Галицкого археологического отряда 1979 г. О. М. Иоаннисяном.

[6] Аналогичный инструмент во французской литературе назван молотком-тесовиком, в венгерской — молотком [2, с. 108, рис. 1, *d*; 13, с. 443, 444, рис. 11]. Судя по найденным в Венгрии инструментам, они часто имели два лезвия [2, с. 108, рис. 1, 2].

[7] Сообщено П. А. Раппопортом.

Рис. 2. Кладка северного фасада Рождественского собора в Боголюбове. Обработка тесовиком с прямым лезвием

Е. Надь [2, с. 110], а необходимый этап обработки камня не только в древности, но и в настоящее время. Фаской фиксируют нужную форму блока, стесывая камень до линии разметки, чем очищают и заравнивают грани[8]. Фаска предшествовала окончательной обработке камня. Не случайно направление ударов резца на фаске и остальной поверхности блока бывает различным. В местах, где из швов выкрошился раствор, фаска видна и на торцевых сторонах блоков (южная абсида Рождественского собора в Суздале, Георгиевский собор в Юрьеве-Польском). На камнях с рельефами от Успенского собора во Владимире, находящихся в Историческом музее, она идет вдоль всех граней блока, исключая края тыльной стороны.

Выполнив фаску, каменотес приступал к обработке лицевой поверхности блока. Если судить по следам инструмента — косым «ступенькам» со срезом, направленным к поверхности камня под углом, мастер стоял или сидел[9] перед обрабатываемым блоком и наносил удары равномерно, один за другим, сверху вниз, так что «ступеньки» образовывали полосы (рис. 1, *1*). Следы этого вида тески регулярны, а тщательно отесанные камни имеют аккуратный вид (рис. 2). Ширина полос колеблется на разных камнях от 2,5 до 6 см (чаще всего в пределах от 3 до 4 см), при этом длина следов от удара инструмента — от 2 до 7 см. Это говорит о достаточно миниатюрном размере инструмента и о том, что размер тесовиков с прямым лезвием у разных мастеров мог быть не одинаков. Ширина же скосов-ступенек (от 0,2 до 1 см) свидетельствует о частоте ударов. При среднем размере блоков владимиро-суздальских построек 40×60 см для обработки только лицевой стороны (не включая фаску) каменотес ударял по камню около 1200 раз. Угол наклона скосов, их частота зависели от угла наклона руки каменотеса, частоты ударов и характеризуют «почерк» отдельных мастеров.

Нередко на особенно длинных камнях примерно на середине поверхности зеркально меняется направление ударов — в основании вскрытых

[8] Так объясняют фаску резчики и реставраторы по камню, а также последователи, например, А. Шовель [3, с. 441].

[9] На западноевропейских миниатюрах каменотесы почти всегда изображены стоящими перед блоком [6, табл. 4, 5, 7. 10; 7. рис. 15, 19, табл. X—XII; 19, рис. 79].

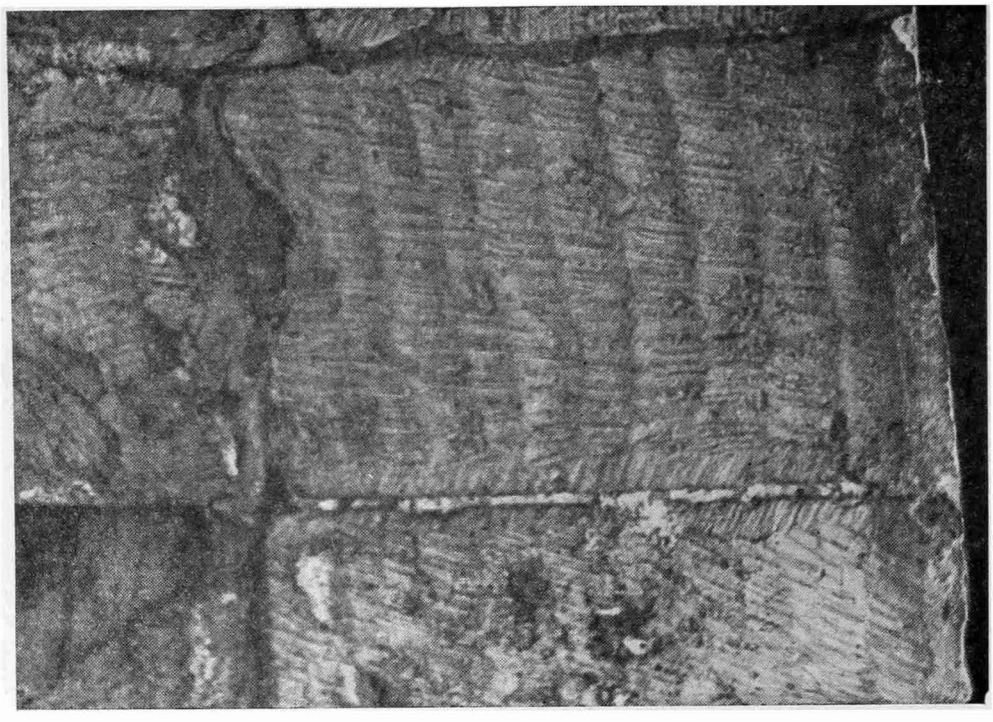


Рис. 3. Подпружная арка свода под переходом к Рождественскому собору в Боголюбове. Обработка тесовиком с профильной заточкой

Рис. 4. Кладка западной щеки северо-восточного столба в церкви Покрова на Нерли. Обработка тесовиком с профильной заточкой

раскопками колонн Рождественского собора в Боголюбове, на абсидах Спасо-Преображенского собора в Переславле-Залесском и Дмитриевском соборе во Владимире и др. (рис. 1, *2*). Иногда направление меняется 2, даже 3 раза. На сравнительно небольших камнях смена наклона ударов тоже встречается, но редко. Места стыка разнонаправленных полос приходятся то на середину, то почти на край блока. Их расположение на

Рис. 5. Западный фасад северного перехода к Рождественскому собору в Боголюбове. Обработка теслом

поверхности выглядит внешне случайным и потому не было декоративным приемом.

При втором виде тески следы инструмента в виде косых «ступенек» имеют вогнутую поверхность (рис. 3, 4). Их мог оставить только тесовик с профильной заточкой — с кривым обрезом лезвия (рис. 1, 7). Выполненная им теска имеет особенно регулярный вид. Поверхность камня приобретает своеобразные каннелюры, состоящие из поперечных вогнутых скосов. Полосы, как правило, выдержаны четко. Ширина «ступенек» тески, как и в первом виде, колеблется от 0,2—0,3 до 1 см. Ширина полос — от 1,5 до 4,5 см (чаще 3,0—4,5 см).

Камни с такой обработкой есть на всех памятниках. В церкви Бориса и Глеба в Кидекше на них сохранились фрагменты фрески и древние граффити в виде стрел, на отдельных камнях уходящие под фреску, что позволяет относить и этот вид тески ко времени сооружения соборов.

Третий способ тески отличается от первых двух отсутствием регулярности. Следы от ударов инструмента не выстраиваются в организованные полосы, а только показывают общее направление ударов, как правило, по диагонали блоков (рис. 5). Каждый удар оставлял на камне канавку, полуцилиндрическую в сечении. Ширина «канавок» около 1 см. Такой след могло оставить тесло с выгнутым лезвием (рис. 1, 5). Как и у тесовиков, лезвие тесла должно было располагаться не параллельно, а перпендикулярно ручке. При этом каменщик мог находиться перед обрабатываемым камнем, нанося удары по диагонали сверху вниз. Камни с подобной обработкой найдены на стенах церкви Бориса и Глеба в Ки-

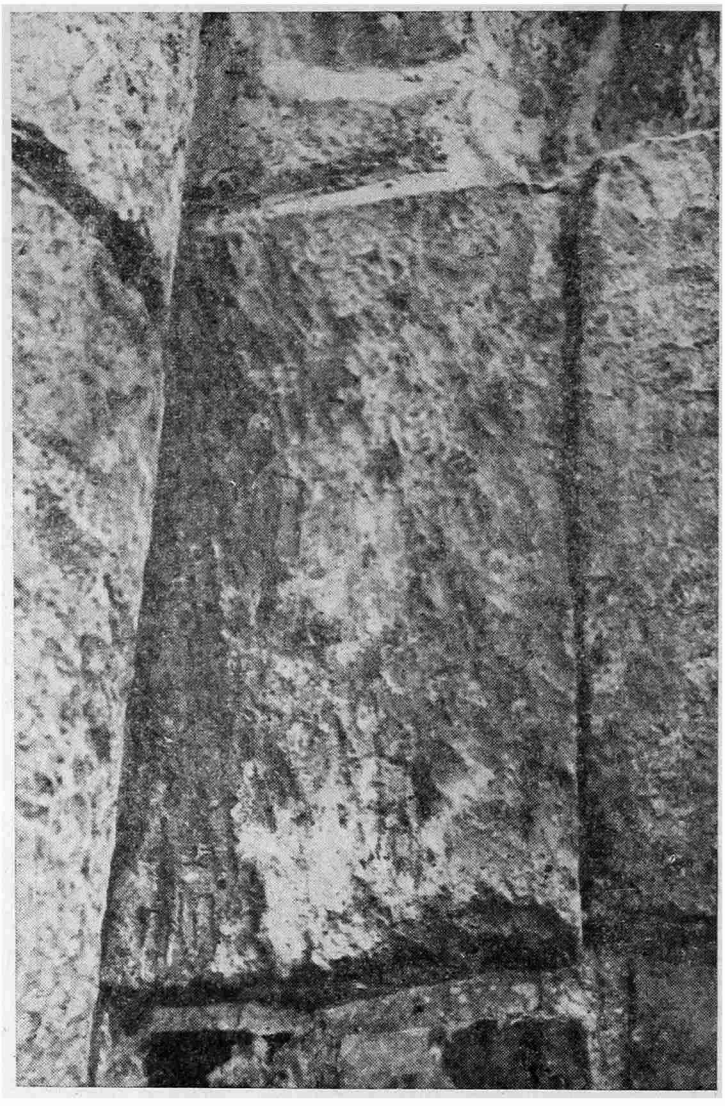


Рис. 6. Западный портал Георгиевского собора в Юрьеве-Польском. Фрагмент. Обработка тесовиком с прямым лезвием

декше (с граффити в виде стрел), Рождественского собора в Боголюбове (на северном фасаде и на вскрытых раскопками Н. Н. Воронина остатках стен южного перехода [16, рис. 113]), а также на отдельных участках камней с теской первого вида[10]. Теслом было удобно стесывать особо выступающие неровные части камня, что подтвердится на резных блоках.

Аналогичные следы есть на остатках нижних частей стен Успенского собора в Крылосе (древний Галич[11]). Но там они расположены с двух сторон блока по диагонали регулярными непрерывными полосами, сходящимися в центре. Скорее всего они делались на теслом на ручке, а скарпелью, по которой ударяли молотком. Только так можно добиться столь длинной непрерывной полосы.

На профилированных камнях владимиро-суздальских памятников видны следы инструментов, уже знакомых нам по гладким блокам. Тесовиком с прямым лезвием обрабатывали прямоугольные выступы перспективных порталов (портал западного притвора Георгиевского собора в Юрьеве-Польском) (рис. 6)[12], подпружные арки под хорами (Спасо-

[10] Вероятно, этот вид тески имел в виду Н. Н. Воронин, называя его ложчатым и отмечая на многих постройках.

[11] Сообщено О. М. Иоаннисяном.

[12] Здесь мастер наносил удары прямо, поверхность скосов почти параллельна поверхности камня.

Преображенский собор в Переславле-Залесском), обломы лопаток на фасадах (церковь Покрова на Нерли) и др. На всех этих камнях (за исключением портала Георгиевского собора) прекрасно видна фаска. Понятно, что здесь четкость формы блока имела конструктивное значение (например, на блоках в подпружных арках). Камни готовились заранее, и при кладке профили соседних камней должны были точно соответствовать друг другу.

Тесовик с прямым лезвием применялся и для тески выпуклых камней. Им обрабатывались фасадные полуколонны и полуколонки перспективных порталов (повсеместно), а также колонны (Рождественский собор в Боголюбове, из раскопа). Для таких работ наравне с тесовиком с прямым лезвием применялся и тесовик с профильной заточкой. В зависимости от положения камня при теске полосы обработки располагаются вертикально, реже горизонтально (фасадная полуколонка между центральным и левым пряслом западного фасада Рождественского собора в Боголюбове, из раскопок). На выпуклых камнях вогнутые полосы выглядят особенно красиво.

Тесло в профилированных камнях применялось, когда требовалось стесать сильно выступающие части. В музее Суздаля хранятся фрагменты колонок аркатурно-колончатого пояса суздальского Рождественского собора. На них теслом обработан низ тулова, которому для заведения колонки в консоль придана форма опрокинутого конуса.

Блоки, предназначенные для рельефа, как и гладкие камни, отесывались начисто с пяти сторон. Лицевая теска боковых сторон видна на фрагментах резных камней в названных выше музеях. Если при работе над рельефом требовалось выбрать часть камня на торцах, мастера пользовались тесовиком с прямым лезвием и теслом. При этом следы от тесла часто шире, чем при лицевой теске. Ширина их доходит до 6—7 см, прогиб вогнутой поверхности не превышает 5 мм, вдоль следа от удара в отдельных местах идут полоски — результат сточенности, выщербинок на резце.

Последовательность высекания рельефа можно проследить на южном фасаде западного притвора Георгиевского собора. Наблюдая этот участок кладки, К. К. Романов доказал исполнение плоскостной резьбы собора по уже сложенной стене и логически восстановил порядок работы резчика. Как известно, плоскостный узор деревьев по какой-то причине остался здесь незавершенным. В результате тут соседствуют: гладкие камни с лицевой теской (так камень готовился для резьбы), тесаные блоки с прорезанным на поверхности силуэтом изображения, камни, на которых уже выбран фон, но рельеф еще не получил отделки, и на поверхности изображения видны остатки лицевой тески, наконец, камни с окончательной отделкой рельефа [17, с. 153].

Завершенные резные блоки особенно сложны для изучения. Следы инструментов на них редки. Чаще всего они видны только на фоне. Почти всегда это следы скарпели с прямой или профильной заточкой (инструмент типа зубила, но с более тонким и длинным лезвием; рис. 1, *8*, *9*). Они располагаются участками с разным направлением ударов, в зависимости от очертаний рельефа, и отличаются особенной миниатюрностью (ширина скосков 2—3 мм). Это хорошо видно на фоне рельефов стоящих пророков с развернутыми свитками из музея Георгиевского собора в Юрьеве-Польском. Иногда для обработки фона применялся и тесовик (например, на камнях с рельефами грифона и овна в правом пряслe северного фасада Дмитриевского собора во Владимире — 10-й ряд над отливом, № 1, 2).

В рельефах круглые выемки на шнурах «перлов» могли делаться сверлом типа юлины, а идущие вдоль стеблей растений канавки — зразиком (рис. 1, *10*). В плоскостных рельефах деревьев Георгиевского собора на пологих откосах таких «канавок» и на лепестках хорошо видны следы миниатюрной скарпели с прямым лезвием, которое ставилось под углом к поверхности рельефа. Ширина косых «ступенек» от него не превышает 3—4 мм.

На поверхности самого рельефа следы тески можно заметить крайне редко. Тут резчики стремились к максимально гладкой обработке [13]. У камней с барельефно-графической резьбой она была им нужна для обильного резного орнамента. В нем част узор в виде ногтеобразных выемок, который в дереве делался круглой стамеской (рис. 1, *9*) [14]. Именно эта группа рельефов, столь отличная по манере исполнения и стилю от барельефно-пластической, близка к распространенной на Руси резьбе по дереву домонгольского времени, что не раз отмечалось исследователями [15]. Вероятно, к строительству владимиро-суздальских соборов привлекались местные резчики по дереву, перенесшие в камень не только рисунок и стиль, но и отдельные типы инструментов деревянной резьбы.

Способы тески, о которых шла речь, не оставляют сомнения в их принадлежности XII—XIII вв. Но кроме них на стенах владимиро-суздальских построек есть ряд других видов обработки камня. В большинстве памятников встречаются камни, тесанные троянкой (имеет лезвие с зубцами). На разных соборах следы их не одинаковы по размерам, расположению на поверхности блоков и появились в разное время. На Успенском соборе во Владимире троянкой тщательно обработаны камни, перетесанные в реставрацию И. О. Карабутова (1888—1891 гг.) [16]. На многих из них видны остатки первоначальной обработки тесовиком с прямым лезвием, поверх которой прошла троянка. То же совмещение первоначальной обработки и поздней тески троянкой на стенках лестничной башни Рождественского собора в Боголюбове: следы от перетески идут в разных направлениях, теска создает грубую, но сочную поверхность. Здесь теска троянкой появилась не ранее 1751 г., когда восстанавливали собор после катастрофы 1722 г., или в 1809 г., когда под переходом была устроена церковь «во имя Св. Кн. Андрея Боголюбского [22, с. 33]. На стенах внутри церкви Бориса и Глеба в Кидекше и Георгиевского собора в Юрьеве-Польском следы троянки особенно грубы и беспорядочны (в виде узких, иногда искривляющихся полосок, порой пересекающих швы). Они приходятся на переложенные участки стен. В Юрьеве-Польском теска троянкой датируется не ранее восстановления собора после катастрофы в 1471 г. В. Д. Ермолиным, но, судя по крайней грубости обработки, это скорее результат поздних работ, возможно, перед росписью собора в 1825 г.

Таким образом, следы троянок появились на стенах построек в ходе поздних ремонтов и переделок. Интересно, что в XII—XIII вв. владимирские каменотесы не использовали данный инструмент, хотя в это время он был широко распространен во Франции, Венгрии, Германии [1, с. 65; 2, рис. 10, 14; 3, рис. 14, 15; 8, с. 318]. На Руси тот же инструмент использовали при обработке камней для стен церкви Пантелеймона под Галичем [17]. Возможно, мягкий известняк владимиро-суздальских памятников не требовал троянок, использовавшихся для обработки твердых пород камня.

Грубая теска теслом есть на стенах внутри собора в Юрьеве-Польском. Она присутствует на камнях, одна сторона которых сохранила изначальную обработку тесовиком с прямым лезвием (восточные столбы), и на участках, сложенных В. Д. Ермолиным. Значит, и она датируется не ранее 1471 г.

---

[13] Интересно, что поверхность тесаных гладких камней выравнивали (шлифовали?) под надпись, как, например, на камне с исторической надписью на южном фасаде церкви Пантелеймона, содержащей дату — 1212 г.

[14] На это обратил внимание Н. Н. Воронин [16, с. 489].

[15] Речь идет о резных фрагментах из раскопок А. В. Арциховского в Новгороде. Использование в резьбе по камню инструментов для дерева подтверждает участие в ней самих «древоделей» [20, с. 65—68].

[16] На чертежах абсид эти камни и обозначены как первоначальные, но перетесанные в ходе реставрационных работ [21]. Судя по следам инструмента, перетеска велась узкими горизонтальными рядами шириной около 2 см. Ширина каждой бороздки 0.7 см.

[17] Осмотреть нижние части стен позволили раскопки, проведенные в конце 1970-х годов Львовской реставрационной мастерской.

Третью разновидность реставрационной обработки камня представляют блоки с ровной, словно шлифованной поверхностью. На Спасо-Преображенском соборе в Переславле-Залесском они приходятся на участки кладки, замененные во время реставрации, проведенной В. В. Сусловым и Г. И. Котовым (1891—1894 гг.), а на Успенском соборе во Владимире соответствуют местам, которые, судя по чертежам И. О. Карабутова, были полностью заменены при реставрации в 1888—1891 гг. Из таких же камней сложен в те же годы западный притвор Успенского собора [18]. На Дмитриевском соборе во Владимире блоки с гладкой поверхностью размещены вдоль центральных узких окон, восстановленных в ходе реставрации 1837—1847 гг., что и датирует эту обработку. В отличие от камней с изначальной теской, гладкие блоки имеют желтоватый оттенок. Они приходятся также на отлив, окна западных прясел северной и южной стен, а также на окно левого прясла западного фасада, почти полностью — на дуги закомар, пилястры и полуколонны стен собора и т. д. Своим расположением на фасадах все эти камни указывают места перекладок. Во всех отмеченных случаях шлифовка камней относится к реставрации XIX в. По сравнению с рукотворностью обработки XII в. их гладкая поверхность выглядит безжизненной.

Таковы способы тески камня, которые нами обнаружены на владимиро-суздальских постройках. Мы не уверены, что в будущем число первоначальных, а вместе с ними и позднейших тесок не возрастет, хотя описанные виды обработки камня в XII—XIII вв. и занимают сплошь почти все стены соборов. Раскопки несохранившихся памятников, если таковые будут продолжены, могут открыть виды тесок, пока не замеченные.

Чтобы понять, как выбор инструмента зависел от породы камня, времени постройки и архитектурной школы, мы, пусть и не с исчерпывающей полнотой, собрали материал о теске камня памятников галицкого зодчества XII—XIII вв., белокаменных соборов XIV—XVII вв. Москвы, Звенигорода, Загорска, сооружений Старой Ладоги, Новгорода, Пскова.

Выбор инструмента, конечно, зависел от породы камня: твердого и мягкого, слоящегося, хотя и одну породу можно было тесать разными инструментами (это видно на примере владимиро-суздальских зданий). Обработка зависела и от стоявшей перед мастерами задачи: гладкую поверхность тесали иначе, чем участки со значительными выступами.

На целом ряде примеров можно показать, что каменотесы неодинаково относились к оформлению поверхности обрабатываемого камня. К примеру, работая с известняковыми плитами для стен крепости Старой Ладоги XII в., они не стремились к лицевой обработке, ограничивались грубым сколом поверхности плит [23, с. 422]. На стенах Рождественского собора Саввино-Сторожевского монастыря (1405 г.), церкви Трифона в Напрудном (рубеж XV—XVI вв.) следов инструментов не видно [19]. Их мастера стремились создать гладкую поверхность, лишенную следов резца.

Сопоставляя памятники разных мест и времени, можно заметить, что даже при использовании близких инструментов поверхность камня могла выглядеть по-разному. Среди инструментов, найденных при археологических раскопках в Венгрии, есть молотки и топоры на ручках с прямым лезвием [2, рис. 1, *b*, *e*, рис. 2, *2*, *3*]. Но камни, обработанные ими, ничуть не похожи на владимиро-суздальские. Во владимиро-суздальских постройках поверхность камней искусно обработана. Смена направления ударов на длинных камнях здесь не использована как декоративный прием. В то же время каменотесы многих областей Франции чередова-

[18] Таким образом, во время реставрации, проведенной И. О. Карабутовым, на южном и западном фасадах вручную перетесали или слегка выровняли шлифовкой изначальные блоки, оставив их in situ, и отшлифовали вновь приготовленные камни. В целом это и создает впечатление сухости фасадов: в действительности, вопреки предположению Н. Н. Воронина, они сложены по преимуществу из подлинных камней [16, с. 360].

[19] На стенах последней нет и следов от пальцев подвязей.

нием ударов создавали на каждом камне настоящее орнаментальное панно, располагая следы елочкой («папоротником», по терминологии А. Шовеля), в виде треугольников, ромбов, чередуя разнонаправленные косые полосы с полосами, где косые удары шли в нахлест [3, рис. 18; 9, рис. 1—4].

Все эти примеры убеждают нас в том, что способы тески камня отражают работу разных артелей каменотесов. В крупных центрах, где строительство велось постоянно, они создавали свои школы обработки камня, а выработанные ими приемы передавались от поколения к поколению на протяжении столетий. Так, в подклете Благовещенского собора Московского Кремля камни кладки XIV в. обработаны точно так же, как и на памятниках Владимиро-Суздальской земли: тесовиком с прямым лезвием или лезвием с профильной заточкой. И это несмотря на то, что белый камень ранних построек Москвы отличается от камня владимирских рядом свойств. Их брали из разных зон мячковского горизонта [15, с. 51]. В технике тески тоже нашла отражение преемственность зодчества ранней Москвы от Владимира. Такая устойчивость, характерность способов обработки камня не позволяет в данном случае видеть в ней датирующий признак. Но она может указать на приход мастеров-каменотесов или целых артелей из тех или иных центров строительства, а значит, подсказать решение вопроса о мастерах, указать на историко-культурные связи между различными областями и странами.

На протяжении 80 лет стремительного развития владимиро-суздальского зодчества манера тески камня оставалась неизменной. Это значит, что пришедшие при Юрии Долгоруком во Владимирскую землю каменотесы продолжали и дальше работать на строительстве владимирских памятников, создали здесь свою школу камнетесного ремесла. Вместе с тем в развитии архитектурного образа владимиро-суздальских памятников ясно выделяются три этапа. Памятники времени Юрия Долгорукого суровы, лишены пластического убранства. Соборы Андрея Боголюбского и Всеволода III торжественны, нарядны, украшены в основном барельефно-пластической резьбой. Наконец, здания 20—30-х годов XIII в. отличаются архитектурными деталями фасадов и широким применением барельефно-графической резьбы.

Первая строительная артель, по утвердившемуся в науке мнению, пришла из Галича [24] [20]. На материале тески камня подтвердить это пока трудно. Интересный материал дает церковь Пантелеймона: на ее камнях, тщательно обрамленных фаской, видны следы тесовика с прямым лезвием, организованные в достаточно четкие полосы. И хотя церковь Пантелеймона достаточно поздняя для первых владимирских памятников (построена не позже 1212 г.), такая близость подхода к организации тески на поверхности камня не может быть случайной. Правда, теска камня церкви Пантелеймона ставит вопрос, ответ на который сможет дать, видимо, не простая история ее строительства. После недавних раскопок, вскрывших нижние части стен (внутри собора) и столбов [18], оказалось, что все открытые раскопками камни тесаны троянкой, а выше — тесовиком с прямым лезвием. Поскольку обнаруженная кладка представляет принципиально иную форму столбов и пилястр, очевидно, речь должна идти о перестройке памятника совершенно иной по составу артелью, вплоть до каменотесов.

В памятниках Андрея Боголюбского теска не изменилась. Это означает, что когда «приведе ему бог из всех земель мастеры», в том числе и от императора Фридриха Барбароссы [25, с. 72, 246, 295; 26, с. 351], во Владимир пришли не каменщики, а зодчий и резчики по камню, что, вероятно, и привело к изменению стиля [21].

В памятниках последнего этапа с преобладанием графической манеры резьбы, так повлиявшей на их художественный образ, шире применен вид тески, характерный для работ по дереву. Это подтверждает давно выска-

[20] Здесь же приведен обзор литературы по данному вопросу.
[21] Эту мысль нам предложил П. А. Раппопорт.

занную исследователями мысль о привлечении в артель местных мастеров деревянной резьбы.

Как видим, изучение тески камня может внести немало новых, подчас спорных данных в решение самых разнообразных вопросов, вплоть до состава артелей мастеров-строителей соборов. Раскрывает она и некоторые особенности работы фрескистов. Так, тщательная теска белого камня, создающая рельефную поверхность, позволяла наносить грунт под фресковую роспись внутри соборов без дополнительной насечки. Поэтому-то защищенные от выветривания стены внутри соборов нередко сохранили следы инструментов каменотесов лучше, чем наружные. Мастерам XVIII в., которые перестраивали одни соборы (Рождественский в Боголюбове) и штукатурили другие (церковь Бориса и Глеба в Кидекше — внутри), этого было уже недостаточно, и поверх тески XII—XIII вв. прошла грубая насечка под штукатурку.

Теска характеризует не только приемы работы целой мастерской, но по углу наклона бороздок, их частоте, размеру и форме примененного инструмента позволяет выявить руку, «почерк» работы отдельных мастеров (рис. 3, 4). При более тщательном изучении можно предположительно подсчитать, сколько каменотесов трудилось на заготовке камней для строительства одного здания.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Friederich K.* Die Steinbearbeitung in ihrer Entwicklung vom 11. bis zum 18. Jahrhundert. Augsburg, 1932.
2. *Nagy E.* La datation des pierres sculptées d'après les traces d'outils.— In: La formation et le développement des métiers au Moyen Age (V^e — XIVe siècles). Budapest: Akadémiai Kiadó, 1977.
3. *Chauvel A.* Étude sur la taille des pierres. Au Moyen Age.— Bull. Monumental, 1934, t. 93.
4. *Nagy E.* A középkori Buda és építészetének technikai és szervezeti Kérdései.— Budapest Régiségei, 1964, XXI.
5. *Huth H.* Künstler und Werkstatt der Spätgotik. Augsburg. 1923.
6. *Salzmann L. F.* Building in England down to 1540. Oxf., 1952.
7. *Colombier P.* Les chantiers des cathédrales. P., 1953.
8. *Auhert M.* La construction au Moyen Age.— Bull. Monumental, 1961, t. 119, I—IV.
9. *Viollet-le-Duc E.* Dictionnaire Raisonne de l'architecture Française du XI-e au XVI-e siecle. T. IX. P., 1875.
10. *Спегальский Ю. П.* Каменное зодчество Пскова. Л.: Стройиздат, 1976.
11. *Арциховский А. В.* Миниатюры Кенигсбергской летописи.— Изв. ГАИМК, 1932, т. XIV. вып. 2.
12. Радзивиловская или Кенигсбергская летопись. I. Фотомеханическое воспроизведение рукописи. СПб., 1902.
13. *Штендер Г. М.* Инструментарий каменщика-новгородца XI—XV вв.— В кн.: Новгородский край. Материалы научной конференции «Новгород древний — Новгород социалистический. Археология, история, искусство», состоявшейся 13—15 октября 1982 г. и посвященной 50-летию археологических раскопок в Новгороде. Л.: Лениздат, 1984.
14. *Розенфельдт Р. Л.* Инструменты московских ремесленников.— В кн.: Древности московского Кремля. М.: Наука, 1971.
15. *Флоренский П. В., Соловьева М. Н.* Белый камень белокаменных соборов.— Природа, 1972, № 9.
16. *Воронин Н. Н.* Зодчество Северо-Восточной Руси XII—XV веков. М.: Изд-во АН СССР, 1961, т. 1.
17. *Романов К. К.* К вопросу о технике выполнения рельефов собора св. Георгия в г. Юрьеве-Польском.— In: Seminarium Kondakovianum. II. Pr., 1928.
18. *Могытыч И. Р.* Результаты исследования церкви Пантелеймона близ Галича.— КСИА, 1982, вып. 172.
19. *Kieslinger A.* Die Steine von St. Stephan. Wien: Verlag Herold, 1949.
20. *Арциховский А. В.* Колонна из новгородских раскопок.— Вестн. МГУ, 1954, № 4.
21. *Карабутов И. О.* Чертежи по реставрации Успенского собора в г. Владимире в 1888—1891 гг. Литографированное издание/без м. и г.
22. *Рихтер Ф.* Памятники древнего русского зодчества. Тетрадь IV. М., 1854.
23. *Кирпичников А. Н.* Ладога и Переяславль южный — древнейшие крепости на Руси.— В кн.: Памятники культуры. Новые открытия. М.: Наука, 1977.
24. *Иоаннисян О. М.* О раннем этапе развития галицкого зодчества. КСИА, 1981, вып. 164.
25. *Татищев В. Н.* История российская. В 7-ми т. Т. 3. М.— Л.: Наука, 1964.
26. ПСРЛ, 1962, т. 1.

S. M. Novakovskaya

STONECUTTING IN VLADIMIR-SUZDAL RUS IN THE 12th-13th CENTURIES

Summary

The article summarises investigations of the way the stone was cut in all extant architectural monuments of the Vladimir and Suzdal region of the 12th and 13th centuries. They were supplemented with archaeological data and information on repair and restoration work. These studies have led the author to conclude that in the 12th and 13th centuries either an addice with a straight edge (Fig. 2), or an addice with a shaped sharpening (Figs. 3, 4), or an adze (Fig. 5) were used. The way in which the stone was hewn permits to reconstruct types of working tools employed by Vladimir craftsmen (Fig. 1, *5-10*). Some types of stonecutting evidently came from later repairs and reconstructions. During 80 years the stonecutting technique in Vladimir-Suzdal Rus remained unchanged and was taken up by stonemasons of early Muscovy which prevents it from being a dating feature. It helps to identify, however, construction teams and even individual stonemasons.

Публикации

Н. Н. ГУРИНА

О СВЯЗЯХ ДРЕВНЕГО НАСЕЛЕНИЯ КОЛЬСКОГО ПОЛУОСТРОВА

(по материалам погребения в бухте Большой Песконец)

В ходе изучения памятников Кольского полуострова отчетливо выявляются черты сходства их с памятниками Карелии, Финляндии и в особенности Норвегии, что объясняется прежде всего их соседством, способствующим тесному общению и сходством природных условий приполярной зоны.

Характер каменной индустрии северного региона в значительной мере был определен своеобразием сырья — обилием кварца, сланца, наличием таких пород, как кварцит, горный хрусталь и халцедон. Специфические свойства этих пород, отличных от пластического кремня, выходы которого отсутствовали, в большей мере предопределили и различия между кремневой индустрией и индустрией иных пород камня, поскольку каждая порода допускала применение лишь определенных способов обработки. Так, в течение нескольких тысячелетий орудия из кварца, кварцита и горного хрусталя изготовляли лишь способом резцового скола и ретушпрования, орудия из сланца — сколами, точечной ретушью и шлифованием, тогда как халцедон обрабатывали с помощью мелких сколов. Все это не могло не отразиться и на типах орудий.

Суровые природные условия при низком уровне развития производительных сил неизбежно должны были ограничить хозяйственные возможности древнего населения заполярной и приполярной зоны. В мезолите неразрывная связь стоянок с морским побережьем свидетельствует о том, что важнейшую роль в экономике древнего населения играло собирательство «даров моря» — морских животных и рыбы, не успевших во время отлива уйти в море и «обсохших» в литоральной зоне, а также охота на суше. В неолите ведущее место принадлежало рыболовству и охоте, но уже в конце этого периода и в эпоху раннего металла развился активный промысел на морских животных. В то же время население, обитавшее на побережье озер и рек внутренней части полуострова, в течение всего времени занималось охотой и рыболовством, постепенно совершенствуя свои орудия труда и способы добычи.

На протяжении огромного отрезка времени в рассматриваемом регионе были выработаны определенные традиции в индустрии, в частности в изготовлении весьма оригинальных типов орудий. Так, нигде в других областях, кроме Кольского полуострова и Северной Норвегии, не известно массового применения своеобразных угловых шиферных и сланцевых ножей (употреблявшихся, очевидно, для раскройки шкур), шлифованных сланцевых наконечников стрел, разнообразной формы, крупных сланцевых наконечников копий и дротиков, обработанных мелкими сколами (в особенности многочисленных на северном морском побережье в эпоху раннего металла), оригинальных сланцевых составных и цельных рыболовных крючков и др. Следует подчеркнуть, что речь идет о массовом применении указанных орудий, в то время как отдельные экземпляры некоторых из них (угловые сланцевые ножи, составные каменные рыболовные крючки) встречаются и в сопредельных областях — Карелии и Финляндии.

Чрезвычайно близкое сходство, порой тождество, особенно проявляется в эпоху раннего металла в костяных орудиях и бытовых предметах (гребни), в изобразительном искусстве (орнамент, скульптура). Следует отметить удивительную близость в этот период изделий из мыльного камня — орнаментированных наверший в виде кругов и ромбов. На Кольском полуострове из этого материала изготовлены также скульптурные головки животных и птиц с отверстиями для насадки на стержень, а также предмет, напоминающий по форме рабочую часть топора с процарапанным на нем рисунком.

Сходство в категориях и типах орудий дополняется близостью керамики, в особенности в эпоху раннего металла, хотя так же, как и в неолитическую эпоху, самобытные черты ее сохраняются. Учитывая вышесказанное, представляется возможным выделить особую кольскую археологическую культуру эпохи неолита и раннего металла.

Широкие связи населения Кольского полуострова с племенами соседних областей хорошо иллюстрируют материалы погребения, обнаруженного нашей экспедицией в 1974 г. на северо-восточном побережье Баренцева моря, в бухте Большой Песконец, неподалеку от пос. Харловка.

Относительно широкая морская бухта Большой Песконец по форме напоминает амфитеатр. На заднем плане она оконтурена полукольцом скалистых гор, к которым прислонена высокая вторая терраса, повторяющая очертания полукруга, ниже находится песчаная терраса, лишь слегка возвышающаяся над древним пляжем, занятым современными дюнами. Они постоянно перевеваются сильными северными ветрами, дующими с моря. Здесь протекает небольшая речка, берущая начало в горах.

Обследование второй террасы позволило обнаружить несколько стоянок с кварцевым инвентарем и две мастерские по изготовлению крупных сланцевых орудий. Керамики не найдено, что, однако, может объясняться близким залеганием культурных остатков к дневной поверхности.

Наибольший интерес представила стоянка, значительная по площади, расположенная в восточной части бухты, близ моря, на повышенном участке второй террасы, правого берега речки. Слегка покатая площадка здесь слабо прикрыта выступом скалы от северных ветров, дующих со стороны моря. Культурный слой стоянки в верхней части оказался развеянным, о чем свидетельствовали находки, частично залегающие на поверхности. Однако большинство предметов осталось не потревоженным, в ряде случаев прослеживалась отчетливая их локализация. Особенно это было заметно в центральной части, где масса отщепов кварца и кварцевые орудия концентрировались около скопления сильно обожженных камней, лежавших сплошной массой в несколько рядов и указывавших на наличие в прошлом здесь печи-каменки.

В результате рекогносцировочного раскопа площадью 12 м^2 выявилась древняя дневная поверхность — темная полоса, отчетливо заметная на фоне желтого подстилающего песка, перекрытая песчаной насыпью, очевидно древней дюной, о чем свидетельствовала значительная ее плотность по сравнению с современными дюнами. На древний возраст указывали и многочисленные отщепы и кварцевые орудия, лежавшие на ее поверхности. Ниже прослеживался развал из довольно крупных плоских камней, лежавших без особого порядка в контурах темного углистого пятна (2×2,5 м). В юго-восточной половине этого пятна и частично за его пределами прослеживалось небольшое (ок. 0,4 м) охристое пятно, в контурах которого располагалась группа находок: семь кремневых наконечников стрел, наконечник копья, кинжал, сланцевое маленькое тесло, стержень из сланца.

В непосредственной близости (в 15 см) от этого скопления лежало кремневое тесло и скульптурка, два человеческих зуба и фаланга руки, сланцевый топор и наконечник. На расстоянии 40 см — два топора и сланцевый угловой нож.

Наличие охристого пятна, локализация находок, человеческие зубы и фаланга указывают на совершенное здесь погребение. Первоначальное по-

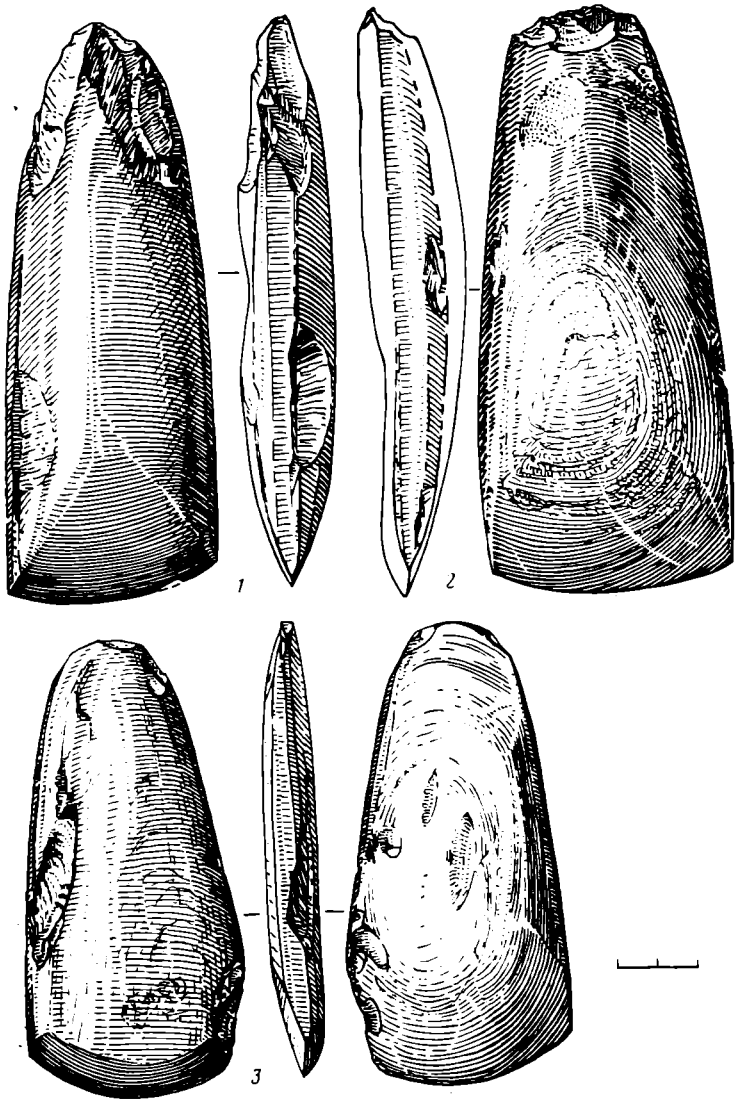


Рис. 1. Сланцевые топоры

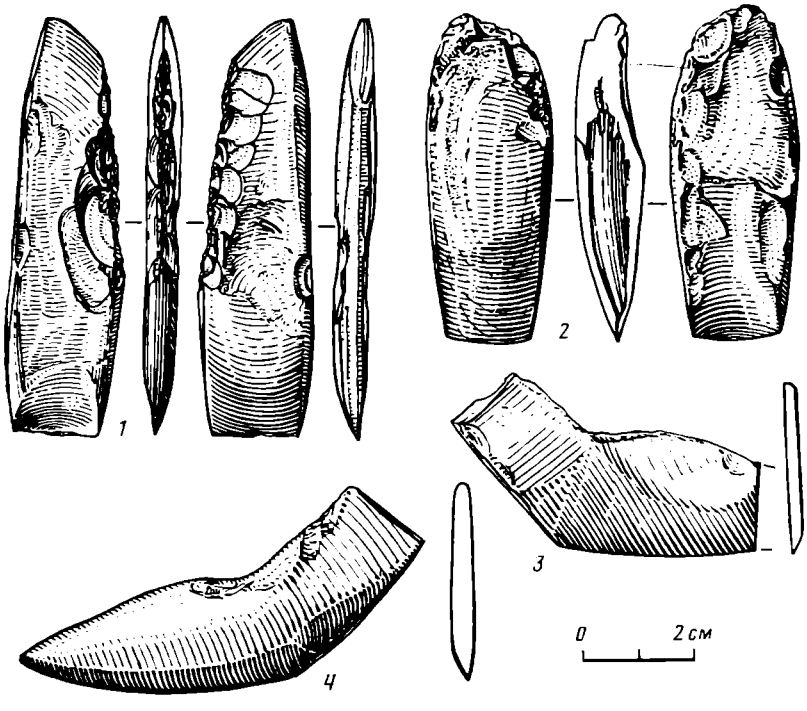


Рис. 2. Сланцевые орудия. *1, 2* — желобчатые тесла; *3, 4* — угловые ножи

ложение его оказалось нарушенным, скелет не сохранился. По очертаниям охристого пятна и положению в нем зубов можно предположить, что захороненный лежал головой на северо-восток. Богатый погребальный инвентарь, судя по Оленеостровскому могильнику, располагался в ногах, на груди и у головы умершего [1]. Наличие довольно значительного по площади темного пятна (2×2,5 м), камней в его контурах и костей животных позволяют сделать два предположения: либо этот комплекс является остатками специального погребального сооружения, либо захоронение было произведено в жилище типа чума, обложенного камнями. Подобные примеры захоронения в жилищах известны на поселении Нарва I [2].

В целом инвентарь, сопровождавший погребение, состоял из восьми сланцевых орудий: трех крупных топоров, двух желобчатых тесел, двух угловых сланцевых ножей и наконечника стрелы с удлиненно-ромбическим поперечным сечением и уплощенным черешком. Из сланца же изготовлены стержень и фигурка выдры (?). Все предметы прекрасно зашлифованы, орудия почти не имеют следов использования, что свидетельствует об их специальном назначении — сопровождать умершего в загробный мир (рис. 1, 2).

Семь наконечников стрел, лежавших, вероятно, в колчане, на груди покойного, однотипны. Во всех случаях они треугольно-черешковые, преимущественно с плавным переходом пера в черешок, с очень тщательной, двусторонней обработкой. Различия заключаются лишь в пропорциях — от сильно удлиненных (7 : 1) до широких (4 : 1,8). Остальные наконечники занимают промежуточное положение (рис. 3).

Рядом с наконечниками находились два сланцевых предмета. Первый (рис. 4, *1*) представлял собой удлиненный (13×0,8 см) четырехугольный в сечении стержень, один конец которого оформлен в виде головки уточки, противоположный снабжен с обеих сторон продольными желобками. С одной стороны — со спинки уточки, в месте пересечения с боковыми гранями, стержень имеет расположенные в один ряд небольшие углубления (как бы широкие насечки). Вся поверхность предмета очень хорошо зашлифована. Головка уточки достаточно выразительна. Нам не известны археологические и этнографические параллели данному предмету, хотя украшения на бытовых вещах довольно типичны для северных памятников. Изображение уточек встречается и на глиняных сосудах [3]. Образ утки в мировоззрении лесных неолитических племен играл значительную роль. Их головками украшали деревянные ковши [4]. Очевидно, как отражение древних верований можно расценивать и руну первую карело-финского эпоса «Калевала» [5, с. 9], повествующую о сотворении мира из яйца утки.

Наличие желобков, образующих на конце стержня выемку, допускает предположение о применении его в качестве иглы для вязания сетей. Слегка выпуклая форма и уплощенность головки уточки делает его вполне приспособленным для этой работы. Не исключено, что это могли быть и сети для ловли уток во время линьки, когда они не могут летать,— прием, широко известный в этнографии.

Другой предмет (рис. 4, *2*) — фигурка животного с одной, слегка выпуклой (спинка), и второй, плоской (брюшко), стороной, сланцевая, очень тщательно зашлифована (плоская, нижняя сторона, помимо того, залощена до блеска в результате длительного соприкосновения с какой-то мягкой поверхностью). Голова животного в форме треугольника с усеченной вершиной хорошо моделирована, она плавно переходит в шею. Глаза показаны слабыми выпуклинами. Туловище животного вытянутых пропорций, подчетыреугольных очертаний, также плавно переходит в широкий, заостренный на конце хвост. Спинка и хвост по обоим слегка уплощенным боковым краям украшены косыми линиями, расположенными под небольшим углом друг к другу, вероятно имитирующими шерсть. В целом скульптура очень выразительна, в особенности голова с открытым ртом.

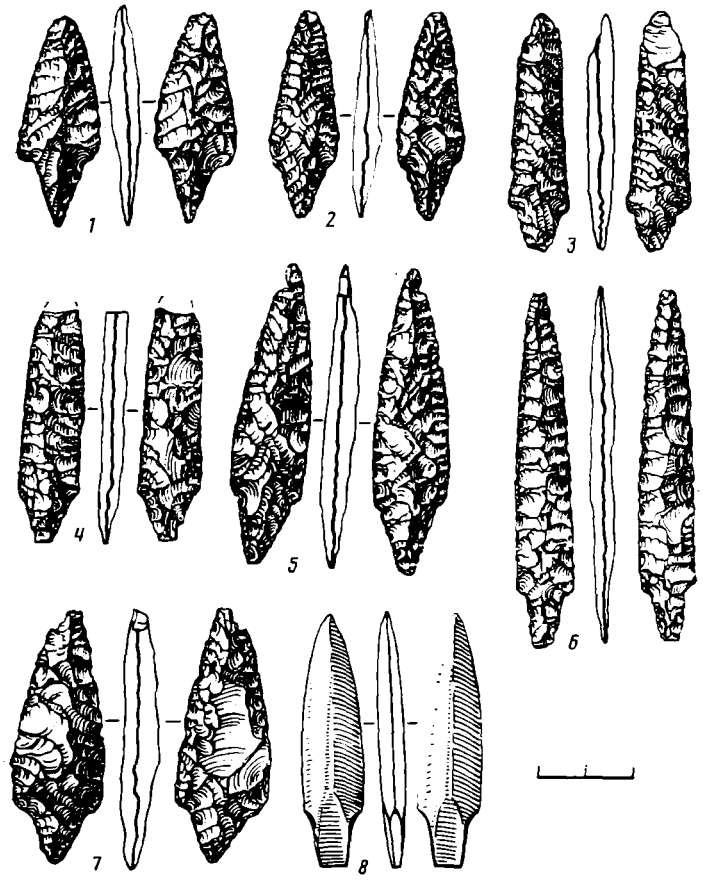


Рис. 3. Наконечники стрел (*1-7* — кремень; *8* — сланец)

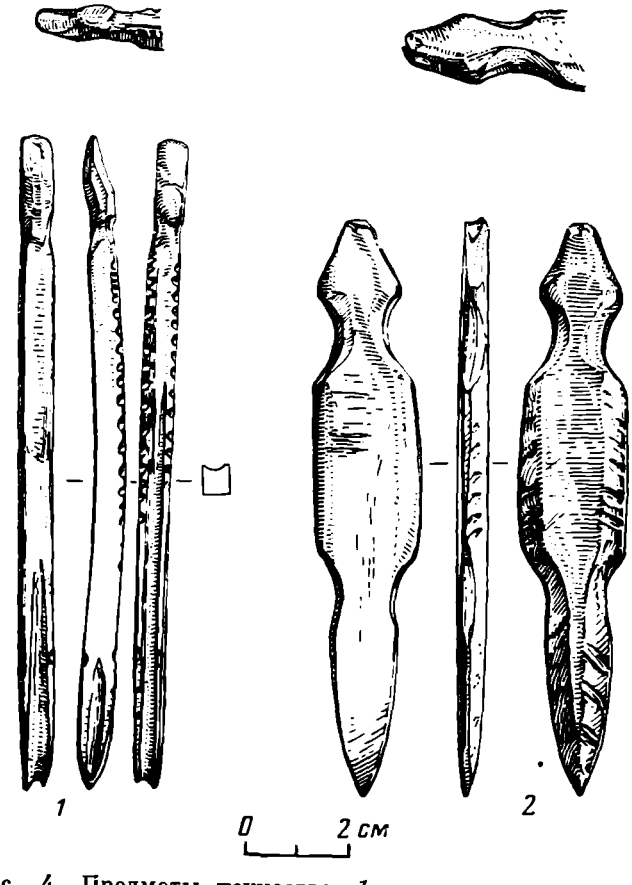


Рис. 4. Предметы искусства. *1* — стержень с головкой уточки; *2* — фигура выдры

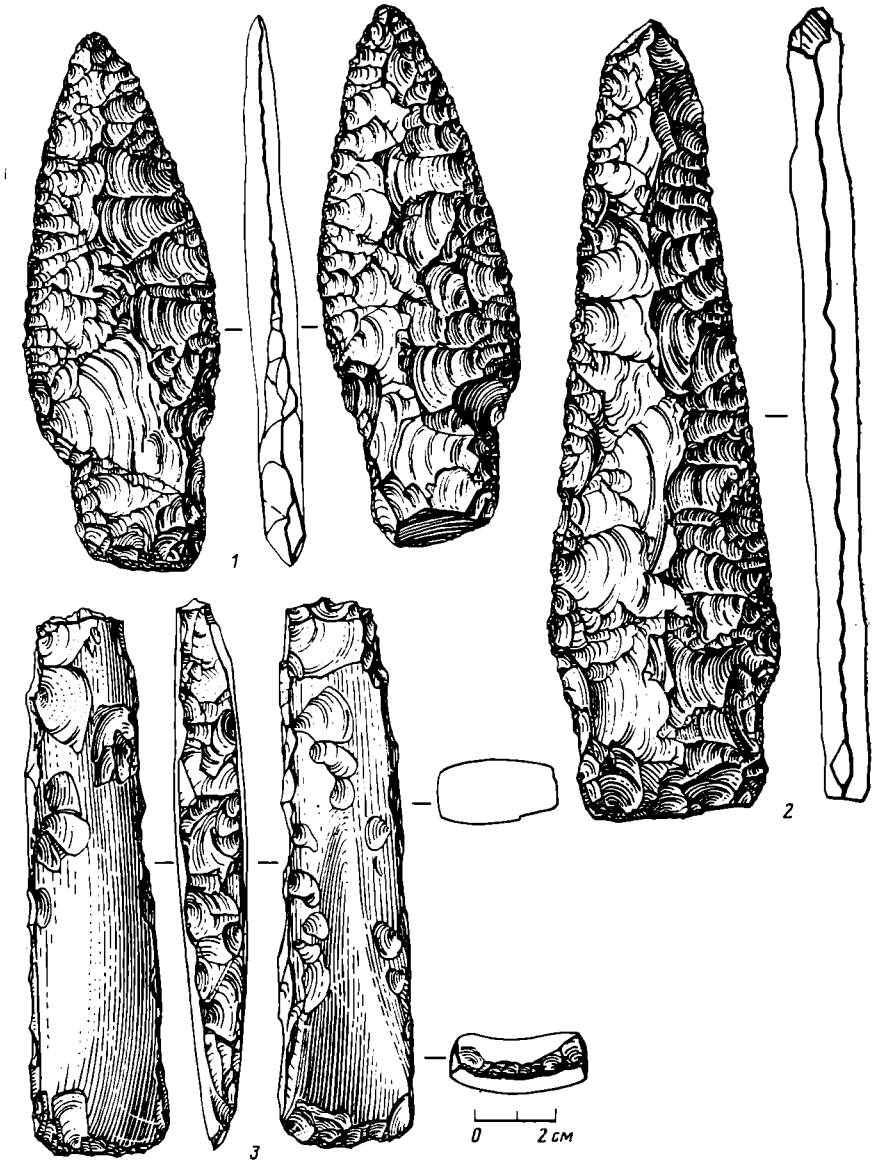


Рис. 5. Кремневые орудия. *1* — наконечник копья; *2* — кинжал; *3* — тесло

По очертаниям, и в частности по широкому заостренному на конце хвосту, вероятнее всего усматривать в ней изображение выдры. Судя по заполированности плоской стороны, по-видимому, длительное время человек носил ее на груди в качестве амулета.

Так же, как и первая фигура с утиной головкой, эта скульптура не находит себе аналогий среди предметов первобытного изобразительного искусства.

Три последних предмета, лежавших в области груди, оказались совершенно необычными не только для Кольского полуострова, но и всего Севера европейской части СССР. Обращает на себя внимание прежде всего очень крупный размер предметов — наконечника копья, кинжала и тесла.

Наконечник копья, длиной 13 см (при максимальной ширине 4 см), имеет перо, по форме напоминающее резко вытянутый треугольник (рис. 5, *1*). Отчетливо выраженный черешок широкий, слегка уплощенный по сравнению с пером. Фасетки ретуши, покрывающие обе стороны орудия, различны по величине, по самому краю располагается мелкая, на отдельных участках очень мелкая, почти бисерная ретушь.

Близкой по форме второй предмет (рис. 5, *2*) имеет еще бо́льшую длину — 19,5 см, при максимальной ширине 5 см. От первого его отличает менее выраженный и более массивный черешок, а также довольно массивный и слабо уплощенный конец пера. Характер обработки аналогичен, двусторонний, только фасетки ретуши порой крупные, соответственно величине оружия. Самые края мелкоретушированы. Очевидно, данное орудие являлось кинжалом.

Последним из этой серии предметов является кремневое тесло — 13,5 см длиной, при максимальной ширине 3,2 см (рис. 5, *3*). Слегка суженное к тыльной части, оно имеет прямоугольное поперечное сечение, широкие стороны зашлифованы по всей поверхности (хотя более глубокие фасетки ретуши местами ею не захвачены), боковые стороны только ретушированы. Одна из зашлифованных сторон (спинка) — слегка выпуклая, вторая — более уплощенная (брюшко), имеет неглубокий продольный желобок, в результате чего лезвие тесла вогнутое. Оно оформлено мелкими, различной величины фасетками ретуши. Вероятно, орудие после того, как было сильно сработано, подправляли ретушью.

Интерпретация обнаруженного нами погребения представляет известную сложность. Необычно прежде всего то, что все крупные орудия изготовлены из одного куска серовато-коричневатого с желтыми пятнами кремня, очень высокого качества. Месторождение такого кремня неизвестно не только в пределах Кольского полуострова, но и на ближайшей территории в Карелии, на Северо-Востоке, в Верхнем Поволжье и др.

Иной кремень использован для изготовления наконечников стрел — розоватый, серый и светлый, почти молочного цвета, характерный для южного побережья Белого моря. Из местного материала, сланца, изготовлен восьмой наконечник.

Самым удивительным, конечно, является размер. Впервые встречаются орудия столь крупной величины. Неизвестны они и на ближайшей территории, где зафиксированы залежи кремня, как, например, на южном побережье Белого моря. Особенно же необычна для этого региона форма и техника обработки (шлифование) каменного тесла. То, что все эти три предмета изготовлены из одной разновидности кремня, не вызывает сомнений. Возникает лишь вопрос: откуда и в какой форме были доставлены эти предметы? Поступили ли они в виде готовых изделий или в виде сырья, переработанного на месте?

Уникальность памятника затрудняет поиски аналогии. С уверенностью можно констатировать лишь следующее.

Не только на территории Кольского полуострова, но и во всем северном регионе нам не известно ни одного памятника с подобным комплексом орудий. Очевидно, они не будут обнаружены в большом количестве и в будущем. В составе вещей очень отчетливо проступает сочетание двух начал — типичного для рыболовческо-охотничьих племен крайнего Севера и характерного для более южных, в ряде случаев территориально весьма далеких земледельческо-скотоводческих племен.

К числу орудий, в большей или меньшей мере представленных в северных памятниках, относятся: сланцевый наконечник стрелы, угловые сланцевые ножи, шлифованные крупные топоры и небольшие шлифованные тесла. При этом все же следует заметить, что форма их слегка отличается от широко распространенных — топоры более крупные, массивные. Однако в целом эта категория орудий встречается и в стоянках Кольского полуострова.

В известной мере промежуточное положение занимают кремневые наконечники стрел. Все они изготовлены из различных разновидностей кремня, очевидно из месторождений южного побережья Белого моря. Связь древнего населения с Южным Беломорьем фиксируется на всем протяжении эпохи неолита — раннего металла. Кремневые орудия Кольского полуострова (наконечники стрел, скребки) изготовлены в основном из такого рода кремня. Судя по тому, что кремневые орудия Кольского полуострова не дублируют типы беломорских, а обладают весьма оригинальными чертами, следует заключить, что кремень попадал на Кольский

полуостров как поделочный материал. Вероятно, привозились и отдельные готовые изделия.

Как указывалось, все наконечники являются треугольно-черешковыми, различаясь лишь пропорциями. Подобные наконечники известны в некоторых поселениях эпохи раннего металла Кольского полуострова — Маяк, Кривун и др., в стоянках каргопольской культуры — Кубенино, Караваиха, Модлона, Устье Кинемы [6, рис. 61, *2*, *7*, *12*, *14*], а также единичные экземпляры в Карелии [7, рис. 34, *1*]. Несколько чаще встречаются они на стоянках раннего металла Ленинградской обл.— Усть-Рыбежна II, Под сопкой [8, рис, 182]. В этом случае они имеют не столь резко выраженный переход от пера к черешку.

Иначе обстоит дело с тремя крупными кремневыми орудиями. Кремень, из которого они сделаны, как указывалось, необычен для Кольского полуострова и областей, прилегающих к нему с востока и юга. Однако точно установить место его происхождения возможно будет лишь после соответствующих анализов. Вместе с тем визуальные наблюдения приводят к выводу, что аналогичный кремень встречается в Швеции.

Поиски аналогий кремневому теслу уводят нас в далекие юго-западные районы, в круг земледельческо-скотоводческих культур «воронковидных кубков», культур «боевых топоров», или, иначе, культур «шнуровой керамики», хотя в погребении Песконец и отсутствуют такие важные элементы, как сверленый топор, ножевидные пластины и украшения из янтаря и зубов животных, а также характерная керамика. Не устанавливается с полной достоверностью и положение погребенного — вытянутое или скорченное.

Территориально наиболее близкими к Кольскому полуострову из областей с культурой шнуровой керамики являются памятники Восточной Прибалтики, Южной Финляндии, Южной Норвегии и Южной Швеции, а также северная группа фатьяновской культуры.

В пределах этих областей отдельные предметы, встреченные в погребении Песконец, имеют близкое сходство. Так, в памятниках культуры боевых топоров Восточной Прибалтики — Эстонии и Литвы [9] встречаются кремневые шлифованные топоры с четырехугольным поперечным сечением, также предварительно ретушированные, но с симметричным рабочим лезвием.

Совершенно тождественный тип сланцевого наконечника стрелы и кремневый кинжал (только меньшей величины) встречены в памятниках кивакскультуры Финляндии [10, рис. 93, *72*]. Погребения, относящиеся к родственным культурам боевых топоров (в целом проникающих на Север в конце III — начале II тыс. до н. э.), прослеживаются на Датских островах [11]. В Швеции и Южной Норвегии известны одиночные скорченные погребения с ладьевидными топорами, кремневыми долотами [12, 13]. Среди шведских материалов, хотя и очень редко, но встречаются кремневые желобчатые тесла, подобные нашему.

В поисках аналогии погребению в бухте Песконец среди памятников культуры шнуровой керамики нельзя не обратиться к могильникам фатьяновской культуры, широко представленным на территории СССР и подробно исследованным Д. А. Крайновым, в частности к московской группе. Прежде всего, обращает на себя внимание наличие здесь треугольно-черешковых наконечников стрел с заостренным основанием. Различия выражаются в том, что большинство наших наконечников имеет удлиненное перо, тогда как у фатьяновских наконечников этого типа оно значительно короче (3,2:1,5; 3:1; 2:1,2 см). Однако и среди наших наконечников имеется экземпляр с коротким пером (3,2 : 1,5 см). Сопоставимо и кремневое шлифованное тесло, которое по пропорциям ближе всего к топору, выделенному Д. А. Крайновым в «прямоугольный толстообушный тип» [14], различие заключается лишь в характере лезвия.

Однако на этом сходство заканчивается. В погребении Песконец отсутствуют: сверленые топоры, кремневые пластинки и ножи, отщепы кремня, шилья и другие костяные предметы, так же как и подвески из

зубов животных. Правда, при этом возможно допустить их исчезновение из-за особых стратиграфических условий. Вместе с тем в рассматриваемом нами погребении присутствуют иного типа, но функционально сходные орудия — сланцевые угловые ножи, игла для вязания сетей и подвеска в виде выдры.

Обобщая наблюдения, полученные при попытке отыскать аналогии погребальному инвентарю в бухте Песконец, можно прийти к выводу о наибольшем сходстве отдельных элементов его с отдельными предметами из погребений культуры шнуровой керамики. Вместе с тем здесь ярко выступают элементы местной культуры, что делает этот памятник уникальным.

Отмечая сходные черты погребения в бухте Песконец с погребениями культуры шнурковой керамики, мы отнюдь не утверждаем, что эта культура распространялась до Кольского полуострова. Вероятно лишь их хронологическое соответствие и наличие контакта между населением обоих регионов.

По всей видимости, эти предметы попали на Кольский полуостров в результате обмена. Исходя из того, что кремень, из которого сделаны крупные орудия, визуально определяется как шведский, а тип сланцевого наконечника стрелы и копья идентичны южнофинляндским — культуры киукайнен, можно предположить, что на Кольский полуостров они попали с юго-запада. Путь, которым они проникали на крайний Север, можно представить себе следующим образом: по побережью Ботнического залива, р. Кемийоки, затем по ее притокам, Тулому — Ноте или Лотте, и через Тулому в Баренцево море.

Попали ли эти предметы прямо или через посредников, но люди, которые их везли, должны были двигаться от Кольской губы на восток неизбежно по морю, поскольку все реки, разделенные скалистыми горами, текут в меридиональном направлении, а между ними много труднопроходимых участков тундры.

Что касается вопроса, в каком виде попали эти предметы в далекую бухту Песконец — в качестве ли поделочного материала или завершенных изделий, то можно сказать лишь следующее. Крупные кремневые орудия свидетельствуют о совершенстве их изготовления. Такое умение обрабатывать кремень могло появиться лишь в результате многовековой практики, обусловившей возникновение соответствующих традиций. В особенности это относится к шлифованному кремневому теслу. Трудно предположить, чтобы жители Кольского полуострова, не обладавшие соответствующей практикой изготовления крупных кремневых орудий, могли выполнить столь совершенные образцы (при этом в форме, традиционной для Запада), поскольку в прилегающих восточных и южных областях шлифованные кремневые орудия неизвестны. Если даже предположить, что кремневое тесло было изготовлено на месте, то мастер должен был видеть оригинал — кремневый топор с прямоугольным поперечным сечением культуры шнуровой керамики.

Как бы ни решался этот вопрос, в любом случае налицо широкие связи древнего населения Кольского полуострова со своими порой далекими соседями.

По всей вероятности, эквивалентом кремню или изготовленным из него орудиям служила пушнина или продукты морского промысла, которыми был богат Кольский полуостров.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Гурина Н. Н.* Памятники эпохи раннего металла на северном побережье Кольского полуострова.— МИА, 1953, № 39.
2. *Гурина Н. Н.* Из истории древних племен Западных областей СССР.— МИА, 1967, № 144.
3. *Гурина Н. Н.* Водоплавающая птица в искусстве неолитических лесных племен.— КСИА, 1972, вып. 131.
4. *Ванкина Л. В.* Торфяниковая стоянка Сарнате. Рига, 1970.
5. Калевала. М., 1949.

6. *Фосс М. Е.* Древняя история Севера Европейской части СССР.— МИА, 1952, № 29.
7. *Саввателев Ю. А.* Залавруга. Л.: Наука, 1977.
8. *Гурина Н. Н.* Древняя история Северо-Запада Европейской части СССР.— МИА, 1961, № 87.
9. *Bagusienne O., Rimantienne R.* Akmeniniai cludinti dibriniai.— In: Lietuvos TSR Archeologijos Atlasas. I. Vilnius, 1974.
10. *Meinander C. F.* Die Kiukaiskultur. Helsinki, 1954.
11. *Brondsted J.* Steinzeit in Danemark.— In: Nordische Vorzeit. B. I. Neumünster, 1961.
12. *Struve K. W.* Die Einzelgrabkultur in Schleswig-Hilstein und Ihre kontinentalen Beziehungen. Neumünster, 1955.
13. *Oldeberg A.* Studien über die Schwedische Bootaxtkultur. Stockholm, 1952.
14. *Крайнов Д. А.* Памятники фатьяновской культуры московской группы.— САИ, 1963, вып. В1-19.

N. N. Gurina

ON THE TIES OF THE EARLIEST POPULATION OF THE KOLA PENINSULA

(According to the materials from a burial in the Bolshoy Peskonets Bay)

Summary

The burial was discovered in 1974 on the north-eastern coast of the Barents Sea, in the Bolshoy Peskonets Bay. Only human teeth and a bone-point have been preserved. Grave goods consisted of eight shale implements (three axes, two grooved adzes, two angle shale knives and an arrowhead), seven flint arrowheads, a shale animal figurine (an otter?), a shale rod crowned with a duck's head. The two latter objects have no analogies among artistic objects of that period. Three sizeable objects (a spearhead, a dagger and an adze) evoked especial interest since they were made of some greyish-brown yellow-spotted stone. Both the Kola Peninsula, which lacks in general any outcropping stone seams, and the adjacent areas have no deposits of similar flint. The arrowheads are made of flint found on the southern shores of the White Sea. The three above-mentioned sizeable objects were made of flint which looks like that brought from Sweden, while the shale arrowhead and the spearhead are identical to finds in Southern Livland. The polished flint adze's shape is traditional for the corded ware culture.

А. Е. МАТЮХИН

О ГАЛЕЧНЫХ ПСЕВДООРУДИЯХ

Мы не будем касаться в данной работе проблемы эолитов вообще, которая, как известно, возникла более 100 лет назад и широко освещалась в публикациях зарубежных и отечественных исследователей [1—5]. Существенно, что к эолитам относили кремневые осколки и обломки небольших размеров. Объектом нашего внимания будет вопрос о галечных псевдоорудиях.

Немногочисленные работы, посвященные раскалыванию галек и валунов в естественных условиях, появились в 40—50-е годы. Уместно вспомнить об интересных полевых наблюдениях Г. Мортельманса [6, с. 60—70], А. Брейля [7, с. 21—28], Ф. Бурдье [8, с. 436], У. Бишопа [9, с. 117—121], Р. Мэйсона [10, с. 13—16] и др. Были выявлены некоторые существенные причины образования эолитов, в частности такие, как столкновение галек друг с другом в водных потоках, действие ледников и связанных с ними процессов, падение глыб на отдельные гальки и валуны и т. п. Исследования указанных авторов, безусловно, способствовали ниспровержению так называемой кафуанской культуры, открытой Уайлендом еще в 1919 г. Ее сторонниками, как известно, были Т. О'Брайн [11], ван Рит Лове [12, с. 1—30], Г. Мортельманс [13, с. 5—55][1] и др. Интерес к дошельским галечным орудиям заметно угас, хотя в отношении олдувайской культуры, открытой в довоенное время, отрицательных и даже заметно скептических мнений не существовало. Сенсационные открытия супругов Л. и М. Лики в Олдувайском ущелье в конце 50-х и начале 60-х годов выдвинули проблему галечных орудий на передний план первобытной археологии. Скелетные остатки прогрессивных гоминид, кости животных, каменные изделия — это как раз то, о чем мечтали некоторые исследователи конца XIX и начала нашего века. Только в таком сочетании, считали противники эолитов, можно доказать «человеческую» природу древнейших находок [11, с. 147]. Поиски последних приняли в 60—70-е годы массовый характер. Открыто уже немало местонахождений и стоянок на территории Европы, Азии и Африки. Характерно, что многие исследователи, открыватели галечных изделий, не задаются целью выяснять их природу, другими словами, подвергнуть критическому изучению, что составляет важнейшую часть источниковедческого анализа в целом. В то же время есть основания полагать, как об этом свидетельствуют многочисленные публикации, что далеко не все галечные орудия являются таковыми на самом деле. Как справедливо заметил А. Брейль, если «природа производит столь удивительные предметы, то надо быть очень осторожным, когда речь заходит об элементарной деятельности человека» [14, с. 407]. Существенно, что вот уже в течение 20 лет не вышло в свет ни одной получившей известность работы по галечным псевдоорудиям, однако необходимость в этом очевидна. Хотя проблема эолитов как таковая для первобытной археологии в целом уже прошедший этап, тем не менее она не снята полностью с повестки дня. А. А. Формозов, безусловно, прав, напомнив в одной из

[1] Как это ни странно, но именно Г. Мортельманс, автор одной из ранних работ по галечным псевдоорудиям, был ревностным сторонником и пропагандистом кафуанской культуры. Здесь нелишне вспомнить, что Г. де Мортилье, предложивший критерии искусственной обработки камня, первый признал эолиты, обнаруженные аббатом Буржуа в 1868 г. за подлинные орудия.

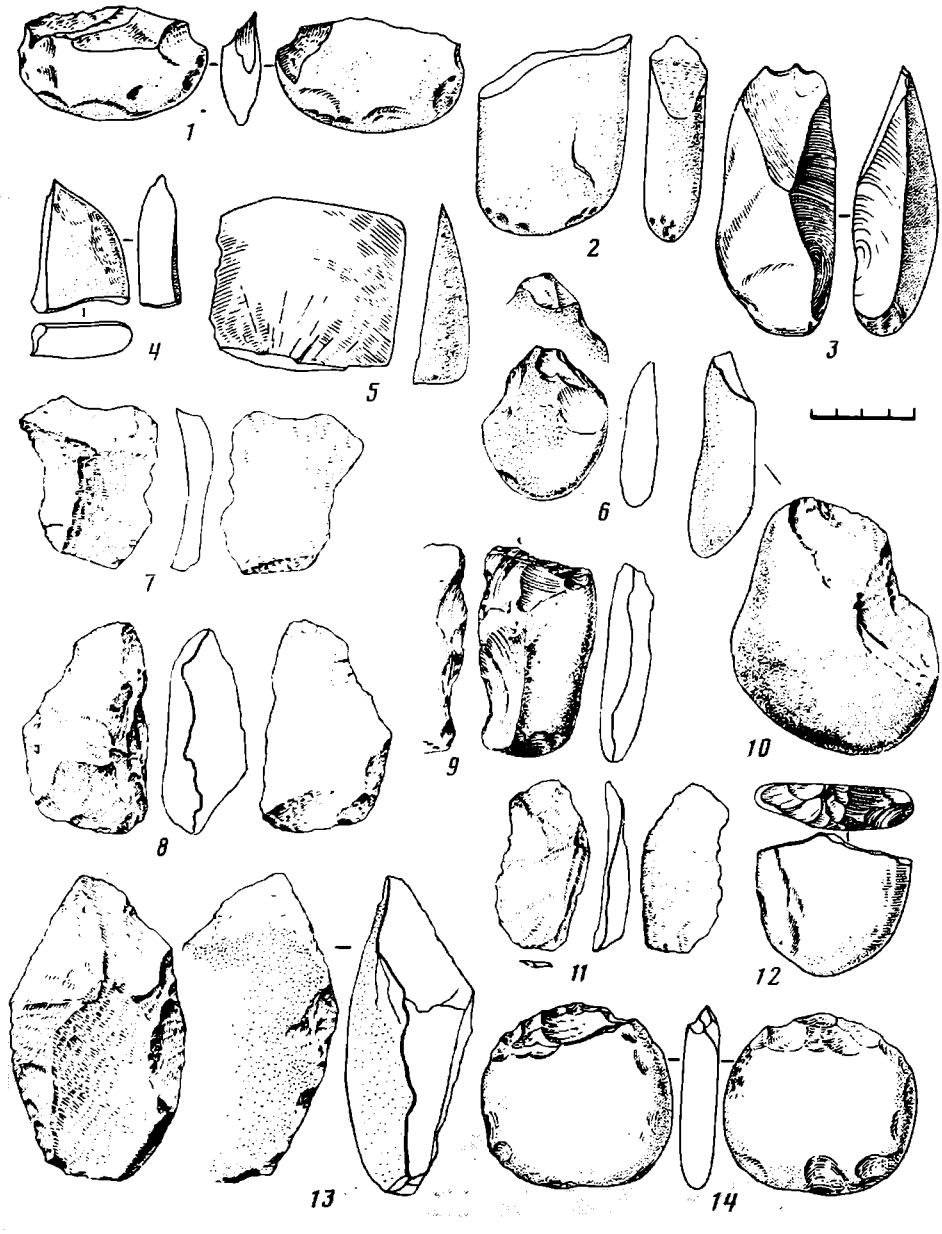


Рис. 1. Галечные псевдоизделия. *1* — «чоппер» из песчаника (Мзымта); *2* — кафуанское «изделие» из песчаника (Мзымта); *3* — отщеп из известняка (Мзымта); *4* — кафуанское «изделие» из известняка (Мзымта); *5* — отщеп из песчаника (Мзымта); *6* — «чоппинг» из сланца (Кура); *7* — отщеп из песчаника (Кура); *8* — «частичный бифас» из песчаника (Кура); *9* — «чоппинг» из сланца (Кура); *10* — «чоппер» из песчаника (Кура); *11* — отщеп из песчаника (Кура); *12* — кафуанское «изделие» (Мзымта); *13* — «частичный бифас» из песчаника (Кура); *14* — «чоппинг» из известняка (Мзымта)

своих статей, что критика источников является важнейшей задачей в научной практике каждого археолога [15, с. 13].

В настоящей работе мы намерены описать галечные псевдоорудия из руслового аллювия Куры, Мзымты, Раздана и оврагов у с. Лаше-Балта (Южная Осетия). Наиболее многочисленная и правдоподобная коллекция собрана в долине р. Куры. Здесь за полтора часа было найдено около 400 галечных эолитов. К числу выразительных отнесено 100 экземпляров. Эолиты, собранные в русле Мзымты, менее представительны. Отметим, что количество псевдоорудий в руслах разных рек неодинаково. Это зависит от ширины, скорости, интенсивности, направленности водного потока, а в равной мере от петрографического состава и физических свойств горных пород, которыми представлены гальки и валуны, количества, раз-

меров, характера расположения в русле, их соотношения друг с другом и т. п. Практически в каждом русле горной реки среди расколотых галек и валунов преобладают такие, которые разбиты в разных направлениях — вдоль, поперек, под углом и т. п. Данные предметы обычно невыразительны, имеют крутые, нередко вертикальные края, и сомнений относительно их естественного происхождения обычно не возникает (рис. 1, *2, 4. 12*). Это типичные «кафуанские орудия». Однако часто встречаются предметы, в той или иной мере напоминающие чопперы, чоппинги, пики, бифасы, нуклеусы, сфероиды, полиэдры, скребла, остроконечники, скребки, зубчато-выемчатые формы, проколки, отщепы, пластинки и т. п. Таким образом, к галечным орудиям мы относим в данном случае самые разнообразные категории предметов[2]. Рассмотрим некоторые из них.

«Отщепы». Исходный материал — песчаник, известняк, сланец. Размеры их самые различные — от очень крупных до мелких (рис. 1, *3. 5, 7, 11*; 2, *4, 8*). Отмечены как удлиненные, так и укороченные экземпляры. Встречаются пластинчатые и сколы треугольных очертаний (рис. 1, *11*; 2, *4*). Краевых и полукраевых отщепов гораздо больше, чем отщепов без корки (рис. 1, *5*; 2, *4*). У последних отмечена различная огранка спинок: продольная двускатная высокая, продольная двускатная плоская (рис. 2, *8*), продольно-поперечная (рис. 1, *7, 11*), радиальная, бесформенная и т. п. Наряду с выразительными найдено немало грубых и бесформенных сколов. В частности, не у всех предметов выражена «брюшковая» поверхность (рис. 1, *3*). Степень выраженности элементарных признаков у отщепов неодинакова. У многих имеются ударная площадка, точка удара, ударный бугорок, изъянец, систематическое расположение негативов на спинке, согласование направления ударной волны и точки удара, нормальная скошенность ударной площадки и т. п. (рис. 1, *5. 7, 11*; 2, *4, 8*). Такие отщепы мало чем отличаются от подлинных. И хотя подобных отщепов немало, однако преобладают такие, у которых степень выраженности признаков, их количество и согласованность друг с другом заметно варьируют. У ряда отщепов брюшковая поверхность не гладкая, а ребристая (рис. 1, *3*), ударные площадки повреждены или вообще отсутствуют. Первые представлены двумя забитыми участками, скошенными или по направлению к продольным краям, или к одной из сторон. Нижние концы таких отщепов имеют подтреугольную форму. Для многих отщепов характерно также несоответствие точки удара и направления ударной волны. Устьевые части некоторых негативов на спинке начинаются не от края к центру, а наоборот (рис. 1, *11*; 2, *4*). На краях практически всех отщепов отмечена нерегулярная разновеликая ретушь. Она может быть как одно-, так и двусторонней. Подобная ретушь сминает, забывает края, образуя отдельные выемки, зубчики или шипы. На некоторых отщепах, однако, встречается и более регулярная ретушь.

«Чопперы». Отмечено несколько весьма выразительных экземпляров (рис. 1, *1, 10*; 2, *3, 5. 7, 10*). Исходное сырье — известняк, кремень, песчаник, сланец. Длина их от 3 до 20 см, толщина — от 1,5 до 6 см. Представлены обычно на плоских или массивных гальках с уплощенными краями. Чопперы из галек шаровидной или яйцевидной формы имеют отдельные трещиноватые участки, что, собственно, способствовало их раскалыванию. Есть чопперы, у которых «рабочий край» получен в результате одного удара (рис. 2, *10*). Однако у большинства предметов выделяется более двух сколов, имеющих разные размеры. Существенно, что сколы приурочены преимущественно к одному краю гальки, а не расположены хаотично на разных ее участках. К тому же обратная сторона часто лишена сколов, за исключением отдельных мелких снятий, присутствующих не всегда (рис. 1, *1*; 2, *3*). Это придает особое правдоподобие псевдочопперам. На поверхности чопперов присутствуют, как правило, негативы укороченных сколов. Удлиненные сколы встречаются несколько реже. Негативы пластинчатых снятий малохарактерны. Вооб-

[2] Строго говоря, к галечным орудиям мы, как и большинство авторов, относим изделия собственно из галек и валунов. Другие категории привлечены ними исключительно с целью более полного раскрытия поставленного вопроса.

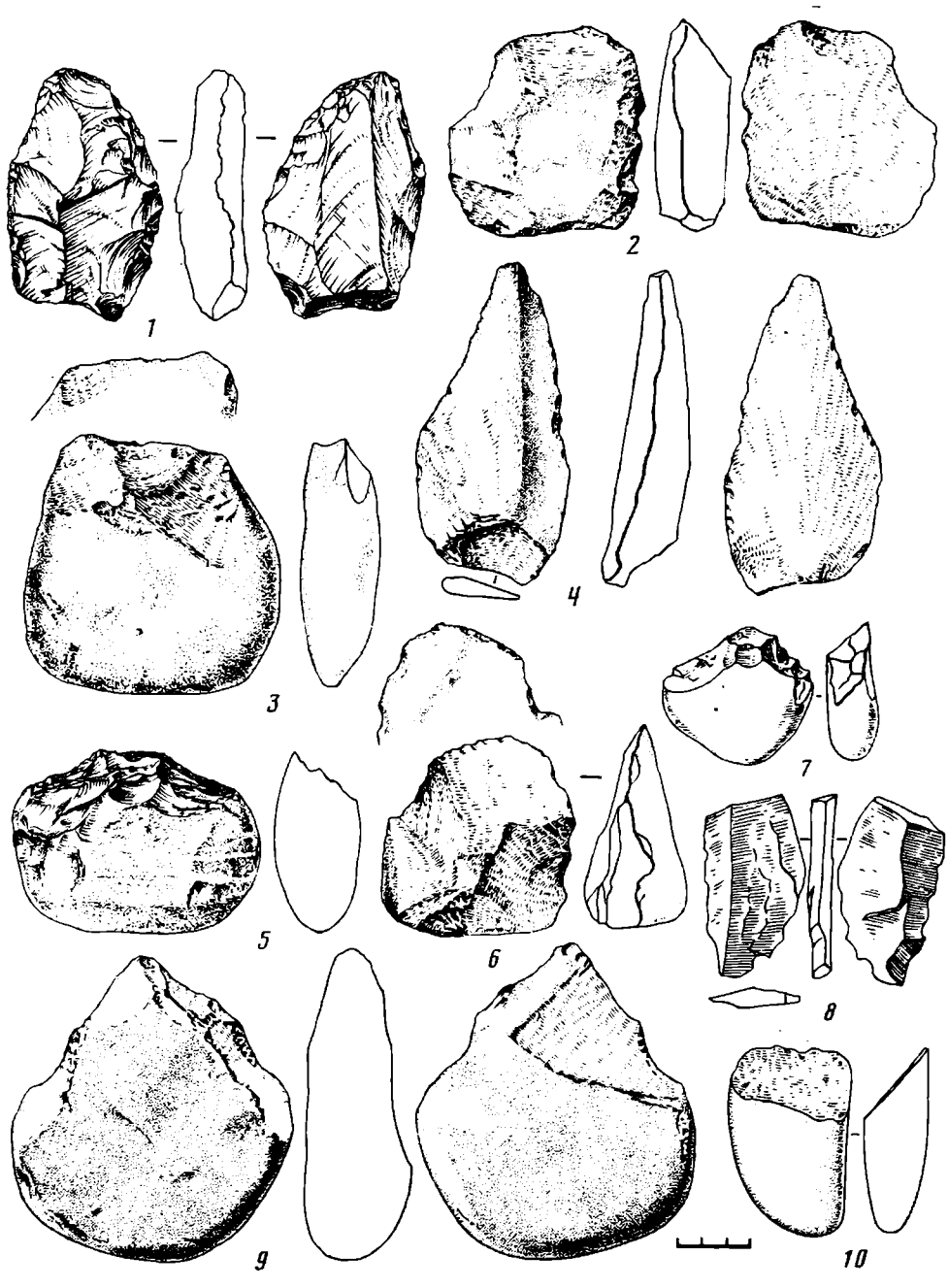


Рис. 2. Галечные псевдоизделия. *1* — «бифас» из сланца (Кура); *2* — «скребло» из песчаника (Кура); *3* — «чоппер» из песчаника (Кура); *4* — отщеп из песчаника (Кура); *5* — «чоппер» из сланца (Кура); *6* — «колун» из песчаника (Кура); *7* — «чоппер» из песчаника (Мзымта); *8* — отщеп из известняка (Мзымта); *9* — «чоппинг» из известняка (Кура); *10* — «чоппер» из известняка (Мзымта)

ще размеры сколов зависят от степени уплощенности краев и породы исходного материала. Так, у сланцевых галек с плоскими краями больше негативов мелких сколов и фасеток ретуши (рис. 2, *5*). Это объясняется прежде всего тем, что в данном случае отделение отщепов происходило уже при довольно слабых ударах. В то же время в результате сильных ударов с уплощенных галек могли быть сняты и крупные отщепы. Если ударам подвергались гальки с отчетливо сферическими краями, то сколы обычно имеют укороченные пропорции (рис. 1, *10*; 2, *7*). У некоторых чопперов отмечены только негативы сколов, у других — на последние наложены фасетки довольно регулярной ретуши (рис. 2, *5*). Она может быть чешуйчатой, чешуйчато-ступенчатой, крутой и пологой. Края имеют различную форму — прямую, выпуклую, заостренную, вогну-

тую и т. п. Обращает на себя внимание и то, что у сколов нередко одинаковая длина. Угол заострения краев чопперов от 50 до 85°.

«Чоппинги». Исходное сырье — известняк, песчаник, сланец. Длина от 6,5 до 13 см, толщина от 1,5 до 4 см (рис. 1, *6*, *9*, *14*; 2, *9*). Они менее выразительны, чем чопперы. Представлены плоскими или гальками с уплощенными краями. Некоторые из них имеют трещиноватость, которая, несомненно, способствовала раскалыванию. Снятие сколов чаще всего происходило вначале с одной стороны, а затем с другой. Однако на отдельных предметах фиксируется чередующееся снятие сколов. Для «чоппингов» характерно присутствие более или менее выразительных негативов с одной стороны и менее регулярных разновеликих с другой (рис. 1, *9*). Непосредственно у «лезвия» могут быть участки, покрытые коркой (рис. 1, *6*; 2, *9*). На обеих поверхностях преобладают укороченные сколы. Длина сколов зависит от степени выраженности участков (площадок), по которым приходился удар, угла расположения самого предмета и типа породы. На большинстве уплощенных галек отмечены мелкие укороченные сколы. Негативы крупных снятий, как и у «чопперов», могут быть лишены «вторичной обработки» или обрамлены чешуйчатой нерегулярной ретушью. У «чоппингов» из плоских галек негативы сколов локализуются на одном или двух смежных краях (рис. 1, *9*, *14*). «Рабочие лезвия» чоппингов имеют заостренную и выпуклую форму, угол заострения от 70 до 100°.

«Колуны». Это не достаточно выразительные предметы (рис. 2, *6*). Они напоминают простейшие колуны на отщепах, отмеченные в инвентаре некоторых стоянок Африки. Кроме удлиненных обнаружены и укороченные формы. Один из «колунов» представлен массивным песчаниковым отщепом без негативов сколов на тыльной поверхности. На обоих краях имеются негативы крупных снятий. Дистальный конец лишен сколов. У него прямые слегка скошенные очертания. На обратной стороне есть нерегулярные фасетки ретуши.

«Бифасы». Исходный материал — песчаник и окремненный сланец. «Заготовками» для них явились валуны небольших размеров и их уплощенные обломки. У «бифаса» из сланца размерами 10,5×6,5×2,8 см обе поверхности сплошь покрыты негативами крупных и мелких снятий, приуроченных к продольным краям и основанию (рис. 2, *1*). Последнее «обработано» с обеих сторон крупными сколами. Дистальный конец «оформлен» мелким сколом и частично двусторонней ретушью. Двусторонняя крупная чешуйчатая и чешуйчато-ступенчатая ретушь локализуется и на одном из краев. Другой край практически лишен ее. Судя по характеру расположения негативов, сколы образовались в два приема: вначале на обоих краях, дистальном конце и у основания с одной стороны, а затем после переворачивания предмета частично по одному краю и у основания с другой стороны. Центральные оси негативов расположены в целом под прямым углом к кромке отдельных участков краев. Этот показатель является одним из важнейших при выделении псевдоорудий.

Столь же выразителен предмет из песчаника размерами 8,5×5×3,2 см (рис. 1, *8*). Имеет трехгранное сечение. Одна из сторон полностью покрыта негативами крупных и мелких снятий. Контуры негативов и границы между ними прослеживаются весьма отчетливо. Хорошо видны устьевые части негативов и точки ударов. Ретушь фиксируется лишь на срединном участке одного края. На другом крае ретушь нерегулярная и маловыразительная. На обратной стороне отмечены негативы крупных и мелких сколов, приуроченных к краю и основанию. Несколько фасеток ретуши сосредоточено и у дистального конца. Эта поверхность менее выразительна, чем противоположная. Укажем, что здесь, как и на предыдущем предмете, снятие сколов осуществлялось вначале с одной стороны, а затем с другой.

Третий «бифас» размерами 12,3×6,8×4,9 см является частичным. Напоминает пику и в то же время нуклеус (рис. 1, *13*). Имеет трапециевидное сечение и заостренный верхний конец. Одна из поверхностей почти полностью покрыта отчетливыми негативами крупных и мелких

снятий, приуроченных к обоим продольным краям. Ретушь здесь практически отсутствует. Центральные оси сколов расположены под разным углом (в том числе и косым) к линии краев. На обратной стороне самый крупный скол локализуется у верхнего конца. По краям отмечены мелкие нерегулярные сколы. Сами продольные края неровные и сильно извилистые.

«Орудия» из отщепов. Строго говоря, псевдоретушь имеется не только на отщепах, но и на уголоватых мелких обломках. В количественном отношении преобладают зубчато-выемчатые «орудия». Реже встречаются «скребла», «скребки», «резцы» и т. п. Дадим краткое описание одного псевдоскребла. Его размеры 8×8×3 см (рис. 2, *2*). Изготовлен из массивного выразительного отщепа (краевого или полукраевого). Оба продольных края «обработаны» мелкими сколами и частично невыразительной ретушью. На левом крае имеется выемка, образованная одним сколом. Имеющиеся на противоположном крае две выемки получены с помощью крупной ретуши. На брюшковой поверхности отмечено два скола. Более крупный негатив локализуется у верхнего конца, мелкий — в верхней части одного из краев. Последний выступает как бы в роли ударной площадки — с него было снято несколько чешуек.

Описывая эолиты разных типов, мы обращали внимание прежде всего на те признаки, которые их делают похожими на подлинные орудия. Теперь уместно остановиться на противоположных признаках, которые на многих предметах выражены сходным образом (хотя на отдельных предметах они отсутствуют совсем). Назовем характерные признаки, присущие в той или иной мере большей части собранных нами «изделий». Существенным признаком следует считать несоответствие угла между центральной осью негатива и краем, по которому пришелся удар. Этот угол, как уже отмечалось, нередко бывает косым (рис. 1, *3*; 2, *1, 4*). Опыты по расщеплению камня показывают, что снимать отщепы с косо ориентированной площадки практически невозможно. Однако у многих негативов псевдосколов центральные оси расположены более или менее перпендикулярно к линии края. Оба варианта расположения центральных осей негативов прослеживаются на одном предмете. Причем это могут быть как крупные, так и мелкие негативы. Согласно нашим наблюдениям, косое расположение негативов сколов обусловлено чаще ударами, а не надавливанием на край массивного предмета. На многих гальках и валунах снятие отщепов и пластин происходило с участков, скошенных в направлении удара. Такие участки приурочены не только к краям, но и к средней части предметов (рис. 1, *8, 3, 13*; 2, *1*). Скалывать отщепы преднамеренным образом, т. е. с помощью отбойника, с таких площадок невозможно. Речь может идти о случайных ударах. Характерным признаком следует считать приуроченность устьевой части негативов отщепов и пластин не к площадке (в том числе и к скошенной), расположенной на краях, а практически к ровным участкам поверхности предметов (рис. 2, *1, 5*). Правда, подобные негативы, обычно мелкие, возникают при обработке изделий мягкими отбойниками. Это сколы-сателлиты. У некоторых галек и валунов удары приходились по слабоокатанному участку, представляющему место пересечения двух граней. После скалывания отщепа участок приобретал подтреугольные очертания. Такую же форму имел и один из концов отщепа. Характерно, что в момент удара по ребру того или иного предмета отщепы, часто укороченные, снимались с двух и даже с трех сторон. Поскольку удары по предмету были случайными, то контуры негативов сколов и границы между ними неотчетливые (рис. 1, *13*; *14*; 2, *3*). Нередко возникали плоские негативы, и создается впечатление, что они образовались не в результате удара, а словно соскабливания. Это относится к мелким сколам и фасеткам ретуши на предметах не только из сланца, доломита, обсидиана, андезита, но также из кремня и кварцита. Показательным признаком нужно считать наличие рваной дальней части негативов сколов (рис. 1, *9*; 2, *1, 5*). Необходимо указать на несогласованное, нередко бессистемное расположение негативов по отношению друг к другу. Контуры сколов и фа-

сеток ретуши ясно не обозначены. Они наползают друг на друга, образуя ряд разновеликих очень низких ступенек (рис. 1, *9*; 2, *1, 5*). Такие фасетки возникли в результате забивания краев от несильных частых ударов. Однако забитость и смятость может присутствовать и на участках, удаленных от краев. Они нередко придают асимметричные очертания всему предмету или его отдельным участкам. Сюда нужно добавить в равной мере наличие штрихов, бороздок, мелких углублений, расположенных в разных местах (рис. 1, *1, 2, 14*; 2, *3, 5, 9*).

Основываясь на наблюдениях А. Брейля [7, с. 21—28], Ф. Бурдье [8, с. 436], Д. Кларка [16, с. 64—77] и на наших собственных, можно выделить несколько причин происхождения галечных эолитов. Так, отщепы и пластины получались в результате столкновения предметов друг с другом в стремительном водном потоке или ударов, нанесенных движущимися предметами по неподвижно лежащему в русловом аллювии предмету. В первом случае удары наносились по разным участкам галек или валунов. Негативы сколов расположены случайно, без всякой системы. В первую очередь скалывались отщепы с более уплощенных участков края. В тех местах, по которым пришлись безрезультатные удары, остались вмятины, выбоины, выкрошенность и т. п. Во втором случае обычно возникали выразительные псевдоизделия. Гальки, валуны и их обломки располагаются в аллювии самым различным образом. Многие из них заглублены в гравийную или песчаную массу или придавлены (закреплены) более крупными предметами. При этом верхние предметы, как правило, покоятся на других аналогичных окатанных обломках. Здесь важно учитывать характер контакта их поверхностей. Нередко верхние предметы ориентированы таким образом, что тыльной частью оказывается наиболее уплощенное место края. При ударе, нанесенном движущимся предметом, происходило скалывание отщепов с нижележащего предмета. В зависимости от прочности закрепления последнего снятие сколов могло осуществляться неоднократно. Величина сколов зависит от силы ударов, размеров двигающегося предмета и характера контакта обоих предметов. Описанным образом возникают «нуклеусы», «чопперы», «монофасы», «орудия» из отщепов и т. п. При переворачивании предмета снятие отщепов могло происходить с другой его стороны. Это один из вариантов формирования «чоппингов» и «бифасов». Весьма вероятный путь возникновения псевдоретуши — надавливание массивных валунов на менее крупные валуны и гальки. В данном случае также возможны самые различные варианты: а) исходный предмет погружен в гравий или песок, б) находится в свободном состоянии на мягкой или относительно мягкой основе (песок, гравий) или на поверхности валунов или галек и, наконец, располагаясь на твердой основе, закреплен с помощью других окатанных обломков. В зависимости от угла положения исходного предмета ретушь будет приостряющей, или умеренно затупливающей, или сминающей, забивающей край. Регулярность ретуши здесь обусловлена как положением предмета, так и толщиной края, который находится в контакте с поверхностью крупного предмета. Большое значение также имеют характер такого контакта, размеры предмета, форма и рельеф его поверхности. Количество эолитов, степень их сходства с изделиями в значительной мере зависят от структурно-текстурных и физических свойств исходного материала, которым представлены окатанные обломки. Ясно, что хрупкие породы, например кремень, кварцит, андезит, обсидиан, окремненный песчаник или сланец, более подвержены естественному раскалыванию, чем вязкие породы, в частности песчаники с глинистым цементом. Здесь, как уже отмечалось, многое зависит от толщины и степени закругленности краев галек и валунов. Особенно способствует раскалыванию последних наличие трещин. Трещиноватостью обладают очень многие разности горных пород. Большую роль в образовании эолитов из вулканических пород играют трещины отдельности. Породы, обладающие шаровой отдельностью, при разрушении образуют разности полиэдрической и сферической формы. В водном потоке их ребра подвергаются заметному окатыванию и ударам. Подобного рода пред-

меты очень напоминают сфероиды и отбойники, в частности те, которые были обнаружены в Олдувайском ущелье и на других местонахождениях Восточной Африки. Псевдополиэдры, псевдосфероиды, псевдоотбойники и псевдонуклеусы из вулканических пород мы находили в русле р. Раздан и в руслах ручьев в окрестностях Лаше-Балты.

Для получения сравнительных данных по морфологии псевдоизделий мы провели ряд опытов по моделированию простейших способов раскалывания камня. Использовались два способа: 1) хаотичное разбивание при бросании (либо исходного предмета на крупный валун, либо наоборот); 2) хаотичное разбивание при ударе валуном по лежащему на наковальне обломку. При использовании первого способа форма сколов и степень их выраженности зависит от того, как упал бросаемый предмет — на край, т. е. вертикально, или плашмя. Некоторые гальки и валуны с уплощенными краями после нескольких (иногда одного или двух) удачных ударов становились похожими на чопперы или нуклеусы — бесформенные, поддисковидные, реже параллельного скалывания. Несмотря на бессистемные удары, у некоторых отщепов имеются все элементарные признаки. Вероятно получение не только краевых, полукраевых, но и сколов без корки. Чаще всего, однако, при бросании возникали бесформенные обломки и осколки. Отщепы часто ломались в момент снятия. У них ударная площадка или отсутствует полностью, или сильно повреждена. Нередко нижний конец имеет подтреугольную форму. Трещиноватые окатанные обломки, обладающие высоким коэффициентом упругости, не удавалось разбить даже после 80 ударов. Напротив, трещиноватые разности крепких, а еще в большей мере хрупких горных пород раскалывались после нескольких ударов. Возникновение чопперов и нуклеусов здесь дело случая. При использовании второго способа раскалывания галек и валунов получаются чаще бесформенные, реже обломки треугольных или прямоугольных очертаний с обрубленными крутыми краями — кафуанские «изделия». Чопперы, нуклеусы и отщепы возникали довольно редко, поскольку нижние предметы редко располагаются под соответствующим углом к верхним предметам. Нет между ними и устойчивого (жесткого) контакта. На деле это означает, что для уплощения исходного обломка отсутствуют технологические условия. Таким образом, при случайных ударах могут возникать отщепы и чопперы, реже нуклеусы, похожие на подлинные аналогичные изделия. Однако при нанесении ударов по получившимся изделиям на их краях или срединных участках будут появляться выломы, вмятины, забитость, что делает их невыразительными.

Описанные выше эолиты из русла Куры были признаны некоторыми отечественными и зарубежными археологами за настоящие изделия. Из этого следует прежде всего то, что далеко не всегда псевдоизделия можно выявить просто и легко. Во всяком случае, галечные предметы, найденные в заполнении русел рек и ручьев, например в Олдувае [17, с. 85, 95, 110], Кооби-Фора [18, с. 10, 11], Карари [19, с. 74—78], а также в морских аллювиальных отложениях Марокко [20, с. 123—139], должны быть подвергнуты особо пристальному изучению. Из этого, конечно, не следует, что все предметы, обнаруженные в подобных условиях, заведомо следует относить к эолитам. Показательно, что гальки со сколами, происходящие из долины Русийона [21, с. 777—794], грота Шандалья [22, с. 104—123], из местонахождений Богемии [23, с. 8—23] и Моравии [24, с. 127—139; 25, с. 229—241], не имеют надежного стратиграфического обоснования и к тому же достаточно малочисленны. Многие находки из этих, а также из ряда ашельских местонахождений Греции [26, с. 152—177] и Бельгии [27, с. 124—151] вызывают сомнение в их достоверности. Они имеют небольшое число мелких сколов укороченных пропорций и неясных очертаний. У отдельных предметов негативы, нередко очень плоские, начинаются не от края, а с поверхности другого негатива, т. е. сколы сняты вопреки элементарным технологическим правилам. Оси некоторых негативов сколов на гальках расположены под косым углом к линии края. На разных участках предметов видны следы

забитости и выкрошенности. Много псевдоорудий, по нашему мнению, происходит и из нижних слоев пещеры Азых. М. А. Гусейнов сопоставляет эти находки с изделиями из Олдувайского ущелья [28, с. 39].

Нельзя согласиться с теми исследователями, которые вместо первоочередной задачи — выяснения природы обнаруженных предметов и их конкретного анализа — стремятся шаблонно применять формально-типологические схемы, используемые, например, М. Лики для описания находок из Олдувайского ущелья [23, с. 14—18]. Другой крайний случай — когда анализ находок подменяется реконструкцией экономической ситуации и поведения древнейших гоминид [29, с. 552—564].

Постановка и решение вопросов о сложном наборе орудий труда, жилищах, парной семье, высоком уровне развития интеллекта и общественных отношений у древнейших людей возможны лишь при наличии надежных фактов и аргументов.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Mortillet G. de.* Le préhistorique. Antiquité de l'home. P., 1983.
2. *Обермайер Г.* Доисторический человек. СПб., 1913.
3. *Barnes A. S.* De la maniére dont la nature, imite le travail humain dans l'éclatement du Silex.— Bull. Soc. préhistor. Franc., 1939, t. XXXVI, № 1.
4. *Городцов В. А.* Первобытная археология. Курс лекций. М., 1908.
5. *Ефименко П. П.* Дородовое общество. М.— Л.: Изд-во АН СССР, 1934.
6. *Mortelmans C.* Une cause d'erreur en Préhistoire, la taille glaciare.— Bull. Soc. Roy. Belge Anthropol et Préhistoire, 1947, t. LVIII.
7. *Breuil H.* Niveaux estuarin de galets fracturés par les vaques et de plages sableuses dans la Basse-Somme.— Quaternaria, 1955, V. 2.
8. *Bourdier F.* Pseudo-industries humaines sur galets de guartzite glaciaires.— Bull. Soc. préhistor. Franc., 1953, t. L, № 7—8.
9. *Bishop W. W.* Kafu Stratigraphy and Kafuan Artefacts.— S. Afric. J. Sci., 1959, v. 5, № 5.
10. *Mason R. J.* Makapansgat Limeworks Fractured Stone Objects and Natural Fracture in Africa.— S. Afric. Archaeol. Bull., 1965, v. XX, p. 1, № 77.
11. *O'Brien T. P.* La prehistoire de l'Quganda.— Bull. Soc. préhistor. Franc., 1937, t. XXXIV.
12. *Lowe Riet C. Van.* The Cafuan Culture.— In: III Pan-African Congress Prehistory, Livingston, 1955. L., 1957.
13. *Mortelmans C.* La Pebble Culture africaine, source des civilisation de la pierre.— Bull. Soc. Roy. Belge et Préhistoire, 1954, t. LXV.
14. *Breuil A.* Sur la présence d'éolithes à la base de l'éocene parisien.— Anthropologie, 1910, t. XXI, № 4—5.
15. *Формозов А. А.* О критике источников в археологии.— СА, 1977, № 1.
16. *Clark D.* The Natural Fracture of Pebbles from its Bearing on the Kafuan Judustries of Africa.— Proc. Prehistoric Soc., 1958, New Ser., V.XXIV.
17. *Leakey M. D.* Olduvai Gorge, T. 3. Excavation in Bed I and II, 1960—1963. Cambridge, 1971.
18. *Isaac G. Ll.* Traces of Early Hominid Activities from the Lower Member of the Koobi-Fora Formation, Kenya.— In: The Earlier Industires of Africa. IX Congrès Union Internationale des Sciences Préhistoriques et Protohistoriques, Colloque V. Nice, 1976.
19. *Harris W. K., Bishop W. W.* Sites and Assemblages from the Early Pleistocene Beds of Karari and Checowanja.— In: The Earlier Industries of Africa. XI Congrès Union Internationale des Sciences Préhistoriques et Protohistoriques, Colloque V. Nice, 1976.
20. *Biberson P.* Les plus anciennes industries du Maroc.— In: The Earlier Industries of Africa. XI Congrès Union Internationale des Sciences Préhistoriques et Protohistoriques. Colloque V. Nice, 1976.
21. *Lumley H. de, Collina-Girard J., Abelanet J., Bazile F., Meignen L.* Les premiéres industries humaines en Languedoc méditerranéen et en Russillon.— In: La Préhistoire Franc.— aise. T. 1. Les civilisation paléolithique et mésolithique de la France. P., 1976.
22. *Malez M.* Excavation of the Villafranchian.— In: Les Premiéres industries de l'Europe. IX Congrés Union Internationale des Sciences Préhistoriques et Protohistoriques, Colloque VIII, Nice, 1976.
23. *Fridrich J.* The First Industries from Eastern and South-Eastern Central Europe.— In: Les Premiéres industries de l'Europe. IX Congrès Union Internationale des Sciences Préhistoriques et Protohistoriques, Cloolque VIII. Nice, 1976.
24. *Valoch K.* Altpalälithische Geröllgerate in Südmäpren.— Antropozoikum, 1982, № 14.
25. *Valoch K., Smolikova S., Zeman A.* The Middle Pleistocene Site Pribice I in South Moravia (Czechoslovakia).— Antrhopology, t. XVI/3. Brno, 1978.
26. *Cubuk G. A.* Erste Altpalaolothische Fund in Griechenland bei Nea Skala, Kephallinia (Ionische Inseln).— In: Les Premieres industries de l'Europe. IX Congrès

Union Internationale des Sciences Préhistoriques et Protohistoriques, Colloque VIII. Nice, 1976.
27. *Cubuk G. A.* Die Altpalaolithische Basisschisht der Fundstelle Cariére Helin bei St. Symphorien, Province de Hainaut Belgien (Grabung 1972—1974).— In: Les Premiéres industries de l'Europe. IX Congrès Union Internationale des Sciences Préhistoriques et Protohistoriques. Colloque VIII. Nice, 1976.
28. *Гусейнов М. А.* Археология Азербайджана. Каменный век (на азерб. яз.). Баку, 1975.
29. *Isaac C. Ll.* Plio-Pleistocene Artifact, Assemblages from East Rudolf, Kenya.— In: Earliest Man and Environments in the Lake Rudolf Basin. Stratigraphy, Paleoecology, and Evolution. Chicago — London, 1976.

•

A. E. Matyukhin

ON PEBBLE PSEUDO-ARTIFACTS

Summary

The article describes pseudo-artifacts collected in the Kura and Mzymta basins which look like flakes, choppers, choppings, bifaces, axes and other tools. They are numerous sandstone, shale, limestone articles, and those made of other igneous rock. Though they look deceptively similar to genuine pebble artifacts, the author finds some features that distinguish them. He looks into the causes of natural split of pebbles, sites experimental data on chipping stone through the simplest technological methods and means and offers his critical opinion on the current principles of description of the earliest finds in Africa and Europe made in recent years.

Т. П. ЩЕРБАКОВА

ПАЛЕОЛИТИЧЕСКАЯ СТОЯНКА ТАЛИЦКОГО
(по раскопкам 1942 г.)

Островская палеолитическая стоянка, переименованная впоследствии в стоянку имени М. В. Талицкого, была обнаружена в 1938 г. Этот памятник наряду с открытиями, сделанными С. Н. Бибиковым на территории Башкирии в том же году, стал одним из первых известных на Урале пунктов нахождения палеолитических остатков. Стоянка была расположена на правом берегу р. Чусовой, в ее нижнем течении, недалеко от впадения в Каму. В настоящее время эта территория затоплена водами Камского водохранилища.

Стоянка исследовалась тремя экспедициями: в 1938—1939, 1941 гг. экспедицией М. В. Талицкого, погибшего на фронте в августе 1942 г.; в 1942 г. экспедицией под общим руководством В. И. Громова и при непосредственном участии в раскопках М. П. Грязнова и А. А. Иессена; в 1945—1948 и 1950—1952 гг. экспедицией под руководством О. Н. Бадера. В предлагаемой статье речь будет идти только о материалах раскопок 1942 г., практически не получивших отражения в литературе. В основу работы положено изучение коллекции № 1543, хранящейся в Государственном Эрмитаже и насчитывающей 1044 каменных и 11 костяных предметов, а также полевая документация, представленная отчетом М. П. Грязнова на 19 машинописных страницах с соответствующими тексту чертежами на 20 листах, включая черновые наброски. Список фауны отсутствует. Отчет дополнен статьей М. В. Воеводского о каменном инвентаре Островской стоянки [1] [1].

По заданию руководства Уральской алмазной экспедиции, проводившей работы в бассейне Камы, М. П. Грязнов и А. А. Иессен летом 1942 г. возобновили раскопки Островской стоянки. Из вскрытой ими площади в 40 м² только на 19 м² был прослежен культурный слой. Установить точные границы предыдущих раскопов М. В. Талицкого и провести привязку к ним не удалось, хотя в ходе работ были обнаружены отдельные вбитые колышки, бросовый материал, часть траншеи с обвалившимися стенками, перекопанные участки, что свидетельствовало о близости расположения ранее исследованной площади (рис. 1). После выявления культурного слоя, прослеженного в обнажении берега на протяжении около 10 м, был заложен первый ряд квадратов (I/3 — I/17), в котором «непрерывного, правильно залегающего культурного слоя не наблюдалось. Здесь были лишь его обрывки, оползшие по склону бичевника и залегавшие часто с крутым падением в сторону реки...» [1, с. 4]. Второй ряд квадратов (II/7 — II/13) выявил «залегавший горизонтально на несколько более высоком горизонте непотревоженный культурный слой» [1, с. 5]. Наиболее насыщенная часть слоя находилась в пределах квадратов II/9 — II/12, поэтому дальнейшие раскопки были направлены в глубь берега от этих четырех квадратов. С этого участка площадью 12 м² (кв. III/9—12, IV/9—12, V/9—12) и происходит основная масса находок. Для получения разреза, имевшего целью выяснить стратиграфию вмещающих культурный слой отложений, была заложена поперечная траншея в направлении север — юг, продолжающая восточную стен-

[1] Приношу глубокую благодарность М. П. Грязнову, предоставившему для работы материалы с разрешением их публикации.

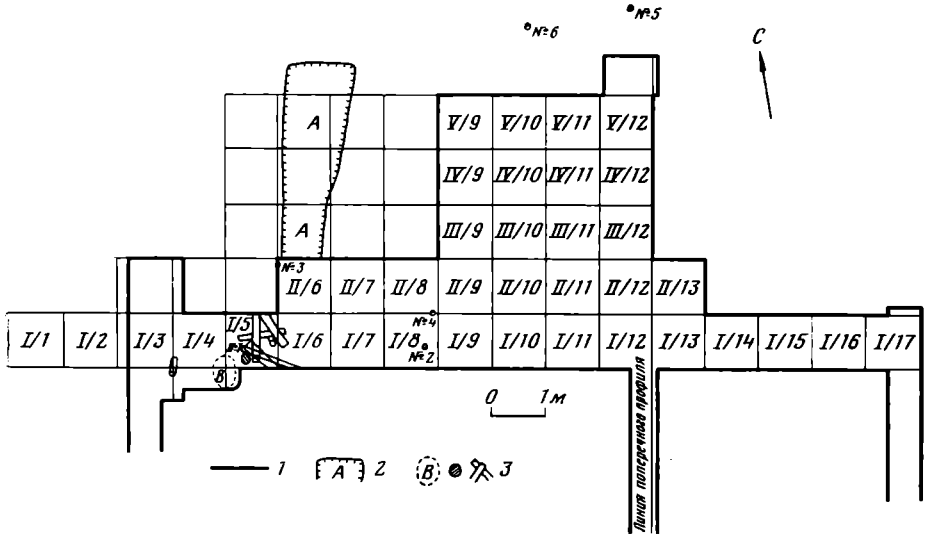


Рис. 1. Общий план раскопок стоянки Талицкого в 1942 г. *1* — очертания вскрытой площади; *2* — старая траншея с обвалившимися стенками; *3* — отдельно вбитые колышки и бросовый материал из предыдущих раскопок М. В. Талицкого

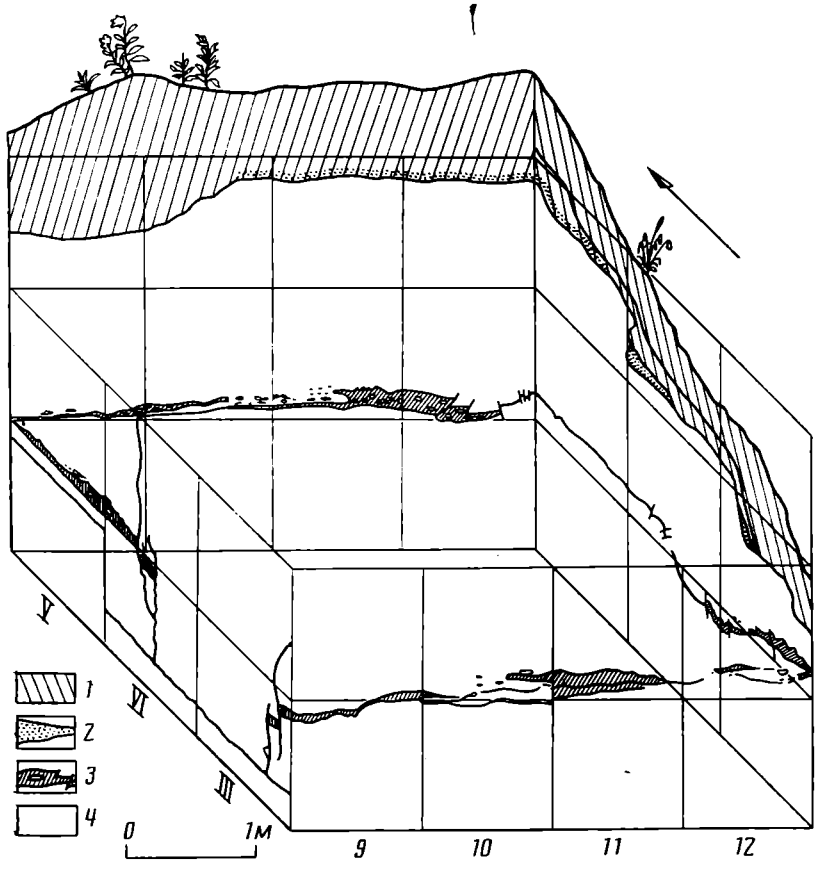


Рис. 2. Положение и характер культурного слоя стоянки Талицкого по раскопкам 1942 г. *1* — осыпь; *2* — прослойки песка; *3* — культурный слой; *4* — основная пачка отложений второй надпойменной террасы, сложенная супесями, песками и глинами

ку раскопа и доходящая до уреза воды (рис. 1). Геологические наблюдения проводились В. И. Громовым, который сформулировал основные выводы, касающиеся стратиграфии стоянки [2, с. 281—283]. Не излагая детально описания разреза второй надпойменной террасы в районе памятника, напомним только, что культурный слой располагался в нижней ее части, сложенной горизонтально-слоистыми, переслаивающимися меж-

ду собой супесями, песками и глинами, на глубине от 12 до 16 м от верха террасы. Однако, как отмечает М. П. Грязнов, «верхние горизонты этой террасы над местом нахождения культурного слоя не сохранились. Они срезаны вершиной расположенного здесь ложка, главным образом его боковым ответвлением» [1, с. 7]. На рис. 2 видно, что культурные остатки отделены от современной дневной поверхности отложениями мощностью 0,5—2 м. Важно отметить и то, что отложения второй надпойменной террасы имеют легкое падение по направлению к юго-западу, подстилающие же их плотные слоистые глины, представляющие собой, по определению В. И. Громова, размытый цоколь третьей террасы, наоборот, имеют незначительное падение на северо-запад. Культурный слой располагается выше глин приблизительно на 1 м, а над уровнем реки его высота составляет около 5 м. Стратиграфическое положение находок наряду с анализом фаунистических данных позволили В. И. Громову предварительно датировать стоянку «временем не моложе вюрма...» [2, с. 293]. Впоследствии уточнения геологической датировки не последовало. В настоящей работе внимание будет акцентировано на характере культурного слоя и инвентаря стоянки, вопрос же о ее возрасте в рамках верхнего палеолита пока оставлен открытым.

Детально выполненные М. П. Грязновым планы, дополненные подробным описанием, позволяют получить достаточно точное представление о структуре культурного слоя на вскрытом участке. Для большей наглядности изображения четырех стенок основного раскопа были сведены на одном чертеже (рис. 2). Культурный слой мощностью в 10—18 см залегает согласно среди слоистых суглинков. Нижняя часть его — это темная, почти черная прослойка, обычно очень четко очерченная, состоящая из древесного угля, измельченного до состояния сажи, и массы мелких крошащихся кусочков обугленных, а частью полностью кальцинированных костей животных. Верхняя часть состоит из такого же суглинка, как и вся толща отложений второй террасы, и определяется лишь по наличию в ней костей животных и других культурных остатков.

Нижняя часть культурного слоя, или очажный слой, имеет всюду четко выраженную нижнюю границу и неровную, часто прерывающуюся верхнюю. Местами он разделяется на две, три и более прослойки. Общая мощность очажного слоя колеблется от нескольких миллиметров до 16 см. В северо-западном и северо-восточном углах раскопа очажный слой тонок и не превышает 1—1,5 см мощности. На остальной площади раскопа его мощность более или менее равномерна, в среднем около 10 см (преимущественно 7—12 см).

Верхняя часть культурного слоя также неравномерна по толщине. Она имеет более плавную верхнюю поверхность и неровную нижнюю. Там, где очажный слой тонок, она максимальной толщины и наоборот. Общая толща культурного слоя довольно равномерна и не превышает 16—18 см» [1, с. 7—8]. На приведенных разрезах граница верхней части практически никак не отражена. Необходимо добавить, что «подавляющее большинство каменных орудий, пластинок, отщепов и осколков находилось в очажном слое. В верхней части культурного слоя попадались лишь единичные находки» [1, с. 13]. То же относится и к костям животных, не подвергшихся действию огня.

В данном описании обращает на себя внимание следующее: а) деление слоя на верхнюю и нижнюю часть по признаку окрашенности; б) связь основной массы находок с нижним (очажным) горизонтом и единичность их нахождения в верхней неокрашенной части; в) неравномерность мощности очажного горизонта, неровность его верхней границы с частичным расслоением на отдельные линзочки при достаточно четкой выраженности нижней. К сожалению, уловить и проследить очажный горизонт в плане там, где его толщина была относительно невелика, не удалось. Значительный разрыв культурного слоя, зафиксированный на разрезе западной стенки, а также небольшие его опускания, видимые на северной и восточной стенках, объясняются исследователями стоянки как результат деятельности подземных вод [1, с. 10; 2, с. 284]. Но это

также похоже на нарушения, которые в последнее время связываются с мерзлотными явлениями, хотя для окончательного определения, например, западного разрыва слоя в качестве мерзлотного клина не хватает фактического материала: неизвестны его очертания и особенности заполнения в нижней части. На чертеже видно, что зачистка была произведена лишь на незначительную глубину (рис. 2). Очевидны нарушения культурного слоя по южной оконечности памятника. О них уже упоминалось в связи с описанием слоя первого ряда квадратов — I/3 — I/17. Здесь при общем разрушении берегового склона, подмываемого водой, происходило и разрушение выходившего на срез берега культурного слоя. Часть каменных и костяных изделий была собрана на берегу. Представляется, однако, что помимо отмеченных авторами раскопок явлений, деформировавших культурный слой, и на основании их же описания можно говорить об определенном размыве поверхности стоянки еще до захоронения слоя. «Стоянка располагалась всего лишь в нескольких десятках метров от коренного высокого берега и, вероятно, на таком же расстоянии от воды. Она находилась на низком, ежегодно заливаемом водой месте, быть может, не имевшем постоянного травяного покрова» [1, с. 16]. Перечисленные выше признаки, характеризующие верхнюю и нижнюю части культурных отложений, как кажется, подтверждают такое предположение. Судя по небольшому разрыву между очажными линзочками (прослойками), их неоднородности, этот размыв был неоднократным, хотя, вероятно, кратковременным и незначительным. В первую очередь он задевал верхние части культурных отложений, где происходило, по-видимому, частичное замещение вымываемого (окрашенного?) культурного слоя суглинисто-песчаными отложениями террасы. Нужно также учитывать действие выветривания и дождевых потоков, тем более что стоянка располагалась на пологом склоне: западная часть раскопа несколько понижена относительно его восточных участков. На разрезе восточной, частично северной и южной стенок хорошо видно, что линза культурного слоя проходит выше линии условного нуля, тогда как на западной стенке и соответственно примыкающих к ней отрезках южной и северной стенок она либо совмещается с нулевой линией, либо проходит ниже (рис. 2).

Отмечая роль природных факторов, изменивших в какой-то степени первоначальный облик культурных отложений, основное внимание следует все-таки обратить на моменты собственно человеческой деятельности, в ходе которой и был сформирован культурный слой. На рассматриваемом участке стоянки представлены каменные и костяные изделия; фаунистические остатки в виде мелких, расколотых или раздробленных костей (нет ни одной достаточно крупной кости); плитки известняка различных размеров, а также небольшие комочки минеральных красок — желтой, красной и реже синей (рис. 3). Поскольку на плане были обозначены только наиболее заметные отщепы и орудия, то для получения представления о количественном распределении каменного инвентаря он был разделен по квадратам на основании описи и шифров. При подсчетах выделялись следующие категории: 1) нуклеусы, 2) орудия, 3) сколы систематического расщепления, 4) сколы оформления-подправки ядрищ, 5) обломки, осколки, 5а) чешуйки. Полученные результаты в виде графиков показаны на рис. 4. Наибольшее сосредоточение изделий всех категорий наблюдается на северо-западном участке раскопа в квадратах IV/9—11 и V/9—11. Частично это совпадает и с наибольшей концентрацией фаунистических остатков. Вероятно, в пределах рассматриваемой площади это место связано с наиболее активной производственно-хозяйственной деятельностью. Сопоставление с разрезами показывает, что повышенная концентрация находок не обязательно сопровождается повышенной мощностью очажного горизонта. В северо-западной части раскопа очажный горизонт имеет толщину от 1,5 до 8 см, тогда как наиболее мощные его отрезки, зафиксированные в кв. V/11, 12 и III/11, менее насыщены артефактами. В северо-восточной части раскопа тонкость очажного горизонта сопровождается и незначительностью находок. Из

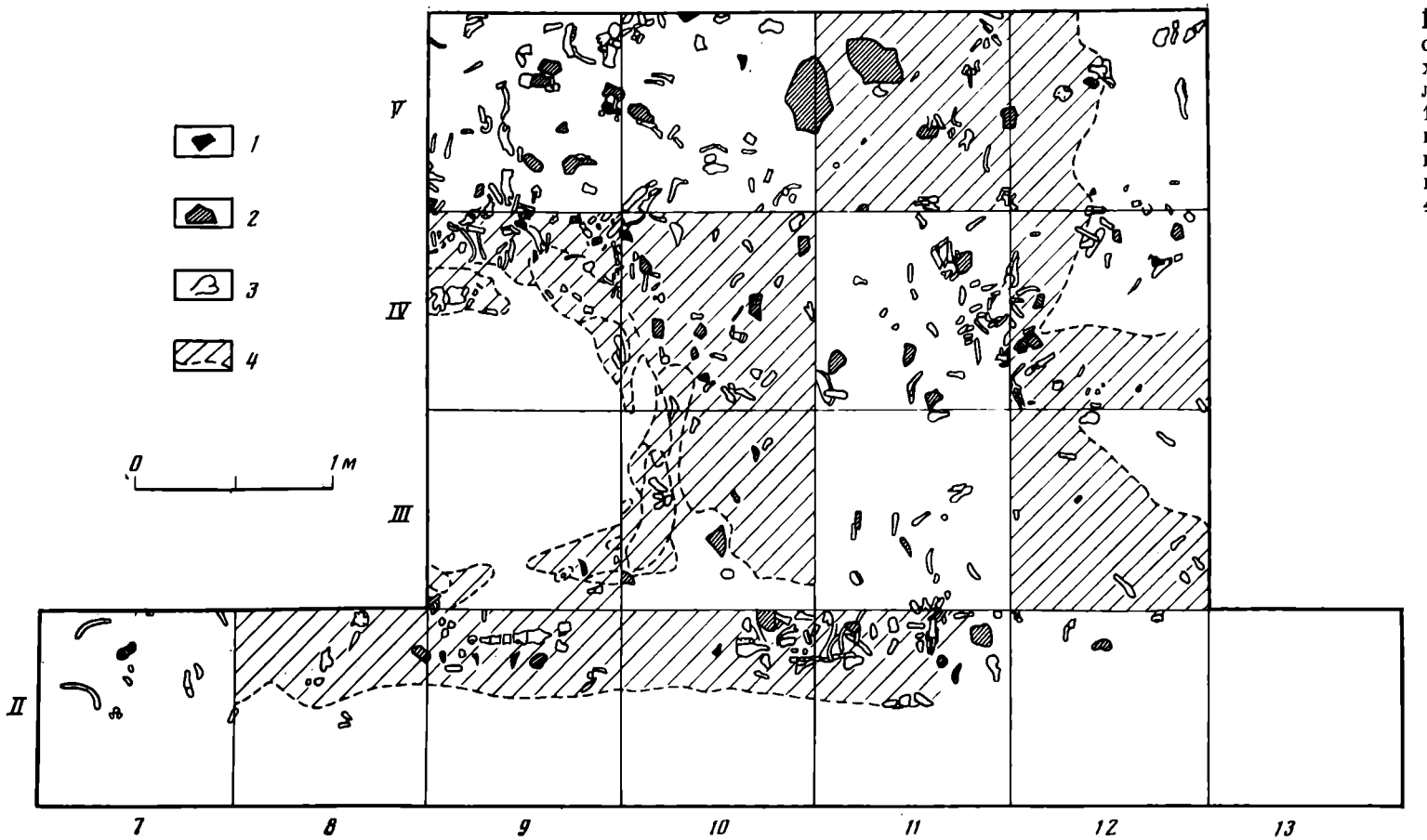


Рис. 3. Планиграфическое распределение находок на стоянке Талицкого (раскопки 1942 г.). *1* — каменные изделия; *2* — плитки известняка; *3* — фаунистические остатки; *4* — распространение очажного слоя

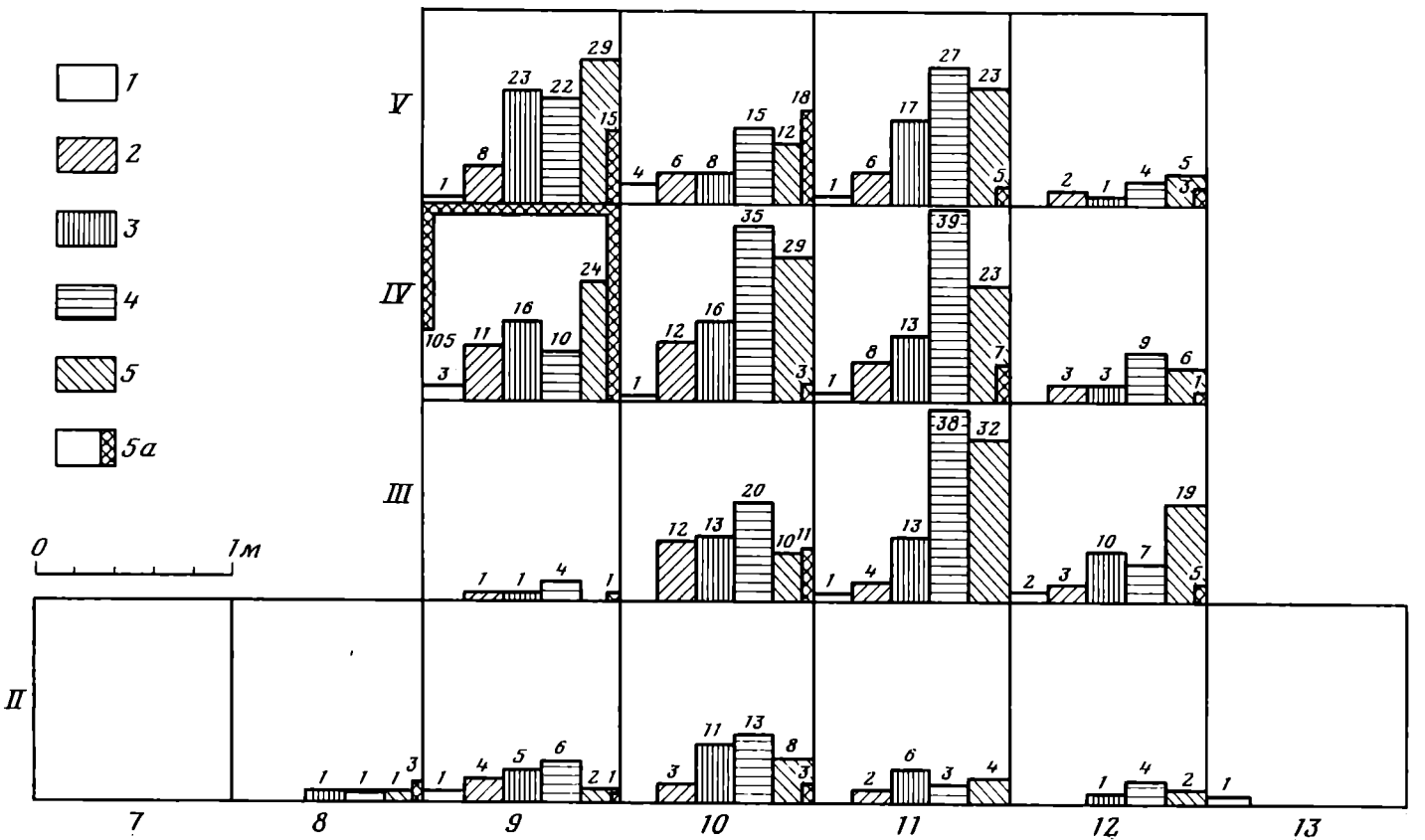


Рис. 4. Количественное распределение каменного инвентаря по площади стоянки Талицкого, вскрытой в 1942 г. (указано число экземпляров). *1* — нуклеусы; *2* — орудия; *3* — сколы систематического расщепления; *4* — сколы оформления-подправки ядрищ; *5* — обломки, осколки; *5а* — чешуйки

приведенных наблюдений трудно сейчас делать какие-то заключения, так как анализируется лишь небольшой участок поселения. Возможно, удастся провести его привязку к другим частям вскрытой площади. В отчете не приводится никаких данных, на основании которых можно было бы предполагать наличие кострищ или очагов. Исследователи отмечают однородность состава очажного горизонта, без заметных его особенностей, например большей интенсивности в местах со значительной мощностью.

Фаунистические остатки представлены главным образом костями северного оленя. Бесспорно, что именно это животное являлось основным объектом охоты. Кости мамонта, носорога, лошади, косули найдены в незначительном количестве, так же как остатки песца, зайца и птиц. Костный материал использовался в качестве топлива, поэтому многие кости обожжены, причем меньше всего обугленных обломков среди остатков северного оленя. Интересные замечания сделаны М. П. Грязновым по частоте встречаемости различных костей скелета северного оленя. «Обращает на себя внимание крайне незначительное количество позвонков, ребер и костей тазового пояса. Если в скелете они составляют по объему около половины общей массы костей или даже несколько больше, то на стоянке их количество не достигает и 10%. Кости северного оленя представлены почти исключительно обломками костей конечностей и черепа. Трубчатые кости все без исключения расколоты на мелкие куски, видимо, для извлечения из них мозга» [1, с. 10—11]. То же можно сказать об остатках лошади, где преобладают обломки черепа, трубчатых костей и зубы. Очевидно, такая подборка не случайна. Она должна отражать какие-то моменты, связанные с разделкой туш животных и дальнейшим их использованием, однако на рассматриваемых в настоящей работе материалах этот вопрос может быть только поставлен.

Необходимо отметить находки большого количества плиток известняка, встречающихся в основном в очажном горизонте, но в ряде случаев и в верхней части культурного слоя. «Это обычно небольшие плитки неправильной случайной формы толщиной от 5—6 мм до 1,5—2 см и длиной в 5—15 см. В одном случае, в кв. V/11, в верхней части культурного слоя лежали одна возле другой две большие плитки размерами 40×25 и 35×25 см. Назначение их определить не удалось. Никаких следов искусственной обработки и употребления всех этих плиток подметить не удалось» [1, с. 14]. Исследователи подчеркивают намеренность принесения известняковых плиток на стоянку, поскольку они встречаются исключительно в пределах культурного слоя и отсутствуют как в ближайших окрестностях, так и в отложениях второй надпойменной террасы. На ряде памятников верхнепалеолитического времени известны случаи использования плитчатых форм для укрепления оснований жилых конструкций, а также оформления очагов. При этом обычно наблюдается какая-то закономерность в их расположении, но это улавливается, как правило, только на достаточно широкой площади.

Изложенные здесь материалы по результатам раскопок 1942 г. не могут служить самостоятельным источником для определения характера поселения в целом, так как речь идет лишь о какой-то небольшой его части. Поэтому целью работы являлась не столько интерпретация фактов, сколько всестороннее их рассмотрение.

Прежде чем приступить к анализу каменных изделий, необходимо дать небольшую характеристику сырья. Сразу обращает на себя внимание разнообразие исходного материала, которое еще более усиливается за счет цветовых оттенков кремня: от черного и темно-коричневого до очень светлого, прозрачного. В коллекции представлены следующие породы[2]: кремень — 351 экз. (181), кремнистый сланец — 293 экз. (21), кварцит — 76 экз. (4), доломит — 69 экз., яшма — 23 экз. (10), горный хрусталь — 10 экз. (5), зеленокаменная порода — 1 экз. Как видно из приведенного списка, большинство предметов связано с кремнем и

[2] В скобках указано количество чешуек.

кремнистым сланцем. Кварцит и доломит представлены относительно скудно, что же касается остальных пород, то можно говорить об их эпизодичном или случайном использовании. Технико-типологический анализ инвентаря, проводимый с учетом видов сырья, позволил установить зависимость между определенными группами орудий и материалом, а также выявить, что размеры индустрии, сочетание в ней мелких и крупных форм имеют более жесткую связь с исходным сырьем, чем с какой-либо культурной традицией. Это несколько расходится с мнением М. В. Воеводского о том, что отличия каменного инвентаря стоянки Талицкого «ни в какой мере не могут быть отнесены за счет особенностей материала орудий, так как значительный процент их изготовлен из кремня» [1, с. 30].

В коллекции насчитывается нуклеусов 14 экз., нуклевидных обломков 4 экз., сколов систематического расщепления 170 экз., из них 122 пластины, сколов оформления-подправки ядрищ 293 экз., обломков и осколков 257 экз., орудий 85 экз. Среди сколов систематического расщепления и сколов оформления-подправки ядрищ имеются изделия со следами утилизации — 27 экз., которые, вероятно, использовались в качестве орудий, но в эту группу они не включены из-за отсутствия вторичной обработки. Их характеристика будет дана вслед за характеристикой орудий.

Техника первичной обработки

Нуклеусы. Из 14 ядрищ 11 кремневые, 2 из кремнистого сланца и 1 из яшмы. Семь имеют размеры до 3 см, шесть — от 3 до 5 см и только один нуклеус из кремнистого сланца достигает 8 см. Большинство ядрищ сильно сработаны, и этим в известной степени, помимо размеров исходного материала, можно объяснить их небольшую величину. Обращает на себя внимание высокое качество сырья этих нуклеусов, обеспечивающее максимальное их использование. Не исключено, что даже при обилии галечного материала гальки хорошего качества были редкостью и очень ценились. Характерно, что два сравнительно крупных кремневых ядрища из-за плохого качества сырья, дающего заломы, не были сработаны до конца. По ним, а также по крупному нуклеусу из кремнистого сланца можно судить о том, что расщепление шло в продольном направлении с дугообразной ударной площадки, обеспечивающей выпуклость плоскости раскалывания (рис. 5, *16*). Эти признаки свидетельствуют о применении призматической техники расщепления камня. Аналогичным способом могли раскалываться и сильно сработанные ядрища. Тот факт, что из 170 сколов систематического расщепления 122 относятся к пластинам, подтверждает направленность техники расщепления главным образом на получение удлиненных пластинчатых заготовок.

Два ядрища в коллекции использовались для снятия микропластинок. Одно из них — кремневое обычно фигурирует в публикациях, посвященных стоянке Талицкого, как скребок высокой формы [2, с. 285]. При всем установленном внешнем сходстве с подобными орудиями, не было обращено внимания на характер кромки, которая у скребков всегда выражена в той или иной степени то ли в виде легкой притупленности, то ли выкрошенности, то ли мелких заломов. Здесь же ничего подобного не наблюдается. Наоборот, грань между ударной площадкой и плоскостью раскалывания острая, имеет форму ломаной линии, выступы которой обозначают границы устьевых частей негативов. Совершенно четко фиксируется и специально подготовленная ударная площадка (что у скребков, как правило, отсутствует), с которой производилось снятие узких удлиненных пластинок (рис. 5, *18*). Наличие в комплексе микропластинок (17 экз.), часть которых со вторичной обработкой, свидетельствует о целенаправленности получения этих мелких заготовок, что в свою очередь, уже косвенно, подтверждает предлагаемую интерпретацию. Второй нуклеус для микропластинок изготовлен на сколе кремнистого сланца, у которого один из концов приспособлен как бы для торцового снятия (рис. 5, *19*). Очевидно, что для более полной характеристики первичной

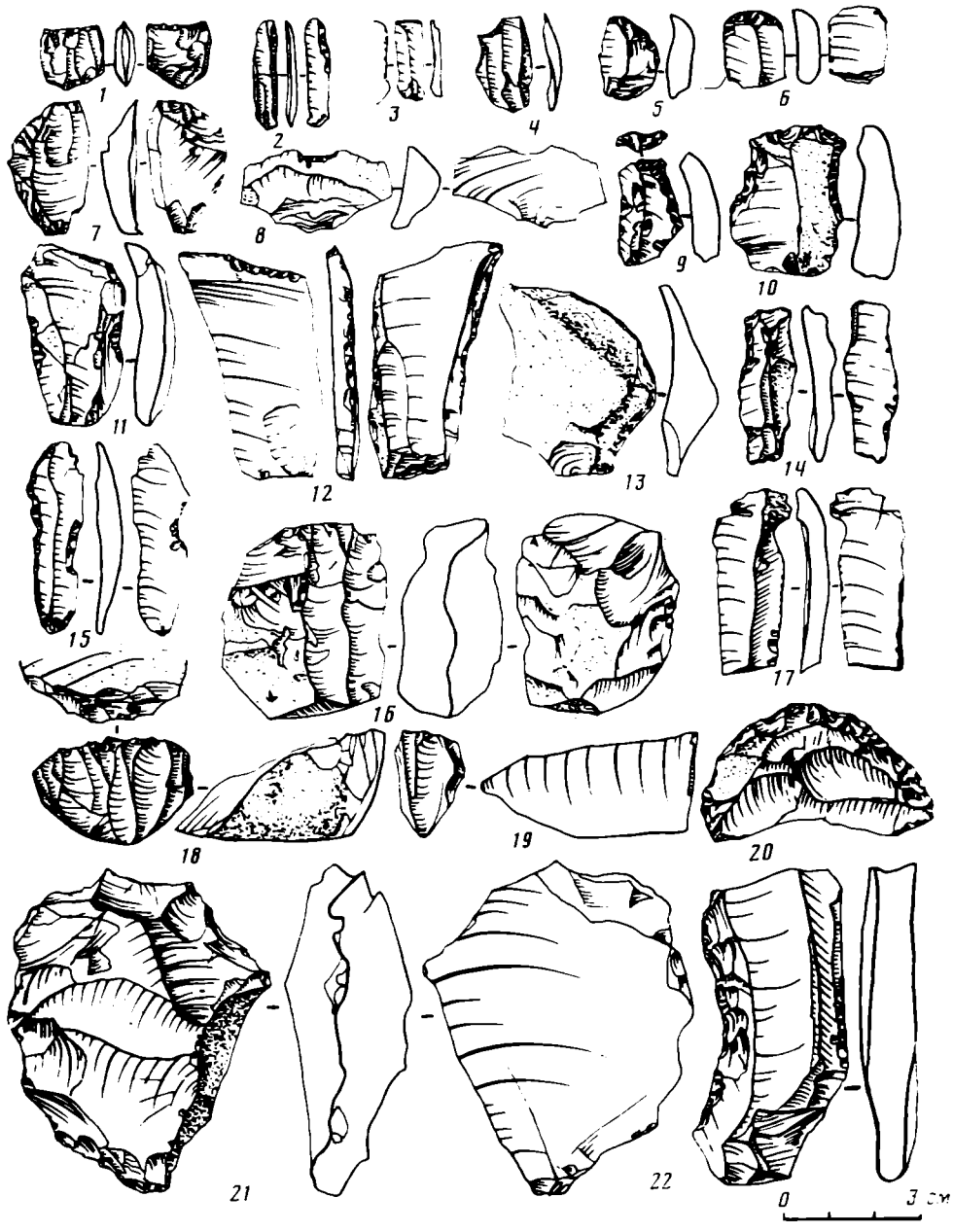


Рис. 5. Каменный инвентарь стоянки Талицкого из раскопок 1942 г. *1, 7* — долотовидные; *2, 3* — вкладыши; *4* — проколка; *5, 6, 9, 10* — скребки; *8, 11, 15* — изделия с выемками; *12, 13* — орудия типа ножей с обушком; *14, 17* — пластины с ретушью; *16, 18, 19* — нуклеусы; *20—22* — скребловидные формы

обработки привлечение продуктов расщепления необходимо — они во многом дополняют сведения о способах раскалывания камня.

Продукты расщепления. Сюда входят сколы систематического расщепления и сколы оформления-подправки ядрищ [3]. При рассмотрении способов раскалывания использовались в основном сколы систематического расщепления, поскольку они отражают целенаправленность в получении того или иного типа заготовок. Для более полной их характеристики были учтены и те предметы, которые несут на себе следы вторичной обработки, что увеличило число этих сколов от 170 до 204 экз. Абсолютное большинство сколов систематического расщепления нецелые,

[3] Под сколами оформления-подправки ядрищ понимаются первичные и полупервичные сколы независимо от их пропорций, а также сколы с бессистемным характером спинок, что чаще всего сопровождается неправильностью (случайностью) общих очертаний. Сюда же входят и так называемые сколы оживления ядрищ: боковые, краевые и поперечные (терминология дана по монографии З. А. Абрамовой) [3, с. 104].

Таблица 1

Соотношение величины продуктов систематического расщепления с материалом

Материал	Величина орудий								Общее количество
	целые	нецелые	целые	нецелые	целые	нецелые	целые	нецелые	
Кремень	18	66	14	17	–	–	–	–	115
Кремнистый сланец	1	22	9	11	8	5	1	–	57
Кварцит	1	1	–	–	–	1	1	–	4
Доломит	–	8	–	7	–	–	–	–	15
Яшма	2	6	1	–	–	–	–	–	9
Горный хрусталь	1	3	–	–	–	–	–	–	4
Всего	23	106	24	35	8	6	2	–	204

поэтому при обработке материала во многом приходится исходить из размеров изделий, в какой-то степени поврежденных.

Судя по данным, приведенным в табл. 1, большинство сколов систематического расщепления (188 экз.) имеют длину до 5 см. При этом численное преобладание предметов в группе «до 3 см», происходящее преимущественно за счет нецелых сколов, не может быть принято за действительное, так как в первоначальном виде по крайней мере около половины из них превысило бы 3 см. Распределение же целых экземпляров между группами «до 3 см» и «3—5 см» почти одинаково. Все это позволяет предполагать достаточно близкое соотношение изделий в обеих группах и в общем говорить о количественном превосходстве сколов размерами до 5 см. Обращение к материалу рассматриваемых изделий дополняет и объясняет полученные результаты. Как видно из той же таблицы, более половины всех сколов систематического расщепления (115 экз.) связано с кремнем. Очевидно, размеры кремневых галек и изготовленных из них нуклеусов диктовали соответствующую величину и для сколов. То, что предпочтение отдавалось кремню, несмотря на небольшие размеры исходного сырья, объясняется скорее всего характером этого материала, который обеспечивал высокие эксплуатационные качества орудий. По мнению В. Е. Щелинского, незначительная величина каменных изделий хорошо компенсируется свойствами удачно выбранного сырья. Сколы из кремнистого сланца, кварцита, доломита обычно крупнее кремневых и чаще концентрируются в группах «3—5 см» и «5—7 см», длину более 7 см имеют только два предмета. Судя по сколам оформления-подправки ядрищ, исходные размеры конкреций этих пород достигали примерно 12—14 см, кремневые же первичные и полупервичные сколы не превышают 7 см.

Работа по установлению типа скола (отщеп или пластина) проводилась только на продуктах систематического расщепления, которые, как уже отмечалось, подразумевают целенаправленное получение заготовок. Из 204 сколов 148 составили пластины. Им будет уделено основное внимание как ведущему типу[4]. По одному из наиболее значимых для этой категории изделий признаку — ширине все пластины были разделены на три группы. При этом в качестве исходных установок использовались формулы, предложенные Ж. Тиксье, которые он получил в результате обработки многочисленных пластинчатых индустрий [4, с. 36—38]. «Пластины» определяются им следующим образом: длина (L) больше в 2 раза ширины (п); L больше 5 см; п больше 1,2 см. Материалы стоянки Талицкого показали, что некоторые целые экземпляры, превышая в ширину 1,2 см, в то же время не достигают длины 5 см, тем не менее они заносились в группу «пластин». Такое расхождение в известной мере может служить техническим, а возможно, и хронологическим ориенти-

[4] Под пластиной понимается скол только систематического расщепления с достаточно параллельными краями, длина которого более чем в 2 раза превышает ширину.

Таблица 2

Соотношение между «пластинами» (I), «пластинками» (II) и «микропластинками» (III) с учетом материала

Материал	Целые			Нецелые			Общее количество
	I	II	III	I	II	III	
Кремень	5	11	2	35	18	13	84
Кремнистый сланец	3	1	–	25	7	–	36
Кварцит	–	–	–	1	–	–	1
Доломит	–	–	–	12	3	–	15
Яшма	–	–	–	4	3	2	9
Горный хрусталь	–	–	–	2	1	–	3
Всего	8	12	2	79	32	15	148

ром, поскольку все материалы, обрабатываемые Ж. Тиксье, относились к эпипалеолиту.

Вторая группа — «пластинки» имеют формулу: L больше в 2 раза ширины; и меньше 1.2 см. Ж. Тиксье подчеркивает, что длина для пластинок не является существенным показателем. По его неоднократным наблюдениям, пластинки шириной менее 1,2 см очень редко могут превысить в длину 5 см и, как правило, располагаются ниже этой границы. Выделение третьей группы — «микропластинки» было обусловлено непосредственно самим материалом рассматриваемой коллекции. При их определении длина также не играет роли, важна правильность огранки при ширине менее 0,6 см. Обособление этой группы от «пластинок» оправдывается не только их размерами и большей морфологической строгостью, но также способом получения со специальных нуклеусов.

Из табл. 2 видно, что наибольшее число изделий связано с группой I, т. е. «пластинами», независимо от вида сырья. Как уже отмечалось, они отличаются несколько укороченными пропорциями по сравнению с требованиями, установленными Ж. Тиксье. Характерно, что пластины из кремнистого сланца, длиной более 6 см соответственно имеют и большую ширину — 2,8—3 см, сохраняя практически те же самые укороченные пропорции. Аналогичные наблюдения сделаны и по целым экземплярам группы «пластинок», которые при длине 2,5—2,8 см имеют ширину порядка 1 см. Надо также отметить, что продольные края как «пластин», так и «пластинок» часто неровные, у них нет той правильности огранки, которая характерна для поздних палеолитических и мезолитических индустрий.

Анализ ударных площадок продуктов расщепления свидетельствует о том, что в процессе оформления ядрищ использовались отбойники, при переходе же к систематическому расщеплению предпочтение чаще отдавалось посреднику. Ударные площадки, особенно у пластинчатых сколов, в основном узкие, прямые, иногда точечные. Однако наиболее крупные пластины из кремнистого сланца и доломита имеют достаточно широкие ударные площадки с хорошо выраженными бугорками, что свидетельствует о сильном и прямом ударе. Явно учитывались различия в характере и размерах исходного сырья. Следует отметить и случаи непреднамеренной продольной фрагментации, зафиксированной преимущественно на отщепах. Это, вероятно, связано с применением твердых каменных отбойников на начальных стадиях раскалывания камня.

Техника вторичной обработки

Орудия. В коллекции представлено 85 изделий со вторичной обработкой. Соотношение между размерами орудий и материалом приводится в табл. 3. Полученные данные свидетельствуют о том, что более половины всех орудий (48 экз.) имеют величину до 3 см, причем основная их часть приходится на долю кремневых изделий. Здесь важно подчеркнуть использование для изготовления орудий главным образом твердых материа-

Таблица 3

Соотношение величины орудий с материалом

Материал	Величина орудий				Общее количество
	до 3 см	3—5 см	5—7 см	более 7 см	
Кремень	36	15	–	–	51
Кремнистый сланец	6	8	4	7	25
Кварцит	–	–	2	–	2
Доломит	–	1	–	–	1
Яшма	6	–	–	–	8
Всего	48	24	6	7	85

лов, таких, как кремень и яшма. Некоторые группы орудий: скребки, долотовидные, микропластинки с ретушью (вкладыши), проколки изготовлены исключительно из этих пород. Орудий из кремнистого сланца, кварцита, доломита меньше, наиболее крупные их экземпляры, относятся в основном к группе скребловидных изделий. Как кажется, здесь имеется определенная взаимозависимость между размером, типологическим определением и использованным сырьем: с одной стороны, потребность в достаточно крупных изделиях, с другой — отсутствие высококачественного сырья нужных размеров. Кремневые гальки были невелики, по проведенным замерам первичных сколов они не превышали 7 см, и то, что из них изготавливалась основная масса орудий, естественно, отразилось на размерах этих орудий. Нам неизвестно, сохранилось бы у обитателей стоянки пристрастие к мелким изделиям, будь в их распоряжении выходы хорошего желвачного кремня. На основании же имеющихся данных получается, что сочетание в индустрии стоянки Талицкого мелких орудийных форм с крупными в первую очередь связано с характером местной сырьевой базы. В какой-то мере такое сочетание, вероятно, является и отражением хозяйственных потребностей, требующих для определенного вида работ тяжелых и массивных орудий. Полученные выводы касаются тех аспектов отличия каменного инвентаря, которые связаны с величиной изделий, а также материалом, и никак не относятся к собственно набору орудий, к различному соотношению в нем тех или иных типов (например, отсутствие резцов, наличие вкладышей в виде пластинок с притупленным краем, наличие значительного числа долотовидных и т. д.). Эти последние особенности действительно могут быть обусловлены культурным своеобразием индустрии. Выявленная зависимость между определенными группами орудий и материалом объясняется принципом компенсации, о котором уже упоминалось, когда предпочтение отдается мелкому, но зато качественному сырью, потребность же в крупных орудиях реализуется путем использования соответствующих исходных конкреций менее качественных пород.

В качестве заготовок для орудий примерно в равных пропорциях использовались сколы систематического расщепления и сколы оформления-подправки ядрищ. К последним относятся изделия с удобным аккомодационным краем, часто обушковые. Другое соотношение (между типами сколов — отщеп или пластина) склоняется в целом в пользу пластин, на которых оформлено 26 орудий. Для восьми изделий были использованы удлиненные сколы оформления-подправки ядрищ, на отщепах изготовлено порядка 15 орудий. Характер остальных заготовок невозможно определить то ли из-за вторичной обработки, сильно изменившей первоначальную форму скола, то ли из-за повреждений и фрагментации.

В коллекции более или менее четко представлены следующие группы орудий: скребки — 14 экз., долотовидные — 7 экз., вкладыши — 9 экз., выемчатые изделия — 6 экз., проколки — 1 экз., скребловидные орудия — 12 экз. Группа пластин и отщепов с ретушью очень разнородна, из нее в дальнейшем возможно выделение ряда отдельных типов. Группа своеобразных единичных изделий до привлечения остальных материалов стоянки также не может получить должной оценки. Резцов как специально

выраженной формы орудия в коллекции нет, хотя на нескольких изделиях можно отметить сколы, похожие на резцовые (рис. 5, *14*).

Скребки. В силу небольшого количества изделия этой группы не образуют между собой сколько-нибудь устойчивых сочетаний и кажутся очень индивидуальными по своему оформлению (рис. 5, *5, 6, 9, 10*). Не останавливаясь сейчас подробно на характеристике каждой формы (типа?), которая с привлечением остальных материалов может образовать серию, попытаемся выделить наиболее существенные черты, присущие группе в целом. Во-первых, все скребки изготовлены из кремня и яшмы. Во-вторых, абсолютное большинство изделий (12 экз.) не превышает 3 см, пять из них могут быть отнесены к микроскребкам, так как имеют размеры до 2 см. В-третьих, на пластинах изготовлено два скребка, на отщепах — шесть. Характер остальных заготовок неясен. В-четвертых, по расположению скребкового лезвия на заготовке 10 скребков относятся к концевым, причем пять из них имеют дополнительную обработку ретушью по одному или двум боковым краям. У двух скребков лезвие скошенное и еще у двух двойное.

Долотовидные. Это достаточно однородная и хорошо выраженная группа мелких долотовидных форм, близких к классическим pièces escaillees. Пять орудий почти полностью идентичны по своим размерам (1,5—1,6 см) и оформлению. Определить характер их заготовок трудно, можно только сказать, что это были тонкие в сечении сколы, очевидно, намеренно фрагментированные и слегка подработанные. Лезвия изделий острые, прямые или слегка вогнутые, расположены на двух противоположных концах и имеют двухстороннюю чешуйчатую выкрошенность, которая, как правило, четче выражена на каком-нибудь одном конце (рис. 5, *1*). Несколько особняком стоит изделие, оформленное на отщепе длиной 3 см (рис. 5, *7*). В монографии В. И. Громова оно определено как резец [2, с. 285]. Такая интерпретация, очевидно, основана на наличии уплощающего скола, расположенного во фронтальной плоскости, негатив которого, возможно, и напоминает резцовый. Но рядом имеется еще один аналогичный по характеру негатив, не отраженный в рисунке, приведенном в монографии. Представляется, что это обычные уплощающие сколы, сделанные либо намеренно, либо в ходе закрепления в рукоятке. К тому же дистальный конец отщепа, у которого находятся рассматриваемые негативы, имеет характерную для долотовидных орудий двухстороннюю выкрошенность. Противоположный конец также приострен серией двухсторонних уплощающих сколов, образующих долотовидное лезвие. Эти признаки позволяют отнести данное орудие к группе долотовидных.

Вкладыши. Восемь из девяти экземпляров имеют обработку по одному из продольных краев в виде крутой (70—80°), моделирующей край ретуши. Нередко ретушь доводилась до наиболее утолщенной части микропластинки, что хорошо наблюдается в сечении, и как бы закрепляла эту естественную толщину заготовки. Обычно ретушь располагается со стороны спинки и только в одном случае зафиксирована с брюшка. Противоположный продольный край микропластинок, наоборот, острый, со следами выкрошенности или нерегулярной ретуши, следующей наклону края. У большинства предметов вполне устойчивая форма: один продольный край притуплен ретушью, другой — острый (рис. 5, *2*). Лишь у одной микропластинки ретушь располагается на поперечном конце и имеет угол 90°, но по продольному краю у нее, как и у описанных выше изделий, имеются следы зазубренности и выкрошенности (рис. 5, *3*). Находка на стоянке Талицкого костяного наконечника, лезвия которого были выполнены микропластинками с притупленным краем, свидетельствует о том, что вкладышевая техника была здесь известна [5].

Выемчатые орудия. Эти изделия выделены по наличию ретушированной выемки, которая может быть расположена на любом участке заготовки. Размеры орудий очень варьируют, но не превышают 6 см. Материал и характер заготовок также различны и не дают устойчивых сочетаний. Ретушированная выемка может быть единственным рабочим элементом,

что характерно для изделий, включенных в рассматриваемую группу (рис. 5, *8*), но может составлять и часть оформления комбинированного орудия (рис. 5, *11*) либо же располагаться попарно на одной заготовке, образуя тем самым как бы особую форму (рис. 5, *15*). Такие выемки могли выполнять вспомогательную роль при выделении, например, жальца проколки. Возможно, ретушированную выемку как вполне четкое морфологическое проявление, используемое в различных целях, следует рассматривать в качестве одной из разновидностей ретуширования, являющегося наиболее распространенным приемом вторичной обработки.

Проколки. В данной коллекции эта группа представлена единственным орудием, но зато очень выразительным: острое жальце отчетливо выделяется двумя ретушированными выемками (рис. 5, *4*).

Скребловидные. Название группы условно. Под ним объединены изделия, близкие между собой не столько по общему типологическому облику, требующему определенного морфологического выражения, сколько по наличию более или менее протяженного скребловидного лезвия, расположенного на заготовках различных типов и размеров (рис. 5, *20*, *22*). Такой подход является вынужденным в силу малочисленности рассматриваемых орудий. Однако несколько наиболее крупных и массивных изделий размерами от 7,5 до 10,5 см можно выделить в своеобразную подгруппу. Заготовками для них служили отщепы кремнистого сланца. Особенно интересны и выразительны два экземпляра, представляющие, как кажется, один тип (рис. 5, *21*). Сориентировав эти орудия по оси заготовки, можно заметить, что почти $^3/_4$ всего периметра занято рабочим лезвием. Оставшийся участок связан с наиболее утолщенной, в одном случае обушковой, частью отщепа и удобен для захвата рукой. Характер лезвия на всем его протяжении неодинаков. На продольном крае оно имеет угол наклона приблизительно 30—40°, который достигается иногда с помощью специальных уплощающих заготовку сколов. Само лезвие оформлено аналогичными сколами, но более короткими, порой чередующимися, что создает извилистость края с подчеркнуто выраженными выступами. Такое лезвие по своему характеру близко некоторым нижнепалеолитическим орудиям. Поперечный край имеет угол наклона 60—80° и приближается по оформлению к крупным высоким скребкам.

Отщепы и пластины с ретушью. Они образуют самую многочисленную группу. В основном сюда включены изделия с более или менее протяженной ретушью по краю, которая располагается как со стороны спинки, так и с брюшка, обычно не сильно моделируя край. Среди них преобладают достаточно тонкие в сечении удлиненные заготовки, что позволяет предполагать режущие функции этих изделий. Не исключено, что в ряде случаев вторичная обработка здесь не изначальная, а является результатом подправки или утилизации (рис. 5, *17*). Нужно отметить несколько предметов, напоминающих формой ножи с обушком. Обушок бывает естественным или ретушированным (рис. 5, *12*, *13*). Если подобные орудия впоследствии дадут серию, их правомерно будет выделить в отдельную группу.

Сколы со следами утилизации. Эти предметы как бы дополняют предыдущую группу в том смысле, что они также рассматриваются в качестве режущих инструментов. Сюда входят крупные отщепы из кремнистого сланца и кварцита (размерами от 5—7 см и более), а также небольшие пластинки с четкими следами выкрошенности или зазубренности. Экспериментами доказано, что необработанный острый край является самым эффективным режущим лезвием, и это направляет внимание на сколы со следами возможной утилизации. Их предварительное выделение с анализом морфологических особенностей, может быть, даст какие-то закономерности, отражающие направленность в выборе сколов тех или иных форм. Однако для окончательного решения о принадлежности этих предметов к орудиям требуется, конечно, трасологическое исследование.

Проведенный технико-типологический анализ каменного инвентаря, происходящего с небольшой части поселения, позволяет сделать лишь некоторые предварительные выводы, которые будут уточнены при работе

с остальными материалами стоянки Талицкого. По технике первичной обработки можно отметить следующие наиболее важные моменты. Существовала призматическая техника расщепления камня, выраженная порой в недостаточно совершенных формах нуклеусов и продуктов расщепления. Такой показатель, как значительная ширина пластин при относительно небольшой их длине и неровности очертаний, может свидетельствовать об определенном уровне в освоении техники призматического раскалывания и давать некоторую ориентировку при археологической датировке памятника. Но бесспорное преобладание среди сколов систематического расщепления именно пластин доказывает целенаправленность получения этого типа заготовок. Параллельно существовала и техника получения микропластинок, требующая специальных форм нуклеусов. Вторичная обработка представлена типичными для верхнего палеолита приемами: разнообразными видами ретуши, в той или иной степени моделирующими рабочую, а также аккомодационную части орудий, подтеской, резцовым сколом, хотя с помощью последнего не оформлено ни одного резца, отвечающего всем необходимым типологическим требованиям. Этот прием фиксируется только как отдельный элемент вторичной обработки. В составе орудийного набора в первую очередь обращает на себя внимание наличие относительно большого числа долотовидных форм при отсутствии резцов. Такая зависимость была подмечена еще С. Н. Замятниным на некоторых верхнепалеолитических стоянках. Как характерную особенность нужно отметить и использование в качестве вкладышей микропластинок с притупленным краем. В основе своеобразия каменного инвентаря стоянки Талицкого, связанного с величиной изделий, лежат, как кажется, не культурообразующие признаки, а особенности местных сырьевых ресурсов. В рассматриваемой коллекции представлены также костяные и роговые изделия со следами нарезок, насечек или мелкой косой штриховки. Не останавливаясь на их характеристике, отметим только сам факт использования и обработки кости на стоянке и то, что 10 из 11 изделий обнаружены в наиболее насыщенной северо-западной части раскопа.

Стоянка Талицкого по-прежнему остается эталонным памятником Урала для эпохи верхнего палеолита. Это связано с богатством ее индустриального комплекса по сравнению с другими уральскими стоянками и с четко выраженными стратиграфическими условиями залегания культурного слоя. Раскопками О. Н. Бадера были завершены полевые исследования этого местонахождения и практически полностью вскрыта площадь поселения, однако материалы стоянки, и в частности каменная индустрия, не получили широкого освещения. В публикациях, посвященных палеолиту Урала и неизбежно касающихся стоянки Талицкого, как правило, излагаются только самые основные выводы по археологической и геологической датировке, отмечается трехслойность поселения и подчеркивается близость материальной культуры этого памятника кругу сибирских верхнепалеолитических культур. Развернутых доказательств таких заключений обычно не приводится. Усилившийся в последнее время интерес к облику палеолита Урала, связанный с открытиями, сделанными на Северном Урале, в Западной Сибири, а также с новыми достижениями в изучении верхнепалеолитических культур Восточной Европы, требует детального рассмотрения имеющихся на Урале каменных индустрий и выяснения их собственного облика. Материалы стоянки Талицкого могут сыграть при этом значительную роль.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Грязнов М. П., Воеводский М. В.* Островская палеолитическая стоянка (раскопки 1942 г.). Отчет об археологических раскопках Усть-Чусовской партии Уральской алмазной экспедиции летом 1942 года.— Рукописный архив ЛОИА АН СССР, личный фонд А. А. Иессена.
2. *Громов В. И.* Палеонтологическое и археологическое обоснование стратиграфии континентальных отложений четвертичного периода на территории СССР.— Тр. ИГН, 1948, № 17, геол. сер., вып. 64.

3. *Абрамова З. А.* Палеолит Енисея. Афонтовская культура. Новосибирск: Наука, 1979.
4. *Tixier J.* Typolojie de l'épipaléolithique du Maghreb.— Mémoires du Centre de recherches anthropologiques préhistoriques et ethnographique Alger. P., 1963.
5. *Геоздовер М. Д.* Вкладышевый наконечник с палеолитической стоянки Талицкого.— Тр. Ин-та антропологии, 1952, вып. 158.

T. I. Shcherbakova

THE TALITSKY CAMP
(The 1942 materials)

Summary

The author takes as her subject materials obtained at the Upper Palaeolithic Talitsky camp in 1942. The field documentation permits an analysis of the cultural layer's structure and nature and a typological characteristic of stone industry with due account for the types of material it was made from. She indicates that these data are completely insufficient for determining the nature of the camp as a whole since they pertain to its smaller part. A tentative conclusion on the stone industry emphasises that practically all methods of stone working, including the prismatic technique, typical for the Upper Palaeolithic, were employed. What is typical of the set of tools is the absence of burins combined with a relatively great number of chisel-like forms and the use of microblades with blunted edges for hafting. The author sees a correlation between the tool sizes and the nature of stone used to make them.

А. З. АПТЕКАРЕВ, В. П. КОЗЕНКОВА

КЛАД ЭПОХИ ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ ИЗ СТАНИЦЫ УПОРНОЙ
(Краснодарский край)

Открытие нового археологического комплекса всегда радость для специалиста. Но если этот комплекс ожидаемый, теоретически вычисленный всей суммой известных данных, реально ложится на стол исследователя,— это радость двойная. Именно к таким, без преувеличения сенсационным находкам относится великолепный клад бронзовых изделий, случайно обнаруженный в Закубанье в верховьях р. Чамлык.

Цель настоящей статьи — ввести в научный оборот этот важнейший для многих аспектов кавказской археологии памятник.

Летом 1984 г. рыбоводы колхоза «Красное Знамя» Лабинского района М. С. Жданов и Б. В. Тарудилов, делая обход колхозных прудов, обнаружили среди галечных наносов в русле р. Чамлык, в 1,5 км к северу от окраины ст. Упорной, несколько бронзовых предметов. Ими были собраны прямообушные топоры, тесловидный топор, кельты, секира, наконечники копий, кинжал, бляха-умбон, «мелкие бронзовые обломки каких-то скобочек». Последние не сохранились. О находке М. С. Жданов сообщил в Краснодарский государственный историко-археологический музей-заповедник. При детальном осмотре места и в результате расспросов одним из авторов данной статьи — А. З. Аптекаревым было выяснено, что все предметы происходят с площади 20—25 м². Бо́льшая часть вещей лежала прямо на поверхности, отдельные находились в грунте, состоящем из речных наносов и гальки, непосредственно под правой береговой террассой р. Чамлык, в 5—7 м от ее подошвы.

По словам находчиков, в этом месте несколько лет назад скреперами выбирался грунт толщиной до 1 м для возведения дамбы на колхозных прудах. Таким образом, первоначально вещи, видимо, были запрятаны на глубине около 0,7—1 м. Не исключено, что какие-то из них были вывезены при транспортировке гравия и затеряны. В настоящем виде клад состоит из 12 предметов.

1. Бронзовый наконечник копья с прорезными лопастями листовидного пера (рис. 1, *1*). Конусовидная втулка плавно переходит в четко выраженное ребро, идущее с каждой стороны до острия слегка корродированного пера. В основании втулки имеются два диаметрально пробитых отверстия для крепления древка. Прорези полуовальных очертаний расположены в нижней части лопастей пера. Контур прорезей подчеркнут рельефным валиком. Размеры, см: длина наконечника 17, длина пера 10,8, ширина 3,8, диаметр втулки 2,3 глубина 8,1, длина прорезей пера 3,7.

2. Бронзовый наконечник копья с листовидным пером (рис. 1, *2*). Конусовидная втулка плавно переходит в ребро. В средней части втулки два диаметрально расположенных круглых отверстия для крепления древка. Размеры, см: длина наконечника 14,5, длина пера 8,5, ширина 3,6, длина втулки 2,7, глубина 8,5.

Наконечник копья, видимо, не использовался, так как края пера сохранили заусеницы металла.

3. Кинжал бронзовый, цельнолитой, с подтреугольным плоским клинком (рис. 1, *8*). Оба лезвия клинка плавно сходятся книзу и образуют на конце закругление. Рукоятка стержневидная с брусковидным навершием и подтреугольным перекрестием. В центре навершия сквозное

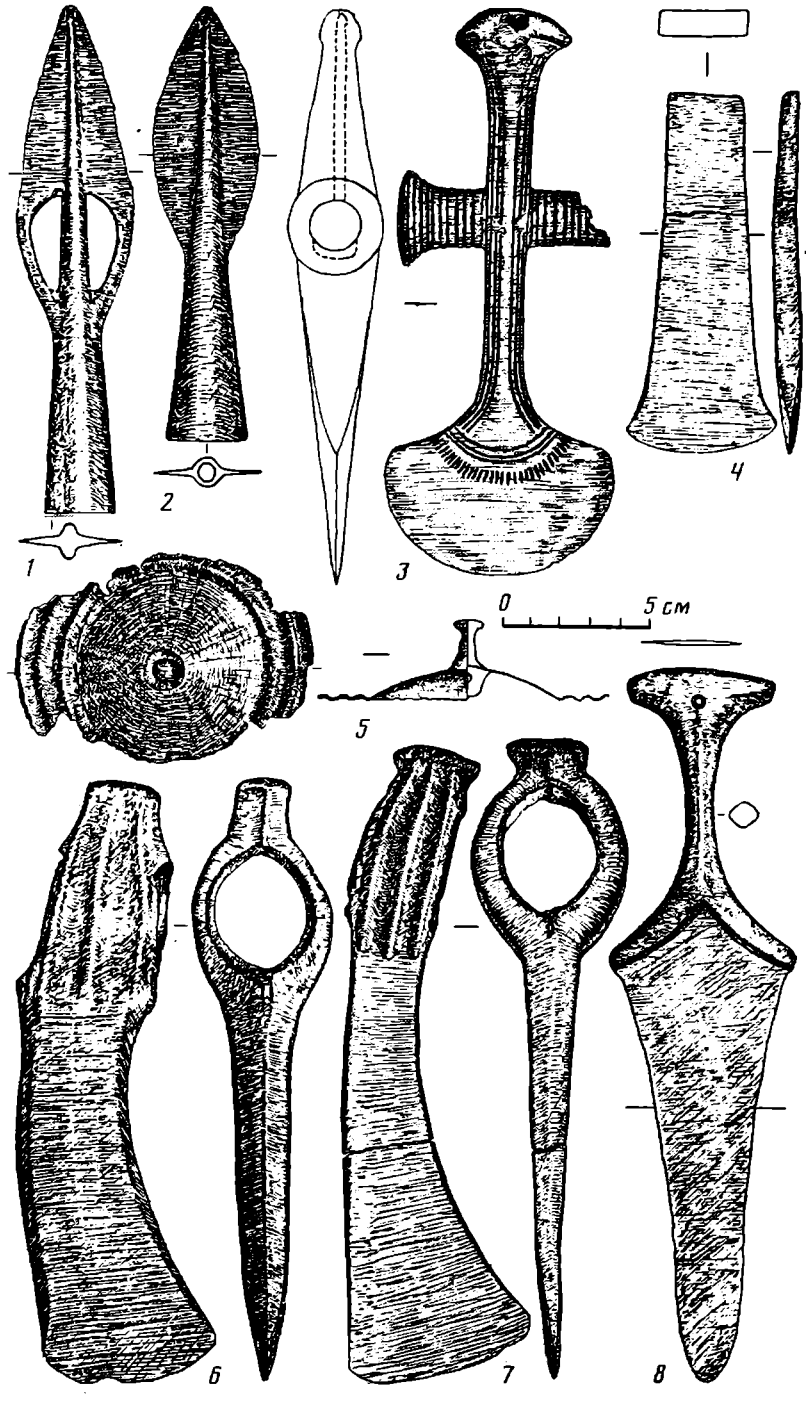


Рис. 1. Предметы из клада близ Упорной

отверстие круглой формы диаметром 0,5 см. Сечение рукоятки близко ромбу. Размеры, см: длина кинжала 23,9, длина рукоятки 7,8, ширина навершия 4,9, ширина перекрестия 6,3, ширина клинка в верхней части 5,5, длина клинка 16,1.

4. Секира бронзовая с широким закругленным на краю лезвием и выпуклой массивной молоточной частью. Втулка в виде гофрированной трубки с плавно расширяющимся верхним краем; нижний конец трубки обломлен (рис. 1, *3*).

Обушная часть секиры имела сквозной продольный канал, проходивший и через стенку втулки, вероятно, для более прочного крепления рукоятки стержнем-гвоздем; диаметр канала 0,5 см. Плоскости лезвия и

поверхность секиры с обеих сторон украшены гравированным геометрическим орнаментом. Секира отлита в двухстворчатой форме в два приема: отдельно отливалась втулка и отдельно собственно секира. Затем втулка была вставлена в клин и место соединения скреплено ковкой, о чем свидетельствует след в виде аккуратно зачищенных швов с обеих сторон клинка. На плоскостях лезвия при проковке был попорчен орнамент. Незначительные раковины и натек металла, обломанный конец втулки и отдельные выбоины на лезвии свидетельствуют о том, что предмет был литейным браком. Размеры, см: длина секиры 19, длина обушной части до втулки 7, ширина клина 1,4, толщина максимальная 2,8, ширина пятки обуха 3,8, максимальная ширина лезвия 7,7.

5. Топор бронзовый, прямообушной, с выступающей оттянутой выпуклой пяткой, овальной в сечении проушиной и слегка изогнутым корпусом, оканчивающимся закругленным лезвием. На обушной части, около втулки, три выделенных ребра-валика (рис. 1, *6*). Топор отлит в двухстворчатой форме; швы соединения ее половинок хорошо выражены. На краях проушины излишки металла образуют заусеницы, не зачищенные после отливки. Однако топор, видимо, использовался, так как на пятке обуха прослеживаются незначительные вмятины. Размеры, см: длина топора 19,9, размеры проуха 4,2×3,3, ширина лезвия 5,6.

6. Еще один прямообушной бронзовый топор с хорошо выделенной плоской пяткой и овальной в сечении проушиной (рис. 1, 7). В целом форма его более изящна, чем у предыдущего. Обушная часть топора с обеих сторон также имеет по три выделенных ребра-валика. Корпус слегка изогнут и менее массивный, чем у вышеописанного экземпляра. Лезвие расширено и закруглено по краю. В средней части обуха от его пятки к втулке имеется слегка скошенный сквозной канал диаметром 0,2 см. Топор разломан в середине на две части. По-видимому, причиной послужил дефект отливки (в изломе отчетливо видны крупные литейные поры и раковины — до 2—3 мм). Более мелкие раковины и трещины заметны на корпусе и на лезвии предмета. Топор отлит в двухстворчатой форме. Около проуха сохранились заусеницы металла. Размеры, см: длина топора 21,1, размеры проуха 3,7×3,1, ширина лезвия 6,1.

7. Бронзовый тесловидный топор трапециевидной формы, плавно расширяющийся книзу. Край лезвия закруглен. Предмет отлит в одностворчатой литейной форме, в результате чего одна сторона его плоская, а вторая слегка выпуклая. Поверхность тесла-топора усеяна трещинами и мелкими раковинами, что свидетельствует о том, что перед нами литейный брак. Размеры, см: длина топора 11,9, ширина в верхней части 2,4, ширина лезвия 5, толщина 0,9 (рис. 1, *4*).

8. Бронзовая бляха-умбон дисковидной формы, выпукло-вогнутая в сечении. Поверхность вдоль края диска украшена тремя выпукло-вогнутыми валиками, концентрически вписанными друг в друга. В центре лицевой части высокий грибовидный штырь; с внутренней стороны в середине небольшая массивная полукруглая петля. Хотя края бляхи на большей части окружности попорчены, размеры ее восстанавливаются точно. Размеры, см: диаметр предмета 9,7, высота штыря 1,8, общая высота бляхи 2,7 (рис. 1, *5*).

9. Бронзовый двуушковый кельт, шестигранно-овальный в сечении, с арочной фаской и с углублением на ней, так называемой «пещеркой (рис. 2, *1*). Фаска очерчена рельефным ободком. Ниже края втулки выпуклый валик, от которого отходит орнаментальный поясок из продольных каннелюров. Одним концом ушки прикреплены к самому краю втулки кельта. Рабочий край закруглен. На боках предмета хорошо прослеживаются следы соединения двухстворчатой литейной формы. Размеры, см: длина кельта 11,2, размер втулки 3,2 × 3,7, ширина рабочего края 4,5, размер «пещерки» 1,5 × 0,5. На поверхности изделия, особенно около отверстия для насадки рукоятки, небольшие выщерблины и раковины. Лезвие притуплено и имеет следы утилизации в виде мелких зазубрин.

10. Бронзовый двуушковый кельт, овально-шестигранный в сечении:

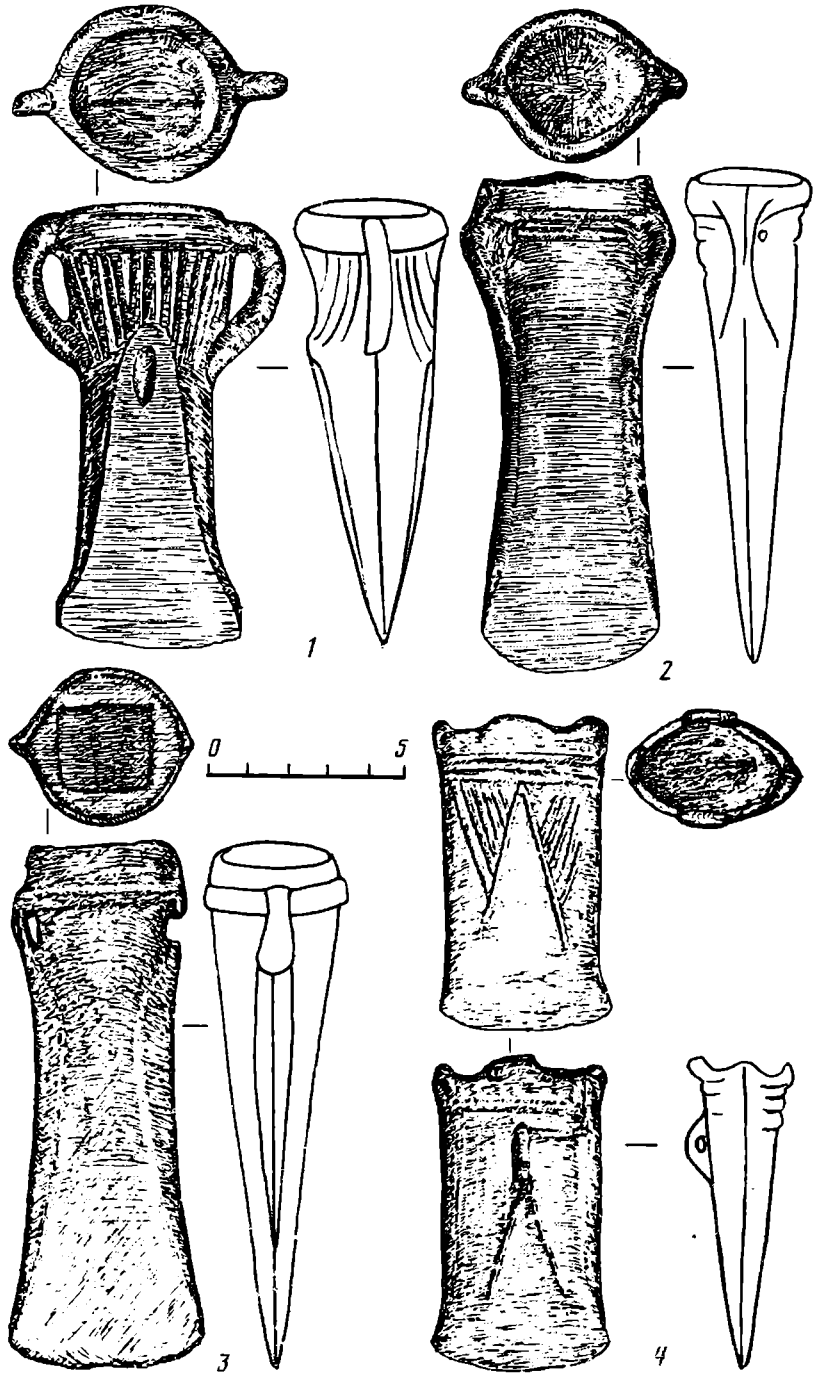


Рис. 2. Предметы из клада близ Упорной

конфигурация фаски вогнуто-линзовидная (рис. 2, *2*). В результате некачественной отливки в двухстворчатой литейной форме ушки оказались залиты металлом; лишь одно из них имеет плохо намеченное отверстие. Под венчиком два параллельных орнаментальных выпуклых валика. Рабочий край закруглен. Поверхность предмета покрыта заусеницами металла, свидетельствующими о том, что кельт не использовался в работе. Размеры, см: длина изделия 12,3, размеры отверстия втулки 2,9 × 3,4, ширина лезвия 4,6.

11. Бронзовый двуушковый кельт с овально-шестигранным внешним контуром сечения по центру, с удлиненной, приподнятой над ушками частью круглой втулки и трапециевидной уплощенной фаской (рис. 2,

3). Ушки маленькие, едва выступающие над корпусом, одно из них оказалось испорченным при литье. На уровне верхнего края прикрепления ушек кельт украшен выпуклым валиком. Рабочий край закруглен. Внутренний контур сечения кельта квадратный, размером 2,3 × 2,3 см. Размеры, см: длина предмета 13, диаметр втулки 3,8, глубина ее 7,8, ширина лезвия 4,8. По бокам кельта рельефный след соединения двух створок литейной формы.

12. Бронзовый кельт-тесло, овальный в сечении, с одним лобным ушком на широкой стороне и нечеткой конфигурацией фаски. Ниже (рис. 2, *4*) украшенного выступами венчика кельт опоясан двойным рельефным валиком. Рабочий край закруглен. Сторона, противоположная той, где находится ушко, орнаментирована двумя заштрихованными треугольниками, опущенными вершинами вниз. Орнамент литой. Два рельефных кантика отходят в обе стороны от ушка, образуя острый угол. По бокам предмета прослеживается след соединения двух створок литейной формы. На лезвии следы сработанности. Размеры, см: длина орудия 7,5, размеры втулки 2,9 × 4,2, глубина ее 5,8, ширина лезвия 4,2.

Таким образом, несмотря на некоторую ущербность исходных данных, можно достаточно уверенно говорить о кладе ст. Упорной как о закрытом комплексе. На первый взгляд все представленные в кладе изделия знакомы, узнаваемы, достаточно хорошо известны на широкой территории от Центральной Европы до Поволжья. Спорадически некоторые из подобных типов в разное время были обнаружены и на Кавказе. В данном случае привлекает их сочетание, до настоящего времени не встречавшееся в Кавказском регионе. Впервые на границе ареала кобанской культуры в одном источнике оказались соединенными три территориально разные по своему происхождению группы вещей: кавказских; характерных для широкого региона от западного и северного Причерноморья и до Поволжья и Урала и центральноевропейских.

Кавказскими по происхождению, несомненно, являются два проушных топора (рис. 3, *5, 6*), кинжал (рис. 3, *7*), плоский тесловидный топор (рис. 4, *2*) и, возможно, наконечник копья с цельнолитой втулкой (рис. 3, *1*). Все они являются или точной копией, или модификациями предметов, известных в памятниках колхидо-кобанского круга, но главным образом в кобанской культуре ее раннего периода. Подобные прямообушные топоры А. А. Иессен относил к топорам так называемого верхне-кубанского типа, связывая их «с одной стороны, с кобанскими топорами I типа, а с другой — с более древними топорами II тысячелетия до н. э.» [1, с. 103]. В настоящее время в связи с уточнением ареала кобанской культуры стал реальным и тот факт, что «верхнекубанский тип» (или прикубанский, по Е. И. Крупнову) топора являлся продукцией одного из очагов металлообработки западнокобанского населения Верхнего Прикубанья [2, с. 39—40]. Местное производство этой формы топора (тип «Д», по П. С. Уваровой) именно на территории кобанской культуры подтверждается не только массовыми находками готовых изделий, но и литейными формами таких топоров (Сержень-Юртовское поселение, случайные находки в сел. Зилга и Кавказском заповеднике) [1, с. 103, рис. 35; 3, с. 63, рис. 22; 4, с. 153, табл IX. *16*]. Один из публикуемых топоров, с массивной обушной частью и оттянутой выпуклой молотковидной пяткой, чрезвычайно напоминает топор из Бекешевского клада, отличаясь от него несколько более вытянутым узким лезвием [1, с. 92, рис. 21, *4*]. Точно так же оформлена молоточная часть и у топора из Агурского клада [5, с. 132, рис. 20]. Однако ближе всего воспроизводит форму этого топора негатив литейной формы из Зилги. Совпадают пропорции и очертания всех деталей, в особенности вытянутая молотковидная часть обуха с выпуклой пяткой. Изредка тип такого топора встречается в Закавказье. Например, особенно похож обушной частью публикуемый топор на экземпляр, происходящий из сел. Нижнее Ипрари в Сванетии [6, с. 46, табл. XVIII, *1*]. Довольно близкий вариант топора обнаружен в Приазовье, близ сел. Зажиточное недалеко от г. Жданова [7, с. 250, табл. XLV, *9*]. Значительно больше обнаруживает па-

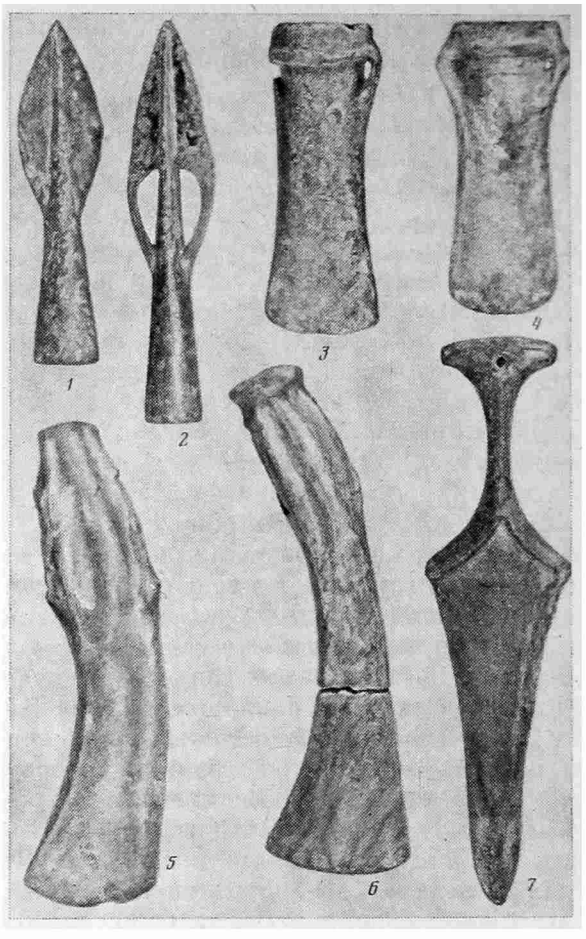


Рис. 3. Предметы из клада близ Упорной (фотография)

Рис. 4. Предметы из клада близ Упорной (фотография)

раллелей в других памятниках второй, более изящный топор из Упорной. Можно вспомнить топор из Учкулана в коллекции Зичи, несколько очень близких экземпляров из Боргустанского клада [1, с. 91, рис. 20, *4*]. Такие же топоры в сочетании с ранними типами, характерными для эпохи средней бронзы, имелись в Сухумском и Пицундском кладах [1, с. 99, рис. 32]. Почти полное тождество ему обнаруживают многочисленные топоры III типа (по М. М. Трапшу) из Лыхнинского клада в Абхазии [8, с. 179, рис. 13]. Таким образом, типы топоров из клада в Упорной хорошо известны в кавказских древностях и характеризуются исследователями как наиболее ранние из серии колхидо-кобанского типа. А. А. Иессен помещал их в самое начало выделенного им позднекубанского периода [1, с. 117], М. М. Трапш и Д. Л. Коридзе даже несколько удревняют их, считая XIV в. до н. э. верхним рубежом для тех памятников, где такие топоры составляли серию [8, с. 179—180; 9, с. 154]. Концом II тыс. до н. э. определяли активное использование литейных форм типа зилгинской А. А. Иессен, Е. И. Крупнов, Б. А. Куфтин [1, с. 104—105; 3, с. 62; 10, с. 338].

Бесспорно кавказский облик имеет и великолепный кинжал из публикуемого клада, хотя идентичные предметы пока не обнаружены. О том, что это несомненно еще одна модификация ранних кобанских кинжалов, можно судить по их очень близким типологически копиям-подвескам из ряда кавказских, главным образом кобанских, памятников. Детально совпадают пропорции, форма клинка, очертания подтреугольного перекрестия и слегка изогнутого навершия с отверстием в центре. Таковы, например, кинжаловидные привески из Эшкаконского и Кисловодского могильников [11, с. 224, рис. 207, *16—17*; 12, с. 137, рис. 59, *9*, *10*]. Самая ранняя из них происходит из гробницы 2 с трупосожжениями близ сел. Терезе, дата которой по целому ряду признаков определяется в пределах XII—XI вв. до н. э. [13, с. 21—23, рис. 7, *4*]. Приблизительно этим же временем определен клад их Тхмори в Закавказье (XI—X вв. до н. э.), где близкой формы кинжаловидные привески сочетались с бронзовым северопричерноморским кельтом V типа (по В. С. Бочкареву и А. М. Лескову) белозерского этапа [9, с. 154, табл. XVII, *2*]. Не исключено, что в эту группу входят и кинжалы из погребений на горе Бык (с двумя бронзовыми серпами), из каменного ящика у горы Машук и близ сел. Терезе (находка 1928 г.). Характерные очертания клинков этих кинжалов, оформление верхней части в месте крепления рукоятки, где четко виден подтреугольный контур перекрестия, такого же, как на публикуемом цельнолитом кинжале из Упорной, свидетельствуют о том, что представлен тот же тип, но с деревянной рукояткой [1, с. 82, рис. 5, *1*, *2*]. Вся эта группа погребений определялась А. А. Иессеном рубежом II—I тыс. до н. э., но с оговоркой, что абсолютная хронология не может быть разрешена с достаточной детализацией [1, с. 116]. Приблизительно этим же периодом датировал указанные материалы В. А. Сафронов [14, с. 114]. Однако все исследователи постоянно обходят молчанием тот факт, что в могиле на горе Бык представлены две разновидности серпов. Один из них действительно близок серпам из Агура, Боргустанского клада, но второй имеет самые близкие соответствия, с одной стороны, с одним из серпов Бекешевского клада, а с другой — с ранними серпами из курганов близ ст. Удобной, из Таманского клада и из клада в Констанце (Румыния), т. е. характерен главным образом для памятников сабатиновского или, самое позднее, раннебелозерского периодов, что в абсолютных датах определяется в рамках XIII—XII вв. до н. э. [15, с. 208; 16, с. 61—62; 17, с. 21; 18, с. 25; 19, с. 151]. Другими словами, перед нами группа памятников «с сабатиновскими чертами», укладывающимися, по мнению В. А. Сафронова, в XII в. до н. э. [20, с. 9]. Косвенным подтверждением датировки кинжала из клада в Упорной и вместе с ним всей группы раннекобанских памятников с такими кинжалами не позднее XII в. до н. э. как раз является факт появления в XI—X вв. до н. э. упомянутых выше вотивных подражаний этому типу в Тхморском кладе и в классических

кобанских памятниках западного варианта. В Закавказье кроме миниатюрных кинжалов-привесок к поздней модификации кинжала из Упорной, возможно, следует отнести ряд комплексных находок из памятников позднеколхидской культуры Абхазии (X—VIII вв. до н. э.). Это комплексы с цельносоставными кинжалами из Агудзера [21, с. 36, табл. XXXVIII, *50*], Куланурхва [22, с. 270, рис. 2, *5*]. Верхняя Эшера и Чобанлук [23, с. 202, рис. 1, *1—8*, *18*, *19*]. В отличие от публикуемого кинжалы из Абхазии имели ярко выраженное серповидное навершие, тупой угол между концами перекрестия рукоятки, некоторые отличия в очертаниях клинка. Даже при свойственной Ю. Н. Воронову тенденции к неоправданному омолаживанию абхазских позднеколхидских комплексов без железных или с единичными железными предметами, он тем не менее также считает их «наиболее древними» в выделенной им группе [22, с. 272, примеч. 19].

К кавказским изделиям относился и тесловидный топор из клада. Наиболее близкие аналогии он находит в тех же кобанских кладах из станиц Бекешевской и Боргустанской [1, с. 91—92, рис. 20, *2* и 21, *7*]. Располагая малым числом комплексных находок, А. А. Иессен ограничивал их ареал Прикубаньем, называя «местными изделиями верхнекубанского металлургического района» [1, с. 108]. По той же причине Е. И. Крупнов полагал, что тесла-топоры «не характерны» [24, с. 122—123] и для собственно кобанской культуры. В. И. Козенкова, опираясь на новые данные, показала, что вопрос этот получил новое освещение [2, с. 38—41]. В настоящее время стала известна целая серия тесловидных топоров I типа (трапециевидных, без боковых выступов) из погребальных комплексов X—VIII вв. до н. э. восточного варианта кобанской культуры [4, с. 7, табл. 1, *20, 21*]. Случайные находки таких же топоров известны и в центральных частях ареала, в слоях поселений с керамикой раннекобанского облика (Змейская, Светловодская). О том, что такие тесловидные топоры отливались местными мастерами-литейщиками, свидетельствует находка великолепной двухстворчатой формы из кобанского поселения близ ст. Ессентукской[1]. Таким образом, тип этого орудия был достаточно обычным как для прикубанского, так и для кобанского металлопроизводства, причем для последнего сейчас он более документирован. Вне Кавказа около двух десятков тесловидных топоров типа Т-8 (по Е. Н. Черных) учтено в кладах позднесабатиновского и белозерского периодов в Северном Причерноморье [7, с. 106—107, табл. 10-III; 25, с. 57]. В Поволжье и на Урале они практически не встречены. Можно указать лишь единичные находки в памятниках XI—X вв. приказанской культуры, которые сопоставляются с публикуемым теслом [26, с. 91, табл. 50, *3*, *7*].

Более определенно как об изделии прикубанского металлургического очага можно говорить о наконечнике копья (рис. 1, *2*). Такие цельнолитые, укороченные наконечники с листовидной формой пера действительно ближе всего стоят к тем, что известны, например, в протомеотских погребениях Николаевского могильника [27, с. 121, табл. II, *2*]. Можно указать также на целый ряд старых находок, проанализированных А. А. Иессеном и отнесенных им к разным хронологическим отрезкам позднекубанского периода [1, с. 111—114, рис. 49, *2*, *3* и рис. 50, *1*, *2*]. Таким образом, публикуемый наконечник мог относиться как к ранним, так и сравнительно поздним экземплярам в пределах указанного периода. Его дата в данном конкретном случае может быть определена только другими, более определенными в отношении хронологии предметами комплекса.

Важнейшей в этом плане является другая группа вещей клада из Упорной, связанная по происхождению и наибольшему распространению с более северными от Кавказа территориями, главным образом со степной зоной Восточной Европы. Она представлена наконечником копья с

[1] Материалы вошли в неопубликованный пока третий том САИ по кобанской культуре, подготовленный В. И. Козенковой.

прорезными лопастями пера и четырьмя различающимися между собой кельтами (рис. 3, *2—4*; 4, *1, 5*). Именно взаимосочетание таких разнотипных предметов в едином комплексе, с одной стороны, и бесспорная сопряженность их с кавказскими изделиями — с другой, практически впервые встречены на Северном Кавказе. До настоящего времени мы знали только два подобных памятника. Это известные подкурганные погребения XIII—XII вв. до н. э.[2] близ ст. Удобной, являвшиеся строго документальным свидетельством взаимовстречаемости в закрытом комплексе двух разнотипных кавказских кинжалов раннекобанского облика («рутхинский» и «самтаврский» типы, по В. А. Сафронову) с раннесрубными черешковыми кинжалами с упором. Второй памятник — менее отчетливый в отношении хронологии кобанский комплекс Бекешевского клада с кельтами белозерского типа.

Наконечник копья с равномерно округлыми очертаниями пера и прорезями в нем (рис. 1, *1*) отвечает всем признакам выделенного В. М. Бочкаревым и А. М. Лесковым четвертого типа наконечников, характерных для средне- и нижнеподнепровских памятников белозерского времени [25, с. 62; 29, с. 46—47].

В ближайшем кавказском культурном окружении наконечники с прорезным пером единичны. Еще 30 лет назад они вообще не были известны на Кавказе [1, с. 112]. В настоящее время кроме публикуемого мы располагаем сведениями о четырех таких предметах. Они несколько отличаются от наконечников из Упорной массивностью, бóльшими размерами, короткой втулкой и заметно овальными прорезями пера. Два случайно найденных экземпляра из Предкавказья (сел. Дунаевка на Ставрополье и Терекли-Мектеб в Чечено-Ингушетии) давно введены в научный оборот [24, с. 121, табл. XI, *5*; 29, с. 71—72, табл. 13; 30, с. 32, рис. 11, *1*]. О находке еще одного, хранящегося в Краснодарском музее, сообщил нам Н. В. Анфимов. И наконец, великолепный наконечник с прорезным пером обнаружен в погребении 3 Майртупского 2-го могильника в Чечне, на восточной периферии ареала кобанской культуры [31, с. 69]. Последняя находка исключительно важна, так как меняет имевшееся ранее представление об отсутствии такого рода предметов в местных кавказских культурах [29, с. 71]. До этого они рассматривались исследователями лишь как предметы импорта позднебелозерского времени из металлопроизводящих центров Северного Причерноморья и Поволжья. Комплексная находка из Майртупа уточняет и дату использования копий с прорезными наконечниками на Северном Кавказе — не позднее рубежа II—I тыс. до н. э. Дело в том, что погребение 3 входит в группу источников, датирующихся по выразительным закавказским аналогиям (кинжал кахетинского типа, наконечники копий, стрела-«площик» и т. д.) безусловно раньше периода X—VIII вв. до н. э., к которому обычно относили однотипные северокавказские предметы [29, с. 71]. Наконечник из Упорной отличают от аналогичных кавказских предметов и некоторые более ранние типообразующие признаки. Например, расширенный, а не приостренный, как у позднебелозерских экземпляров, конец пера. Прорези на лопастях составляют почти полный круг, а не овал. Рельефный валик подчеркивает контур прорезей. Конусовидная втулка довольно длинная, что придает предмету стройность и соразмерность. Визуально он не сопоставляется ни с одной из известных находок, так как его абрис напоминает как негатив литейной формы для наконечника из Иванковичей [25, табл. 13, *118а*], так и негатив литейной формы из Завадовки [25, табл. 10, *84а*]. На последней, кроме того, изображены три важных для уточнения даты ножа с параллельными лезвиями типа Н-18, по Е. Н. Черных [7, с. 117], характерных для памятников белозерского периода XI—X вв. до н. э. [15, с. 186; 32, с. 58; 33, с. 13]. Однако, как

[2] Дата, предложенная для курганов Удобной (не позднее XIV в. до н. э.) А. М. Лесковым [28, с. 171], представляется нам заниженной, так как не согласуется с данными о хронологии самих ранних предметов кобанского типа. В этом плане более аргументированно выглядят хронологические привязки В. А. Сафронова [14, с. 112].

правильно подметил Е. Н. Черных, весьма приближенные аналогии таким ножам встречены в более ранних памятниках Подунавья, например нож из погребения могильника периода ВД — НаА Моншонсольнок в Венгрии, где имелась также бронзовая фибула, датирующаяся не позднее XI в. до н. э. [34, с. 77, 132, табл. XLV, *3*, *4*].

Третьим районом, где встречены близкие, но не идентичные публикуемому формы наконечников копий с прорезными лопастями пера, было Поволжье. Особенно заметное сходство обнаруживают экземпляры из памятников маклашевского этапа приказанской культуры (Сухая речка, Карамышево), хронология которого определена А. Х. Халиковым XI—IX вв. до н. э. [26, с. 49, табл. 47, *6*, *8*]. Все эти наблюдения позволяют предполагать, что образцами при создании местных вариантов наконечников копий с прорезным пером были, видимо, те, что проникали сюда в период особо активного функционирования бронзолитейных мастерских Северного Причерноморья, что может соответствовать раннебелозерскому периоду, т. е. где-то в пределах XI—X вв. до н. э. Именно этим временем, вероятно, и следует датировать прорезной наконечник копья из клада в Упорной.

Кельты клада из Упорной также относятся к хорошо известным предметам эпохи поздней бронзы, распространенным на территории Восточной Европы. Результаты анализа металла изделий клада (см. ниже статью Е. Н. Черных и С. В. Кузьминых) свидетельствуют о том, что кельты являлись импортом на данной территории. Сейчас ясно, что перед нами продукция, характерная для бронзолитейных мастерских позднесабатиновского, но главным образом раннебелозерского периодов. Один кельт (рис. 2, *1*) по деталям формы сопоставляется с четвертым типом, два (рис. 2, *2—3*) — с третьим, по В. С. Бочкареву и А. М. Лескову [25, с. 52; 29, с. 35], так называемым «киммерийским» типом, а последний (рис. 2, *4а—б*) представлял одну из модификаций орудия с одним лобным ушком (вторая группа одноушковых кельтов, по В. С. Бочкареву и А. М. Лескову), характерную для районов Волго-Уралья предаяаньинского времени [25, с. 55]. Таким образом, четыре новых кельта увеличивают общее число уже известных на Кавказе, в основном на северном его склоне, подобных предметов, обобщенных и проанализированных в работах А. М. Тальгрена, А. А. Иессена, Е. И. Крупнова, Е. Н. Черных и А. М. Лескова. Применяя разработанную Е. Н. Черных дробную классификацию, можно распределить кельты из Упорной, по нашему мнению, следующим образом.

Орнаментированный кельт с арочной фаской и «пещеркой» четвертого типа соотносится в определенной мере с типом К-58 [7, с. 84—85]. Е. Н. Черных в эту группу причисляет северокавказские кельты из ст. Келермесской и Краснодарского края, которые А. М. Лесков считал импортом из Северного Причерноморья [29, с. 68]. В то же время по пропорциям и наличию орнамента над фаской этот кельт может быть сближен и с типом К-62, к которому Е. Н. Черных относит и кельт из колонии Ольгенфельд на р. Еи (сборы Н. Е. Бранденбурга, 1891 г.), найденный в кургане в комплексе с двумя раннекобанскими кинжалами, близкими быкогорскому [1, с. 83, 86], и обломком серпа. Два других двуушковых кельта хотя и относятся к одному и тому же третьему типу, но в мелких деталях не тождественны и при дробной классификации попадают в разные конечные типологические ряды (КТР). Тот, что имеет заметно приподнятую над ушками втулку и на уровне верха ушек опоясан одним рельефно выступающим валиком (рис. 2, 3), ближе всего соответствует типу К-70 [7, с. 87—88]. По мнению Е. Н. Черных, большинство предметов этого типа, а также литейные формы для них обнаружены на днепровском Правобережье. Действительно, ближе всего к данному кельту из Упорной стоит негатив литейной формы для кельта из Вознесенки [25, табл. 8, *66а*], а также одной из литейных форм Новоалександровки, на которой аналогичный кельт изображен вместе с рукояткой кинжала и кольцевидным предметом [25, табл. 9, *74в*]. Близкие экземпляры имелись в кладе из Дремайловки [29, табл. 4С, *1*],

а также в Соколенах [29, табл. 5А, *3*]. В последнем он сочетался в едином комплексе с втульчатым долотом и черешковым кинжалом с упором того варианта, который А. М. Лесковым датируется переходным временем от сабатиновского к белозерскому этапу [29, табл. 15, *14*]. В определении абсолютной даты этого перехода исследователи расходятся во мнениях. А. М. Лесков считает, что он соответствует середине XI—X в. до н. э. [16, с. 62—63], А. И. Тереножкин, отстаивая тезис о «длительности белозерского этапа», обстоятельно разобрал аргументацию А. М. Лескова и, на наш взгляд, справедливо и обоснованно уточнил дату конца белозерского периода X в. до н. э., а переходный этап от сабатиновского времени к белозерскому определил XII в. до н. э. [15, с. 190—197]. В последнее время к этим датам склоняется и В. С. Бочкарев [3].

Отдельные сходные экземпляры кельтов известны в Поволжье, в памятниках атабаевского этапа (XII—XI вв. до н. э.) приказанской культуры. Например, кельт из Девликеево [26, с. 44, табл. 43, *1*], отнесенный А. Х. Халиковым к ранней группе так называемых приказанских кельтов, довольно близко напоминает анализируемые кельты третьего типа. Один кельт третьего типа обнаружен в слое Кобяковского поселения [35, с. 129, табл. XXXIII, *17*], нижнюю хронологическую грань которого Э. С. Шарафутдинова определила по целому комплексу признаков, в том числе и по результатам радиокарбонного анализа X в. до н. э. [35, с. 69—70].

На Кавказе, как справедливо было подмечено А. М. Лесковым, кельты третьего типа не были известны [29, с. 68]. Два кельта из клада близ Упорной — первые такие находки в регионе, что уже само по себе представляется примечательным событием, поскольку увеличивают число качественно новых важнейших источников по эпохе поздней бронзы Северного Кавказа.

Круг аналогий кельту-теслу с одним лобным ушком (рис. 2, *4а—б*) территориально и количественно более узок, чем у кельтов третьего и четвертого типов, но четко определен. По мнению Е. Н. Черных, данный тип более всего характерен для региона Волго-Уралья. Причисляя его к «своеобразным типам» инвентаря мощного приказанского металлургического очага, исследователь справедливо подчеркнул наличие в нем наследия сейминско-турбинского пласта древностей [36, с. 93, 94, 116, 118]. По морфологическим признакам кельт-тесло из Упорной вполне согласуется с диагностикой класса асимметричных кельтов без «пещерки» с лобным ушком [36, с. 57, 58, рис. 48, *24—27*], характерных для предананьинского времени [36, с. 105]. Массовые и типологически точные аналогии (валик по краю втулки, орнамент в виде заштрихованных треугольников, опущенных вершинами вниз, рельефные «усики» около ушка) публикуемый кельт-тесло находит в памятниках атабаевского этапа (XII—XI вв. до н. э.) приказанской культуры [26, с. 45]. Особенно близок экземпляр из Альменева, отличающийся от анализируемого лишь отсутствием выступов на краю втулки [26, с. 87, табл. 45, *3*]. Можно упомянуть также близкий по форме кельт из сел. Кочневка в Зауралье [36, с. 58, рис. 48, *26*].

На Северном Кавказе известна всего одна находка кельта-тесла, обнаруженного в начале XX в. в округе Майкопа, но при сравнении с экземпляром из Упорной очевидны различия в деталях. А. А. Иессен отнес майкопский кельт к ананьинскому типу [1, с. 87—88, рис. 13]. В настоящее время благодаря накопленному и систематизированному большому материалу по культурам эпохи бронзы Поволжья и Урала кельт-тесло из Майкопа определяется более точно. Как и публикуемый, он характерен для предананьинского горизонта, но более поздней поры, чем кельт из клада в Упорной. Ряд аналогий в Поволжье сближают его

[3] Об этом красноречиво свидетельствует хронологическая таблица, продемонстрированная В. С. Бочкаревым в докладе «Состав кладов эпохи поздней бронзы (по материалам Северного Причерноморья)» на заседании сектора Средней Азии и Кавказа ЛОИА, посвященном памяти А. А. Иессена, 4—6 июня 1984 г.

с экземплярами маклашевского этапа (XI—IX вв. до н. э.) приказанской культуры [26, с. 47, табл. 49, *6—9*].

Появление на Северном Кавказе протоананьинских асимметричных кельтов-тесел — отзвук культурных связей и взаимодействия населения сабатиновско-белозерского и предананьинского круга, одним из проявлений которых был процесс частичного замещения и развития типов изделий. Наиболее активный период этого процесса, судя по всему, падает на XII в. до н. э. [36, с. 103, 105]. Как свидетельство этого процесса любопытен факт сопряженности кельта-тесла и кельта «киммерийского» типа из Девликеева, между прочим, упоминаемый А. Х. Халиковым и как доказательство раннего бытования кельтов-тесел данного типа [26, с. 45]. Клад из ст. Упорной — второй случай совместного нахождения двух таких типов вещей, причем очень схожих морфологически с парой из Девликеево. Подобная повторяемость — важное свидетельство не только включения в орбиту производственно-культурных отношений в Волго-Уралье северокавказских мастеров-металлургов, но и доказательство возможной синхронности обоих памятников на коротком историческом отрезке.

О реальности абсолютной даты этого отрезка, видимо, в пределах XII в. до н. э. свидетельствует анализ третьей группы вещей клада из Упорной: бронзового топора-секиры и крупной бляхи-умбона (рис. 1, *3*, *5*). Оба изделия, вне сомнения, связаны морфологически с аналогичными предметами в памятниках эпохи бронзы Центральной Европы. Типологически и по составу металла бляха-умбон была прямым импортом. Великолепная парадная секира, видимо, изготовлена на месте по оригиналу, детали формы которого были еще весьма приближенными к исходным образцам Подунавья.

Феноменален сам по себе факт обнаружения в северокавказских древностях топора-секиры указанного типа (рис. 4, *3*). Подобные топоры с рифленой трубчатой рукояткой (рис. 1, *4*), так называемого крендорфского типа (или типа Кртенов, по А. Можолич),— одно из диагностирующих изделий конца эпохи средней бронзы (XV — начала XIV в. до н. э.) Среднего Подунавья [37, с. 24—33, рис. 3, табл. 9, *3а—с*, 13, *1а—в*, 14, *1*, 21]. Типология и хронология их обстоятельно разработана А. Можолич, которая отнесла их к группе венгерских бронз Хайдушамшон-Апа (период B IIIa), но допускает некоторое доживание поздних модификаций и в последующем предкосидерском горизонте, обозначенном ею как фаза B IIIв [37, с. 32, 121—126]. Г. Мюллер-Карпе в одной из последних работ вновь подтвердил эти соображения, в том числе и точку зрения об истоках этого оружия в области Среднего Дуная [38, с. 53—54, рис. 31].

Топор-секира из клада Упорной не тождествен венгерским образцам, но тем не менее в нем достаточно отчетливы признаки предметов, выделенных А. Можолич в тип B [37, с. 25, рис. 3, *в—с*]. Если же быть более точными, то изделие несет в себе черты синкретизма, характерного вообще для предметов переходных эпох [39, с. 114]. Форма его соединяла в себе черты топора крендорфского типа разновидности A (рукоятка с расширенной плоской шляпкой на конце) и разновидности B (пропорции и орнаментация), а также признаки, характерные для кавказских топоров колхидо-кобанского облика (широкое орнаментированное лезвие с закругленным рабочим краем и обух с выпуклой пяткой, как у топоров верхнекубанского варианта). Таким образом, непосредственная синхронизация публикуемой секиры со среднедунайскими невозможна, поскольку она очевидный дериват, одна из позднейших разновидностей данного типа топоров и наиболее удаленная в восточном направлении находка. Датировка такого рода предметов чрезвычайно затруднительна, поскольку период трансформации остается всегда гадательным. Тем не менее ряд косвенных соображений позволяет видеть в топоре-секире свидетельство относительно раннего периода формирования клада из Упорной. Не подлежит сомнению, что это было время, когда металлурги Северного Кавказа еще не забыли полностью традиции и навыки брон-

золитейного дела эпохи средней бронзы, но уже овладели новыми навыками и формами, характерными для эпохи поздней бронзы. Логично предположить, что это время вероятнее всего совпадает с концом сабатиновского этапа (или культуры), синхронного, как становится теперь ясно, с ранней Кобанью. Именно на этом хронологическом отрезке скорее всего могла произойти встреча самых поздних пережиточных элементов среднебронзовой культуры и самых ранних, получивших дальнейшее развитие на белозерской ступени, что в абсолютных цифрах обозначает на современном уровне знаний примерно середину XII в. до н. э.

Этим временем мы и позволим себе датировать топор-секиру из клада Упорной. Оно вполне согласуется с периодом бытования в памятниках Карпато-Дунайского бассейна другого чуждого северокавказским культурам предмета из клада — массивной бляхи-умбона с острой выступающей вершиной (рис. 1, *5*; рис. 4, *4*). Так же как и секира, она впервые найдена на Северном Кавказе, но в отличие от нее имеет бесспорные прямые и морфологические, и хронологические, и технологические параллели в кладах эпохи поздней бронзы периодов ВД и HaA_2 на территории Трансильвании и Среднем Дунае. Наиболее близки публикуемой бляхи из кладов группы Опай BIVв (около XII в. до н. э.) [40, с. 115]. Например, клад из Чехалут в Венгрии [40, с. 154—155, табл. 49, *1—3*] или в одновременных ему трансильванских кладах XIII—XII вв. до н. э. Корнутель и Доманешты [41, с. 51, табл. 36, *1*, 46, *4*]. Наиболее поздние и в общем-то морфологически заметно отдаленные экземпляры блях, которые лишь с натяжкой могут быть сопоставлены с публикуемой, также не выходят за пределы периодов $HaA_2 - HaB_1$ (клады Белин, Кендереш, Латекер) [41, с. 125, табл. 301, *4*; 42, с. 96, 171, 176, табл. CXCII, *13*, CXCIX, *6*].

Таким образом, все закавказские, восточноевропейские, в том числе северопричерноморские, а также центральноевропейские аналогии, приведенные для каждого предмета из клада близ Упорной, позволяют высказать мнение, что время бытования их охватывает широкие рамки в пределах XIII—X вв. до н. э. Однако учитывая, что большинство предметов, таких, как топоры, секира, кинжал, кельты четвертого типа, бляха-умбон, не встречаются в памятниках позднее рубежа II—I тыс. до н. э., можно предполагать, что время зарытия клада относится к белозерскому этапу, скорее к ранней его стадии, чем поздней, т. е. где-то в пределах конца XII — самого начала XI в. до н. э.

Значение нового комплекса трудно переоценить, поскольку все его возможности еще недостаточно изучены и исчерпаны. Но даже то, что лежит на поверхности, говорит о многом. Фактически перед нами еще одно ценное свидетельство прямых контактов между Северным Кавказом и Средней Европой в конце II тыс. до н. э. Наука располагает практически вторым после Бородинского клада источником, который увязывает в прочный узел культурные элементы трех больших регионов: Кавказа, Поволжья и Центральной Европы.

Неоценимое значение имеет эта находка для дальнейшего изучения кобанской культуры, в особенности для разработки хронологии ее наиболее раннего этапа. Благодаря кладу из Упорной, открылась впервые серия предметов, на Кавказе до настоящего времени неизвестная или известная недостаточно (секира, бляха, кельты третьего типа, раннекобанский кинжал). Наконец, нельзя не признать, что основательно поколеблена традиция рассматривать ряд однотипных с северопричерноморскими изделий, найденных на Кавказе, как наиболее поздние среди остальных. Вопросы синхронизации материалов эпохи поздней бронзы Центрального Кавказа с Центральной Европой через Восточную Европу получили новые аргументы.

Клад из Упорной связывает воедино разрозненные данные о восточно- и центральноевропейских культурных импульсах на Кавказе во второй половине II тыс. до н. э. и открывает существование систематических и постоянных взаимоотношений между этими регионами в эпоху поздней бронзы.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Шессен А. А.* Прикубанский очаг металлургии и металообработки в конце медно-бронзового века.— МИА, 1951, № 23.
2. *Козенкова В. И.* О границах западного варианта кобанской культуры.— СА, 1981, № 3.
3. *Крупнов Е. И.* Материалы по археологии Северной Осетии докобанского периода.— МИА, 1951, № 23.
4. *Козенкова В. И.* Типология и хронологическая классификация предметов кобанской культуры. Восточный вариант.— САИ, 1982, вып. В2-5.
5. *Шессен А. А.* К вопросу о древнейшей металлургии меди на Кавказе.— Изв. ГАИМК, 1935, вып. 120.
6. *Чартолани Ш. Г.* Археологические памятники эпохи бронзы из Сванетии. Каталог. Тбилиси: Изд-во АН ГССР, 1977, вып. 1 (на груз. яз.).
7. *Черных Е. Н.* Древняя металлообработка на Юго-Западе СССР. М.: Наука, 1976.
8. *Трапш М. М.* Памятники эпохи бронзы и раннего железа в Абхазии.— В кн.: *Трапш М. М.* Труды. Т. I. Сухуми: Алашара, 1970.
9. *Коридзе Д. Л.* К истории колхской культуры. Тбилиси: Мецниереба, 1965 (на груз. яз.).
10. *Куфтин Б. А.* К вопросу о древнейших корнях грузинской культуры на Кавказе по данным археологии.— Вестн. ГМГ, 1944, т. XII-B.
11. *Замятнин С. Н.* Работы на строительстве КСУ в Кисловодске.— Изв. ГАИМК, 1935, вып. 109.
12. *Егоров Н. М.* Могильник на р. Эшкакон.— КСИИМК, 1958, вып. 64.
13. *Козенкова В. И.* Обряд кремации в кобанской культуре Кавказа.— СА, 1982, № 3.
14. *Сафронов В. А.* Датировка Бородинского клада.— Пробл. археологии. Л., 1968, вып. 1.
15. *Тереножкин А. И.* Киммерийцы. Киев: Наук. думка, 1976.
16. *Лесков А. М.* Курганы: находки, проблемы. М.: Наука, 1981.
17. *Бочкарев В. С.* Развитие общества и прогресс систем вооружения (по материалам поры поздней бронзы юга Восточной Европы).— В кн.: Культурный прогресс в эпоху бронзы и раннего железа. Тез. докл. Всесоюзного симпозиума, посвященного 60-летию образования СССР. Ереван: Изд-во АН АрмССР, 1982.
18. *Черных Е. Н.* Клад из Констанцы и вопросы балкано-кавказских связей в эпоху поздней бронзы.— СА, 1981, № 1.
19. *Черняков И. Т.* Северо-Западное Причерноморье во второй половине II тыс. до н. э. Киев: Наук. думка, 1985.
20. *Сафронов В. А.* Хронология бронзового века степных районов бассейна Кубани.— В кн.: X Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа (тез. докл.). М., 1980.
21. *Воронов Ю. Н.* Археологическая карта Абхазии. Сухуми: Алашара, 1969.
22. *Воронов Ю. Н., Вознюк А. С.* Новые археологические находки в Гудаутском районе Абхазской АССР.— СА, 1975, № 2.
23. *Воронов Ю. Н.* О хронологических связях киммерийско-скифской и колхидской культур.— В кн.: Скифия и Кавказ. Киев: Наук. думка, 1980.
24. *Крупнов Е. И.* Древняя история Северного Кавказа. М.: Изд-во АН СССР, 1960.
25. *Bočkarev V. S., Leskov A. M.* Jung- und spätbronzezeitliche Gußformen im nördlichen Schwarzmeergebiet.— In: Prähistorische Bronzefunde. Abb. XIX, B. 1. München, 1980.
26. *Халиков А. Х.* Приказанская культура.— САИ, 1980, вып. В1-24.
27. *Анфимов Н. В.* Протомеотский могильник с. Николаевского.— МАД, 1961, т. II.
28. *Лесков А. М.* О северопричерноморском очаге металлообработки в эпоху поздней бронзы.— В кн.: Памятники эпохи бронзы юга европейской части СССР. Киев: Наук. думка, 1967.
29. *Leskov A. M.* Jung- und spätbronzezeitliche Depotfunde im nördlichen Schwarzmeergebiet I (Depots mit einheimischen Formen).— In: Prähistorische Bronzefunde, Abb. XX, B. 5. München, 1981.
30. *Нечитайло А. Л.* Новые находки эпохи поздней бронзы в Ставропольском крае.— КСПА, 1971, вып. 127.
31. *Даутова Р. А., Дударев С. Л., Власова Т. Н.* К изучению материалов рубежа II—I — начала I тысячелетия до н. э. из плоскостной Чечено-Ингушетии.— В кн.: Новые памятники эпохи бронзы в Чечено-Ингушетии.- Грозный: Чеч.-Инг. кн. изд-во, 1982.
32. *Мелюкова А. И.* О датировке и соотношении памятников начала железного века в лесостепной Молдавии.— СА, 1972, № 1.
33. *Лапушнян В. Л.* Ранние фракийцы X — начала IV в. до н. э. в лесостепной Молдавии. Кишинев: Штиинца, 1979.
34. *Patek E.* Die Urnenfelderkultur in Transdanubien. Budapest, 1968.
35. *Шарафутдинова Э. С.* Памятники предскифского времени на Нижнем Дону (кобяковская культура).— САИ, 1980, вып. В1-11.
36. *Черных Е. Н.* Древнейшая металлургия Урала и Поволжья. М.: Наука, 1970.
37. *Mozsolics A.* Bronzefunde des Karpatenbeckens. Budapest, 1967.
38. *Müller-Karpe H.* Zur altbronzezeitlichen Geschichte Europas.— In: Jahresbericht des Instituts für vorgeschichte der Universität Frankfurt a. M., 1977. München, 1978.
39. *Козенкова В. И.* Синкретизм материальных форм как проявление культурного прогресса (на примерах кобанской культуры Кавказа).— В кн.: Культурный

прогресс в эпоху бронзы и раннего железа. Тез. докл. Всесоюзного симпозиума, посвященного 60-летию образования СССР. Ереван: Изд-во АН АрмССР. 1982.
40. *Mozsolics A.* Bronze- und Goldfunde des Karpatenbeckens (Depotfundhorizonte von Forró und Ópályi). Budapest, 1973.
41. *Petrescu-Dîmboviţa M.* Depozitele de bronzuri din România. Bucureşti, 1977.
42. *Kemenczei T.* Die Spätbronzezeit Nordostungarns. Budapest, 1984.

A. Z. Aptekarev, V. I. Kozenkova

A HOARD FROM THE VILLAGE OF UPORNAYA DATED TO THE LATE BRONZE EPOCH

Summary

A hoard dated to the Late Bronze Epoch was found by chance near the Chamlyk river (north-western Caucasus), at the village of Upornaya, the Krasnodar Area, in 1984. It consisted of 12 bronze objects, mainly weapon (Figs. 1-4), which formed three groups according to their origin: 1. Caucasian objects; 2. objects typical for a vast region of south-eastern Europe from the Northern Pontic area to the Volga basin and the Ural; 3. objects that came from Central Europe. A detailed analysis permitted a surmise that the hoard had been hidden between the late 12th and the early 11th centuries, though there were earlier artifacts in it. The rare combination in the hoard of objects from three regions of metalmaking provides an opportunity to synchronise materials of the Late Bronze Epoch originating from them. The hoard is also extremely important for making the periodisation of the early stage of Koban culture in the Northern Caucasus more precise.

Chemical analysis performed in the laboratory of the Institute of Archaeology of the USSR AS by E. Chernykh and S. Kuzminykh opens up fresh prospects for reconstructing ties between the Caucasus and the Carpathian-Danube basin.

Е. Н. ЧЕРНЫХ, С. В. КУЗЬМИНЫХ

ХИМИЧЕСКИЙ СОСТАВ МЕТАЛЛА КЛАДА У СТАНИЦЫ УПОРНОЙ

Уникальное сочетание типов бронзовых изделий из клада у ст. Упорная подчеркивает особую важность исследования химического состава металла этого комплекса. Его спектральный анализ был проведен в лаборатории естественно-научных методов ИА АН СССР (табл. 1). Коллекция клада (12 предметов) изучена полностью, однако количество анализов составляет 16, поскольку у ряда предметов пробы брались из разных частей: у кинжала с рукояти (ан. 36881) и клинка (ан. 36882), у топора-секиры — с клина орудия (ан. 36887) и трубчатой втулки (ан. 36886), у бляхи — с пластины (ан. 36891), грибовидного «навершия» (ан. 36892) и внутренней петли (ан. 36893).

Анализ выявил весьма существенное для такой небольшой коллекции разнообразие химического состава бронз. Это, правда, в большей степени касается т. н. металлургических или — точнее — химико-металлургических групп металла, определяющих рецепты сплавов, но за ними прослеживаются и исходные районы выплавки металла. Выделяются три основные группы такого рода: мышьяковые, оловянно-мышьяковые и оловянные бронзы. Из мышьяковых бронз отлиты топоры, кинжал и тесло (ан. 36881, 36882, 36884, 36885, 36890). Концентрации мышьяка в меди довольно высоки и колеблются в узких пределах 4—6%. К ним примыкают и условные мышьяковые бронзы, из которых отлиты клин и втулка топора-секиры (ан. 36886, 36887); содержания мышьяка здесь существенно ниже и равны в обоих случаях 1%. Эту небольшую группу мы отчленяем еще и по причине заметного своеобразия иных примесей к меди этого изделия. Из оловянных бронз отлиты все детали бляхи:

Шифр	Предмет	Рис.	Cu	Sn	Pb	Zn
	Кинжал					
36 881	рукоять	3, *7*	осн.	0,007	0.05	?
36 882	клинок	»	»	0,025	0,1	0,7
36 884	Топор	3, *6*	»	0,007	0,025	?
36 885	Тесло	4, *2*	»	0,025	0,02	—
	Секира					
36 886	втулка	4, *3*	»	0,2	0,015	0,15
36 887	тулово	»	»	0,17	0,025	—
36 888	Наконечник копья	3, *2*	»	10,0	0,03	?
36 889	»	3, *1*	»	3,5	0,1	—
36 890	Топор	3, *5*	»	0,035	0,1	?
	Бляха					
36 891	основание	4, *4*	»	12,0	0,2	?
36 892	«навершие»	»	»	10,0	0,2	—
36 893	петля	»	»	9,0	1,0	?
36 894	Кельт	4, *1*	»	8,0	0,2	—
36 895	»	4, *5*	»	1,6	0,1	?
36 896	»	3, *4*	»	1,3	0,08	?
36 897	»	3, *3*	»	4,0	0,1	—

наибольшие концентрации олова (12%) зафиксированы в ее пластине; в «навершии» и петле содержания этого элемента несколько ниже (9 и 10%). Мышьяка в этом украшении немного — от 0,15 до 0,35%. В противоположность этому примесь мышьяка в сплавах, из которых отливали наконечники копий (ан. 36888 и 36889) и кельты (ан. 36894—36897) существенно выше — от 1,2 до 3%. Этот металл мы относим к группе оловянно-мышьяковых бронз, где концентрации олова колеблются в весьма широких пределах от 1,3 до 10%; при этом в двух случаях у кельтов (ан. 36895 и 36896) содержания мышьяка в сплаве превышают концентрации олова.

Комбинаторика всех прочих примесей к металлу внутри каждой из трех (или четырех) химико-металлургических групп отличается заметным сходством. Разброс значений концентраций их в пределах намеченных группировок, как правило, невелик[1], что указывает на употребление в случае каждой из предполагаемых совокупностей весьма близкого по химическому составу металла. За недостатком места мы вынуждены ограничиться лишь кратким изложением выводов о наиболее близких аналогах для намеченных группировок в различных районах Кавказа и Восточной Европы.

Данные химико-металлургические группировки весьма четко соотносятся с морфологическим членением всех изделий клада из Упорной. Так, изделия, отлитые из безусловных мышьяковых бронз, принадлежат северокавказским типам орудий (топоры, кинжал, тесло). Химический состав их металла позволяет еще более сузить вероятный район их изготовления — Прикубанье, где архаичные мышьяковые бронзы господствовали вплоть до позднебронзового века [1, с. 80, 81; 2, с. 150—154], а оловянные — встречались существенно реже. Все орудия — кельты и наконечники копий, отлитые из оловянно-мышьяковых бронз, также достаточно четко соотносятся с морфологией продукции постсейминских очагов Евразийской металлургической провинции. Также достаточно хорошо набор примесей к бронзам этого типа соответствует характеристикам т. н. волго-камской группы (ВК), распространенной в пределах Евразийской металлургической провинции от Зауралья до Поднепровья

[1] К сожалению, мы не имеем возможности в настоящей заметке опубликовать графики корреляционной взаимозависимости концентраций различных элементов-примесей к меди клада, где это может быть продемонстрировано особенно наглядно.

Таблица 1

анализа клада из ст. Упорной

Bi	Ag	Sb	As	Fe	Ni	Co	Au
0,012	0,2	0,06	4,5	0,25	0,065	0,012	<0,001
0,012	0,2	0,15	5,5	0,055	0,12	~0,008	<0,001
0,01	0,15	0,12	6,0	<0,02	0,08	0,02	0,001–0,003
0,009	0,15–0,2	0,085	5,5	0,03	0,07	~0,0015	<0,001
0,003	0,15–0,2	0,15	1,0	0,035	0,15	~0,002	0,001–0,003
0,0035	0,15–0,2	0,09	1,0	0,09	0,12	~0,003	0,001–0,003
0,008	0,2	0,09	1,2	<0,02	0,045	~0,003	<0,001
0,009	0,15–0,2	0,25	1,5	0,025	0,18	~0,003	0,003–0,01
0,012	0,2	0,5	4,0	<0,02	0,09	~0,003	0,001–0,003
0,015	0,15	0,4	0,3	0,5	0,35	0,03	0,001–0,003
0,012	0,12	0,4	0,35	0,75	0,25	0,015	0,001–0,003
0,008	0,045	0,35	0,15	0,4	0,3	0,015	<0,001
0,05	0,2	0,3	2,5	0,7	0,25	~0,009	0,003–0,01
0,006	0,2	0,12	3,0	<0,02	0,12	~0,006	<0,001
0,006	0,15–0,2	0,7	2,5	<0,02	0,12	~0,004	0,003–0,01
0,006	0,15	0,12	2,5	0,045	0,15	~0,008	0,003–0,01

[3, с. 62, рис. 26]. Бляха по своей форме отвечает многообразным вариантам, распространенным в периоды от эпохи бронзы до гальштата в кладах Карпат [5, табл. 22, *18*, 31, 144, *6*, и др.; 6, табл. 18, *1*, *2*, и др.]. В это время там безраздельно господствуют оловянные бронзы т. н. карпатотрансильванской химической группы (КТ), с которой очень четко сопоставляется химический состав всех трех деталей бляхи [3, с. 27 и сл.]. Известное противоречие наблюдается лишь между химическим составом топора-секиры и карпато-центральноевропейских аналогичных изделий (более ранних по сравнению с прочими предметами из Упорной), датируемых временем Хайдушамшон-Апа и косидерским [7, рис. 3, *В*, рис. 4, табл. 9, *3*; 8, с. 340, рис. 90, *8*]. С этого времени не только в Карпатах, но и в Центральной Европе оловянные бронзы становятся практически единственным типом сплава [9, с. 185–204], а медно-мышьяковые сплавы (даже условные, как в исследуемом нами случае), по крайней мере, среди аналогичных типов оружия там практически неизвестны. По ряду других примесей к меди топор-секира занимает в изученной коллекции на корреляционных полях либо краевое (свинец, висмут), либо промежуточное положение (мышьяк, олово). Оснований для надежного сопоставления этого сплава с одной из известных химико-металлургических групп пока что мало (хотя к прикубанскому металлу он и ближе всего).

Итак, редкая специфичность морфологического сочетания изделий в комплексе из Упорной находит свое полное соответствие в химическом составе клада. Перед нами коллекция, где представлены различные — мышьяковые, оловянно-мышьяковые и оловянные — бронзы, происходящие явно из весьма удаленных друг от друга горно-металлургических областей. Таковых намечается не менее трех: Кавказ (а в более узком значении — Прикубанье), вероятно, Урал или даже Казахстан, а также, по всей видимости, Карпаты. Металл топора-секиры не позволяет с той же определенностью говорить о районе его происхождения.

Тип топоров, кинжала и тесла, отлитых из мышьяковых бронз вряд ли может вызвать сомнения в местном (прикубанском) изготовлении данных орудий. Невзирая на химический состав оловянно-мышьяковых бронз и форму кельтов, соответствующих более северным образцам, мы полагаем, что они также могли быть отлиты в области Прикубанья. На это указывают заметные морфологические особенности исследованных топоров-кельтов: общая массивность орудий, квадратное в одном случае се-

чение втулки, удлиненный венчик самой втулки и некоторые другие см., например, [3, с. 87, 88, рис. 39, типы К-70 и 72]. По набору этих признаков они несколько отличаются от своих северных прототипов, встречаемых в степной и лесостепной зонах Восточной Европы. Наконечники копий такого морфологического своеобразия уже не обнаруживают.

В заключение заметим, что по столь необычному сочетанию различных морфологических и химико-металлургических групп небольшой клад из ст. Упорной в настоящее время не имеет себе равных среди восточноевропейских и кавказских комплексов не только эпохи поздней бронзы, но пожалуй, и более ранних периодов. Отсюда и проистекает его чрезвычайная важность для решения вопросов синхронизации и культурно-экономических связей в Евразии в самом конце эпохи бронзы.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Черных Е. Н.* История древнейшей металлургии Восточной Европы. М.: Наука, 1966.
2. *Черных Е. Н.* О химическом составе металла Таманского клада.— СА, 1980, № 2.
3. *Черных Е. Н.* Древняя металообработка на Юго-Западе СССР. М.: Наука, 1976.
4. *Черных Е. Н.* Древнейшая металлургия Урала и Поволжья. М.: Наука, 1970.
5. *Petrescu-Dîmboviţa M.* Depozitele de bronzuri din România. Bucureşti, 1977.
6. *Mozsolics A.* Bronze- und Goldfunde des Karpatenbeckens. Depotfundehorizonte von Forró und Ópályi. Budapest, 1973.
7. *Mozsolics A.* Bronzefunde des Karpatenbeckens. Budapest, 1967.
8. Pravěké dějiny Čech. Praha, 1978.
9. *Schubert E., Schubert F.* Spektralanalytische Untersuchungen von Hort- und Einzelfunden der Periode B III.— In: Mozsolics A. Bronzefunde des Karpatenbeckens. Anhang. Budapest, 1967.

А. И. КУБЫШЕВ, И. Т. ЧЕРНЯКОВ

ГРУНТОВОЙ МОГИЛЬНИК БЕЛОЗЕРСКОЙ КУЛЬТУРЫ У СЕЛА ЧЕРНЯНКА
(Херсонская обл.)

Одной из сложнейших тем, активно разрабатываемых в настоящее время, является проблема изучения памятников позднего бронзового века и перехода к эпохе раннего железа. В степях Северного Причерноморья это относится главным образом к исследованию белозерских памятников, в которых одни видят конечный этап существования срубной культуры [1, с. 191; 2, с. 76; 3, с. 37], другие — дальнейшее развитие самостоятельной сабатиновской культуры и либо выделяют их в отдельную культуру, либо считают разнокультурными на разных территориях [4, с. 19; 5, с. 146; 6, с. 22—23; 7, с. 7; 8, с. 75; 9, с. 207]. От решения этого кардинального вопроса зависит успех поисков связующего звена в этом регионе между эпохой бронзы и железа, решение проблем этногенеза северопричерноморских племен (киммерийцев, скифов) и их связей с фракийским и индоиранским миром.

Важнейшее место в разработке культурно-хронологического осмысления белозерских памятников занимают грунтовые могильники, открытие которых началось сравнительно недавно и существование которых для этой эпохи в степях составляет особое явление и во многом объясняется связями с западными соседями [3, с. 37 и сл.]. В 1979 г. Херсонская новостроечная экспедиция Института археологии АН УССР при исследовании курганного могильника эпохи бронзы и скифского времени у с. Чернянка Каховского р-на Херсонской обл. открыла второй по величине (после Широчанского) в Северном Причерноморье грунтовой могильник белозерского времени. Он располагался в 5 км на юго-восток от села на плато левого берега Черной Долины, пересекающей степи от низовий Днепра до Сиваша [10, с. 69].

Исследованный грунтовой могильник находился на юго-восточной окраине курганной группы, состоящей из семи курганов. Он был частично перекрыт насыпью более позднего скифского кургана 3, высота которого 0,7, диаметр — 25—35 м. Центральная часть насыпи кургана полностью перекрыла следующие погребения: 1,4—7, 9—12, 15, 16, 20, 23, 24 (рис. 1). Насыпь довольно четко законсервировала дневную поверхность грунтового могильника, не имевшего над погребальными ямами заметных насыпей. Все погребальные сооружения грунтового могильника зафиксированы только ниже уровня погребенной почвы под курганом, что является неоспоримым стратиграфическим доказательством сравнительной древности этого могильника. Погребение 12 частично разрушено при сооружении рва скифского кургана, а погребение 23 нарушено обвалившейся скифской катакомбой.

В могильнике насчитывается 24 погребальных ямы, расположенных в один ряд (за исключением двух случаев) по линии северо-запад — юго-восток. К северу от этой линии выступают погребения 3 и 24. Расстояния между погребальными сооружениями находятся в пределах от 1,0 до 2,5 м, за исключением погребения 2, удаленного от погребения 1 на 3,5 м, и погребения 22, расположенного в 4,5 м от 13. Погребение 7 находилось всего в 0,5 м от 23. Площадь грунтового могильника занимает около 620 м².

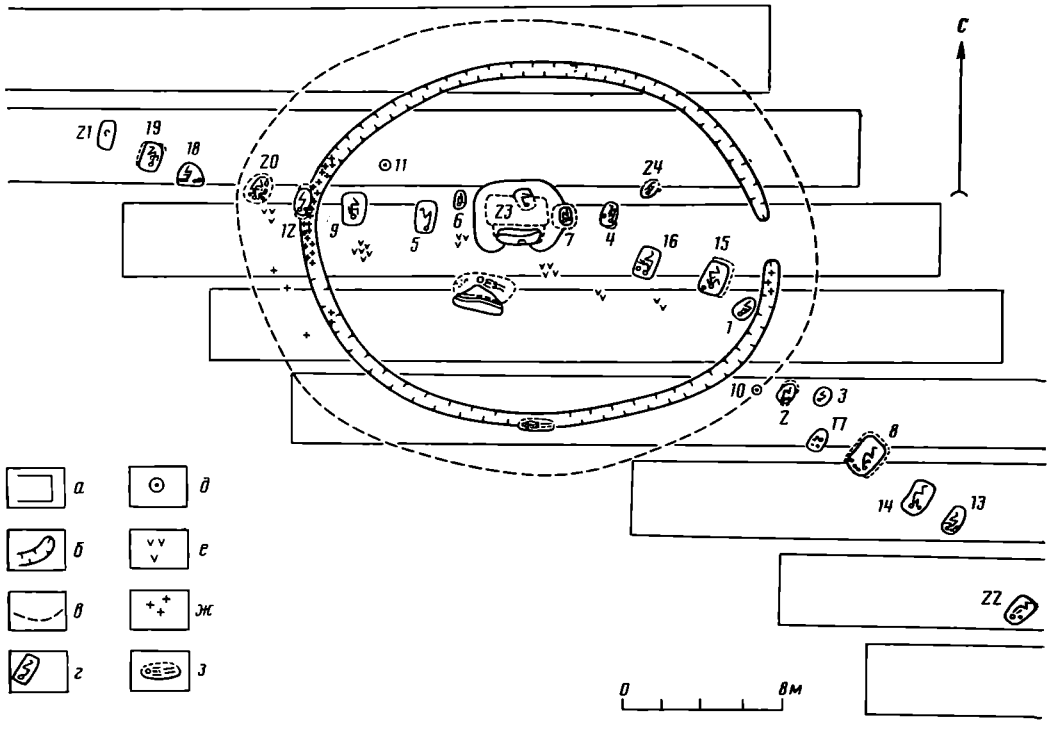


Рис. 1. План Чернянского грунтового могильника. *а* — раскопочные траншеи; *б* — ров скифского кургана; *в* — границы насыпи скифского кургана; *г* — погребения позднебронзового века; *д* — культовые ямы; *е* — находки лепной керамики (тризна); *ж* — обломки амфор; *з* — поздние погребения железного века

Все ямы вытянуты длинной осью по линии С—Ю, иногда с отклонениями к СВ—ЮЗ. Среди открытых экспедицией 24 ям (рис. 2—4) преобладают прямоугольные (12) и овальные (11). Как прямоугольные, так и овальные ямы различаются по своей конфигурации и соотношению основных параметров по длине, ширине и глубине. Среди прямоугольных в плане ям с закругленными углами выделяются узкие (погр. 12, 13, рис. 3, *2*, *3*) и приближающиеся к квадрату (погр. 9, 15, рис. 3, *1*, *5*). Ямы овальных очертаний также варьируют по форме от овала (погр. 24, рис. 4, 7) до почти круга (погр. 3, рис. 2, *3*). Первые из них являются, вероятно, прямым продолжением развития прямоугольных ям с закругленными углами. Как те, так и другие иногда расширены в южной части, где обычно находилась голова погребенного.

Все погребальные ямы можно разделить на пять типов: 1) прямоугольные с закругленными углами (с отвесными или скошенными во внутрь стенками); 2) овальные (с отвесными или скошенными вовнутрь стенками); 3) круглые; 4) прямоугольные с уступом овальной формы; 5) овальная в верхней части и прямоугольная в нижней части, колоколовидная в разрезе. Преобладают в могильнике ямы прямоугольной формы (60,9%), сравнительно меньше овальных (17,4%) и круглых ям (13%). Последние два типа представлены единичными случаями (погр. 7, рис. 2, *9*; погр. 20, рис. 4, *4*), хотя в действительности их количество могло быть гораздо большим, так как верхние части ям с уступами и резким сужением верхней части не прослежены (срезаны бульдозером). Часто контуры могильных ям четко определялись лишь в их нижней части. Распределение отдельных типов ям в планировке могильника как будто равномерное, и лишь круглые сосредоточены в его средней части. Из указанной типологии выпадает яма погребения 18, имеющая трапециевидную форму (рис. 3, 7). Очевидно, первоначальная форма ямы была нарушена при повторном захоронении.

Из других конструктивных особенностей погребальных сооружений необходимо отметить наличие деревянных перекрытий, остатки которых в виде деревянных плашек и тлена прослежены в засыпке и дне шести

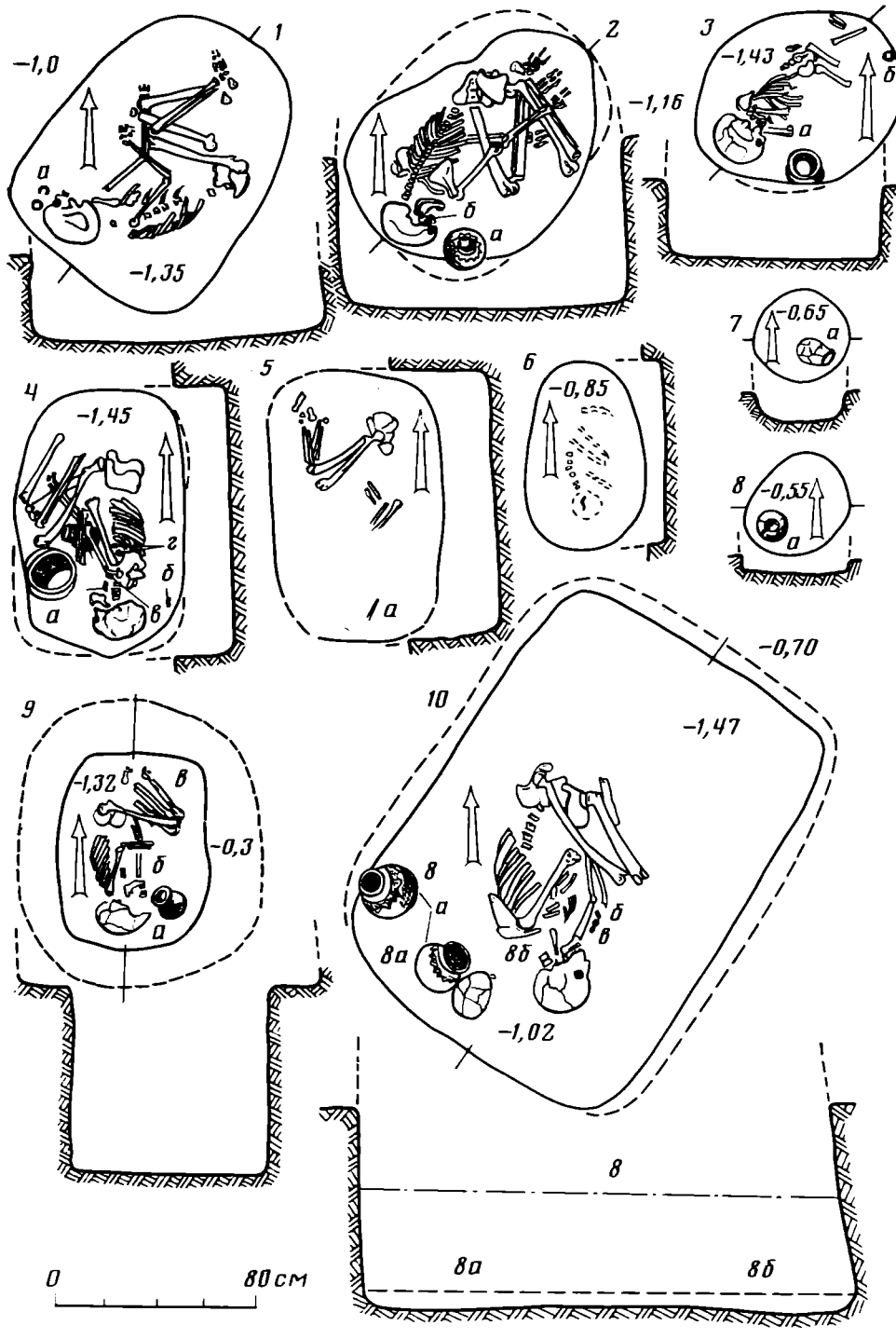


Рис. 2. Планы погребений Чернянского могильника. *1* — погр. 1 (*а* — височные кольца): *2* — погр. 2 (*а* — сосуд: *б* — височные кольца); *3* — погр. 3 (*а* — сосуд; *б* — бусина): *4* — погр. 4 (*а* — сосуды. *б* — бронзовые спирали. *в* — костяная пронзь, *г* — клешни краба); *5* — погр. 5 (*а* — бронзовая булавка); *6* — погр. 6; *7* — погр. 10 (*а* — сосуд): *8* — погр. 11 (*а* — сосуд); *9* — погр. 7 (*а* — сосуд. *б* — костяная подвеска; *в* — костяное лощило); *10* — погр. 8, 8а, 8б (*а* — сосуды, *б* — пронзь, *в* — костяная подвеска)

ям (погр. 1, 4, 7, 8, 15, 19). Бо́льшая часть этих ям имеет вертикальные стенки, что, возможно, указывает на причину перехода к ямам с узким устьем, не требующим значительного количества дерева для перекрытия.

В 10 погребениях отмечена черноземная подсыпка на дне, на которой располагались кости скелета (погр. 2, 4, 9, 13—16, 19, 24). В двух ямах наблюдалась вогнутость дна к центру. Не ясно назначение черноземной

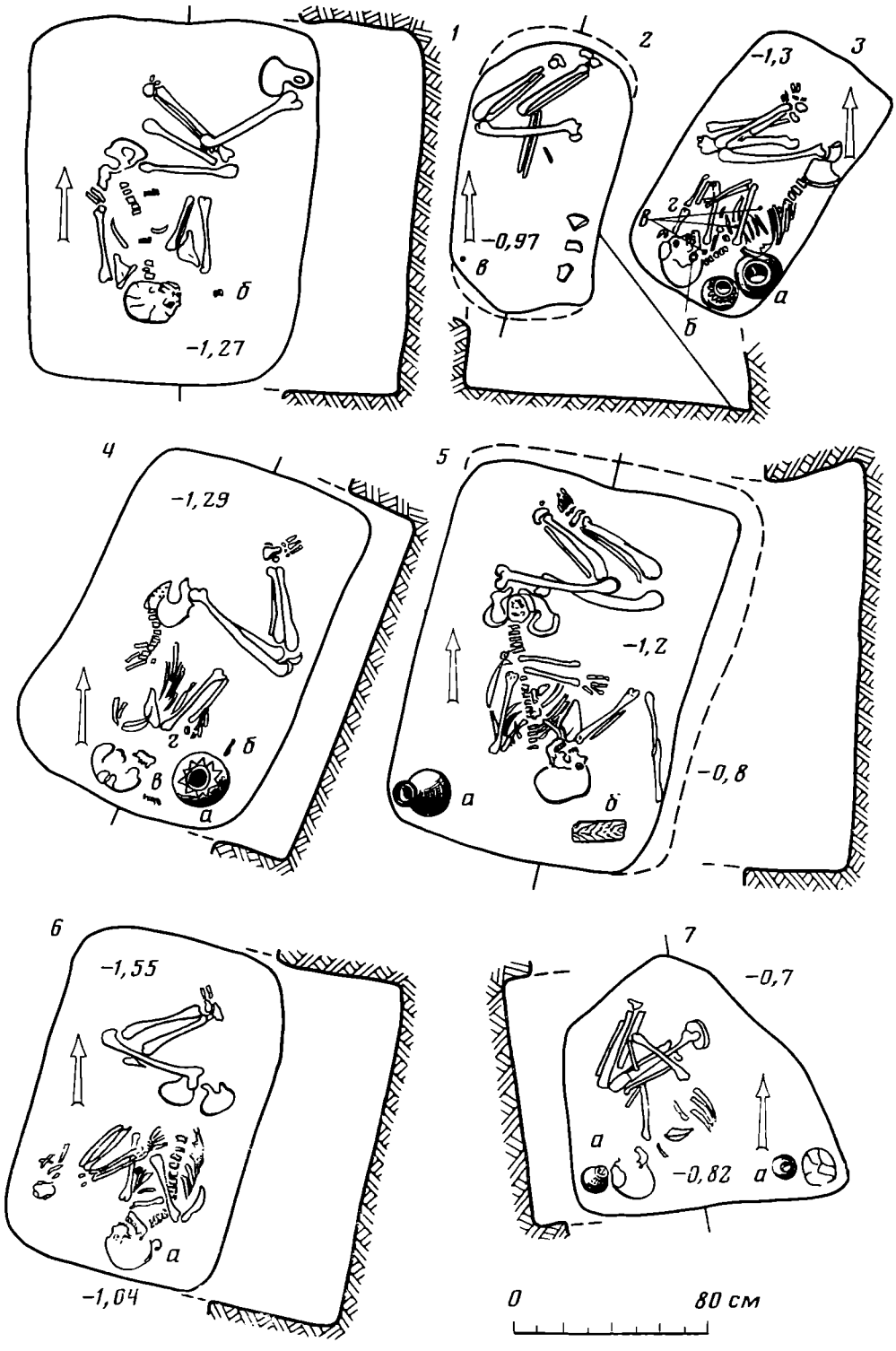


Рис. 3. Планы погребений Чернянского могильника. *1* — погр. 9 (*а* — бронзовая пронизь, *б* — бронзовая спираль); *2* — погр. 12 (*а* — сосуд, *б* — бронзовое шило, *в* — стеклянная бусина); *3* — погр. 13 (*а* — сосуды, *б* — височные кольца, *в* — бусины, *г* — жертвенные кости); *4* — погр. 14 (*а* — сосуд, *б* — костяная проколка, *в* — бронзовая спираль, *г* — астрагалы); *5* — погр. 15 (*а* — сосуд; *б* — дерево); *6* — погр. 16 (*а* — височные кольца, *б* — бусины); *7* — погр. 18 (*а* — сосуды)

подсыпки толщиной 2—3 см: случайность ли это или элемент погребального обряда?

Размеры ям различны. Площадь дна ям находится в следующих пределах: от 2,5 (погр. 8) до 0,3 м², а у круглых ям (10 и 11) — 0,1 и 0,2 м². Ямы значительных размеров (от 1,8 до 1,9 м²) составляют 12,5%, большие (от 1,3 до 1,5 м²) — 16,7%, средние (от 0,6 до 1,1 м²) — 50%,

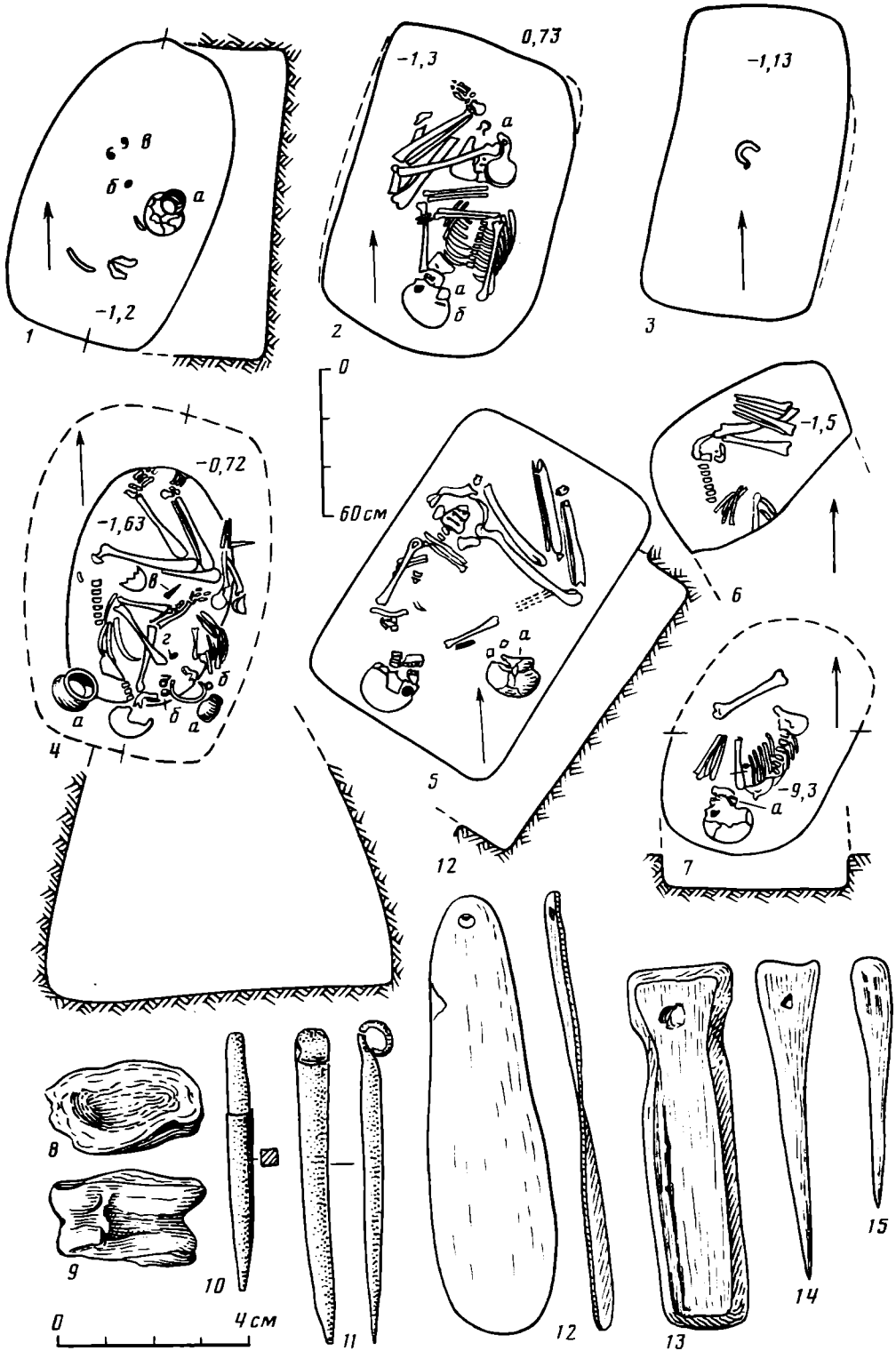


Рис. 4. Планы погребений и инвентарь Чернянского могильника. *1* — погр. 17 (*а* — сосуд, *б* — костяная пронизь, *в* — клешни краба); *2* — погр. 19 (*а* — височные кольца, *б* — бронзовая пронизь); *3* — погр. 21; *4*, *14* — погр. 20 (*а* — сосуды, *б* — височные кольца, *в* — костяная булавка, *г* — костяная пронизь); *5*, *13* — погр. 22 (*а* — сосуд, *б* — оселок); *6* — погр. 23; *7* — погр. 24 (*а* — височные кольца, *б* — бусина); *8*, *9*, *15* — погр. 14; *10* — погр. 12; *11* — погр. 5; *12* — погр. 7. *8*, *9*, *12*, *14*, *15* — кость; *10*, *11* — бронза; *13* — камень

маленькие (до 0,5 м²) — 20,8%. Причины столь значительного различия размеров погребальных сооружений, вероятно, зависят не только от половозрастных особенностей погребенных, но и от совершения парных погребений (16 и 20, рис. 3, *6*; 4, *4*), подзахоронения последующих погребений в одну яму (погр. 8, рис. 2, *10*). В последнем случае остается

невыясненным вопрос о том, была ли сразу сооружена яма соответствующих размеров или она расширена в процессе подзахоронения. В маленьких ямах (погр. 3, 6, 7, рис. 2, *3*, *6*, *9*) похоронены дети. Однако маленькие круглые ямки (10 и 11) по своим размерам вряд ли предназначались даже для младенцев, хотя в них и обнаружены глиняные сосуды, входящие в погребальный инвентарь.

Пропорции погребальных ям по соотношению размеров продольных и торцевых сторон также различны. Наиболее распространено соотношение с индексом от 1,3 до 1,6 (72,7%), а существенное отклонение в сторону удлинения (с индексом соотношения от 1,7 до 1,9—2,5) — всего 4,4%. Равносторонние или квадратные ямы (с индексом 1,0) представлены небольшим количеством (9,9%). Глубина ям колеблется от 0,4 до 1,5 м. Относительно глубокие ямы (от 1,0 до 1,5 м) составляют 33,3%, средние (от 0,6 до 1,0 м) — 41,6%, мелкие (до 0,55 м) — только две (10 и 11). Наблюдается определенная взаимосвязь между размерами ям и их глубиной (погр. 8, 15, 16), но нет совершенно никакой связи с их типами и пропорциями.

В подавляющем большинстве случаев ориентировка длинной оси ям и скелетов совпадает, за исключением погребения 8а и 15, когда скелеты лежат почти по диагонали ямы (рис. 2, *10*; рис. 3, *5*). Твердым правилом является положение скелета примерно посредине ямы в направлении длинной ее оси. Это дает возможность с достаточной степенью достоверности судить об ориентировке погребенных даже тогда, когда скелет сильно разрушен. В могильнике прослеживается довольно устойчивая ориентировка погребенного головой на юг с небольшим отклонением к юго-западу. Погребения с юго-юго-западной ориентировкой составляют 52,2%, с южной — 30,4%, с юго-западной — 13%, с юго-восточной — только одно (№ 23).

Сравнивая ориентировку погребальных ям и скелетов, можно заметить, что наиболее близкое совпадение наблюдается у погребений, расположенных рядом. Можно выделить несколько групп с весьма сходной ориентировкой погребений, расположенных близко друг к другу: I группа (ЮЮЗ) — погр. 21, 19, 18, 20, 12; II группа (Ю) — погр. 9, 5, 6, 7, 4; III группа (ЮЮЗ) — погр. 24, 16; IV группа (ЮЗ) — погр. 1, 2, 3; V группа (ЮЮЗ) — погр. 17, 14. 13, 22. Интересно, что в погребениях 8 и 15 совпадают с ориентировкой скелетов соседней группы направления длинных осей ям, а не захоронений, помещенных по диагонали по отношению к яме. Погребение 23 с ориентировкой на юг—юго-восток находится в группе с исключительно южной ориентировкой. Объяснение этому может быть двояким: либо захоронения производились в близкие друг от друга календарные сроки с ориентировкой их по солнцу, либо ориентировка последующих погребений производилась по рядом расположенной могиле. Погребения с ориентировкой на юг — юго-запад расположены в крайней северо-западной и юго-восточной частях могильника, а погребения с южной и юго-западной ориентировкой занимают его центральную часть.

Положение погребенных в могильнике стабильно: скорчены на левом (10) или правом боку (11). Исключением является парное погребение (20), в котором скелет ребенка вытянут на левом боку, а скелет взрослого скорчен.

Степень скорченности погребенных имеет различные варианты: от весьма сильной (когда ноги по отношению к туловищу согнуты под углом 30—35°, колени находятся на уровне грудной клетки, пятки поджаты к тазу) — 26,3%, сильной (при той же согнутости ног к туловищу пятки удалены от таза) — 21% — до нормальной (ноги согнуты по отношению к туловищу под прямым углом и в коленях под углом 50—45°) — 42,1% — и средней (ноги согнуты под тупым углом к туловищу) — 10,5%. В положении ног иногда наблюдается различная согнутость правой и левой ноги (погр. 2, рис. 2, *2*), сведение ног вместе (погр. 14, рис. 3, *4*).

Имеется несколько вариантов и в положении рук: наиболее часто они согнуты в локтях, находящихся у колен или бедра, и кистями положены

перед грудью, на грудь или к подбородку (50%), на живот (погр. 19, рис. 4, *2*), направлены к коленям (16,6%); одна рука вытянута к колену или бедру, а вторая согнута в локте и кистью положена перед животом или коленями (10,1%); одна вытянута, а вторая полусогнута и кистями направлена к бедру или пяткам (10,1%).

Случаи погребения в одной яме двух человек (погр. 16.20, рис. 3, *6*; рис. 4, *4*), имеющих различный возраст, судя по их положению относительно друг друга, позволяют рассматривать их как единовременные совместные погребения женщин и детей. Погребение 18 (рис. 3, *7*), где обнаружен череп и непотревоженный скелет, вероятнее всего, можно считать разновременными погребениями, где первичным является погребение с остатками только черепа, а более поздним — полностью сохранившееся погребение. Об этом как будто свидетельствуют не только отсутствие большей части костей первого скелета, необычность положения черепа в юго-восточном углу ямы, но и нарушение формы ямы в результате вторичного погребения. Не требует особых доказательств наличие вторичных захоронений в погребальной яме 8 (рис. 2, *10*), где три погребения находятся на разных уровнях и нижний скелет почти полностью разрушен средним. Значительные размеры ямы без следов нарушения стен во время вторичных захоронений заставляют предполагать, что ее размеры были заранее запланированы и предназначалась она, вероятно, для разновременных погребений членов одной семьи. Это своеобразный семейный склеп. Об этом косвенно свидетельствуют и сходство формы, размеров кубков из погребений 8 и 8а. Возможно, с перезахоронениями связаны погребения 17 и 21 (рис. 4, *1*, *3*), где и в одном и в другом находились только нижняя челюсть и несколько фрагментов трубчатых костей от скелета человека.

По определению С. И. Круц, к мужским относятся погребения 2, 9 и 15, при этом скелеты 2 и 15 принадлежат людям преклонного возраста (50—60 лет). В погр. 7 захоронен ребенок 5—7 лет, в погребении 8— подросток 10—12 лет. Все остальные погребения относятся к женским. В парных погребениях 16, 20, 12 погребены женщины с детьми от 2 до 5 лет. В погребениях с подзахоронениями наблюдается также различный возрастной состав: в погребении 8 захоронены подросток 10—12 лет (погр. 8) и женщина (погр. 8а) до 30 лет, в погребении 18 — ребенок и женщина.

В большинстве погребений, за исключением 6, 21, 23, обнаружен погребальный инвентарь: глиняная посуда, украшения из бронзы, кости, гешира, перламутра, хитина и стекла, немногочисленные орудия труда (рис. 4, *8—15*; рис. 5—8). Почти обязательное присутствие погребального инвентаря является одним из главных признаков белозерских могильников. Возможно, редким исключением являются детские погребения.

Количество инвентаря в каждом из погребений сравнительно невелико: чаще всего встречаются глиняная посуда и украшения. Сосуды находились в 15 погребениях, в том числе в двух (4 и 13) — по два. Кроме того, в парном погребении 20 при каждом из скелетов находилось по два сосуда, как и в разновременных погребениях могилы 8 и 18. Смысловая роль обряда положения нескольких сосудов для одного погребенного остается неясной. Вполне очевидно только, что большинству погребенных необходимо было ставить сосуды, игравшие какую-то особую роль в погребальных обычаях, связанных с заупокойной пищей либо с другими ритуалами. На сосудах фиксируются остатки какого-то темно-бурого вещества (20, рис. 6, 13), следы закопченности на боках или в нижней части (погр. 8б, рис. 6, *6*; погр. 4, рис. 6, *5*; погр. 17, рис. 6, *10*), происхождение которых может быть связано с их бытовым употреблением до совершения погребений либо с погребальными ритуалами. К ним имеют отношение и остатки тризны в виде находок фрагментов лепной нелощеной керамики (разбитых больших горшков), зафиксированных по южному краю могильника на уровне древней дневной поверхности на расстоянии не более 2 м от погребений. В 1 м к югу от погребения 19 находился развал большого мешковидного сосуда, дно которого имеет

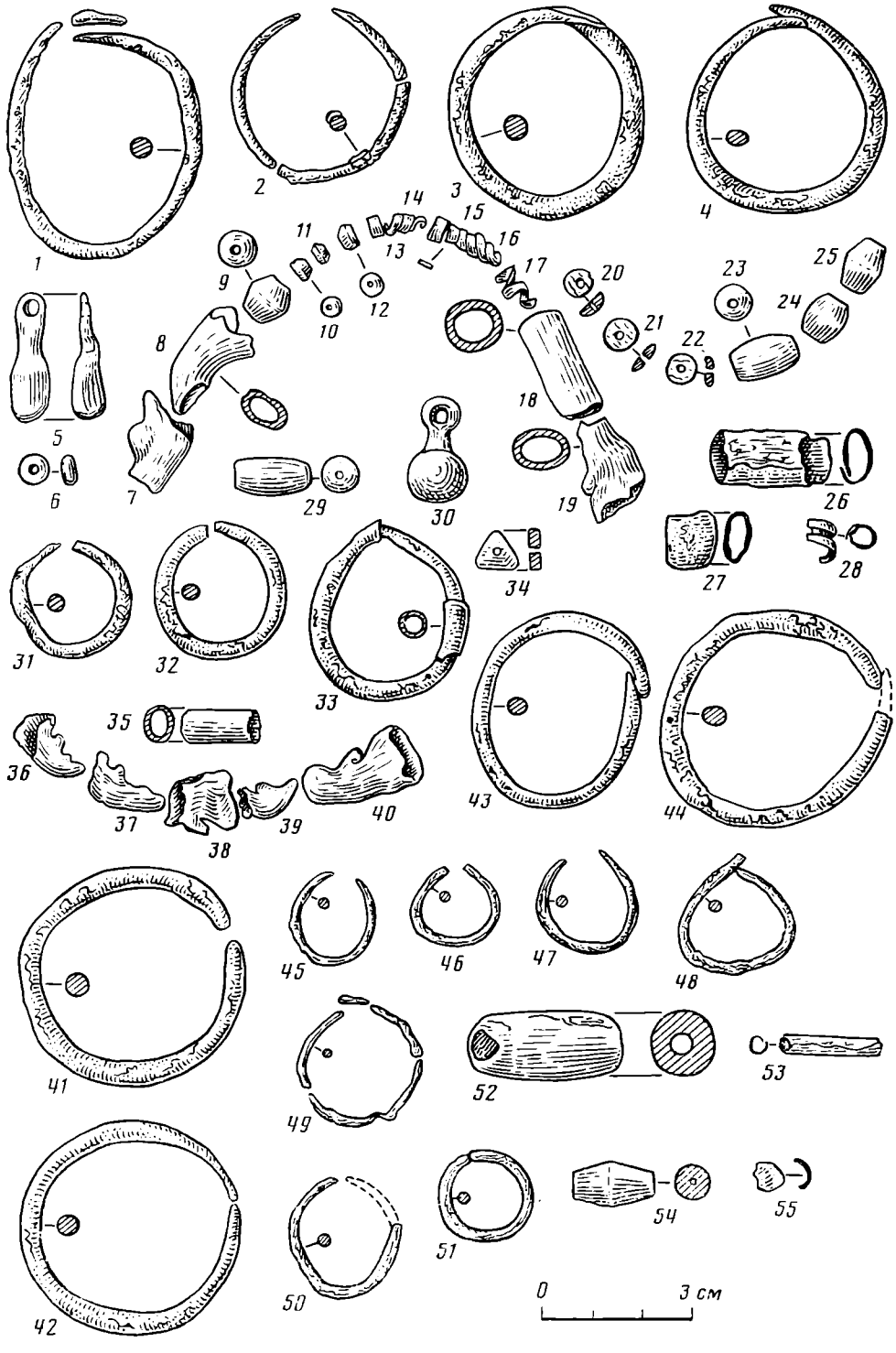


Рис. 5. Украшения из погребений Чернянского могильника. *1, 2* — погр. 1; *3, 4* — погр. 2; *5* — погр. 7; *6* — погр. 3; *7—19* — погр. 4; *20* — погр. 3; *21—25, 31, 32* — погр. 13; *26—28* — погр. 9; *29, 30* — погр. 8А; *33, 34* — погр. 16; *35—40* — погр. 17; *41, 42, 53* — погр. 19; *43—46. 52* — погр. 20; *50, 51, 54* — погр. 24; *55* — погр. 14; *1—4, 14, 16, 17, 26—28, 31—33, 41—51, 53, 55* — бронза; *5, 18, 30, 35, 52* — кость; *9, 23—25, 29, 34, 54* — гешир, *7, 8, 19, 36—40* — хитин; *6, 10—13, 15* — стекло)

закраину (рис. 6, *20*). Диаметр дна 13,5, диаметр тулова 30, высота более 30 см. Тесто грубое, со значительной примесью дресвы. В 1,5 м к юго-востоку от погребения 5 найдено донышко и часть стенки аналогичного сосуда. Тесто без дресвы, поверхность заглажена водой. В 2 м к югу от погребения 7 собраны фрагменты стенок и венчика лепного сосуда с заглаженной поверхностью и украшенного под венчиком налепным подтреугольным в разрезе валиком (рис. 6, *18*). По примеси в тесте толче-

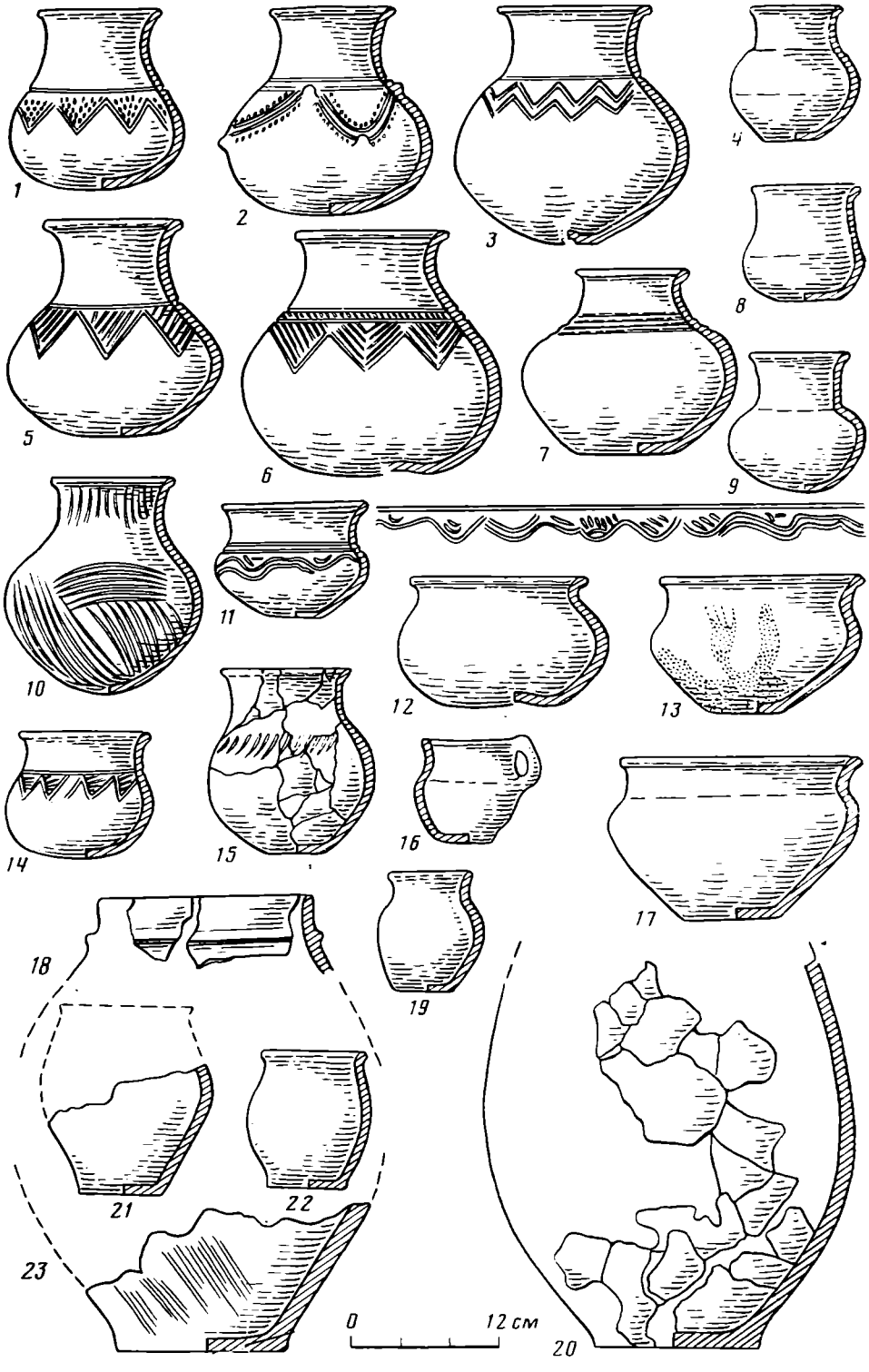


Рис. 6. Сосуды из погребений и тризны Чернянского могильника. *1* — погр. 2; *2* — погр. 22; *3* — погр. 8; *4* — погр. 18; *5* — погр. 14; *6* — погр. 8а; *7* — погр. 15; *8* — погр. 7; *9* — погр. 10; *10* — погр. 17; *11* — погр. 3; *12, 14* — погр. 13; *13, 22, 23* — погр. 20; *15* — погр. 12; *16* — погр. 18; *17, 19* — погр. 4; *18, 20* — тризна; *21* — погр. 11

ной ракушки, толщине стенок, степени обжига эти обломки сходны с обломками придонной части большого сосуда (рис. 6, *23*). Толщина стенок 0,7—0,8 см. Сосуды имели почти биконическую форму с зауженным венчиком и дном, раздутые бока. Размеры их были довольно значительны: диаметр венчиков около 18, диаметр тулова 30, дна — 13,5, высота до 36 см. С погребальными ритуалами связана и находка остатков жертвенной пищи (кости овцы) в погребении 13.

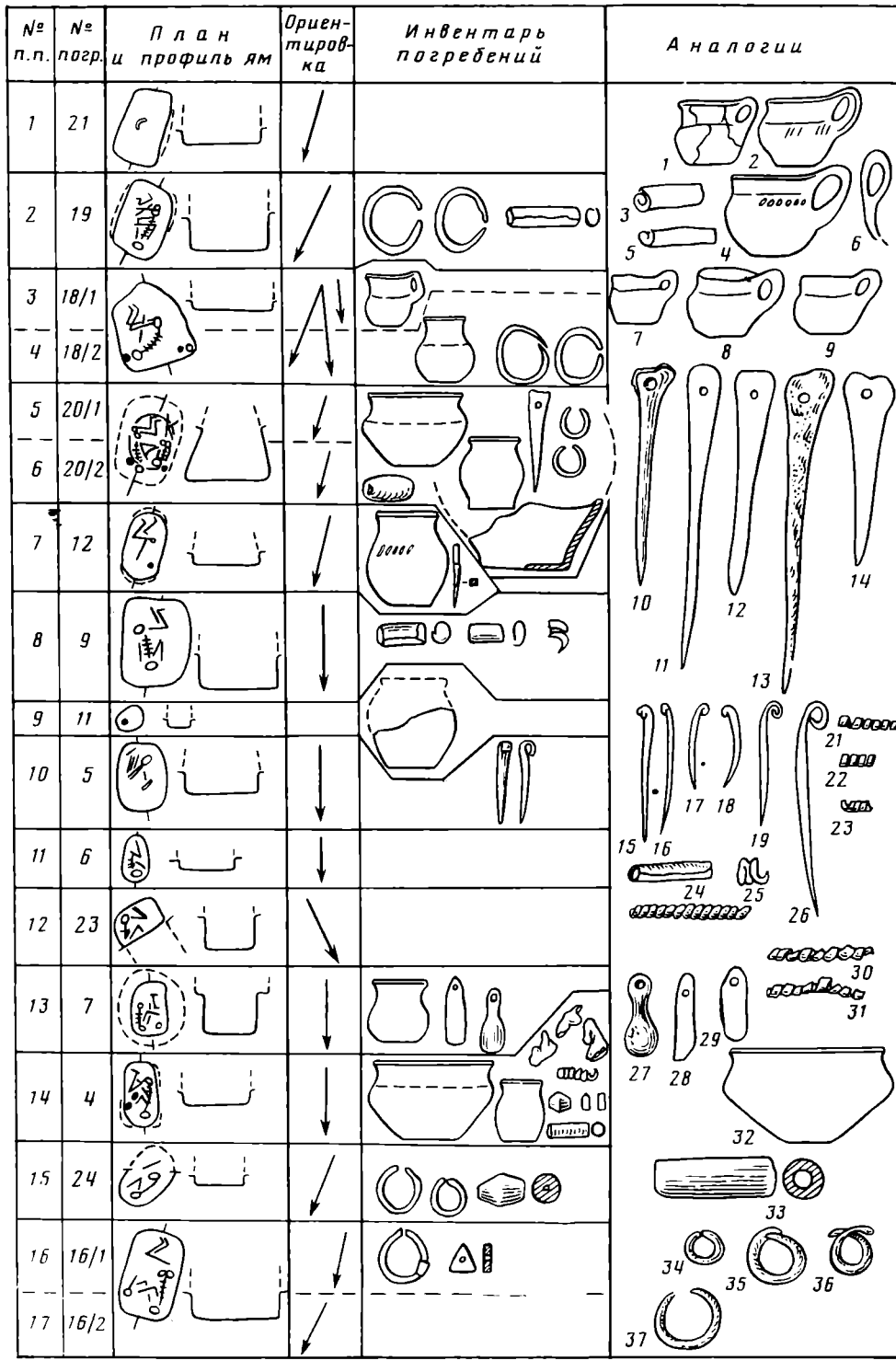


Рис. 7. Основные данные по погребениям Черняиского могильника и некоторые аналогии погребальному инвентарю. *1, 10* — Сабатиновка; *2* — Федоровка; *3, 13, 16, 28, 33* — Кирово: *4, 5, 15, 27* — Широкое; *7, 14* — культура Ноа: *8* — Пшеничево (Болгария); *9* — культура Кослоджени: *11, 12, 19* — Магала (Ноа); *18* — Гиндешти; *20, 37* — Цахпауцы: *21—23* — Золотая Балка; *24—26, 30, 31, 35, 36* — Сахарна: *29* — Калфа; *34* — Новокотовск (*1, 2, 4, 6, 7—9, 32* — керамика; *3, 5, 13, 15—26, 30, 31, 34—37* — бронза; *10—12, 14, 27—29*; *33* — кость)

Сосуды в погребениях находились главным образом в районе черепа: в семи из них (2, 3, 14, 18, 22, 7, 4) — непосредственно перед лицевой частью черепа или на небольшом удалении от него (погр. 3), у плеча (погр. 22) или кистей рук (погр. 4); в таком же количестве погребений сосуды расположены сзади черепа (погр. 13, 20-2) или на некотором рас-

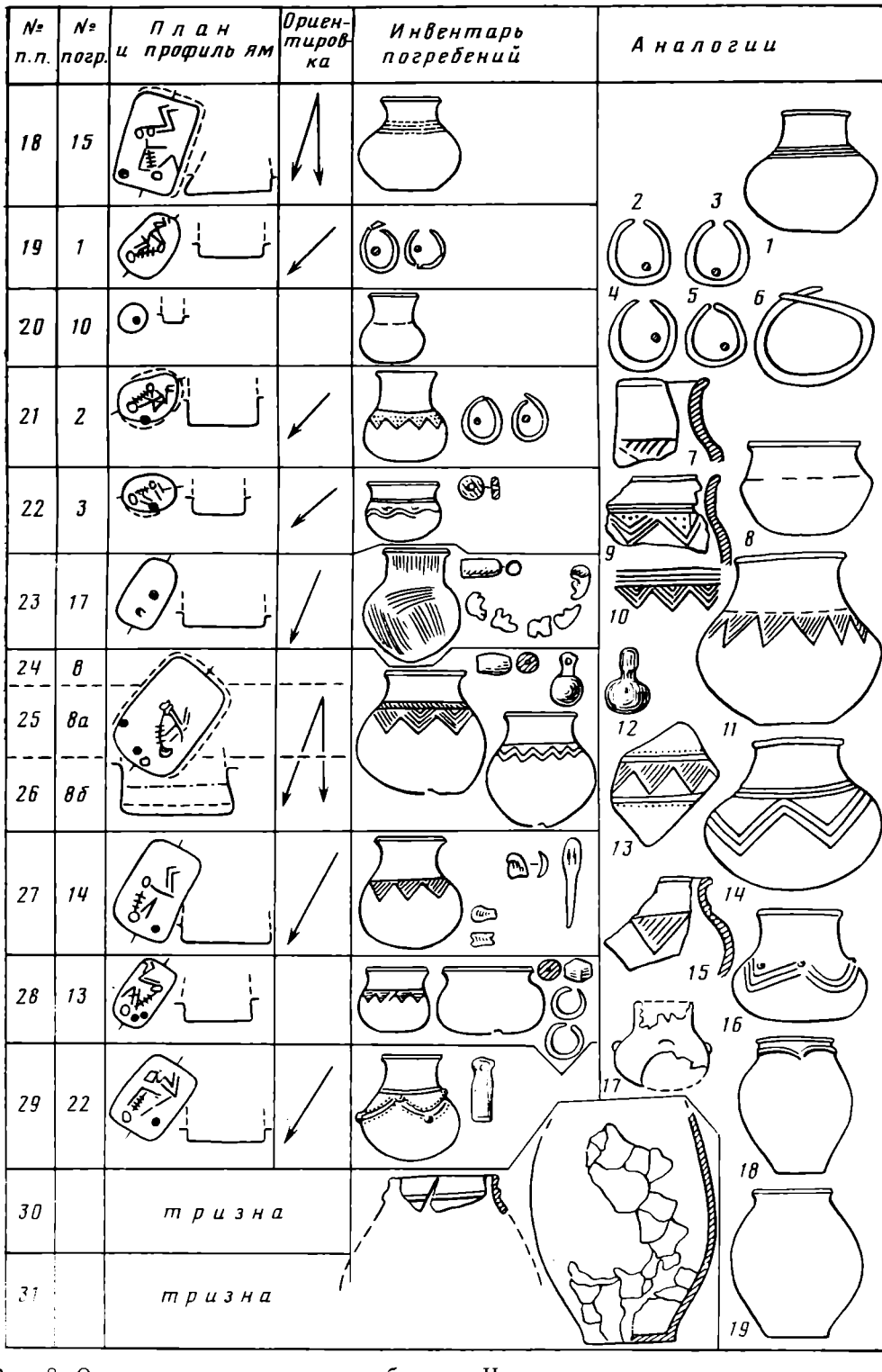


Рис. 8. Основные данные по погребениям Чернянского могильника и некоторые аналогии погребальному обряду. *1* — Суворово; *2—5, 11, 12, 14, 16* — Широкое; *6, 18, 19* — Кирово; *7, 8* — Сабатиновка; *9* — культура Ноа; *10* — Калфа; *13* — культура Силеану (Пре-Бабадаг); *15, 17* — культура Кослоджени (*1, 7—11, 13—19* — керамика; *2—6* — бронза; *12* — кость)

стоянии от него (погр. 8а, 12, 15, 20-1). В погребении 4 второй сосуд располагался между коленями и грудной клеткой (рис. 2, *4*).

Лепная глиняная посуда (21 экз.) составляет самую большую группу среди погребального инвентаря, и ее коллекция из Чернянского могильника дополнена находками обломков кухонной посуды в местах совершения тризны. По форме, характеру глиняной массы, обработке поверхности и назначению посуду из погребений можно разделить на несколько

типов: кубки, миски, черпаки и горшки. Первые три типа могут быть идентифицированы со столовой, а последний — с кухонной керамикой поселений белозерского типа. Они отличаются как по своей массе, толщине стенок, так и по обработке внешней поверхности. Первые сделаны из довольно мелкоструктурной глины с мелкими примесями толченого известняка, песка и органических веществ, выгоревшие следы которых видны в изломе и на поверхности. По сырой глине поверхность тщательно заглажена водой, создававшей своеобразный тонкий слой ангобированной обмазки, иногда отслаивающийся от поверхности. Сосуды обычно тонкостенны даже при значительных размерах (от 0,3 до 0,6 см). Обжиг неравномерный, поверхность черепков и внутренняя часть в изломе сероватого или желтоватого цвета, на поверхности есть пятна с переходами указанных тонов. Отдельные сосуды имеют темно-серую и даже черную поверхность. Почти все сосуды имеют следы разной степени лощения после обжига, 47% сосудов украшено резным орнаментом.

Горшки сделаны из более грубой массы, более толстостенны, вылеплены менее тщательно, примеси более крупные и кроме указанных для первой группы компонентов применяется шамот и толченые раковины. Поверхность также заглажена водой, а у больших сосудов из тризны обработана «расчесами» (рис. 6, *23*). Черепки желтоватого и серого цвета.

Среди посуды по количеству ведущее место принадлежит кубкам с высоким узким цилиндрическим горлом, отделенным уступом на переходе к тулову, с венчиком, отогнутым наружу, широким округлым туловом, плавно переходящим в небольшое дно (рис. 6, *1—10*). Кубки различаются размерами, деталями профиля, оформлением дна, орнаментацией. Два имеют вогнутое дно (рис. 6, *3*, *6*), некоторые — укороченное горло (рис. 6, *6*, *7*), относительно широкое горло (рис. 6, *8*). Обычное пропорциональное соотношение основных частей кубков таково, что их высота почти равна наибольшему диаметру тулова (1 : 1, 0,9 : 1,1 : 0,9), диаметр горла равен приблизительно половине диаметра тулова. Дно всех кубков небольшое, без почти заметных границ перехода к тулову, а один из сосудов (рис. 6, *10*) остродонный, что вместе с техникой обработки его поверхности «расчесами» напоминает керамику ямной культуры. Последнее может служить определенным доказательством рудиментов или атавизмов в керамической технологии белозерского населения, подтверждающих точку зрения некоторых исследователей о его далекой генетической связи с ямной культурой, проявляющейся в антропологическом сходстве [5, с. 85; 11, с. 84—89; 12, с. 231].

По размерам кубки делятся на две группы: небольшие, высотой 8—11 см, объемом 400—600 см³ (рис. 6, *4*, *8*, *9*); большие кубки, по размерам приближающиеся к кувшинам (рис. 6, *1*, *6*). Их высота от 13,5 до 20 см, объем от 1200 до 3500 см³. Вероятно, прав был В. В. Отрощенко, называя такие большие кубковидные лощеные сосуды «кувшинами» [13, с. 199, 200, рис. 5, *1*, *4*].

Орнамент отсутствует только на маленьких кубках, большие все орнаментированы, и даже остродонный сосуд украшен своеобразной системой «расчесов» поверхности. Несколько отличный своей приземистостью сосуд из погребения 15 (рис. 6, *7*) не имеет резной орнаментации, но зато на месте перехода от горла к тулову нанесены еле заметные три неглубокие полосы рифления, что сближает его с подобным сосудом из кургана 6 Суворовского могильника [14, с. 34, рис. 3,8]. Остальные орнаментированы резным орнаментом, состоящим из одной или двух линий, опоясывающих верхнюю часть плечиков, от которых опущены вершинами вниз треугольники, заполненные рядами наколов (рис. 6, *1*), косыми параллельными линиями (рис. 6, *5*) или уменьшающимися треугольниками (рис. 6, *6*). На сосуде из погребения 8 треугольники изображены в виде двойной ломаной линии (рис. 6, *3*), а на сосуде из погребения 22 вместо треугольников двойные гирлянды, окруженные с двух сторон однорядными линиями наколов (рис. 6, *2*). На этом единственном сосуде из могильника резная орнаментация применяется в сочетании с круглыми налепами. Кувшин «чистой формы» представлен лишь одним экземпля-

ром из погребения 12, украшенным по плечикам сериями косых нарезок (рис. 6, *15*).

Чаши найдены в погребениях 3 и 13 (рис. 6, *11*, *12*, *14*). Несмотря на общее сходство чаш с кубками, они отличаются соотношением основных частей: это небольшие открытые и приземистые сосуды высотой от 9 до 11 см, со сравнительно широким туловом, у которых высота около 2/3 наибольшего диаметра тулова, чуть меньшим диаметром отличаются устья горла. Дно плоское, у одного экземпляра вогнутое (рис. 6, *12*). Две чаши из трех украшены резным орнаментом, аналогичным орнаменту на кубках (рис. 6, *11*, *14*).

Две глубокие биконические миски с широким открытым устьем, венчик которого отогнут немного наружу, по своим пропорциям и профилю близки к чашам, но отличаются от них деталями пропорций и значительными размерами (высота 10—13, диаметр венчика 16—19, диаметр средней части 16,5—20, диаметр дна 6—8 см, рис. 6, *13*, *17*). Поверхность мисок не имеет орнамента.

Черпак с едва выступающей над венчиком ручкой представлен одним экземпляром (рис. 6, *16*). В его пропорции и профиле ощущается сходство с кубками, что неоднократно подчеркивалось и А. М. Лесковым [2, с. 82; 15, с. 25; 16, с. 68].

Вполне возможно, что все сосуды, за исключением экземпляров из тризны, в погребальном обряде выполняли одинаковую роль. Только миски с обоих случаях встречены вместе с горшками (рис. 7), что, может быть, указывает на их особое назначение. Размеры сосудов, вероятно, связаны с половозрастными отличиями погребенных. Заметна некоторая связь орнаментированной керамики с планировкой могильника: в северо-восточной части нет почти орнаментированной керамики, а все кубки и чаши, орнаментированные резным орнаментом, сосредоточены в погребениях, расположенных в юго-восточной части могильника (рис. 7, 8). Последний признак, возможно, носит хронологический характер и свидетельствует о постепенном росте могильника с северо-запада на юго-восток.

Среди украшений наиболее многочисленны височные кольца-подвески, сделанные из бронзовой круглой в сечении проволоки. В Чернянском могильнике обнаружено 18 височных колец-подвесок (рис. 5, *1—4*, *31—33*, *41—51*) в восьми погребениях, в том числе в парном погребении 20 при каждом из скелетов, у одного из них 5 штук. Расположены они обычно по два в каждом погребении у височной части черепа, за исключением 5 экземпляров из погребения 20 (возможно, здесь было третье погребение, так как четыре кольца находились у черепов обнаруженных скелетов) и одной подвески в погребении 16 (вторая, вероятно, утеряна). Височные кольца различаются размерами и толщиной проволоки: самые большие имеют диаметр 4,5, толщину 0,4 см, самые маленькие — 1,8 и 0,2 см. Их размер, вероятно, также связан с возрастными признаками погребенных. У одних концы сомкнуты (рис. 5, *33*, *42*, *51*), у других разомкнуты (рис. 5, *2*, *31*, *32*, *41*, *45—47*, *49*, *50*), у третьих заходят друг за друга (рис. 5, *1*, *3*, *4*, *43*, *44*, *48*). Е. Н. Черных в своей классификации разделяет их на подвески с заостренными концами (тип V-30) и с притупленными концами (тип V-32) [17, с. 130]. В Чернянском могильнике присутствуют оба типа, причем встречается у одного и того же кольца один конец заостренный, а второй тупой (рис. 5, *1*, *31*, *42*, *48*).

Далее по количеству среди украшений следуют пронизи и бусы, которые иногда составляют в погребениях целые ожерелья (погр. 4). Среди найденных 17 пронизей 3 сделаны из полой кости (рис. 5, *18*, *35*, *52*), 4 из свернутых металлических листов (рис. 5, *26*, *27*, *53*, *55*), 4 из витой бронзовой полоски (рис. 5, *14*, *16*, *17*, *28*), 9 из полых клешней краба (рис. 5, *7*, *8*, *19*, *36—40*). Пронизи из кости и из свернутого бронзового листа по внешнему виду представляют крупные цилиндрические бусины. Обнаружено также 15 бусин, изготовленных из стекла (5 экз., рис. 5, *6*, *10—13*), гешира (7 экз., рис. 5, *9*, *23—25*, *34*, *54*), перламут-

ра (3 экз., рис. 5, *20—22*). Небольшие стеклянные бусины имеют цилиндрическую или биконическую форму, перламутровые — круглую, гешировые — цилиндрическую, биконическую и треугольную.

Подвески бутылковидной (рис. 5, *5*) и шарообразной формы (рис. 5, *30*) из полированной кости представлены двумя экземплярами (погр. 7 и 8а). Возможно, что так называемое «лощило» (рис. 4, *12*) из погребения 7 также относится к разряду крупных подвесок из кости. Из других украшений в Чернянском могильнике встречены бронзовая булавка с односпиральной головкой (тип V-6/8 по Е. Н. Черных) и костяная булавка с отверстием в головке (рис. 4, *11*, *14*). Орудия труда немногочисленны и представлены отдельными экземплярами бронзового шила (рис. 4, *10*), оселка (рис. 4, *13*) и костяной проколки (рис. 4, *15*).

Расположение большинства бус, пронизей и подвесок в области грудной клетки не вызывает сомнений в их принадлежности к украшениям, использовавшимся, вероятно, и при жизни погребенных. Однако такие находки, как гешировая бусина (погр. 8а, 16, 24), перламутровая (погр. 3), стеклянная (погр. 12), бронзовая пронизь (погр. 19) и т. д., обнаруженные в погребениях в единственном экземпляре, возможно, играли роль не просто реальных прижизненных украшений, но имели еще и какой-то символический или магический смысл. Многие из них настолько малы, что как украшения просто не видны. Особый характер имели, вероятно, и несколько необычные пронизи из клешней краба (рис. 5, *7*, *8*, *19*, *36—40*).

Культурно-хронологическое место Чернянского могильника можно определить на основании анализа основных черт погребальных сооружений, обряда и инвентаря. Наибольшее сходство обнаруживается с известным Широчанским могильником, расположенным всего в 50 км южнее. К сожалению, материалы этого могильника, исследованного А. М. Лесковым, до сих пор полностью не изданы, а известны лишь по отдельным публикациям [3, с. 49; 5, с. 80, рис. 28, *17—28*; 16, с. 78, рис. 1, *1—6*, с. 80, рис. 2, *1*, *3—5*, *14*, *22*, *23*, *25*, *30*, *31*; 17, с. 48; 18; 19].

Чернянский и Широчанский памятники — большие грунтовые могильники с планировкой рядами ям овальной и прямоугольной формы, некоторые из которых перекрыты деревом. Как в одном, так и в другом наблюдается расположение могил группами, захоронение в одну могилу нескольких погребений, вероятно родственников, хотя основным остается одиночное трупоположение. Устойчивыми элементами погребального обряда обоих могильников является скорченное положение скелетов на левом и правом боку с общей ориентировкой на юг, наличие в большинстве погребений аналогичного инвентаря. Близкое сходство инвентаря наблюдается не только в наборе определенных типов керамики, височных колец (рис. 8, *2—5*), гешировых, стеклянных бус, булавок с односпиральными головками (рис. 7, *15*), бронзовых пронизок (рис. 7, *5*), но и сходной системы резной орнаментации посуды (рис. 8, *11*, *14*), ее сочетания с налепами (рис. 8, *16*), в находках совершенно одинаковых костяных подвесок (рис. 8, *12*) и т. д. Правда, количество резной орнаментации на сосудах Широчанского могильника относительно меньше.

А. М. Лесков датировал Широчанский могильник на основании находки импортной бронзовой субмикенской фибулы позднебелозерским временем — второй половиной IX — первой половиной VIII в. до н. э. [16, с. 85; 18, с. 24]. А. И. Тереножкин [1, с. 196, 197], В. В. Отрощенко [13, с. 202] на основании малоазийских и средиземноморских аналогий склонны удревнить по фибулам дату белозерских памятников до XI в. до н. э. Однако поиски аналогии свидетельствуют о длительности бытования таких фибул в пределах XII—VI вв. до н. э., поэтому правы те исследователи, которые не склонны придавать им решающего значения в датировке [3, с. 62; 5, с. 131]. Одним из главных аргументов столь поздней хронологии Широчанского могильника для А. М. Лескова являлось отсутствие среди его керамики образцов с налепным валиком, которые, по его мнению, исчезают к концу белозерского этапа [16, с. 85].

В. В. Отрощенко на материалах курганного белозерского могильника Степного объяснил этот факт исключительно обычаем ставить в погребении только столовую посуду [13, с. 199]. Находки сосудов на месте совершения тризны в Чернянском могильнике подтвердили наличие в белозерских комплексах керамики, украшенной налепными валиками. Эти сосуды из тризны находят ближайшие аналогии в подобной керамике Кировского поселения (рис. 8, *18*, *19*). В материалах этого же поселения имеется целый ряд и других вещей, находящих аналогии в погребальном инвентаре Чернянского могильника: бронзовые пронизи (рис. 7, *3*), черпаки (рис. 7, *6*), бронзовая булавка, повторяющая форму костяной (рис. 7, *13*), булавка с односпиральной головкой (рис. 7, *16*), костяное лощило (рис. 7, *28*), костяные пронизи (рис. 7, *33*). Датировка Кировского поселения А. М. Лесковым основана на сравнительной длительности жизни этого поселения от начала сабатиновского этапа (XIII в. до н. э.) до конца белозерского этапа (VIII в. до н. э.), т. е., по его мнению, оно существовало беспрерывно в течение полутысячелетнего периода [15, с. 47]. В данной статье нет возможности полностью разобрать аргументацию А. М. Лескова, однако отметим, что широкая датировка Кировского поселения не подтверждена ни стратиграфическим разрезом, ни выделением керамических комплексов, соответствующих выделенным этапам. Наличие же сабатиновских и белозерских форм керамики на поселении объясняется не длительностью существования поселения, а его определенным культурно-хронологическим местом, которое соответствует памятникам позднесабатиновского типа, элементы которых затем органически перешли к памятникам белозерского типа [20].

Металлические изделия Чернянского могильника, к сожалению, относятся к типам широкого хронологического диапазона. Булавки с односпиральной головкой известны в памятниках культуры Ноа, в частности в Магале (рис. 7, *19*) [21, с. 15, рис. 2, 5], Островецком могильнике (рис. 7, *17*) [22, с. 152, рис. 6,3—5], сабатиновской культуре [4, с. 27, рис. 3, 43], в памятниках типа Сахарны-Солончены (рис. 7, *20*) и чернолесской культуре [23, рис. 101, *1*]. Костяные булавки, аналогичные чернянской, найдены на Сабатиновском поселении (рис. 7, *10*), в Магале (рис. 7, *11*, *12*) и считаются характерными для культуры Ноа (рис. 7, *14*) [24, с. 162, рис. 11—13].

Височные подвески известны в кладе XII в. до н. э. Уиоара де Сус [25, с. 307, рис. 267, 19, 26]. Райгородском кладе [17, с. 131], на Кировском поселении (рис. 8, *6*), в памятниках типа Сахарны-Солончены (рис. 7, *35—37*), в киммерийских погребениях [1, с. 165]. То же относится и к бронзовым пронизям, аналогии которым есть в Золотобалковском могильнике (рис. 7, *21—23*), Сахарне (рис. 7, *24 б*, *20—31*) и др.

Бусы из гешира и стекла имеют более узкий диапазон и встречаются только в белозерских могильниках: Степной [13, с. 201, рис. 6, 7], у у с. Корчеватое [26, с. 57], у с. Широкое, в могильнике Будуржель у с. Новосельское и т. д. Стеклянные бусы голубоватого цвета из всех этих памятников обнаруживают удивительное сходство по форме и цвету. В лаборатории Ленинградского отделения ИА АН СССР В. А. Галибиным произведен спектрально-химический анализ этих бус, подтвердивший и однородность их химического состава. Стекло оказалось натриево-калиево-кремниевым, двухкомпонентным по своему составу: изготовлено из щелочей органического происхождения (зола морских растений) и кварцевых песков. Такие составы определяются как древнеегипетские [27, с. 140]. По химическому составу оно занимает промежуточное положение между стекловидным фаянсом (фаянс Е по Лукасу) [28, приложение] и собственно стеклом.

Достаточно важны для выяснения датировки и разнообразные типы керамики Чернянского могильника. В большинстве случаев исследователи обращают внимание на лощеные кубки из белозерских погребений, которые считали проявлением влияния белогрудовской или чернолесской культуры [1, с. 170; 29, с. 130] либо результатом развития сабатиновских форм под влиянием культуры Ноа [15, с. 26, 58]. А. И. Мелюкова обра-

тила особое внимание на решение этой проблемы, считая появление лощеной посуды в степях Северного Причерноморья проявлением культурного воздействия нижнедунайских памятников позднебронзового века, где она имеет длительную историю развития и широкое распространение [3, с. 42—44]. Проводником таких влияний были памятники сабатиновского и белозерского типов Северо-Западного Причерноморья.

Рассмотрим более древние и вместе с тем близкие аналогии типам лощеной посуды Чернянского могильника, которые могли оказать влияние на ее развитие. Лощеные низкие кубки, в том числе и с вогнутым дном, в небольшом числе известны в коллекции самого Сабатиновского поселения (рис. 8, *7*, *8*). Распространены они были в культурах Ноа (рис. 8, *9*) [24, с. 170, рис. 17], Кослоджени (рис. 8, *15*, *17*), [30, с. 129, рис. 66, 5], находившихся в тесных контактах с сабатиновской культурой. Важны не только аналогичные соответствующие формы, но и система резной орнаментации: горизонтальная опоясывающая горло линия с опущенными вершинами вниз треугольниками, заполненными косыми параллельными линиями, рядами наколов, уменьшающимися треугольниками, применение налепов и др. В керамическом комплексе этих культур и Пшеничево в Болгарии распространены и сходные с белозерскими черпаки (рис. 8, *1*, *7—9*). В культуре Ноа известны и биконические миски (рис. 7, *32*) [22, с. 150, рис. 5,5].

Все это подчеркивает наличие довольно древних элементов в керамике Чернянского могильника, конкретный путь связей населения которого с территорией Подунавья лежал через степи Северо-Западного Причерноморья. Он отмечен не только находками древне-египетских стеклянных бус в Будуржельском, Кочковатовском могильниках, фибул, пластинчатых ножей и пилок на Кишиневском поселении и в Змиевке, в Лукашевке, у с. Варатик, в кладе Бэлень, бронзовой чаши и кельта у с. Павловка, орнаментацией белозерской посуды у с. Жовтневое и Калфа, находкой погребения с височным кольцом у Новокотовска (рис. 7, *34*) [31, с. 31]. Керамика с подобным орнаментом распространена и в культуре Силеану (Пребабадаг), датированной румынскими археологами по аналогии слоем VII B_2 Трои [30, с. 160].

А. И. Мелюкова связывает происхождение бескурганного обряда и скорченного положения с южной ориентировкой белозерских могильников с племенами позднебронзового века Карпато-Дунайского региона. В комплексе керамики поселения Тэмоань она выделяет характерные черты, «близкие к сосудам из погребений и поселений белозерского этапа Северо-Западного Причерноморья» [3, с. 35]. Б. Хензель материалы этого поселения выделяет в отдельную группу, которая им датируется XI—X вв. до н. э. [32, с. 145].

Намеченные связи белозерских памятников с элементами таких культур, как Ноа, Кослоджени, Сабатиновка, верхний рубеж существования которых определяется концом XII в. до н. э. [30, с. 190], свидетельствуют в пользу сравнительно ранней хронологии появления белозерских памятников и материалов Чернянского могильника. А. И. Тереножкин относит начало белозерских памятников к 1150 г. до н. э. [1, с. 194]. Этому не противоречит и дата по $^{14}C - 1100 \pm 70$ гг. до н. э., полученная для курганного белозерского могильника Степной [13, с. 84, 85], в материалах которого имеются черты, общие с инвентарем из Чернянского могильника (керамика, бусы). Синхронность курганных и бескурганных комплексов белозерских могильников как будто не вызывает серьезных возражений. Некоторые различия в погребальных сооружениях и инвентаре В. В. Отрощенко склонен объяснять социальными и половыми отличиями погребенных [32, с. 87], а существование грунтовых могильников с преимущественно женскими погребениями — уменьшением количества белозерского мужского населения [33, с. 19].

Если металлические украшения белозерских погребений близки к памятникам Сахарны-Солончены конца IX—VIII в. до н. э. [3, с. 30], то керамические комплексы подчеркивают сравнительную древность по отношению к ним. Керамика Чернянского могильника может быть сопо-

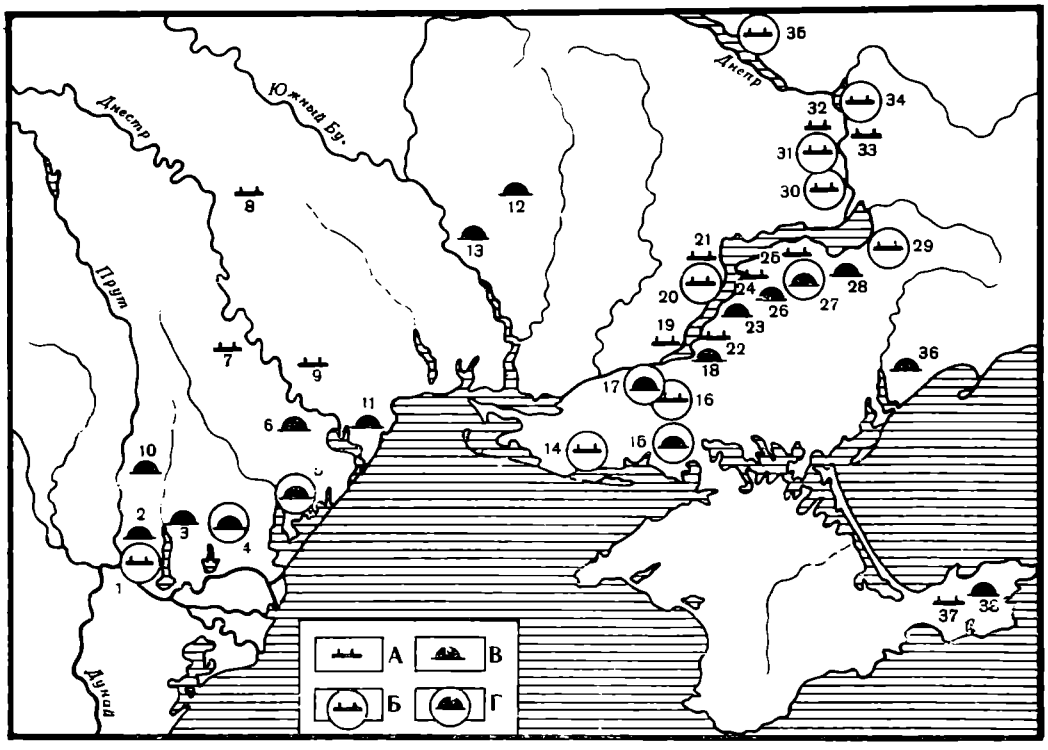


Рис. 9. Карта распространения грунтовых и курганных белозерских могильников. *А* — одиночные грунтовые погребения; *Б* — грунтовые могильники; *В* — одиночные курганные погребения; *Г* — курганные могильники. *1* — Будуржель; *2* — Этулия; *3* — Балабаны; *4* — Струмок; *5* — Кочковатое; *6* — Олонешты; *7* — Калфа; *8* — Черкасов Сад; *9* — Новокотовск; *10* — Кангаз; *11* — Великодолинское; *12* — Терновое; *13* — Ново-Петровка; *14* — Широкое; *15* — Каланчак; *16* — Чернянка; *17* — Каховка; *18* — Лукьяновка; *19* — Змиевка; *20* — Золотая Балка; *21* — Бабино; *22* — Капры; *23* — Широкий курган; *24* — Ушкалка; *25* — Бабино IV; *26* — Первомайское; *27* — Степной; *28* — Днепрорудный; *29* — Васильевка; *30* — Верхняя Хортица; *31* — Федоровка; *32* — Волошское; *33* — Любимовка; *34* — Игрень; *35* — Кампанийцы; *36* — Аккермень; *37* — Кирово; *38* — Астанино

ставлена с белогрудовской XI—IX вв. до н. э., где имеются те же типы столовой посуды (кубки, черпаки, миски) и ощутимы влияния культуры Ноа [34, с. 17]. Итак, наиболее приемлемой датой для Чернянского могильника, исходя из предложенных аналогий и связей, либо непосредственных, либо генетического характера, является XI в. до н. э. Учитывая различие в орнаментации керамики крайних частей могильника, можно предположить его хронологическое развитие и в X в. до н. э.

Публикуемые материалы Чернянского могильника существенно дополняют наши сведения о погребальном обряде и материальной культуре белозерских племен, их связях, отдельных аспектах происхождения. К сожалению, большинство вновь открытых материалов этого периода еще не издано. Это касается не только Широчанского, но и таких могильников, как Корчеватовский, Будуржелевский в междуречье Дуная и Днестра. О быстром росте археологических источников свидетельствует хотя бы тот факт, что в 1975 г. А. М. Лескову было известно только четыре грунтовых могильника (Федоровский, Широчанский, Первомаевский, Васильевский) и около 20 грунтовых погребений [18, с. 9]; в 1978 г. В. В. Отрощенко докладывал уже о 270 белозерских погребениях в Поднепровье, среди которых 81,5% грунтовых [35, с. 85], а в 1979 г.— о 290 погребениях [33, с. 86]. Открытие на западе причерноморских степей курганного Кочковатовского могильника [26, с. 57] и грунтового могильника Будуржель у с. Новосельское на Нижнем Дунае, во многом сходных по погребальным сооружениям курганных и бескурганных белозерских могильников Поднепровья свидетельствует о весьма монолитной культурной группе от Дуная до Приазовья (рис. 9). При этом культурная группа белозерских памятников представлена отличи-

тельными и характерными для них поселениями и могильниками с устойчивым обрядом и главными элементами материальной культуры, особенно проявляющимися в керамических комплексах. Наличие генетического, но отличного от белозерского пласта сабатиновских памятников на той же территории, сравнительно длительное развитие белозерских памятников во времени (XI—IX вв. до н. э.), существование локальных вариантов в междуречье Дуная и Днестра [6, с. 23; 36, с. 118 и сл.; 37, с. 53—65), белозерских памятников в Буго-Днестровском междуречье [38, с. 71—83] дает возможность поддерживать точку зрения некоторых исследователей о самостоятельной белозерской культуре, племена которой сыграли решающую роль в переходе Северного Причерноморья от эпохи бронзы к железу, в осуществлении связей древних культур Восточной Европы с Подунавьем.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Тереножкин А. И.* Киммерийцы. Киев: Наук. думка, 1976.
2. *Лесков А. М.* Предскифский период в степях Северного Причерноморья.— МИА, 1971, № 177.
3. *Мелюкова А. И.* Скифия и фракийский мир. М.: Наука, 1979.
4. *Шарафутдинова И. Н.* К вопросу о сабатиновской культуре.— СА, 1968, № 3.
5. *Шарафутдинова И. Н.* Степное Поднепровье в эпоху поздней бронзы. Киев: Наук. думка, 1982.
6. *Черняков И. Т.* Племена Северо-Западного Причерноморья в позднем бронзовом веке: Автореф. канд. дис. Киев: ИА АН УССР, 1975.
7. *Чередниченко Н. Н.* О некоторых проблемах срубной культуры.— В кн.: Проблемы эпохи бронзы Юга Восточной Европы (Тез. докл. конф.). Донецк, 1979.
8. *Шарафутдинова Э. С.* Памятники предскифского времени на Нижнем Дону (кобяковская культура).— САИ, 1980, вып. В1-11.
9. *Березанская С. С.* Северная Украина в эпоху бронзы. Киев: Наук. думка, 1982.
10. *Кубышев А. И., Дорофеев В. В.* Грунтовый могильник у с. Черняпка.— В кн.: Археологические исследования на Украине в 1978—1979 гг. (Тез. докл. XVIII конф. ИА АН УССР). Днепропетровск, 1980.
11. *Зиневич Г. П., Круц С. І.* Антропологічна характеристика давнього населення території України. Київ: Наук. думка, 1968.
12. *Круц С. И.* Антропологические особенности населения срубной культуры территории Украины.— В кн.: Энеолит и бронзовый век Украины. Киев: Наук. думка, 1976.
13. *Отрощенко В. В.* Новый курганный могильник белозерского времени.— В кн.: Скифский мир. Киев: Наук. думка, 1975.
14. *Черняков И. Т.* Киммерийские курганы близ устья Дуная.— В кн.: Скифы и сарматы. Киев: Наук. думка, 1977.
15. *Лесков А. М.* Кировское поселение.— В кн.: Древности Восточного Крыма. Киев: Наук. думка, 1970.
16. *Лесков А. М.* Курганы: находки, проблемы. Л.: Наука, 1981.
17. *Черных Е. Н.* Древняя металлообработка на Юго-Западе СССР. М.: Наука, 1976.
18. *Лесков А. М.* Предскифский период на юге Украины: Автореф. докт. дис. М.: ИА АН СССР, 1975.
19. *Лесков А. М.* Заключительный этап бронзового века на юге Украины: Автореф. докт. дис. М.: ИА АН СССР, 1975.
20. *Гаврилюк Н. А.* Лощеная керамика степных погребений предскифского времени.— В кн.: Памятники древних культур Северного Причерноморья. Киев: Наук. думка, 1979.
21. *Смирнова Г. И.* Новые исследования поселения Магала.— АСГЭ, 1972, вып. 14.
22. *Балагурі Е. А.* Могильник культуры Ноа на Станіславщині.— Археологія, 1961, № 13.
23. *Тереножкин А. И.* Предскифский период на Днепровском Правобережье. Киев: Изд-во АН УССР, 1961.
24. *Florescu A.* Contributii la cunoasterea culturi Noua.— AM, 1964, II—III.
25. *Petrscu-Dimboviţa M.* Depozitele de bronzuri din România. Bucureşti, 1977.
26. *Ванчугов В. П., Субботин Л. В.* Могильник белозерского времени в Северо-Западном Причерноморье.— В кн.: Археологические исследования на Украине в 1978—1980 гг. (Тез. докл. XVIII конф. ИА АН УССР). Днепропетровск, 1980.
27. *Щапова Ю. Л.* Из истории древнейшей технологии стекла.— В кн.: Очерки технологии древнейших производств. М.: Изд-во МГУ, 1975.
28. *Лукас А.* Материалы и ремесленное производство Древнего Египта. М.: Изд-во иностр. лит., 1958.
29. *Ильинская В. А.* Раннескифские курганы бассейна р. Тясмин. Киев: Наук. думка, 1975.
30. *Morintz S.* Contribuţii arheologice la istoria tracilor timpurii. I. Epoca bronzului in spaţiul Carpato-Balcanic. Bucureşti, 1978.
31. *Дергачев В. А.* Памятники эпохи бронзы.— АКМ, 1973, вып. 3.

32. *Hänsel B.* Beitrage zur regionalen und chronologischen Gleiderung der älteren Hallstattzeit an der unteren Donau. Bonn, 1976.
33. *Отрощенко В. В.* О социальном членении погребений срубной культуры Поднепровья.— В кн.: Проблемы эпохи бронзы Юга Восточной Европы. (Тез. докл. конф.). Донецк, 1979.
34. *Отрощенко В. В.* Срубная культура Степного Поднепровья (по материалам погребальных памятников): Автореф. канд. дис. Киев: ИА АН УССР, 1981.
35. *Отрощенко В. В.* Могильники Степного Поднепровья (вторая половина II тыс. до н. э.).— В кн.: Древние культуры Поволжья и Приуралья (Научные труды КГПИ, т. 221). Куйбышев, 1978.
36. *Мелюкова А. И.* Работы в Поднестровье в 1958 г.— КСИА. 1961, вып. 84.
37. *Рафалович И. А., Черняков И. Т.* Комратское поселение эпохи поздней бронзы.— В кн.: Археологические памятники Северо-Западного Причерноморья. Киев. Наук. думка, 1982.
38. *Ванчугов В. П.* Раскопки поселения позднего бронзового века Балта в Южном Побужье.— В кн.: Древности Северо-Западного Причерноморья. Киев: Наук. думка, 1981.

A. I. Kubyshev, I. T. Chernyakov

A GROUND BURIAL OF THE BELOZERSKOE CULTURE AT THE VILLAGE OF CHERNYANKA, KHERSON REGION

Summary

Sites of the Belozerskoe culture type hold a special place in the studies of the transitory period from the Late Bronze Epoch to the Early Iron Age in the Northern Pontic area. In 1979 the Kherson expedition of the Institute of Archaeology of the Ukrainian Academy of Sciences opened a ground burial of the Belozerskoe culture type covered by a later Scythian barrow (Fig. 1).

Twenty-four oval or rectangular pits were found (Figs. 2-4, 7-8). The Chernyanka burial ground ranks the second in its size in the vicinity after the Shirochanskoe one, investigated by A. Leskov. Its burial rite, which was inhumation, remained stable: the dead were buried on either their left or right sides in crouched position and orientated to the south. According to S. Kruts, who studied the burial ground from the anthropological point of view, women prevailed among those buried. There were double burials of women with children. Grave goods consisted of ornaments (Fig. 5) and earthenware (Fig. 6). The burnished vessels from the Chernyanka burial ground have their analogies among the Late Bronze pottery of Sabatinovka, Noua and Koslojeni (Figs. 7, 8). This shows that the burial ground was a comparatively early one and dates it between the 9th and 10th centuries B. C. On the whole, the Chernyanka burial ground is a most striking site of its kind in the Belozerskoe culture of the Northern Pontic area (Fig. 9), the culture which was instrumental in establishing ties between the early population of Eastern Europe and that the lower reaches of the Danube.

В. К. МИХЕЕВ

СУХОГОМОЛЬШАНСКИЙ МОГИЛЬНИК

В конце 60-х годов из круга раннесредневековых памятников юга Восточной Европы была выделена особая группа салтовских древностей в виде отдельных грунтовых погребений и могильников с обрядом трупосожжения [1, с. 100—102; 2, с. 71, 72]. Значительная часть их расположена на южной окраине восточноевропейской лесостепи, по берегам больших и малых рек — правых притоков Дона [3, с. 165, рис. 7]. Памятники этой категории изучены еще недостаточно. Лишь Новопокровский могильник и селище, а также Сухогомольшанский археологический комплекс были объектами стационарных археологических работ [3, с. 156—166; 4, с. 33—50; 5, с. 99—108]. Самые значительные из них проводились на могильнике у с. Сухая Гомольша Готвальдовского р-на Харьковской обл.

Поверхность могильника представляет собой невысокое всхолмление, покатое к краю глубокой балки, служившей в эпоху средневековья естественной границей территории могильника с запада и юго-запада. Внешние признаки могил отсутствуют. Можно предположить, что погребения в период функционирования могильника были отмечены какими-то надмогильными сооружениями, возможно, небольшими земляными холмиками или иными знаками. О вероятности существования внешних признаков могил свидетельствует порядок, в котором расположены погребения: они ни разу не перекрывают друг друга (рис. 1). Толщина культурного слоя могильника не везде одинакова. Максимальной, до 0,5 м, она представлена на гребне всхолмления, протянувшемся с северо-востока на юго-запад. Северо-западный и юго-восточный участки давно размыты сточными водами. Предматериковый суглинок на них начинается сразу под дерновым слоем.

За годы раскопок культурный слой могильника был вскрыт на площади 6500 м². Обнаружено и исследовано 317 погребений. Общее количество захоронений на могильнике, с учетом трех случайно разрушенных и обнаруженных в 1973 г., равно 320. Все погребения находились в пределах могильника, границы которого были выявлены в процессе раскопок. Вне его территории обнаружен лишь один поминальный комплекс вещей, укрытый в тайнике. Кроме упомянутой естественной границы могильник был огражден искусственным рвом. Он хорошо прослеживался на восточной и частично юго-восточной окраине, где изгибался в сторону балки. В древности ров имел вид траншеи конического сечения с плоским дном. Его глубина от уровня современной поверхности могильника была равна 1,05 м, при ширине 1,0 м в верхней части и 0,8 м у подошвы. Южная оконечность рва в настоящее время размыта водой, отчего в месте соединения рва с балкой начался процесс оврагообразования. Место рва с северной стороны обозначается направлением ложбинки, размывшей ров, в месте соединения которого с балкой также идет процесс оврагообразования. Очерченная таким образом площадь могильника составляет 5836 м². Назначение рва заключается, возможно, не только в желании оградить место захоронения умерших и изолировать их от живущих, но и в практических целях его использования. Судя по топографии, ров мог выполнять функцию дренажной системы, предохранявшей могильник от разрушения сточными водами.

Для всего могильника установлен единый обряд захоронения — трупосожжение на стороне. Местом сожжения умерших была территория за

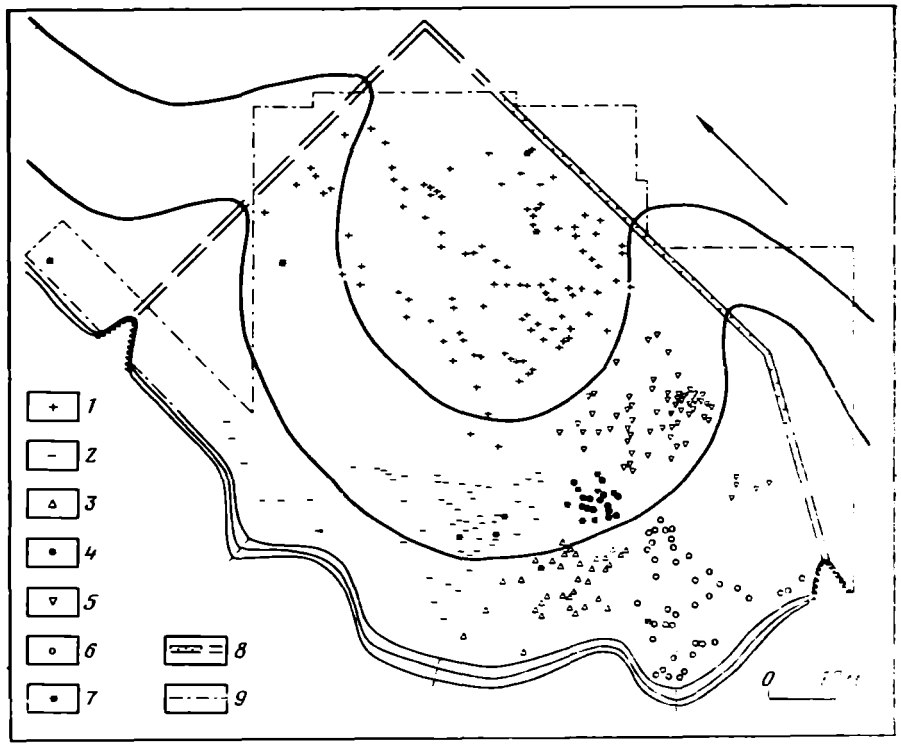


Рис. 1. План Сухогомольшанского могильника. *1—6* — локальные группы: I—VI; *7* — поминальные комплексы; *8* — ров; *9* — границы раскопа

пределами могильника, но рядом с ним, о чем свидетельствует серповидной формы «зольник», расположенный с восточной стороны за рвом. «Зольник» насыщен древесными угольками, кусочками сильно обожженной глины, специально изготовленными глиняными «пирожками» культового назначения, кусочками стекловидного шлака, оплавленными бусинами и отдельными металлическими вещами со следами действия огня, обычно встречающимися в составе инвентаря раскопанных погребений. Однако место кремации покойников не подлежит удовлетворительной реконструкции, так как сильно разрушено глубокой вспашкой.

Средняя встречаемость захоронений на могильнике — одно погребение на 18 м^2, но погребения расположены неравномерно и образуют шесть территориально обособленных групп: I — северная; II — западная; III — юго-западная; IV — центральная; V — восточная и VI — южная. Выделенные группы погребений выступают весьма отчетливо, хотя и не представлены в совершенно «чистом» виде. В немногих случаях отдельные погребения занимают промежуточное положение.

По способу захоронения остатков сожжения все погребения можно разделить на две группы: урновые и ямные (безурновые). В количественном отношении ямные погребения несколько преобладают над урновыми: первых — 177, вторых — 140, что составляет с учетом трех урновых погребений, разрушенных в 1973 г., соответственно 55,5 и 44,5%.

Необходимо отметить, что антропологический анализ костного материала указывает на существование характерного способа кремации покойников, который связан с очень сильным сожжением костей черепа и позвоночника, при слабом сожжении частей верхних конечностей и особенно нижних. Способ погребения и число фрагментов, найденных в ямах или урнах, указывают на не слишком тщательный сбор остатков кремации для погребения в могилы.

Значительная часть урн стояла в ямках, вырытых в черноземном слое, где контуры ям, как правило, не прослеживаются. В редких случаях, при значительной для данного могильника глубине ям под урны (до 83 см) или если урны были помещены в ямы с обмазанными глиной и обожженными стенками, удалось установить, что они круглые,

Таблица 1

Группа	Общее число	Урны	
		дном вниз	дном вверх
I	48	19	29
II	3	2	1
III	10	1	9
IV	5	–	5
V	43	15	28
VI	31	16	15
Всего	140	53	84

Таблица 2

Группа	Крышки	Подстилки
I	5	11
II	1	–
III	1	2
IV	–	1
V	5	4
VI	4	2
Всего	16	20

овальные или подпрямоугольные, длиной от 40 до 90 см и шириной 30—50 см.

Для урновых погребений характерно два основных положения сосудов-урн: дном вниз и дном вверх. Как редкое исключение урны с остатками сожжения лежали на боку. Представляется, что первоначально эти урны были поставлены на дно, но в процессе засыпки ям опрокинулись на бок. Часть кремационных остатков при этом рассыпалась по дну ямы. Количественные характеристики различного положения урн в ямах по группам могильника показаны в табл. 1.

В урнах, стоящих дном вниз, сожженные остатки покойника концентрировались в нижней части, у дна. Поверх тщательно очищенных кальцинированных остатков встречаются отдельные кости, собранные вместе с немногочисленными древесными угольками и золой. Хорошо очищенные остатки костей характерны и для погребений с перевернутыми вверх дном урнами. Последние полностью перекрывают аккуратно сложенные в кучку сожженные остатки. Такое положение остатков погребенных можно назвать компактным и всю группу урновых погребений отнести к числу так называемых чистых. Что касается количества костей в урнах и под ними, то оно различно — от нескольких кусочков до нескольких десятков.

В качестве урн использовалась обычная бытовая посуда. Она представлена кухонными лепными горшками различных размеров и качества, с вытянутым или округлым туловом. Орнамент по тулову отсутствует Есть венчики гладкие, но чаще они украшены косыми насечками и ногтевыми вдавлениями. Тесто грубое, с примесью шамота, речного песка, реже толченой ракушки и выгоревших при обжиге растительных остатков. Поверхность некоторых сосудов заглажена травой, от которой на глине остались следы в виде беспорядочно расположенных бороздок. Обжиг очажный (рис. 2, *4*, *10—14*). Кухонные горшки, сделанные на гончарном круге, имеют вытянутое тулово, украшенное линейным, линейно-зональным, линейно-косым и волнистым орнаментом. Венчик украшался косой насечкой и отпечатками зубчатого штампа. В глиняном тесте преобладают примеси дресвы и шамота различной величины. Обжиг сосудов ровный, поверхность желтая, красная и серая, иногда покрытая нагаром (рис. 2, *1—3*, *5—9*, *15*, *18*). Лощеные столовые горшки с яйцевидным туловом и двумя ручками использовались в качестве урн очень редко. Известно два случая такого использования: в погребениях 136 и 192 (рис. 2, *19*, *20*). Чаще с этой целью применялись тяжелые и массивные пифосы, служившие в быту для хранения сыпучих продуктов и жидкостей. Тулово пифосов сильно вытянутое, орнаментировано врезными линиями и отпечатками зубчатого штампа. Отпечатки штампа наносились и на венчик пифоса. У одного из сосудов имеется S-образный налеп на плечике (рис. 2, *17*). Пифосы изготовлены из теста различного качества. Одни сделаны из такого же теста, как и гончарные кухонные горшки, но более грубого, с примесью крупного шамота и дресвы, а другие — из теста, характерного для лощеных столовых горшков, но также более грубого, с примесью крупной дресвы. Остатки неко-

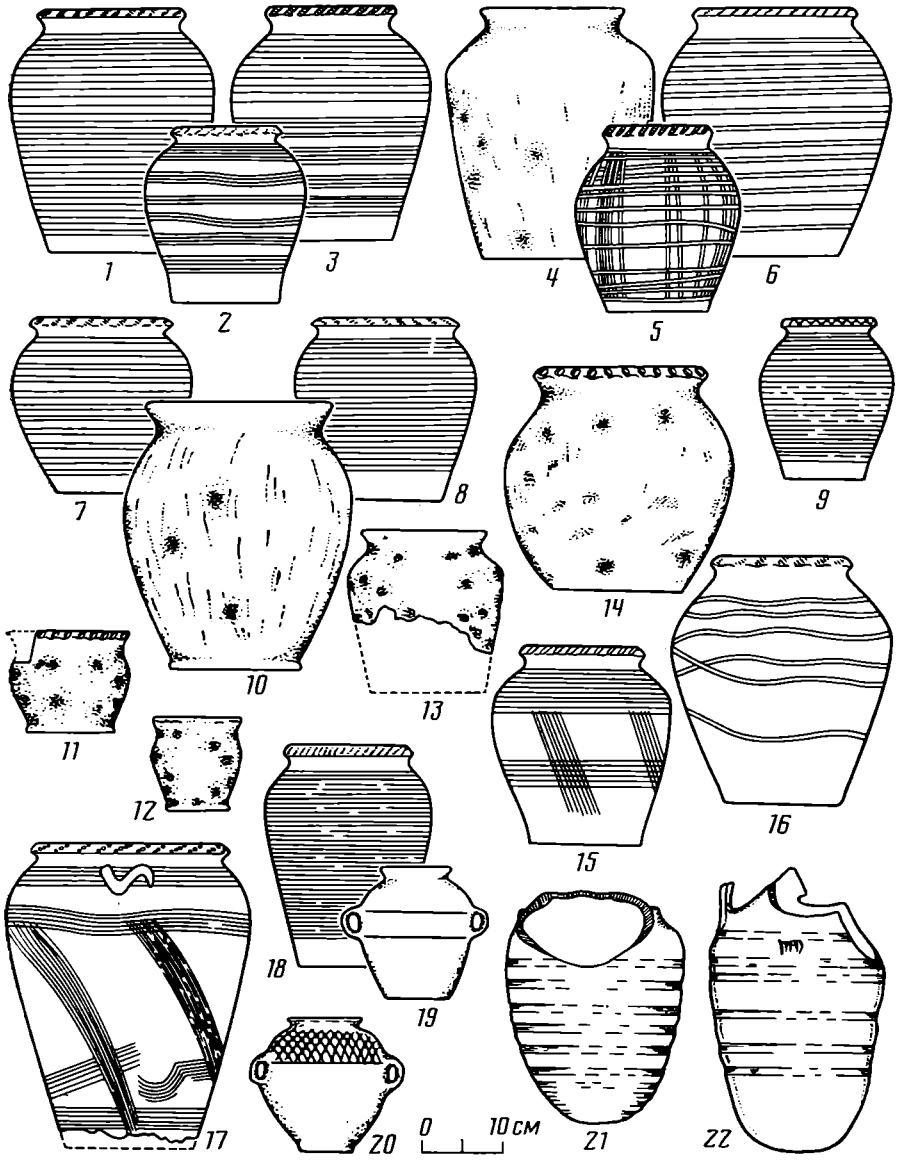


Рис. 2. Урны (*1—14, 16—22*) и подстилка (*15*) из погребений. Трупосожжения № 35 (*1*), 104 (*2*), 128 (*3*), 88 (*4*), 29 (*5*), 169 (*6, 15*), 138 (*7*), 129 (*8*), 223 (*9*), 80 (*10*), 67 (*11*), 84 (*12*), 26 (*13*), 61 (*14*), 130 (*16*), 175 (*17*), 66 (*18*), 126 (*19*), 192 (*20*), 55 (*21*), 182 (*22*)

торых трупосожжений помещались в обычные раннесредневековые амфоры, у которых предварительно отбивалось горло (рис. 2, *21*, *22*).

Иногда урны бывают накрыты и поставлены на подстилку. Для этого использовались придонные части и стенки лепных и гончарных горшков, обломки раннесредневековых амфор и плитки песчаника (рис. 3, *4—6*). Небольшие песчаниковые плиточки применялись в комбинации с обломками керамики. При наличии подстилки остатки сожжения помещались на нее и накрывались сверху урной. Количественные показатели обычая накрывать урну крышкой или ставить урну на подстилку приведены в табл. 2.

Погребальный инвентарь обычно находился в урне или под урной и лишь в одном случае был спрятан под подстилку. Сосуды-приставки к урнам обнаружены в единичных экземплярах. Приставками служили лепные и гончарные кухонные горшки, аналогичные некоторым сосудам-урнам (рис. 3, *1—3*).

Количество похороненных в одной урне установлено антропологически в 40 случаях. Исследования показали, что во всех случаях в одной урне погребены останки одного человека. Иногда в одной могильной яме помещались две погребальные урны (погр. 304).

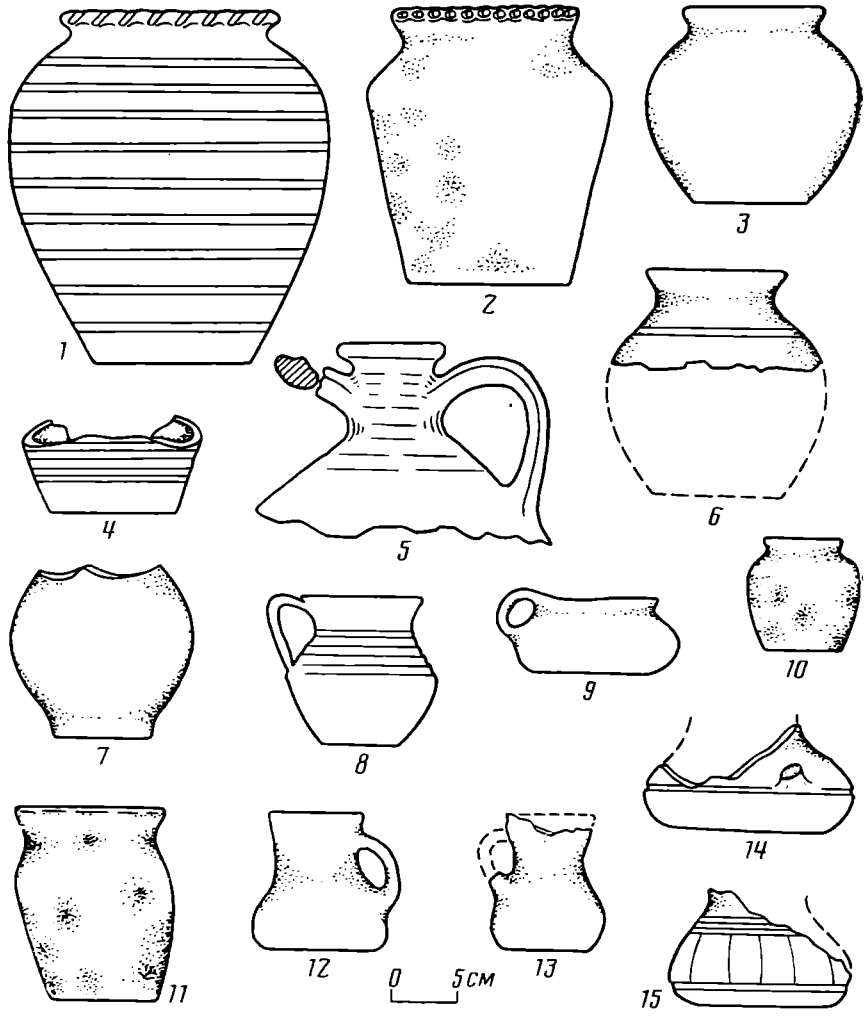


Рис. 3. Сосуды-приставки к урнам (*1—3*), крышки (*4—6, 8—10*), подстилка (*7*) и сосуды из ямных погребений (*11—15*). Трупосожжения № 28 (*1*). 20 (*2*), 103 (*3*), 29 (*4*), 70 (*5*), 108 (*6*), 51 (*7*), 67 (*8*), 126 (*9, 10*), 111 (*11, 12*), 117 (*13, 15*), 119 (*14*)

Для ямных захоронений в могильнике характерны три формы ям: 1 — круглые; 2 — овальные (эллипсоидные); 3 — подпрямоугольные (прямоугольные с закругленными углами). В локальных группах могильника они представлены в количествах, показанных в табл. 3.

Распределение размеров и объемов ям демонстрирует гистограмма (рис. 4, *1*). Гистограмма длин ям трехвершинна, что позволяет выделить ямы малой длины (19—64 см), средней (73—82 см) и большой (91—>136 см). Небольшое число ям занимает промежуточное положение, так как их длина лежит в пределах 64—73 или 82—91 см. По ширине (рис. 4, *2*) ямы могут быть условно разделены также на три категории: малые — 12—28 см, средние — 28—66 см (доминируют) и большие 66—114 см. В отношении глубины ведущее место принадлежит ямам, дно которых находится на расстоянии от 32 до 52 см от поверхности. Ямы малой глубины (12—32 см), как и большой (52—77 см), редки.

Гистограмма распределения объемов ям имеет отчетливую правую асимметрию (рис. 4, *3*). Основную массу составляют ямы от 0,012 до 0.168 м³. Срединное положение занимают ямы объемом от 0,207 до 0,363 м³. Единичны большие объемные углубления (0,402—0,480 м³).

Зафиксировано четыре основных направления в ориентировке погребальных ям: север — юг, северо-запад — юго-восток, северо-восток — юго-запад и запад — восток. Между этими направлениями были и промежуточные. В табл. 4, где содержатся количественные данные по показателям ориентировки (признаки 4—7), эти отклонения относились к

Таблица 3

Группа	Общее число	Формы ям		
		1	2	3
I	56	13	36	7
II	54	23	22	9
III	26	19	2	5
IV	9	3	5	1
V	23	4	16	3
VI	9	–	9	–
Всего	177	62	90	25

Таблица 4

Характеристика погребального обряда по ряду признаков *

Группа	Всего	Признаки **										
		1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
I	417	48	57	61	16	15	5	7	58	46	22	82
		11,5	13,7	14,6	3,8	3,6	1,2	1,7	13,9	11,0	5,3	19,7
II	228	3	54	26	5	13	8	5	18	39	14	43
		1,3	23,7	11,4	2,2	5,7	3,5	2,2	7,9	17,1	6,1	18,9
III	143	10	25	29	0	4	1	2	22	14	2	34
		7,0	17,5	20,2	0	2,8	0,7	1,4	15,4	9,8	1,4	23,8
IV	56	5	9	8	1	4	1	0	7	7	3	11
		8,9	16,1	14,3	1,8	7,1	1,8	0	12,5	12,5	5,4	19,6
V	264	43	23	47	6	9	4	0	44	22	1	65
		16,3	8,7	17,8	2,3	3,4	1,5	0	16,7	8,3	0,4	24,6
VI	158	31	9	31	7	2	0	0	34	6	11	29
		19,5	5,6	19,5	4,4	1,2	0	0	21,3	3,6	6,9	18,0

* Расчеты коэффициентов производились по формуле Ю. И. Левина (квадрат сумм корней из произведений совпадающих долей) [6, с. 115].

** 1 — урна; 2 — яма; 3 — погребение без ориентировки (урны и круглые ямы); 4—7 — ориентировка ямных захоронений (4 — север — юг; 5 — запад — восток; 6 — северо-запад — юго-восток; 7 — северо-восток — юго-запад); 8 — компактно сложенные остатки кремации; 9 — разбросанные остатки кремации; 10 — наличие керамики; 11 — отсутствие керамики.

основным направлениям в зависимости от преимущественного отклонения в сторону той или иной части света.

В отличие от урновых захоронений все ямные относятся к группе погребений с остатками костра, иногда очень обильными. В некоторых погребениях древесный уголь и зола слоем перекрывали очищенные костные остатки. Но в большинстве кремированные кости смешаны с остатками погребального костра.

Положение и распределение остатков погребенных в могильных ямах различно. Выделяются компактные и разбросанные сожжения. Число компактных погребений равно 43, разбросанных — 134. Их количественное содержание в группах могильника показано в табл. 5.

Как видно, компактные захоронения в ямных погребениях количественно значительно уступают разбросанным. Однако показатели по этим признакам изменяются, если число компактных захоронений увеличить за счет урновых погребений могильника, что видно из табл. 4 (признаки 8 и 9). Среди разбросанных имеются немногочисленные погребения (15 случаев) с небольшой концентрацией костей в центре, западной, южной и северо-восточной частях могильной ямы.

Характер распределения костных остатков не дает оснований для определения количества погребенных в одной могиле. Антропологическое определение костей из 40 ямных погребений показало наличие лишь

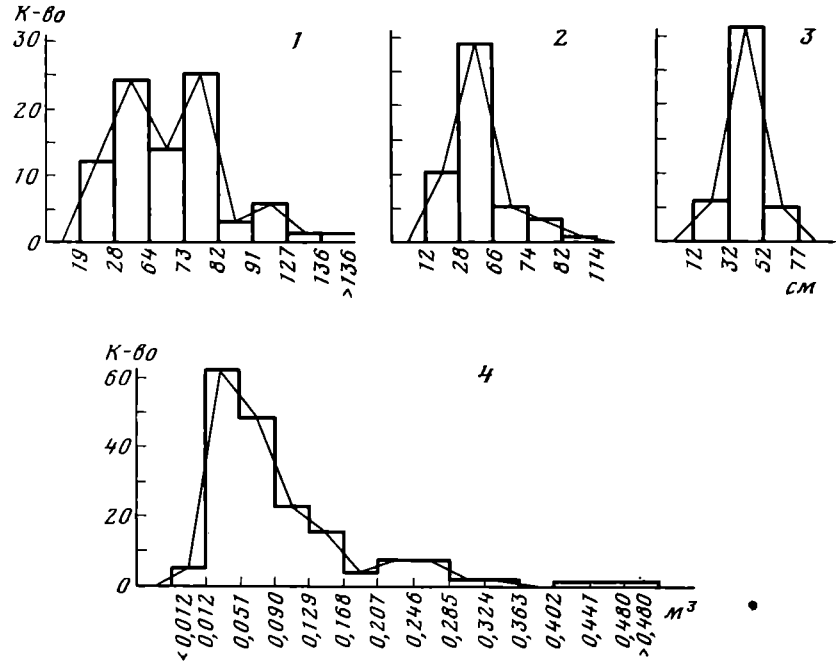


Рис. 4. Гистограммы размеров ямных погребений (общее число — 177) по длине (*1*), ширине (*2*), глубине (*3*), объему (*4*)

одного парного захоронения в погребении 122 (мужчина в возрасте 20—29 лет и ребенок 1—6 лет). Очевидно, как и в урнах, в ямах хоронили, как правило, по одному умершему.

В ямные погребения ставили иногда один, редко два сосуда. Обычно это кувшины и кружки (рис. 3, *14*, *15*). В одном случае в кувшинчике (рис. 3, *13*) находились вещи погребенной женщины. В яму трупосожжения 111 вместе с кружкой был поставлен лепной глиняный горшок (рис. 3, *11*, *12*).

Кроме урновых и ямных погребений следует отметить наличие на могильнике поминальных комплексов вещей, расположенных в тайниках возле могил. Всего таких комплексов 17. Они обнаружены на территории почти всех локальных групп могильника (кроме одной — V, что отражено в табл. 6[1].

Таблица 5

Группа	Погребения	
	компактные	разбросанные
I	10	46
II	15	39
III	12	14
IV	2	7
V	1	22
VI	3	6
Всего	43	134

Таблица 6

Группа	Количество комплексов	Комплексы
I	4	I, X, XV, XVI
II	4	II, VIII, IX, XVII
III	1	V
IV	7	III, IV, VI, XI, XII, XIII, XIV
V	–	
VI	1	VII

Обычно в состав комплекса входили предметы вооружения, снаряжения коня и орудия труда. Они зарывались в ямки глубиной до 70 см. Точные размеры и форму ямок в некоторых случаях определить невозможно по той же причине, что и для большинства ямок с урновыми захоронениями. Там, где это было возможно, зафиксированы круглые и овальные ямки небольших размеров (диаметром 25—55 см), что объясняется скученностью вещей, положенных в них. Исключение составляет комплекс V, вещи которого были разложены в овальной яме размером

[1] Точное местонахождение комплекса I в границах I группы не установлено. Он найден случайно жителями села.

100×55 см. Вещи, относящиеся к погребению 17, принадлежавшему богатому всаднику, находились в двух ямках. В одной из них, расположенной с юго-восточной стороны погребения, были сложены вместе деформированное стремя, железная подпружная пряжка и два ножа в ножнах, от которых сохранилась железная обойма. Во второй ямке с северо-западной стороны погребения было зарыто недостающее к паре другое сломанное стремя.

Поминальные комплексы, как правило, встречаются возле погребений (урновых и ямных) и имеют непосредственное отношение к ним. Это подтверждается территориальной близостью комплекса к тому или иному погребению, когда он находится буквально рядом с ним. Вероятность такой связи усиливается, если погребение и комплекс возле него территориально удалены от других погребений. Вместе с тем следует заметить, что не всегда тот или иной поминальный комплекс обязательно должен относиться к ближайшему по расстоянию погребению. Здесь необходимо учитывать равновременность захоронений, когда более поздние погребения могли оказаться ближе к ранее зарытому комплексу, тем более что комплексы вещей, как своеобразные тайники, не имели внешних отличительных признаков. Кроме того, имеются комплексы, занимающие обособленное место в планиграфии могильника. Их трудно связать с определенным трупосожжением (комплекс XV в западной части первой локальной группы могильника) и даже с определенной локальной группой (комплекс XVII). Последний вообще расположен за пределами территории могильника и лишь условно отнесен к его второй локальной группе. Оба комплекса, возможно, относятся к разряду кенотафов.

Одной из важнейших задач внутреннего анализа могильника является выяснение динамики его функционирования. Для решения этого вопроса разработана хронологическая шкала могильника. Из признаков погребального обряда отобраны те, которые имеют достаточную количественную характеристику для операций статистического анализа. Количественные данные о признаках для каждой из локальных групп могильника, между которыми ведется сравнение, были введены в три матрицы в виде таблиц распределения признаков погребального обряда. По процентному содержанию признаков определялись коэффициенты морфологической близости групп могильника. Полученные данные корректировались хронологическим анализом археологического материала.

Табл. 4 иллюстрирует общие сведения о погребальном обряде могильника по ряду признаков. По процентным долям указанных признаков видно, что ямные и урновые захоронения распределены приблизительно одинаково лишь в I группе могильника. В остальных группах значительно преобладают или ямные, или урновые захоронения. Для II—IV групп ведущими являются ямные, а для групп V и VI — урновые погребения. Интересно отметить тенденцию увеличения процентных долей урновых погребений в I, V и VI группах и соответственного уменьшения в этих группах ямных захоронений. Несколько размытую картину дают показатели ориентировки ямных трупосожжений. Здесь в каждой из групп большую долю процентов занимают урновые погребения и круглые ямы, не имеющие ориентировки. Однако можно отметить, что в общем западная ориентировка с сезонными отклонениями была более распространенной, чем остальные. Менее характерна северная ориентировка, которая была преобладающей в V группе. Видимо, нехарактерной для могильника нужно считать северо-восточную ориентировку. Наметившиеся различия обозначают различия в хронологическом плане. Неравномерный характер распределения костных остатков в ямных погребениях наиболее контрастно проявляется в различиях между II и VI группами могильника. Во II группе явно преобладали разбросанные остатки кремации, а в IV — компактные, преобладающие и в V группе. Но по такому показателю, как наличие керамики, II и VI группы находятся примерно в одинаковом положении.

Коэффициенты морфологической близости локальных групп могильника по рассмотренным признакам, вычисленные по данным табл. 5,

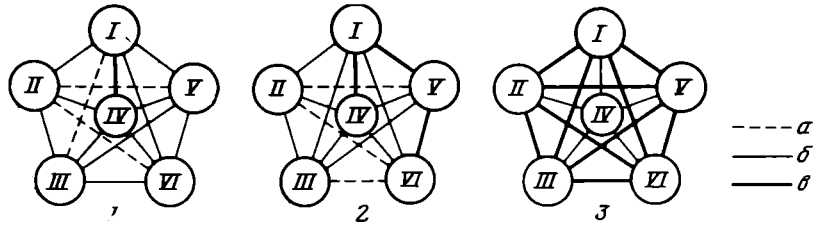


Рис. 5. Планиграфия могильника по коэффициентам связи по данным табл. 7 (*1*), 9 (*2*), 11 (*3*): *а* — 0,5—0,7; *б* — 0,8—0,95; *в* >0,95

приведены в табл. 7. Слабые связи оцениваются коэффициентом 0,5—0,7, средние — 0,8—0,95 и сильные — больше 0,95.

Видно, что I группа имеет высокий коэффициент связи с IV, средний — с II, V и VI и слабый — с III группами могильника. Группа IV связана со всеми остальными, кроме I, средними коэффициентами связи. Группа V имеет средние связи с VI и III группами, но слабо связана со II группой. Группы II и III объединяют средние коэффициенты связи, а с VI группой группа II связана слабо. Все отмеченные связи можно представить планиграфически, где они выступают более наглядно (рис. 5, *1*). Коэффициенты связи, полученные по наиболее общим признакам, имеют большое значение для понимания начала эволюции могильника.

Следующая стадия сравнения групп могильника была проведена на уровне сходства керамического комплекса памятника. Введенные в матрицу количественные показатели признаков содержали информацию об урновых (признак 1) и ямных (2) захоронениях, а также о наличии лепной (3), гончарной (4), лепной и гончарной керамики (5) и ее отсутствии (6) в погребениях всех локальных групп могильника (табл. 8).

Коэффициенты близости по данным этой таблицы обнаружили сильные связи между керамическими комплексами I и IV, I и V, V и VI группами могильника. С остальными группами I и IV объединены средними связями. Группа II объединена средними коэффициентами связи с группой III, но с V и VI группами она оказалась слабо связанной, как и III группа с VI группой (табл. 9). Планиграфически все эти связи показаны на рис. 5, *2*.

Статистические подсчеты таких категорий погребального инвентаря, как украшения, бусы и предметы одежды, указывают на равномерное распределение этих категорий по локальным группам могильника. Более выразительную картину показывают сравнения групп по признакам, указанным в табл. 10. В нее вошли следующие признаки: 1 — наличие орудий труда и 2 — отсутствие орудий труда, 3 — наличие оружия и 4 — отсутствие оружия, 5 — наличие конской сбруи и 6 — отсутствие конской сбруи, 7 — наличие предметов туалета и 8 — отсутствие предметов туалета.

По всем этим признакам резко выделяется IV группа могильника. Она имеет повышенные показатели по орудиям труда, оружию и конской сбруе, но в ней отсутствуют предметы туалета. Это указывает на особое положение данной группы могильника и людей, погребенных в ней, по сравнению с остальными. По коэффициентам морфологической близости, вычисленным по данным табл. 10, IV группа связана со всеми остальными средними связями, а все остальные группы между собой — сильными (табл. 11). Наглядно все связи видны в планиграфии (рис. 5, *3*).

Данные статистического анализа позволяют наметить предварительную схему динамики функционирования Сухогомольшанского могильника. Из этой схемы следует, что могильник возник как кладбище двух общественных групп. Одна из них была, очевидно, крупнее другой. По этой причине могильник имеет два неодинаковых ядра, выраженных в I и III локальных группах. I группа оставила, кроме ядра, IV и V группы. Группу IV можно условно назвать военной, или дружинной. По количеству погребений она самая малочисленная и хронологически,

Таблица 7

Группа	1	2	3	4	5	6
I	X	0,91	0,67	0,97	0,94	0,90
II		X	0,88	0,92	0,79	0,69
III			X	0,95	0,92	0,83
IV				X	0,93	0,86
V					X	0,91
VI						X

Таблица 8

Группа	Всего	Признаки					
		1	2	3	4	5	6
I	209	48	57	33	22	5	44
		23,0	27,2	15,8	10,5	2,4	21,1
II	114	3	54	8	5	1	43
		2,6	47,4	7,0	4,4	0,9	37,7
III	71	10	25	3	5	3	25
		14,1	35,2	4,2	7,0	4,2	35,2
IV	28	5	9	4	3	1	6
		17,9	32,1	14,3	10,7	3,6	21,4
V	132	43	23	26	14	3	23
		32,6	17,4	19,7	10,6	2,3	17,4
VI	80	31	9	14	12	6	8
		38,7	11,2	17,5	15,0	7,5	10,0

Таблица 9

Группа	1	2	3	4	5	6
I	X	0,82	0,92	0,99	0,98	0,91
II		X	0,93	0,86	0,70	0,55
III			X	0,95	0,84	0,74
IV				X	0,95	0,88
V					X	0,96
VI						X

очевидно, самая узкая. Все эти группы (I, IV и V) имеют высокую степень сходства между собой и, возможно, синхронны. Такую же степень сходства с ними имеет VI группа, которая может рассматриваться как результат эволюции I и V групп. Возможно, начальное ядро этой эволюции — I группа — как более «старое» со временем прекращает свое существование. В данное положение может внести уточнение хронология, но единый корень этих групп представляется несомненным.

Вопрос о происхождении и связи II и III групп могильника может быть предположительно решен следующим образом. Если бы II группа существовала одновременно с группами V и VI, то она была бы очень сходна с ними. На самом же деле она отличается от них. С I группой группа II сходна в рамках общего (среднего) сходства по могильнику, которое можно назвать «салтовским» сходством, т. е. тем сходством, на котором держится весь «каркас» могильника. Иначе ведет себя III группа: она сходна связями различной интенсивности с I, IV и V группами и, видимо, одновременна им. Между II и VI группами сходство слабое. Возможно, II группа возникла или позже группы VI, или одновременно с ней, но к этому времени традиции могильника, которые отражены в VI группе, уже не выдерживались.

Таблица 10

Группа	Всего	Признаки							
		1	2	3	4	5	6	7	8
I	416	24	80	9	95	5	99	10	94
		5,8	19,2	2,2	22,8	1,2	23,8	2,4	22,6
II	228	10	47	5	52	4	53	2	55
		4,4	20,6	2,2	22,8	1,8	23,2	0,9	24,1
III	144	9	27	3	33	0	36	1	35
		6,2	18,8	2,1	22,9	0	25,0	0,7	24,3
IV	56	8	6	5	9	5	9	0	14
		14,3	10,7	8,9	16,1	8,9	16,1	0	25,0
V	264	14	52	1	65	1	65	11	55
		5,3	19,7	0,4	24,6	0,4	24,6	4,2	20,8
VI	160	8	32	2	38	1	39	5	35
		5,0	20,0	1,2	23,8	0,6	24,4	3,1	21,9

Таблица 11

Группа	1	2	3	4	5	6
I	X	0,99	0,98	0,88	0,99	1,0
II		X	0,98	0,89	0,97	0,99
III			X	0,84	0,97	0,98
IV				X	0,80	0,84
V					X	1,0
VI						X

Уточнение этой схемы дает хронология могильника. В составе погребального инвентаря встречаются вещи, датирующиеся более ранним временем, чем начало существования салтовской культуры в Подонье, т. е. до середины VIII в. К таким вещам относятся: бронзовая прогнутая подвязная фибула с расширяющейся к концу ножкой [3, с. 160, рис. 4, *10*] (аналогичная фибула найдена на могильнике Дюрсо (вариант 2г) и датируется V в. н. э. [7, с. 78, 100, рис. 3, 4]); круглорамчатая бронзовая пряжка III—VII вв. из трупосожжения 167 [3, с. 163, рис. 5, *16*]; бронзовое звено цепи V в. н. э. типа межигорских из погребения 274 [8, с. 213, рис. 1, *2*]; бронзовая круглая пластинчатая подвеска с отверстиями из погребения 29 (рис. 6, *1*, такие подвески дважды найдены в погребениях второй группы Борисовского могильника, где датируются VII в. н. э. [9, с. 141, табл. II, *10*]); широколопастные наконечники копий, иногда с небольшими отверстиями на лопастях, как у некоторых экземпляров копий раннего железного века [10, с. 156, 167, рис. 107, *1*; 114, 7]. Они обнаружены в трупосожжениях 60, 175, 233, 252 и поминальном комплексе XVI (рис. 7, *3—7*). Широколопастные наконечники копий не характерны для классических памятников салтовской культуры. Основным временем их распространения следует, очевидно, считать V — первую половину VIII в. [11, с. 24, 28, рис. 2, *23*, *51*; 12, с. 49—50, рис. 5, *3*; 7, *3*]. Первой половиной VIII в. можно датировать железные, соединенные вместе сбруйные кольца, входившие в состав поминальных комплексов V и XV с набором предметов вооружения, конного снаряжения и орудий труда. В одном случае такие кольца обнаружены в культурном слое могильника (рис. 7, *8*). Аналогичные кольца входили в состав известного Вознесенского поминального комплекса вещей [13, с. 13, рис. 4, 15]. Все отмеченные вещи были найдены в закрытых комплексах вместе с более поздними изделиями салтовской культуры и поэтому не являются основанием для их ранней датировки.

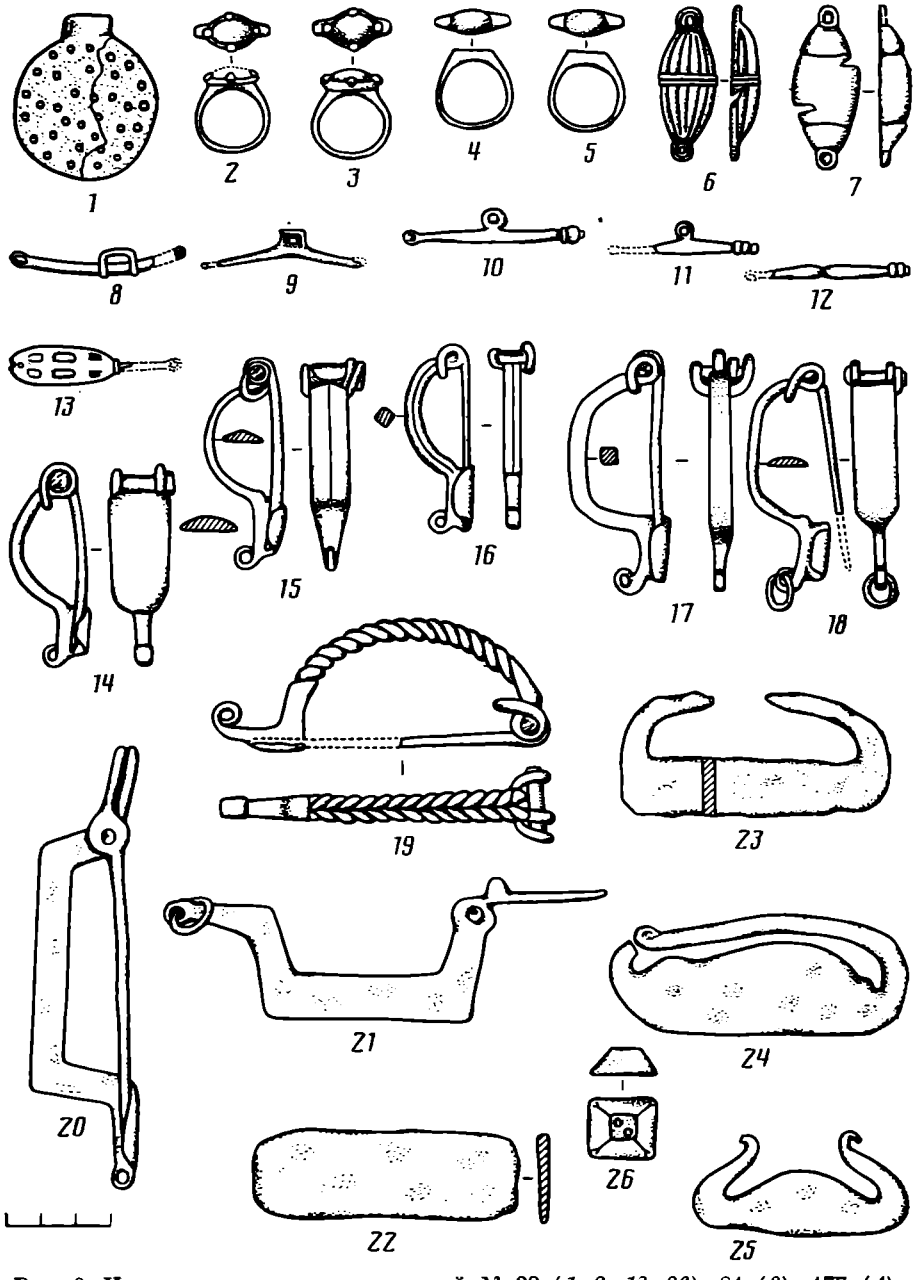


Рис. 6. Инвентарь из трупосожжений № 29 (*1, 2, 12, 26*), 81 (*3*), 177 (*4*), 122 (*5, 17*), 90 (*6*), 156 (*7*), 273 (*8*), 295 (*9*), 80 (*10*), 143 (*11, 13*), 125 (*14*), 302 (*15*), 57 (*16*), 215 (*18*), 89 (*19*), 233 (*22*), 151 (*23*), 252 (*24*), 135 (*25*) и комплекса XVI (*20, 21*)

Большое значение для выяснения времени существования погребений и локальных групп могильника имеет хронология салтовских древностей, разработанная С. А. Плетневой [1, с. 135—143; 2, с. 150—151, рис. 37]. С учетом этой хронологической схемы была выявлена датировка большинства трупосожжений, что в свою очередь позволило датировать локальные группы Сухогомольшанского могильника и представить его развитие во времени. Наиболее важными для этих целей оказались многочисленные украшения, предметы быта и туалета, а также некоторые типы оружия и орудий труда.

Для трупосожжений могильника характерными являются два основных типа перстней. Тип I — с жуковиной, в которой четырьмя лапками крепились стеклянные или бронзовые вставки (рис. 6, *2, 3*). Тип II — с овальным цельнолитым щитком (рис. 6, *4, 5*). Тип I в рамках салтовской культуры характерен для конца VIII — первой половины IX в. В материалах могильника такие перстни немногочисленны. Они встре-

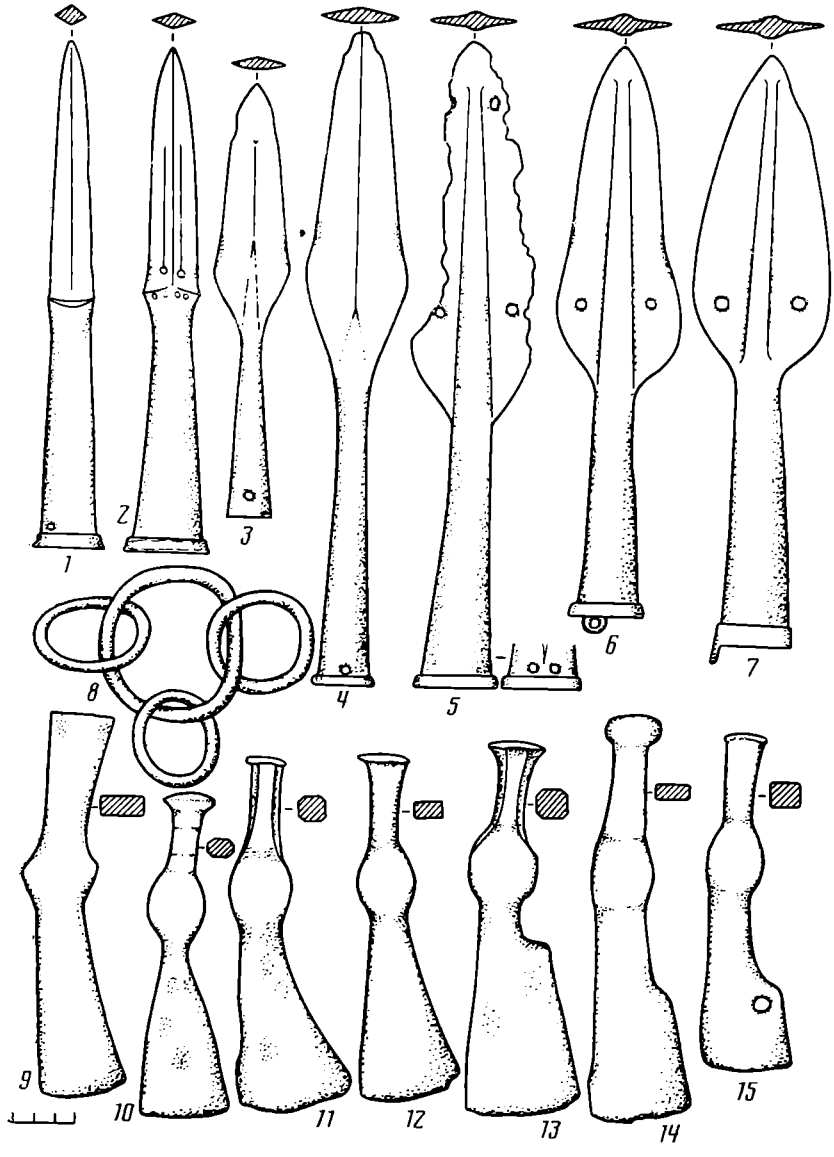


Рис. 7. Инвентарь из трупосожжений № 175 (*1, 5, 13*), 60 (*3*), 233 (*4, 14*), 252 (*7, 12*), 214 (*10*), 203 (*15*), комплексов XVI (*2, 6, 11*) и VII (*9*); подъемный материал (*8*)

чаются в урновых и ямных захоронениях. Единичные экземпляры таких перстней найдены в трупосожжениях всех групп могильника, кроме II группы. Перстни типа II датируются концом IX — первой половиной — серединой X в. Они встречаются в ямных и урновых погребениях и особенно характерны для I группы могильника. Есть они и в других группах, кроме III и IV групп.

Бронзовые литые туалетные коробочки середины IX в. чаще всего служили атрибутом урновых захоронений и редко ямных (рис. 6, *6*, *7*). Они найдены в составе погребального инвентаря всех групп могильника, кроме группы IV.

Копоушки из бронзы, хотя и немногочисленны (6 экз.), но типологически представлены широко. Относятся к двум отделам: I — коромыслообразные и II — с плоской орнаментированной ручкой. Копоушки типа 1, I с прямоугольной петлей посередине найдены в урновых погребениях 273 и 295 группы I могильника (рис. 6, *8*, *9*). Они датируются второй половиной VIII — началом IX в. Тип 2, I — с круглой петлей посередине (рис. 6, *10*, *11*). По одному экземпляру копоушки этого типа найдены в урновом погребении 80 и ямном трупосожжении 143. Относятся они соответственно к VI и V группам могильника, датируются началом IX — началом X в. Тип 3, I — костяная копоушка с поперечным

желобком в средней части из урнового погребения 29 III группы могильника (рис. 6, *12*). Подобные бронзовые копоушки встречаются в катакомбах второй половины IX в. Второй отдел представлен одним типом бронзовых копоушек — тип 4, II — с прорезной орнаментированной ручкой (рис. 6, *13*). Один экземпляр этого типа копоушек найден в составе вещей из ямного трупосожжения 143 V группы могильника вместе с копоушкой типа 2, I. Более узкая дата копоушки — середина IX в. Как видно, копоушки, как и другие предметы туалета, не обнаружены лишь в составе инвентаря IV группы (т. е. дружинной части) могильника.

Железные фибулы являются наиболее частой находкой в погребениях могильника. Входили они и в состав вещей некоторых поминальных комплексов. Большинство из них (более 20 экз.) относится к типу с завитком на конце низкого пластинчатого приемника, с кольцом на головке (рис. 6, *14—19*). Делятся на много вариантов в зависимости от формы и поперечного сечения спинки и конструкции пружинного устройства. Найдены в погребениях всех групп могильника, за исключением VI группы. Аналогичные фибулы датируются обычно VIII—IX вв. [7, с. 101; 9, с. 148; 14, с. 46]. В салтовских древностях встречаются в комплексах середины IX — первой половины X в. К другому типу фибул относятся так называемые фибулы-кресала с пластинчатой спинкой и щипковым пружинным устройством (рис. 6, *20*, *21*). Они найдены в погребениях и поминальных комплексах I и V групп могильника. Датируются в памятниках салтовской культуры концом IX — началом X в. Что касается собственно кресал, то они встречаются довольно редко в погребениях и на поселениях салтовской культуры, а кресала фигурных форм особенно редки. Население этой культуры пользовалось в быту простой формой пластинчатых кресал, изготовленных из прямоугольного куска стали или обломков сабель (рис. 6, *22*). Хронологические рамки существования таких кресал довольно широки — VI—IX вв. Кресала специальных форм — овальные с широкой пластиной и разомкнутым у одной стороны концом, разомкнутыми посередине концами и калачевидные (рис. 6, *23—25*) — являются поздним признаком для салтовских комплексов и могут быть датированы концом IX — началом X в. На Сухогомольшанском могильнике они найдены на территории тех же локальных групп, что и фибулы-кресала. Концом IX — началом X в. датируется бронзовая «ворворка» в виде усеченной пирамидки с двумя отверстиями, входившая в состав вещевого комплекса урнового погребения 29 III группы могильника (рис. 6, *26*).

Для определения относительной хронологии комплексов могильника были привлечены боевые топорики с различной конструкцией обуха, треугольным и трапециевидным лезвиями (рис. 7, *9—15*). Их хронологическая специфика была показана Н. Я. Мерпертом [11, с. 24, 28, рис. 2] и С. А. Плетневой [1, с. 140, рис. 36]. Остальные вещи могильника датируются широкими хронологическими рамками. Некоторые из них утилитарны или же настолько индивидуальны, что не могут служить хронологическим указателем.

Датировка комплексов и распределение их по локальным группам внесли некоторые коррективы в анализ динамики функционирования Сухогомольшанского могильника, проведенный по коэффициентам морфологической близости, не меняя, однако, наметившуюся ранее генеральную линию развития памятника. Установлено, что локальные группы могильника датируются следующим образом: I — второй половиной VIII — началом X в.; II — концом IX — началом X в.; III — второй половиной VIII — концом IX в.; IV — второй половиной VIII — первой половиной IX в.; V — концом VIII — началом X в.; VI — началом IX — началом X в. Во II группе могильника отдельные погребения появились, вероятно, в середине IX в. Расцвет V группы приходится на середину — вторую половину IX в., а VI группы — на середину IX в. В I, II, V и VI группах продолжали хоронить, возможно, до середины X в.

В свете полученных данных подтвердилось положение о двух первоначальных ядрах могильника, которые составляли ранние погребения I

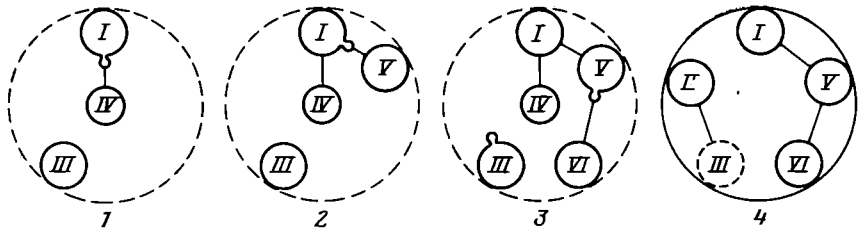


Рис. 8. Планиграфия динамики функционирования Сухогомольшанского могильника. *1* — начало первой половины VIII в.; *2* — конец VIII в.; *3* — конец IX — начало X в.; 4 — первая половина — середина X в.

и III локальных групп. В совокупности с ранее полученными результатами видна последовательность выделения IV, V и VI групп из I группы могильника. На разных хронологических этапах они образуют линию развития. Вторую линию развития показывает III группа, являющаяся «материнской» для II группы. Динамику функционирования Сухогомольшанского могильника можно показать на четырех хронологических этапах планиграфически, где каждый этап отражает то состояние могильника, которое он имел в различные хронологические периоды своего существования (рис. 8).

Проведенный анализ позволяет сделать некоторые предварительные выводы о социальной организации населения, оставившего Сухогомольшанский могильник. Сугубая предварительность этих выводов легко понятна, так как социальная интерпретация археологического материала требует большой осторожности. При этом чрезмерная детализация и конкретизация гипотетических предположений скорее вредит, чем способствует существу дела. В нашем же случае осторожность необходима еще и потому, что согласно предложенной нами методике обработаны материалы всего лишь одного могильника, что делает пока невозможным сравнение результатов данного могильника с другими. Исходя из нашего анализа, можно заключить, что социально-территориальная организация населения Сухогомольшанского поселения была неоднородной. Она состояла из двух сегментов, с самого начала неравных по численности, но являвшихся носителями одной и той же культуры. Различия в погребальном обряде населения, выраженные в ямных и урновых трупосожжениях, связаны, очевидно, не с этническими, а с какими-то не вполне ясными пока внутрикультурными факторами. Судя по инвентарю, оба сегмента в общем и целом являлись социально однородными. Поэтому представляется возможным, что выделенные на археологическом материале сегменты отражают специфику социальной организации, присущей кочевникам, в том числе и недавно осевшим, для которой характерна сегментарность, т. е. дробность, как на горизонтальных, так и на вертикальных уровнях. При этом различные подразделения упомянутой организации считаются более близкими или более далекими друг от друга в зависимости от их генеалогического отношения к реальным или воображаемым предкам. Еще одно обстоятельство обращает на себя внимание при анализе могильника. Оно касается выделения группы, которую мы условно называем военной или дружинной, из числа обоих сегментов, что еще раз доказывает их социальную однородность. Очевидно, в данном случае мы имеем дело с высшим руководящим слоем населения, проживавшего на поселении. Не менее интересен и тот факт, что эта группа, по археологическим данным, прекращает свое существование в первой половине IX в. Связано ли это с какими-то обстоятельствами внутреннего развития Сухогомольшанского поселения, с политикой Хазарского каганата или какими-либо иными причинами — ответить на этот вопрос в настоящее время не представляется возможным.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Плетнева С. А.* От кочевий к городам. Салтово-маяцкая культура.— МИА, 1967, № 142.
2. *Плетнева С. А.* Салтово-маяцкая культура.— В кн.: Степи Евразии в эпоху средневековья. Археология СССР. М.: Наука, 1981.
3. *Михеев В. К.* Коньковые подвески из могильника Сухая Гомольша.— СА, 1982, № 2.
4. *Кухаренко Ю. В.* Новопокровський могильник і поселення.— Археологія, 1952, т. VI.
5. *Кухаренко Ю. В.* О некоторых археологических находках на Харьковщине.— КСИИМК, 1951, вып. 41.
6. *Левин Ю. И.* Об описании системы лингвистических объектов, обладающих общими свойствами.— Вопр. языкознания, 1964, № 4.
7. *Дмитриев А. В.* Раннесредневековые фибулы из могильника Дюрсо.— В кн.: Древности эпохи великого переселения народов V—VIII веков. М.: Наука, 1982.
8. *Михеев В. К.* Две раннесредневековые находки на Харьковщине.— СА, 1983, № 3.
9. *Саханев В. В.* Раскопки на Северном Кавказе в 1911—1912 годах.— ИАК, 1914, вып. 56.
10. *Граков Б. Н.* Ранний железный век. М.: Изд-во МГУ, 1977.
11. *Мерперт Н. Я.* О генезисе салтовской культуры.— КСИИМК, 1951, 36.
12. *Первахо В. Б.* Классификация орудий труда и предметов вооружения из раннесредневековых памятников междуречья Днепра и Немана.— СА, 1979, № 4.
13. *Рыбаков Б. А.* Уличи.— КСИИМК, 1950, вып. 35.
14. *Амброз А. К.* Фибулы юга Европейской части СССР. II в. до н. э.— IV в. н. э.— САИ, 1966, вып. Д1-30.

V. K. Mikheyev

THE SUKHAYA GOMOLSHA BURIAL GROUND

Summary

The article presents, for the first time, the materials obtained at the Sukhaya Gomolsha burial ground which is usually associated with the Saltovo-Mayak culture. Among other mediaeval antiquities of the forest-steppe and steppe zones in Eastern Europe this site stands apart for its uninterpreted ethnic affiliation. Besides, the fact that it has been comprehensively studied makes it a suitable object for social and palaeodemographic investigations. The latter is based on a statistical comparison according to a number of features of six sections identified over the entire territory which makes it possible to determine the ties between them depending on the degree of likeness. When correlated with the chronological scale the comparison seems to reflect the burial ground's dynamics.

С. В. БЕЛЕЦКИЙ

КУРГАН У ДЕРЕВНИ РОМАНОВО ПОД ПСКОВОМ

Сопковидный курган у д. Романово близ Пскова известен в литературе с конца прошлого столетия [1, с. 252]. В 1974—1975 гг. он был раскопан отрядом Псковской экспедиции Государственного Эрмитажа [2, с. 5; 3, с. 6, 7].

Курган находился на высоком правом берегу р. Каменки (левый приток р. Великой), в 0,1 км к западу от деревни, на краю пахотного поля, в западной оконечности селища последней четверти I тыс. н. э. (рис. 1). К началу раскопок насыпь была повреждена распашкой, в обнажениях прослеживались развалы каменных кладок. Высота кургана составляла немногим более 2 м, диаметр — 17—19 м. На вершине прослеживалась хорошо задернованная яма.

Местное наименование кургана — «сопка». По рассказам старожилов, вплоть до 1960-х годов на кургане вечерами собиралась молодежь: пели, жгли костры, прыгали через огонь. С курганом также связывается легенда о появляющейся по ночам «женщине», одетой в белое. До начала раскопок на вершине кургана прослеживались остатки незадернованного кострища, что позволяет предполагать спорадическое использование насыпи для ночных костров и в самое последнее время.

Стратиграфия насыпи неоднородна (рис. 2). Под дерном на всей площади кургана прослежен слой коричневого суглинка со щебнем и кусками известняковой плиты. В нем найдены разрозненные человеческие кости[1], фрагментированные кости крупного и мелкого рогатого скота, свиньи и лошади[2], угли, кальцинированные косточки, кремень (рис. 3, *15*), фрагменты лепной керамики (рис. 3, *16—18*). Ниже залегал слой серого гумусированного песка мощностью до 0,5 м в центральной части. В нем найдены фрагменты лепной керамики (рис. 3, *1—12*) и обломки тиглей (рис. 3, *13*, *14*).

Под слоем песка открыта сплошная вымостка из мелкого плитняка, нарушенная в центральной части ямой-перекопом. Местами плиты сохранились в непотревоженном виде: «чешуей» перекрывали друг друга, спускаясь от центра к полам. Но в основном вымостка сохранилась в вида развала мелкого плитняка. В восточной части насыпи сразу же под этим развалом открылся завал из крупных известняковых камней.

В юго-западной части кургана дерн местами лежал непосредственно на плитняковом развале без разделяющих прослоек суглинка и песка. Здесь в дерне найдено несколько обгорелых булыжных камней и перемещенные кальцинированные человеческие кости (среди них определены фрагменты костей человека незрелого возраста), мелкие куски обугленной бересты и две бронзовые спиральки (рис. 4, *15*) [3].

Под развалом мелкого плитняка открылся слой, интенсивно насыщенный углем. Толщина его в центральной части достигала 0,4 м, а к краям

[1] Все антропологические определения некальцинированных человеческих костей проведены Ю. К. Чистовым (ЛОИЭ).

[2] Палеозоологические определения, а также определения кальцинированных костей проведены Е. Г. Андреевой (МГУ).

[3] Первоначально кости, береста и спиральки были отнесены за счет выброса из ямы, нарушившей центральную часть кургана [4, л. 3, 4]. В процессе раскопок выяснилось, что ниже плитнякового развала в этом месте находились погребения в берестяных сосудах. Очевидно, кальцинированные кости и находки были перемещены «вверх по слою» из первоначального положения грызунами.

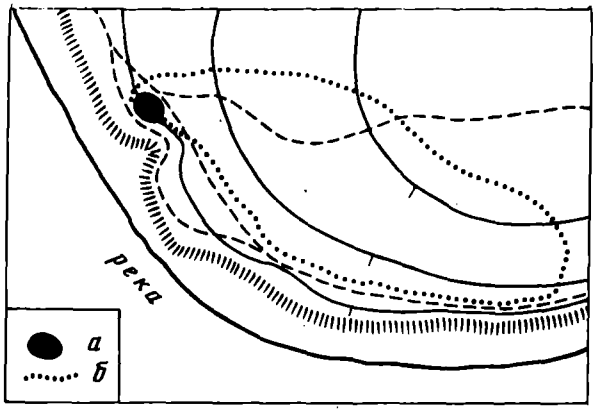


Рис. 1

Рис. 1. Курган у д. Романово. Ситуационный план. *а* — курган; *б* — селище

Рис. 2. Стратиграфия кургана у д. Романово (разрез ЗВ). *а* — дерн; *б* — перекоп; *в* — гумусированный опесчаненый слой; *г* — песок; *д* — суглинистый слой; *е* — темно-коричневый непотревоженный культурный слой селища; *ж* — уголь; *з* — зольно-угольная прослойка; *и* — пепельно-зольная прослойка; *к* — прокаленный песок; *л* — плитняковые камни кладок; *м* — камни насыпи; *н* — щебень; *о* — пахотный слой; *п* — место захоронения жертвенного жеребенка; *р* — материк

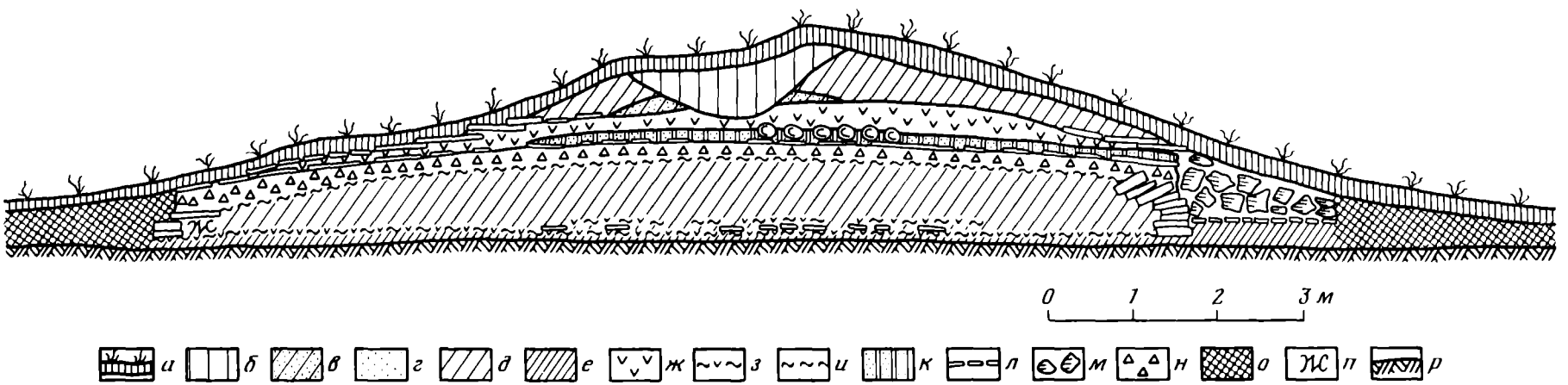


Рис. 2

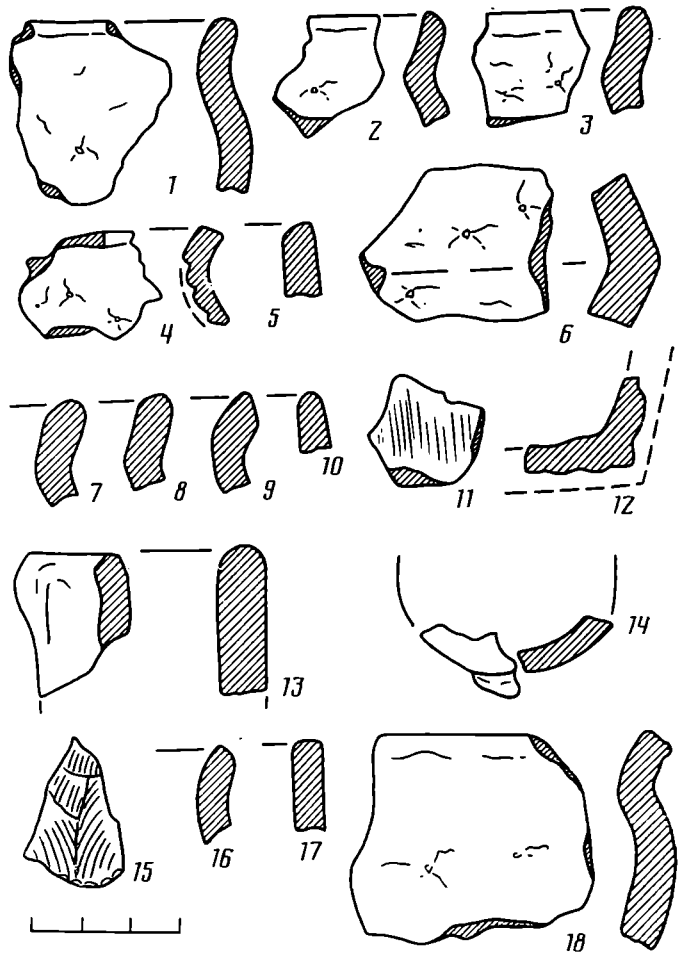


Рис. 3. *1—12, 16—18* — керамика; *13, 14* — тигли; *15* — кремень

сходила «на нет». Угольный слой перекрывал площадку диаметром более 11 м, сооруженную из горизонтально положенных крупных плит известняка (рис. 5, *1*). На ее поверхности во многих местах прослежена прослойка прокаленного докрасна песка, разделявшая угольный слой и плитняковую вымостку.

В центре площадки расчищен круглый в плане очаг из сильно обожженных мелких булыжных камней. Диаметр очага около 2 м. Он частично нарушен ямой перекопа.

В угольном слое, перекрывавшем плитняковую вымостку, найдены разрозненные необожженные кости крупного рогатого скота, фрагменты лепной керамики (рис. 4, *1—3*), бронзовая цепочка (рис. 4, *13*), костяная поделка (рис. 4, *11*).

На очаге обнаружены фрагменты кальцинированных костей человека и свиньи. Последняя представлена кусками стенки челюсти и свода черепа, а также резцом. Здесь же находились две непрогоревшие деревянные плашки, глиняное пряслице (рис. 4, *9*) и обработанная известняковая плитка с незавершенным отверстием (рис. 4, *10*).

В юго-западной части площадки открыто большое скопление кальцинированных костей и кусков обугленной бересты. Сверху скопление было перекрыто углистым слоем. Под скоплением найдены два донца от берестяных сосудов, стоявших рядом (рис. 6, *1*, *3*). Над донцем меньшего сосуда среди костей найдена трапециевидная бронзовая подвеска (рис. 4, *12*), близ этого сосуда — обломки спирального двухоборотного перстня (рис. 4, *6*).

Определение костей показало, что в скоплении содержались сожженные остатки двух человек (вероятно, мужчина и женщина), собаки, мед-

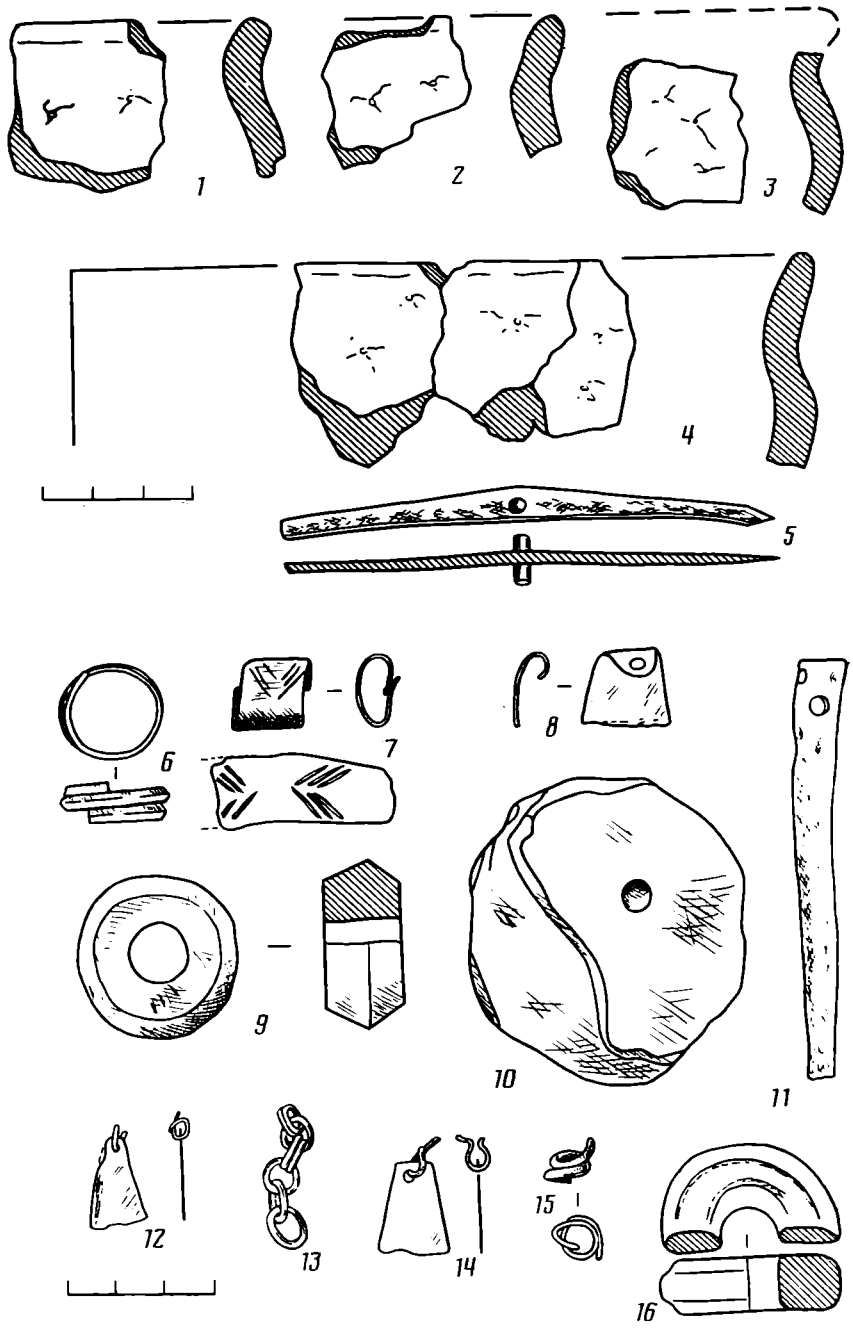


Рис. 4. *1—4, 9* — глина; *5* — железо; *6—8, 12—15* — цветной металл: *10, 16* — камень; *11* — кость

ведя (когтевая фаланга, фрагменты свода черепа), крупного рогатого скота и рыб (в том числе щуки). Возможно, кости мужчины (?) и женщины (?) находились в разных урнах. С кем из погребенных были сожжены собака, медведь (очевидно, шкура с головой и лапами), а также жертвенное мясо (?) и рыбы (?), определить трудно. Можно только догадываться, исходя из размеров урн, что эти кости находились в большей из них при мужском (?) погребении. Учитывая также, что среди перемещенных костей были обнаружены кости незрелого человека, можно полагать, что один из двух погребенных (женщина?) был сравнительно юного возраста.

С северо-запада на плитняковую площадку вел всход, сложенный из плит в виде пандуса и приложенный к конструкциям насыпи. При расчистке всхода среди камней найден железный сошник XVIII—XIX вв.[4]

[4] Определение М. А. Миролюбова (Гос. Эрмитаж).

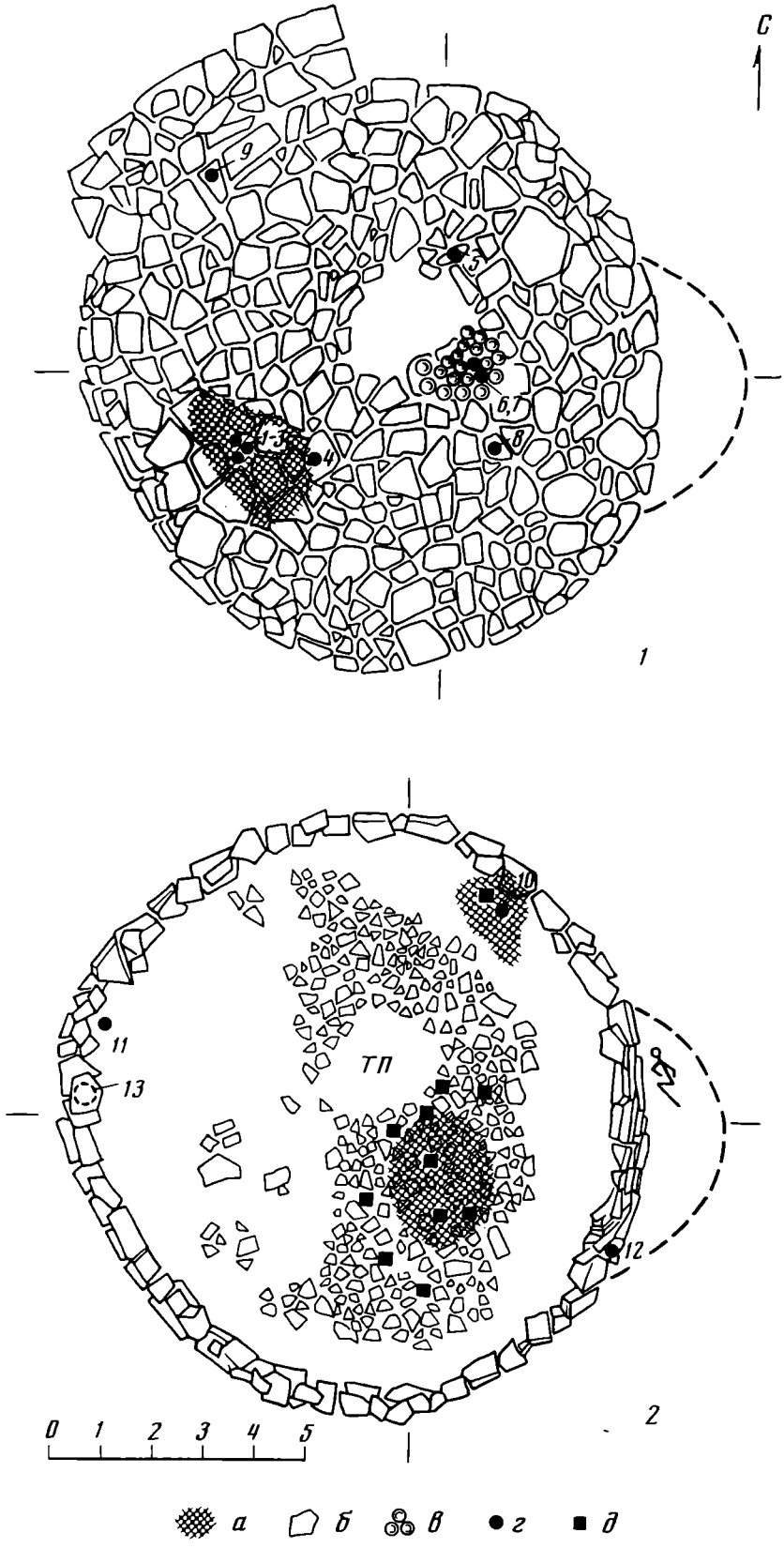


Рис. 5. Курган у д. Романово. План каменных конструкций верхнего (*1*) и нижнего (*2*) яруса. *а* — кальцинированные кости; *б* — камни; *в* — очаг; *г* — индивидуальные находки (*1, 2* — обломки перстня; *3, 9, 10* — трапецневидные подвески; *4* — спиралька; *5* — костяная поделка; *6* — глиняное пряслице; *7* — каменный предмет; *8* — цепочка; *11* — браслет; *12* — железный предмет; *13* — захоронение жеребенка); *д* — фрагменты керамики; *ТП* — скопление переотложенных погребений по обряду трупоположения

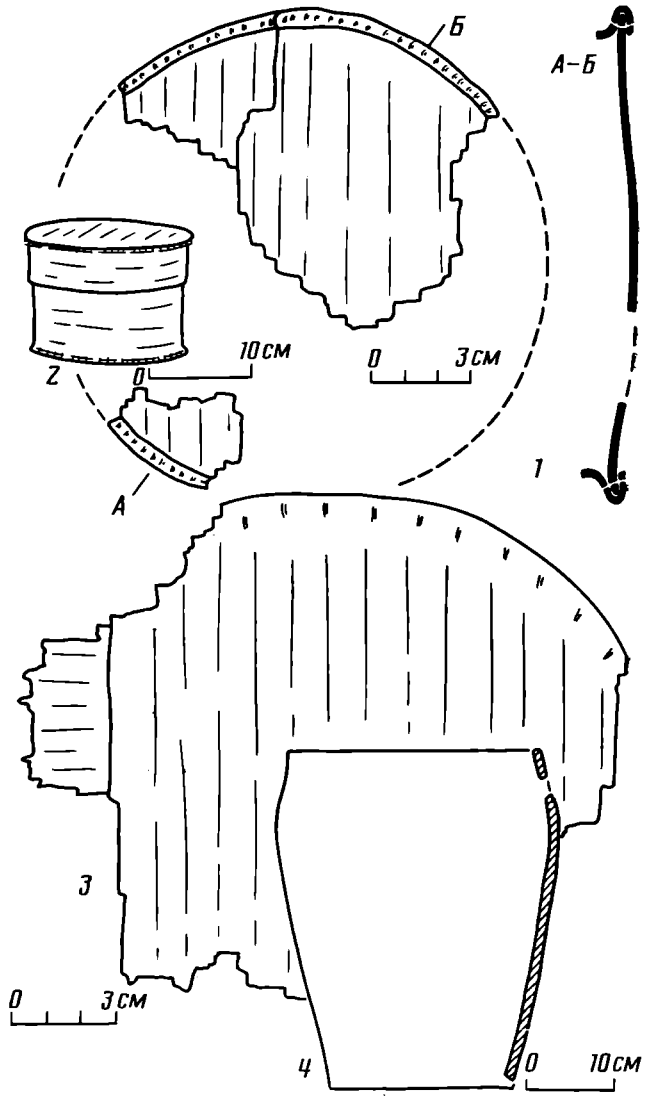


Рис. 6. Фрагменты (*1, 3*) и реконструкции (*2, 4*) погребальных урн. *1—3* — береста. погр. 1—2 верхнего яруса; *4* — глина, погребение нижнего яруса

Плитняковая площадка была сооружена на слое плитняковой подсыпки кургана. При разборке слоя мелкого плитняка, составлявшего подсыпку, найдены разрозненные неопределимые кальцинированные косточки и трапециевидная бронзовая подвеска (рис. 4, *14*). Среди плит, использовавшихся при насыпке плитнякового слоя, обнаружен также разбитый на две половинки жернов.

Под слоем плитняковой подсыпки открылись остатки первоначальной курганной насыпи, отделенной от слоя плитняка пепельно-зольной прослойкой. Древнейшая насыпь — круглый полусферический курган (диаметр более 11, высота около 1 м), насыпанный из коричневого суглинка с щебнем. В северо-восточной части кургана на склоне первоначальной насыпи найдено скопление фрагментов лепного сосуда (рис. 4, *4*), несколько кальцинированных косточек и трапециевидная подвеска (рис. 4, *8*). Вероятно, это скопление представляет собой остатки урнового погребения по обряду кремации на стороне, первоначально помещенного на вершине насыпи, но впоследствии сползшего по склону кургана и разрушившегося (урна разбита, основная часть погребения развеяна).

В суглинковой насыпи найдены фрагменты лепных сосудов, мелкие кости животных. Курган, несомненно, был насыпан из слоя более древнего селища. Остатки слоя селища были обнаружены под насыпью кургана и отделялись от него пепельно-зольной прослойкой. В слое селища под насыпью найдены фрагменты лепной керамики и кости.

В подошве суглинковой насыпи открыта вымостка неправильных очертаний, сложенная из мелкого плитняка. Она была окружена кольцевой плитняковой оградкой, сложенной на высоту двух — семи камней (рис. 5, *2*). На плитняковой вымостке прослежены остатки кострища и слабая прокаленность, найдены разрозненные кальцинированные кости, рассыпанные на поверхности вымостки, а также 10 фрагментов от толстостенного лепного сосуда. Внешняя поверхность стенок сосуда была слегка повреждена воздействием вторичного обжига. На внутренней поверхности сохранились следы пепла. Гипотетическая реконструкция (рис. 6, *4*) показывает, что сосуд имел форму, приближающуюся к банковидной. В западной стороне внутреннего пространства оградки на уровне вымостки над подошвенной зольной прослойкой найдена свернутая в обойму половинка бронзового пластинчатого браслета, украшенного гравированным орнаментом (рис. 4, *7*).

В западной стороне плитняковой оградки среди камней был обнаружен замурованный в кладку костяк новорожденного жеребенка, лежавший в анатомическом порядке [5].

Кольцевая оградка с западной стороны была перекрыта суглинковой насыпью, что позволяет говорить об их относительной хронологии. С восточной стороны, где кладка оградки сохранилась на высоту до семи камней, она была перекрыта насыпью только изнутри: впоследствии верхняя часть кладки обвалилась на полу кургана, сохранив порядок кладки камней. При разборке оградки среди камней найден железный предмет (рис. 4, *5*).

В заполнении ямы, прорезавшей курган до основания, найдены фрагменты стенок лепных сосудов, отдельные кальцинированные косточки, разрозненные необожженные кости человека. Основное скопление последних обнаружено на дне ямы в сброшенном, переотложенном состоянии. Здесь имеются кости четырех субъектов: мужчины в возрасте от 40 до 50 лет, череп которого несет следы деформации, женщины в возрасте между 20 и 30 годами, мужчины того же возраста и подростка 13—17 лет. На фалангах пальцев, локтевой и лучевой костях и грудине одного из погребенных прослежены следы окиси меди.

В восточной стороне насыпи, под аморфным развалом мелкого плитняка, как отмечалось, находился завал из крупных известняковых камней, набросанных в несколько слоев. Под ним открылась сегментовидная в плане вымостка из мелкого плитняка, примыкающая к кладке оградки снаружи. На вымостке расчищен скелет женщины в возрасте между 20 и 30 годами (рис. 7), лежащий в нетрадиционной позе: головой на северо-запад, на правом боку, руки согнуты в локтях, пальцы скрючены, ноги согнуты в коленях. В районе ключиц найден бронзовый крест-тельник (рис. 7, *2*) XVI—XVII вв. [6]

Изложенные наблюдения позволяют в общих чертах проследить процесс формирования насыпи сопковидного кургана и выявить элементы ритуальных действий, связанных с процессом погребального обряда. Местом для совершения древнейшего погребения был избран высокий берег реки близ излучины. Предварительно поверхность была подвергнута очистительному воздействию огня. Затем была сооружена вымостка из плитняка, также подвергнутая очистке огнем. На вымостке было рассыпано погребение, совершенное по обряду сожжения на стороне, и разбита урна, в которой было принесено погребение. Затем (или одновременно с сооружением вымостки) была возведена кольцевая плитняковая оградка, в западной стороне которой в кладку был замурован новорожденный жеребенок (жертва?). После этого погребальная площадка была перекрыта суглинковой насыпью.

Тогда же или, возможно, по истечении некоторого времени на вершину насыпи был поставлен сосуд с погребением по обряду сожжения на стороне. С течением времени сосуд был опрокинут, разбился, сполз

---

[5] В предварительной информации определение неверно. [3, с. 6].

[6] Консультация Т. В. Николаевой (ИА АН СССР).

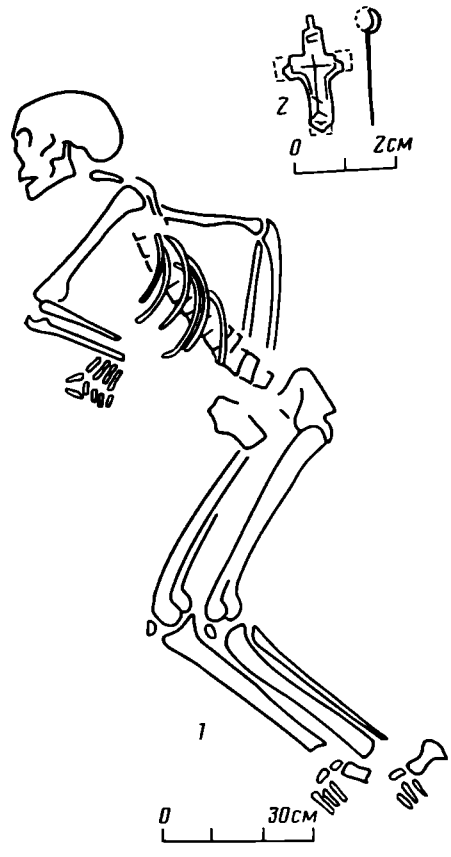


Рис. 7. Погребение по обряду трупоположения (*1*) и сопровождающий его крест-тельник (*2*)

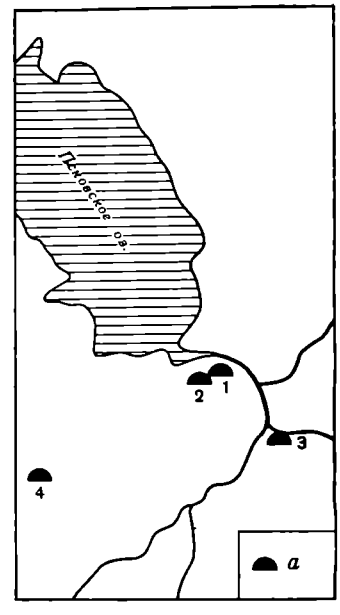


Рис. 8. Распространение погребальных памятников типа Северик — Малы. *а* — могильник (*1* — Романово; *2* — Северик; *3* — Ерусалимская; *4* — Малы)

к поле насыпи, и большая часть погребения оказалась развеянной ветром.

Через некоторое время (очевидно, длительное, так как оградка успела частично разрушиться) погребальное сооружение было использовано вторично. Поверхность кургана была подвергнута очистке огнем, при этом, вероятно, использовалась солома или хворост, так как прослойка золы и пепла не содержала углей. Затем над древнейшей насыпью был насыпан курган из плитнякового камня. При этом в процессе досыпки среди плитняка насыпи было разбросано какое-то (судя по единичным находкам кальцинированных костей, незначительное) количество погребений по обряду сожжения на стороне (одно?). Плитняковая насыпь была завершена горизонтальной площадкой, сложенной из крупных плит известняка насухо. Для выравнивания поверхности площадки она была присыпана слоем речного песка. В центре площадки был сооружен очаг из булыжных камней, а с северо-запада на нее вел всход, также сложенный из камня. Взойти на площадку, таким образом, можно было, только двигаясь с северо-востока на юго-запад — лицом в сторону реки. На площадке было разбросано погребение по обряду сожжения на стороне. На очаг была положена часть туши свиньи (голова?), а к юго-западу от очага были поставлены две погребальные урны из бересты. В них находились кальцинированные кости двух субъектов, при одном из них (женщина?) были бронзовые украшения, вместе с другим (?) погребением (мужчина?) были сожжены шкура (?) медведя, собака, куски жертвенного мяса и жертвенные рыбы. На центральном очаге был разведен огонь, при этом он был настолько силен, что берестяные урны погребений частично обуглились и развалились на куски.

По окончании погребальной церемонии недогоревшие поленья на центральном очаге были залиты водой и сюда положили бытовые предметы (пряслице, костяной и каменный предметы). Затем сооружение было перекрыто «панцирем» из мелкого плитняка, чешуей спускавшегося от вершины к полам.

Через некоторое время погребальная насыпь была использована в третий раз. В центр ее были впущены четыре погребения по обряду ингумации, а сама насыпь досыпана слоем селища, на месте которого был возведен курган.

В XVI—XVII вв. к оградке древнейшего погребального сооружения, вероятно, еще не заплывшей землей, строго с востока была пристроена в плане вымостка, на которую положили тело молодой женщины. Его завалили крупными камнями. Обращает на себя внимание нетрадиционное положение костяка, прежде всего положение рук и фаланг пальцев. Ознакомившийся с фотографиями погребения проф. Я. А. Смусин — специалист в области судебной медицины — не исключает возможность погребения заживо. Не исключена связь данного погребения с реликтовым язычеством, зафиксированным для XVII в. в окрестностях Пскова[7].

Яма, прорезавшая курган до основания, относится к сравнительно недавнему прошлому. По данным Н. Ф. Окулич-Казарина, раскопки кургана были произведены в 1880 г. В. Л. Беренштамом, И. И. Васильевым и А. М. Кислинским, но сведения о результатах этих работ мне неизвестны [1, с. 252]. По-видимому, именно раскоп 1880 г. разрушил впускные погребения. После засыпки колодца раскопа и дернования поверхности кургана насыпь приняла дошедший до нас облик.

Хронология выделенных этапов формирования сопковидного кургана затруднена. Не вызывает сомнения лишь ориентировочная датировка «криминального» захоронения. Время впускных погребений определяется широко в пределах средневековья, поскольку украшения, сопровождавшие одного из покойников, до нас не дошли.

Датировка двух основных этапов формирования насыпи может быть определена широко в пределах последней четверти I тыс. н. э. Нижней датой служит время функционирования селища, на месте которого и из слоя которого была сооружена древнейшая насыпь. Селище, судя по находкам керамики и тиглей, принадлежит к кругу памятников типа Камно, датируемому в пределах VIII—X вв. [5, с. 92—95]. Кстати, само городище Камно находится в 3 км выше по течению р. Каменки. Уточнению датировки в известной мере способствует форма урны, разбитой в основании насыпи: сосуд относится к керамике рыугеского типа, при этом, судя по форме венчика, к ранним ее вариантам [6], т. е. может быть датирован в пределах VIII—IX вв. Точная дата браслета не устанавливается. Обломки сосуда, найденного у северной полы кургана, не позволяют полностью восстановить форму, но, судя по профилю верхней части сосуда, он относится к несколько более позднему времени, чем урна, разбитая в основании насыпи, что подтверждается и относительной хронологией находок.

Погребальный ритуал, связанный с конструкциями верхнего яруса, можно датировать только предположительно — в пределах IX—X вв., так как ни одна из находок, связанных с погребениями или обрядовыми действиями этого этапа сложения насыпи, не имеет твердо установленных дат.

Сопковидный курган у д. Романово по выявленным деталям погребального обряда не находит себе прямых аналогий. В последней монографии В. В. Седова он учтен как сопка [7, с. 60, 61, карта 9, № 19]. Действительно, многоярусность погребений и применение при сооружении камня (в частности, наличие кольцевой каменной оградки в основании) определенно сближает исследованный курган с кругом древностей сопочного типа [8, с. 12—23], остающихся до настоящего времени пред-

[7] Консультация Б. А. Рыбакова (ИА АН СССР).

метом оживленной дискуссии [8; 9, с. 212—241; 10, с. 152—163; 11, с. 11—16] [8].

В то же время нельзя безоговорочно относить курган у д. Романово к сопкам. Погребальные конструкции древнейшего яруса и детали обряда находят себе прямые аналогии в древностях круга каменных могильников Эстонии: плитняковая оградка, разбросанные в пределах внутреннего пространства оградки остатки сожжения на стороне, разбитая урна. Как и у каменных могильников, у исследованного памятника имелась низкая погребальная насыпь, почти не возвышающаяся над оградкой. Последняя, однако, имела в плане круглую форму, в то время как оградки в каменных могильниках в плане четырехугольные — прямоугольные или квадратные [13, с. 49—159; 14].

Ближайшее соответствие конструкциям нижнего яруса кургана — погребения с оградками в могильнике Северик, расположенном на левом берегу р. Каменки, непосредственно напротив кургана у д. Романово. Сходство заключается в конструкции оградок, насыпи, инвентаре, помещении в погребальном комплексе жертвенных лошадей [15, с. 49—51]. По мнению К. М. Плоткина, курганы могильника Северик, конструктивную основу которых составляли оградки круглой в плане формы, «несут следы деградации традиционного погребального обряда» и относятся к наиболее позднему времени функционирования могильника [15, с. 50]. Ранние погребальные сооружения могильника, имевшие прямоугольные в плане оградки, определены исследователем в пределах VII—VIII вв., поздние (с круглыми оградками) датированы VIII—IX вв. [15, с. 50].

Наличие центрального очага на площадке верхнего яруса и помещение на очаг бытовых предметов сближает конструкции этого яруса с погребениями приладожской курганной культуры [16, с. 11—19]. Конструкции всхода на площадку верхнего яруса аналогичны всходам курганов с каменными подкурганными конструкциями и саркофагами, сложенными из плитнякового камня, в могильнике у д. Малы под Изборском [17, с. 91, 92]. Погребения мальских курганов, однако, совершены уже по обряду трупоположения и датируются в пределах X—XII вв. В. В. Седов справедливо сопоставляет мальские курганы, имевшие каменные конструкции, с ящичными погребениями в Эстонии рубежа I—II тыс. н. э., генетически восходящими к каменным могильникам Эстонии первой половины I тыс. н. э. [18, с. 81—89; 19, с. 76].

Определенную аналогию для исследованного сопковидного кургана, безусловно, представляет курган у д. Ерусалимская, исследованный в 1976 г. В. А. Тюленевым. В пределах кольцевой плитняковой оградки здесь было обнаружено погребение по обряду сожжения на месте. По находке гончарной керамики исследователь датировал комплекс X в. [20, с. 36].

К сожалению, поиски аналогий выявленным деталям обряда с использованием в ритуале жертвенных животных затруднены, так как определения остеологического материала и кальцинированных костных остатков производились не всегда и любые сопоставления будут носить случайный характер. Можно только отметить, что все эти детали имеют соответствие в погребальных обрядах с устойчивыми финскими традициями: приладожские курганы, сопки, курганы Ярославского Поволжья [8, с. 22; 10, с. 160; 16, с. 97—113; 21, с. 109—114; 22, с. 92—95].

---

[8] Большинство споров о сопках вызвано неудовлетворительным состоянием фактического материала. Из почти 500 зафиксированных в сводке 1970 г. пунктов, в которых учтено более 1000 насыпей, исследования (на 1970 г.) проводились только в 36 пунктах, а среди «60 с лишним» раскопанных сопок в советское время было исследовано только 8 [9, с. 217]. Именно поэтому каждая новая сопковидная насыпь, подвергнутая раскопкам, добавляет значительную и зачастую принципиально новую информацию и сразу оказывается в центре внимания исследователей. Сопковидный курган у д. Романово, кстати, из-за своей сравнительно небольшой высоты вплоть до самого последнего времени оставался за пределами существующих сводок по сопкам [8, 9, 12] и был включен в число памятников этого типа только после раскопок [7, с. 61].

Сопковидная насыпь у д. Романово вместе с курганами у деревень Северик, Ерусалимская и Малы относится, на мой взгляд, к особому кругу древностей, возникших на пограничье между эстонскими каменными могильниками и псковскими длинными курганами. На первом этапе (VII—VIII вв.) основу для формирования этой группы памятников составило смешение традиций погребального обряда каменных могильников и длинных курганов (Северик, курганы с прямоугольными оградками). На втором этапе (VIII—IX вв.) участие в намечающемся процессе приняли проникшие с востока традиции сопок (Северик, курганы с кольцевыми оградками; Романово). Курганы у д. Ерусалимская можно рассматривать как следующий этап в развитии погребального обряда (X в.), переходный к памятникам типа мальских курганов (XI—XII вв.). Мальские курганы завершают наметившуюся цепочку в развитии погребального обряда. Подчеркну, что все перечисленные памятники расположены очень компактно, и максимальное расстояние между ними (от Малов до Ерусалимской) едва ли превышает 50 км (рис. 8).

ЛИТЕРАТУРА

1. *Окулич-Казарин Н. Ф.* Материалы для археологической карты Псковской губернии.— Тр. ПАО, 1914, т. 10.
2. *Белецкий С. В.* Разведка в низовьях р. Великой.— АО — 1974. М., 1975.
3. *Белецкий С. В.* Охранные раскопки под Псковом.— АО — 1975. М., 1976.
4. *Белецкий С. В.* Отчет о работах отряда по изучению окрестностей Пскова за 1975 год.— Архив ИА АН СССР, р-1, № 6151, 6151-а.
5. *Белецкий С. В.* Керамика городища Камно Псковской обл.— КСИА, 1977, вып. 150.
6. *Аун М.* Лепная керамика городищ и селищ Юго-Восточной Эстонии во второй половине I тыс. н. э.— Изв. АН ЭССР, 1978, т. 25, обществ. науки, № 1.
7. *Седов В. В.* Восточные славяне в VI—XIII вв. Археология СССР. М.: Наука, 1982.
8. *Седов В. В.* Новгородские сопки.— САИ, 1970, вып. Е1-8.
9. *Носов Е. Н.* Источники по славянской колонизации Новгородской земли.— Вспомогательные исторические дисциплины, 1974, вып. VI.
10. *Лебедев Г. С., Рябинин Е. А.* Сопки и жальники.— В кн.: Проблемы археологии. Вып. 2. Л., 1978.
11. *Пронин Г. Н.* Сопки, курганы, жальники (к вопросу о преемственности).— КСИА, 1981, вып. 166.
12. *Чернягин Н. Н.* Длинные курганы и сопки.— МИА, 1941, № 6.
13. *Шмидехельм М. Х.* Археологические памятники периода разложения родового строя на северо-востоке Эстонии (V в. до н. э.— V в. н. э.). Таллин: Эстгосиздат, 1955.
14. *Лаул С. К.* Юго-Восточная Эстония в период раннего железа (II—V вв. н. э.): Автореф. канд. дис. Таллин: АН ЭССР. Отд. общ. наук, 1974.
15. *Плоткин К. М.* Курганный могильник у д. Северик.— В кн.: Археология и история Пскова и Псковской земли. Тез. докл. научно-практической конференции, вып. 2. Псков, 1982.
16. *Кочкуркина С. А.* Юго-Восточное Приладожье в X—XIII вв. Л.: Наука, 1973.
17. *Седов В. В.* Мальский курганно-жальничный могильник близ Изборска.— КСИА, 1976. вып. 146.
18. *Sedov V. V.* Slav-Westfinnish Links in Izborsk and its nieghborhood.— Fenno-ugri et slavi. 1978. Helsinki, 1980.
19. *Selirand J.* Eestlaste matmiskombed varafeodaalsete suhete tärakamise perioodil. Tallinn: Valgus, 1974.
20. *Тюленев В. А., Тюленева О. И.* Раскопки курганов у д. Ерусалимская.— АО — 1976. М., 1977.
21. *Назаренко В. А.* Исторические судьбы Приладожья и их связь с Ладогой.— В кн.: Славяне и Русь. Киев: Наук. думка, 1979.
22. Ярославское Поволжье. X—XIII вв. М.: Сов. Россия, 1963.

S. V. Beletsky

A BURIAL MOUND AT THE VILLAGE OF ROMANOVO NEAR PSKOV

Summary

Conservation diggings were conducted in 1974—1975 of the decaying mound at the village of Romanovo. It turned out to conseal some stone constructions and a number of burials. The primary burial construction is dated between the 8th and 9th centuries, while the burials of «the second tier» are related to the 9th century. Some details of

the burial rite have a vast number of analogies in the Estonian culture of stone burial grounds, in the culture of Novgorodian mounds or of those near Lake Ladoga. However, burial sites of the 7th through 11th century in the lower reaches of the Velikaya River and its tributaries (Severik, Erusalimskaya, Maly) seem to be more close to the mound at Romanovo and form, according to the author, an individual group. In the early Russian time four secondary burials were made in the mound. In the 16th or 17th century a small-sized paved patch was added to the east side of the stone burial construction. A young woman was buried alive on it.

Е. Г. АНДРЕЕВА

КОСТНЫЕ ОСТАТКИ ИЗ КУРГАНА У ДЕРЕВНИ РОМАНОВО

На определение поступили 6 пакетов костных остатков из раскопок кургана у д. Романово под Псковом.

Пакет 1. Расчистка очага. Кости кальцинированные. Определены кости человека (фаланга пальца, кусок грудного позвонка) и свиньи (зуб-резец, куски стенок челюстей и свода черепа).

Пакет 2. Скопление перемещенных костей. Кости кальцинированные. Определены кости человека (два фрагмента концов костей, лишенных эпифизов, кусочки тел позвонков, крышки черепа), возможно, незрелого.

Пакет 3. Кости из углистого слоя верхнего яруса погребений. Кости кальцинированные. Определены кости рыбы (маленькое тело позвонка) и человека (куски тел позвонков, кусок таза, куски трубчатых костей разного диаметра).

Пакет 4. Погребения 1 и 2 верхнего яруса. Кости кальцинированные. Основное их количество принадлежит человеку, при этом не менее чем двум особям. Об этом говорят: два куска от двух эпистрофеев, три куска каменистых костей. Очень много кусков свода черепа: имеются более толстые и более тонкие, что косвенно наводит на мысль о наличии мужского и женского захоронений. Имеются хорошо сохранившиеся куски челюстей с лунками, один корень зуба, крупные куски разных позвонков и ребер, хорошо определимые куски трубок большой и малой берцовых костей, головок и суставов трубчатых костей, два куска астрагалов и куски таза.

Кроме человеческих костей найдены кости животных: медведя (коготь, куски черепа), собаки (кусок локтевой кости, фаланг добавочного пальца), крупного рогатого скота (зуб-резец, кусок фаланги и др.), рыб (пять тел позвонков, часть челюстной кости щуки).

Пакет 5. Жертвенное захоронение, замурованное в кладку. Кости некальцинированные. Все принадлежит жеребенку, по-видимому, новорожденному или первых недель жизни. Сохранились почти все кости туловища и ног. Позвонки не все, не хватает также некоторых фаланг. Кости все без эпифизов. Кости черепа распались по швам. Не хватает одной ветви нижней и верхней челюсти. Зубы в непрорезавшемся состоянии. Не хватает также некоторых костей черепа.

Пакет 6. Кости из насыпи кургана. Кости некальцинированные. Все разрозненные, фрагментированные. Принадлежат животным: крупному рогатому скоту (зуб верхней челюсти, астрагал), мелкому рогатому скоту (кусочек нижней челюсти с зубами), свинье (зуб-резец), лошади (кусок берцовой кости и суставная).

О. А. ТРУСОВ

БЕЛОРУССКАЯ ЧЕРЕПИЦА XIV—XVIII ВВ.

Среди кровельных материалов достойное место занимает черепица. Бесспорны ее положительные качества: прочность, долговечность и огнестойкость. К сожалению, ее безупречности мешают большой вес, хрупкость, необходимость устройства крыши с большим уклоном (более 30° в средней полосе СССР). Для производства черепицы требуется более жирная и пластичная глина, чем для приготовления кирпича [1, с. 118]. Долгое время производство черепицы было, по сравнению с другими огнестойкими и долговечными кровельными материалами, относительно дешевым, и поэтому она широко применялась в строительстве многих европейских стран.

В Киевской Руси черепица известна с конца X в. Одно из первых монументальных сооружений Киева — Десятинная церковь была покрыта черепицей, которая имела вид изогнутых кирпичей размером 30×60 см [2, с. 8]. Но вскоре от этого типа покрытия кровли отказались. Софийский собор в Киеве уже в основном был покрыт свинцовыми листами, которые укладывались по верху сводов, предварительно обмазанных раствором. Однако в качестве кровельного материала применялись и специальные лекальные выгнутые плинфы [2, с. 12].

Все известные нам памятники XI—XII вв. на территории Белоруссии были накрыты свинцовыми листами. Куски расплавленного кровельного свинца найдены при раскопках храмов в Полоцке и Гродно, а также при изучении гражданской постройки XII в.— княжеского терема, расположенного на территории Старого замка в г. Гродно [2, с. 94, 96, 97, 102, 103]. Свинцовые листы крепились к сводам при помощи кованых гвоздей. Эти гвозди обнаружены при изучении сводов Спасской церкви Евфросиньева монастыря в Полоцке [2, с. 97].

Не исключено, что купола самых богатых храмов, например Полоцкой Софии, могли быть покрыты медными позолоченными листами по образцу некоторых киевских церквей, например надвратного храма Золотых ворот [3, с. 110].

В Белоруссии черепица известна с XIV в. Наиболее ранний тип черепицы имел полуциркульную форму и обнаружен М. В. Малевской при раскопках церкви и гражданской постройки на Новогрудском детинце [4, рис. 31, *10*. *14*]. Исследователь убедительно датирует гражданскую постройку и период реконструкции храма на детинце (по большемерному кирпичу, раствору, технике кладки и другим архитектурно-археологическим данным) серединой — второй половиной XIV в. [5, с. 123, 124]. К этому же времени относится и кровельная черепица из Новогрудка (рис. 1, *1*).

Аналогичная черепица обнаружена нами во время изучения башен Лидского замка. От юго-западной башни остались только фундаменты, которые залегают на одном уровне с фундаментами стен замка и выполнены в одинаковой технике, что указывает на одновременность их возведения (30-е годы XIV в.) [6, с. 35].

Северо-восточная башня сохранилась на высоту от 4 до 8 м и пристроена к замковым стенам без перевязки. Ее фундаменты залегают глубже фундаментов замковых стен, что говорит о разном времени их сооружения. По технике кладки, размерам кирпича и составу известкового раствора можно считать, что северо-восточная башня построена в

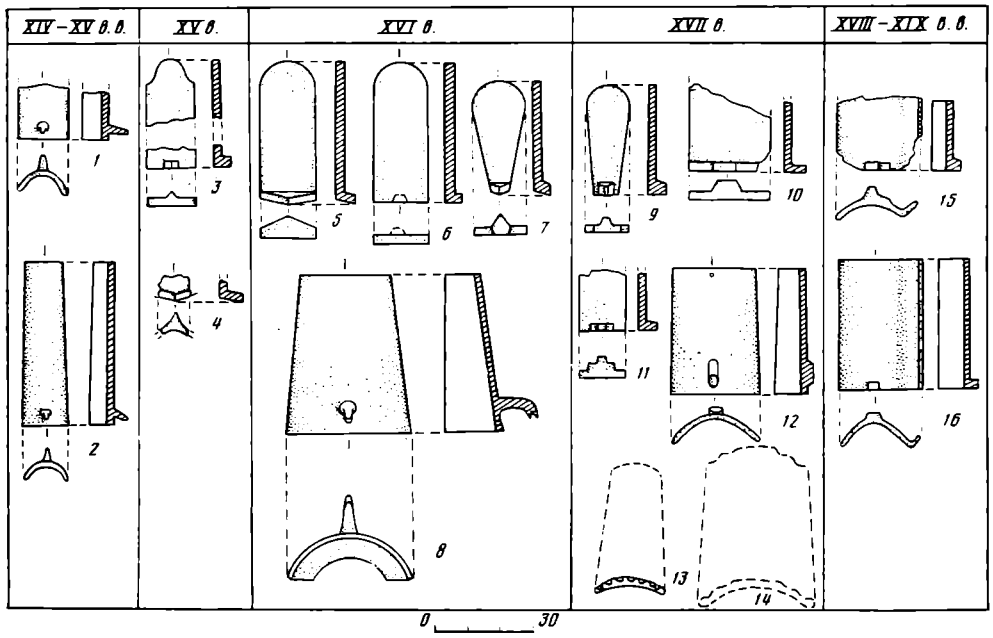


Рис. 1. Основные типы белорусской черепицы XIV—XVIII вв. *1* — фрагмент полуциркульной черепицы XIV в. Новогрудок, Детинец (раскопки М. В. Малевской); *2* — полуциркульная черепица конца XIV — начала XV в. из Лидского замка; *3* — черепица «бобровый хвост» XV в., Гродно, Пречистенская церковь (раскопки Н. М. Чернявского); *4* — фрагмент полуциркульной черепицы со следами зеленой поливы, костел в Ишкольди, Барановичский р-н, Брестская обл., конец XV в.; *5*—*7* — черепица первой половины XVI г. из Мирского замка; *8* — коньковская готическая черепица первой половины XVI в. (реконструкция С. И. Веремейчика); *9* — черепица начала XVII в., замок в д. Гольшаны, Ошмянский р-н. Гродненская обл. (раскопки И. М. Чернявского); *10* — плоская черепица XVII в., Мирский замок; *11* — плоская черепица со сложнопрофилированным крепежным шипом, Минск (раскопки В. Е. Соболя); *12* — чернолощеная коньковая черепица XVII в., Гродно, Бригитский костел; *13* — коньковая черепица XVII в., Минск, Петропавловская церковь; *14* — коньковая черепица XVII в., Гродно, Бригитский костел; *15* — волнистая черепица XVIII в., Мирский замок; *16* — волнистая черепица XIX в., Ружанский р-н, Брестская обл.

конце XIV — начале XV в. [6, с. 35—36]. Эта датировка подтверждается и историческими сведениями [7, с. 40].

Основное количество черепицы собрано при раскопках северо-восточной башни. Она не встречается ниже уровня прослойки, связанной со строительством башни. Эта прослойка перекрывает тонкий культурный слой, успевший отложиться на замковом дворе в первой половине — середине XIV в. Такая же черепица найдена и возле другой замковой башни. Очевидно, что она тоже датируется концом XIV — началом XV в. и свидетельствует, что обе башни получили черепичную кровлю одновременно.

Лидская черепица имеет полуциркульную форму, на ее поверхности в 3—4 см от широкого края в центре гребня расположен крепежный выступ (длиной до 6 см) в виде толстого зуба (рис. 1, *2*). Длина черепицы 50—52 см, широкий конец ее имеет диаметр 14—15, узкий — до 11 см. Толщина черепицы достигает 2—2,5 см. Иногда эта черепица имеет и меньший шип, расположенный в центре внутренней полуокружности широкого конца [6, с. 36]. Похожая черепица известна в Новгороде. С. Н. Орлов датирует этот вид полуциркульной черепицы XIV—XVI вв. [8, с. 238, 239, рис, 3, *1*].

Нам пока неизвестны пути проникновения полуциркульной черепицы в Белоруссию. В польской и литовской литературе этот тип черепицы не приводится, но несомненно, что он восходит еще к древнеримским и древнегреческим образцам желобчатой черепицы. В Грузии самые ранние формы полуциркульной черепицы датируются IV—III вв. до н. э. [9, с. 96]. Во многих районах Грузии желобчатая черепица была единственным видом кровельной черепицы. Технологию ее производства, опи-

раясь на этнографический материал, приводит А. Анакидзе. Изготовлялась она ручным способом, длина черепицы достигала 50 см. Интересно, что ее крепежный шип имел такую же форму, как и у лидской черепицы, и так же прикреплялся. Мастер до высушки черепицы делал большим пальцем углубление в ее стенке, в которое всажпвал отдельно приготовленный отросток (крепежный шип) с круглым основанием [9, с. 88, рис. 24, 25, 29, 30]. Затем он придавливал его глиной, отчего оставалась впадина от пальца, и черепица обжигалась.

Желобчатая черепица с сукообразным крепежным выступом применялась в античное время в кавказской Албании (Азербайджан). Раннесредневековая черепица, найденная на территории Азербайджана, имеет определенное сходство с античной [10, с. 59, рис. 7].

Возможно, что некоторые каменные постройки, возведенные в XII в., в XIV—XV вв. сохраняли старую свинцовую кровлю, которая могла ремонтироваться, и переход на черепичное покрытие осуществлялся постепенно, под влиянием нового архитектурного стиля — готики. Мы располагаем сведениями о применении свинцовых листов для покрытия сводов псковских храмов в XIV—XV вв. Так, Ю. П. Спегальский считает, что Троицкий собор в Пскове, сооруженный в 1365—1367 гг., был накрыт свинцом, уложенным прямо по сводам [11, с. 66]. Он же приводит летописные сообщения о ремонте этого собора в 1420—1421 гг., когда строительная артель покрыла кровлю новыми свинцовыми листами («досками») [11, с. 25, 66]. Вероятно, поэтому при раскопках храмов XII в. в Полоцке, Гродно и Витебске обнаружена только более поздняя плоская и волнистая черепица, применявшаяся уже после полной перестройки верхних частей этих зданий.

В XV в. желобчатую черепицу сменяет плоская. Выгнутую форму с этого времени имеет только коньковая черепица, которая прикрывала все стыки и острые углы кровли. К ранней форме плоской черепицы можно отнести черепицу, обнаруженную Н. Н. Ворониным при исследовании Верхней церкви в Гродно. Это красная, хорошо обожженная черепица (ширина 15, толщина 2 см), закругленная с одной стороны. На противоположном прямоугольном конце находится крепежный выступ округлой формы [12, с. 186, рис. 102, *1*]. Плоская черепица с округлым крепежным выступом бытовала в XV в. на территории Пруссии [13, с. 56]. Округлый крепежный выступ имеет и самая ранняя черепица из Мирского замка, которая относится к началу — первой четверти XVI в.

К XV в., возможно, относятся фрагменты плоской черепицы, обнаруженной И. М. Чернявским при изучении Пречистенской церкви. Один из концов черепицы имеет на обоих углах выемки в четверть круга, а посередине находится прямоугольный выступ шириной около 9 см. Ширина другого прямоугольного конца равна 17—17,5, а толщина — 2 см[1]. Большинство обнаруженных фрагментов черепицы имеют треугольный крепежный выступ (рис. 1, *3*). По нашим данным, этот тип крепежного шипа существует до XVII в.

Похожая черепица в XV в. бытует и в Литве [14, с. 224]. Фрагмент черепицы с треугольным крепежным шипом обнаружен нами после земляных работ возле костела в д. Ишкольдь Барановичского р-на Брестской обл., который сооружен в 1472 г. На внешней поверхности черепицы сохранились затеки зеленой поливы (рис. 1, *4*).

Черепица, один конец которой имеет сложную форму, подобную черепице из раскопок Пречистенской церкви, в литературе получил название «бобрового хвоста». Подобная черепица была известна в строительстве Москвы. Ее размеры 14—16×30—32×1,5—2 см [15, с. 39]. Возможно, что эта черепица бытовала и в XVI в. Ее куски обнаружены нами в слое XVI в. при раскопках Старого замка в г. Гродно.

---

[1] Автор благодарит И. М. Чернявского за предоставленные данные о строительных материалах XV—XVII вв. из раскопок Пречистенской церкви в г. Гродно и замка в Гольшанах.

С XVI в. производство черепицы в Белоруссии резко возрастает, что вызвано интенсивным каменным строительством. Большая коллекция кровельной черепицы этого времени собрана нами при изучении Мирского замка. Это плоская черепица красного цвета, с одним закругленным концом и треугольным крепежным выступом (рис. 1, *5*, *6*). На одной из широких сторон черепицы видны слабые борозды, оставленные руками мастера, выбиравшего излишки глины из деревянной формы. Длина черепицы достигает 42, ширина — 16—17 см, а толщина равна 1,5—2,8 см. Кроме этого, обнаружена еще одна разновидность плоской черепицы, у которой один угол прямоугольного конца срезан по направлению к треугольному крепежному выступу. Найдена также черепица трапециевидной формы с округлым концом (рис. 1, *7*).

В Мирском замке найдены фрагменты готической коньковой черепицы, которую можно отнести к началу — первой половине XVI в. Эта черепица накрывала самый конек островерхой крыши над замковыми стенами и имела длинный (до 8,5—11 см) крепежный выступ, у которого было и декоративное назначение (рис. 1, *8*). Когда-то такая черепица лежала на коньке крыши костела Св. Анны в Вильнюсе. Во время одного из ремонтов часть коньковой черепицы заменили, но на боковых скатах кровли до сегодняшнего дня сохранилась коньковая черепица с декоративными завершениями, покрытая темно-зеленой поливой. Внутренняя сторона коньковой черепицы из Мирского замка иногда украшена своеобразным сетчатым орнаментом. В 1983 г. в Мирском замке найдены фрагменты зеленой поливной коньковой черепицы первой половины XVI в.

Декоративная коньковая черепица разных форм применялась в Белоруссии и в первой половине XVII в. Во время реставрации памятника архитектуры первой половины XVII в.— Бригитского костела в г. Гродно архитектор В. С. Москалев обнаружил два типа коньковой черепицы[2]. К первому типу относится желобчатая черепица с широким концом в 37 см и более узким — 31 см. Длина черепицы 45, толщина около 3 см. Широкий край украшают углубления, сделанные пальцами (по три углубления, ближе к концам широкого края черепицы). Эта черепица датируется началом XVII в. (рис. 1, *14*).

К первой половине XVII в. относится чернолощеная коньковая черепица, имеющая на гребне возле широкого края (длина 28,5 см) декоративный выступ и отверстие для гвоздя возле узкого края (ширина 26 см). Длина черепицы 39, толщина около 2 см (рис. 1, *12*). Этим же временем датируется, вероятно, фрагмент коньковой черепицы, найденной в Минске при реставрации Петропавловской церкви. Широкий край фрагмента украшен налепом (рис. 1, *13*). В течение XVI—XVIII вв. бытовала и обычная желобчатая коньковая черепица, которая имела продолговатый невысокий крепежный выступ, лишенный декоративного значения.

Фрагменты плоской черепицы с приземистым треугольным выступом конца XVI в. обнаружил Г. В. Штыхов в шурфе возле Спасо-Преображенской церкви в Заславле [16, с. 139, рис. 6, *10*]. Нам тоже удалось найти плоскую черепицу толщиной 2 см с закругленным концом и следами пальцев на поверхности при изучении укреплений Заславского замка (первая половина XVII в.). Большое количество плоской черепицы собрано И. М. Чернявским при изучении Гольшанского замка (рис. 1, *9*).

В XVII в. толщина плоской черепицы постепенно уменьшается до 1 см. Исчезают следы пальцев с ее поверхности. Остатки глины выбираются из формы специальным инструментом. Много фрагментов плоской черепицы середины — конца XVII в. обнаружено В. Е. Соболем при изучении Минска и нами во время раскопок ратуши в Могилеве. Треугольный крепежный выступ на протяжении XVII в. превращается в трапециевидный (рис. 1, *10*), появляется ступенчатый прямоугольный

---

[2] Выражаю глубокую благодарность В. С. Москалеву за предоставленные материалы.

шип (рис. 1, *11*). Самое широкое распространение получает прямоугольный, иногда квадратный крепежный выступ.

При изучении строительной черепицы необходимо большое внимание уделять всем основным характеристикам крепежного выступа: форме, высоте и толщине. Литовский археолог В. Жулкус считает, что с изменением формы крыши тесно связано не только изменение типов черепицы, но и некоторых ее элементов, например размеров и форм крепежных выступов [17, с. 40, 41]. Этот вывод подтверждается и нашими исследованиями. Крепежный выступ является основным датирующим элементом черепицы [18, с. 23, 24].

Плоская черепица существовала до конца XVII в. Ею накрывались крыши, имеющие очень большие скаты. Сохранились древние рисунки и изделия деревянной пластики, на которых хорошо видна система расположения черепицы на крышах высоких зданий XVI—XVII вв. Плоская черепица укладывалась внахлест, один ряд на другой, причем крыть крышу начинали снизу вверх. На поверхности крыши видны были только полукруглые концы черепицы, что напоминало рыбью чешую. Недаром в Польше плоская черепица называется «карпювка», так как рисунок, который образует плоская черепица на кровле, похож на чешую карпа. Кроме плоской в XVI—XVII вв. существовала и чешуйчатая черепица. Рисунок такой черепицы, найденной в Коложской церкви, приводит В. Грязнов. Эта черепица была покрыта поливой [19, с. 7].

Небольшие куски черепицы конца XV — начала XVI в., покрытые глухой темно-зеленой поливой, собраны нами возле Ишкольдского костела. Зеленой поливой покрыта коньковая черепица первой половины XVI в. из Мирского замка. Фрагменты черепицы XVII в., покрытые серо-зеленой поливой, обнаружены при раскопках в г. Могилеве на подворье Никольского монастыря и в Старом городе. Черепица, покрытая темно-зеленой поливой, появляется в Пскове в XVI в. [20, с. 90], а в Москве со второй половины XVII в. [21, с. 39].

На рубеже XVII—XVIII вв. плоская черепица в Белоруссии сменяется волнистой [22, с. 31, 32]. Родина этой черепицы — Голландия, поэтому в литературе ее часто называют голландской. Попала она к нам, вероятно, через Литву, так как в Клайпеде она появилась в XVII в. [7, с. 62]. Такой черепицей можно накрывать более пологие кровли, и она легче, чем плоская (рис. 1, *15*, *16*). Толщина ее около 1 см, длина равна 40, ширина — 25 см (существовала черепица и других размеров). В польской литературе волнистая черепица называется «эсувкой», так как профиль ее напоминает латинскую букву «S».

Мы видим, что с XIV по XVIII в. на территории Белоруссии существует несколько основных типов черепицы: полуциркульная (конец XIV—XV в.), плоская (XV—XVII вв.) и волнистая (конец XVII—XVIII в.). Толщина черепицы постепенно уменьшалась с 2,8 до 1 см. Основным датирующим элементом черепицы является форма крепежного выступа, развитие которого обусловлено изменениями конструкции кровли.

ЛИТЕРАТУРА

1. Строительные материалы/Под ред. Скрамантаева Б. Г. М.: Стройиздат, 1954.
2. *Раппопорт П. А.* Русская архитектура X—XIII вв.— САИ, 1982, вып. Е1-47.
3. *Высоцкий С. А.* Золотые ворота в Киеве. Киев: Наук. думка, 1982.
4. *Малевская М. В.* Монументальные сооружения Новогрудского детинца XIV—XV вв.— КСИА, 1973, вып. 135.
5. *Малевская М. В.* Архитектурный комплекс Новогрудского детинца XIII—XIV вв.— В кн.: Древнерусское государство и славяне. Минск: Наука и техника, 1983.
6. *Багласов С. Г., Трусов О. А.* Историко-архитектурные исследования и реставрация Лидского замка.— Вопр. архитектуры ЛитССР, 1981, вып. VII (II).
7. *Шемелевич М.* Город Лида и Лидский замок.— В кн.: Виленский календарь. Вильно, 1906.
8. *Орлов С. Н.* Новгородская черепица XVI в.— СА, 1964, № 2.
9. *Анакидзе А.* Города древней Грузии. Тбилиси: Мецниереба, 1968.
10. *Бабаев И. А.* Античная черепица Кавказской Албании.— СА, 1974, № 2.
11. *Спегальский Ю. П.* Каменное зодчество Пскова. Л.: Стройиздат, 1976.

12. *Воронин Н. Н.* Древнее Гродно.— МИА, 1954, № 41.
13. *Arszynski M.* Technika i organizacja budownictwa ceglanego w Frusach w koncu XIV i w pierwszej polowie XV wieku.— SzDRIP. 1970, t. 9.
14. *Абрамаускас С.* О некоторых вопросах развития каменных конструкций в Литве в XV—XVI веках.— Науч. тр. высш. учебн. завед. ЛитССР, 1962, т. 1, № 5.
15. *Розенфельдт Р. Л.* Московское керамическое производство XII—XVIII вв.— САИ. 1968, вып. Е1-39.
16. *Штыхов Г. В.* Заславль в свете раскопок 1967—1968 гг.— В кн.: Тезисы докладов на конференции по археологии Белоруссии. Минск, 1969.
17. *Zulkus V.* XV—XIX armia Klaipedos statybini keramika.— Kn.: Architekturos Paminklai. T. V. Vilnius, 1979.
18. *Трусов О. А.* Археологическое изучение памятников монументального зодчества XI—XVII вв. на территории Белоруссии. (Методические исследования): Автореф. канд. дис. Л.: ЛОИА АН СССР, 1981.
19. *Грязнов В.* Коложская Борисоглебская церковь в г. Гродно. Вильно. 1893.
20. *Спегальский Ю. П.* Реконструкция ц. Николы на Усохе в Пскове.— В кн.: Памятники культуры. М.: Изд-во АН СССР, 1961.
21. *Альтшуллер Б.* Некоторые вопросы восстановления керамических покрытий XVII в.— В кн.: Теория и практика реставрационных работ. М.: Стройиздат. 1972.
22. *Трусау А. А.* Беларуская чарапіца.— Помнікі гісторыі і культуры Беларусі, 1983, № 1.

O. A. Trusov

BYELORUSSIAN TILES OF THE 14th-18th CENTURIES

Summary

Between the 14th and 18th centuries tile was a most popular roofing material in Byelorussia. Both its shapes and types undergone considerable changes throughout this period (Fig. 1). The earliest type is a semicircular tile with a fixing tooth. It is dated to the late 14th-early 15th centuries. In the 15th century the channel tile was replaced with the plane one. Only the ridge tile preserved its curved shape. The plane tile is dated by its fixing device. Between the 15th and early 16th century it has an oval form, in the 15th and 16th centuries — a triangular form, in the 17th century — a rectangular, square or trapeze. In the 16th and the first half of the 17th centuries the plane tile coexisted with decorative ridge and glazed tiles. At the turn of the 18th century the plane tile gave way to the corrugated one, known as Dutch in scholarly writings.

Дискуссии

В. А. БАШИЛОВ, Э. Н. ЛООНЕ

ОБ УРОВНЯХ ИССЛЕДОВАНИЯ И ПОЗНАВАТЕЛЬНЫХ ЗАДАЧАХ АРХЕОЛОГИИ

В последние десятилетия в советской археологии как на различных конференциях, так и на страницах печати оживленно дебатируется вопрос о предмете археологической науки. Эта проблема не нова. Она поднималась уже в 30-х годах, и то, что она до сих пор волнует археологов, показывает, что окончательного ее решения не найдено[1]. Совершенно закономерно и то, что такие общетеоретические проблемы вновь встают перед исследователями каждый раз, когда наука переходит к новому этапу своего развития. А именно такова современная ситуация в советской археологии [10, с. 5—11; 11, с. 18—23; 12, с. 81—83]. По существу, вопрос о предмете любой науки — это проблема ее задач, того, что предстоит ей исследовать, и того, как проводить исследование. Это доказывается и всем ходом дискуссии о предмете археологии, достаточно систематический обзор которой можно найти в работах В. Н. Боряза, Ю. Н. Захарука и В. Ф. Генинга [12, с. 86—97; 13, с. 188—193; 14; 15, с. 7—20].

С середины 70-х годов, продолжая обсуждать проблему археологического факта, предмета и объекта своей науки, советские археологи начали выходить за рамки вопроса об их соотношении. Археологическое знание стало осмысливаться как система из многих составных частей, причем в пределах каждой из них отмечались особенности задач, а иногда и приемов познавательной деятельности. Точки зрения различных исследователей по этой проблеме суммированы в таблице. Чаще всего указанные части рассматривались как уровни археологического знания. Так, В. Д. Викторова в 1975 г. предполагала, что существует уровень фактов и уровень теории. В пределах фактического уровня она различала «эмпирические факты археологии», т. е. факты «археологической» действительности, зафиксированные в виде чертежей, рисунков, фотографий, дневниковых записей, описаний вещей, и научные факты — результаты статистической обработки эмпирических фактов археологии [16]. Уровень теории ею подробно не раскрывался, поскольку предметом статьи был лишь фактический уровень, но в целом ее исследование примыкало к взглядам В. Ф. Генинга того же времени, о которых мы скажем несколько позже.

В статье 1979 г. [17] В. Д. Викторова более подробно остановилась на проблеме уровней и показала, какой разнобой существует в мнениях о выделении этапов археологического исследования. Она детализировала процедуру создания «научного факта археологии», четко выделив два ее этапа: 1) научное описание памятника с целью получения «эмпирических фактов археологии» и 2) их анализ для получения «научных фактов». К теоретическому уровню археологии В. Д. Викторова относит дальнейший ход исследования — выделение археологических культур и раскрытие их социально-исторического содержания.

[1] Начиная с середины 60-х годов этот вопрос широко обсуждается, хотя и с принципиально иных теоретических позиций, археологами ряда зарубежных, прежде всего англоязычных стран (см., например, [1—9]).

Ю. Н. Захарук, для которого предметом специального рассмотрения также служили факты, в 1977 г. выделял уровень эмпирических фактов археологии и уровень реконструированных исторических фактов [18]. Кроме того, в этой же статье Ю. Н. Захарука встречаются упоминания интерпретационного, синтетического уровня и круга (уровня?) историко-культурных и историко-социологических проблем, которые решаются на основе реконструированных исторических фактов. В более поздних работах Ю. Н. Захарука различались источниковедческий и историко-обобщающий уровни [19, с. 8]. К сожалению, в своих работах Ю. Н. Захарук, не раскрывает содержания упоминаемых уровней (за исключением уровня эмпирических фактов археологии в статье 1977 г. [18]).

Некоторые исследователи построили схемы уровней, охватывающие археологическое знание в целом. Так, В. М. Массон выделял источниковедческий и реконструктивный, или интерпретационный, уровни [20, с. 12—14, рис. 1] [2]. На первом осуществляется обнаружение источника (полевые процедуры) и его критика (кабинетные процедуры). На втором происходит этнокультурная или социологическая интерпретация, т. е. «реконструкция» этнических связей, быта и образа жизни, экономических, общественных, идеологических структур.

В. Ф. Генинг в своих работах начала 70-х годов, как и другие исследователи, принимал заимствованное в философской литературе деление уровней научного знания на эмпирический и теоретический [21, 22]. В одну из этих работ был включен текст доклада 1971 г. [21, с. 9—16]. Дальнейшие исследования привели его к выводу о более сложном строении археологической науки в целом. В 1982 г. В. Ф. Генинг выделил четыре стадии и шесть ступеней археологического знания (некоторые из стадий содержат по нескольку ступеней): исходная, историческая, социологическая и философская стадии и источниковедческая, ориентационная, реконструкции образа жизни, системно-историческая, формационная и философская ступени. Высшие ступени, по его мнению, принадлежат философии и социологии как самостоятельным научным дисциплинам, однако первые четыре ступени характеризуют собственно археологическое знание. В этой схеме наличие эмпирического и теоретического уровней в философском понимании в основном только декларировалось, их граница не совпадала с границами любых остальных блоков схемы Генинга [23, с. 5—47].

В 1983 г. В. Ф. Генинг пересмотрел свою схему и снова стал выделять два уровня археологического познания (эмпирический и теоретический), три уровня целей познания (формирования эмпирического базиса исследования, который совпадает с эмпирическим уровнем, реконструкции конкретно-исторического развития отдельных обществ прошлого и определения ступени формационного развития конкретных обществ прошлого, относящиеся к теоретическому уровню) и пять уровней задач исследования (ЭУАП-I: сбор и фиксация артефактов; ЭУАП-II: выявление эмпирических закономерностей, классификация и типология артефактов; ТУАП-I: реконструкция образа жизни отдельных коллективов, анализ их социальной деятельности; ТУАП-II: реконструкция социального организма, синтез и структурно-генетический анализ социальных структур; ТУАП-III: соотнесение реконструированного социального организма с окружающими и с определенной ступенью формации [12, с. 198—211] [3].

Задачи систематического и критического историографического исследования всех изложенных концепций выходят за пределы нашей статьи. Мы ограничимся замечаниями, необходимыми для дальнейшей аргументации. Ясно, что некоторые различия в указанной литературе связаны с разницей в целях конкретных работ. В этом смысле статьи Ю. Н. Заха-

[2] Мы не касаемся здесь отдельных неточностей схемы этого автора. Например, неясно, чем «общественная» структура в его понимании отличается от «экономической» или «идеологической»; непонятно, почему «реконструктивный» уровень рис. 1 в тексте называется «интерпретационным» и т. д.

[3] Сводную таблицу концепции В. Ф. Генинга и расшифровку обозначений задач см. [12, с. 203].

Таблица

Развитие взглядов советских ученых на проблему уровней исследования в археологии

В. Д. Викторова 1975, 1979		Ю. Н. Захарук 1977, 1983		В. М. Массон 1976	
Уровень теории	Раскрытие социально-исторического содержания культур Выделение археологических культур	*Историко-обобщающий (интерпретационный, синтетический) уровень, круг историко-культурных и историко-социологических проблем*		*Реконструктивный или интерпретационный уровень*	Реконструкция этнических связей, быта и образа жизни, экономических, общественных и идеологических структур Этнокультурная и социологическая интерпретация
Уровень фактов	Научные факты археологии Эмпирические факты археологии	*Источниковедческий уровень*	Реконструированные исторические факты Эмпирические факты археологии	*Источниковедческий уровень*	Критика источника (кабинетные процедуры) Обнаружение источника (полевые процедуры)

Таблица (продолжение)

В. Ф. Генинг 1975	В. Ф. Генинг 1982			В. Ф. Генинг 1983		
Теоретический уровень	*Теоретический уровень*	Социологическая стадия	Формационная ступень	*Теоретический уровень*	Определение ступени формационного развития конкретных обществ прошлого	ТУАП-III. Соотнесение реконструированного организма с окружающими и определенной ступенью формации
		Историческая стадия	Системно-историческая ступень		Реконструкция конкретно-исторического развития отдельных обществ прошлого	ТУАП-II. Реконструкция социального организма; синтез и структурно-генетический анализ социальных структур
		Реконструктивная образа жизни ступень				ТУАП-I. Реконструкция образа жизни отдельных коллективов; анализ их социальной деятельности
Эмпирический уровень	*Эмпирический уровень*	Исходная стадия	Ориентационная ступень	*Эмпирический уровень*	Формирование эмпирического базиса исследования	ЭУАП-II. Выявление эмпирических закономерностей, классификация и типология артефактов (формирование эмпирических объектов и эмпирических схем
			Источниковедческая ступень		*Цели*	ЭУАП-I. Сбор и фиксация артефактов *Задачи*

Таблица (окончание)

А. Н. Деревянко, А. Л. Симанов 1983		В. А. Башилов, Э. Н. Лоопе 1986	
		Теоретический уровень	Выявление и изучение общеисторических закономерностей по археологическим данным
Теоретический уровень	Создание теоретической концепции		Анализ реконструированной картины древней истории
	Интерпретация	*Эмпирический уровень*	Реконструкция древней истории, исследование отдельных сторон жизни древних обществ. «Перевод» археологических данных в термины исторической науки
	Реконструкция		Выделение археологических культур и выяснение их взаимосвязей. Сравнение материалов различных памятников
Эмпирический уровень	Лабораторные работы	*Реконструктивный уровень*	Систематизация материала, реконструкция конкретной картины жизни памятника
	Раскопки		Раскопки и фиксация археологических объектов

рука и В. Д. Викторовой отличаются от соответствующих частей в книгах В. М. Массона и В. Ф. Генинга, поскольку первые в отличие от вторых не ставят перед собой задачу рассмотрения археологического знания в целом. Некоторые различия, очевидно, связаны и с развитием концепций — более поздние работы В. Ф. Генинга отличаются несколько большей продуманностью по сравнению с его ранними работами на ту же тему. Следует отметить, что заслугой последних работ В. Ф. Генинга по сравнению, например, со схемой В. М. Массона является раскрытие структуры той части археологического знания, которая не является уже просто источниковедческой [4].

Общим для всех указанных работ является понимание того обстоятельства, что археологи изучают не только ископаемую действительность, а также прошлую историческую действительность [5]. Знание о последней представляется результатом знания об ископаемой действительности. Этот вывод, безусловно, согласуется с практикой археологических исследований. Согласуется с ней и выделение двух этапов низшего уровня исследования в работах В. Д. Викторовой [16, 17] и В. Ф. Генинга [12].

Итак, все упоминавшиеся авторы стоят на традиционной точке зрения о существовании двух уровней научного познания — эмпирического и теоретического. Однако следует отметить, что выделение философами этих двух уровней, хотя и является фиксацией фактического положения дел в ряде наук (в первую очередь в физике), но не рассматривается в качестве единственно возможного и общеобязательного [6]. Философию до сих пор интересовали преимущественно критерии различения уровней, а не вопрос о том, сколько их в разных науках [7]. Когда встал вопрос об уровнях познания в исторической науке, традиционная точка зрения была оспорена. Одним из авторов данной статьи была выдвинута гипотеза о существовании трех уровней знания в истории — реконструктивного, эмпирического и теоретического [26; 27, с. 102—105; 28, с. 86—108].

Первый из них связан с невозможностью для историка непосредственно наблюдать события, происходившие в прошлом. Именно этим историческая наука принципиально отличается от наук естественных, да и от некоторых обществоведческих дисциплин, например, социологии. Содержание первого уровня исследования заключается в реконструкции конкретных событий и явлений прошлого на основании письменных источников.

Реконструированное прошлое является объектом изучения на втором уровне, который связан с изучением конкретных сторон жизни конкретного общества или обществ прошлого и по своим задачам в основном соответствует эмпирическому уровню схемы, разработанной для естественных наук. В результате исследований этого уровня выясняются регулярности частных исторических процессов и появляются труды, воссоз-

---

[4] Это не значит, что в археологических работах самого В. М. Массона отсутствует более глубокий уровень рассмотрения, чем просто восстановление образа жизни. Осознание собственной деятельности у того или иного автора не всегда адекватно воспроизводит эту деятельность.

[5] Выражения «ископаемая действительность» и «прошлая историческая действительность» употребляются в смысле, введенном Ю. Н. Захаруком [18, с. 35].

[6] Постулат о сводимости всех наук к физике или всей действительности к физическим процессам называется физикализмом. Он является существенной отличительной чертой неопозитивистской философии. Марксистская философия признает наличие общенаучных методов, познавательных структур и свойств знания, присутствующих как в физике, так и в других науках. Тем самым марксисты признают единство науки, но не сводят при этом все науки к физике, а допускают возможность специфического в каждой науке, в том числе и в физике. Этим марксизм существенно отличается от методологического физикализма.

[7] Подробная марксистская разработка принципов определения эмпирического и теоретического и их соотношения вместе с обстоятельным обзором мировой литературы по этому вопросу дана В. С. Швыревым [24]. Однако еще в 1960-х годах В. А. Смирнов [25] вскрыл логические основания выделения этапов познания и уровней знания, а также показал недостаточность традиционной постановки этих вопросов.

дающие картину конкретной истории какого-либо региона на каком-либо отрезке времени.

Анализ конкретной исторической картины и регулярностей, установленных на эмпирическом уровне, производится на высшем уровне исследования — теоретическом. Его содержанием является изучение закономерностей как частных исторических процессов, так и всего процесса в целом и формулировка их законов.

Предлагаемая схема отличается от естественнонаучной прежде всего существованием первого, реконструктивного уровня, который отражает специфику истории как науки о прошлом и не нужен ученым-естественникам, непосредственно наблюдающим исследуемые процессы и объекты. Существование в исторической науке исследований, выполняющих задачи этого уровня, никем, конечно, не отрицается. Но обычно философы, занимающиеся методологией истории, именно их обозначают как исследования эмпирические. Таким образом, происходит неосознанный и вместе с тем неправомерный перенос термина «эмпирический» на уровень исследования, имеющий совершенно иные задачи, нежели эмпирический уровень естественнонаучной схемы [8].

Поставим вопрос: применима ли трехступенчатая схема исторического исследования к исследованию археологическому? Для этого посмотрим, существуют ли в литературе, археологический характер которой не вызывает сомнений, труды, решающие задачи каждого из ее уровней.

Общеизвестно, что археолог начинает свою работу с фиксации исконаемых объектов прошлого, что может быть приравнено, например, к поискам и описанию древней рукописи. Естественно, что в археологии эта процедура, связанная, как правило, с раскопками, гораздо более трудоемка и сложна, чем в истории. Она занимает большую часть времени исследователя и завершается созданием отчета о раскопках. Систематизация раскопанного материала и реконструкция конкретной картины жизни поселения или захоронения умершего — обязательный второй этап работы. Он заканчивается обычно публикацией материалов памятника в статье или книге. Эти два этапа по своим целям и задачам полностью соответствуют реконструктивному уровню исторического исследования. Именно этот уровень упоминавшиеся выше археологи-методологи называют эмпирическим, фактическим или источниковедческим.

Сравнение материалов различных памятников непосредственно и по публикациям, выявление в них сходных, повторяющихся черт и определенных различий — следующая ступень археологического исследования. Она завершается, как правило, выделением археологических культур. Эти важнейшие комплексы вещественного материала и их связи между собой «переводятся» затем в термины исторической науки и являются основой картины истории, воссозданной по археологическим данным. К публикациям, отражающим результаты этого этапа исследования, относятся многочисленные «древние» или «древнейшие истории» различных регионов в различные эпохи. Задачи публикаций такого типа вполне соответствуют целям эмпирического уровня исторического исследования. На рассматриваемом уровне решаются также вопросы о стадиальной принадлежности объектов из разных регионов или хронологических периодов. К этому же уровню относятся публикации, исследующие генетические связи или отдельные стороны жизни древних обществ — экономику, технологию, идеологию и др. Этот уровень археологами называется теоретическим, уровнем реконструирования исторических фактов, реконструктивным или интерпретационным.

На основании системы конкретных знаний, полученных на предыдущих двух уровнях исследования, археологи могут намечать некоторые общеисторические закономерности. К числу проблем этого уровня отно-

---

[8] Подобный перенос характерен, например, для очень интересных в целом трудов Н. Г. Козина [29] и А. И. Ракитова [30], в то время как Ж. Стоянов [31] правильно указывает на двухступенчатую структуру дотеоретического знания в исторической науке.

сятся, например, «неолитическая революция» и другие вопросы законов развития первобытной экономики, закономерности взаимоотношений древнего общества и природной среды, общие вопросы становления первобытного искусства и мировоззрения, возникновение и развитие такого явления, как древний город, и т. п. По целям и задачам эти работы соответствуют теоретическому уровню исторического исследования. Именно этот уровень обычно не выделяется археологами, занимающимися методологией своей науки.

Выше мы постарались показать, что задачи, стоящие перед основными типами археологических публикаций, в целом соответствуют целям того или иного уровня исторического исследования[9]. Это позволяет говорить о применимости схемы трех уровней и к исследованию археологическому. Конечно, конкретные публикации далеко не всегда можно прямо отнести к той или иной ступеньке схемы. Обычно они включают в себя части, относящиеся к смежным уровням. Так, работы типа «Древнейшая история...» обычно содержат разделы, связанные как с эмпирическим, так и реконструктивным уровнем, причем последний предстает как источниковедческая база первых. Наличие эмпирических выводов исторического характера является обязательным требованием к кандидатской диссертации по археологии, даже если она посвящена чисто реконструктивным проблемам. А такая книга, как «Поселение Джейтун» В. М. Массона [32], содержит публикационную часть, принадлежащую к реконструктивному уровню, сравнение Джейтуна с другими памятниками, позволяющее характеризовать джейтунскую культуру в целом (эмпирической уровень), и большой раздел о путях «неолитической революции» в различных мировых центрах, относящийся к уровню теоретическому.

Каждой из ступеней исследования соответствуют как свои специфические задачи, так и в значительной мере свои методы. Если для реконструктивного уровня такие методы (методика раскопок, первичной обработки материала и т. п.) более или менее разработаны, хотя и здесь остается множество нерешенных проблем, то для уровня эмпирического они только начинают вырабатываться. Об этом свидетельствуют, например, непрекращающиеся споры о том, что такое археологическая культура и как ее выделять, каково ее соотношение с культурно-исторической областью и т. д.

Еще хуже обстоит дело с «переводом» систематизированных археологических данных на язык исторической науки. Необходимость такого «перевода» — специфическая особенность археологии, не вызывающая сомнения у подавляющего большинства археологов [33, с. 74—77; 34, с. 8, 9]. Однако неразработанность методики «перевода» ведет зачастую к приблизительным, а иногда и к произвольным решениям. Это в свою очередь порождает негативизм некоторых авторов в отношении известного определения археологии как «истории, вооруженной лопатой», в котором афористически сформулирован принцип историзма археологической науки [34, с. 5—11; 35, с. 4—7].

Методы теоретического уровня исследования менее специфичны, поскольку в его задачи входит ряд вопросов общеисторического характера. В работах этого уровня особое значение приобретают ретроспекция, сравнительно-исторический анализ и другие подобные методы. Но поскольку число конкретных работ этого уровня в советской археологии еще очень невелико, так как они могут развиваться только после накопления достаточного количества эмпирических исследований, то и проблема разработки специфических методов исследования пока еще стоит не

---

[9] Выделяемые уровни исследования связаны между собой иерархически — от низшего к высшему, но лишь в методологическом смысле. Было бы совершенно неправильно строить на этом отношение к конкретным работам того или иного уровня, рассматривая их как исследования высшего или низшего порядка. Без трудов реконструктивного и эмпирического уровней теоретические исследования вообще невозможны, а хорошая, доброкачественная реконструкция несомненно «выше» голого, поверхностного теоретизирования.

слишком остро. Но она обязательно возникнет и потребует своего решения в будущем, на следующем этапе развития науки [10]. Изложенная методологическая схема уровней археологического исследования открывает новые перспективы для решения вопроса о его конечных целях, вопроса, который, несомненно, остается, хотя и завуалированно, центральным в дискуссии о предмете археологии. Упоминавшиеся обзоры избавляют нас от необходимости детально разбирать каждую из высказывавшихся точек зрения. Поэтому мы затронем лишь вопрос о познавательных границах археологии.

Сейчас выделилось несколько направлений решения проблемы [11]. Широко известно мнение Г. П. Григорьева и В. С. Бочкарева, согласно которому «предметом археологии должно быть установление закономерностей развития ископаемых объектов и отношений между ними» [37, с. 42], а «археология есть наука об изменчивости и вариабельности ископаемых артефактов» [38, с. 40]. Эта точка зрения не оригинальна, она восходит к западной археологической литературе и уже подвергалась справедливой критике [12, с. 88—91, 163—177; 13, с. 192; 14, с. 10, 11; 15, с. 8—11; 36, с. 257, 258]. Недавно Г. П. Григорьев изменил свое определение предмета археологии, сведя его к «закономерностям в развитии специфически археологических категорий анализа» и к «отношениям между категориями, хотя бы они и не выражали процесс развития» [35, с. 8]. Если отвлечься от затейливо абстрактной формулировки этого определения, в котором «ископаемые объекты» заменены «категориями анализа», то все задачи археологии как науки и здесь сводятся лишь к описанию и классификации археологического материала и существующих в нем взаимосвязей.

Достаточно определенно по вопросу о целях и возможностях археологии высказался Л. С. Клейн, который охарактеризовал три основные точки зрения на эту проблему [34, с. 5, 6]. Первая из них сводится, по Клейну, к афоризму «археология— служанка истории» (В. А. Городцов, В. И. Равдоникас), вторая включает и «конечные цели изучения — жизнь и культуру исчезнувших народов» (Я. А. Шер, Ю. Н. Захарук), а третья соединяет археологию и историю, связывая их различие лишь с обработкой разных типов источников. С последней Л. С. Клейн связывает упоминавшийся афоризм А. В. Арциховского об «истории, вооруженной лопатой», и именно против нее он направляет острие своей критики.

Оставив в стороне правомерность некоторого огрубления позиции А. В. Арциховского и его последователей, остановимся на четвертой точке зрения, выдвигаемой самим Л. С. Клейном. Он представляет ее как модификацию первой из перечисленных концепций, заключающуюся в том, что помимо изучения самих материальных остатков древности археология должна исследовать их связи и закономерности, лежащие в основе этих связей. Л. С. Клейн не скрывает своей близости к положениям Г. П. Григорьева и В. С. Бочкарева, хотя и простирает границы археологического знания несколько дальше, включая в него «так называемые исторические реконструкции явлений (автохтонности, миграций, влияний, трансформаций и т. п.)» [34, с. 10, 11].

Как это ни странно, но близко к этому направлению стоит и точка зрения В. Ф. Генинга начала 70-х годов, хотя он и тогда всячески подчеркивал связь археологических источников со стоящими за ними историческими процессами. Предмет археологии сводился им к «изучению основных закономерностей процесса овеществления социальной деятельности людей (коллективов, обществ) на различных этапах развития,

---

[10] Кстати, некоторые авторы считают, что для археологии уже стало характерным стремление к переходу на теоретический этап [36, с. 251—260], хотя огромное большинство исследований в ней до сих пор выполняется на дотеоретических уровнях.

[11] Нужно оговориться, что речь идет о точках зрения, высказанных в печати в чисто методологическом плане. В практической работе те же авторы чаще всего их не придерживаются, а работают в традиционном для нашей науки ключе.

вскрытию конкретного многообразия путей овеществления этой деятельности в условиях общеисторической закономерности развития общества» [21, с. 13]. Иначе говоря, цели археологии сужались до изучения законов возникновения археологических источников, что приводит, как и у предшествующих авторов, к абсолютизации археологического источниковедения.

Ограниченность такой формулировки чувствовал, по-видимому, и сам автор. На конференции 1975 г. в Киеве он попытался примирить абсолютизацию источниковедения с историзмом [22]. В тезисах доклада прежнее определение предмета археологии было отнесено В. Ф. Генингом лишь к эмпирическому (в его понимании) уровню исследования. А «на теоретическом уровне происходит дальнейшее абстрагирование и опосредствование объекта и предмета археологии. Аспект изучения деятельности определяет сущностную сторону и специфичность ее опредмечивания. Опредмечивание конкретных сфер происходит не только в материалах, непосредственно и функционально связанных с данной сферой, так как сама деятельность представляет собой полифункциональный процесс» [22, с. 17]. Проще говоря, к теоретическому уровню В. Ф. Генинг здесь относит реконструкцию тех сторон прошлого, о которых археологические источники свидетельствуют лишь косвенно. Однако простое расширение диапазона археологической реконструкции в этом модифицированном варианте точки зрения автора не помогает преодолеть ее основной недостаток — сведение всей исторической информации, получаемой от археологического источника, к «закономерностям опредмечивания».

Разобранные выше концепции объединяет одно — абсолютизация источниковедения, ограничение археологического знания реконструктивным и частью эмпирического уровня исследования. При этом пределом возможностей исследования в археологии провозглашается выделение археологических культур и изучение их взаимосвязей. Не меняет дела и то, что Г. П. Григорьева, В. С. Бочкарева и Л. С. Клейна к этому привел упоминавшийся негативизм в отношении возможности «перевода» археологических фактов в исторические категории, а В. Ф. Генинга — переоценка философского понятия «опредмечивание». И в том и в другом случае эти методологические представления (какова бы ни была позиция их авторов в плане практических исследований) приводят к отказу от историзма археологии, к признанию «саморазвития» археологических объектов. Недаром Г. П. Григорьев, наиболее последовательно отстаивающий эту точку зрения, писал, что в археологических источниках «исторической информации не содержится» [37, с. 41].

Принцип историзма археологической науки — важнейшее теоретическое завоевание советских ученых. Именно этот методологический подход в сочетании с общеисторической теорией марксизма обусловил все основные достижения советской археологии за полувековой период ее развития. Отказываться от принципа историзма значит в методологическом плане — независимо от субъективных намерений автора той или иной концепции — зачеркивать эти достижения, объявляя их принадлежащими некоей специальной науке — палеоистории [34, с. 10, 11; 35, с. 15; 37, с. 43; 39, с. 58—60].

Слабость некоторых конкретных исторических реконструкций, опирающихся на археологический материал, проистекает прежде всего из неразработанности методов их создания, а не из принципиальной невозможности самих реконструкций. Разработка таких методов — одна из насущных задач сегодняшнего этапа развития советской археологии. Естественно, что ограниченность археологического источника обусловливает и определенную неполноту исторических реконструкций. Но ведь и письменный источник отражает далеко не все стороны прошедшей действительности. Подобная ограниченность присуща любому виду исторических источников и не может служить поводом для отказа от реконструкции прошлого. Эти вопросы принципиально решены всем развитием советской археологии.

Принцип историзма последовательно выдерживается в концепции «единой археологической науки», которая фактически лежит в основе всей практической работы советских археологов. В общем плане она была еще раз изложена Б. А. Рыбаковым на специальной конференции, посвященной проблеме историзма археологии [40, 41], а конкретное содержание и структура археологического исследования подробно анализировалась Ю. Н. Захаруком, Я. А. Шером и др. [33; 42—49]. Здесь мы остановимся лишь на том, как сторонники этого направления трактуют вопрос о познавательных границах археологии. С методологических позиций эта тема более или менее отчетливо прозвучала у Ю. Н. Захарука, В. М. Массона и в последних работах В. Ф. Генинга.

Ю. Н. Захарук в предмет археологии включает объект исследования — археологический источник и цель его — историю конкретных обществ древности [44, с. 3]. Говоря о структуре археологической теории, он пишет, что теория объективного предмета исследования (конкретных обществ древности) «зиждется на теории общества и общественного развития исторического материализма и общей социологии, а также на теории культуры, разрабатываемой особой отраслью знания — культурологией, и, наконец, на теории взаимоотношения общества и культуры, формулируемой этнографической наукой» [43, с. 45]. Таким образом, Ю. Н. Захарук признает право на исследование законов исторического развития только за другими общественными науками. Археология же включает в свою теорию лишь результаты их разработок. Другими словами, ее цели сводятся к реконструкции конкретных обществ древности, в лучшем случае к задачам эмпирического уровня исследования.

Однако в 1983 г. Ю. Н. Захарук, указывая на уровни применяемых в археологии понятий, различает четыре уровня — конкретного памятника, археологических культур, археологических эпох и общественно-экономических формаций [19, с. 6, 8]. Эта его схема в своей основе приближается к концепции, выдвигаемой в настоящей статье, хотя и здесь познавательные задачи археологической науки не выходят за пределы эмпирического уровня.

Ограничительное понимание целей археологии прозвучало в некоторых трудах В. М. Массона. Его недостаточно четкое определение предмета археологии [12], где слова «закономерности развития» можно отнести или только к объектам материальной культуры, или и к ним и к «структурам человеческого общества» (что принципиально меняет смысл), поясняется дальнейшим текстом и схемой [20, рис. 17], в которых высший, «интерпретационный» уровень исследования сведен к реконструкции. Возможность изучения законов исторического развития в рамках археологии этой схемой не предусматривается.

Самыми объемными среди посвященных археологическому знанию исследований начала 1980-х годов являются труды В. Ф. Генинга. К числу несомненных достоинств его подхода принадлежат попытка систематического охвата археологии в целом, а не только ее отдельных сторон и стремление учитывать историю русской и советской археологической науки при решении поставленных им проблем [13]. Его концепции исходят из открытого признания необходимости выхода за пределы «вещеведческого» уровня археологической науки, историзма археологии. В этом сказалось стремление В. Ф. Генинга преодолеть ограниченность своих взглядов начала 1970-х годов. Однако его попытки создать самостоятельную и непротиворечивую концепцию сущности и строения археологии нельзя пока

---

[12] «Предметом археологии, с нашей точки зрения, является изучение закономерностей развития объектов материальной культуры и различных структур человеческого общества, нашедших свое отражение в этих объектах» [20, с. 11; 47, с. 53].

[13] История зарубежной археологии, особенно материалы широкой дискуссии по вопросам структуры археологической науки в англоязычной литературе за последние 15 лет, насчитывающие сотни названий статей и монографий, в работах В. Ф. Генинга не затрагиваются.

признать завершенными. Покажем это на примере его монографии по проблемам объекта и предмета археологии [14].

Важнейшей составной частью концепции В. Ф. Генинга является идея, согласно которой археология должна изучать, иметь своим специфическим предметом «опредмечивание» и закономерности последнего. Что же В. Ф. Генинг понимает под «опредмечиванием»? Он пишет: «„Опредмечивание" — понятие достаточно обширное, объединяющее как сам процесс предметно-практической деятельности, направленной на преобразование продукта природы в потребительную стоимость, так и созданный этим трудом предметный мир» [12, с. 180]. И дальше: «В целом в процессе опредмечивания выделяются два аспекта: технический, включающий материальную, вещественную сторону производства (источники, сырье — продукты природы, которые выступают в качестве предмета труда, и орудия труда), и социальный — представляющий человека (общество) с его определенной системой социальной организации и порождаемыми ею социальными потребностями» [12, с. 186]. Итак, под «опредмечиванием» В. Ф. Генинг понимает прежде всего и в основном то, что обычно называется экономикой, материальным производством. Имеет ли смысл называть известные вещи новыми именами? Если это делается в рамках новой, оригинальной философской системы, то да. Однако в разбираемой монографии ведь не создается такая система, а применяется уже существующая марксистская философия [15].

Если строго следовать разным определениям В. Ф. Генинга, то археолог должен наряду с производственными отношениями и техникой производства изучать предметный мир, значит, и закономерности гравитации между теми материальными телами, которые входят в производственную деятельность. В то же время выяснение вопросов о соотношении археологической культуры и этнической общности скорее всего не должно являться задачей археологии.

Возникшую трудность В. Ф. Генинг преодолевает тем, что вводит дополнительные задачи археологии — целостную реконструкцию общества и определение исторического места каждого конкретного общества прошлого [12, с. 202, 203]. Поскольку указанные две задачи осуществляются (по его концепции) на более высоких уровнях познания, то, по-видимому, «опредмечивание» нельзя уже считать «специфическим предметом» археологии (или же налицо противоречие в самой концепции).

Переход от изучения экономики к изучению остальных частей общества и социальных организмов в их целостности в рассматриваемой концепции понимается как смена уровней познания. К сожалению, здесь имеет место не вполне четкое понимание философской идеи уровней знания (и познания) [16]. Различение эмпирического и теоретического было введено философами для того, чтобы обозначить два типа знания об одном и том же объекте, а не о разных «уровнях» внутри изучаемого объекта. В этом смысле и эмпирически и теоретически можно изучать как экономику, так и политику или этнические явления, как функциони-

[14] Убедительная критика взглядов В. Ф. Генинга начала 1970-х годов дана Ю. Н. Захаруком [14, с. 11—14]. Мы коснемся более подробно только концепции, высказанной в монографии 1983 г. [12], не получившей еще критического разбора в печати.

[15] Кстати, К. Маркс и Ф. Энгельс в свое время высмеивали старогегельянцев, которые полагали, что все понятно, коль скоро подведено под ту или иную философскую категорию (*Маркс К., Энгельс Ф.* Немецкая идеология.— Соч., изд. 2-е, т. 3, с. 17).

[16] Если труды Ю. Н. Захарука всегда служат образцом вдумчивого применения хорошо понятого им смысла философских рассуждений, то при чтении рассматриваемой монографии В. Ф. Генинга сомнения по поводу оправданности использования понятий из разных философских учений возникают и в некоторых других случаях. Так, В. Ф. Генинг говорит без кавычек о переводе значения в смысл как способа формирования абстрактных понятий [12, с. 202]. Но термины «значение» и «смысл» были введены для обозначения разных отношений, в которые входит одно и то же понятие — отношения обозначения и отношения связи с другими понятиями, функции понятия в тексте. Значение нельзя перевести в смысл. Переводят (с одного языка на другой) понятия, а не значения.

рование общества, так и его развитие. Что же касается процедур исследования, то они вообще не представляют уровня знания об исследуемом, а являются средством получения такого знания. Реконструкция этнических отношений на основе остатков материальной культуры и реконструкция экономических отношений на основе остатков материальной культуры — это в обоих случаях реконструкция, пользующаяся определенными методами (приемами) исследования, а не разные уровни познания.

Вернемся в этой связи еще раз к понятию «опредмечивание». В. Ф. Генинг многократно ссылается на понимание этого слова К. Марксом, прежде всего в неоконченной рукописи, широко известной под редакционным заголовком «Экономическо-философские рукописи 1844 года» (*Маркс К.* Экономическо-философские рукописи 1844 года.— *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., изд. 2-е, т. 42). Это трудное для понимания произведение, о котором существует большая литература [50—52]. В нем содержится ряд формулировок, которые для самого К. Маркса позже не были приемлемыми [17]. Под «предметом» К. Маркс в этой рукописи имел в виду не вещь саму по себе, а вещь, которую изучают, изготовляют и т. п.[18] Вещи или мысли «опредмечиваются» — становятся для кого-то или для чего-то объектами изучения, изготовления, поддержания их существования. К. Маркс противопоставляет свое понимание опредмечивания гегелевскому, когда признает, что предметом могут стать не только мысли, но и реальные вещи, и когда он к мысленным отношениям с предметом добавляет чувственные (зрение, слух, любовь), трудовые и природные (ук. соч., с. 93, 94, 120—122, 156—158, 162, 163). Для К. Маркса в 1844 г. опредмечивание не было специфически общественным процессом, а общеприродным отношением. Он писал, что растение служит предметом солнцу, а солнце — растению (ук. соч., с. 163). Более того, в данной работе Маркс интересовался прежде всего не созданием собственной концепции опредмечивания, а проблемой отчуждения. Для него вопрос состоял в том, почему при капитализме опредмечивание ведет к отчуждению [19].

В «Капитале» упоминания об опредмечивании являются значительно более редкими. В этом произведении К. Маркса опредмечивание понимается: 1) как фетишизм — осознание отношений между людьми в качестве вещей, 2) как порождение в товарном производстве стоимости абстрактным трудом и 3) как переход конкретного труда в продукт труда (не надо забывать, что процесс труда в «Капитале» включал в себя три момента — предмет труда, средства труда и саму деятельность). И наконец, в одном месте Маркс употребляет слово «предмет» в том же смысле, что в рукописи 1844 г. Он говорит о том, что средства труда, а не предмет труда являются для человека непосредственным предметом трудовой деятельности (*Маркс К.* Капитал.— *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., изд. 2-е, т. 23, с. 190).

---

[17] Так К. Маркс объявлял себя в этой рукописи сторонником натурализма, который будто бы преодолевает не только идеализм, но и материализм (ук. соч., с. 162).

[18] Словом «предмет» в трудах Г. В. Ф. Гегеля и К. Маркса оправданно переводится слово «Gegenstand», которое в контексте означает «предмет», «объект» или «вещь». Использованное в значении «предмет» или «объект», оно этимологически указывает на некоторую духовную или телесную сущность прямо противоположную иной сущности, т. е. в качестве философского термина. В рукописи К. Маркса это слово встречается повсюду и, как правило, в таком значении. Слово «Vergegenständlichung» — «опредмечивание» — встречается в ней крайне редко (см.: *Marx K.* Ökonomisch-philosophische Manuskripte aus dem Jahre 1844.— In: *Marx K., Engels F.* Werke. Ergänzungsband I. Teil. B., Dietz, 1973).

[19] Развернутая цитата об опредмечивании у В. Ф. Генинга [12, с. 184] взята из рукописи К. Маркса, в которой рассматривается, почему при капитализме отчуждается «родовая сущность» человека, и в этих целях перечисляются отличия человеческого труда от труда животных (ук. соч., с. 92—95). Представления о первобытном обществе у К. Маркса во время написания этой работы еще не было, да и вместо общества он тогда предпочитал говорить о человеке и о сущности человека.

Понятие «опредмечивание» в монографии В. Ф. Генинга наиболее близко к третьему значению этого слова в «Капитале», но в целом представляет собой термин, отличный от тех, которыми пользовался К. Маркс. Поэтому приведенные в рассматриваемой нами работе В. Ф. Генинга [12] цитаты еще недостаточны для раскрытия марксова «учения об опредмечивании» и решения вопроса о том, какие аспекты этого учения имеют отношение к археологии.

Итак, содержащие справедливую критику ограничения задач археологии «вещеведением» концепции Ю. Н. Захарука и В. М. Массона 70-х годов и В. Ф. Генинга 70-х и 80-х годов сами не содержат развернутого изображения ступеней археологического знания даже в тех случаях, когда такая задача их авторами ставилась. Наиболее высокую ступень археологического исследования они видели в восстановлении конкретной истории древних обществ по археологическим материалам. Цели археологии ограничивались при этом задачами реконструктивного и эмпирического уровней знания. Независимо от самостоятельной ценности упомянутых реконструкций это неминуемо ставило археологию в положение вспомогательной дисциплины — поставщицы материала для теоретических обобщений историков.

В этой связи уместно напомнить, что и Ю. Н. Захарук, и В. М. Массон, и В. Ф. Генинг рассматривают как большой вклад в развитие нашей науки разработки археологов 1920—1930-х годов, в которых утверждалась возможность исследования закономерностей исторического процесса на археологическом материале [12, с. 79; 20, с. 13—15; 42, с. 11]. Да и непосредственно В. М. Массоном многое сделано для теоретической разработки такой общеисторической закономерности, как «неолитическая революция». Таким образом, в практической работе эти ученые считают одной из задач археологии то, что в своих методологических работах они выводят за пределы ее познавательных возможностей [20].

Как мы уже указывали, в 1983 г. Ю. Н. Захарук отметил существование более сложной уровневой структуры археологических понятий, чем та, что выделялась им в 1970-е годы. В том же году в пользу такого понимания выступили А. П. Деревянко и А. Л. Симанов [36]. Они также по традиции выделяют эмпирический и теоретический этапы исследования в археологии, причем к эмпирическому этапу, как правило, относят источниковедческую деятельность. На теоретической стадии, согласно их концепции, происходят реконструкция, интерпретация и создание теоретической концепции. Не вскрывая содержания понятий реконструкции и интерпретации, А. П. Деревянко и А. Л. Симанов основное внимание уделяют проблеме теоретической концепции. Они указывают, что эти концепции должны формулироваться в виде моделей эволюции человеческого общества и, может быть, в определенной степени аксиоматизированных систем высказываний. Такие теоретические построения должны затем подвергаться проверке, подтверждению или опровержению в ходе исследований на фактических уровнях. Этим прямо утверждается необходимость многоуровневой структуры самой археологии, включающей в свой состав чисто теоретические исследования. Четко выраженная тенденция к включению в рамки археологического исследования выводов общеисторического характера хорошо видна из прилагаемой таблицы.

Но может быть, правы те авторы, которые ограничивают задачи археологии реконструкцией, а те исследования, которые мы, А. П. Деревянко и А. Л. Симанов, Ю. Н. Захарук (в 1983 г.) считаем относящимися к теоретическому уровню археологии, на самом деле выходят за пределы ее компетенции? Если на этот вопрос ответить утвердительно,

---

[20] Особенно ярко такая непоследовательность проявилась в работе Е. Е. Кузьминой [49], где на с. 24 сказано: «...заслугой советских археологов 30—40-х годов явилась постановка важнейших исторических проблем: изучение производительных сил общества ... изучение производственных отношений и социальной дифференциации ... изучение этнических процессов...», а на с. 25 говорится, что «на уровне выделения археологической культуры собственно археологическое исследование заканчивается».

то перед нами имеются две возможности: 1) вышеупомянутые исследования принадлежат к некой общеисторической науке, так сказать, «сверхистории», и 2) они входят в компетенцию истории как науки, изучающей прошлое человечества во всем его объеме.

Первое из этих предположений логически ведет к тому, что и в исторической науке исследования теоретического уровня должны быть отделены от работ конкретного, эмпирического уровня и переданы в ведение «сверхистории». Однако этот путь находится в противоречии с научной практикой — теоретические исследования историков, будучи тесно связаны с работами эмпирического уровня, органически входят в ткань истории как науки.

Кроме того, если принять такое предположение, то создается парадоксальная ситуация, когда в монографиях такого плана, как упоминавшаяся уже книга «Поселение Джейтун» В. М. Массона, половина принадлежит археологии, а половина какой-то другой науке. Это же положение сохраняется, если принять и второй из указанных путей — отнесение исследований теоретического уровня археологии к истории. В этом случае, однако, решающим становится вопрос, сохраняют ли эти исследования свою археологическую специфику или полностью сливаются с теоретическими исследованиями исторической науки?

Выше мы уже показали, что те же задачи, которые стоят перед каждым уровнем исторического исследования, решаются и в определенных типах археологических работ. Однако единство целей еще не означает тождества этих наук. Ни один вид источников (вещественные, письменные или даже современные технические) не передает нам полной информации о прошлом. Какая-то часть ее неизбежно теряется. Однако в различных видах источников информация теряется по-разному и в разном объеме. В определенных случаях более емки источники письменные, но и они отражают далеко не все стороны ушедшей действительности, а при пользовании вещественными источниками, да еще ископаемыми (археологическими), потеря исторической информации увеличивается. Те же сведения, которые содержатся в источниках, качественно различны в разных их группах, что ограничивает и даже исключает их взаимозаменяемость [21]. Они в значительной степени дополняют и обогащают друг друга. Все это объясняет различие аспектов, в которых изучают прошлое история и археология.

Археологические работы, решающие задачи теоретического уровня исследования, так же как и соответствующие работы историков, изучают закономерности исторического процесса. Но при этом они опираются на информацию, полученную на эмпирическом уровне. А она, базируясь на археологических источниках, «наследует» и их ограниченность, и их специфику. Это не может не влиять на содержание и на возможности теоретических исследований в археологии. Специфика источников является определяющей и в отношении методов, от которых в значительной мере зависит лицо науки на всех уровнях исследования. И еще одно обстоятельство, которое обеспечивает сохранение самостоятельности археологии,— та хронологическая глубина, которая недоступна истории. Все теории эволюции человечества в палеолите могут быть построены только на основании материалов, получаемых в результате археологических исследований. Рядом с археологией здесь нет никакой самостоятельной исторической науки, откуда археолог мог бы черпать знания об эволюции раннего человечества.

Неразрывное родство археологии и истории выявляется на всех этапах исследования. Но естественно, что на реконструктивном уровне эти науки стоят дальше друг от друга, максимально сближаясь на уровне теоретическом. Принципиальное значение их взаимодействия подчеркивается в литературе всегда, но его конкретные формы выступают более отчетливо при изучении тех периодов, которые освещаются и письмен-

[21] Соотношение информации, содержащейся в археологических и письменных источниках, наиболее подробно рассмотрено в книге Л. С. Клейна [53].

ными и археологическими источниками. История и археология выступают, таким образом, как две части единой исторической науки, но пользующиеся источниками, различными как по форме, так и по характеру и объему содержащейся в них информации.

Конечно, на всех уровнях исследования археология тесно связана и с другими обществоведческими дисциплинами — этнографией, культурологией, социологией и т. п. Но это совершенно другой тип связи, поскольку все эти дисциплины изучают определенные сегменты жизни общества, хотя бы и в историческом аспекте. В отличие от них и история и археология стремятся к изучению всех аспектов прошлого человечества в их взаимодействии. Они ограничены лишь объемом информации соответствующих источников. При этом важнейшей задачей обеих наук является выяснение, в достижимых для них пределах, закономерностей исторического развития.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Chang K. C.* Rethinking Archaeology. N. Y., 1967.
2. New Perspectives in Archaeology/Eds. Binford S. R., Binford L. R. Chicago, 1968.
3. *Clarke D. L.* Analytical Archaeology. L., 1968.
4. The Explanations of Cultural Change: Models in Prehistory. Pittsburgh, 1973.
5. *Shiffer H. B.* Behavioral Archaeology. N. Y., 1976.
6. *Trigger B.* Time and Traditions. Essays in Archaeological Interpretation. Edinburgh, 1978.
7. *Salman M. H.* Phylosophy and Archaeology. N. Y., 1982.
8. Theory and Explanation in Archaeology: the Southampton Conference. N. Y., 1983.
9. *Binford L. R.* Working at Archaeology. N. Y., 1983.
10. *Башилов В. А., Волков В. В.* Советская археология в год 60-летия Великого Октября.— СА, 1977, № 4.
11. *Прягин А. Д.* Советская археология: периоды и этапы развития. (Программа спецкурса). Воронеж, 1982.
12. *Генинг В. Ф.* Объект и предмет науки в археологии. Киев: Наук. думка, 1983.
13. *Боряз В. Н.* Методологические предпосылки и принципы определения объекта археологической науки.— В кн.: Материалистическая диалектика и частные науки. Л.: Наука, 1976.
14. *Захарук Ю. Н.* Спорные вопросы объекта и предмета археологии.— КСИА, 1978, вып. 152.
15. *Генинг В. Ф.* Объект и объективный предмет знания археологической науки.— В кн.: Теория и методы археологических исследований. Киев: Наук. думка, 1982.
16. *Викторова В. Д.* Археологический факт.— Вопр. археологии Урала. Свердловск, 1975, вып. 13.
17. *Викторова В. Д.* Природа, содержание и функции категорий археологической науки.— Вопр. археологии Приобья. Тюмень, 1979, вып. 2.
18. *Захарук Ю. Н.* О понятии «факт» в археологической науке.— СА, 1977, № 4.
19. *Захарук Ю. Н.* Марксизм и некоторые вопросы развития археологии.— СА, 1983, № 4.
20. *Массон В. М.* Экономика и социальный строй древних обществ (в свете данных археологии). Л.: Наука, 1976.
21. *Генинг В. Ф.* Специфический предмет и некоторые актуальные задачи современной археологии.— Вопр. археологии Урала, Свердловск, 1975, вып. 13.
22. *Генинг В. Ф.* Объект и предмет археологии (к вопросу о соотношении эмпирического и теоретического уровней знания современной археологии).— В кн.: Новейшие открытия советских археологов (тез докл. конференции). Ч. III. Киев, 1975.
23. *Генинг В. Ф.* Структура системы археологического знания (к вопросу о методологическом анализе уровней знания в археологии).— В кн.: Методологические и методические вопросы археологии. Киев: Наук. думка, 1982.
24. *Швырев В. С.* Теоретическое и эмпирическое в научном познании. М.: Наука, 1978.
25. *Смирнов В. А.* Уровни знания и этапы процесса познания.— В кн.: Проблемы логики научного познания. М.: Наука, 1964.
26. *Лооне Э. Н.* Об уровнях исторического знания и познания.— Уч. зап. Тартуск. ун-та. Вып. 301. (Тр. по философии, XVI) Тарту, 1973.
27. *Лооне Э. Н.* Основные этапы развития структуры познания в исследовании истории.— Уч. зап. Тартуск. ун-та, вып. 361. (Тр. по философии, XVIII) Тарту, 1975.
28. *Лооне Э. Н.* Современная философия истории. Таллин: Ээсти раамат, 1980.
29. *Козин Н. Г.* Познание и историческая наука. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1980.
30. *Ракитов А. И.* Историческое познание. М.: Политиздат, 1982.
31. *Стоянов Ж.* Философски проблеми на историческото познание. София, 1982.
32. *Массон В. М.* Поселение Джейтун. (Проблема становления производящей экономики).— МИА, 1971, № 180.
33. *Шер Я. А.* Методологические вопросы археологии.— Вопр. философии, 1976, № 10.

34. *Клейн Л. С.* Предмет археологии.— В кн.: Археология Южной Сибири. Изв. каф. археол. Кемеровск. ун-та. Кемерово, 1977, вып. IX.
35. *Григорьев Г. П.* О предмете археологии.— В кн.: Описание и анализ археологических источников. Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1981.
36. *Деревянко А. П., Симанов А. Л.* Методологические проблемы археологического исследования.— В кн.: Методологические и философские проблемы истории. Новосибирск: Наука, 1983.
37. *Григорьев Г. П.* О предмете археологии.— В кн.: Тез. докл., посвященных итогам полевых археологических исследований 1972 года в СССР. Ташкент, 1973.
38. *Бочкарев В. С.* К вопросу о системе основных археологических понятий.— В кн.: Предмет и объект археологии и вопросы методики археологических исследований. Л.: Наука, 1975.
39. *Бочкарев В. С.* К вопросу о структуре археологического исследования.— Тез. докл., посвященных итогам полевых археологических исследований 1972 года в СССР. Ташкент, 1973.
40. *Рыбаков Б. А.* Историзм археологии.— В кн.: Конференция «Историзм археологии: методологические проблемы». М., 1976.
41. *Рыбаков Б. А.* Историзм археологии.— КСИА, 1978, вып. 152.
42. *Захарук Ю. Н.* Ленинское теоретическое наследие и археологическая наука.— В кн.: Ленинские идеи в изучении истории первобытного общества, рабовладения и феодализма. М.: Наука, 1970.
43. *Захарук Ю. Н.* К вопросу о содержании и структуре археологической теории.— Тез. докл., посвященных итогам полевых археологических исследований 1972 года в СССР. Ташкент, 1973.
44. *Захарук Ю. Н.* К вопросу о предмете и процедуре археологического исследования.— В кн.: Предмет и объект археологии и вопросы методики археологических исследований. Л.: Наука, 1975.
45. *Захарук Ю. Н.* Историзм: проблемы археологии и этнографии.— В кн.: Конференция «Историзм археологии: методологические проблемы». М., 1976.
46. *Шер Я. А.* К характеристике структуры общей археологии.— Тез. докл.. посвященных итогам полевых исследований 1972 года в СССР. Ташкент, 1973.
47. *Массон В. М.* Системный анализ в археологических исследованиях.— В кн.: Предмет и объект археологии и вопросы методики археологических исследований. Л.: Наука, 1975.
48. *Массон В. М.* Археологические материалы и исторические реконструкции.— В кн.: Конференция «Историзм археологии: методологические проблемы». М., 1976.
49. *Кузьмина Е. Е.* Историзм археологии.— В кн.: Конференция «Историзм археологии: методологические проблемы». М., 1976.
50. *Ойзерман Т. И.* Формирование философии марксизма. М.: Мысль, 1974.
51. *Корню О.* Карл Маркс и Фридрих Энгельс: жизнь и деятельность. Т. 2. М.: Изд-во иностр. лит., 1961.
52. *Zelený J.* Die Wissenschaftslogik bei Marx und «Das Kapital». B., 1968.
53. *Клейн Л. С.* Археологические источники. Учебное пособие. Л.: Изд-во ЛГУ, 1978.

V. A. Bashilov, E. N. Loone

ON THE LEVELS OF KNOWLEDGE AND COGNITIVE AIMS OF ARCHAEOLOGY

Discussions held by Soviet scholars during the last fifteen years have brought an interpretation of archaeology as a system of different levels of knowledge. Those who have already written on the subject borrowed a binomial structure from the philosophy of science which offers two levels, the empirical and the theoretical ones. E. Loone has already demonstrated that this paradigm is inapplicabte to the historical knowledge proper and forwarded a three-level scheme to substitute the traditional one. The present article demonstrates how it is to be applied to archaeology.

At the first level archaeologists are engaged in studying individual sites or groups of sites to get an insight into the past. This level can be described as a level of «reconstructed» knowledge. At the second, «empirical», level archaeologists study definite regularities (cultural and industrial continuities, their successions and interrelations). At this level scholars make use of the data obtained at the previous level. The third, «theoretical», level of archaeological research forwards theoretical models, conceptions and full-fledged theories. Archaeology's cognitive tasks at the two higher levels coincide with those of other sciences at the same levels.

Archaeology is a historical discipline and it shares with history the task of obtaining knowledge of human societies' activities in the past epochs. It also presupposes the task of looking for laws of social development which can be regarded as a part of the general theory of past societies. It should be indicated that the specificity of archaeological sources as material remnants of the past affects all the levels of knowledge and identifies archaeology as a historical discipline on its own right history being an element of this complex of historical disciplines.

Л. С. КЛЕЙН

О ПРЕДМЕТЕ АРХЕОЛОГИИ

(в связи с выходом книги В. Ф. Генинга «Объект и предмет науки в археологии»)

В течение ряда лет В. Ф. Генинг занимается теоретической археологией. Его искренний интерес, энтузиазм и большой труд, вложенный в это дело, всегда вызывали мое уважение. Мне близки интересы автора, поскольку и я сам потратил немало усилий на разработку этой отрасли археологии. Книга В. Ф. Генинга «Объект и предмет науки в археологии» [1] написана на ту же тему, которой посвящены две мои работы [2, 3]: статья и монография. В. Ф. Генинг называет эту мою монографию «одной из наиболее крупных работ такого плана» [1, с. 25] и прямо полемизирует со мной во многих местах своей книги. Все это должно было бы вызывать у меня живой интерес, но, признаюсь, при чтении книги В. Ф. Генинга я такого интереса не испытывал.

Но мало ли появляется теоретических статей, которые мы откладываем, не дочитав? Книга не так уж необычна по содержанию. Скорее наоборот. Однако, объем этой книги (14 авт. л.) и ее претензия на важное место в науке [1] заставляют нас отнестись к ней с повышенным вниманием.

Избрав своим предметом (или объектом?) два взаимосвязанных понятия, которые должны определить суть археологии и ее границы, В. Ф. Генинг придал книге стройную, логичную структуру: в первой главе он продвигается от общего обзора методологических проблем археологии к избранной теме, во второй главе рассматривает историю изучения этой темы, третья глава анализирует «объект науки в современной археологии», четвертая — «предмет науки в советской археологии» (по В. Ф. Генингу, объект у советской и зарубежной археологии один, предметы — разные).

С самого начала при чтении этой книги возникает ощущение неудобства, вызванное двучленностью самого названия книги: «Объект и предмет...». Хорошо ли сформулирована сама тема? Почему автор не сумел охватить ее одним понятием? Да, конечно, существуют и вполне правомерны исследовательские задачи и такого плана: выявить соотношения двух или нескольких понятий (скажем, археология и история, теория и эмпирика и т. п.), но то понятия полярные для неких оппозиций, альтернатив, взаимодействий. Здесь же мы интуитивно чувствуем, что имеются в виду то ли почти синонимы, то ли части одного понятия, что автор хотел описать одну характеристику науки — ту, которая определяет ее специфику, ее место в системе наук. Почему же он не сумел выразить ее одним термином?

Если попросить теоретика просто и ясно объяснить, что он хотел сказать свои названием, то, вероятно, он изложил бы это так: чем занимается или должна заниматься археология. А нельзя ли это обозначить одним словом, коль скоро есть одно общее понятие? Англичане говорят: «field of archaeology» (поле археологии, поприще археологии),—

[1] Автор книги сам аттестует ее (и по сути неверно) как «первую попытку в советской археологии исследовать монографически проблему объекта и предмета науки» [1, с. 3]; «по его мнению, необходимость подобного исследования продиктована всем ходом развития нашей науки, ее современным состоянием» [1, с. 3]; он формулирует «постулаты археологии» [1, с. 38, 39].

но зачем обращаться к англичанам? В русском языке давно существует для этого термин: предмет археологии. Почему он раздвоился? Стало ли от этого лучше?

Инициатива такого раздвоения исходит не от археологов, вообще не от представителей частных наук. Они преспокойно обходились без этого в своих практических *и теоретических* исследованиях. Расщепление понятия предложили философы — специалисты по методологии научного познания, причем они ненадолго задержались на раздвоении понятия — вскоре стали членить его на три и более понятий: появились два предмета — $П_1$ и $П_2$, а также термины «объективный предмет», «целевой объект», «базовый объект» и т. п.

Философы, конечно, вправе развертывать и обогащать свою систему понятий и свою терминологию. Но, во-первых, надо сразу же отметить, что это им потребовалось для анализа соотношений субъективного с объективным в исследовании, а не для различения специфики и распределения компетенции отдельных наук. Во-вторых, у самих философов эта работа находится в стадии проб и ошибок. Не существует устоявшейся системы понятий и терминов — пусть не общепринятой, но хотя бы принятой в рамках какой-то одной научной школы. Как отмечает философ В. С. Библер, терминология тут так пляшет, что при переходе от одного философа к другому термины «предмет» и «объект» меняются местами (т. е. понятиями) [4, с. 91].

При таких обстоятельствах археологу не стоило бы поспешать за этим философским авангардом. Можно, конечно, оговорить свое отношение к высказанным там точкам зрения, но лучше оставить их в стороне. Если же очень хочется испытать самоновейшие пробы философов на своей собственной науке, то вряд ли разумно делать это «монографически». Кроме того, нужно сознавать (и оговаривать) тот риск, который сопряжен с подобным предприятием. В. Ф. Генинг же положил эти зыбкие философские разработки, кстати очень туманно им изложенные, в основу всей книги.

Как же выглядят, чем различаются «объект» и «предмет» науки в представлении В. Ф. Генинга?

Понятие «объект науки» определяет, на какую часть объективного мира направлены познавательные усилия данной конкретной науки. Объект «существует независимо от познающего субъекта». В то же время «в качестве объекта познания рассматриваются лишь те объективные свойства, связи и отношения, которые включены в процесс познания» [1, с. 40, 41]. Значит, все-таки формирование объекта (по крайней мере в отборе) зависит от познающего субъекта?

Обратимся к «предмету». Он «формируется познающим его субъектом... в результате познавательных операций с объектом познания...». Представляет собой «совокупность свойств связей и законов, изучаемых данной наукой и получивших выражение в определенных логических и знаковых формулах» [1, с. 40, 41]. Совокупность «свойств, связей и отношений» мы уже видели в объекте. Стало быть, тут есть объективная основа. Но в предмет они входят уже «получившими выражение» и т. д., т. е. с вкладом субъективного элемента.

И тут и там, как видим, есть и объективный, и субъективный элементы. Разница у В. Ф. Генинга смазана. Это в определениях. А в контексте? Здесь автор воспринимает предмет то как отражение объекта в системе знания (тогда что-то из объекта переходит в предмет?), то как фиксацию процесса познания объекта (тогда ничего из объекта в предмет не включается). Последнее понимание оригинально и поэтому особенно усердно разрабатывается в книге [1, с. 155, 156]. Несостоятельность его становится видна лучше всего, когда автор с этой позиции оценивает точки зрения других.

Так, он делает замечание: «Л. С. Клейн, по-видимому, допустил небрежность, так как в предмет науки необходимо включать не вещи (ибо тогда это включение в предмет объекта исследования!), а познание вещей» [1, с. 171, прим.]. Методологу следовало бы знать, что *познание* —

предмет, который изучают гносеология, методология, психология, ну метаархеология, но никак не археология.

Но даже если «исправить небрежность» — сосредоточить в объекте объективную сторону, а в предмете субъективную, или, лучше, в объекте — онтологический смысл, а в предмете — гносеологический, или видеть в предмете отражение объекта в системе знания, какое это может иметь значение для разграничения наук? Никакого. В этом плане «объект» и «предмет» науки, безусловно, одно и то же («непосредственные объекты изучения» в принципе другое, хотя где-то могут и совпадать с «предметом»).

В результате в обеих аналитических главах — в главе об объекте и в главе о предмете археологии — автор говорит об одном и том же, пользуется обоими терминами, выступает против одних и тех же авторов с одними и теми же возражениями. Зачем же понадобилось В. Ф. Генингу прибегать к столь рискованным философским экскурсам, да еще превращать их в фундамент монографии?

Поставим точки над i. В советской археологической науке давно ведется спор нескольких научных школ с разными представлениями о сути, границах, целях, методической процедуре и результатах археологии. В. А. Булкин, Г. С. Лебедев и автор настоящей статьи описали эту ситуацию и охарактеризовали позиции этих школ в статье «Достижения и проблемы советской археологии» [5]. Таких школ мы усмотрели семь. Из них две — господствующая и та, к которой принадлежат авторы статьи,— занимают крайние места в описанном спектре. Своей книгой В. Ф. Генинг очень энергично включился в этот спор на стороне первой — господствующей, к которой его позиции очень близки, хотя и не совсем с ней совпадают (там, где ее сторонники говорят об истории, Генинг говорит чаще о социологии). Эта полемика не составляет все содержание книги, но возникает неоднократно и, так сказать, задает в ней тон.

В указанной статье мы охарактеризовали общую методологическую основу, объединяющую все направления советской археологии. Добавлю, что общее есть и в специальных представлениях о характере археологического познания. Все мы одинаково признаем, что процесс познания, к которому мы профессионально причастны, начинается с археологических памятников (материальных древностей) и ведет к освещению реальных обществ прошлого, их культурного облика и истории. Расхождения начинаются с определения функций и компетенции археологии как отдельной науки в этом процессе.

С точки зрения наших оппонентов, для обеспечения целенаправленности, неразрывности и последовательности познания необходимо, чтобы *одна* научная дисциплина, в частности археология, охватывала весь этот процесс — от сбора и обработки материальных древностей до познания древних обществ, их истории и даже закономерностей их развития. Соответственно они должны входить в ее предмет (объект).

С нашей точки зрения, это сжимает процесс познания, побуждает перескакивать через промежуточные этапы и стимулирует упрощенные трактовки. Археологические источники слишком односторонни, лакунарны, фрагментированны, информация о прошлом в них преобразована, искажена. На основе одних лишь археологических источников исторический процесс реконструировать опасно: он получится однобоким, искаженным, недостоверным.

К счастью, есть другие виды источников — этнографические, лингвистические, антропологические, для поздних этапов письменные и проч. Пути от них тоже ведут к познанию обществ прошлого. Каждой из этих категорий источников ведает особая наука, и каждая из этих наук, по той же логике, могла бы претендовать на реконструкцию всей истории. (Сколько было бы историй — и все однобокие и искаженные!) Только одна из этих наук, в силу специфики своих источников, очень разносторонних и имеющих один код с историей, вправе (и то в определенных границах) реконструировать весь исторический процесс — та, что ведает письменными источниками. Остальные, в том числе археология,— нет. По-

сягать же на самостоятельное привлечение других источников археолог не должен: источники слишком специфичны, методы их изучения совершенно иные, у археолога нет таких знаний и навыков. Так же, как у смежников нет его мастерства.

Значит, на каком-то этапе целесообразно передать полученную информацию специалистам по ее синтезированию, которые в рамках особой науки и реконструируют исторический процесс. Они-то и есть историки, их-то наука и есть история. Или, для ранних этапов, преистория. Конечно, никто не возбраняет археологу овладеть и этой, второй профессией, как овладевают некоторые археологи антропологией или металлографией. Но для этого он, археолог, должен вполне освоить ее методы и ее состоящий из результатов разных источниковедческих наук материал.

Да, археология — *источниковедческая* наука, и незачем этого стыдиться. Соответственно ее предмет — не древние общества, не исторический процесс, а археологические источники; ее непосредственная цель — та информация о прошлом, которую можно из них извлечь. Общества прошлого, исторический процесс — объект (или предмет) *всего* общественно-исторического знания, но это не значит — каждой исторической дисциплины в частности. У каждой — свой, частный объект (предмет). Процесс научного познания глубоко эшелонирован, археология охватывает лишь часть его этапов, у нее есть предел. Спорить есть смысл лишь о более точном определении этого рубежа.

Археология изучает источники не порознь, она их сводит в систему, а за ней ищет динамику. История материальной культуры, понимаемой как материальная фракция культуры вообще, действительно с трудом отделима от археологии, ибо связывает ее с историей и входит как в ту, так и в другую (разными своими аспектами). Археология начинает с вещей и заканчивает системами и процессом. Странно для источниковедения? Но ведь и другие дисциплины, источниковедческие по отношению к истории, не чужды подобной ориентированности на процесс: подлинно квалифицированное источниковедение письменных текстов непременно реконструирует историографическую традицию, как археология — развитие и смену археологических культур. Такова наша концепция.

Вместо того чтобы рассмотреть и сопоставить эти две системы взглядов и разобрать предъявляемые второй стороной аргументы (неужели никто из наших научных оппонентов не в силах это сделать?), В. Ф. Генинг, подобно другим, переводит спор в философскую плоскость. По тому, как это сделано, прием оказывается дымовой завесой.

Как же В. Ф. Генинг отстаивает избранную им концепцию? Уровни познавательного процесса, в котором участвует археология (для него весь этот процесс охвачен *археологическим* познанием), он характеризует так: археологические памятники (=предметный мир древних обществ) — сами общества.

Археологические памятники, по Генингу, «содержат лишь один из компонентов структуры функционирующего общества — предметный мир в той части, которая сохранилась до наших дней» [1, с. 105]. Слишком упрощенная для археолога-теоретика трактовка! Археологические памятники большей частью вообще не содержат какой-либо компонент функционирующего общества, не содержат его предметный мир. Они зачастую представляют собой «негативную выборку» (термин Ю. Эггерса), т. е. как раз то, что в функционирующем обществе отсутствовало, не существовало. К тому же, как правило, даже фрагменты, составляющие «позитивную выборку», вообще не сохранились в том виде, в каком существовали в свое время.

Между тем В. Ф. Генинг продолжает: «Объект исследования археологии шире и включает не только предметный мир древних обществ, но и сами эти общества как функционировавшие в древности целостности» [1, с. 105]. Но именно потому, что археологические памятники не таковы, какими они представляются Генингу, археология не в силах изучать функционировавшие общества: у нее нет для этого подходящих (более

того — необходимых!) источников. Такие есть у этнографии, если отвлечься от письменных источников.

В. Ф. Генинг считает, что археология должна доводить свое изучение до того «предельного уровня познания общественных структур, до которого доводят свои исследования все науки исторического профиля» [1, с. 35], а именно до выявления закономерностей социально-экономических формаций. Он делает лишь одну оговорку, так начиная свой пятый постулат: «Археология изучает преимущественно ранние формации ...» [1, с. 39].

Археология вообще не изучает формации. Их изучает политэкономия, по ним упорядочивают свой материал историческая социология и в известной мере история. Достаточно вспомнить ту периодизацию, которая по праву называется «археологической»: палеолит, мезолит, неолит, энеолит, бронзовый век [6, с. 7—29].

В другом месте В. Ф. Генинг делит весь процесс «археологического» познания на два уровня: «источниковедческий, в котором концентрируются описания и упорядочение фактов предметного мира, прошлых обществ, и собственно исследования историко-социологического (он хотел, видимо, сказать: социально-исторического.— *Л. К.*) развития древних общественных структур». Первый он аттестует как эмпирический, второй — как теоретический [1, с. 23].

Это позволяет В. Ф. Генингу уличить своих оппонентов в эмпиризме: «... попытки ограничить археологию как отдельную науку эмпирическим уровнем познания ведут не только к принижению ее роли...» и т. д. [1, с. 167]. Себя же автор видит борцом против попыток «ограничить науку эмпирией, как предлагают сторонники упомянутой концепции» [1, с. 167].

С каких это пор всякое источниковедение оказывается эмпирией, а всякие историко-социологические исследования теоретическими? Как будто нет теории источниковедения [7] и не бывает чисто фактографических исследований у историков и социологов! Почему описание и систематизация вещей — эмпирия, а описание и систематизация фактов истории — теория? Должен ли я считать свою книгу «Археологическая типология» [8] эмпирическим исследованием, раз она посвящена проблемам группирования артефактов, а не событий истории? Между прочим, я там формулирую и законы археологического группирования, и систему понятий...

Конечно, вопрос о закономерностях важен для оценки, где эмпирия, где теория. В. Ф. Генингу необходимо ввести закономерности в свой предмет археологии и доказать, что их нет в предмете оппонентов.

Формулируя собственные взгляды на объект и предмет археологии, В. Ф. Генинг пишет: «Специфическим предметом науки в археологии следует считать закономерности опредмечивания человеческой деятельности, а объектом — общества прошлого» [1, с. 182]. Но тогда оказывается: объект — тот же, что у истории и у всего исторического знания, а предмет очень узкий и непосильный для археологии. Наука с таким предметом существует — это так называемая этноархеология (отрасль этнографии). На живых примерах и экспериментально она изучает, как происходит опредмечивание идей и действий, отложение и омертвение материальных остатков живой культуры. Эти законы действительно очень важны для археологии, хотя их разрабатывает для нее другая наука.

В этом свете странно звучит упрек В. Ф. Генинга в мой адрес по поводу того, что объяснение причин событий и выявление законов исторического процесса я считаю не делом археологии, а делом истории и социологии. Значит, по Клейну, заключает Генинг, археология не имеет дела с причинно-следственными связями и закономерностями. Как можно реконструировать миграции, возмущается он, без выявления их причин? [1, с. 173]. Эта позиция помогает В. Ф. Генингу изображать нас эмпиристами.

Между тем я ведь отмечал, что есть два ряда законов (соответственно и причинно-следственных связей): один детерминирует ход событий

исторического процесса и оказывается на втором плане в работах по реконструкции этих событий. Законы «второго ряда» проявляются в процессах опредмечивания и археологизации — на знании этих-то законов, ранее познававшихся эмпирически и интуитивно, а ныне строго выявляемых этноархеологией, в основном и строятся наши реконструкции (конечно, привлекаются и общие законы исторического процесса — для выбора аналогий и построения моделей) [9, 10].

Свою схему двух уровней познания В. Ф. Генинг использовал, чтобы уклониться от меткой в данном случае критики со стороны Ю. Н. Захарука. Захарук показывает, что в своей предшествующей статье В. Ф. Генинг говорит о двух объектах археологии — реальном и идеализированном (теоретическом). Как справедливо заключает Ю. Н. Захарук, два специфических предмета, если «строго придерживаться методологического принципа», должны «указывать на наличие в археологии двух самостоятельных наук» [11, с. 14]. Тем более два объекта[2].

В. Ф. Генинг возражает: «Но в данной статье речь шла не об отличии науки, а об уровнях познания в науке — эмпирическом и теоретическом» [1, с. 93, 94]. Автор явно прибег к софистике — попросту назвал иначе: не отдельные науки, а отдельные уровни. Ясно, что это просто игра словами: ведь если уровни обладают собственными объектами-предметами, то это и есть разные науки! Одна — источниковедческая, другая — обществоведческая.

Правда, для марксистской классификации наук принято исходить из классификации объективных форм движения материи по Ф. Энгельсу. Отделяя же источниковедческую дисциплину от собственно обществоведческой, мы получаем разделение по средствам познания, по методам, по этапам познания. Но схема Ф. Энгельса была им применена лишь как самая общая группировка совокупности наук, она служила не для детального разграничения дисциплин, а сами же классики марксизма применяли также другие классификации наук, другие распределения.

В. Ф. Генинг ссылается на книгу Л. М. Косаревой, специально посвященную анализу понятия «предмет науки», в которой она рассматривает соотношения конечного и непосредственного объектов естествознания [12]. Л. М. Косарева приходит к выводу, что объект научного исследования — это «совокупность физических объектов исследования и условий их познания, так как человеку мир дан в формах его деятельности, отражающей различные стороны объективной реальности»,— так Генинг [1, с. 151] перелагает этот вывод. Но он не понял его и не принял.

Еще яснее идея о невозможности определять предмет познания только структурой объективной реальности выражена у К. Маркса. Маркс вообще, как известно, считал недостатком предшествующего материализма игнорирование субъективной стороны познания. О предмете же познания он сказал афористично, образно и очень ясно: «Глазом предмет воспринимается иначе, чем ухом, и предмет глаза — иной, чем предмет уха» (*Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., 2-е изд. Т. 42. М., 1974, с. 121). Это значит, что коль скоро у истории и археологии разные источники, разные методы, разные способы восприятия (как у глаза и уха), то и предметы у них разные.

Эта цитата была взята мною эпиграфом к моей статье «Предмет археологии», В. Ф. Генинг цитирует эту статью[3], стало быть, и афоризм Маркса ему известен. Но Генинг молчит о нем, потому что смысл афоризма совершенно не вяжется с желанием Генинга считать нашу концепцию не марксистской.

---

[2] Для Ю. Н. Захарука это был логический прием «приведения к абсурду»: здесь одна наука, а раз так, то не может быть ни двух объектов, ни двух предметов. Положение Генинга сложнее: он-то понимает, что объектов-предметов все-таки два и они очень разнохарактерны.

[3] В одном месте [1, с. 170] он цитирует текст с грубой опечаткой: по вине издательства вместо «материальные древности» в тексте оказалось: «материальные ценности». Конечно, я не могу упрекать в этом В. Ф. Генинга.

Рассмотрим теперь, как работает модель археологии, построенная В. Ф. Генингом, что́ стои́т за этой моделью и как по ней археология соотносится с историей.

Согласно третьему постулату археологии, по Генингу, она «исследует исторический процесс всесторонне, во всех сферах жизнедеятельности древних обществ в пределах сохранившихся остатков и следов деятельности» [1, с. 38]. Здесь у Генинга явно внутреннее противоречие: в указанных им «пределах» исследовать исторический процесс «всесторонне, во всех сферах жизнедеятельности» просто невозможно. Это знает на опыте каждый археолог.

Не имея возможности сослаться на опыт археологов [1, с. 97], автор ссылается на философа: «Изучает ли археология (принципиально отвлекаясь от количественной характеристики познания) все разнообразие присущих общественной структуре элементов или только некоторую часть из них?» — спрашивает этот философ и отвечает: «Ответ археологов (sic! — *Л. К.*) однозначен: да, археология изучает все стороны жизни общества, стремится к полному и всестороннему познанию» [13, с. 9].

Философ весьма категоричен. Но, во-первых, можно ли в таких вопросах «принципиально отвлекаться от количественной характеристики», как он предлагает? Философу, конечно, известно, что иногда количество переходит в качество. Во-вторых, даже если отвлечься от количественной характеристики, в силах ли археология собственными средствами изучать язык, танцы, музыку (не просто инструменты), философию древних обществ? Ответ археологов действительно однозначен, но совсем не таков, как у В. Н. Боряза.

По мысли В. Ф. Генинга, в изучении раннеклассовых обществ богатые археологические источники «остаются все же в большинстве случаев лишь иллюстративным материалом». А вот для предшествующих этапов «реконструкция исторического процесса производится исключительно по археологическим материалам» [1, с. 26]. Даже без подстраховочного «почти». А ведь утверждать такое для палеолита и то неверно. Палеоантропология, приматология, психология, этнография, лингвистика и проч. — все отброшено. Что ж, по крайней мере, концепция последовательно доведена до логического конца.

Все отрасли археологии, слишком наглядно выдающие свою нужду в кооперации с другими дисциплинами, выведены за пределы науки. Первобытная археология, вытеснив их, становится единственной правомочной представительницей археологии вообще и собственными средствами стремительно продвигается к «функционирующим обществам прошлого» наперегонки с историей, захватывая ее области и функции. Такой отраслевой индивидуализм, такая самонадеянность, однако, не на пользу археологии.

Давайте попытаемся определить социальную и психологическую базу этой концепции, подумать над вопросом, в чем кроется секрет ее живучести. На мой взгляд, такая основа заключается в том, что в археологию постоянно вливается поток людей с широкими гуманитарными и социально-историческими интересами, но зачастую без достаточной археологической подготовки. Они стремятся решать социально-исторические проблемы, причем простыми приемами, и верят, что это возможно. А им говорят: нет, займитесь-ка нужными и сложными процедурами, а в конце будьте добры сугубо ограничить свои выводы. Они хотят ввести в само определение избранной науки свое право на простые методы и широкие выводы, на «дилетантские вылазки» за традиционные границы. Вот та питательная среда, на которой произрастает концепция археологии, возведенной в историю. Подобная концепция предлагает готовые решения широких проблем, тогда как противоположная предлагает только полуфабрикаты, над которыми еще работать и работать. Другое дело, что готовые решения то и дело оканчиваются банкротством. Это ничему не учит энтузиастов скорых и простых решений.

По мнению В. Ф. Генинга, «ограничение науки ее спецификой обедняет и принижает роль археологии» [1, с. 212, 213]. Но ведь специфи-

ка науки и определяет ее компетенцию. Вдумайтесь в смысл высказывания автора: ограничение науки ее компетенцией обедняет и принижает роль археологии! Это и есть кредо воинствующего дилетантизма.

Книга В. Ф. Генинга очень четко отразила чаяния и амбиции этого слоя археологов, их концептуальную оснащенность, стиль их методического мышления и их современный полемический арсенал. В этом ее подлинное значение. Положение об исторической науке как науке синтеза В. Ф. Генингу чуждо и непонятно. Он недоуменно спрашивает: «Какие историки и как будут исследовать законы и причинно-следственные механизмы археологических явлений? Почему в отличие от археологов, пытающихся выйти в область топонимики, этнонимики и т. п., это не будет „дилетантской вылазкой" в чужую область?» [1, с. 174].

На это можно ответить: 1) потому что это будут законы и причинно-следственные механизмы не «археологических явлений» (те — дело археологов), а исторических событий, процессов и структур, изучаемые на основе информации о прошлом, которую поставляют археология, лингвистика, этнография и др., каждая после проработки своих источников своими методами; 2) потому также, что историки, занимающиеся синтезом, должны знать всю эту информацию и профессионально владеть методами синтеза ее разных видов. Для ранних этапов это, конечно, предыстория.

В. Ф. Генинг замечает: «По-видимому, одним из факторов, оказавших влияние на формирование представления о коренных различиях истории и археологии, стали концепции об особых науках „палеоистории", „доистории" и т. п., распространенные на западе» [1, с. 166]. Теоретику-марксисту не грех бы и припомнить, что на западе Маркс и Энгельс не считали зазорным опираться на эти науки и даже пользоваться терминами «доистория», «доисторический». Я уж не говорю о том, что сам намек на представление о «коренных различиях археологии и истории» бьет мимо цели: суть спора не в мере различий, а в выборе сопостроения обеих дисциплин — у меня и моих сторонников оно последовательное, у В. Ф. Генинга и его единомышленников — параллельное.

В. Ф. Генингу угодно писать о нашей концепции в таких сильных выражениях: «Концепция отрыва археологии от историко-социологической проблематики возрождает вещеведческое направление» и т. д. [1, с. 167]. Размежевание для лучшего разделения труда, с нашей точки зрения, не означает отрыва. Известна ли В. Ф. Генингу формула «размежеваться, чтобы объединиться»?

Туманному, путаному содержанию подстать и язык книги. Например: «Поскольку конечной целью нашего исследования является социально-исторический анализ обществ прошлого, то объект исследования должен более или менее адекватно выражать структуру социальных систем, выступающих в археологии как объективная реальность объекта науки как такового» [1, с. 146]. Практик археологии, вероятно, воспримет это как пустословие, и теоретику, право, нечего возразить. Или: «Следует провести разграничение конечного объекта науки как такового, как объективного всеобщего объекта науки археологии (объективного объекта! — *Л. К.*), в качестве которого рассматривать историческое развитие конкретных обществ прошлого, и непосредственного объекта познания археологии, обусловленного эмпирическим и теоретическим уровнями познания. Этим будут достаточно четко разграничены...» [1, с. 151]. «Достаточно четко»? К сожалению, подобное цитирование можно было бы продолжить.

Таким языком написана почти вся книга. Все же кое-какие цитаты, выражающие пояснее основные позиции автора, удалось отобрать. К здравым мыслям отношу и эту: «Вообще в стремлении к историзации археологии большинство авторов потеряли границу конкретной науки...» [1, с. 78].

Не усиливают позицию В. Ф. Генинга и некоторые применяемые им приемы полемики. Первый прием — элементарная некорректность в

изложении взглядов оппонента. Как констатирует В. Ф. Генинг, по представлению Клейна, археологическое исследование «заканчивается тем, что археологические источники из вещной формы переводятся в обобщенную, понятийную для оперирования в науке». Сообщив это, Генинг разюмирует: «Как видим, в данном вопросе автор ограничивает археологию оперированием лишь собственно вещевым материалом» [1, с. 89]. Во-первых, если к концу исследования информация должна быть переведена из вещной формы в понятийную, то оно уже не ограничено собственно вещевым материалом. Во-вторых, у меня-то археологическое исследование отнюдь не сводится к переводу вещей в понятия [3, с. 42—44, табл. III—V].

Второй прием В. Ф. Генинга в полемике — стремление навесить однозный ярлык своему оппоненту. Так, В. Ф. Генинг пишет: «Наиболее ярко субъективно-идеалистическая позиция сторонников „чистой археологии" обнаруживается, когда они утверждают, что процедуры выделения естественных типов не существует, а „наши попытки упорядочить их, описать, классифицировать во всяком случае остаются субъективными"» [1, с. 169].

Почему же автор привел цитату только из работы Г. П. Григорьева? Да потому, что у других названных им исследователей ничего подобного нет. Это личная позиция Г. П. Григорьева, а не всего направления (тут у Генинга применены сразу оба его приема — первый и второй). В моих работах автор нашел бы анализ и критику обеих основных концепций типов — и «естественных», и «искусственных» [14]. Придерживаясь концепции «естественных типов», В. Ф. Генинг разделяет позицию И. С. Каменецкого, Б. И. Маршака и Я. А. Шера, а они следуют за О. Сполдингом и отчасти Д. Кларком. Процедура выделения «эмпирических» типов, принимаемых за «естественные», существует, но нет процедуры превращения их в по-настоящему «естественные» (в смысле культурные).

Принятую Г. П. Григорьевым концепцию типов (ту же, что у Дж. Форда, Дж. Бру и М. Мальмера) я не разделяю. Я критиковал ее за абсолютизацию, но при этом отмечал, что у нее есть своя сфера применения и что никаких оснований называть позицию Григорьева субъективным идеализмом нет [8, с. 106—111, 211—214; 14, с. 58, 59, 65—69]. Ни один грамотный философ, разобравшись в его высказываниях, не найдет там субъективного или какого-либо иного идеализма. Не всякое признание субъективности тех или иных методов или понятий есть субъективный идеализм.

Определение «чистая археология» — тоже ярлык. Оно понравилось В. Ф. Генингу потому, что в его обертонах звучит «чистое искусство» («искусство для искусства» — ср. «голое вещеведение»). Между тем это определение к нашей концепции неприложимо. Концепцию «чистой археологии» отстаивали в западногерманской археологии «методологические пуристы» Ю. Эггерс и Р. Гахман, а критически разбирал в советской и зарубежной периодике именно я, доказывая при этом, что «чистая археология», какую они проповедуют, принципиально невозможна [15; 16; 17, с. 8, 19]. В советской же науке спор идет не между «чистой» и «нечистой» археологиями, а между строгой (держащейся в границах своей компетенции) и нестрогой (стремящейся к экспансии за эти границы).

Третий прием В. Ф. Генинга — навязать противникам «неблаговидную родословную», которая позволяла бы намекать на некую сомнительную преемственность. Поругав С. Н. Быковского, автор заключает: «...подобную роль поставщика источников отводят археологии некоторые советские исследователи и до настоящего времени» [1, с. 76]. На самом же деле Быковский археологию предлагал упразднить вовсе, а у нас она не поставщик источников, а поставщик информации из проработанных ею источников. Кстати, в книге «Археологические источники» я показал, что именно к взглядам Быковского восходит та концепция, которую отстаивает В. Ф. Генинг [3, с. 40—45]. Она ведь тоже упраздняет археологию, подменяя ее дублированием истории, что и предлагал Быковский.

Вот как формулировал это тогдашний сторонник С. М. Быковского молодой А. В. Арциховский: «Задача археологии совершенно совпадает с задачами истории. Эти две науки отличаются друг от друга только характером своих источников (письменные источники истории и вещественные источники археологии). Археология и история — две параллельные науки, которые разрабатывают вместе с другими материал для социологических обобщений» [18, с. 137]. «Параллельность археологии и истории,— замечает по этому поводу В. Ф. Генинг,— фактически ничем не обосновывалась» [1, с. 64].

Четвертый прием В. Ф. Генинга — критика оппонентов за их следование иностранным образцам: «В данном вопросе перечисленные авторы (это мы.— *Л. К.*) неоригинальны и всецело следуют за неопозитивистами „новой археологии" — Д. Кларком, М. Мальмером и другими, критика которых уже была дана в советской литературе»,— следует ссылка на С. А. Семенова [1, с. 89]. Или: «Общетеоретическая основа концепции „чистой археологии" отнюдь не нова и в большинстве своем (автор хотел сказать: большей частью.—*Л. К.*) заимствована из арсенала западноевропейской археологии, стоящей на позитивистских позициях, уже неоднократно подвергавшихся критике советскими археологами»,— ссылки на Г. А. Федорова-Давыдова и С. А. Семенова [1, с. 168].

Здесь все поставлено с ног на голову. В полезной статье Г. А. Федорова-Давыдова почти нет критики. С. А. Семенов был замечательным ученым, но М. Мальмера он вообще не читал (по крайней мере не упоминает), а у Д. Кларка читал далеко не все по данной теме.

В советской археологической литературе впервые и самостоятельно критика «новой археологии» была дана именно теми, кого В. Ф. Генинг обвиняет в следовании за «новой археологией» — Л. С. Клейном и В. С. Бочкаревым [19—24]. Как раз концепция археологии, выдвинутая «новыми археологами» — Л. Бинфордом и другими, близка концепции самого В. Ф. Генинга; у них археология должна изучать закономерности жизни функционирующих обществ (только они называют это не историей, и не социологией, а — в американской манере — культурной антропологией). Учитель Л. Бинфорда Сполдинг как раз и выдвинул поддерживаемую В. Ф. Генингом концепцию «эмпирических-естественных» типов.

Приходится заключить, что В. Ф. Генинг не следит за иностранной литературой (а за последние десятилетия в Англии и США накопилась колоссальная теоретическая литература по археологии, и теоретику игнорировать это непозволительно).

И последний прием — отлучение. Самый эффектный аргумент В. Ф. Генинга в полемике звучит так: «...разрабатываемые сторонниками данной концепции (нашей.— *Л. К.*) категории, понятия, схемы и процедуры процесса археологических исследований не базируются на основных положениях исторического материализма» [1, с. 170]. Беда не только в том, что эта декларация абсолютно голословна, она еще и по меньшей мере некорректна.

Естественно, в настоящей статье отмечено не все заслуживающее возражения в книге В. Ф. Генинга. Можно было бы сказать и о странном для археолога отрицании [1, с. 130—132] фундаментальности понятия «культура» для археологии (без него ведь не определить и понятие «артефакт»). Автор молчаливо подразумевает у своих оппонентов свое понимание разграничений между материальной и духовной культурой [1, с. 129, 171]. Странно деление археологии на «конкретную» и «общую» [1, с. 20]: конкретное мы привыкли противопоставлять абстрактному, а частное — общему и т. д.

В 1982 г. в упомянутой выше статье «Достижения и проблемы советской археологии» [5] мы обозначили концепцию, в защиту которой выступил В. Ф. Генинг, так: «археологическая история». Эта формулировка оказалась прогностичной. Вот как сам В. Ф. Генинг излагает свои выводы: «... специфика „археологического видения".. должна обрисовать основные контуры „археологической истории", т. е. ту специфическую сто-

рону в раскрытии исторического процесса, которая присуща только археологии как особой науке» [1, с. 214].

Итак, археология у него дублирует историю, параллельна истории, является историей, но особой — «археологической историей». На деле это не археология, ибо она выходит за пределы компетенции археологов, и это не история, ибо это была бы однобокая история, чреватая искажениями исторического процесса. Такая археология — небезопасна и такая история — неправомерна.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Генинг В. Ф.* Объект и предмет науки в археологии. Киев: Наук. думка, 1983.
2. *Клейн Л. С.* Предмет археологии.— В кн.: Археология Южной Сибири (Изв. кафедры археологии Кемеровского ун-та, вып. 9). Кемерово, 1977.
3. *Клейн Л. С.* Археологические источники. Л.: Изд-во ЛГУ, 1978.
4. *Библер В. С.* Исторический факт как фрагмент действительности.— В кн.: Источниковедение. М.: Наука, 1969.
5. *Bulkin V. A., Klejn L. S. and Lebedev G. S.* Attainments and problems of Soviet archaeology.— World Archaeology, 1982, v. 13, № 3.
6. *Klejn L. S.* Die Konzeption des «Neolithikums», «Äneolithikums» und der «Bronzezeit» in der archäologischen Wissenschaft der Gegenwart.— Neolithische Studien, I. Halle — Berlin, 1972.
7. Источниковедение. Теоретические и методические проблемы. М.: Наука, 1969.
8. *Klejn L. S.* Archaeological typology (BAR, IS, 153). Oxford, 1982.
9. *Клейн Л. С.* Теории в археологии.— В кн.: Новое в археологии Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск: Наука, 1979.
10. *Клейн Л. С.* Структура археологической теории.— Вопр. философии, 1980, № 3.
11. *Захарук Ю. Н.* Спорные вопросы объекта и предмета археологии.— КСИА, 1978, вып. 152.
12. *Косарева Л. М.* Предмет науки. М.: Наука, 1977.
13. *Боряз В. Н.* Природа археологического источника и объект археологии как науки.— В кн.: Предмет и объект археологии и вопросы методики археологических исследований. Л.: Наука, 1975.
14. *Клейн Л. С.* Понятие типа в современной археологии.— В кн.: Типы в культуре. Л.: Изд-во ЛГУ, 1979.
15. *Клейн Л. С.* Рец. на книгу Р. Гахмана.— СА, 1974, № 3.
16. *Klejn L. S.* Regressive Purifizierung und exemplarische Betrachtung.— EAZ, 1974, Jg. 15, H. 2.
17. *Klejn L. S.* A panorama of theoretical archaeology.— Current Anthropology, 1977, v. 18, № 1.
18. *Арциховский А. В.* Новые методы археологии.— Историк-марксист, 1929, т. 14.
19. *Клейн Л. С.* Человек, культура и среда в «новой археологии».— В кн.: Всесоюзный симпозиум «Первобытный человек, его материальная культура и природная среда в плейстоцене и голоцене». М., 1973.
20. *Клейн Л. С.* О сущности и границах аналитической археологии.— В кн.: Новейшие открытия советских археологов. Ч. III. Киев: Наук. думка, 1975.
21. *Клейн Л. С.* Проблема объективности в скандинавской археологии.— Вестн. ЛГУ, 1978, № 8.
22. *Клейн Л. С.* Рец. на сборник С. и Л. Бинфордов.— СА, 1973, № 2.
23. *Клейн Л. С.* Рец. на учебник Н. Вудолла.— СА, 1975, № 3.
24. *Массон В. М., Бочкарев В. С.* К характеристике теоретических разработок зарубежной археологии.— КСИА, 1978, вып. 152.

L. S. Klein

ON THE SUBJECT-MATTER OF ARCHAEOLOGY

(On Vladimir Gening's book The Object and Subject-Matter of Archaeology)

Summary

The article levels sharp criticism against V. Gening's book dealing with the subject-matter of archaeology, the word «object» in its title being quite redundant. It points out that the book contains scholastic and rather confusing arguments according to which history and archaeology share the same subject-matter. It leads, in L. Klein's opinion, to an underestimation of archaeology's specifics, to a superficial approach in elaborating archaeological research methods, and to a desregard for synthesis and for significance of various historical sources.

Заметки

Д. А. ЧИСТЯКОВ

ИССЛЕДОВАНИЕ МАЛОЙ ВОРОНЦОВСКОЙ ПЕЩЕРЫ В СОЧИНСКОМ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ

В 1983 г., после восемнадцатилетнего перерыва, были возобновлены раскопки Малой Воронцовской пещеры (Партизанской), расположенной в Адлерском р-не г. Сочи, в верховьях р. Восточная Хоста, на ее правом берегу, в 1,5 км к северо-западу от д. Воронцовка.

Пещера представляет собой почти прямой горизонтальный тоннель длиной около 70 м, расположенный перпендикулярно к каньону реки. Привходовая ее часть, площадью 40 м^2, ровная, сухая, удобная для жилья. Пещерная полость состоит из трех залов и шести галерей. Высота и ширина пещеры на различных участках варьируют от 1,5 до 6—8 м. Полость выработана карстовыми и эрозионными процессами по тектонической трещине (рис. 1).

Первые разведочные работы в пещере произведены в 1940 г. Д. А. Крайновым [1]. На привходовой площадке им был заложен шурф (3×2 м), вскрывший три культурных слоя с инвентарем мустьерского облика и костями пещерного медведя. Анализируя каменный инвентарь [1], Д. А. Крайнов отметил некоторую «двойственность» форм орудий: наряду с явно мустьерскими крупными орудиями найдено большое количество мелких кремневых поделок. Иногда встречались пластинки и орудия верхнепалеолитического характера. Эта «двойственность» форм позволила Д. А. Крайнову ставить вопрос о поздней дате стоянки [1, с. 31, 34].

В 1950—1951 гг. раскопки были продолжены Л. Н. Соловьевым, который подтвердил данные Д. А. Крайнова о многослойном характере памятника [2]. На привходовой площадке была заложена траншея размерами 6×2 м. Максимальная мощность отложений, пройденных зондажем до скального дна, достигала 1,2—1,5 м. Колонка напластований была подразделена на семь литологических слоев. Данные раскопок позволили Л. Н. Соловьеву рассматривать нижний слой (слой «Д») в качестве наиболее ранней (премустьерской) пещерной стоянки на Черноморском побережье Кавказа. Вышележащие слои дали материалы мустьерского и верхнепалеолитического возраста [2, с. 34; 3, с. 54, 55].

Следующим этапом исследования пещеры стали раскопки 1964 и 1965 гг. в ее устьевой галерее, проведенные палеолитическим отрядом ЛОИА АН СССР под руководством В. П. Любина совместно с Сочинским краеведческим музеем. Работы носили комплексный характер: в изучении разрезов отложений принимала участие группа представителей естественных наук из Москвы (В. М. Муратов, Э. О. Фриденберг, А. А. Величко, Т. Д. Морозова) и Воронежа (М. Н. Грищенко). Среди фаунистических материалов (определения Н. М. Ермоловой) преобладали кости пещерного медведя (до 90%). Единичными фрагментами были представлены кости кавказского тура и волка [4, с. 50, 51; 5, с. 18; 6, с. 7—40]. Палинологические анализы, выполненные М. Н. Кланчуком, фиксировали сравнительно теплые (межстадиальные?) условия при

[1] Материалы из раскопок Д. А. Крайнова хранятся в Сочинском краеведческом музее и насчитывают 540 каменных изделий.

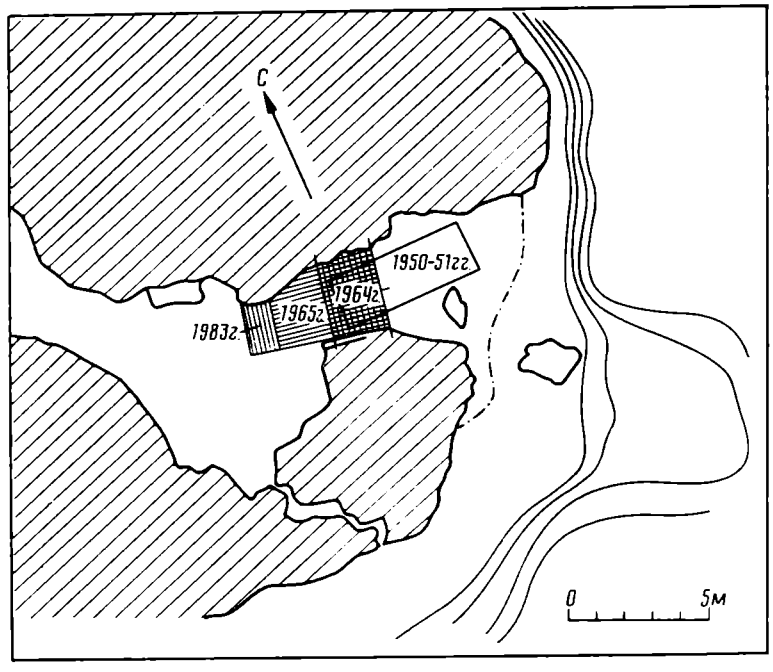


Рис. 1. План исследованной части Малой Воронцовской пещеры (по В. П. Любину)

многократных изменениях ландшафтно-климатической обстановки в районе пещеры в целом [7]. Для верхней части мустьерской толщи по костному углю была получена дата по C^{14}—35680±480 (Gr № 6031) [8, с. 12]. Археологические материалы (около 1500 кремней) и естественно-научные данные, полученные в результате раскопок 1964—1965 гг. (а также тщательный анализ коллекций 1950—1951 гг.) не подтвердили вывод Л. Н. Соловьева о премустьерском возрасте нижнего культурного слоя.

В. М. Муратов и Э. О. Фриденберг относят мустьерские отложения в пещерах Западного Кавказа к раннему вюрму [9, с. 179, 180]. По мнению В. П. Любина, колонку культурных отложений памятника можно рассматривать как «поступательное развитие одной культуры зубчатого мустье», происходившее в один из ранних вюрмских интерстадиалов (брёруп?). Не исключен также и более поздний возраст (на что указывает, в частности, имеющаяся радиоуглеродная датировка) [6, с. 39,40].

В 1983—1984 гг. Воронцовский отряд Кавказской палеолитической экспедиции ЛОИА АН СССР заложил новые раскопы на привходовой площадке и в устьевой галерее пещеры[2]. В 1983 г. в темной (дальней) части устьевой галереи, на ее границе с Круглым залом, был заложен раскоп, примыкавший к западной стенке раскопа В. П. Любина 1965 г. (рис. 1). Разобрана толща внутрипещерных отложений мощностью от 1,2 до 1,85 м. Стратиграфия отложений, выявленная на поперечном разрезе О—Р—Х (западная стенка раскопа), выглядит следующим образом (рис. 2) [3].

Слой 1 (верхний палеолит). Мощность от 0,05—0,12 м на южном участке, до 0,4 м — на северном. Суглинок темно-серый, рыхлый, насыщен мелким угловатым некорродированным щебнем. Встречены кости пещерного медведя и два изделия, одно из них кремневая пластинка с притупленным краем.

Слой 1 «очажный» — от 0,3 до 0,35 м, выделен впервые в 1983 г. Это зольная линза, варьирующая по цвету на различных участках от черного и темно-серого до коричневато-серого, не доходящая до северной стены

[2] Наблюдения, полученные в 1984 г., будут опубликованы отдельной статьей и не противоречат выводам и заключениям данной статьи.

[3] Обозначения и нумерация слоев даются по схеме 1964—1965 гг. [6, с. 18, рис. 8].

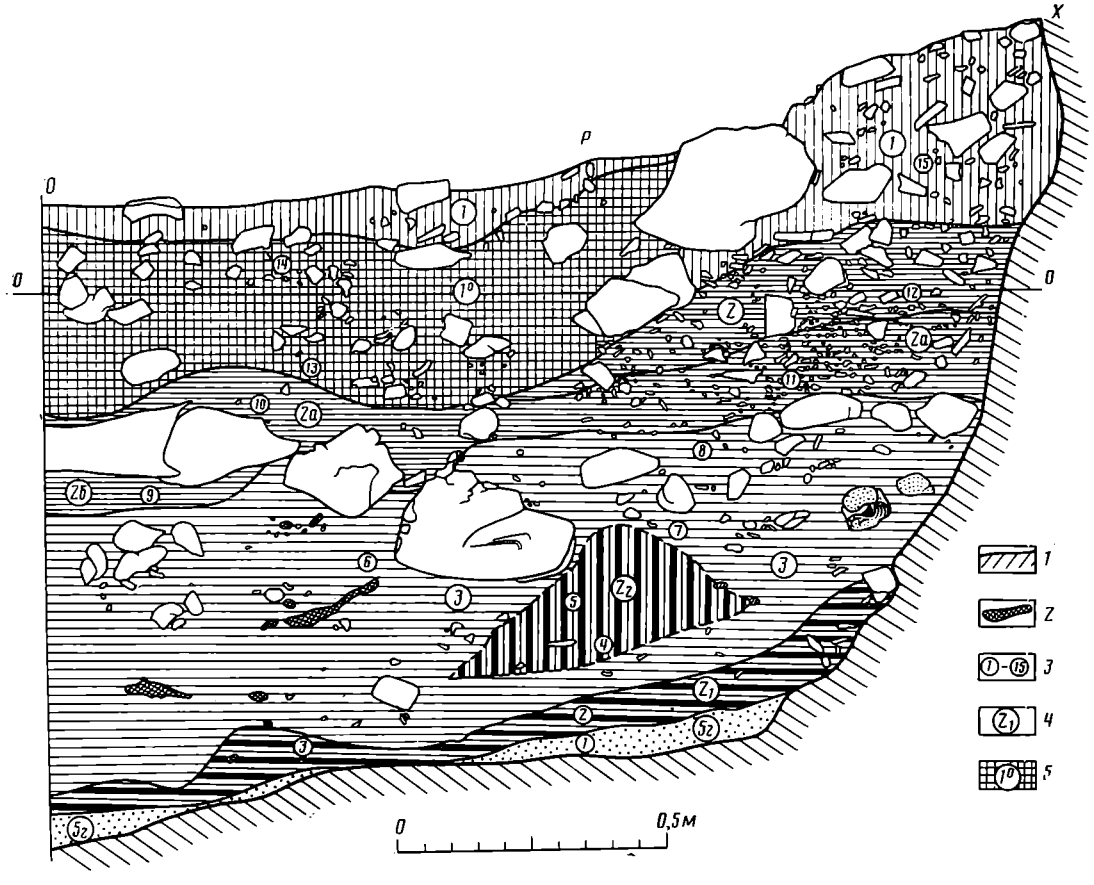


Рис. 2. Поперечный разрез О—Р—Х. *1* — северная стена и скальный пол пещеры; *2* — обломки натеков в слое 3; *3* — места, откуда взяты образцы для палинологического анализа; *4* — номера слоев; *5* — слой 1 «очажный»

пещеры. Хорошую сохранность имеют лишь единичные мелкие обломки обожженных костей. Каменных изделий не встречено, поэтому слой не имеет определенной археологической атрибуции.

Слой 2 (мустье) — до 0,17 м. Суглинок коричневато-серый, довольно плотный, переполненный хрящем и щебнем. Залегает в виде линзы вдоль северной стены пещеры (кв. $И_2$).

Слой 2*а* (мустье) — до 0,2 м. Легкий до среднего, комковатый суглинок коричневого или коричневато-бурого цвета, насыщен грубообломочным материалом и щебнем, особенно в пристенной части.

Слой 2*б* (мустье) — до 0,1 м. Суглинок серовато-бурый, легкий, мелкокомковатый, рыхлый. Беден щебнем, оглаженность которого, однако, выражена заметнее, чем на щебне вышележащих слоев. На отдельных обломках имеется темно-бурая (фосфатная?) корочка. Слой фиксируется в виде линзы, отчлененной от слоя 2*а* крупными обломками известняка (до 0,25—0,3 м).

Слой 3 (мустье) — до 0,5 м. Суглинок желтовато-бурый с красноватым оттенком, литологически неоднороден (чередование тонких прослоек и линз различной плотности, насыщенности щебнем и т. д.). Разбирался, как и в 1965 г., пятью искусственными горизонтами. Щебень и обломочник демонстрируют отчетливую тенденцию к увеличению мощности темно-бурой (фосфатной?) корочки и степени оглаженности материала к нижним горизонтам.

Слой Z_1 (мустье) — до 0,25 м. Суглинок коричневатый с лиловато-пепельным оттенком, налегающий на пещерный аллювий (слой 5). Щебень сильно корродирован и оглажен.

Линза слоя Z_2 (мустье) — до 0,25 м выделена в 1983 г. в толще слоя 3. Напоминает по цвету слой Z_1, но имеет чуть более тусклый («стальной») оттенок.

Таблица 1

Категории находок	Слои и горизонты															Всего
	1	2	2а	2б	3					4	Z	Z_1	Z_2	5г	осыпь	
					I	II	III	IV	V							
Нуклеусы и пуклевидные обломки	—	—	1	1	2	1	—	1	—	—	—	—	—	—	—	6
Орудия	2	4	1	3	1	5	6	6	1	2	1	—	1	1	11	45
Сколы																
левалуа	—	—	—	1	—		1	1	—	1	1	—	—	—	—	5
нелевалуа	—	2	2	6	5	10	8	13	13	3	6	1	—	—	29	98
Отходы производства	—	3	13	3	10	12	18	14	24	23	2	8	—	2	14	146
Всего	2	9	17	14	18	28	33	35	38	29	10	9	1	3	54	300

Таблица 2

Сколы	Площадки										
	корка	гладкие	двугранные	3–4-фасеточные	фасетированные		точечные	удаленные обработкой	обломанные	неопределимые	Всего
					прямые	выпуклые					
Левалуа											
Пластины	—	—	2	—	—	—	—	3	3	—	8
Отщепы	—	—	—	—	—	2	—	1	—	1	4
Треугольные сколы	—	—	1	2	—	2	—	—	—	—	5
Нелевалуа											
Пластины	—	1	3	—	—	—	—	3	4	4	15
Отщепы	2	19	12	6	6	5	6	8	15	5	104
Неопределимые	—	—	2	—	—	—	—	5	1	—	8
Всего	2	20	20	8	6	9	6	20	24	30	144

Слой 5г — до 0,07 м. Это пещерный аллювий с гравием и галькой. В этом слое встречено три изделия мустьерского облика, попавшие сюда скорее всего из вышележащего слоя.

Разрезы 1965 и 1983 гг., отстоящие друг от друга на 1 м, служат прекрасной иллюстрацией быстрой изменчивости пещерных отложений. Четко фиксируется выклинивание одних слоев (например, слой 4 и Z), появление новых (Z_2 и 1 «очажный») и существенное изменение литологических характеристик тех слоев, простирание которых в глубь пещеры удается проследить по продольным разрезам.

Наличие волнистых контактов между слоями, линзовидных останцев тех или иных отложений, определенная уложенность щебня и обломочника (в частности, их концентрация на пристенных, несколько возвышенных участках), падение слоев от стены пещеры к центру галереи, характерное для всех слоев, позволяют предположить, что перед нами свидетельства периодических механических воздействий водных потоков на отложения устьевой галереи и Круглого зала.

Фаунистические материалы многочисленны, особенно в верхней части отложений (слой 1 — верхи слоя 3). Кости принадлежат главным образом пещерному медведю (до 95%) [4], причем первые находки встречаются уже в 3—5 см от современной дневной поверхности пола пещеры. Единичными находками представлены кости кавказского тура, косули, кабана (?), а также кости мышевидных грызунов и рыб.

[4] Подсчеты предварительные. Остеологические материалы находятся в обработке в Зоологическом институте АН СССР и будут опубликованы отдельной статьей.

Коллекцию каменных изделий пополнили 300 предметов (табл. 1) из кремня, сланца, алевролита, кремнистого известняка. Преобладает некремневое сырье (53,7%).

Небольшой объем материала не дает возможности произвести сравнительный технико-типологический анализ по отдельным слоям. В силу этого вся коллекция будет рассматриваться как единая индустрия.

Мустьерская коллекция состоит из 298 изделий. Характерной ее особенностью является очень высокий процент орудий (16%). Практически каждая третья заготовка в коллекции была оформлена в орудие (табл.1). Процент отходов производства сравнительно невелик (48,9%), преобладают мелкие осколки и обломки. Чешуек (сколов от вторичной отделки орудий) среди них не более 10%.

Другой характерной особенностью индустрии является микролитоидность изделий. Только четыре орудия и пять сколов имеют длину более 5 см, подавляющее же их большинство — от 1,5 до 4 см. В равной мере это относится и к целым изделиям, и к фрагментам, соотношение которых примерно одинаково (52,1—47,9%). Столь высокий процент фрагментированных орудий и сколов свидетельствует, видимо, об их длительном использовании, переоформлении, рассечении на «вторичные заготовки» и т. д. в условиях дефицита хорошего сырья [6, с. 26, 27, 32].

Некоторые изделия (главным образом из слоев группы 2) имеют на своих поверхностях отчетливые следы внешних воздействий в виде затертости граней, матового блеска, многочисленных беспорядочных царапин, часто локализованных на выступающих частях сколов, а также, вероятно, мелкой разновеликой нерегулярной и зазубренной ретуши по краям.

Характеристика технологии расщепления камня затруднена, поскольку из шести ядрищ лишь одно изделие из мелкозернистого песчаника (с плоской тыльной стороной и негативами пластинчатых снятий с двух площадок) может быть типологически определено как ядрище леваллуазское для пластин (рис. 3, *10*). Пять других относятся к бесформенным, остаточным и морфологически невыраженным.

Среди сколов-заготовок (табл. 2) преобладают отщепы нелеваллуа (76,6%). Индекс пластинчатости общий — 16,9, индекс подлинных пластин (в данном случае — пластин леваллуа) — 5,8; индекс леваллуа технический — 11,4. По характеру подправки ударных площадок (IF-60,6; IFst-32,4) индустрия относится к фасетированным. Высокие индексы фасетирования, а также наличие типичных леваллуазских ядрищ, сколов и орудий на этих сколах (рис. 3, *6*) позволяют предполагать, что леваллуазский характер индустрии трудно выявить прежде всего в силу отмеченной выше фрагментации орудий и сколов. Такую же оговорку следует сделать и при отнесении индустрии к нелеваллуазской фации мустье (ее IL ty. réel elementaire-10,7).

Для вторичной отделки орудий характерно преимущественное использование ретуши лицевой, краевой, мелкой (2—6 мм в ширину), полукрутой, полуглубокой и глубокой, одно-двурядной (второй ряд обычно — кромочная полукрутая или крутая ретушь), чешуйчатой. Ретуши типа кина́, пластинчатая и пластинчатая параллельная отсутствуют; относительно редки ретуши распространенная, surélevées и отвесная, субпараллельная, плоская, брюшковая и полукина́. Несколько зубчатых орудий отделаны ретушью чередующейся (рис. 3, *12*). Плоско-выпуклая отделка отмечена только на одном частично двустороннем орудии (рис. 3, *7*). Очень показателен (в связи с низким шарантским индексом — 4, 2) небольшой процент изделий с клетонскими анкошами (6,2%). Довольно многочисленна группа сколов со следами небольших подретушевок (утилизация?) в виде разновеликих и разнотипных фасеток, выщербин, выломов, зазубрин.

У пяти изделий (два орудия и три отщепа) утончены основания (рис. 3, *3*, *7*).

В заключение рассмотрим табл. 3, в которой представлен типологический состав инвентаря.

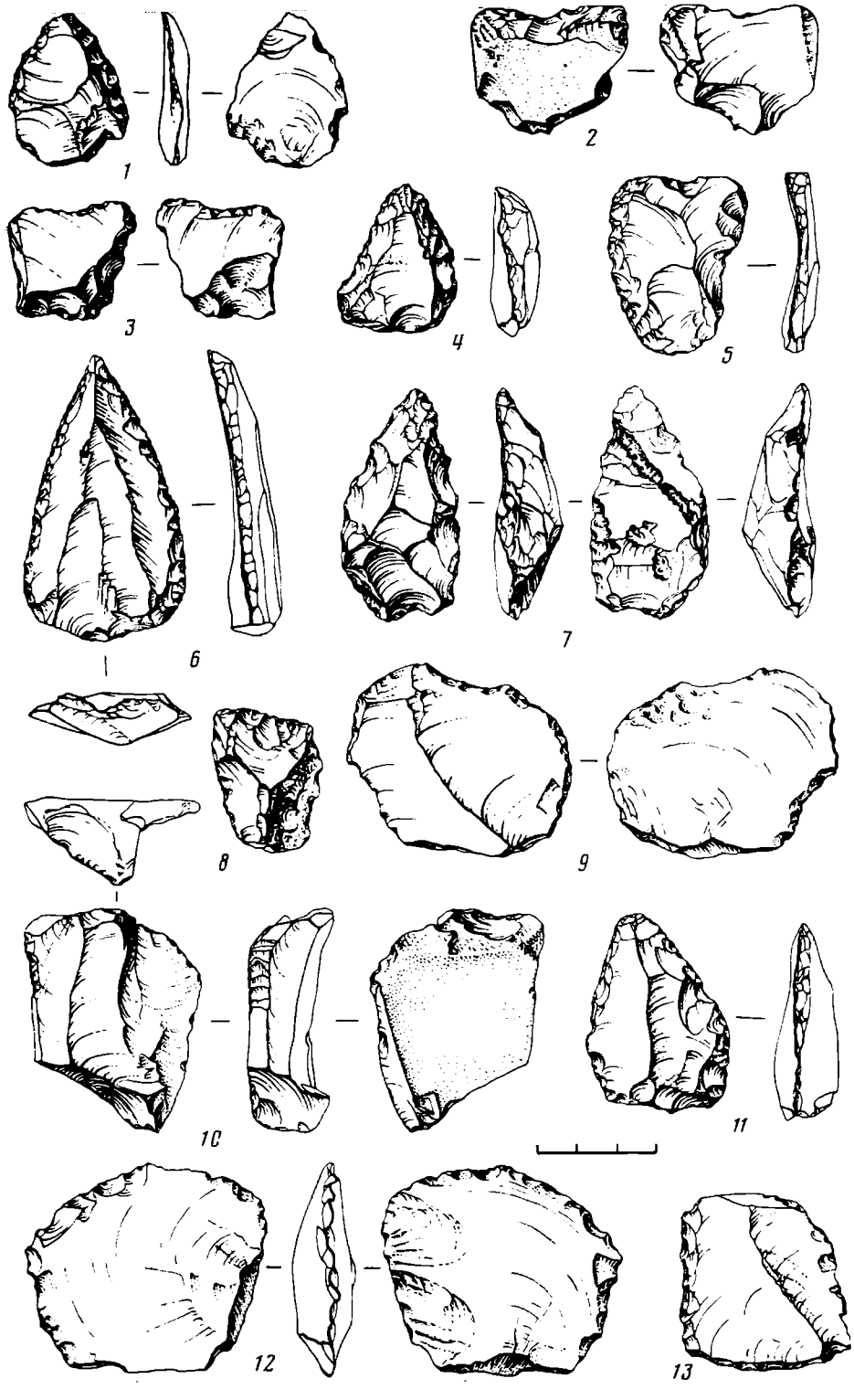


Рис. 3. Каменный инвентарь из мустьерских слоев Малой Воронцовской пещеры (раскопки 1983 г.)

Процент скребел (IR ess.-39,6) довольно низкий, хотя в количественном отношении они и преобладают над зубчатыми орудиями. Скребла со сходящимися ретушированными краями (конвергентные и угловатые) преобладают над остроконечниками; их индекс (IRc-12,5) имеет, по схеме А. де Люмлея [10, с. 394], средний показатель.

К орудиям типа позднепалеолитических (группа III тип-листа Ф. Борда) относятся два скребка (индекс — 4,1). Если прибавить сюда скребковые элементы дистальных частей двух конвергентных скребел (рис. 3, *4, 11*), то этот показатель несколько возрастет (8,3).

Таблица 3

Типы орудий (номера по тип-листу Ф. Борда)	Кол-во
1, 3. Сколы леваллуа типичные	5
6. Остроконечники мустьерские	2
9. Скребла простые прямые (рис. 3,*13*)	3
10. » » выпуклые (рис. 3,*5*)	1
11. » » вогнутые (рис. 3,*2*)	1
12. » двойные прямые	1
16. » » двояковогнутые	1
19. » конвергентные выпуклые	1
20. » конвергентные вогнутые	1
» конвергентные выпукло-вогнутые (рис. 3,*4*)	1
21. » угловатые (рис. 3,*8,11*)	3
23. » поперечные выпуклые	1
25. » с ретушью с брюшка	1
Обломки скребел	4
30. Скребки типичные	1
31. Скребки атипичные	1
38. Ножи с естественным обушком	1
42. Выемчатые орудия (рис. 3,*9*)	5
43. Зубчатые орудия	7
62. Разные орудия: *а*) отщепы с утонченным основанием,	3
б) частично двустороннее орудие (рис. 3,*7*)	1
в) микроорудия на фрагментах (средних частях) пластин	3
Всего	48

Зубчатые орудия имеют невысокий показатель (14,5), причем некоторые из них определяются нечетко.

Полученные данные (индексы, вторичная обработка, типологический спектр) позволяют рассматривать индустрию как мустье типичное, фации нелеваллуа (?), непластинчатое (?), фасетированное. Характерными чертами коллекции 1983 г. являются также очень высокий процент орудий, небольшие размеры изделий (микромустье), неполный цикл обработки камня на поселении (мало ядрищ, много орудий, мало чешуек), предельная утилизация и многократная реутилизация изделий. Можно предположить, что мы имеем дело с остатками долговременного или, что вероятнее, сезонного (зимнего?) стойбища.

Раскопки 1983 г. позволили проследить распространение слоев в глубь пещеры, выявить несколько новых слоев, глубже понять особенности индустрии, стратиграфии и литологии отложений. Коллекция каменных орудий с ее отчетливым типично мустьерским обликом свидетельствует, по-видимому, о фациальности в распределении материалов по площади поселения, поскольку материалы из раскопок 1950, 1951 и 1964 гг. определены как комплекс зубчатого мустье [4, 8].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Крайнов Д. А.* Новые мустьерские стоянки Крыма и Кавказа.— БКИЧП, 1947, № 9.
2. *Соловьев Л. Н.* Первобытное общество на территории Абхазии. Сухуми: Алашара, 1971.
3. *Соловьев Л. Н.* Значение археологического метода для изучения карста северной части Черноморского побережья Кавказа.— В кн.: Вопросы карста на юге Европейской части СССР. Киев: Изд-во АН УССР, 1956.
4. *Любин В. П.* Исследование Малой Воронцовской и Навалишенской пещер.— АО — 1956. М., 1966.
5. *Любин В. П.* Изучение нижнего палеолита Кавказа.— КСИА, 1969, вып. 118.
6. *Любин В. П., Соловьев Л. Н.* Исследование Малой Воронцовской пещеры на Черноморском побережье Кавказа (раскопки 1950, 1951 и 1964 гг.) — МИА, 1971, № 173.
7. *Кланчук М. М.* Деякі данні про климатичні умови життя палеолітичної людини в Сочинському районі Краснодарського краю.— Укр. ботан. журн., 1970, т. XXVII, № 1.

8. *Любин В. П.* Природная среда и Человек в плейстоцене Кавказа.— В кн.: Первобытный человек, его материальная культура и природная среда в плейстоцене и голоцене. М.: Наука, 1974.
9. *Муратов В. М., Фриденберг Э. О.* Палеогеографические интерпретации рыхлых отложений пещер Западного Кавказа.— В кн.: Первобытный человек, его материальная культура и природная среда в плейстоцене и голоцене. М.: Наука, 1974.
10. *Lumley H., de Licht M. H.* Les industries mousteriennes de la grotte de l'Hortus.— In: La grotte de L'Hortus. Etudes quaternaires. Memoire, N 1. Paris, 1972.

В. В. ОТРОЩЕНКО

КОСТЯНЫЕ ДЕТАЛИ ПЛЕТОК ИЗ ПОГРЕБЕНИЙ СРУБНОЙ КУЛЬТУРЫ

Сопровождающий инвентарь погребений срубной культуры обычно весьма однообразен — один-два керамических сосуда. Тем интереснее немногочисленные случаи нарушения этого однообразия. Особого внимания заслуживает небольшая группа костяных поделок, в основном функционально не определенных.

Единственным опознанным изделием является ручка от нагайки (рис. 1, *4*) из погр. 2, кург. 8 у с. Вильно-Грушевка Вильнянского р-на Запорожской обл. [1, с. 56, рис. 7]. При полной публикации могильника отмечено, что погр. 2 было впущено в насыпь более древнего кургана и принадлежало взрослому человеку, лежавшему в скорченном положении на левом боку, головой на восток. Перед лицом умершего стоял лепной остроребериый сосуд. Вблизи его найдена оригинальная костяная вещь в виде трубки с винтовой нарезкой. Длина изделия 12 см. Возможно, что это рукоять плетки [2, с. 115, рис. 8, *4*]. С оговоркой «по-видимому» называет рукоятью от плетки эту поделку И. Н. Шарафутдинова [3, с. 140, рис. 57, *2*]. В трех упомянутых изданиях изображения этой рукояти различаются в деталях. Так, в полной публикации рукоять изображена целой, хотя на самом деле узкий конец ее обломан. В дополнение описания отметим, что рукоять представляет собой овальную, в сечении коническую трубку. В 1 см от широкого края винтовая нарезка прерывается пояском-валиком. Функция вещи не аргументирована, поэтому и возникает сомнение в правильности определения «рукоять плетки».

Рассмотрим еще одну подобную вещь. В 1925 г. В. В. Гольмстен исследовала курган срубной культуры у хут. Истомина на правом берегу р. Самары, в окрестностях г. Куйбышева, опубликованный недавно И. Б. Васильевым. Погребение VI обнаружено в юго-западном секторе кургана, под накатником из поперечно уложенных на уровне погребенного чернозема деревянных плах. Скелет ребенка в скорченном положении, на левом боку, лежал головой на север, на 0,7 м ниже уровня перекрытия. На общем плане кургана видно, что ребенок лежал под северо-западным углом обширного деревянного накатника, уходившего в западную стенку раскопа. Возможно, это погребение было сопровождающим при более обширном погребальном комплексе. У головы ребенка обнаружены остатки берестяной коробочки, у коленей и стоп — четыре костяных наконечника стрел. Около костей таза лежала поделка из трубчатой кости (рис. 1, *5*). Изделие слегка сужается к обломанному концу, длина сохранившейся части 10,3 см. Сохранившийся конец изделия украшен тремя опоясывающими валиками, а остальная часть ствола — глубокой винтовой нарезкой. Как отмечает И. Б. Васильев, создается впечатление перевитой, скрученной трубочки. В центральной части поделки, ближе к тонкому концу, вырезан круговой желобок для подвешивания или привязывания. Полость трубки сужается от 1,3 см у сохранившегося конца до 0,5—0,6 см — у обломанного [4, с. 52—56, рис. 4, *4*].

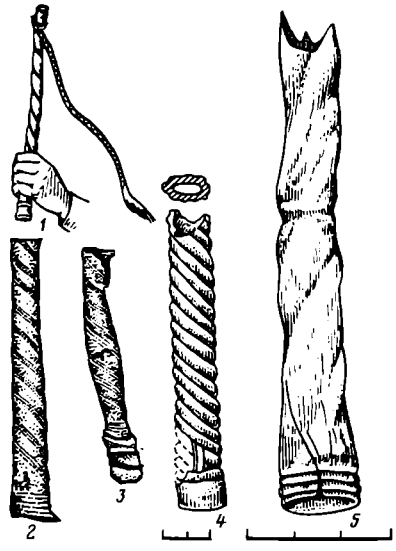


Рис. 1. Рукояти плеток. *1* — нагайка с рисунка начала XX в.; *2, 3* — Микены, шахтовая гробница IV (по Г. Каро); *4* — с. Вильно-Грушевка (по Д. Я. Телегину); *5* — хут. Истомин (по П. Б. Васильеву): *2, 3* — золото; *4, 5* — кость

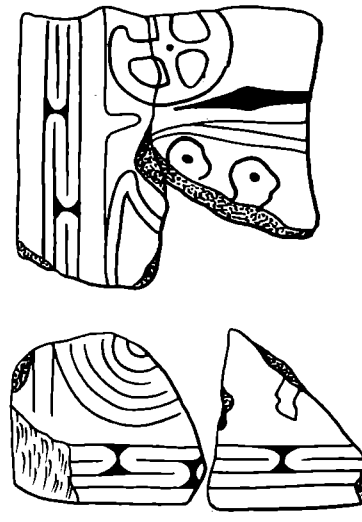


Рис. 2. Фрагменты надмогильной стелы из Микен (по Г. Каро), камень

По общей конфигурации, размерам, декору обе рассмотренные нами поделки удивительно близки, что предполагает и функциональное их тождество. Между тем И. Б. Васильев склоняется к мысли, что опубликованная им вещь — игольник [4, с. 57]. Л. Л. Галкин в специальной статье, посвященной трубчатым костяным изделиям, справедливо отмечает: «При определении назначения костяных трубочек следует учитывать весь археологический комплекс, в котором они найдены» [5, с. 189]. Игольник не очень сочетается с костяными наконечниками стрел, и в нем должны были бы находиться иглы. Отсутствие игровых отверстий и мундштука также не позволяет рассматривать витые трубки в качестве флейт или свирелей [5, с. 186]. Л. Л. Галкин убедительно доказал, что большинство полых трубочек из погребений срубной культуры является специальным приспособлением для стимуляции процесса доения молока. Подобные костяные трубки, тонкие, примерно одного диаметра, заполированные с обоих концов, вырезали чаще всего из трубчатых костей птиц и никогда не орнаментировали [5, с. 186—192, рис. 1, *4—6*, *10—12*]. Уже поэтому вещи из Вильно-Грушевки и Истомина не могут быть отождествлены с такими трубочками.

Использование «витых» костяных трубочек в качестве рукоятей представляется нам единственно возможным. Именно в такой манере декорирована рукоять бронзового шила из погребения у балки Кричная в Днепровском Надпорожье [3, с. 139, рис. 57, *1*]. Однако эта и подобные ей рукояти шильев из погребений срубной культуры имеют неглубокую слепую втулку. Трубки же для закрепления шила малопригодны, да и никаких следов от закрепляемого предмета в погребениях, где они найдены, не отмечено. Это возможно лишь в том случае, если закрепляемый предмет имел органическое происхождение.

Плеть (нагайка) относится к категории вещей, внешний облик которых почти не изменялся на протяжении тысячелетий. Аналогичное костяным имеют оформление нижних расширенных частей золотые сужающиеся трубки из IV шахтовой гробницы Микен (рис. 1, *2, 3*). Длина их — 41,5 и 37 см [6, табл. XVIII, *308, 309*]. Ствол этих трубок — ложновитой, а в основании сделаны рельефные валики и гравированные пояски. Очевидно, это трубки служили рукоятями кнутов для понукания упряжных лошадей, изображавшихся на надгробных стелах микенских

владык. Обязательной вещью была нагайка в скифских «царских» могилах. Наиболее сохранный экземпляр такой нагайки обнаружен в дромосе центрального погребения Толстой могилы. Кожаная рукоять ее была обтянута спиральной золотой лентой шириной 2 см (длина спирали 30 см). От кожи сохранился органический тлен густо-коричневого цвета [7, с. 53, 54, рис. 37]. В реконструкции вооружения воина из Толстой могилы, выполненной М. В. Гореликом и Е. В. Черненко, изображена нагайка с витой рукоятью [8, с. 171, рис. 13]. В данном случае функцию трубки выполняла соответствующим образом свитая золотая лента, внутри которой находилась кожаная сердцевина. Очевидно, кожаные жилы нагаек из Вильно-Грушевки и Истомина крепились к рукоятям за счет конической полости трубки — узел заклинивался в широкой части, а жилы выходили наружу сквозь узкий выход трубки.

Предположение об использовании псевдовитых костяных трубок в качестве рукоятей плеток наглядно подтверждается иконографическими материалами. На поясе статуи скифского воина из с. Ольховчик Донецкой обл. вырезана свисающая вниз нагайка с витой рукоятью, имеющей расширенную пятку [9, с. 206, рис. 2]. Поразительную устойчивость данной декоративной традиции демонстрирует политическая карикатура неизвестного художника времен первой русской революции «Король пик, патронов и нагайки». В руках петербургского генерал-губернатора Трепова, изображенного в виде карточного короля, нагайки с псевдовитыми рукоятями [10, карточка 7]. Оформление ствола и пятки нагаек на карикатуре удивительно точно соответствует декору костяных поделок из погребений срубной культуры (рис. 1, *1*).

Приведенные выше аналогии достаточно убедительно устанавливают функции псевдовитых трубок в качестве рукоятей плеток. Попытаемся теперь расширить круг источников. На обеих рукоятях отсутствует узкий верхний край, разрушенный в процессе эксплуатации вещи. Он мог быть ровно обрезан, при креплении рабочей части в полости рукояти, но мог иметь и специальную головку для крепления, подобную изображенной на рис. 1, *1*. Головка могла составлять с рукоятью одно целое или быть съемной. Именно такое изделие обнаружено в погр. 11, кург. 1 у с. Юбилейное Цюрупинского р-на Херсонской обл., относящемся к срубной культуре [11, с. 228—231, рис. 2]. Исчерпывающая ее публикация избавляет нас от необходимости подробного описания условий находки. Напомним лишь, что костяная поделка обнаружена в мужском погребении, у коленей умершего, напротив тазовых костей. Поделка имеет вид навершия (высота 2,8 см, максимальный диаметр 2 см) с коническим сквозным продольным отверстием. Примерно по середине высоты тулова вырезан опоясывающий желобок с высверленным поперечным сквозным отверстием, в которое вставлен штифт. Под прямым углом к сквозному отверстию в стенке головки сделано еще одно — от желобка вверх и внутрь, в шляпку головки. Любопытен орнамент, украшающий поделку: 27 точек по кромке шляпки, сложный резной меандр в основании втулки и четыре риски (прямым крестом) на нижнем поперечном срезе. Я. П. Гершкович и Г. Л. Евдокимов предполагают, что в продольное отверстие вставлялась деревянная втулка, крепившаяся костяным штифтом, а в боковое могла продеваться веревка [11, с. 230]. Действительно, штифт не препятствует использованию бокового отверстия для крепления веревки или кожи. В месте, где створы отверстий (сквозного и бокового) соприкасаются, в стержне штифта сделана выемка, чтобы не было никаких препятствий движению шнура. Сверление наискось производилось тогда, когда штифт уже находился в поперечном сквозном отверстии. Допущение, что перед нами головка плети, крепившаяся к деревянной рукояти при помощи штифта, практически обосновано авторами публикации. Между тем вещь осталась не опознанной. Я. П. Гершкович и Г. Л. Евдокимов лишь отмечают морфологическое сходство головки с горловинами от бурдюков [11, с. 230]. Но штифт, пересекающий ствол головки, не позволяет принять такое сопоставление. Ствол поделки, привлекаемой в качестве аналогии как возмож-

ная горловина бурдюка, не имеет никаких дополнительных боковых отверстий [12, с. 192, 193].

Поделка из Юбилейного позволяет опознать в качестве головки плети еще одну костяную трубочку из погр. 4, кург. G2 у с. Макаровка (Меркель) на р. Карамыш в Саратовском Поволжье (раскопки 1929 г.). План этого захоронения опубликован А. П. Кругловым и Г. В. Подгаецким [13, с. 62], а описание комплекса и рисунки вещей — И. В. Синицыным [14, с. 77—79, рис. 51—53]. Скелет погребенного мужчины находился в скорченном положении на левом боку, головой на северо-восток. Трубочка, как и в погребении у с. Юбилейное, находилась у коленей умершего. Край поделки укреплен широким валиком, а внутри вырезана поперечная перегородка для крепления кожаного шнура к головке плети. Примечателен и остальной набор сопровождающего инвентаря: два костяных наконечника стрел и концевое яблочко стрелы, предохранитель от тетивы (?), бронзовый нож, два остроребериых сосуда. Итак, в двух из четырех комплексов с деталями плетей обнаружены наконечники стрел.

На фоне многих тысяч исследованных погребений срубной культуры, приведенные выше, четыре комплекса с деталями плетей представляются единичными. Эти находки позволяют сделать некоторые выводы и допущения. Учитывая, что основными материалами для изготовления плетей были дерево и кожа, можно предположить, что в погребении плети помещались значительно чаще, но не сохранились. Положение плети относительно тела умершего (окончание рукояти — у пояса, головка — у коленей) свидетельствует о том, что исследуемый предмет крепился к поясу спереди, примерно так, как это изображено на скифских изваяниях [15, с. 267, 268, рис. 1, *3, 4*]. Так, косвенно, устанавливается факт ношения пояса «срубниками».

Е. В. Черненко замечает, что нагайка является обязательной принадлежностью конного скифа-воина [8, с. 170]. Плеть в комплексе со стрелами из Истомина и Макаровки указывает на существование конных стрелков у племен срубной культуры, причем едва ли не древнейших в мире. Отсюда логически вытекает вопрос о социальном статусе погребенных с плетками. В двух случаях это мужчины, а также взрослый (пол не установлен) и ребенок. Захоронение последнего входит в состав большого, не исследованного до конца погребального комплекса. Если оба поволжских захоронения по сочетанию деталей плеток с оружием можно отнести к числу воинских, то погребения Поднепровья дают иное сочетание: плеть и сосуд. Такое сочетание предметов позволяет предположить участие их владельцев в скотоводческих календарных обрядах. С этой точки зрения особо показателен комплекс из Юбилейного. Авторы публикации отмечают смысловое, возможно, календарное содержание орнаментальной композиции на сосуде, сопровождавшем захоронение с плеткой [11, с. 228].

Действительно, основу композиции составляют 13 разнообразно заполненных больших ромбов, предположительно соответствующих 13 месяцам лунного года [11, рис. 1]. Это наблюдение удачно дополняет декор головки плети: круг из 27 точек по кромке шляпки головки делится на 4 сектора рисками в основании головки и дублируется четырьмя широкими лопастями меандра. То есть перед нами лунный месяц, состоящий из 27 (28?) дней, которые делятся на 4 недели [16, с. 173, 183]. Попытка трактовать разнообразно заполненные ромбы на сосуде срубной культуры из д. Владимировки Воронежской обл. в качестве месяцев предпринята недавно В. П. Андриенко [17, с. 70].

Псевдовитые рукояти плетей в известном смысле раскрывают семантику подобных вещей, живо ассоциирующихся с извивающимися змеями. Ствол рукояти плетки из Вильно-Грушевки формально сопоставим с колонной из вьющихся змеиных тел в Стамбуле [18, с. 39—42, рис. 1—3]. Изображения змей неоднократно отмечены на керамике срубной культуры [19, с. 140, 141, рис. 2, 3; 20, с. 76, рис. 1, *31—37*], останки трех змеиных тел обнаружены в одном из погребений срубной культу-

ры [21, с. 214, рис. 4]. Приведенные факты позволяют предполагать особую роль плетки-«змеи» в сезонных обрядах, связанных, возможно, с повышением плодовитости скота.

Выше уже отмечалось морфологическое сходство костяных рукоятей плеток с золотыми трубками из IV шахтовой гробницы Микен. Меандровый орнамент из удлиненно-приплюснутых (червячных) лопастей, украшающий головку плети из Юбилейного, имеет аналогию в обрамлении одной из надмогильных стел из круга А Микенского некрополя (рис. 2) [6, рис. 12]. Воспроизведение подобного орнамента на изделиях из кости отмечено в раннесрубном горизонте поселения Ильичевка на Северском Донце [22, с. 159, рис. 5] и на костяном цилиндре культуры Фюзешабонь в Венгрии [23, рис. 27, *а*]. Таким образом, детали плеток расширяют круг вещей, отмеченных микенским влиянием. Долгое время господствовала точка зрения о более позднем возрасте вещей, отмеченных микенским влиянием, относительно шахтовых гробниц [24, с. 46—50]. Ныне справедливо аргументируется синхронность и даже более ранний возраст «влияний», чем источника, из которого эти влияния должны были бы исходить [25, с. 26—33; 26, с. 7—13; 27, с. 47, 48, 82, 83]. Поэтому датировка раннего периода срубной культуры 1600—1400 гг. до н. э., предложенная А. И. Тереножкиным [28, с. 208], является на сегодняшний день наиболее убедительной и подтверждается все увеличивающейся группой изделий из кости, украшенных «микенской» орнаментикой.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Телегін Д. Я.* Розкопки курганів поблизу Запоріжжя.— АДУ — 1969. Київ, 1972.
2. *Телегин Д. Я., Братченко С. Н., Смирнов С. В.* Вильно-Грушевская курганная группа и курган на территории Запорожской опытной сельскохозяйственной станции.— В кн.: Вильнянские курганы в Днепровском Надпорожье. Киев: Наук. думка, 1977.
3. *Шарафутдинова И. Н.* Степное Поднепровье в эпоху поздней бронзы. Киев: Наук. думка, 1982.
4. *Васильев И. Б.* Памятники бронзового века в окрестностях г. Куйбышева.— В кн.: Самарская Лука в древности. Куйбышев: Куйбышевск. кн. изд-во, 1975.
5. *Галкин Л. Л.* Одно из древнейших практических приспособлений скотоводов.— СА. 1975. № 3.
6. *Karo G.* Die Schachtgräber von Mykenai. München, 1930.
7. *Мозолевський Б. М.* Товста Могила. Київ: Наук. думка, 1979.
8. *Черненко Е. В.* Оружие из Толстой Могилы.— В кн.: Скифский мир. Киев: Наук. думка, 1975.
9. *Тахтай О. К.* Скіфська статуя з с. Ольховчик Донецької області.— Археологія, 1964, т. XVII.
10. Из истории русской революционной открытки. Вып. II. М.: Изобраз. искусство, 1975.
11. *Гершкович Я. П., Евдокимов Г. Л.* Об одной категории костяных изделий срубной культуры.— СА. 1982. № 4.
12. *Шаповалов Т. А.* Погребение предскифского времени в кургане Стрижена могила.— АПУ — 1968. Киев, 1971.
13. *Круглов А. П., Подгаецкий Г. В.* Родовое общество степей Восточной Европы.— Изв. ГАИМК, 1935, вып. 119.
14. *Синицын И. В.* Археологические раскопки на территории Нижнего Поволжья.— Уч. зап. Сар. ГУ. 1947, т. XVII.
15. *Горелик М. В.* Реконструкция скифского доспеха по каменным изваяниям.— В кн.: Скифские древности. Киев: Наук. думка, 1973.
16. *Селешников С. И.* История календаря и хронология. М.: Наука, 1977.
17. *Андриенко В. П.* О семантике орнамента сосуда из Владимировки.— В кн.: Проблемы эпохи бронзы Юга Восточной Европы (тез. докл. конференции). Донецк, 1979.
18. *Марр Н. Я.* О лингвистической поездке в Восточное Средиземноморье.— Изв. ГАИМК, 1934, вып. 89.
19. *Формозов А. А.* Материалы к изучению искусства эпохи бронзы Юга СССР.— СА, 1958, № 2.
20. *Отрощенко В. В.* Элементы изобразительности в искусстве племен срубной культуры.— СА. 1974, № 4.
21. *Минаева Т. М.* Курган эпохи бронзы близ станицы Дурновской в Сталинградской области.— СА, 1959, № 3.
22. *Шаповалов Т. А.* Поселение срубной культуры у с. Ильичевка на Северском Донце.— В кн.: Энеолит и бронзовый век Украины. Киев: Наук. думка, 1976.
23. *Gimbutas M.* Bronze Age Cultures in Central and Eastern Europe. L., 1965.

24. *Смирнов К. Ф., Кузьмина Е. Е.* Происхождение индоиранцев в свете новейших археологических открытий. М.: Наука, 1977.
25. *Tasic N.* The Problem of «Mycenean influences» in the Middle Bronze Age Cultures in the Southeastern Part of the Carpathian Basin.— Balcanica, T. IV. Beograd, 1973.
26. *Чередниченко М. М.* Хронологія зрубної культури Північного Причорномор'я.— Археологія, 1977, № 22.
27. *Kovach T.* The Bronze Age of Hungary. Budapest, 1977.
28. *Тереножкин А. И.* Киммерийцы. Киев: Наук. думка, 1976.

П. М. ЛЯШУК

НОЖ ИЗ ПОЗДНЕСКИФСКОГО ПОСЕЛЕНИЯ ДОБРОЕ

На позднескифских памятниках Крыма комплексы, содержащие железные сельскохозяйственные орудия, встречаются крайне редко. Публикации одной из последних находок посвящена предлагаемая заметка.

В 1979 г. Крымским краеведческим музеем совместно с Институтом археологии АН УССР проводились охранные раскопки позднескифского поселения II в. до н. э.— III в. н. э. у с. Доброе (Симферопольский

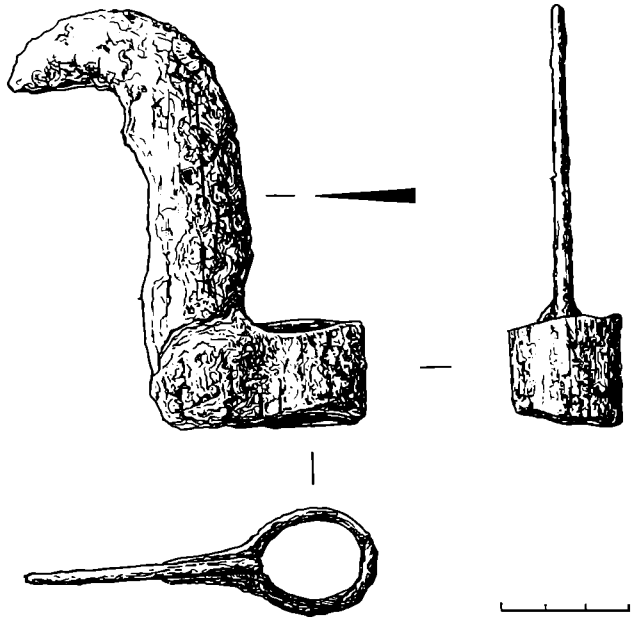


Рис. 1. Садово-виноградарский нож из позднескифского поселения Доброе

р-н). При его исследовании на полу здания типа мегарона вместе с керамикой III в. н. э. найден хорошо сохранившийся железный нож (рис. 1) [1, с. 261, 262]. Его размеры: общая высота — 10,3 см, ширина лезвия до загиба — 2,5 см. Втулка выступает на 3 см. Лезвие треугольное в сечении. Обушковая сторона плавно закруглена. Режущий конец загибается под углом почти 90°. Лезвие и втулка соединены способом холодной ковки. Отверстие для деревянной рукояти — овальной формы, 2,5×2 см. По форме и особенностям конструкции нож относится к малоизвестному в Северном Причерноморье типу античных садово-виноградарских ножей [1], для которого характерны: 1) раздельное изготовление лезвия и втулки; 2) крепление втулки в одной плоскости с пластиной лезвия перпендикулярно обушковой стороне.

В Северном Причерноморье известен лишь один нож подобной конструкции. Он происходит из позднескифского городища Алма-Кермен и

[1] К садово-виноградарским ножам принято относить короткие режущие инструменты с сильно изогнутым лезвием [2, с. 178].

датируется по условиям находки второй-третьей четвертями III в. н. э. [3, с. 58—62, рис. 49, *3*] [2]. Размеры этого орудия несколько бо́льшие. Совпадение датировок позволяет отнести садово-виноградарские ножи описанной формы к III в. н. э. Отметим, что оба экземпляра обнаружены на позднескифских памятниках, что позволяет предположить местное происхождение этой конструкции. Однако нельзя исключить и влияния римских ремесленных традиций; как известно, один из лагерей легионеров находился во II—III вв. н. э. на Алма-Кермене [3, с. 54 сл]. При императоре Пробе (276—282 гг. н. э.) принимались меры к насаждению виноградной лозы в Мезии (Aurel. Victor, XXXVII, 2). Аналогичные действия могли практиковаться и в Крыму.

Нож из Доброго — пока единственная находка садово-виноградарского инвентаря на позднескифских памятниках Центрального Крыма. Его датировка соответствует господствующей точке зрения о развитии садоводства и виноградарства у скифов в первые века нашей эры [3, с. 172, 173].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Колтухов С. Г.* Охранные раскопки поселения Доброе.— АО — 1980. М., 1981.
2. *Кругликова И. Т.* Сельское хозяйство Боспора. М.: Наука, 1975.
3. *Высотская Т. Н.* Поздние скифы в Юго-Западном Крыму. Киев: Наук. думка, 1972.

[2] Оба алма-керменских ножа найдены в «доме с фресками» и связаны с последним периодом его функционирования. В упомянутой работе Т. Н. Высотской орудия датируются II—III вв. н. э. [3, с. 172].

В. Н. ИГНАТОВ

БРОНЗОВЫЕ ЗЕРКАЛА ИЗ КУРГАНОВ КРАСНОДАРСКОГО КРАЯ

Во время раскопок А. С. Скрипкиным в 1983 г. курганного могильника у станицы Хоперской Тихорецкого р-на и курганной группы у хут. Лосево Кавказского р-на в сарматских комплексах III—I вв. до н. э. было найдено четыре разнотипных бронзовых зеркала.

Три зеркала происходят из могильника у станицы Хоперской. Зеркало из погр. 3 кург. 1 (рис. 1, *1*) имеет круглый диск (диаметр 11,5 см) из листовой бронзы с вертикально отогнутым краем. Непосредственно от диска отходит треугольная ручка длиной 6 см, по углам которой сделаны три отверстия. По краю диска по обе стороны от ручки идет по три округлых выступа. Каждый выступ имеет маленькое отверстие. Диск украшен двумя концентрическими линиями. Зеркало относится к I типу по классификации Н. В. Анфимова. Этот тип зеркал является господствующим (около 40%) в погребениях третьей хронологической группы Усть-Лабинского могильника (III — первая половина I в. до н. э.) [1, с. 184].

Зеркало из погр. 3 кург. 7 (рис. 1, *2*) представляет собой слегка вогнутый диск диаметром 15 см с двумя отверстиями для крепления ручки. Это зеркало относится к 1-му типу I отдела по классификации М. Г. Мошковой [2, с. 41], или к VI типу по классификации А. М. Хазанова [3, с. 58—63]. Зеркала этого типа ведут происхождение от савроматских форм и бытуют у сарматов вплоть до II в. н. э. Но если ранние экземпляры обычно больших размеров (до 16 см), то в III—II вв. до н. э. диаметр большинства зеркал не превышает 10 см [2, с. 41].

Особый интерес представляет зеркало из погр. 1 кург. 11 (рис. 1, *3*), имеющее по краю валик и небольшую ручку в виде головы лебедя. Диаметр диска 10, длина ручки 2,3 см. Это зеркало весьма условно можно отнести к 3-му типу II отдела по классификации М. Г. Мошковой

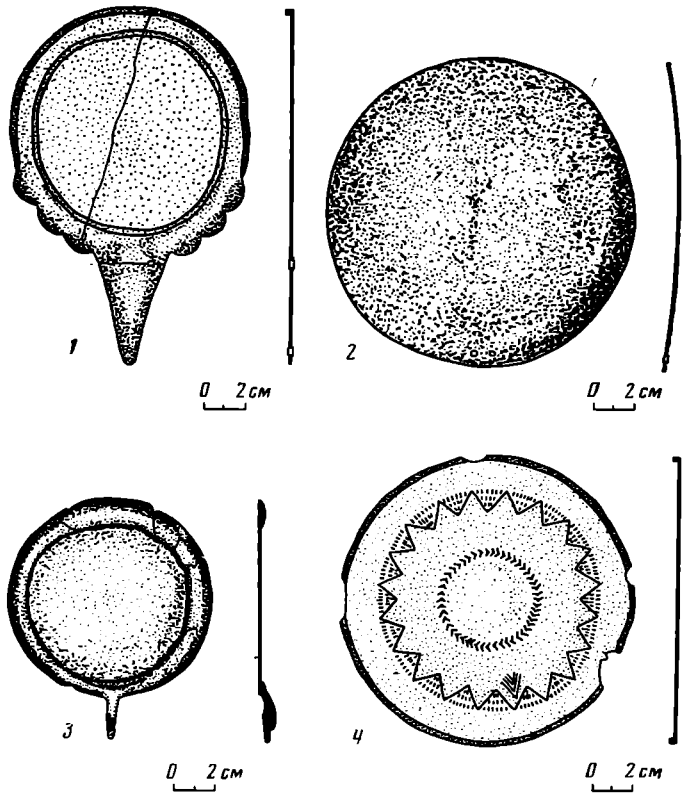


Рис. 1. Бронзовые зеркала с территории Краснодарского края. *1—3* — курганный могильник у ст. Хоперской; *4* — курганная группа у хут. Лосево: *1* — погр. 3, кург. 1; *2* — погр. 3, кург. 7; *3* — погр. 1, кург. 11; *4* — погр. 2, кург. 2

[2, с. 42], или к IV типу по классификации А. М. Хазанова [3, с. 58]. Подобные зеркала, правда, имеющие ручку-штырь, встречаются в памятниках прохоровского и сусловского времени [3, с. 62, 63]. Единственным, но существенным отличием данного зеркала является наличие оригинальной ручки.

Зеркало из хут. Лосево имеет круглый диск (диаметр 14 см) с вертикально отогнутым краем (рис. 1, *4*). Его поверхность украшена замкнутой зигзагообразной линией, с наружной стороны которой нанесены штрихи, а с внутренней прочерчен значок-«елочка». В центре диска штрихами обозначен круг. Зеркало относится ко II типу по классификации Н. В. Анфимова. Такие зеркала встречаются в меотских погребениях III — первой половины I в. до н. э. [1, с. 184]. Этот тип зеркал получил распространение и за пределами Прикубанья. Известны находки аналогичных зеркал на территории Волгоградской [4, рис. 13, *8*] и Астраханской областей [1].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Анфимов Н. В.* Меото-сарматский могильник у ст. Усть-Лабинской.— МИА, 1951, № 23.
2. *Мошкова М. Г.* Памятники прохоровской культуры. М.: Наука, 1963.
3. *Хазанов А. М.* Генезис сарматских бронзовых зеркал.— СА, 1963, № 4.
4. *Смирнов К. Ф.* Курганы у сел Иловатка и Политотдельское Сталинградской области.— МИА, 1959, № 60.

[1] Отчет Е. В. Шнайдштейн о раскопках в Астраханской области в 1982 г., хранящийся в архиве Астраханского объединенного историко-архитектурного музея.

В. М. КОСЯНЕНКО

ЕГИПЕТСКИЙ ИМПОРТ ИЗ НЕКРОПОЛЯ КОБЯКОВА ГОРОДИЩА

В течение двух десятилетий некрополь Кобякова городища (I—III вв.) остается наиболее изученным памятником такого рода на Нижнем Дону. Здесь вскрыто 276 погребений. Поэтому особое значение имеет точность его хронологии для других поселений и могильников позднеантичного периода на Дону, а также для сарматских курганных захоронений донской степи.

Исследования материалов памятника в 60-х годах [1] и в настоящее время способствовали уточнению датировки некоторых погребальных комплексов и отдельных категорий вещей [2]. На это же направлено и исследование вещей египетского импорта из некрополя. Поскольку египетский импорт изучен достаточно хорошо [3], он может быть привлечен к уточнению хронологии тем более, что египетские украшения в погребениях некрополя встречаются с краснолаковой керамикой и бронзовыми фибулами.

Привозные изделия из египетского фаянса, найденные в 13 погребениях, делятся на две группы: 1) собственно амулеты в виде фигурных предметов и 2) бусы. Последние, вполне вероятно, наделялись местным населением какими-то магическими свойствами и также использовались в качестве амулетов. Предположение это подтверждается тем, что в погребениях чаще всего присутствует одна, реже — несколько таких бусин.

Фигурные предметы из египетского фаянса обнаружены в трех погребениях (29/1957, 50/1957, 5/1958) (рис. 1). В погребении 29/1957 четыре амулета представляют собой следующие фигурки: Гарпократа, льва на плакетке, гроздь винограда, сжатую в апотропеическом жесте кисть руки. В погр. 50/1957 обнаружено два амулета: сидящий Гарпократ и гроздь винограда. В погр. 5/1958 — три амулета: один полностью сохранился, нижняя часть второго отбита, третий представлен обломком, все три — гермы в виде задрапированной в плащ мужской бородатой фигуры.

Задрапированная фигурка стоящего Гарпократа, опирающегося на колонку (погр. 29/1957, рис. 1, *1*), выполнена из плотной темно-бирюзовой массы (размеры: 33, 12, 9 [1]). Поверхность гладкая однородная, местами блестящая, особенно на лицевой стороне. Фигурка помещена на плоскую подставку, моделирована со всех сторон, ушко расположено на спине. Длинная одежда, ниспадающая наклонными складками (наклон складок от левого плеча к правой ноге), спускается к ступням. Вертикальными складками передан короткий рукав, который оставляет открытой правую руку ниже локтя. На оборотной стороне драпировка передана вертикальными складками. Такими же складками изображен и головной убор. Правая рука согнута, поднесена ко рту, палец прижат к губам. Черты лица схематичны: глаза в виде углубленных черточек; нижняя часть лица сливается с правой кистью. Ступни, выступающие из-под длинной одежды, оформлены в виде четырехугольников. Слева от фигурки стоит колонка, напоминающая антропоморфную стеллу. Кобяковская фигурка стоящего Гарпократа соответствует типу 32 по Е. М. Алексеевой [3, с. 37]. Близка к ней по моделировке фигурка из Фанагории, однако и она имеет ряд отличий [3, с. 44].

Из совершенно одинакового с предыдущей по цвету и качеству материала выполнена и вторая фигурка (погр. 29/1957) — лев, лежащий на четырехугольной с закругленными углами подставке (размеры: 25, 16, 12) (рис. 1, *2*). Голова льва лежит на слегка расставленных передних лапах, туловище изогнуто вправо, хвост отброшен на спину, глаза выпуклые. Грива изображена рядами косых насечек, разделенных горизонтальными линиями. Фигурка соответствует типу 68, вариант «а» по

[1] Здесь и далее первая цифра — длина, вторая — ширина, третья — толщина (измерения даны в мм).

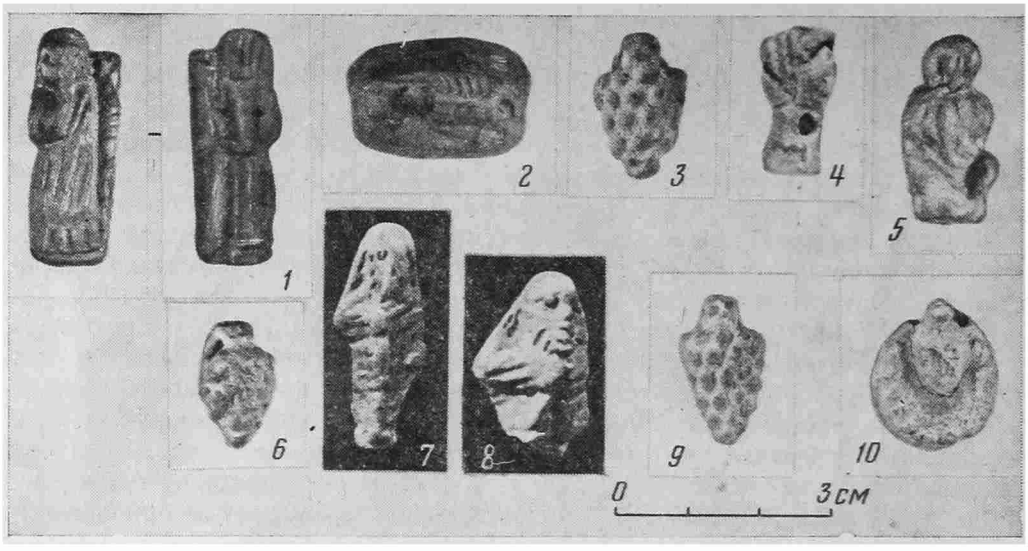


Рис. 1. Фигурные предметы. *1—4* — погр. 29/1957; *5, 6* — погр. 50/1957; *7, 8* — погр. 5/1958; *9, 10* — случайные находки

Е. М. Алексеевой и наиболее близка изделиям, происходящим из Горгиппии и Ольвии.

Вторая пара амулетов этого погребения — серовато-голубого оттенка и совершенно иного качества: поверхность шершавая, зернистая структура. Один представляет гроздь винограда (размеры: 19, 12, 6) (рис. 1, *3*). Изображение грозди близко к типу 76, вариант «а» по Е. М. Алексеевой [3, с. 45], но в отличие от них у кобяковской находки ушко не расчленено. Второй — изображение сжатой кисти руки с тонкими длинными пальцами, сложенными в апотропеическом жесте (размеры: 23, 11, 8) (рис. 1, *4*). Отверстие проходит сквозь запястье. Подобные фигурки Е. М. Алексеева объединяет в тип 89 [3, с. 47].

Бирюзовая фигурка сидящего Гарпократа (погр. 50/1957) хорошо сохранилась (размеры: 25, 11, 10) (рис. 1, *5*). Поверхность гладкая, блестящая. Левая нога согнута в колене и поставлена на ступню; правая, тоже согнутая, лежит. Правая рука опирается о лежащую ногу; левая, согнутая в локте, поднесена ко рту. Лицо передано схематично: глаза в виде углублений, нижняя часть лица сливается с левой рукой. Голова обнажена. Фигурки сидящего Гарпократа известны в Северном Причерноморье [3, табл. 7, *10*], однако приведенная у Е. М. Алексеевой отличается от кобяковской: ко рту поднесена правая рука (у кобяковской — левая), левая нога изогнута так, что на плакетку упирается коленом (кобяковская — ступнями).

Второй амулет — гроздь винограда (погр. 50) — выполнен из такой же массы, что и первый. Ушко смещено влево, тыльная сторона вогнутая (размеры: 17, 12, 8) (рис. 1, *6*).

Из погр. 5/1958 происходят две гермы в виде задрапированной в плащ мужской бородатой фигуры (рис. 1, *7*, *8*). Одна из них, сохранившаяся полностью, моделирована со всех сторон (рис. 1, *7*). Голова, как и вся фигурка, скрыта покрывалом, складки которого переданы насечками. Борода широкая, расчлененная продольными насечками. Правая рука согнута в локте и под плащом подведена к груди, левая опущена. Сзади схематично переданы складки покрывала, там же расположено ушко для подвешивания. Идентичная герма неизвестна.

Две фигурки обнаружены случайно. Одна — гроздь винограда из светло-голубого фаянса. Поверхность шершавая, заметна примесь песка (размеры: 20, 10, 8) (рис. 1, *9*). Вторая — круглая плакетка с рельефной головкой младенца Гора из светло-голубой массы плохой сохранности (размеры: 21, 19, 9) (рис. 1, *10*). Изображение расплывчатое. Волосы кудрявые, сложные атрибуты бога, превратившись в валик, подчеркнуты выпуклыми кругами, напоминающими ожерелье. Оборотная сторона

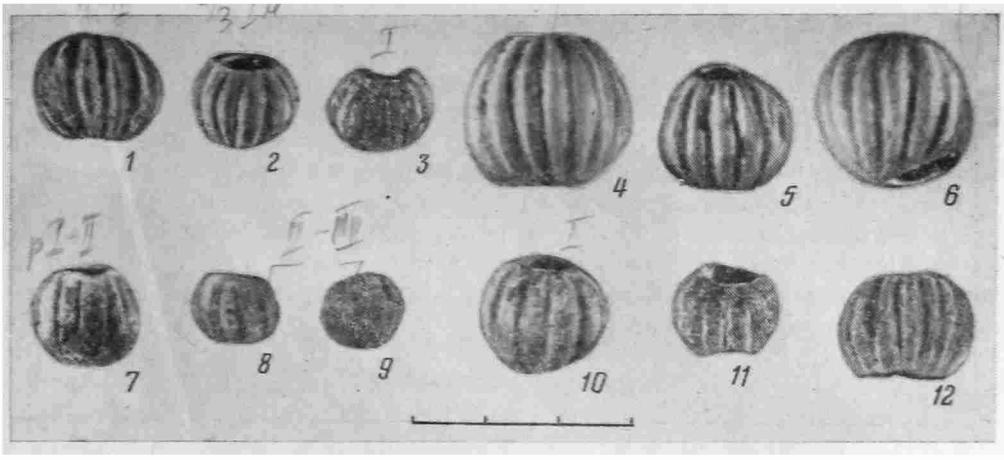


Рис. 2. Бусы. *1* — погр. 6/1956; *2* — погр. 9/1956, *3* — погр. 4/1958; *4—6* — погр. 17/1958; *7* — погр. 12/1959: *8, 9* — погр. 6/1960; *10* — погр. 9/1960; *11* — погр. 14/1961; *12* — погр. 18/1962

слегка вогнута. Ушко гладкое. Фигурка близка по моделировке типу 43 по Е. М. Алексеевой [3, с. 40].

Рубчатые бусы из египетского фаянса из некрополя Кобякова городища отличаются цветом, формой долек, размерами. Так, бусы бирюзового цвета из погр. 9/1956, 4/1958, 17/1958, 12/1959, 18/1962 имеют в основном дольки мягких очертаний. Лишь дольки бусины из погр. 17/1958 островерхие. Серо-голубого цвета бусы со сглаженными дольками происходят из погр. 6/1956, 9/1960, 14/1961. Некоторые бусы имеют следы изношенности. В одной из бусин погр. 17/1958 сохранился обломок железного стержня. Однотипные бусы известны из многих античных памятников Северного Причерноморья и поселений местного населения этого же региона [3, с. 33]. Две светло-голубые округло-бугристые бусины найдены в погр. 6/1960 (рис. 2, *8, 9*). Такие бусы также известны в Северном Причерноморье [3, с. 35].

Анализ распространения изделий из египетского фаянса в погребениях Кобяковского некрополя дает следующую картину. Семь амулетов в виде фигурных изделий открыты в двух детских погребениях (29/1957, 5/1958), два — в погребениях взрослой женщины (50/1957). Девять бусин найдены в детских погребениях (9/1956, 45/1957, 4/1958, 17/1958, 12/1959, 9/1960) и семь — в погребениях взрослых (6/1956, 6/1960, 14/1961, 18/1962). В погр. 17/1958 найдено три бусины, в погр. 6/1960, 45/1957 — по две, в остальных — по одной.

Сохранность детских погребений плохая, поэтому почти невозможно определить положение костяка и не всегда — возраст погребенного. Только для трех погребений (9/1956, 4/1958, 12/1959) установлен возраст: от 5—6 мес. до 5 лет. Группа детских погребений с египетскими изделиями не отличается по ориентировке от остальной массы погребений некрополя.

В детских погребениях 9/1956, 29/1957, 4/1958, 17/1957, 9/1960 амулеты и бусы сочетаются с бронзовыми колокольчиками. Некоторые исследователи считают их амулетами [4, с. 25, 62]. В трех детских погребениях 45/1957, 4/1958, 17/1958 вместе с египетскими изделиями были положены бусы из сердолика, которому в античное время приписывались лечебные и защитные свойства [5, с. 274]. В одном случае (погр. 29/1957) охраняющее действие амулетов из египетского фаянса «подкреплено» не только наличием бронзового колокольчика, но и подвесками в виде «ведерка», лунницы и лепной курильницы, а в другом (погр. 17/1958) — бронзовым амулетом в виде собаки.

Погребения взрослых с египетскими изделиями ни по ориентировке, ни по положению костяков также не выделяются в особую группу среди остальных захоронений могильника. В двух случаях (погр. 50/1957, 14/1961) установлено погребение женщин зрелого возраста. В погребе-

ниях взрослых амулеты и бусы из египетского фаянса сочетаются также с сердоликовыми бусами (6/1956), зеркалами-подвесками (6/1956, 50/1957, 6/1960), галькой и мелом (50/1957).

Е. М. Алексеева пишет, что «основная масса фигурных изделий приходится на I—II вв. н. э., до III в. н. э. доживают преимущественно геометрические формы» [3, с. 28]. Учитывая это положение и наличие в погребальных комплексах некрополя Кобякова городища наряду с египетскими украшениями и других хорошо датируемых вещей, мы можем в отдельных случаях уточнить датировку погребений. Так, в погребениях детей часты находки краснолаковой керамики и бронзовых фибул. Большинство детских погребений относятся к I в. н. э. (9/1956, 29/1957, 4/1958, 5/1958, 17/1958, 9/1960), два — к рубежу I—II вв. н. э. (45/1957, 12/1959). Наиболее ранними являются погр. 4/1958 начала I в. н. э. (по краснолаковым кубкам) [1, с. 110] и погр. 9/1956 второй трети I в. н. э. (по краснолаковой тарелке с клеймом) [2, с. 219].

В наборы вещей из погребений взрослых входят фибулы и зеркала-подвески. Наиболее раннее погребение (50/1957) — I в. н. э., наиболее поздние (6/1956, 6/1960) — II—III вв. н. э.

Раскопки некрополя Кобякова городища представили новые варианты ранее известных в Северном Причерноморье фигурок амулетов из египетского фаянса. Большинство фигурных амулетов и бус найдено в детских погребениях, что характерно и для других памятников античного времени [6, с. 24].

Все фигурные изделия из некрополя датируются I в. н. э., к этому же времени относится и большинство бус; лишь несколько бусин датируются II—III вв. н. э. Это позволяет уточнить хронологию основного потока египетского импорта в Северо-Восточное Причерноморье, что имеет немаловажное значение для дальнейшей разработки хронологии позднеантичных памятников региона в целом.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Капошина С. И.* Раскопки Кобякова городища и его некрополя.— В кн.: Археологические раскопки на Дону. Ростов-н/Д: Изд-во Рост. ун-та, 1962.
2. *Косяненко В. М.* Краснолаковая керамика некрополя Кобякова городища (по материалам раскопок 1956—1962 гг.).— СА, 1980, № 3.
3. *Алексеева Е. М.* Античные бусы Северного Причерноморья.— САИ, вып. Г 1—12. М., 1975.
4. *Фармаковский Б. В.* Раскопки некрополя древней Ольвии в 1901 г.— ИАК, 1903, вып. 8.
5. *Марковин В. И.* Сердолик — «камень счастья».— МИА, 1965, № 130.
6. *Пиотровский Б. Б.* Древнеегипетские предметы, найденные на территории Советского Союза.— СА, 1958, № 1.

В. К. КАЗАКЯВИЧЮС

ПОГРЕБЕНИЕ С НАКОНЕЧНИКОМ СТРЕЛЫ ИЗ МОГИЛЬНИКА ПЛИНКАЙГАЛИС

Для балтских (айстских) племен I — первой половины II тыс. н. э. известен обычай класть в погребения вместе с многочисленными вещами оружие ближнего боя. В мужских погребениях II—XV вв. часты находки железных наконечников копий с разнообразной формой пера, железных умбонов щитов, импортных двухлезвийных, местного производства однолезвийных и широких мечей, боевых топоров и боевых ножей. Однако лук и стрелы в погребениях не встречаются. Железные наконечники стрел попадаются только в культурном слое городищ и селищ. Количество и разнообразие оружия особенно возрастает в погребениях середины I тыс.— во время Великого переселения народов. Наряду с этим начиная с конца IV—V в. число оборонительных сооружений городищ также сильно увеличивается, они часто перестраиваются после пожаров или разрушений.

Это — свидетельство активизации военных столкновений на территории балтских племен. На частые военные столкновения местных жителей как с ближайшими соседями, так и с более отдаленными племенами Европы указывает и археологический материал Литвы. Прямым свидетелем этого является наконечник стрелы, обнаруженный в могильнике Плинкайгалис Кедайнского р-на (Центральная Литва), в погр. 162. Большой интерес вызывает не только факт находки наконечника стрелы в погребении, но и его положение, и само погребение, являющееся групповым.

Грунтовой могильник III—VII вв. н. э. у с. Плинкайгалис расположен в 25 км к западу от г. Кедайняй, на левом берегу р. Шушве. Он

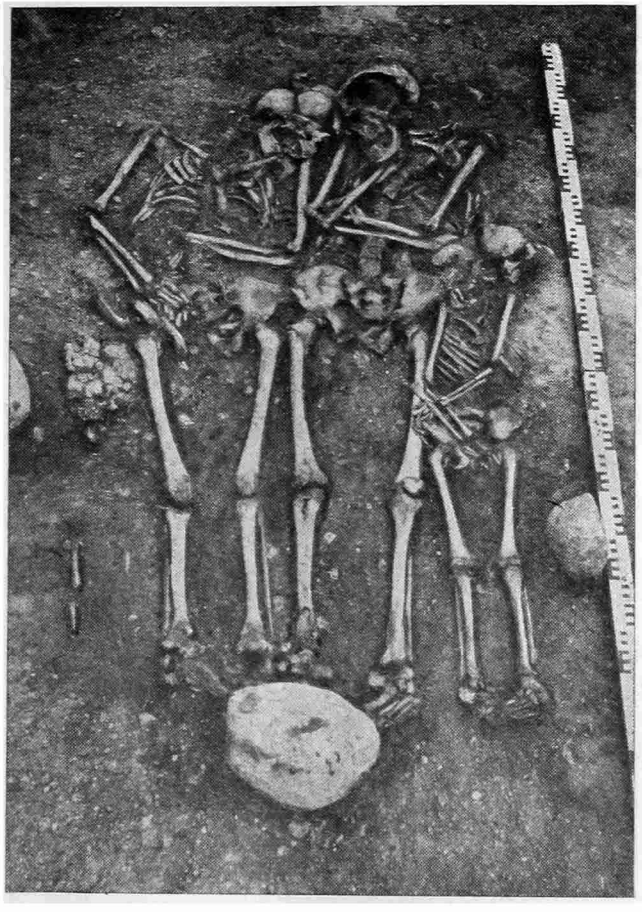


Рис. 1. Групповое погребение 162 из могильника Плинкайгалис

сооружен на невысоком холме, занимающем площадь около 1,5 га. К северо-западу от него находится деревенское кладбище XVIII — начала XX в. За семь полевых сезонов Научно-методическим советом по охране памятников культуры Литовской ССР в 1977 г. и Институтом истории АН Литовской ССР в 1978—1983 гг. исследована площадь 3839 м², вскрыто 319 погребений с трупоположениями III—VI вв., 7 — с трупосожжениями VII в. и четыре скелета коней, датирующиеся примерно второй половиной VI—VII в. Четыре погребения со скорченными трупоположениями относятся к периоду позднего неолита [1].

В 1980 г. на восточной окраине могильника было обнаружено групповое захоронение — погр. 162 (рис. 1). На глубине 0,5 м от поверхности земли выявилась прямоугольная погребальная яма длиной 2,20 и шириной 1,30 м. На глубине 0,7 м вскрыты четыре костяка — два взрослых и два детских. Умершие похоронены головами на юго-восток, в вытянутом

[1] Предварительные результаты исследования публиковались в АО за 1977—1983 гг. и в ATL за 1976—1982 гг.

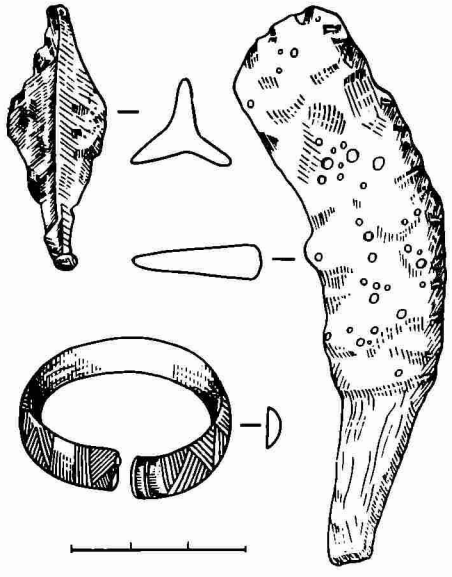


Рис. 2. Инвентарь погр. 162

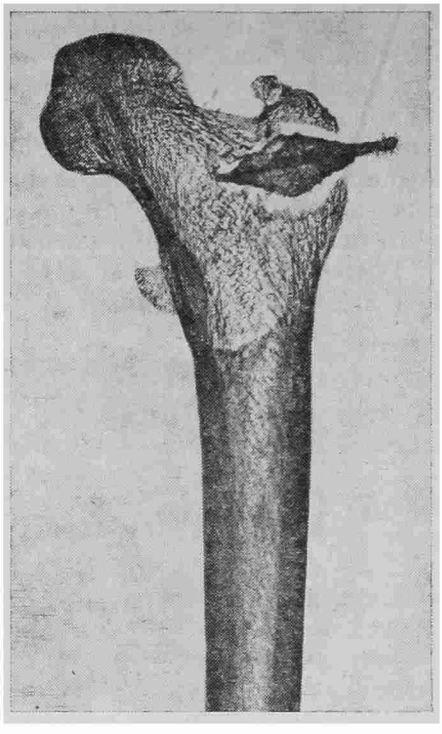


Рис. 3. Электрорентгенограмма бедренной кости с наконечником стрелы

положении на спине, со сложенными на груди или у бедер руками. Костяки взрослых лежали в середине могильной ямы, а по сторонам — костяки детей. У южной стенки могильной ямы лежал скелет ребенка 8—9 лет [2], на его правой бедренной кости найдены два маленьких фрагмента железной булавки с посоховидной головкой. Справа от детского костяка обнаружен костяк мужчины (старше 55 лет). Его череп повернут на север, раздроблен и деформирован, видимо от удара. Погребального инвентаря при нем не обнаружено. Справа от мужского скелета лежал костяк женщины 25—30 лет. Череп повернут налево, раздроблен и тоже деформирован. Возле правой бедренной кости найден фрагмент железного серпа. У правой ноги женщины был похоронен ребенок 3,5—4 лет. Его костяк плохой сохранности. Погребальный инвентарь составляет надетый на правую руку бронзовый ленточный браслет. На дне погребальной ямы рядом с костяками обнаружены три камня: 18×8×15, 22×17×18 и 25×18×23 см величины, которые, очевидно, имеют связь с погребальными традициями жителей Центральной Литвы. По инвентарю (рис. 2) погребение можно датировать примерно V—VI вв.

Самой интересной находкой является железный трехлопастный наконечник стрелы, застрявший в бедренной кости левой ноги женщины (рис. 3). Это редчайший случай в археологической практике не только Литвы. Также очень интересная деталь — раздробленные и деформированные черепа взрослых, скорее всего от удара тупым предметом. Ни в одном из других погребений Плинкайгальского могильника подобное не прослежено. Можно предполагать, что захороненные в погр. 162 умерли насильственной смертью. Это частично подтверждает и наконечник стрелы, обнаруженный в левой бедренной кости женского скелета. Электрорентгенограмма показала, что индивидуум после ранения (?) не жил. Явлений деструкции и организации кости вокруг инородного тела не обнаружено [3] (рис. 3).

[2] Остеологический материал исследовал Г. Чеснис, доцент медицинского факультета Вильнюсского гос. университета им. В. Капсукаса.

[3] Электрорентгенограмма сделана на кафедре анатомии, гистологии и эмбриологии Вильнюсского гос. университета им. В. Капсукаса.

Трехлопастные наконечники стрел на территории современной Литвы являются редкой находкой. В погребении такой наконечник обнаружен впервые. В настоящее время известно 35 трехлопастных наконечников стрел из четырех археологических памятников (рис. 4), 32 из них найдены во время раскопок городища Аукштадварис Тракайского р-на (Восточная Литва) в 1957—1960 гг.[4] Происходят они из культурного слоя середины I тыс. вместе с другими вещами: бронзовой арбалетовидной фибулой с треугольной ножкой, бронзовым височным кольцом, фрагментом железной арбалетовидной фибулы и др. Один трехлопастный наконечник обнаружен случайно у городища Кунигишкяй-Паявонис

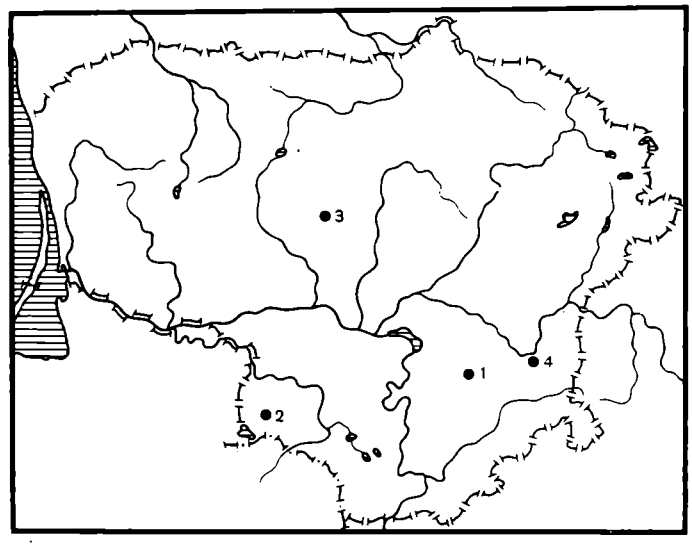


Рис. 4. Распространение трехлопастных наконечников стрел на территории Литвы. *1* — Аукштадварисское городище; *2* — городище Кунигишкяй-Паявонис; *3* — могильник Плинкайгалис; *4* — Вильнюс, замковая гора Гядимина

Вилкавишкского р-на (Южная Литва), еще один найден при раскопках вильнюсского замка Гедиминаса в 1940 г., в культурном слое конца XV в. [1, с. 676, табл. IV, *10*]. Он ничем не отличается от подобных наконечников стрел середины I тыс. и, вероятно, в поздний культурный слой попал случайно, при земляных работах в замке.

Трехлопастные наконечники стрел, обнаруженные на территории Литвы, двух типов: с пером ромбовидной формы и с узким (рис. 5). Наконечников с трехлопастным пером ромбовидной формы насчитывается 27 экз., с узким трехлопастным пером — 8 экз. Длина целых наконечников обоих типов — от 50 до 75 мм, ширина лопастей пера — от 10 до 22 мм. В погр. 162 Плинкайгальского могильника обнаружен наконечник стрелы длиной 50 мм, шириной 17 мм, с трехлопастным пером ромбовидной формы (рис. 2). По классификации А. Ф. Медведева, это 19-й тип черешковых наконечников с трехлопастным пером [2, с. 60, табл. 30, *19*].

Такие наконечники для лэтто-литовских и других балтских племен не характерны: они неизвестны на территории Латвийской ССР[5], а также в ареале древнепрусских племен в Калининградской обл. и северо-западной части Польской Народной Республики. Небольшое количество подобных наконечников найдено в балтской среде междуречья Днепра и Немана, где собрано около 20 экз. [3, с. 50, 51, рис. 5, *10, 11*].

Трехлопастные наконечники стрел редко встречаются в европейской части лесной полосы СССР и на территории Восточной Европы [4, с. 151, 154, рис. 57, *к*; 5, с. 197, рис. 3, *і*; 6, с. 64,

[4] Руководитель раскопок — В. Даугудис, научный сотрудник Отдела археологии Института истории АН Литовской ССР. Отчеты раскопок хранятся в архиве Отдела археологии, д. № 78, 80, 217, 218; материалы раскопок — в Музее истории и этнографии Литовской ССР, AR 235 : 1—521, 276—519.

[5] За предоставленные сведения благодарю сотрудника Отдела археологии и антропологии Института истории АН Латвийской ССР М. Атгазиса.

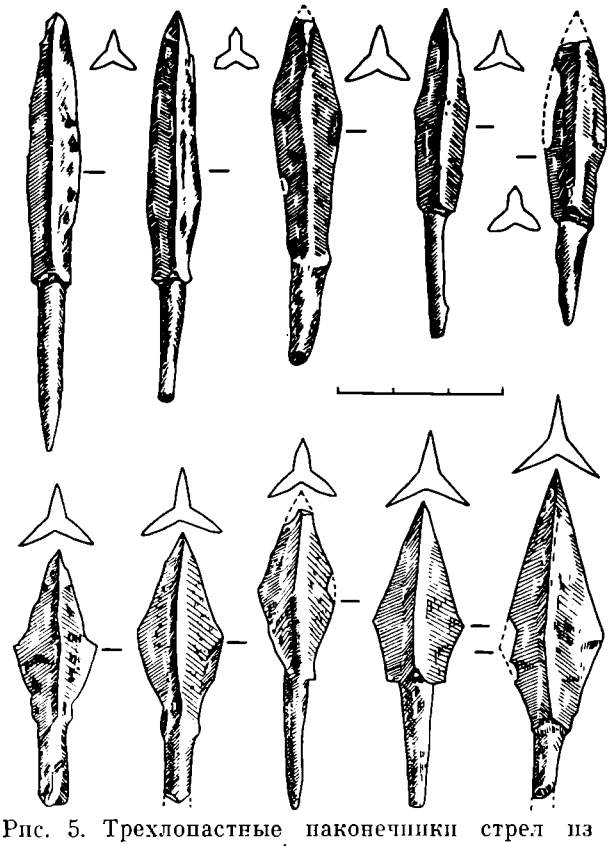


Рис. 5. Трехлопастные наконечники стрел из городища Аукштадварпс

табл. XXXI, *3*]. Разные типы и варианты черешковых трехлопастных наконечников стрел очень широко распространены в археологических памятниках Юга европейской части СССР и в степной зоне Восточной Европы, и являются характерными для вооружения кочевых племен [7, с. 16, рис. 5, *31*, *34*, *35*]. Анализируемые нами наконечники были в обиходе на обширной территории, особенно в южной полосе — от Сибири до Венгрии, с середины I тыс. н. э. до IX в. включительно [2, с. 60].

Находки таких наконечников стрел далеко на север от территории степных племен указывают на военную активность последних, которая возросла с началом Великого переселения народов. Имеются письменные сведения античных авторов о том, что кочевники достигали территорий, очень отдаленных от постоянных мест их кочеваний. В этом отношении нам важны замечания римского историка и дипломата Аммиана Марцеллина, который писал: «Будучи чрезвычайно легки на подъем, они (кочевники.— *В.К.*) иногда неожиданно и нарочно рассыпаются в разные стороны и рыщут нестройными толпами, разнося смерть на широкие пространства, вследствие их необычайной быстроты...» [8, с. 338]. Эти сведения подтверждаются, в частности, как погребениями степных жителей, обнаруженными в глубине лесной полосы Восточной Европы, так и отдельными предметами материальной культуры кочевых народов [9, с. 281—285, рис. 130—132]. К числу таких предметов, найденных в Литве и связанных с вооружением, не свойственным балтским племенем, в первую очередь относятся два бронебойных наконечника стрел с короткими перьями пирамидальной формы, происходящие из культурного слоя середины I тыс. н. э. уже упомянутого Аукштадварисского городища. Аналогичные им наконечники найдены в погребении IV—V вв. Беляусского могильника в Черноморском районе Крыма (погребение с искусственно деформированным черепом) [10, с. 52—61, рис. 5, *3*]. Эти наконечники стрел, видимо, попали сюда вместе с трехлопастными.

Описывая Плинкайгальское групповое погребение 162, нужно отметить, что подобные захоронения, где обнаружено по три-четыре умерших, в Литве встречаются редко. Известны аналогичные групповые погребения из грунтового могильника Мауджёрай Кельмского р-на (центральная Жемайтия), примерно в 70 км к северо-западу от Плинкайгалис.

В Мауджёрай, в погр. 97, на глубине 1 м от поверхности вскрыты четыре костяка, лежавшие головами на юг. Погребальный инвентарь составляют две железные булавки с посоховидными головками, янтарная бусина, бронзовый ленточный браслет, три бронзовых спиральных перстня. В погр. 78—79 на глубине 0,6 м были обнаружены костяки мужчины и женщины, лежавшие головами на запад. Над ними найден третий скелет, обращенный головой на восток. При женском скелете найдена железная булавка с посоховидной головкой. При остальных костяках погребального инвентаря не найдено. В погр. 83 вскрыты три мужских

скелета, обращенные головами на северо-запад, без погребального инвентаря. Эти групповые погребения составляли компактную группу. К югу, в 1,5 м от них, на глубине 0,6 м вскрыто мужское погр. 73 с черепом, пробитым рубящим оружием. Погребального инвентаря при нем также не обнаружено. Судебно-медицинской экспертизой установлено, что погребенный после удара некоторое время еще был жив [11, с. 20]. Все эти погребения датируются серединой I тыс. н. э. Они как и Плинкайгальское погребение, выделяются скудностью погребального инвентаря. Например, в большинстве мужских и женских погребений V—VI вв. могильников Плинкайгалис и Мауджёрай умершие захоронены с большим количеством серебряных, бронзовых, янтарных, оловянных украшений, железных орудий труда и оружия, предметов снаряжения всадника и боевого коня.

По всему набору признаков приведенные выше погребения из Мауджёрай идентичны групповому погребению 162 Плинкайгальского могильника. Наконечник трехлопастной стрелы, застрявший в бедренной кости, и пробитый череп одного из погребенных свидетельствуют о том, что групповые погребения обоих могильников связаны с военным нападением, ограблением и убийством местных жителей. Вопрос, кем были принесены и потеряны в боях железные трехлопастные наконечники стрел, остается открытым. Ясно одно, что такие наконечники стрел преобладали в вооружении кочевых племен.

В литовской археологической литературе господствует мнение о том, что племена балтов, заселявшие территорию современной Литвы, непосредственно не были затронуты Великим переселением народов [12, с. 101]. Однако широко развернувшиеся исследования памятников середины I тыс. и накопившийся новый материал позволяют предположить, что события середины I тыс. на юге Восточной, в Центральной и Западной Европе отражались на наших предках более ощутимо.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Holubovičiai E. ir V.* Gedimino kalno Vilniuje 1940 metų kasinejimų pranėšimas.— In: Lietuvos praeitis, t. 1 sąs. 2. Vilnius — Kaunas, 1941.
2. *Медведев А. Ф.* Ручное метательное оружие. Лук и стрелы, самострел VIII—XIV вв.— САИ, 1966, вып. Е1-36.
3. *Перхавко В. Б.* Классификация орудий труда и предметов вооружения из раннесредневековых памятников междуречья Днепра и Немана.— СА, 1979, № 4.
4. *Schmidt B.* Die Späte Völkerwanderungszeit in Mitteldeutschland. Halle (Saale), 1961.
5. *Schmidt V.* Neufunde aus dem 4.— 6. Jahrhundert im Kreis Neubrandenburg.— In: Bodendenkmalpflege in Mecklenburg. Jahrbuch 1978. B., 1979.
6. *Nadolski A.* Studia nad uzbrojeniem polskim w X, XI i XII wieku. Lodz, 1954.
7. Степи Евразии в эпоху средневековья. Археология СССР. М.: Наука, 1981.
8. *Латышев В. В.* Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе. Т. 2. СПб., 1906.
9. Prahistoria ziem polskich. Pózny okres lateński i okres rzymski. T. V. Wrocław — Warszawa — Kraków — Gdańsk, 1981.
10. *Дашевская О. Д.* Погребение гуннского времени в Черноморском районе Крыма.— В кн.: Древности Восточной Европы. М.: Наука, 1969.
11. *Valatka V.* Maudžiorų kapinynas.— Архив отдела археологии Института истории АН Литовской ССР, д. № 440.
12. *Puzinas J.* Naujausių proistorinių tyrinėjimų duomenys. Kaunas, 1938.

С. Д. ЛОГИНОВ, А. Б. НИКИТИН

МОНЕТЫ С ВСАДНИКОМ ИЗ МЕРВА

В работах по археологии Южного Туркменистана несколько раз упоминается о находках медных монет с изображением всадника [1, с. 144; 2, с. 76]. Большая часть находок происходит с территории Мервского оазиса. Эти монеты получили название «мервский всадник» и приписывались чекану «правителя Мерва Нарсе» [3, с. 553] или «наместнику Хорасана Фируз-Шаху» [4. с, 124]. Датировались они в широких пределах — III—IV вв. В ходе работ Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции на территории Мервского оазиса было найдено и определено более 20 монет этого типа. До сих пор они нигде детально не описывались и не воспроизводились.

В Мерве монеты со всадником были найдены при раскопках на Гяуркале в ремесленном квартале [5, с. 133, 152], в буддийском комплексе [3, с. 553], на цитадели Эрк-кала [6, с. 41] и при раскопках некрополя Старого Мерва [7, с. 93]. В отделе археологии Института истории АН Туркм. ССР хранятся две такие монеты, найденные при раскопках Мервского некрополя С. А. Ершовым в 1954—1956 гг. Монеты с всадником встречаются и в подъемном материале на Гяур-кале. Две монеты найдены в 1982 г. при раскопках Гёбеклы-депе, у северной границы оазиса (работы Среднеазиатской экспедиции Института археологии АН СССР).

Единичные находки известны за пределами Мервского оазиса: одна монета найдена В. Н. Пилипко в Каакхинском р-не; другая происходит из сборов О. Оразова в Серахском оазисе и опубликована им в числе найденных там же медных парфянских монет маргианской эмиссии [2, с. 76]; одна монета найдена в 1983 г. на городище Пайкенд Бухарской обл. при раскопках комплекса зданий на площадке у цитадели, в закладке помещения, функционировавшего предположительно в V в.[1] Семь монет хорошей сохранности, возможно, происходящие из одного клада, хранятся в собрании Государственного Эрмитажа, две — в коллекции Государственного Исторического музея.

Принадлежность монет со всадником к чекану раннесасанидского Мерва не вызывает сомнений: почти все они происходят из района Мервского оазиса. Их принадлежность и датировку можно уточнить, основываясь на данных метрологии, иконографических особенностях и совместных находках с монетами сасанидского чекана.

На лицевой стороне монет с всадником изображен бюст правителя, чаще всего вправо (на нескольких экземплярах влево), в диадеме с развивающимися сзади лентами. Волосы на макушке собраны в пук и перевязаны, на затылке собраны в виде круглого букля. Борода также перевязана лентой. На шее — ожерелье, показанное рядом точек (рис. 1). Перед изображением правителя — легенда на пехлеви, читаемая только на хорошо сохранившихся экземплярах (рис. 1; 2, *4*, *5*; 3, *31*). Наиболее вероятное ее чтение — mlwy MLK'. По краю монетного поля — точечный ободок.

На оборотной стороне изображен всадник на коне, идущем влево. Детали головного убора всадника плохо различимы; виден только пук волос на макушке и ленты диадемы за спиной. На нескольких экземплярах (рис. 3, *31*, *36*) на голове всадника видна так называемая corona muralis — корона с зубцами, или башенная корона. В правой, вытянутой вперед руке всадник держит венец, левая — на рукоятке длинного меча, висящего у пояса. Одет он в складчатые шаровары, сходные с изображенными на сасанидских рельефах. Весь сюжет следует толковать, вероятно, как сцену инвеституры, аналогичную тем, которые представлены на рельефах первых сасанидов. И сасанидский правитель, и венчающий его на царствование бог Ахура-Мазда в ряде случаев изображены верхом, друг против друга, причем Ахура-Мазда всегда справа, в том положении, в котором изображен всадник на монетах, обращенный к зрителю левым профилем. Все прочие различимые детали: меч у пояса, ленты, поднятое переднее правое копыто коня — также совпадают, особенно с рельефами Арташирa I (227—243 гг.) и Шапура I (243—273 гг.) в Накш-и Раджабе и Дарабгирде [8, с. 188, 190].

Наиболее важная для датировки иконографическая особенность — перевязанная лентой в пучок борода правителя. В сасанидской царской иконографии этот признак появляется в последние годы царствования Арташирa I, но только на рельефах [8, с. 186, рис. 5]. На монетах Арташирa изображался только с бородой в виде прямых прядей — там эта деталь получила отражение только с начала царствования Шапура I.

[1] Монета найдена в ходе работ московского отряда Пайкендской комплексной экспедиции сотрудником Государственного музея искусств народов Востока А. И. Наймарком. На эту находку указал авторам сотрудник Государственного Эрмитажа Е. В. Зеймаль.

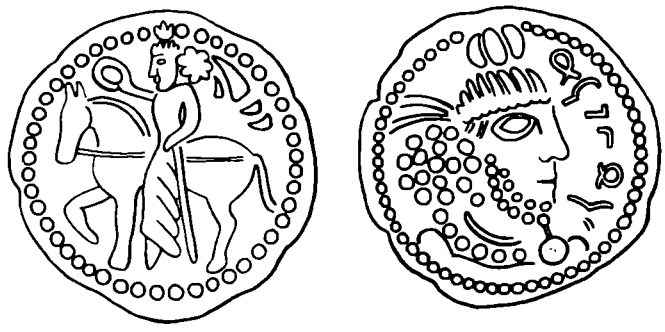


Рис. 1. Монета «мервского всадника», реконструкция типа

С его монет она могла быть заимствована правителем, чеканившим в Мерве монеты с всадником; они, таким образом, не могут датироваться раньше начала царствования Шапура I.

По весу, размерам, толщине и форме монетного кружка монеты с всадником близки халкам Арташира I и Шапура I (ранним его выпускам, чеканившимся в Мерве). Вес хорошо сохранившихся экземпляров колеблется в пределах 2,7—3,3 г, диаметр 16—20 мм. Ранние медные монеты Шапура I (тип Ia, по классификации В. Г. Луконина) [8, с. 167] мервской чеканки известны по находкам на территории Мервского оазиса. Они едины по стилю изображения — несколько схематичного, с низким рельефом и следами проработки мелких деталей пунсоном. Принадлежность их к месту чеканки определяется по месту находки почти исключительно в пределах оазиса. Монеты этого типа представлены в музейных собраниях, в частности в коллекции Государственного Эрмитажа хранится несколько монет, собранных в Мерве в конце XIX в. А. В. Комаровым. Многие мервские халки Шапура перечеканены из поздних монет Арташира I (тип Va, по классификации В. Г. Луконина [8, с. 164]), вероятно, также чеканившихся в Мерве. Находки большого числа монет Арташира I и Шапура I отмечены в публикациях ЮТАКЭ. Среди монет с всадником два экземпляра из эрмитажной коллекции (рис. 2, *1*, *3*) также носят следы перечеканки по ранним сасанидским халкам: виден след точечного ободка предшествующего типа на краю монетного поля. Для одной из монет (рис. 2, *3*) предшествующий тип устанавливается более точно. Это монета Арташира I (тип Va): под изображением на лицевой стороне виден кулах Арташира и пряди его бороды. Перечеканка из монеты, выпущенной в конце правления Арташира I, также дает основание датировать монеты с всадником временем после 240 г.

Известны совместные находки монет с изображением всадника с монетами сасанидского чекана. М. Е. Массон описал небольшой клад с Эрк-калы, содержавший халки Шапура I раннего типа и две монеты с всадником, причем одна из них принадлежала к редкому типу — с повернутым влево изображением правителя на лицевой стороне [4, с. 183] (рис. 3, *36*). Вторая известная монета этого типа происходит из района Серахса [2, с. 76] (рис. 3, *39*), третья хранится в собрании Государственного Исторического музея (рис. 3, *38*), еще одна найдена при раскопках Эрк-калы. На всех известных экземплярах с изображением правителя, обращенным влево, голову всадника на оборотной стороне венчает башенная корона. По предположению М. Е. Массона, наличие отдельных экземпляров с изображением правителя влево показывает, что первоначально они чеканились по образцу парфянских драхм, на которых в отличие от сасанидских монет изображение правителя почти всегда повернуто влево. Не исключено также, что изменение ракурса изображения отражает какие-то изменения в статусе правителя, степень его зависимости от сасанидской династии (в иконографии Древнего Ирана ракурс изображения указывал на место в иерархической лестнице). Вся группа монет с всадником довольно компактна и сводится к трем основным ти-

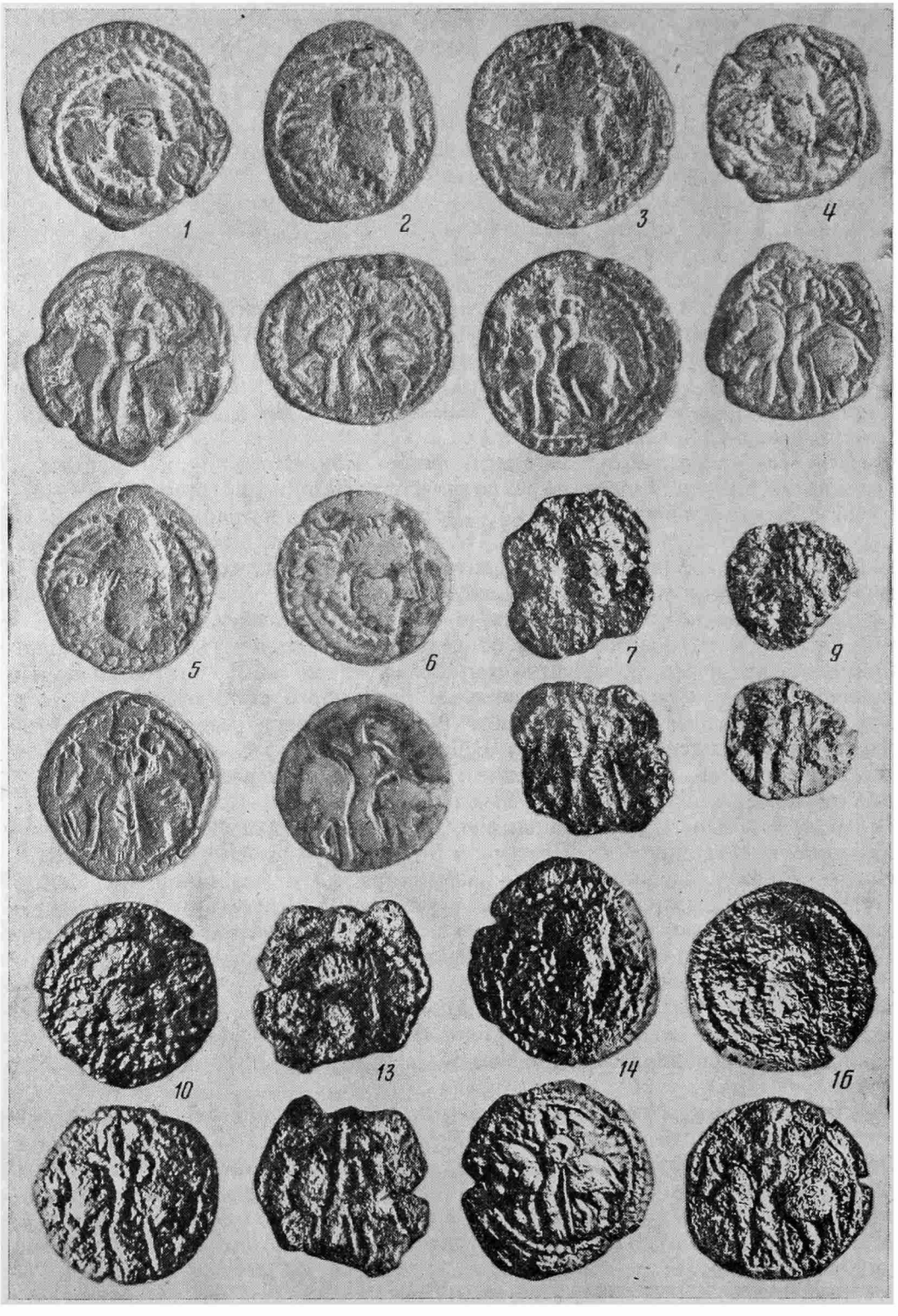


Рис. 2. Каталог мервских монет (№ 1—7, 9, 10, 13, 14, 16)

нам: голова правителя вправо — всадник в диадеме; голова правителя вправо — всадник в башенной короне; голова правителя влево — всадник в башенной короне. Судя по стилю изображений и отсутствию существенных различий в деталях все они выпускались в сравнительно короткий хронологический период. Установить последовательность типов пока трудно. Наличие в кладе с Эрк-калы монет с всадником двух разных типов вместе с монетами Шапура I — еще одно свидетельство их хронологической близости.

Рис. 3. Каталог мервских монет (№ 17, 19, 20, 21, 27, 31—34, 36, 38, 39)

Датировка мервских монет с всадником в пределах правления Шапура I позволяет предположить, что они чеканились последним представителем местной династии, признавшей зависимость от сасанидов при Арташире I. В известной надписи Шапура I на «Каабе Зороастра» в Накш-и Рустам, содержащей краткий перечень деяний первых сасанидов, в списке придворных Арташира I упомянуты цари Мерва, Апаршахра, Кермана и Сакастана. Эти области в правлении Арташира еще не были окончательно подчинены Ирану и сохраняли определенную автономию.

Каталог монет «мервского всадника»

№ п. п.	Место находки или хранения	Вес	Д/мм	Оси
	Тип 1. Голова правителя вправо – всадник в диадеме			
1	Эрмитаж, № 34761	3.26	17	12
2	Эрмитаж, № 34762	3.06	17	9
3	Эрмитаж, № 34763	2.94	17	6
4	Эрмитаж, № 34764	2.93	15,5	3
5	Эрмитаж, № 34765	2.91	16	12
6	Эрмитаж, № 34767	2.72	15,5	6
7	Гёбеклы-депе, Мервский оазис, раскопки 1982 г.	1.76	16	6
8	Гёбеклы-депе, 1982 г.	2.61	16	–
9	Гяур-кала, Мерв, 1982 г., подъемный материал	1.11	12	6
10	Байрам-алинский некрополь, раскопки С. А. Ершова, 1954–1956 гг.	2.43	15	4
11	Байрам-алинский некрополь	1.43	15	–
12	Государственный Исторический музей	2.18	16,5	10
13	ЮТАКЭ, 1957 г. Мерв, Эрк-кала, Р-1 $\frac{\text{М-27}}{\text{IX}}$, из клада с монетами Шапура I	1,76	18	1
14	ЮТАКЭ, 1957 г., Эрк-кала, Р-1, пом. XIV, у порога в проходе	2.66	19	5
15	ЮТАКЭ, 1957, там же	2,13	17	4
16	ЮТАКЭ, 1960, в 300 м к западу от Мунон-депе, Мервский оазис	2,15	16,5	10
17	ЮТАКЭ, 1962, Мерв, Шапм-кала	2,92	20	4
18	ЮТАКЭ, 1953, Гяур-кала, Р-4, квартал керамистов	1,76	17,5	10
19	ЮТАКЭ, 1967, Гяур-кала, подъемный материал	2,70	17	4
20	ЮТАКЭ, 1955, Гяур-кала, Р-6, X, № 295	2,48	17,5	11
21	ЮТАКЭ, 1961, Эрк-кала, III.5 $\frac{\text{К-10}}{\text{X}}$	1.78	18,5	10
22	ЮТАКЭ, 1955, Эрк-кала, $\frac{\text{А.20}}{\text{XV}}$	3.32	18	11
23	ЮТАКЭ, 1963, Гяур-кала, Р-3, пом. 4	1.60	14,5	–
24	ЮТАКЭ, 1960, Эрк-кала, Р-4 $\frac{\text{0-4}}{\text{XIII}}$, забутовка башни	1,88	12	–
25	ЮТАКЭ, 1955, Гяур-кала, Р-6, пом. 19, VIII	1.20	17	4
26	ЮТАКЭ, 1955, Гяур-кала, Р-6, пом. 3, X, № 268	2,00	16	–
27	ЮТАКЭ, 1953, Гяур-кала, Р-2	2,23	18	12
28	ЮТАКЭ, 1957, Эрк-кала, Р-1, кв. $\frac{\text{Р-30}}{\text{XVIII}}$	1,49	16,5	4
29	ЮТАКЭ, 1955, Эрк-кала, $\frac{\text{Р-22}}{\text{XVII}}$, в кладке, с монетой Шапура I	2,02	19	4
30	Музей истории народов Узбекистана, Н-138/72, передана из собрания Восточного факультета	2.52	17	12
	Тип 2. Голова правителя вправо – всадник в башенной короне			
31	Эрмитаж, № 34766	2,73	16	9
32	ЮТАКЭ, 1960, Мерв, подъемный материал	2,26	18	3
33	ЮТАКЭ, 1957, Гяур-кала, Р-8, $\frac{\text{П-12}}{\text{V}}$	1,23	18	2
34	ЮТАКЭ, 1955, Гяур-кала. Р-6, 0–6.X, № 226	2,88	16	7
35	Городище Пайкенд, Бухарская обл., 1983	–	–	–
	Тип 3. Голова правителя влево – всадник в башенной короне			
36	ЮТАКЭ, 1957, Эрк-кала, Р-1, $\frac{\text{М-27}}{\text{IX}}$, из клада монет Шапура I	2,85	17	11
37	ЮТАКЭ, 1955, Эрк-кала, Р-1	1,32	17,5	2
38	Государственный Исторический музей	2,78	19	3
39	Серахский оазис [2, 76]	–	18	3

По мере усиления сасанидской династии местные правители теряли свои владения, переходившие под управление сыновей шахиншаха.

В. Г. Луконин, анализируя упомянутый список придворных Арташира I и Шапура I, отмечает изменение состава царей полунезависимых владений [8, с. 62]. Из царей, упомянутых среди придворных Арташира I, при Шапуре только Арташир, царь Кермана, сохраняет свое прежнее положение. Сакастан, Мерв, Апаршахр и другие восточные земли были к 262 г., ко времени составления надписи, объединены в одну область, которая стала называться «Сакастан, Туркестан и Индия до побережья моря» и была передана в управление сыну Шапура Нарсе. К этому времени соответственно царь Мерва и правители других полунезависимых царств были лишены своих владений.

При всей трудности чтения плохо сохранившихся легенд на монетах с всадником наиболее вероятный вариант их прочтения: mlwy MLK' — «царь Мерва». Знаки M и L отчетливо различимы. Третий знак может быть с одинаковой вероятностью прочтен как W и как K, но предположить, что первое слово MLK', трудно, поскольку четвертый знак — определенно Y, а не «'». Именно титул mlwy MLK' носит правитель Мерва Арташир в надписи на «Каабе Зороастра»: 'rthštr ZY mlwy MLK' [8, с. 37]. Мервские монеты со всадником могли чеканиться либо этим правителем, либо его ближайшим преемником, между 240 и 260 гг., после чего самостоятельная династия царей Мерва прекратила свое существование. Нарсе, сын Шапура I, чекану которого эти монеты приписывались раньше, уже не мог носить титула «Царь Мерва», поскольку Мервский оазис был лишь частью подвластной ему огромной области. Неизвестно, имели ли сыновья Шапура, назначенные правителями областей, право чеканить монету от своего имени. Находки монет конца правления Шапура I (тип 1д) на территории Мервского оазиса говорят о том, что здесь в этот период обращалась монета, выпущенная от его имени и чеканившаяся по общегосударственному образцу.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Массон М. Е.* Распространение монетных находок чекана династии сасанидов на территории советских республик Средней Азии.— Тр. ЮТАКЭ. Т. XV. Ашхабад, 1974.
2. *Оразов О.* Находки монет в районе Серахса.— ВДИ, 1975, № 1.
3. *Усманова З. И., Дресвянская Г. Я.* Раскопки на городищах Старого Мерва.— АО — 1975. М., 1976.
4. *Массон М. Е.* Краткая хроника полевых работ ЮТАКЭ за 1955—1957 гг.— Тр. ЮТАКЭ. Т. XVI. Ашхабад, 1978.
5. *Кацурис К., Буряков Ю.* Изучение ремесленного квартала античного Мерва у северных ворот Гяур-калы.— Тр. ЮТАКЭ. Т. XII. Ашхабад, 1963.
6. *Усманова З. И.* Эрк-кала (по материалам ЮТАКЭ 1955—1959 гг.).— Тр. ЮТАКЭ. Т. XII. Ашхабад, 1963.
7. *Обельченко С. В.* Некрополь древнего Мерва (материалы раскопок 1955 г.).— Тр. ЮТАКЭ. Т. XIV. Ашхабад, 1969.
8. *Луконин В. Г.* Культура Сасанидского Ирана. М.: Наука, 1969.

В. И. СТАВИСКИЙ, Т. А. БОБРОВСКИЙ

КЛЕЙМА НА ГОЛОСНИКАХ XI—XII ВВ. ИЗ КИЕВА

Гончарное клеймо представляет собой выпуклый отпечаток на дне сосуда рисунка, вырезанного на деревянной подставке гончарного круга, на которой устанавливалась глиняная заготовка. Клеймение посуды характерно для ранней стадии использования ручного гончарного круга легкого типа [1, с. 169—171]. Повсеместное распространение этого явления в археологических памятниках древнерусской эпохи дает основание считать гончарные клейма «ценнейшим историческим источником, позволяющим хотя бы отчасти восстановить организацию гончарного ремесла» [1, с. 363].

Изучение славянских гончарных клейм позволило Б. А. Рыбакову признать их знаками собственности ремесленников-гончаров, метивших свою

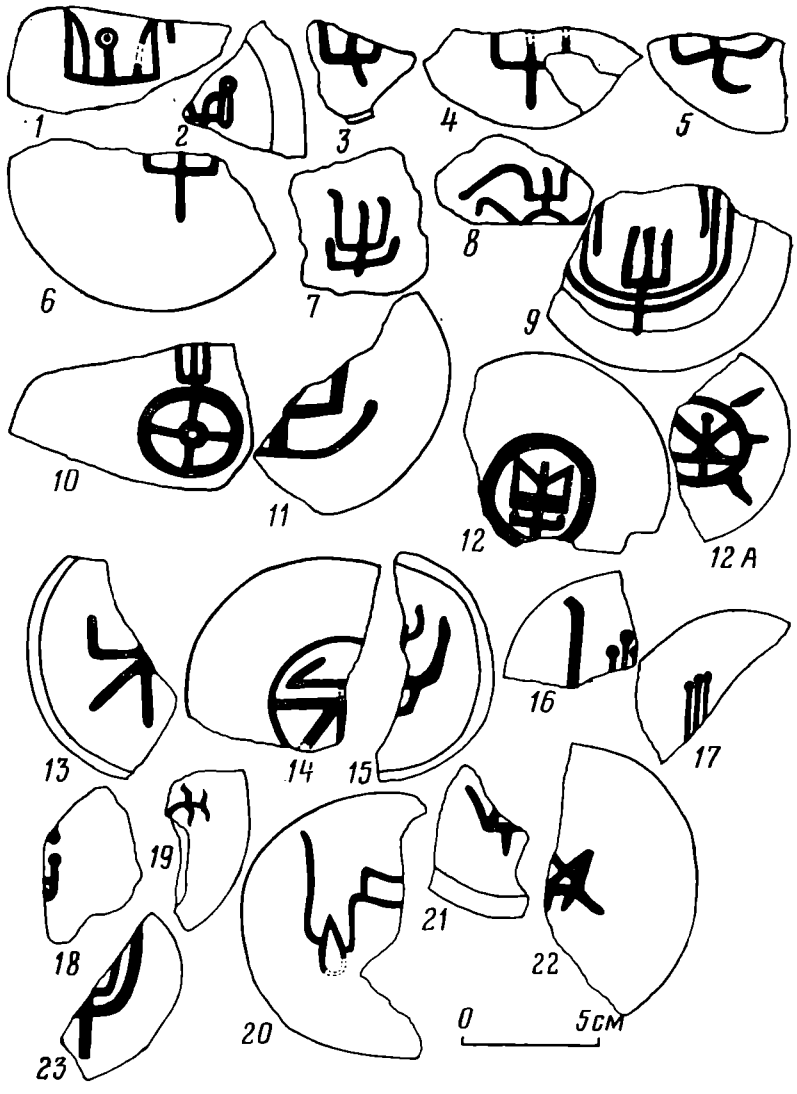


Рис. 1. Клейма типа «княжеский знак». *1–23* – Софийский собор

продукцию [1, с. 178, 367]. Позднее высказывалось мнение о магической природе клейм, несших функцию знака-оберега по отношению к продукции мастера [2, с. 155; 3, с. 460; 4, с. 127; 6, с. 298]. Привлечение материалов неславянского происхождения предоставило обильные данные для сопоставлений, но и затруднило возможность однозначной трактовки факта клеймения посуды [6]. Поэтому и сегодня вопрос о клеймах нельзя считать окончательно решенным.

В фондах Софийского музея хранится большое количество керамики X–XIII вв. Среди этих материалов многочисленны голосники, использовавшиеся древнерусскими зодчими при строительстве каменных сооружений для облегчения несущих конструкций и улучшения акустики здания. Большинство голосников, вмуровывавшихся в стены сооружения, стали доступны лишь в результате частичного или полного разрушения здания. Поэтому они представлены, за редким исключением, в виде фрагментов.

Основную часть исследованного материала составляли клейма на голосниках, найденных при проведении исследований Софийского собора и прилегающей к нему территории[1]. Всего выявлено 164 клейменных днища, что составляет 25% от общего количества найденных днищ сосудов. Кроме них в фондах музея находится еще 25 голосников или отдельных фрагментов с клеймами из других сооружений на территории Киева – Золотых ворот, Георгиевской, Кирилловской и Трехсвятительской церк-

[1] Раскопки 1936 (Ф. Н. Мовчановский) и 1939–1955 гг. (М. К. Каргер).

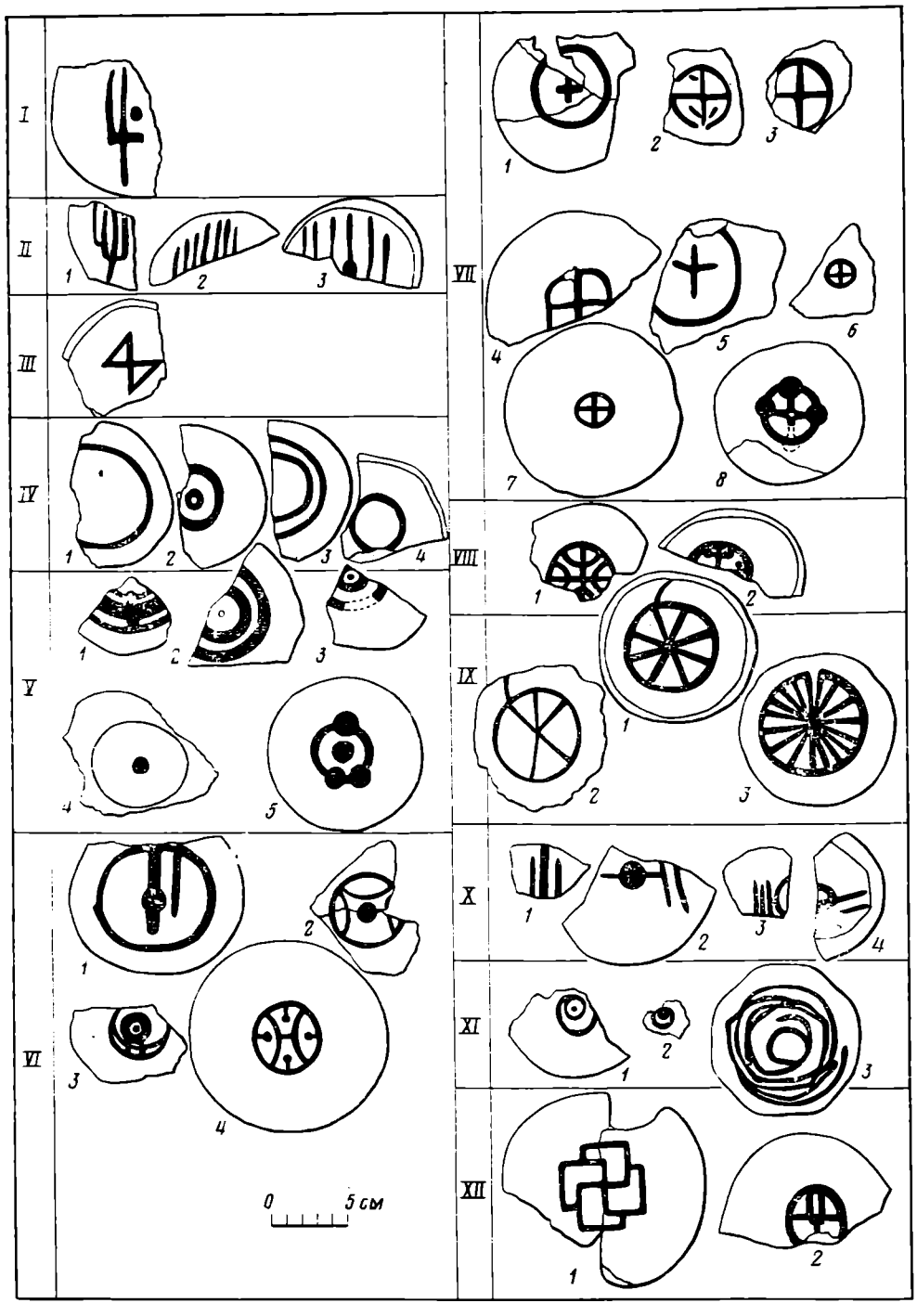


Рис. 2. Клейма типа «солярный знак». IV, *4* – Кирилловская церковь: VI. *4* – Михайловский Златоверхий монастырь; VII. *4, 5* – Георгиевская церковь; XII. *1, 2* – Успенский собор Киево-Печерской Лавры: остальные – Софийский собор

вей, собора Михайловского Златоверхого монастыря и Успенского собора Киево-Печерской Лавры [2].

Все имеющиеся клейма могут быть условно разделены на две категории – клейма типа «княжеских знаков» (рис. 1) и клейма типа солярных знаков (рис. 2). Первая категория представлена 24 клеймами из Софийского собора и прилегающей к нему территории. Условно мы можем выделить следующие группы знаков: 1) простой трезубец (рис. 1, *2–6*); 2) трезубец, основанный на круге (рис. 1, *8*, *10*); 3) дву- или трезубец с пересеченным основанием (рис. 1, *7*, *9*, *11*, *12*, *15*, *23*); 4) трезубец с кружком на среднем зубце (рис. 1, *1*, *12А*); 5) дву- или трезубец (в зави-

[2] Некоторые из них были опубликованы М. К. Каргером [7, с. 465].

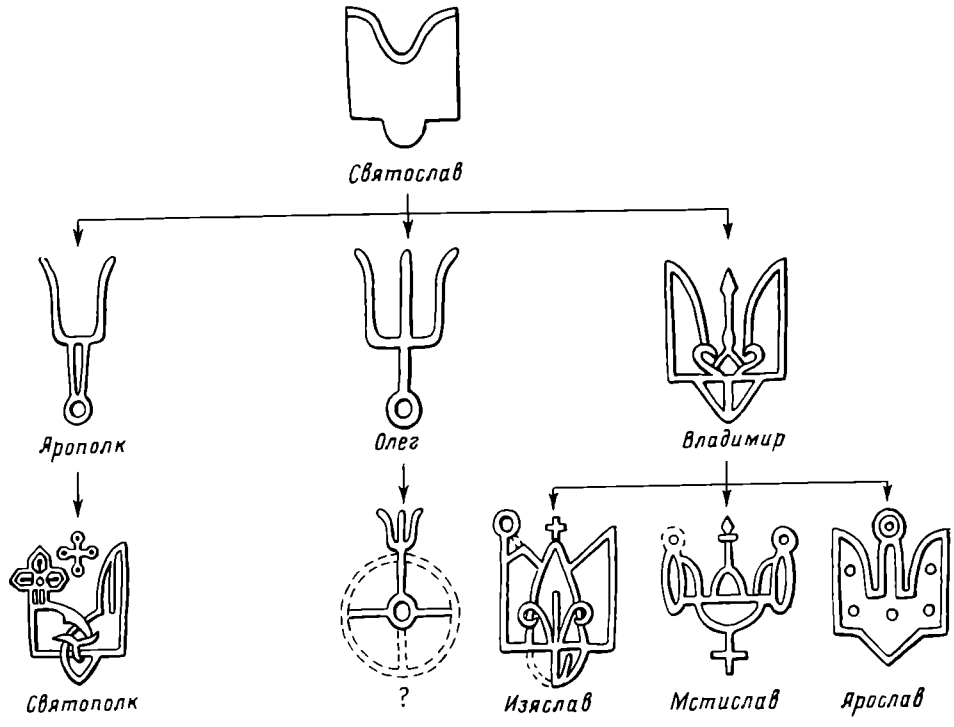


Рис. 3. Генеалогическая таблица знаков Рюриковичей X–XI вв.

симости от положения) —в месте пересечения нижнего отрога с основанием берут начало две расходящиеся в стороны линии (рис. 1, *13*, *14*). Остановимся на некоторых знаках.

1, *12А* — средние зубцы трезубцев оканчиваются кружками, что является характерным признаком знака Ярослава Мудрого (рис. 3) [8, с. 96; 9]. Знак *12А* расположен так, что его лопасти слиты с окружностью, т. е. весь рисунок представляет замкнутую единую композицию (рис. 4). Можно предполагать, что солярный знак (круг с расходящимися в стороны лучами) здесь выполнял функцию магического знака-оберега по отношению к знаку князя, олицетворявшему его самого.

2 — на фрагменте изображен правый зубец трезубца с кружком на вершине; прослеживаются начала линий нижнего отрога и среднего зубца, как на монетах Владимира Святославича (рис. 5). Как и там, верхняя линия расположена ближе к центру, чем линия, идущая к основанию [8, с. 69]. Отличием этого знака от знака Владимира является кружок на правом зубце. Этот элемент известен в знаке Ярослава Владимировича (средний зубец) и Изяслава Владимировича (левый зубец) [10, с. 150]. Таким образом, данный фрагмент ведет нас к какому-то из Владимировичей. Б. А. Рыбаковым был опубликован знак на накладке лука, который он определил как знак Мстислава Владимировича [11, с. 232]. На нем оба крайних зубца завершаются кружками, но не только сверху, но и снизу. Эту особенность схемы передает и рассматриваемый знак: зубец не только завершается кружком, но и, закругляясь, опускается чуть ниже перемычки, что позволяет это закругление соотнести с нижним кружком знака на накладке лука и весь знак со знаком Мстислава Владимировича (рис. 3).

12 — в круг вписан трезубец с широкими лопастями, которые не сливаются с окружностью; нижний острог пересечен линией с загнутыми вверх концами (рис. 6). Очень близко ему гончарное клеймо, изданное Б. А. Рыбаковым и соотнесенное со знаком на златниках и сребренниках Владимира-Василия и атрибутированное как знак Владимира Мономаха [1, с. 493, 495]. Позже было доказано, что монеты с таким знаком выпускал Владимир Святославич [8, с. 70, 82]. Таким образом, клеймо, опубликованное Б. А. Рыбаковым, следует относить именно этому князю,

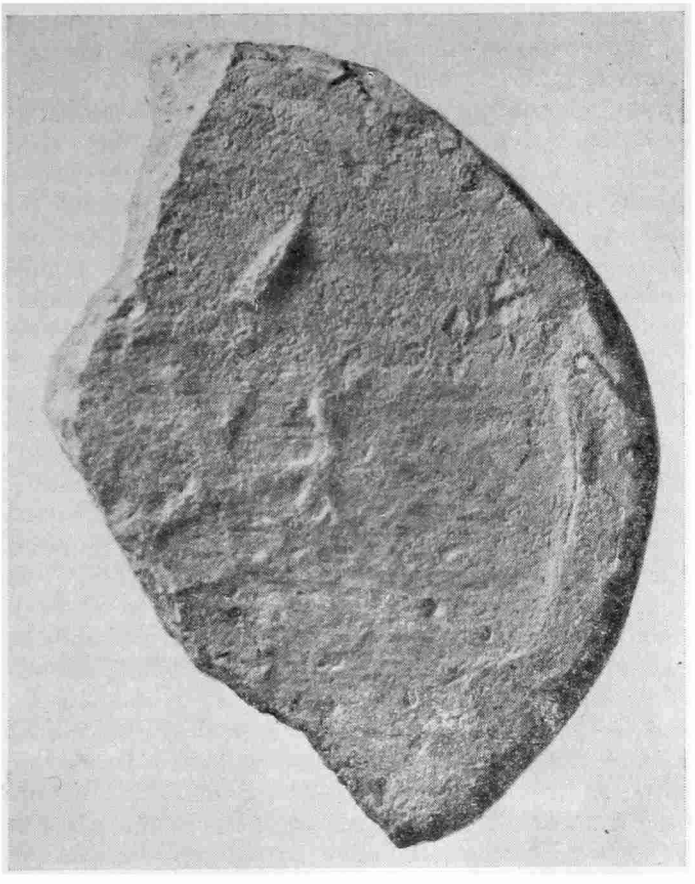


Рис. 4. Дно голосника с клеймом типа «княжеский знак» (см. рис. 1, 12,4)

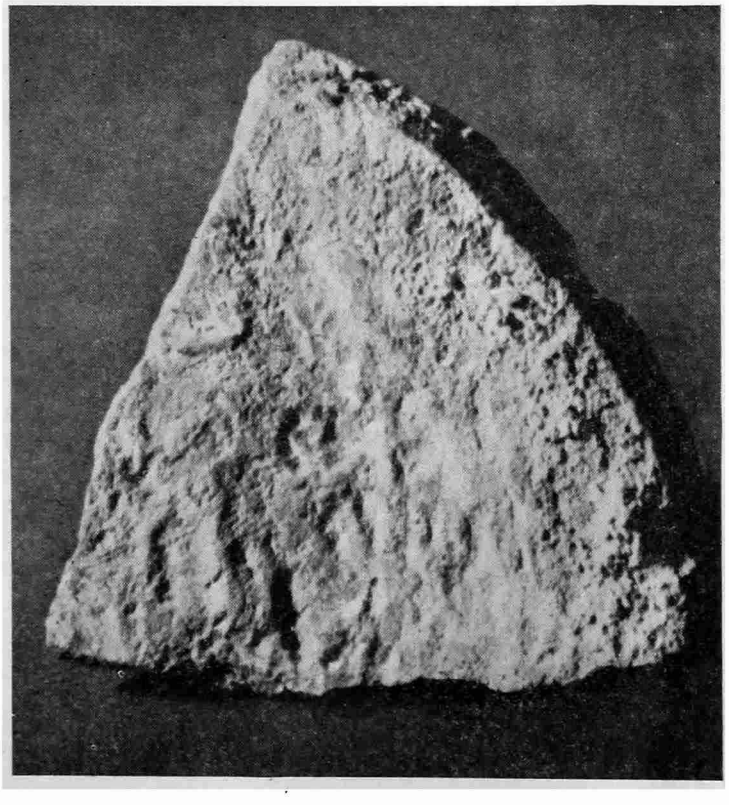


Рис. 5. Дно голосника с клеймом типа «княжеский знак» (см. рис. 1, 2)

а клеймо *12* либо ему же, либо кому-то из его сыновей, если считать отпятнышем пересеченность нижнего отрога. Судя по всему, и в данной схеме круг выполнял функцию оберега.

8, 10 — знаки читаются очень плохо и восстанавливаются лишь предположительно. Трезубец, основанный на круге, по логике построения знаков занимает промежуточное положение между двузубцем на круге (знак Ярополка Святославича) и простым трезубцем (знак Владимира Святославича), т. е. должен принадлежать Олегу Святославичу (рис. 3).

В результате проведенных в последние годы исследований было убедительно доказано единство архитектурно-художественного замысла Софийского собора и одновременность возведения всех его объемов [12, 13]. Таким образом, голосники, происходящие из собора, должны датироваться его строительством (1017—1037 гг.). Голосники с клеймами, передающими знак Рюриковичей, отражают участие княжеских мастеров в строительстве Софии Киевской. Но большинство знаков обладает отпятнышами, не позволяющими отнести их к знаку Ярослава Мудрого, которому летопись приписывает роль фундатора митрополичьего храма [14, с. 102, 103]. Исследователями русского летописания установлено, что статья Повести временных лет под 1037 г., в которой Ярославу Мудрому приписывается заслуга строительства кафедрального собора русской церкви — «юже созда сам», представляет похвалу церковной и просветительской деятельности князя, носит обобщающий характер и отражает идейную позицию летописца после установления в 1036 г. самовластного правления Ярослава [15, с. 414, 492; 16, с. 375]. Кроме того, в последние годы исследователями были высказаны достаточно обоснованные мнения в пользу более ранней даты закладки собора [17—19]. Таким образом, у нас есть все основания предполагать, что голосники с клеймами типа «княжеских знаков» отражают долевое участие Рюриковичей в строительстве Софийского собора в Киеве [3].

Другая категория клейм на голосниках — солярные знаки — представлена в большом объеме и для удобства может быть разделена на типы (рис. 2). Клейма в виде солярных знаков распространены очень широко на всей территории Восточной Европы [1, с. 179; 2, с. 149; 3, с. 457]. Схемы, аналогичные большинству представленных, встречаются и среди материалов из раскопок Киева [5, с. 296, 297; 7, с. 428—443; 21, с. 59—61]. Однако определить на этом основании, какие гончарные мастерские принимали участие в изготовлении материалов для собора, мы не можем. Дело в том, что в ряде случаев одинаковые схемы клейм встречены в разновременных комплексах, многие на протяжении X—XIII вв. изменяются от сложных к более простым [5, с. 295]. На протяжении непродолжительного отрезка времени, когда строился собор, существовали однотипные клейма разной степени сложности (рис. 2, IV—VII, IX).

Характерной особенностью клейм на киевской керамике является отсутствие точного повторения одинакового отпечатка [5, с. 295; 7, с. 435]. При абсолютно одинаковой схеме многих клейм они обладают целым рядом признаков, не позволяющих относить их к одному и тому же штампу-подставке. При этом чрезвычайно важно, что почти все голосники с клеймами типов I и IX, *1* происходят из зондажа в западной части хор собора, т. е. были вмурованы одновременно. Это позволяет исключить предположение, что голосники с одинаковыми клеймами были произведены одним мастером на протяжении продолжительного срока и что различия в штампах объясняются заменой пришедших в негодность подста-

[3] Из современников Ярослава Мудрого в строительстве кафедрального храма русской церкви мог принимать участие прежде всего его брат Мстислав Владимирович, знак которого восстанавливается нами на основании фрагмента клейма 2 (рис. 3). Еще один Владимирович—Судислав, правивший в Пскове до 1036 г., мог также быть в числе участников. Сравнение наиболее полно сохранившихся клейм на голосниках с клеймами на плинфах создает целый ряд близких аналогий из памятников Киева (Успенский собор Киево-Печерской Лавры), Чернигова, Пскова, Смоленска [20, с. 31, 32]. Это дает нам основания включить в число фундаторов Софийского собора также внуков Владимира Брячислава Изяславича Полоцкого, Евстафия Мстиславича, Изяслава и, очевидно, Владимира Ярославичей.

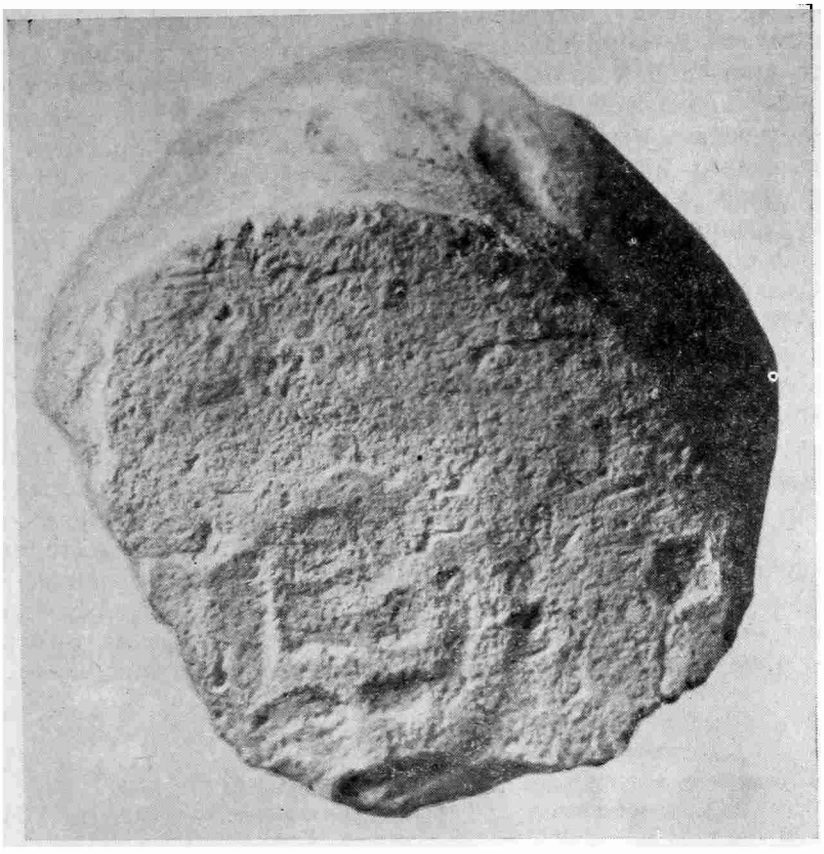


Рис. 6. Дно голосника с клеймом типа «княжеский знак» (см. рис. 1, *12*)

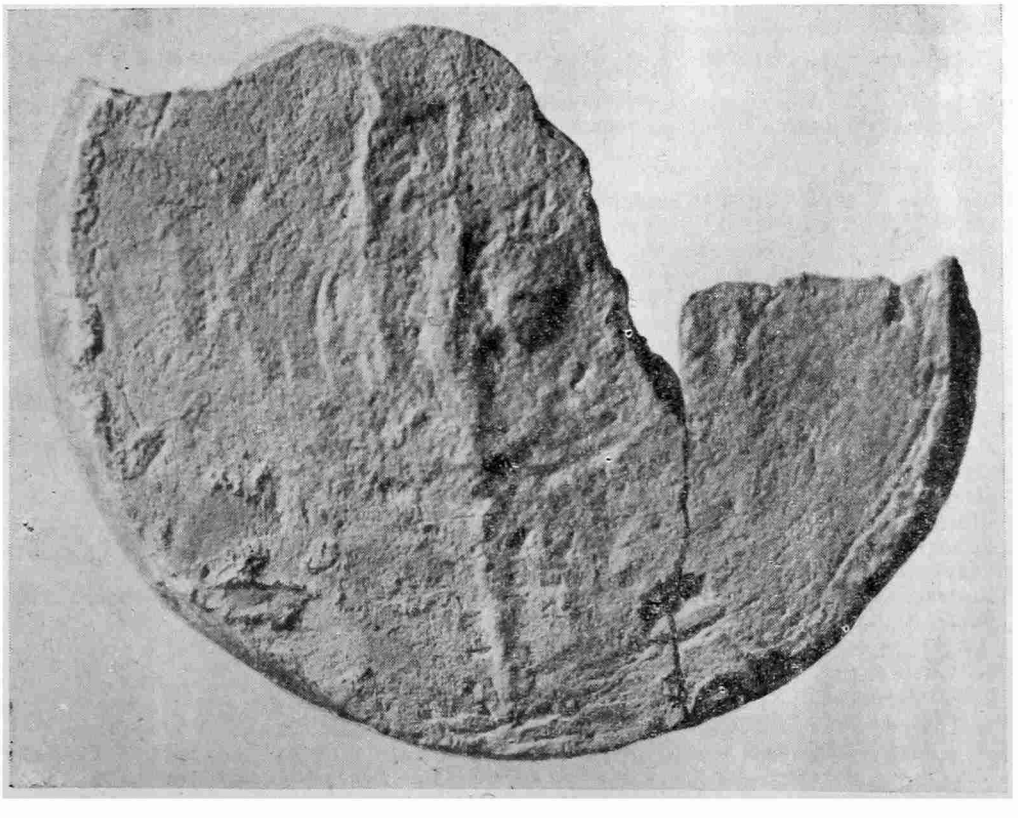


Рис. 7. Дно голосника с клеймом типа «солярный знак» (см. рис. 2, *1*).

вок на новые. Значит, одновременно несколько гончаров, работая на разных подставках, использовали одинаковую схему клейма. Если рассматривать клейма как знак владельца продукции, то придется предположить существование в Киеве в первой половине XI в. крупных гончарных мастерских, в которых работала целая группа гончаров, ставивших знак своего хозяина [5, с. 295]. Это явление можно, однако, объяснить и как одновременный заказ, в связи с малой производительностью труда, одного лица нескольким гончарам голосников с его личным знаком. Этот вопрос требует дополнительного исследования на новом материале. Однако нужно отметить, что некоторые из клейм в рассмотренных выше типах абсолютно тождественны между собой, а различия иногда могут быть вызваны чисто механическими причинами.

Особое внимание мы хотим обратить на клейма типа I и клеймо из Успенского собора Киево-Печерской Лавры (рис. 2, XII, *2*). Первые мы отнесли к солярным знакам лишь на том основании, что среди княжеских знаков такая схема нам неизвестна (рис. 7). Однако если рассматривать его как трезубец, в котором вместо правого зубца помещен кружок, имеющий, очевидно, первостепенное значение в схеме и находившийся над этим зубцом, то получится знак Мстислава Владимировича. Что же касается клейма из Успенского собора, то с учетом высокой степени стилизации мы можем соотнести его с клеймом на плинфе из того же сооружения и определить его как знак Изяслава Ярославича.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Рыбаков Б. А.* Ремесло Древней Руси. М.: Изд-во АН СССР, 1948.
2. *Тухтина И. В.* Средневековые славянские гончарные клейма.— Тр. ГИМ, 1960, вып. 37.
3. *Комша М.* О значении гончарных клейм раннефеодальной эпохи.— Dacia, 1961, v. V.
4. *Плетнева С. А.* От кочевий к городам. М.: Наука, 1967.
5. *Толочко П. П.* Гончарное дело.— В кн.: Новое в археологии Киева. Киев: Наук. думка, 1981.
6. *Розенфельдт Р. Л.* К вопросу о гончарных клеймах.— СА, 1963, № 2.
7. *Каргер М. К.* Древний Киев, Т. I. М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1958.
8. *Сотникова М. П., Спасский И. Г.* Сводный каталог русских монет X–XI веков. Л.: Искусство, 1983.
9. *Ширинский С. С.* Ременные бляшки со знаками Рюриковичей из Бирки и Гнездова.— В кн.: Славяне и Русь. М.: Наука, 1968.
10. *Янин В. Л.* Археологический комментарий к Русской Правде.— В кн.: Новгородский сборник. 50 лет раскопок Новгорода. М.: Наука, 1982.
11. *Рыбаков Б. А.* Знаки собственности в княжеском хозяйстве Киевской Руси.— СА, 1940, № 6.
12. *Логвин Г. Н.* Новые наблюдения в Софии Киевской.— В кн.: Культура и искусство Древней Руси. Л.: Изд-во ЛГУ, 1970.
13. *Асеев Ю. С., Тоцкая И. Ф., Штендер Г. М.* Исследования галерей Киевского Софийского собора.— Строительство и архитектура. Киев, 1980, № 7.
14. Повесть временных лет. Ч. 1. М.– Л.: Изд-во АН СССР, 1950.
15. *Шахматов А. А.* Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 1908.
16. Повесть временных лет. Ч. 2. М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1950.
17. *Висоцький С. О.* Граффіті та спорудження Київської Софії.— Український історічний журн., 1966, № 7.
18. *Толочко П. П.* До історії будівництва города Ярослава та Софії Київської.— Археологія, 1969, т. 22.
19. *Логвин Г. Н.* К истории сооружения Софийского собора в Киеве.— В кн.: Памятники культуры. Новые открытия. М.: Наука, 1977.
20. *Холостенко Н. В.* Метки на древнерусских плинфах (X–XIII вв.) Рукопись. Научный архив Софийского музея, инв. № ВХ661.
21. *Шовкопляс Г. М.* Знаки на давньоруському посуді з Киева.— Археологія, 1964, т. 17.

М. В. ЦЫБИН

ПОГРЕБЕНИЯ СРЕДНЕВЕКОВЫХ КОЧЕВНИКОВ X—XIV ВВ. В СРЕДНЕМ ПОДОНЬЕ

Территория Среднего Подонья [1] занимает важное место в изучении истории средневековых кочевников X—XIV вв. В этом районе известны как погребения кочевников, так и каменные половецкие изваяния (рис. 1). Последние изучены достаточно полно [1, с. 108; 2—4], но количество исследованных кочевнических погребений на этой территории невелико [5, с. 26—28; 6, с. 94, 95; 7; 8] [2]. Поэтому публикация новых материалов представляется необходимой [3].

1. Станица Букановская Кумылженского р-на Волгоградской обл. Погребение впускное в курган эпохи бронзы (диаметром 24 м, высотой 2 м [10]), совершено на глубине 0,7 м, в 1,8 м к северу от центра кургана. Погребенный лежал головой на запад в гробу — «раме» из коры или тонких дощечек размером 1,65×0,4—0,5 м (рис. 2, *I*); руки вытянуты вдоль туловища, кисти — на тазовых костях.

В заполнении гроба прямо над черепом прослежены кости животного (лошади?), встречены также мелкие угольки. Справа от тазовых костей скелета лежали два плохо сохранившихся стремени, видимо, с выделенной петлей для путлища. На тазовых костях найдены остатки железного ножа с деревянной рукояткой. Судя по стременам [9, с. 14, 15; 11, с. 215], погребение относится к X—XI вв. Возможно, оно оставлено печенежско-торческим населением.

2. Село Никольевка Балашовского р-на Саратовской обл. Погребение обнаружено при исследовании многослойного городища [12], совершено в вытянутой, овальной яме длиной 2 м, шириной 0,7, глубиной 0,7 м (рис. 2, *II*). Вдоль северо-восточной стены ямы оставлена приступка шириной 0,2 и высотой 0,4 м. В заполнении могилы — обильные включения угля и золы. На приступке находились кости лошади: череп и передние ноги. В зубах лошади найдены коленчатые удила, сохранившиеся части звеньев которых имели длину 6,5 и 10 см, диаметр одного из трензельных колец — 5 см. У ног лошади найдены два железных стремени плохой сохранности, что не позволяет определить их тип. Ширина подножки одного из них — 3 см. Под стременами выявлен слой угольков. Погребенный лежал на дне могильной ямы на спине, головой на северо-запад. В юго-восточной части могилы найдены кости конечностей лошади. В области черепа и ног скелета прослежен тлен, видимо, от войлока.

Наличие приступки в могиле, захоронение на ней частей коня, северо-западная ориентировка характерны для гузского (торческого) погребального обряда [13, с. 20, 22]. Основания для датировки погребения только стратиграфические — оно перекрыто славяно-русским слоем XII—XIII вв. [14, с. 157], поэтому может быть отнесено к X—XI вв.

3. Село Ольховатка Ольховатского р-на Воронежской обл. Погребение обнаружено в полностью разрушенном кургане [15]. Неясно, являлось ли оно впускным или основным. Могильная яма овальной формы, размером 2,1×1,05 м, углублена в материк на 0,65 м.

Скелет лежал на дне ямы вытянуто на спине, головой на юго-запад, руки — вдоль туловища (рис. 2, *III*). Слева от погребенного находилась сабля с брусковидным перекрестием и железным навершием с ушком для темляка, на лезвии сабли — остатки деревянных ножен (рис. 3, *1*). Общая длина сабли — 117 см, длина клинка — 102, ширина — 3,8, кривизна [4] —

---

[1] Средний Дон охватывает территорию от низовий р. Воронеж до устья р. Иловля. В статье рассматривается район от низовий р. Воронеж до устья р. Хопер, от р. Оскол на западе до г. Балашова на востоке.

[2] Г. А. Федоровым-Давыдовым по территории Среднего Подонья на 1966 г. учтено лишь три позднекочевнических погребения [9, с. 258].

[3] Благодарим А. И. Пузикову, В. И. Гуляева, А. А. Хрекова, Ю. П. Матвеева за возможность опубликовать материалы.

[4] Кривизна сабли измерена по величине [13, с. 17].

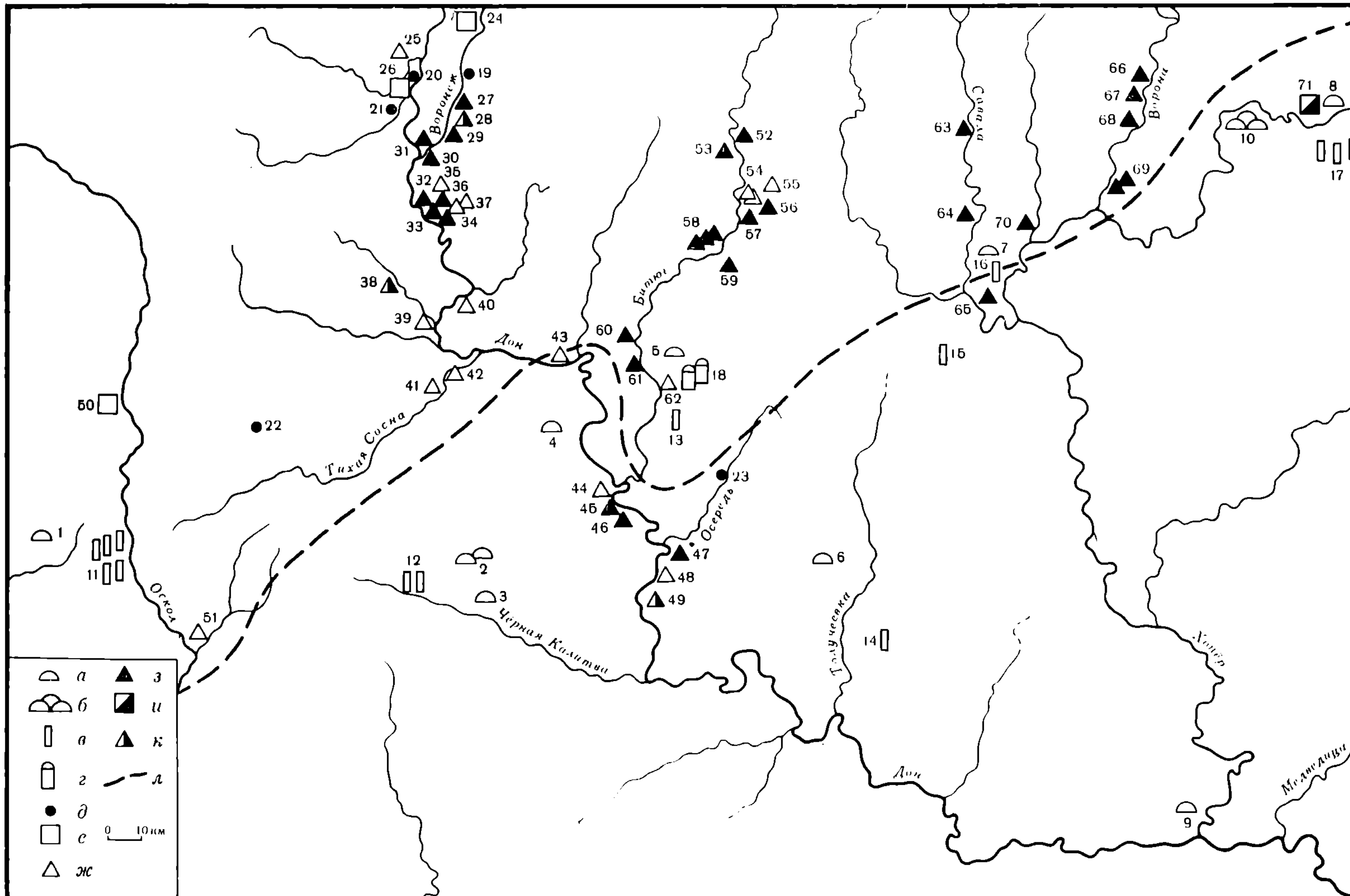

Воронеж
Дон
Тихая Сосна
Оскол
Битюг
Осередь
Чёрная Калитва
Толучеевка
Савала
Ворона
Хопер
Медведица
Дон
а
б
в
г
д
е
ж
з
и
к
л
0 10 км

Рис. 1. Среднее Подонье в XII–XIV вв. *а–в* – памятники средневековых кочевников: *а* – погребение, *б* – могильник, *в* – половецкое каменное изваяние; *г* – золотоордынская мечеть; *д* – клад золотоордынских монет; *е–к* – древнерусские памятники: *е* – городище XII–XIII вв., *ж* – селище XII–XIII вв., *з* – селище XIII–XIV вв. *и* – городище XII–XIV вв., *к* – селище XII–XIV вв.; *л* – южная граница лесостепи (по Ф. Н. Милькову). *1* – хут. Гаевка; *2* – с. Караяшник; *3* – с. Ольховатка; *4* – с. Марки; *5* – с. Новый Буравль (Сафоновка); *6* – с. Новомеловатка; *7* – хут. Шемякинский; *8* – с. Никольевка; *9* – ст. Букановская; *10* – с. Лесное; *11* – с. Нижние Лубянки; *12* – с. Марьевка; *13* – с. Нижний Кисляй; *14* – с. Старая Криуша; *15* – с. Бурляевка; *16* – Новохоперский р-н Воронежской обл.; *17* – Балашовский р-н Саратовской обл.; *18* – пос. Красный Хутор; *19* – г. Воронеж, Отрожка; *20* – с. Семилуки; *21* – с. Девица; *22* – с. Нижнепокровское; *23* – с. Воронцовка; *24* – с. Староживотинное; *25* – с. Губарево; *26* – г. Семилуки; *27* – г. Воронеж, Университетское-3; *28* – г. Воронеж, Шиловское-1; *29* – г. Воронеж, Шиловское-2; *30* – г. Воронеж, Левобережное; *31* – г. Воронеж, Правобережное; *32* – с. Костенки; *33* – с. Александровка; *34* – с. Борщево; *35* – оз. Погоново. *36* – пос. Заталия; *37* – д. Каменка; *38* – хут. Ивановка; *39* – с. Девица; *40* – с. Бодеевка; *41* – г. Острогожск; *42* – с. Копанище, *43* – д. Песковатка; *44* – хут. Коловерть; *45* – с. Верхний Карабут, Верхнекарабутское-2; *46* – с. Верхний Карабут, Верхнекарабутское-1; *47* – г. Павловск; *48* – с. Русская Буйловка; *49* – с. Николаевка; *50* – пос. Холки; *51* – с. Кузнецовка; *52* – с. Мосоловка; *53* – с. Желанное, уроч. «Гнилое»; *54* – пос. Светлый путь, уроч. «Черное озеро»; *55* – с. Новый Курлак, уроч. «Пышкин», *56* – пос. Светлый путь; *57* – с. Старая Тишанка, уроч. «Дрониха»; *58* – с. Старая Чигла; *59* – с. Новая Чигла; *60* – с. Николо-Варваринка; *61* – с. Пчелиновка; *62* – с. Мечетка; *63* – с. Братки; *64* – с. Кутки; *65* – с. Некрылово; *66*, *67* – с. Посевкино; *68* – с. Малые Алабухи; *69* – г. Борисоглебск; *70* – с. Васильевка, *71* – с. Никольевка. На карту нанесены погребения кочевников X–XI вв. (1, 8, 9)

3,5 см. В области таза найдена орнаментированная костяная пуговица с отверстием в центре (рис. 3, *3*). Орнамент прорезан, полосы заполнены белой пастой, внешняя поверхность заполирована. В ногах погребенного лежали односоставные [5] удила с трензельным кольцом диаметром 5,5 см. (рис. 3, *2*).

Кривизна сабли является промежуточной между величинами, характерными для отделов Г и Д по классификации С. А. Плетневой [13, с. 18]. Сабли отдела Г датируются первой половиной XII в., отдела Д – концом XII – началом XIII в. [13, с. 18]. Удила без перегиба исследователи относят к концу XI – началу XII в. [9, с. 20; 13, с. 15]. Костяные пуговицы, аналогичные обнаруженной в погребении, найдены в кочевнических курганах Поросья, датируемых XII в. [13, табл. 8, *7*; 11, *13*; 17, *4*, *9*; 20, *6*, *7*, *8*]. Этническая принадлежность погребенного не ясна.

4–8. Село Лесное Балашовского р-на Саратовской обл. Могильник Лесное находится на высоком плато левого берега р. Хопер, насчитывает свыше 50 насыпей [16]. Курганы протянулись полосой шириной 200–250 м и длиной около 1 км с северо-востока на юго-запад. Преобладают насыпи высотой от 0,1 до 0,5 м. В могильнике исследовано шесть курганов, пять из которых содержали позднекочевнические погребения. Шестой курган, относившийся к эпохе бронзы, располагался в центре могильника. Группировка курганов поздних кочевников вокруг более ранних насыпей является характерной чертой позднекочевнических могильников [9, с. 132].

Курган 1. Диаметр – 10, высота – 0,35 м. В насыпи сферической формы встречались отдельные камни, деревянные плашки, иногда обожженные. В юго-западном секторе кургана найден обломок ребра лошади. В северо-восточном, юго-восточном и юго-западном секторах на материке обнаружено несколько групп камней, образующих полукольцо вокруг центра кургана (рис. 4, *1*). Могильная яма, разрушенная грабительским шурфом, имела трапециевидную форму с закругленными углами, вытянута с северо-востока на юго-запад. Размеры ямы – 2,4×1,55 м, глубина от уровня погребенной почвы – 0,7–0,8 м. Судя по расположе-

[5] Длина сохранившейся части удил – 15,5 см, тогда как длина звена коленчатых удил колеблется в пределах 7–13 см [5, табл. I, II, V, VI].

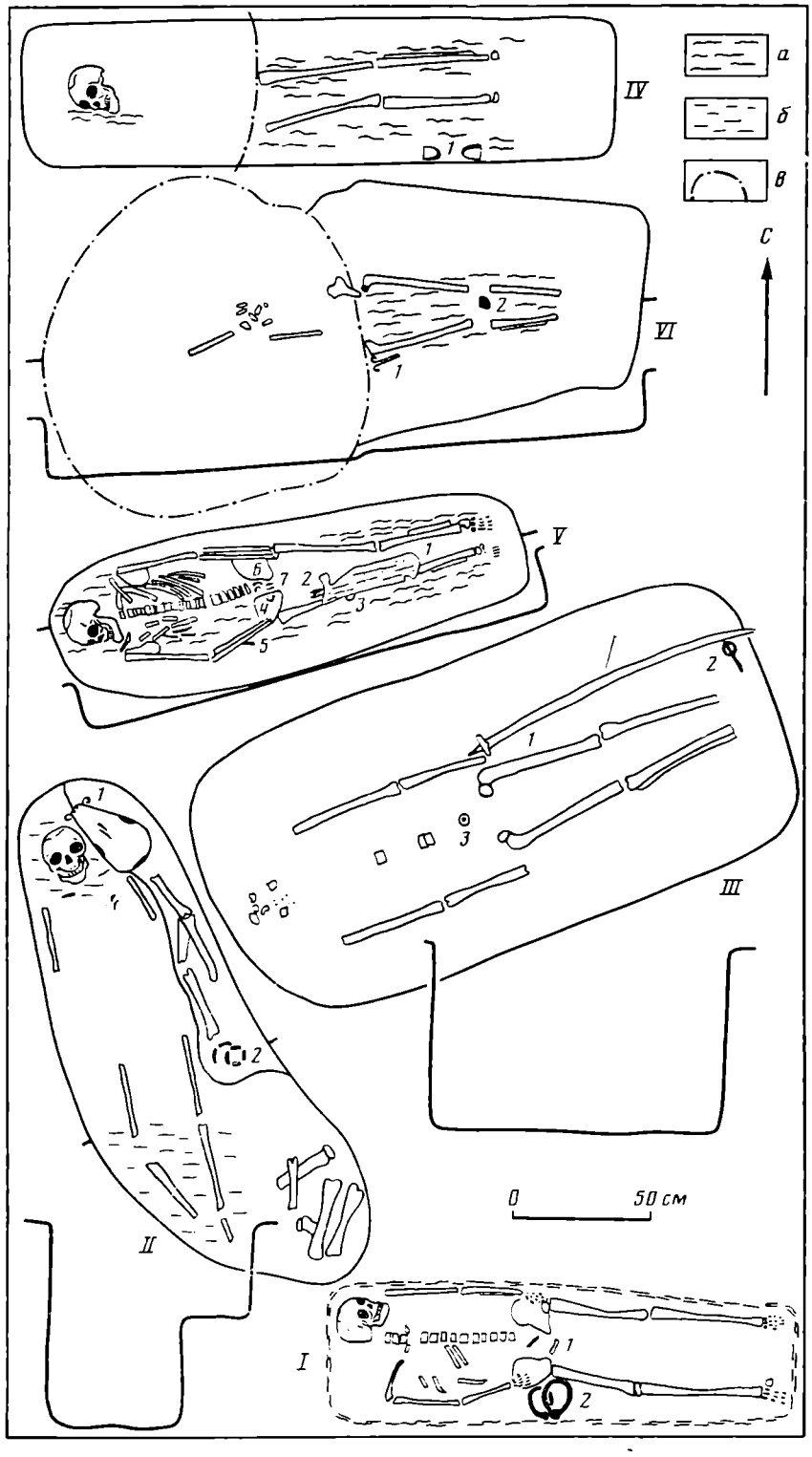


Рис. 2. Погребения кочевников. *а* – древесный тлен, *б* – тлен от войлока, *в* – контуры перекопа. *I* – Букановская: *1* – пож; *2* – стремена; *II* – Никольевка: *1* – удила, *2* – стремена; *III* – Ольховатка: *1* – сабля. *2* – удила, *3* – костяная пуговица; *IV–VI* – Лесное. *IV* – курган 2: *1* – стремена; *V* – курган 3: *1* – колчан, *2* – стрелы, *3* – железное кольцо, *4* – пряжка, *5* – нож; *6* – железные крючки, *7* – железные предметы; *VI* – курган 5: *1* – ножницы, *2* – зеркало

нию сохранившихся камней, стенки ямы были обложены ими в некоторых местах. К погребению относится и подобие оградки из отдельных групп камней, образующих вокруг погребения полукольцо.

Кости погребенного найдены в западной части грабительского шурфа. В южном углу могильной ямы найдены два стремени арочной формы с

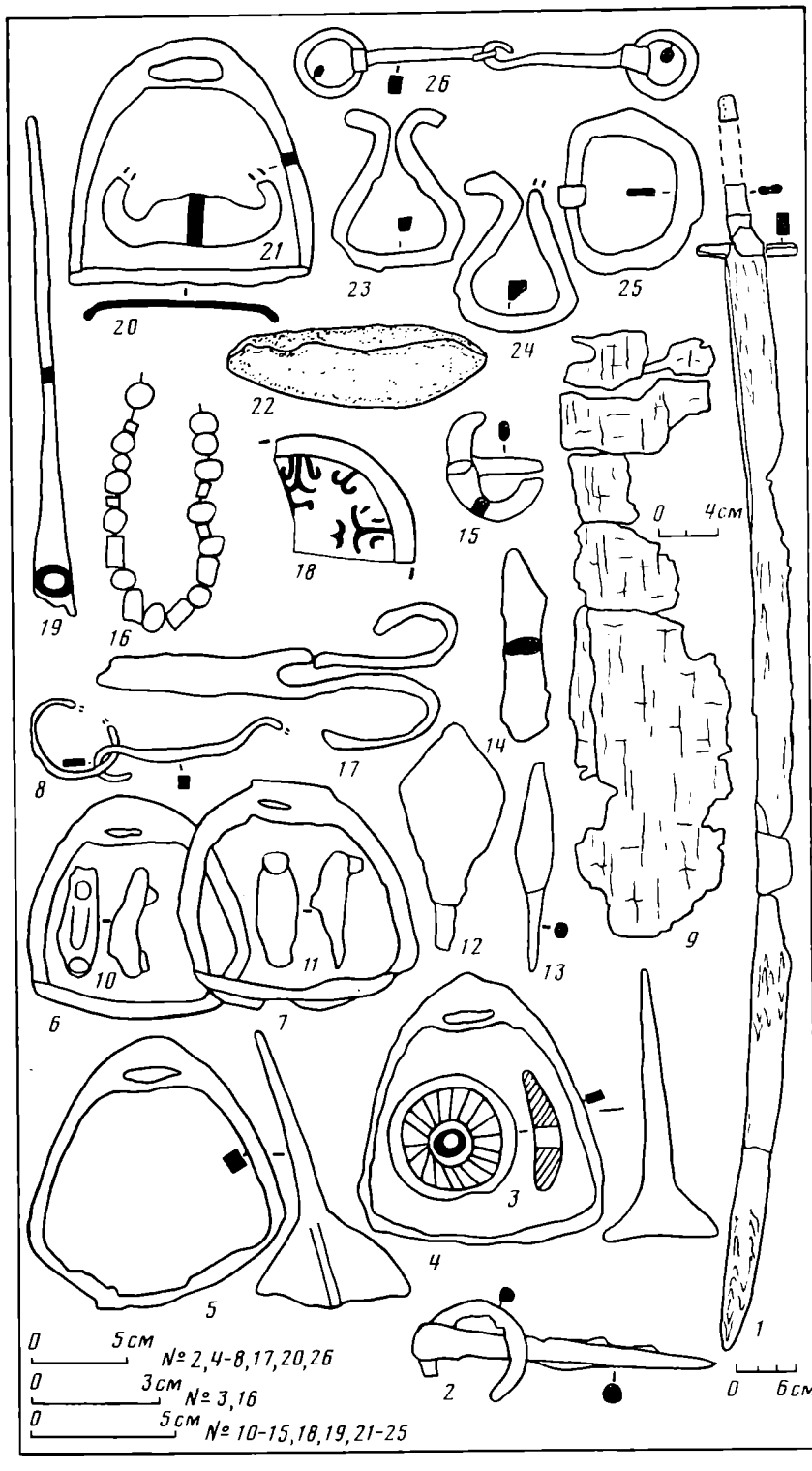


Рис. 3. Инвентарь из погребений кочевников. *1–3* – Ольховатка; *4–18* – могильник Лесное: *6*, *7* – кург. 1; *4*, *5*, *8* – кург. 2; *9–15* – кург. 3; *16* – кург. 4; *17*, *18* – кург. 5; *19–26* – Марки

расплющенной верхней частью дужки (рис. 3, *6*, *7*). Высота стремян – 12,5, ширина – 12 см. По классификации С. А. Плетневой, стремена относятся к типу Д-III (возможно, и к Д-II) [13, с. 15]. Подобные стремена применялись в XII – начале XIII в. [13, с. 18].

Курган 2. Диаметр – 10, высота – 0,65 м. Поверхность ровная, сферическая. В северо-западном секторе на глубине 0,37 м отмечено зольное пятно с угольками диаметром 0,5 м (рис. 4, *II*). В северо-восточном секторе в насыпи найдено ребро и кость животного (барана?), здесь же

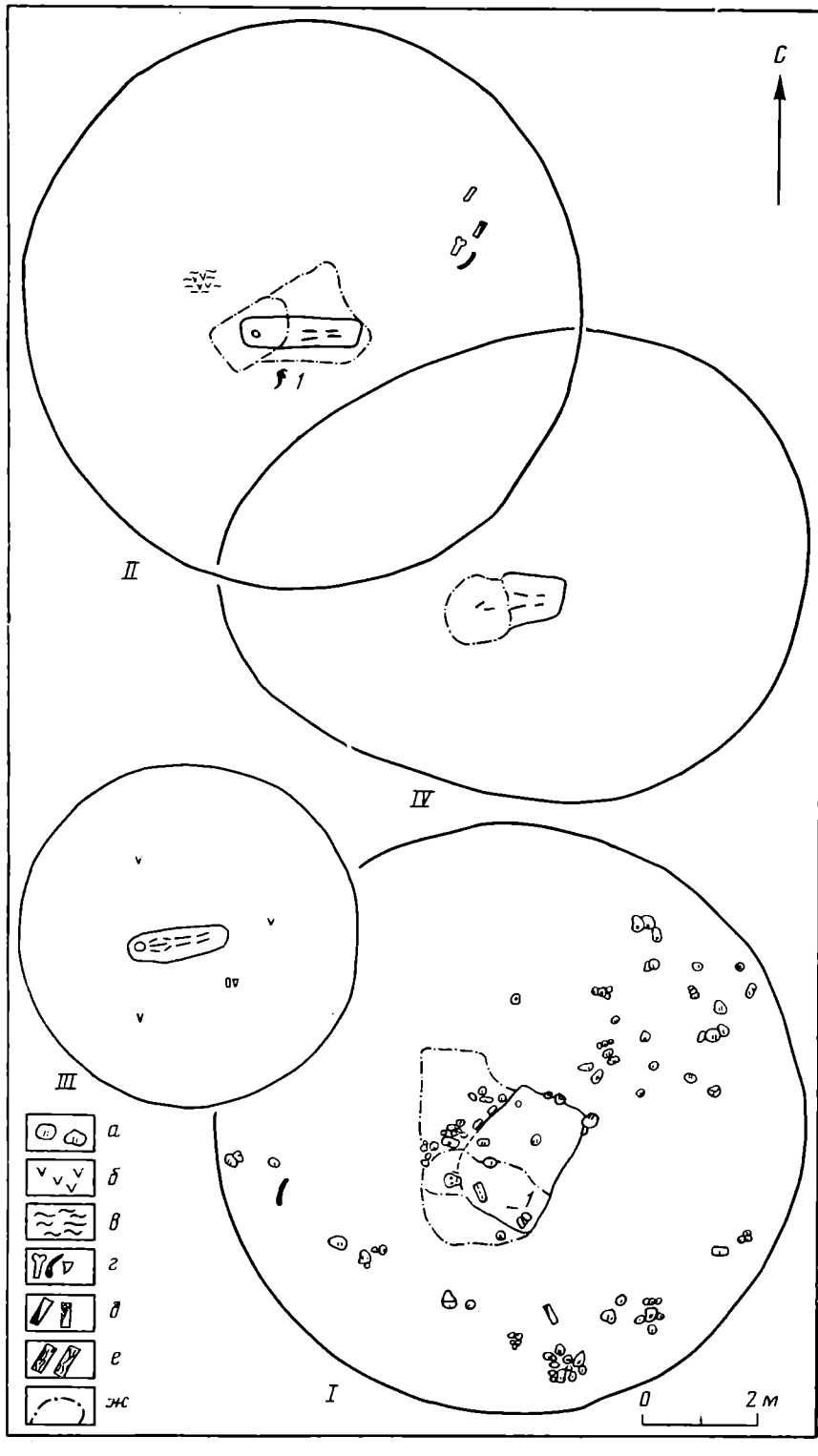


Рис. 4. Могильник Лесное. Планы курганов. *а* – камни; *б* – уголь; *в* – зола, *г* – кости животных, *д* – обожженные деревянные плашки; *е* – деревянные плашки. *ж* – контуры перекопа. *I* – курган 1: *1* – стремена; *II* – курган 2: *1* – удила; *III* – курган 3; *IV* – курган 5

встречены остатки дерева. В юго-западном секторе на глубине 0,83 м, в 1,25 м к югу от центра кургана найдено звено железных коленчатых удил длиной 10 см с трензельным кольцом диаметром 4,5 см (рис. 3, *8*).

Могильная яма находилась в центре кургана, западная ее часть разрушена грабительским шурфом. Она имела прямоугольную форму размером 2,1×0,5 м, глубина ее от уровня погребенной почвы — около 1,2 м

(рис. 2, *IV*). Возможно, с южной стороны могильной ямы была приступка шириной 0,25, высотой 0,15 м.

Погребенный (мужчина) лежал вытянуто на спине, головой на запад, на подстилке из коры. Справа от голени находилось железное стремя, второе найдено в заполнении ямы. Стремена имели арочную форму с расплющенной заостренной верхней частью дужки (тип Д-IV, по классификации С. А. Плетневой [13, с. 15]). Размеры одного из них: высота — 14,5 см, ширина — 12,5, ширина подножки — 6 см, другого — соответственно 14,5; 14 и 7 см (рис. 3, *4, 5*).

Курган 3. Диаметр — 6, высота — 0,2 м. В насыпи встречены отдельные угольки и зубы лошади (рис. 4, *III*). Погребение совершено в узкой вытянутой яме, с закругленными углами, размером 1,7×0,56 м, ориентированной по линии запад — юго-запад — восток — северо-восток. Глубина ямы от уровня погребенной почвы — 0,42 м. В заполнении западной части могилы встречена кость лошади.

Погребенный (мужчина) лежал на дне ямы, вытянуто на спине, на подстилке из коры, головой на запад — юго-запад (рис. 2, *V*). Правая рука чуть согнута в локте, кисти — на тазовых костях. На правом бедре погребенного найдены остатки берестяного колчана прямоугольной формы, его длина — 0,42, ширина — 0,11 м (рис. 3, *9*). К креплению колчана относятся, вероятно, обломок железного кольца диаметром 3,5 см и обломок овальной пряжки диаметром 3,5 см, найденный выше колчана на тазе (рис. 3, *15*). В самом колчане обнаружено три стрелы, от которых сохранились обломки древков и два железных черешковых наконечника стрел, положенные в колчан остриями вверх. Один из них имеет листовидную форму, его длина — 7,5 см (рис. 3, *13*), второй — ромбической формы, длиной 8 см, ширина пера — 3,8 см (рис. 3, *12*). В области таза находились два железных предмета, напоминающих по форме крючки (рис. 3, *10, 11*), а также обломки двух железных предметов продолговатой формы. Под лучевой костью правой руки найден железный нож плохой сохранности, длиной 7, шириной 1,5 см (рис. 3, *14*).

Наконечники стрел, аналогичные одному из найденных в погребении (рис. 3, *12*), известны среди типичных монгольских наконечников [17, рис. 1, *8*]. Однако они встречаются и в более раннее время [18, рис. 17, *10, 14*].

Курган 4. Диаметр — 12, высота — 0,3 м. Форма сферическая. Погребение ограблено. Грабительский шурф полностью разрушил могильную яму. В заполнении шурфа найдено несколько костей человеческого скелета. В юго-восточной части шурфа на дне сохранилось несколько обломков черепа, под которыми найдена 21 бусина: 9 шаровидных стеклянных, позолоченных, 4 крупных шаровидных, сделанных из мела, 5 мелких из мела, 3 неопределенной неровной формы, изготовленных, видимо, из коралла (рис. 3, *16*).

Курган 5. Курган имел сферическую форму, в плане вытянут с запада на восток — 10×8 м, высота 0,4 м (рис. 4, *IV*). Грабительский шурф разрушил западную часть могильной ямы, находившейся в центре кургана, а также верхнюю часть скелета. Судя по сохранившейся восточной части, могильная яма была вытянута по линии запад-восток с незначительным отклонением к юго-западу. Вероятная длина ямы — 2 м, ширина — 0,9, глубина от уровня погребенной почвы — 0,82 м (рис. 2, *VI*).

В ненарушенном положении сохранились кости ног погребенного, который, вероятно, лежал в вытянутом положении, на спине, на подстилке из коры, головой на запад. Около правой бедренной кости найдены железные шарнирные ножницы длиной 19 см (рис. 3, *17*), между колен — обломок серебряного (?) зеркала диаметром 8 см, украшенного по обратной стороне рельефным орнаментом (рис. 3, *18*). В погребении поздних кочевников зеркала появляются не ранее XII в. [11, с. 217].

По инвентарю могильник можно отнести к XII — началу XIII в. Погребальный обряд могильника имеет смешанный характер: в нем есть половецкие черты (применение камня в сооружении курганной насыпи), печенежско-торческие (западная ориентировка), присутствие в могилах

органической подстилки встречалось в ямных погребениях салтово-маяцкой культуры [11, с. 70]. Исследователи отмечали, что основная масса кочевнических погребений в половецкий период имела смешанный печенежско-торко-половецкий характер [11, с. 218, 219].

9. Село Марки Каменского р-на Воронежской обл. Погребение было основным в кургане, исследованном А. Я. Кожевниковым в 1872 г. По описанию А. А. Спицына, погребенный лежал в неглубокой яме вытянуто на спине, головой на запад. Около головы находилось копье, на тазовых костях — огниво, кремень и лопата, в ногах — остатки седла, удила и стремена. В погребении найдена серебряная золотоордынская монета 1363 г. [19, с. 137]. Г. А. Федоров-Давыдов уточнил время чеканки монеты: Науруз, Гюлистан, 763 г. х. (1361—1362 гг.) [9, с. 264].

В ГИМе из этого комплекса хранят следующие вещи[6]: железное стремя арочной формы, с уплощенной в верхней части дужкой, высота стремени — 13 см, ширина — 13, ширина подножки овальной формы — 10 см (рис. 3, *20*); коленчатые удила длиной 16 см, с трензельными кольцами диаметром 3,5 см (рис. 3, *26*); кресало, видимо, калачевидной формы, длиной 6, толщиной 0,4 см (рис. 3, *21*); овальная пряжка длиной 5,5, шириной 5 см (рис. 3, *25*); втульчатый наконечник копья длиной 17,5 см, четырехугольный в сечении (рис. 3, *19*); модель котла из бронзового листа диаметром 8,5—9,5, высотой 2 см (рис. 4, *22*); две железные скобы[7] (рис. 3, *23, 24*); обломок деревянного бруска длиной 10,5, шириной 2,5 см, треугольного в сечении.

Погребение, видимо, оставлено половцами, продолжавшими кочевать в Подонье в золотоордынский период [21, с. 136, 137].

10. Хут. Шемякинский Новохоперского р-на Воронежской обл. В начале 90-х годов XIX в. были раскопаны два кургана у хут. Шемякинского. Материалы раскопок не сохранились. По описанию С. Е. Зверева, в одном из курганов обнаружен свод из камней, под которым на земле стоял деревянный гроб [22, с. 165]. Погребенный ориентирован на восток. Курганные насыпи были сооружены с применением камня. В курганах найдены бронзовые серьги, кольца, наконечник копья, бараньи кости в разбитых кувшинчиках, бусы. По описанию А. А. Спицына, каменный свод и деревянный гроб были и во втором кургане [19, с. 138].

11. Село Новый Буравль (Сафоновка) Бобровского р-на Воронежской обл. Погребение находилось в небольшом кургане, раскопанном М. П. Труновым в начале XX в. [23]. Материалы раскопок не сохранились. При исследовании кургана обнаружены следы тонких жердей, перекрывавших могилу. На глубине 0,35 м встречены толстые бревна с железными скобами. Еще через 0,35 м обнаружен погребенный, лежавший между двумя досками, головой на северо-запад, кости рук и ног не сохранились. На глине, покрывавшей череп, были заметны следы золотистой сетки от материи, накрывавшей всю верхнюю часть погребенного. Под черепом, видимо, такая же материя была сложена в несколько слоев в виде подушки. Справа от головы найдены серьга из золотой проволоки в форме двух колец и фрагмент кости в виде клыка длиной 3 см. Около правой плечевой кости находилась железная пряжка и кусочек согнутой, тонкой, плоской проволоки. На груди погребенного лежала опрокинутая чашка из белого металла с примесью меди, покрытая куском парчи на подкладке. Справа у ног найден медный кованый котел, в нем — два фрагмента от металлического предмета. Около бревен, окружавших могилу, кроме железных скобок обнаружены несколько обрывков проволоки, видимо золотой [23, с. 41]. Возможно, погребение относится к золотоордынскому периоду и связано с двумя золотоордынскими мечетями, расположенными в 8 км от с. Новый Буравль [24].

Рассмотренные выше кочевнические погребения делятся на три хронологические группы: 1) погребения X—XI вв. (Букановская, Никольев-

[6] ГИМ, инв. № 105/43*б*.

[7] Аналогичный предмет найден в кург. 18 Ждановского могильника X—XII вв. в Павлодарском Прииртышье. Ф. Х. Арсланова называет этот предмет подпружной пряжкой [20, рис. 157, с. 110].

ка); 2) погребения XII — начала XIII в. (Ольховатка, мог. Лесное); 3) погребения золотоордынского периода (Марки, Новый Буравль).

Приведенные материалы согласуются с выводами исследователей [9, 25, 26] о том, что во второй половине X—XI в. на территории Среднего Подонья кочевали печенеги и торки; в XII — начале XIII в. этот район прочно входит в зону кочевания половцев, среди которых, видимо, оставалась какая-то часть печенежско-торческого населения, о чем может свидетельствовать смешанный погребальный обряд мог. Лесное. Следует отметить, что существование кочевий половцев в бассейне рек Ворона и Хопер, где находится мог. Лесное, подтверждается свидетельствами письменных источников. В этот район были направлены походы рязанских князей против половцев. Под 1150 г. в Никоновской летописи сообщается, что «в Рязани на Великой Вороне побиша Половцев» [27, с. 184]. В. Н. Татищев более подробно описывает это событие: «Того же году приходили половцы на пределы Резанские. Князи же резанские, собрав войска, пошли на них и, догнав на реке Большой Вороне, многих половцев побили и в полон взяли» [28, с. 26]. Под 1177 г. Никоновская летопись сообщает, что князь Роман Глебович Рязанский «изби много Половец» [29, с. 6]. В. Н. Татищев описывает это событие под 1178 г., указывая, что встреча с половцами произошла на р. Большая Ворона [30, с. 293]. По мнению П. Н. Черменского, Великая (Большая) Ворона — это древнерусское название р. Хопер [31, с. 14]. В среднем течении этой реки отмечено также скопление каменных половецких изваяний [1, с. 109].

К периоду второй половины XIII—XIV в. на территории Среднего Подонья относятся как собственно золотоордынские памятники [24], так и половецкие погребения (Марок, Караяшник, Новомеловатка) [7, 8]. Это свидетельствует о том, что половцы продолжали кочевать в этом районе и в золотоордынское время.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Плетнева С. А.* Половецкие каменные изваяния.— САИ, 1974, вып. Е4-2.
2. *Шоков А. Ф.* К половецким древностям на Дону.— Изв. ВГПИ, 1960, т. 31.
3. *Шоков А. Ф.* Половецкие памятники Подонья.— Изв. ВГПИ, 1964, т. 45.
4. *Шоков А. Ф.* Каменное изваяние на кургане (к половецким памятникам Подонья).— Изв. ВГПИ, 1967, т. 84.
5. *Кирпичников А. Н.* Снаряжение всадника и верхового коня на Руси IX—XIII вв.— САИ, 1973, вып. Е1-36.
6. ОАК за 1905 г. СПб., 1908.
7. *Матвеев Ю. П., Медведев А. П.* Курганы у с. Караяшник на территории Воронежской области.— В кн.: Археология Восточно-европейской лесостепи. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1979.
8. *Погорелов В. И.* Разведки по р. Толучеевке.— АО — 1980. М., 1981.
9. *Федоров-Давыдов Г. А.* Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М.: Изд-во МГУ, 1966.
10. *Гуляев В. И.* Отчет о работе за полевой сезон 1967 года разведгруппы Воронежской лесостепной экспедиции.— Архив ИА АН СССР, р-1, № 3492.
11. Степи Евразии в эпоху средневековья. Археология СССР. М.: Наука, 1981.
12. *Хреков А. А.* Отчет археологической экспедиции Балашовского музея краеведения за 1978 г. по раскопкам у с. Никольевка и с. Хоперское Балашовского р-на Саратовской области.— Архив ИА АН СССР, р-1, № 7150.
13. *Плетнева С. А.* Древности Черных Клобуков.— САИ, 1973, вып. Е1-19.
14. *Хреков А. А.* Исследования на Хопре.— АО — 1980. М., 1981.
15. *Матвеев Ю. П.* Отчет к открытому листу № 335 о раскопках курганов у пос. Ольховатка Ольховатского р-на Воронежской области в 1976 г.— Архив ИА АН СССР, р-1, № 6866.
16. Отчет Воронежской лесостепной экспедиции за 1967 год.— Архив ИА АН СССР, р-1, № 3492.
17. *Медведев А. Ф.* Татаро-монгольские наконечники стрел в Восточной Европе.— СА, 1966, № 2.
18. *Плетнева С. А.* Кочевнический могильник близ Саркела-Белой Вежи.— МИА, 1963, № 109.
19. *Спицын А. А.* Обозрение некоторых губерний и областей России в археологическом отношении.— ЗРАО, 1896, т. VIII, вып. 1—2, нов. сер.
20. *Арсланова Ф. Х.* Памятники Павлодарского Прииртышья (VII—XII вв.).— В кн.: Новое в археологии Казахстана. Алма-Ата: Наука, 1968.

21. *Плетнева С. А.* Половецкие погребения в урочище Каменная Балка.— В кн.: Археологические раскопки на Дону. Ростов н/Д, 1962.
22. *Зверев С. Е.* Воронежские древности.— В кн.: Памятная книжка Воронежской губернии за 1893 год. Воронеж, 1893.
23. *Трунов М. П.* Раскопки в Бобровском уезде.— Тр. Воронежской ученой архивной комиссии, 1902, вып. 1.
24. *Левашева В. П.* Золотоордынские памятники в Воронежской области.— Тр. ГИМ, 1960, вып. 37.
25. *Плетнева С. А.* Печенеги, торки и половцы в южнорусских степях.— МИА, 1958, № 62.
26. *Плетнева С. А.* Половецкая земля.— В кн.: Древнерусские княжества X—XIII вв. М.: Наука, 1975.
27. Никоновская летопись.— ПСРЛ. 1965, т. IX.
28. *Татищев В. Н.* История Российская. Т. 3. М.— Л.: Наука, 1964.
29. Никоновская летопись.— ПСРЛ. 1965, т. X.
30. *Татищев В. Н.* История Российская. Т. 4. М.— Л.: Наука, 1964.
31. *Черменский П. Н.* Два спорных вопроса топонимики древней Рязанщины.— В кн.: Археографический ежегодник за 1959 год. М.: Изд-во АН СССР, 1960.

Вл. В. СЕДОВ

ЦЕРКОВЬ НИКИТЫ ГУСЯТНИКА XV В. В ПСКОВЕ

Для истории псковского зодчества важное значение имеет церковь Никиты Гусятника, разрушенная немецко-фашистскими захватчиками в 1944 г. [1, с. 157, 162] — рис. 1. В Государственном научно-исследовательском музее архитектуры им. А. В. Щусева сохранились обмерные чертежи, негативы и уникальные фотографии этого памятника [1], позволяющие заново обратиться к изучению его архитектурных особенностей. Детальное архитектурно-археологическое изучение церкви не проводилось, а обмерные чертежи были опубликованы лишь частично [2, с. 76].

Первым известием о церкви Никиты является сообщение о строительстве каменного храма в Третьей Псковской летописи: «В лето 6978 (1470)... Того же лета заложи церковь каменоу в монастыри святыи Никитеи» [3, с. 171]. В тот же год строительство было завершено: «...того же лета свершиша церковь в монастыри святого Никитья, а взяша мастери дела своего мздоу 20 рублей серебром» [3, с. 171].

Никитский «с Поля» монастырь неоднократно упоминается в писцовых книгах и документах XVI—XVII вв. [4, с. 126, 190, 289; 5, с. 152]. Монастырь был мужским [6, с. 296], видимо, довольно бедным — в XVII в. он имел 5—11 дворов [7, с. 90]. В 1764 г. Никитский монастырь был упразднен, церковь сделана приходской [8, с. 212]. Н. Ф. Окулич-Казарин отмечает, что народное название храма — «Никиты Гусятника» связано с днем отлета гусей, который приходится на празднование св. Никиты — 15 сентября [9, с. 282].

Монастырь находился в 800—1000 м к югу от Покровской башни Окольного города Пскова, на правом берегу р. Великая, вне посада [10, с. 437].

Церковь Никиты упоминается уже в исследованиях Е. Болховитинова [11, с. 127], Н. Н. Василева [6, с. 280, 296]. Н. Ф. Окулича-Казарина [9, с. 282, 283], К. К. Романова [12, с. 215]. Краткое известие об архитектуре церкви дает Ю. П. Спегальский в статье, посвященной утраченным памятникам Пскова [1, с. 162]. Н. И. Брунов отмечает церковь Никиты как наиболее ранний бесстолпный храм Пскова, связывая его перекрытия с домонгольскими или южнославянскими традициями [13, с. 33—34].

В плане храм Никиты Гусятника представлял немного вытянутый по оси восток — запад главный объем (внешние размеры 7,5×6,7, внутренние 5,7×4,8) с небольшой подковообразной абсидой с востока (вынос абсиды 2,4, высота 3,6 м) — рис. 2. С запада к церкви примыкал вытя-

[1] ГНИМА, PV, № 1322—1330, 1340—1341; фототека, колл. II, № 1053, колл. V, № 13729, 16920—16921, колл. VIII, № 20863.

Рис. 1. Фото церкви Никиты Гусятника. Вид с юго-востока. Фотография 1910-х гг.

нутый притвор (8,60×6,70 м), на западном фасаде стояла трехпролетная звонница. Храм имел небольшую высоту — 6,40 м до карниза, высота с барабаном — 9,34 м. Стены церкви, сложенные из местного плитняка, имели ширину 0,90—1,10 м. Основной объем храма был перекрыт двумя цилиндрическими сводами с направлением щелыги по оси восток — запад (высота щелыги сводов — 6,14 м) с оставленным промежутком, перекрытым с каждой стороны двумя ступенчатыми арками (высота ступени 0.40 м). На оставленный промежуток был поставлен световой барабан. Подобная конструкция позднее часто встречается в псковской архитектуре (церковь Покрова и Рождества «в Углу» XIV—XVI вв.; церковь в с. Пустое Воскресенье 1496 г., северный придел церкви Богоявления с Запсковья 1496, 1538 гг. и т. д.). Однако в храме Никиты Гусятника есть одна необычная черта: на продольных стенах были расположены внутренние лопатки, по две на каждой стене. Ширина их 1,00, вынос —0,07—0,09 м. Внутренние лопатки доходили до пят цилиндрических сводов и сливались с ними. Восточная пара лопаток не совсем совпадала с подкупольным пространством и сливалась со сводом, немного отступая от основания ступенчатых арок. Восточные внутренние лопатки сильно разрушены поздними оконными проемами, в некоторых местах распилены.

В восточной стене основного объема находилась арка в абсиду (высота 3,60 м), перекрытую полукупольным сводом. Ко времени разрушения храма сохранялись деревянные связи в арке восточной стены и в основании восточного цилиндрического свода. Паперть храма была перекрыта двумя цилиндрическими сводами на разных уровнях (в западной части, где размещалась небольшая палатка, свод ниже).

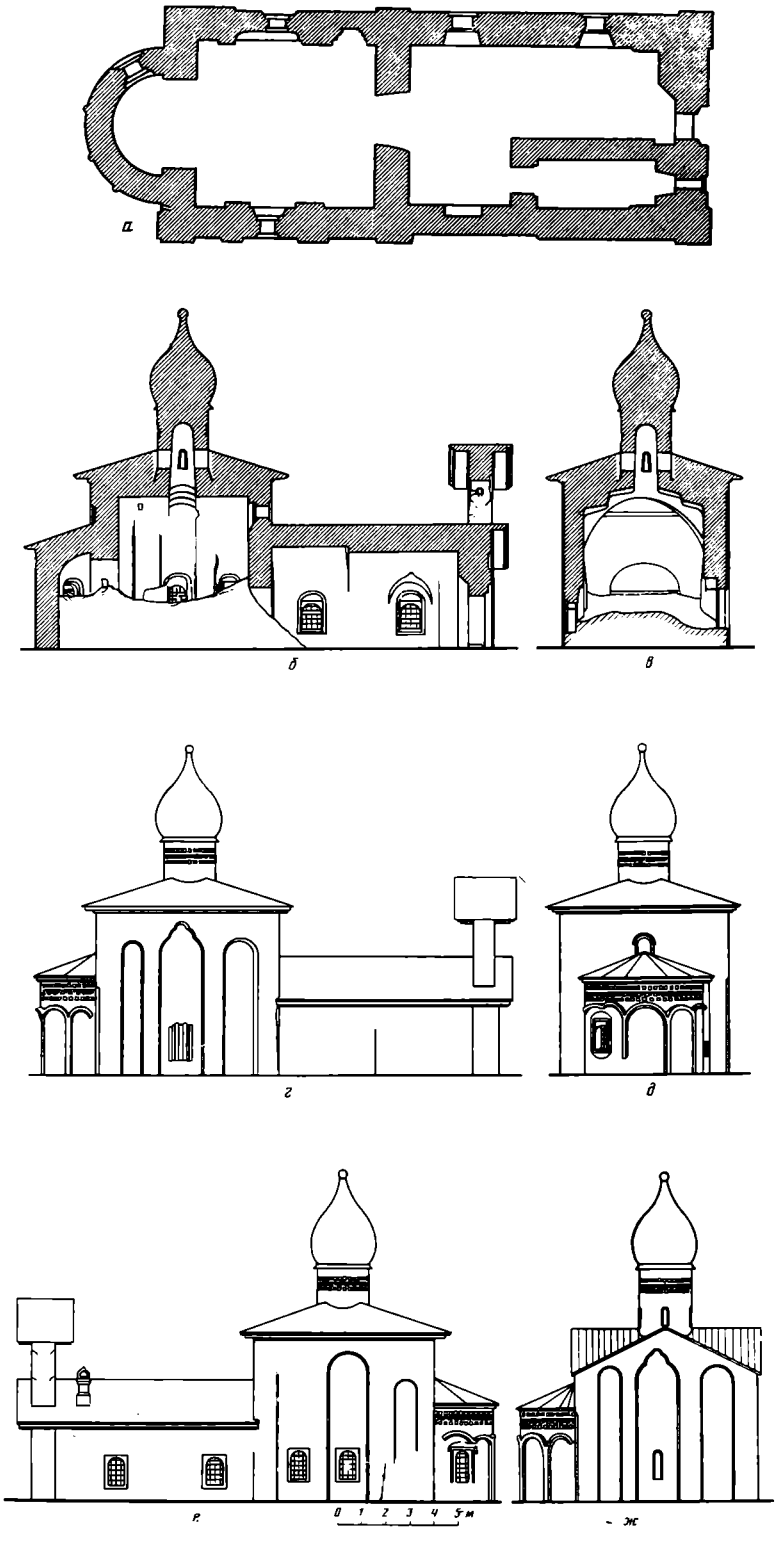


Рис. 2. Церковь Никиты Гусятника. *а* — план; *б, в* — разрезы; *г, д, е* — фасады; *ж* — реконструкция

Оконные проемы храма были в основном растесаны, непотревоженными сохранились лишь окна жертвенника, барабана и оконный проем в западной стене, в люнете свода. Окна жертвенника и барабана имели щелевидную форму. Западное окно имело расширение внутрь храма и прямоугольную, вероятно, позднюю форму на фасаде. Остальные оконные проемы имели характерную форму XVII—XVIII вв.— крупный арочный проем, забранный решеткой, обрамленный прямоугольной рамкой. Двер-

ной проем в западной стене основного объема также переделан в позднее время. Позднейшим переделкам подвергалось и завершение храма: памятник получил четырехскатное покрытие. В результате были закрыты окна светового барабана, а сам барабан увенчан луковичной главкой.

Фасады церкви имели следы первоначального покрытия: трехчастное членение на прясла, разделенные лопатками (ширина 0,74—0,80, вынос 0,10—0,11 м). Западные прясла северного и южного фасадов имели несколько бо́льшую ширину. На северном фасаде среднее прясло имело пятилопастную форму завершения. Боковые прясла завершались полукружиями. Подобную форму фасада имел, по-видимому, придел церкви Василия на Горке — единственный памятник, где встречаются полукруглые завершения боковых прясел. На фотографиях северного фасада, сделанных в начале XX в., видны очертания треугольного фронтона, предполагающего восьмискатное покрытие. Южный фасад имел только полукруглые завершения прясел. На западном фасаде не сохранилось никаких остатков архитектурных членений, восточный имел лишь полукруглую нишу в два уступа над абсидой (возможно, ниша для иконы).

Декоративное убранство храма характерно для псковской архитектуры — это пояски из двух рядов поребрика и расположенного между ними ряда «бегунка» в верхней части абсиды и барабана. Необычным является украшение абсиды валиковыми разводами, практически не встречающееся в отдельно стоящих бесстолпных храмах Пскова (исключением является церковь Успения в Гдовском Кремле XVI в., абсида которой украшена валиковыми разводами). Аналогичное решение декора абсид встречается в приделах псковских церквей: Богоявления на Запсковье (1496, 1538 гг.), [14, с. 117], Троицы в Доможирке (XVI в.) [15, с. 8, 9] и церкви Анастасии Римлянки (XV—XVI вв.). В этих придельных храмах декорация абсиды, несомненно, подражает декорации абсиды основного храма. В церкви Никиты Гусятника декорация крестово-купольного храма также переносится на абсиду бесстолпного храмика. На примере этого раннего храма мы видим, что создание бесстолпной конструкции не отразилось на внешнем облике здания. Своим восьмискатным покрытием по фронтонам, декоративным убранством храм Никиты не отличается от крестово-купольных памятников псковской школы. Архитектурное решение притвора несколько необычно для бесстолпных храмов: с запада притвор имел треугольный фронтон над пятилопастной аркой с поставленной над ним трехпролетной звонницей на характерных скругленных столбах (рис. 3). Своды притвора были сооружены, вероятно, в XVII—XVIII вв. Об этом говорят распалубки над окнами, очертания дверных проемов, перепад высоты сводов. Стены и звонница по своему характеру и архитектурным деталям одновременны храму.

Подобное решение притвора не встречается в бесстолпных храмах. Наиболее ранним сохранившимся примером декорированного лопастными арками притвора является притвор церкви Богоявления с Запсковья (1496 г.). Таким образом, притвор церкви Никиты является одним из первых памятников с подобной декорацией.

Простая звонница в три пролета с арочными уступами над проемами звона была ранее перекрыта тремя щипцами, как и другие псковские звонницы. Постановка звонницы над стеной притвора в церкви Никиты — также наиболее ранний пример данной композиции. Как видим, в композиционном решении и декорации исследуемого храма проявилось сознательное стремление зодчих к подражанию крестово-купольным церквям. Хотя наиболее близкими по времени сооружения и некоторым архитектурным особенностям аналогиями церкви Никиты Гусятника являются, как уже сказано, церковь в с. Пустое Воскресенье (1496 г.), придел церкви Богоявления с Запсковья (1496, 1538 гг.) церковь Покрова «в Углу» (XIV—XVI вв.), объяснение конструктивных особенностей рассматриваемого храма следует искать в более ранних памятниках. Лишь в церквях Покрова, Рождества «в Углу» и Николы в Печерском монастыре мы встречаем цилиндрические своды, не поднимающиеся ступенчато (в один уступ) к подкупольному пространству (уступчатое пово

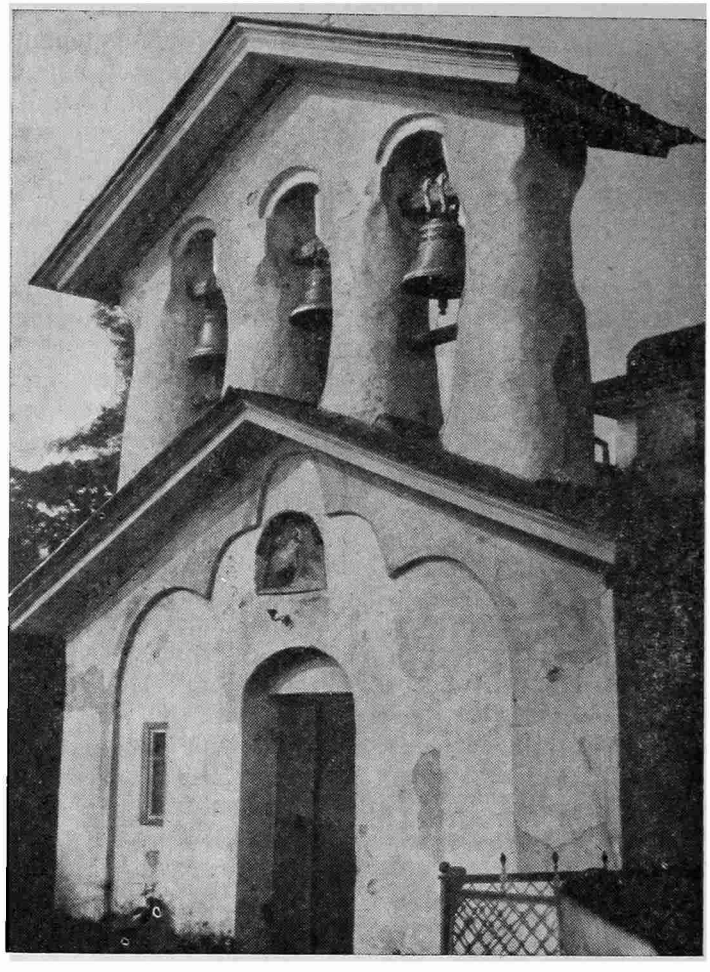


Рис. 3. Фото звонницы церкви Никиты Гусятника. Вид с юго-запада. Фотография 1910-х гг.

шение сводов к подкупольному пространству характерно для большинства памятников).

Для объяснения конструктивных особенностей церкви Никиты следует привлечь материалы археологических раскопок. Наиболее близким по плановому решению к церкви Никиты является храм Федора Стратилата, открытый раскопками В. Д. Белецкого в 1968 г. [16, с. 29—31], построенный в 1385 г. [17, с. 24]. Это была более крупная постройка, чем храм Никиты (внешние размеры: 9×7,7, внутренние: 6,60×5.20, вынос абсиды — 2 м). На южной стене храма обнаружены три лопатки (две из них расположены рядом и составляют как бы одну, возможно паз для алтарной преграды) шириной 0,5—0,6 при выносе 0,10—0,11 м. На северной стене лопатки не сохранились. Вероятно, храм Федора Стратилата имел завершение, подобное перекрытию храма Никиты 1470 г.

В связи с реконструкцией храмов данного типа важно высказывание Н. И. Брунова. Исследователь считает, что завершение церкви Никиты является следствием переделки перекрытия. В доказательство этого Н. И. Брунов утверждает, что «лопатки на внутренних стенах не соответствует сводам» [13, с. 34, примеч.]. Он предполагает, что ранее памятник был перекрыт цилиндрическим сводом на двух подпружных арках. «Возможно,— добавляет исследователь,— первоначально существовал и световой барабан» [13, с. 34]. Подобное перекрытие характерно для ряда церквей Болгарии XII—XIV вв. Однако в Древней Руси в XIII—XV вв. такая конструкция неизвестна. В южном приделе церкви Михаила Архангела подкупольное пространство образовано двумя арками на консолях, но эти арки являются как бы отрезками цилиндрического свода, к которым с запада и востока примыкают полуцилиндрические своды.

Такой прием ближе к существовавшему перекрытию церкви Никиты, чем предложенный Н. И. Бруновым. Можно предположить, что внутренние лопатки церкви Никиты, сливаясь с полуциркульными сводами, принимали распор от их краев, на которые приходилось наибольшее давление ступенчатых арок под барабаном. Подобная передача напряжения могла быть осуществлена и без подпружных арок. Такое объяснение косвенно подтверждается наличием лопаток в церкви Федора Стратилата, которая, как нам известно по изображению XVII в., также имела световой барабан [18, с. 149, рис. 7]. Расположение лопаток в храмах Федора Стратилата и Никиты Гусятника предполагает не квадратное пространство для установки барабана на поперечных подпружных арках, а прямоугольное, вытянутое по оси север — юг, т. е. пространство, перекрываемое, как в церкви Никиты, ступенчатыми арками.

Таким образом, храм Никиты Гусятника являлся наиболее ранним, полностью сохранившимся памятником псковской бесстолпной конструкции. Вероятно, перекрытие с использованием внутренних лопаток и цилиндрического свода было наиболее ранним среди многочисленных вариантов бесстолпных конструкций. Возникновение этого типа храма на основании близости к церкви Федора Стратилата можно отнести ко второй половине XIV в. Особенности композиционного и декоративного решения церкви Никиты позволяют говорить о сознательном стремлении воспроизвести в бесстолпной постройке внешний облик крестово-купольного храма. Подобная тенденция дает возможность объяснить архитектурное решение более поздних памятников псковской бесстолпной архитектуры. Дальнейшее развитие небольших монастырских и придельных церквей является разработкой решений, примененных в церкви Никиты Гусятника.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Спегальский Ю. П.* Памятники зодчества в Пскове.— В кн.: Памятники искусства, разрушенные немецкими захватчиками в СССР. М.— Л.: Изд-во АН СССР, 1948.
2. История русской архитектуры. М.: Госстройиздат, 1956.
3. Псковские летописи. Вып. 2. М.: Изд-во АН СССР, 1955.
4. Сб. МАМЮ, 1913, т. 5.
5. Сб. МАМЮ, 1914, т. 6.
6. *Василев И. И.* Археологический указатель г. Пскова и его окрестностей.— ЗРАО, 1898, т. X.
7. *Водарский Я. Е.* Церковные организации и их крепостные крестьяне во второй половине XVII — начале XVIII в.— В кн.: Историческая география России. XII — начало XX в. М.: Наука, 1975.
8. *Зверинский В. В.* Материал для историко-топографического исследования о православных монастырях Российской империи. Т. II. Монастыри по штатам. СПб., 1892.
9. *Окулич-Казарин.* Спутник по древнему Пскову. Псков, 1913.
10. *Лабутина И. К.* Историческая топография Пскова XIV—XV вв. Канд. дис. М.: ИА АН СССР, 1971.— Архив ИА АН СССР, р-2, № 2079.
11. *Болховитинов Е.* История княжества Псковского. Т. III. Киев, 1831.
12. *Романов К. К.* Псков, Новгород и Москва в их культурно-художественных взаимоотношениях.— Изв. РАИМК, 1925, вып. IV.
13. *Брунов Н. И.* О некоторых связях русской архитектуры с зодчеством южных славян.— Архитектурное наследство, 1952, № 2.
14. *Спегальский Ю. П.* Церковь Богоявления с Запсковья.— В кн.: Культура и искусство Древней Руси. Л.: Наука, 1967.
15. *Покрышкин П. П.* Церкви псковского типа XV—XVI столетий по восточному побережью Чудского озера и на р. Нарве.— ИАК, 1907, вып. 22.
16. *Белецкий В. Д.* Два вновь открытых памятника псковского каменного зодчества.— СГЭ, 1971, т. XXXII.
17. Псковские летописи. Вып. 1. М.— Л.: Изд-во АН СССР, 1941.
18. *Белецкий В. Д.* Некоторые данные к атрибуции храма № 1 из раскопок в Пскове в 1959—1963 гг.— АСГЭ, 1974, вып. 16.

Критика и библиография

Три тома альбома-каталога по искусству Белоруссии XII — XVIII вв. Минск, 1980—1984 гг.

Обилие археологических памятников на территории современной Белоруссии показывает, что страна эта издревле была интенсивно заселена [1, 2]. По письменным источникам, уже в домонгольское время здесь образовалось несколько относительно самостоятельных древнерусских раннефеодальных княжений, а в эпоху развитого феодализма, когда страна входила в состав Великого княжества Литовского, а затем Речи Посполитой, образовалось много магнатских родов феодалов, не только эксплуатировавших местное белорусское население, но и способствовавших возникновению очагов общеевропейской культуры. Громадные владения несвижских, клецких и других Радзивиллов, ружанских, деречинских и т. д. Сапегов, с их роскошными замками, дворцами, виллами и костелами, явились средоточием колоссальных коллекций картин, оружия, рыцарского снаряжения, высокохудожественной утвари. Церквам, костелам и монастырям местными феодалами жертвовались не только многочисленные земельные угодья, но и громадные суммы денег, драгоценности и произведения искусства. К сожалению, постоянные войны, которые велись на территории Белоруссии, не способствовали сохранению ее художественных богатств. Осталось далеко не многое, но весьма ценное. Собрать все это, зарегистрировать и опубликовать взялась белорусский искусствовед Н. Ф. Высоцкая (в первом томе совместно с Т. А. Карпович), и в результате перед нами три сделанных на строго научной основе и великолепно изданных художественных каталога-альбома [3—5], общим объемом около 90 печатных листов, где в цвете на меловой бумаге офсетным способом печати воспроизведено 504(!) произведения искусства XII—XVIII вв. из Белоруссии. Каждому тому предшествует написанная на пяти языках небольшая вводная часть. Каждому изображению сопутствует подробная аннотация с исчерпывающей библиографией. Рассмотрим эти тома в отдельности.

1. Том, посвященный живописи, начинается фресковой росписью. На 13 таблицах воспроизведены росписи XII в. в Спасо-Евфросиньевском монастыре в Полоцке (табл. 1—3), XVI в. в Супрасльском монастыре (ныне — Польская Народная Республика, табл. 4—6), XVII—XVIII вв. в Гольшанском монастыре Гродненской обл. (табл. 7), росписи иезуитского костела в Несвиже — 1764 г. (табл. 8—10), а также в костелах св. Станислава в Могилеве — 1765 г. (?) (табл. 11), костела св. Тадеуша в Лучае (табл. 12; впервые они воспроизведены нами частично [6, стр. 76]) и, наконец, костела в Будславе — 1783 г. (табл. 13). Раздел икон (табл. 14—108) открывается замечательным Успением XV в. из собрания И. С. Остроухова (Гос. Третьяковская галерея), найденным некогда на колокольне минского собора (тверская школа). Здесь впервые в столь большом объеме перед нами предстают белорусские иконы XVI—XVIII вв., большая часть которых создана белорусскими униатами. Авторы, по-видимому, правы, именуя все эти произведения «белорусской школой». Имея этот прекрасный альбом-каталог, будущий исследователь сможет сопоставить «белорусскую школу» иконописи с русскими школами того времени, с католической живописью и выяснить, какое влияние здесь превалировало. Портретная живопись Белоруссии представлена в этом томе работами, происходящими главным образом из знаменитого собрания портретной галереи в Несвижском замке князей Радзивиллов. Основанная знаменитым просвещенным деятелем этой фамилии интеллектуалом Радзивиллом-Сироткой (1549—1616)

в конце XVI в., она пополнялась его потомками и насчитывала к началу XIX в. свыше 1000 (!) полотен (портреты не только всех представителей фамилии с их семьями, но и всех королей и крупнейших деятелей государства и даже портрет Ивана Грозного — возможно, потому, что он в свое время приглашался на польский трон). Как известно, судьба не пощадила радзивилловских коллекций в Несвиже. В 1813 г. несвижский род Радзивиллов по мужской линии прекратился, замком завладели прусские Радзивиллы, относившиеся к несвижским богатствам, по свидетельству современников, с небрежением [7]. С объединением владений Антона и Леона Радзивиллов в 1874 г. громадный майорат Сиротки XVI в. был восстановлен, замок подремонтировали, на стенах дворца, по свидетельству К. К. Случевского, побывавшего там в 1888 г., по-прежнему висели «значительно поветшавшие картины» (количество не указывалось) [8]. Сильно пострадал Несвижский замок и во время Великой Отечественной войны. Таким образом, очевидно то огромное значение, которое приобретает сводка всего, что осталось от несвижской портретной галереи на территории Белоруссии. В альбоме представлено 55 портретов из разных белорусских собраний, 28 из них происходят из Несвижа (ныне прекрасно отреставрированные, они хранятся в Государственном художественном музее БССР). Самым ранним из них является портрет Юрия Радзивилла, написанный рукой первоклассного мастера (в чем убеждают воспроизведенные здесь детали картины) во второй половине XVI в. (табл. 109—111); самым поздним — портрет последнего польского короля Станислава Августа, написанный Юзефом Ксаверием Гески в 1783 г. (табл. 164). Таково содержание тома, посвященного живописи. Напомним, что большинство произведений искусства, отраженных в нем, публикуются (с очень точным воспроизведением цвета) впервые — в этом огромное значение того гигантского труда, который вложили в него авторы.

Однако данный альбом-каталог, с нашей точки зрения, и не лишен недостатков. Больше всего это относится к древнейшей живописи Белоруссии, представленной фресковой росписью собора Спасо-Евфросиньевского монастыря в Полоцке и отраженной в издании только ... тремя (и не лучшими) воспроизведениями. Надо сказать, что древнейшим домонгольским памятникам Белоруссии катастрофически не везло. Еще недавно там высилось пять храмов, каждый из которых, по имеющимся данным, был расписан фресками: ц. Благовещения в Витебске (начало XII в.), церкви Бориса и Глеба и Параскевы-Пятницы Бельчицкого монастыря в Полоцке (первая половина XII в.), Спасский собор Евфросиньевского монастыря вблизи Полоцка (около 1161 г.) и, наконец, церковь Бориса и Глеба на Коложе в Гродно (конец XII в.). Если не считать фрагментов фресок с остатков стен Полоцкой Софии (XI в.), воспроизведенных частично Н. Кайгородовым [9, табл. между с. 20 и 21], то впервые белорусские фрески стали достоянием науки лишь в 1925 г., когда в популярном журнале (с плохим типографским воспроизведением) Н. Щекотихин издал некоторые фрески гибнущего полоцкого Бельчицкого монастыря [10]. Публикация эта осталась единственной, так как в начале 1930-х годов «Бельчицкие руины» (Н. Н. Воронин) были разобраны. Подобная же судьба ждала и ц. Благовещения в Витебске — в 1961 г. храм был разрушен [11, 12] (а живопись его не была даже расчищена!). Из двух домонгольских церквей, оставшихся в Белоруссии на поверхности, древние росписи сохранила лишь одна — ц. Евфросинии Полоцкой. Понятно то громадное значение, которое приобретает в этой ситуации десяток с небольшим фресок, раскрытых на ее стенах усилиями белорусских реставраторов в последние годы. Однако из всех известных по черно-белым, часто неудовлетворительным публикациям фресок с этого памятника [13] в альбоме, посвященном живописи Белоруссии, мы найдем только три! Изображены: голова святой (с южной стены храма, табл. 1), молящийся святой из святительского чина южной стены алтаря (табл. 2) и Василий Великий (с той же стены, табл. 3). А где же, спросит читатель, изображение лика молодой святой с северо-западного столба, ставшее уже давно знаменитым? Где все другие изображения? Судя по библиографии, можно думать, что в первоначальном варианте альбома все полоцкие фрески, известные сейчас, были помещены. Кто же так неквалифицированно сокращал объем издания за счет самого уникального?!

Обратимся к вопросу о том, к какой школе живописцев можно отнести евфросиниевские фрески. Конечно, для каких-либо утверждений трех публикуемых фресок недостаточно, и, говоря об этом, Н. Ф. Высоцкая учитывает все расчищенные фрески в Евфросиньевском храме. «М. К. Каргер связал их с киевской шко-

лой,— пишет она.— По мысли А. Л. Монгайта, они близки к живописи Антоньева монастыря в Новгороде, и в то же время в фресках есть элементы романского стиля». Далее эта мысль развивается уже самой Н. Ф. Высоцкой: «Возможно, в живописи XII в., как и в архитектуре Белоруссии, складывался процесс становления местных локальных школ, которые базировались на освоении традиций восточноевропейской и западноевропейской культур» [3, с. 5]. Конечно, Н. Ф. Высоцкая высказывает свою мысль предположительно, но на что-то такое предположение должно опираться. Однако, открыв статью А. Л. Монгайта, мы видим, что не только мнение М. К. Каргера опущено, но здесь опущена и вся вторая часть мысли А. Л. Монгайта, который писал: «Судя по особой манере письма и способам разрешения колористических задач, полоцкие фрески очень близки фрескам Антониевого монастыря в Новгороде. Это сходство дало даже повод предположить, что фрески в обоих храмах выполнялись мастерами о д н о й ш к о л ы (разрядка моя.— *Л. А.*)» [14, с. 140]. Если фрески настолько близки, что создается впечатление, что они принадлежат руке одних и тех же мастеров, работавших, следовательно, как в Новгороде, так и в Полоцке, то о каких же локальных школах живописи (даже предположительно) может идти речь? Напомним также, что мнение об одних и тех же мастерах, расписывавших храмы в Новгороде и в Полоцке, было выдвинуто, вопреки утверждению автора, не А. Л. Монгайтом — археологом, а реставраторами, раскрывавшими фрески; А. Л. Монгайт лишь присоединился к их мнению [14, с. 140, сн. 7].

Если фресковые росписи представлены в рассматриваемом альбоме, как нам кажется, недостаточно, то древней иконописи в нем уделено гораздо большее место. Раздел начинается с воспроизведения хорошо известной великолепной иконы Успения Божьей матери XV в. из собрания И. С. Остроухова, хранящейся ныне в Государственной Третьяковской галерее (табл. 14—16). Икона принадлежит к тверской школе иконописцев, найдена была в соборной звоннице г. Минска, почему и попала в данный альбом. Первая икона чисто белорусской школы изображена следом (табл. 17), и датируется она временем Дионисия (конец XV — начало XVI в.). По мнению Н. Ф. Высоцкой, XV—XVI вв.— время, когда заканчивается формирование собственно белорусской художественной школы — иконы начинают выделяться своеобразием. Автор вместе с тем не говорит, известны ли иконы с территории Белоруссии более раннего времени, и у читателя может возникнуть сомнение: дошли ли до нас иконы более раннего времени и, если нет, то не сложилась ли эта школа раньше? Например, в XIV в., когда в литературе впервые появляется термин «Белоруссия». Наиболее характерные черты школы, которую автор называет «белорусской», она видит в иконе св. Параскевии (середина — вторая половина XVI в.) из Слуцкого р-на, но, в чем проявляются здесь эти черты, не указано, и об этом снова нельзя не пожалеть. Рассматривая прекрасные цветные таблицы этого издания далее, мы получаем представление о том, что реалистические тенденции, охватившие иконописцев всей Руси в XVII в., не остались чуждыми и для Белорусских земель. Более всего это можно проследить на иконе Рождества Богоматери из Успенской церкви Могилева (Петра Евсеевича из Голынца 1649 г.), как, впрочем, и на других иконах этого времени (например, Успение из церкви в Кричеве — последняя четверть XVII в.) и т. д. Н. Ф. Высоцкая убедительно показывает, как активно белорусская школа живописи впитывала элементы белорусского народного творчества, и вполне обоснованно приходит к выводу, что «в XVIII столетии, особенно тяжелый для Белоруссии период, иконопись — дань православной традиции — сохранилась как одна из форм борьбы за национальное самоопределение» (с. 13).

Жаль, что в разделе о портретной живописи авторы не воспроизвели великолепных изображений Эльзбиеты Огинской (ум. 1767 г.) и ее мужа Антония Пузины, которые были обнаружены нами в 1970 г. в костеле св. Тадеуша в Лучае и опубликованы в черно-белом варианте [6, с. 78, 79] (ныне хранятся в фондах Витебского краеведческого музея). Эльсбиета Огиньска (прабабка известного композитора Клеофаса Огинского) была просвещенной женщиной, поклонницей наук, основательницей виленской обсерватории.

Из мелких замечаний отметим досадный пробел в библиографии евфросиниевских фресок — отсутствие важной статьи Г. В. Штыхова с хорошим черно-белым воспроизведением пяти изображений, два из которых опубликованы впервые [13, с. 31].

2. Второй том издания посвящен пластике XII—XVIII вв. [4]. Он целиком составлен Н. Ф. Высоцкой. Его три раздела охватывают: мелкую пластику (табл. 2—22), скульптуру, резьбу, лепку (табл. 23—152) и мемориальную пластику (табл. 153—156). За введением, знакомящим с проблемами белорусской пластики, следует раздел, посвященный мелкой пластике. Самой интересной здесь является иконка с изображением Константина и Елены, найденная Г. В. Штыховым при раскопках Полоцка. Ее тончайшая резьба, увеличенная в альбоме почти в 4 раза, не теряет своих художественных достоинств (табл. 16). Уже автор раскопок писал, что предмет сделан русским мастером и видел этому основания в повышенной любви к «узорочью» в изображении одежд, в «очень своеобразной манере передачи складок» и даже в... лицах якобы «русского типа» [14, с. 113, 114]. Для установления местного происхождения иконки Н. Ф. Высоцкая находит и другие доказательства «своего местного, народного»: фигуры Константина и Елены приближены к кресту, введены нимбы и полуциркульные подножия, иные, формы корон, шестиконечный латинский (?) крест заменен восьмиконечным русским, фигуры укорочены, русицизированы лики» [4, текст к табл. 16]. Думается, что автор стоит здесь на том же шатком основании, что и его предшественник Г. В. Штыхов. Если даже отвлечься от такого доказательства, как русицизированные лики (подобные лики можно найти во многих произведениях романского искусства), то все прочие, как нам кажется, также критики не выдерживают. Во-первых, шестиконечный крест вовсе не «латинский», как считает автор. В свое время мы занимались шестиконечной формой крестов и пришли к выводу, что кресты этого типа, «распространенные в древности в Западной Европе и в Древней Руси, в основе своей прочно связываются, по-видимому, с византийской художественной традицией. Они охватывают период VII—X вв., когда их употребление не выходило за пределы Византийской империи, и период второй половины XII и XIII вв., когда они получили распространение в остальных европейских странах» [45, с. 240]. На Руси эту форму имеют кресты Авраамия Ростовского (около 1125 г.), из ризницы Благовещенского собора Московского Кремля (XII в.), крест, изображенный на колте из Черниговского клада 1850 г., воздвизальный крест епископа Антония (ум. 1238 г.) и др. Нужно сказать, что кресты этого типа известны и в Белоруссии — знаменитый крест Евфросинии Полоцкой (около 1161 г.), кресты на Борисовых камнях (XII в.) и т. д. Нужно думать, что все прочие перечисленные признаки местного производства убедительнее прозвучат лишь тогда, когда автор приведет еще и аналогии с территории Белоруссии, на которых будет видно, что фигуры «приближены к кресту» (и т. д.). Думается, что местное производство замечательной иконки Константина и Елены остается все еще недоказанным. Она ждет еще детального и непременно сравнительного изучения, а также и более сильных доводов.

Помимо указанной иконки автор приводит целый ряд изделий из кости, в основном из раскопок белорусских городов: шахматные фигурки, накладки колчанов с тонкой художественной резьбой из Волковыска, Лукомля, Минска (табл. 10—12), великолепный двусторонний гребень XIII в. с изображением какого-то фантастического зверя и с циркульным орнаментом (XIII в., Минск), высокохудожественное костяное навершие парадного кресла (?) из Южной Германии (вторая половина XII — начало XIII в.), найденное в Волковыске, и т. д. Непонятным остается только, почему не включена самая уникальная находка — шесть костяных пластин от одного колчана, сделанная нами в Мстиславле в 1960 г. [16]. Детальный анализ этих высокохудожественных изделий позволил установить тот мир художественных образов, который окружал мстиславльского костереза в XIII в.: удалось доказать, что он прекрасно знал резную кость кочевнических колчанов, знал распространенные в то время западноевропейские орнаментальные мотивы и, что самое главное, смог все это блестяще объединить на шести пластинах колчана [16]. Это изделие интересно еще и потому, что найдено среди обрезков кожи, валяющихся вблизи одной из построек, т. е. обнаружено у самой мастерской, где делались кожаные колчаны! Судя по ссылкам, автор знала нашу публикацию мстиславльских (и других) высокохудожественных пластин (например, из Друцка), но как же вышло, что одна из главнейших древних находок художественной кости из Белоруссии, на которой столько можно «прочесть» и на которой местное производство доказывается с самой большой очевидностью, оставлена без внимания?

Раздел мелкой пластики завершается известной в науке двусторонней иконкой «Премудрость созда себе храм» (лицевая сторона), «Праздники» (обратная), при-

надлежавшая, как указывал еще А. С. Уваров, пинскому князю Федору Ивановичу (1409—1520). Это замечательное произведение искусства, как мы узнаем из рецензированного издания, хранится сейчас в Эрмитаже и теперь варварски распилено вдоль на две половинки, очевидно, для «экспозиционных» целей.

Раздел скульптуры, резьбы и лепки состоит из 127 таблиц (табл. 23—152) и объединяет изображения художественных изделий, связанных с Белоруссией, но часто находящихся в самых различных хранилищах. Огромная заслуга автора, что она все это собрала воедино. Большинство из воспроизводимых здесь изделий вместе с тем выявлено ежегодными экспедициями Государственного художественного музея БССР и реставрированы в Специальных научных реставрационных мастерских Министерства культуры БССР. Здесь и деревянная скульптура конца XVI в. из известного позднеготического костела в Гнезно под Волковыском (1524 г.), и деревянная скульптура из несвижского иезуитского костела конца XVI в., построенного по приглашению Радзивилла-Сиротки Яном Марией Бернардони (1582—1593), и резные двери с их фрагментами из костела в Кременце (1617 г.), и портал дятловского костела (1751 г.), и лепнина сводов Михайловского костела в Новогрудке (1617—1637 гг.) и оттуда же замечательные деревянные скульптуры. Отметим также прекрасное воспроизведение резных католических алтарей из костелов в Волпе (около 1634 г.), в Будславе (1783 г.), в Новой Мыши (XVII в.), автор передает сохранившееся в народе предание, что алтарь этот попал сюда из упраздненного монастыря бенедиктинцев в Несвиже (1590—1596 гг.), что вполне вероятно. Не менее интересна художественная резьба из православных (главным образом униатских) церквей и монастырей Белоруссии — царские врата (1669—1672 гг.) из могилевской Никольской церкви, которые уже давно заслужили почетную известность. Привлекает сюда автор и работу белорусских мастеров в землях Центральной России. Несколько великолепных цветных фотографий передают знаменитую резьбу иконостаса Смоленского собора Новодевичьевого монастыря в Москве, который резали и золотили белорусские мастера в 1683—1686 гг. (Клим Михайлов, Осип Андреев, Степан Зиновьев «с товарищи» — в альбоме почему-то обозначено лишь первое имя, золотчики Дорофей Золотарев «с товарищи») (см. табл. 98—102). Следующая за этими цветная фотография прекрасно воспроизводит изразцы московского «Крутицкого теремка», которые тоже изготовлены были приглашенными в Москву белорусскими мастерами в 1693—1694 гг. Не забыл автор и резные украшения орга́нов (Новая Мышь — 1762 г.; костел в Ружанах — 1788 г.). В целом, этот раздел альбома охватывает огромное количество произведений искусства Белоруссии от конца XIV в. (голова Иисуса Христа с распятия из костела с. Галубичи Витебской обл., выявленного в 1921 г., табл. 23) и до 1788 г. (орган, амвон и консоль хора из Троицкого костела в Ружанах, табл. 150—152). Учитывая обилие этого первоклассного материала, мы были бы не в праве упрекать автора в том, что не все произведения представлены здесь достаточно полно. Так, замечательный алтарь гродненского иезуитского (фарного) костела хотелось бы видеть не в одной иллюстрации (табл. 122), а во многих, где представлены были бы все великолепные его скульптуры, но этот памятник заслуживает, по-видимому, отдельного монографического издания со всеми деталями. Это же относится и к Крутицкому теремку и, вероятно, к алтарям и т. д. костела Бернардинского монастыря в Слониме (1654—1670 гг., табл. 123).

Последним разделом альбома, весьма небольшим, является мемориальная пластика (табл. 153—166). Произведений искусства этого типа в Белоруссии сохранилось, по-видимому, немного. Читателю не совсем понятно, почему раздел о белорусской мемориальной скульптуре начинается с надгробия 1539—1541 гг., выполненного итальянским скульптором Бернардинусом Заноби де Джианотис (конец XV в.— 1541 г.). Оно находится в Виленском кафедральном соборе (табл. 153), т. е. за пределами Белоруссии, а кто погребен под ним, автор не сообщает. Второе надгробие из Вильнюса (и тоже без объяснений и указаний, кто там погребен) публикуется автором на табл. 157. Из библиографии обоих памятников, приведенной Н. Ф. Высоцкой, становится ясным, что литовские искусствоведы относят то и другое надгробие к искусству скульптуры Литвы (!). Древнейшее надгробие с собственно белорусской территории помещено на табл. 156. Оно происходит из уже упомянутого иезуитского костела Радзивиллов в Несвиже, имеет дату 1588 г. Барельефное изображение младенца вверху надгробия должно свидетельствовать, что здесь погребен ребенок или отрок. Лишь из латинской надписи (!),

которую легко прочесть на изображении надгробия, читатель может узнать, что памятник этот поставлен Николаем Христофором Радзивиллом (Сироткой) и его женой Ельзбиетой Евфемией безвременно скончавшемуся их сыну Николаю в 1588 г. Из других надгробий Радзивиллов в том же костеле автор приводит еще два, одно из которых особенно интересно: барельеф изображает Радзивилла-Сиротку, сбросившего доспехи (валяются рядом) и облачившегося в одежду паломника. На коленях, перебирая четки, он обращается к милости Всевышнего (табл. 161). Так изображен ктитор храма [1]. Подобное надгробие не должно удивлять: Радзивиллы (первых поколений, XVI в.) были «самокритичны»: в том же храме падающие колонны с поддерживающими их ангелами символизируют временное «отступничество» Радзивиллов от католицизма в сторону протестантизма (отец Сиротки Радзивилл Черный в 1559 г. перешел в кальвинизм и увлек за собой других магнатов — Кишек, Сапегов, Пузин, Воловичей, все было восстановлено Сироткой). Очень символично надгробие 1643 г. из каплицы фарного костела в Новогрудке (табл. 165). Опять только из латинского текста на памятнике, который с трудом, но читается на таблице, читатель может себе уяснить, что памятник этот устроен Яном Рудомино в память убитых в битве под Хотиным. Среди мертвых тел лежит убитый начальник Рудомино, а вокруг него девять его коленопреклоненных соратников, все они без голов, их головы лежат у них в ногах. Надгробия, которые приводит Н. Ф. Высоцкая, порой очень интересны, но они нигде не объяснены, и непонятно почему нигде не сказано, в память кого они поставлены [2]. А ведь это немаловажно для понимания произведения. «Фигура в надгробии в рыцарских доспехах в сансавиновской [3] (скрещенные ноги) позе повернута к трем (его) женам»,— пишет автор в конце Введения (пагинации почему-то нет). Или совсем странно: «Надгробие, вероятно, сделано в Италии (тот, кто тут изображен, умер в Болонье в 1607 г.) (!) (там же).

3. Последний том этого издания [5] также делится на три части: ювелирное искусство и художественный металл, керамика, стекло, фаянс, соломка, кожа, наконец, тканина, вышивка, шпалера и т. д.

Обилие материалов по прикладному искусству Белоруссии домонгольского времени, полученное благодаря раскопкам археологов, позволило автору наметить путь его развития. В альбом включены как привозные изделия, так и предметы местного производства. Среди первых отметим знаменитый непрестольный подписной крест, сделанный по заказу полоцкой княжны Евфросинии выдающимся ювелиром древности Лазорем Богшей около 1161 г. Т. И. Макаровой установлено, что он был лучшим эмальером киевских мастерских [17, с. 73]. Н. Ф. Высоцкая вполне права, поддерживая этот вывод. Нельзя не пожалеть только, что крест воспроизводится не по сохранившимся в архиве (и обнаруженным мной) фотографиям с добавлением цвета по хромолитографии книги П. Н. Батюшкова [18, с. 24, 25, вклейка], как это было мастерски сделано художником О. П. Чистовским для книг моей и В. М. Василенко [19, вклейка между с. 222, 223; 20, с. 279 и сл.], а непосредственно с изображения в книге П. Н. Батюшкова (без привлечения подлинных фотографий). В результате искажения в сильно уменьшенном изображении П. Н. Батюшкова удвоились: тонкий рисунок эмалей в значительной степени был утрачен, хотя изображение в альбоме лишь наполовину меньше самого предмета. Отметим попутно пропуск в библиографии креста, которая в целом дана автором довольно полно: автор указывает страницу в моей книге 1980 г. (где я упоминаю крест весьма бегло) и забывает его специальное описание и изображение по фотографии с натуры в моей же книге 1974 г. (которая, судя по другим сноскам, ей хорошо известна) [6, с. 47].

Нужно сказать, что Л. В. Алексееву во всех трех книгах Н. Ф. Высоцкой почему-то постоянно «не везет». Мы уже отмечали пропуски материалов работ Л. В. Алексеева в двух предыдущих книгах, примечания в третьей книге автор прямо начинает с указания: «В данную работу не включены проанализированные Л. В. Алексеевым материалы XII—XIII вв. (*Алексеев Л. В.* Мелкое художествен-

[1] Почему все это читателю нигде не объяснено в тексте?

[2] Нужно сказать, что манера «обезличивать» памятники и не называть тех, благодаря кому они возникли (если это не мастер), широко распространена в Белоруссии и принадлежит, очевидно, редактуре. Все книги по архитектуре, например, не указывают заказчиков дворцов, костелов и пр. Там мы не найдем ни Радзивиллов, ни Сапегов и т. д.

[3] Андреа Сансавин (1460—1523) — скульптор.

ное литье из некоторых западнорусских земель. Кресты и иконки Белоруссии.— СА, 1974, № 3, с. 204—219)», хотя, как это видно из названия, материалы именно этой работы к теме автора имеют самое прямое отношение. Все материалы, которыми Л. В. Алексеев оперировал в своих работах, как и все материалы раскопок, сданы им в Могилевский и Витебский музеи и вполне доступны для исследователей.

Прекрасно воспроизведены в третьем томе рассматриваемого издания и другие предметы прикладного искусства домонгольского времени из Белоруссии (все они найдены при раскопках). Таковы два золотых колта из раскопок Э. М. Загорульского феодальной усадьбы Вищин середины — второй половины XII в., золотое височное кольцо со сканью из древнего города Борисова (раскопки Г. В. Штыхова), золотой змеиноголовый браслет, найденный В. Р. Тарасенко при раскопках Минска (правда, не в 1951 г., как пишет Н. Ф. Высоцкая, а в 1950 г.). Соблюдая максимальную осторожность, автор говорит в предисловии о том, что «мастера древних городов Белоруссии были хорошо знакомы со многими техническими приемами обработки металлов» и, перечисляя их, называет зернь, скань (филигрань), чернь, гравировку, перегородчатую и выямчатую эмали и т. д. (пагинации в альбоме снова нет). У читателя создается неизбежное впечатление, что все здесь основано на фактах и что воспроизводимые на таблицах домонгольские вещи, кроме креста Евфросиньи, являются этому иллюстрацией. Но так ли это? Конечно, Вищинское городище — остатки домонгольской и, возможно, княжеской (на дне одного сосуда имеется даже знак Рюриковичей) усадьбы, где, несомненно, было развито и вотчинное ремесло (найдены молот, сопла от горна и т. д. [21, с. 44]). Но существовало ли там ремесло ювелирное, да еще способное создать такие шедевры эмальерного искусства, как колты с перегородчатыми эмалями? Свидетельствует ли найденный там в 1979 г. клад о таком уровне ремесла, а не просто о богатстве феодала, зарывшего свои драгоценности в землю? По предварительной публикации [21], состав клада свидетельствует именно о последнем (18 серебряных монетных гривен, «полный комплект» (?) ювелирных украшений женского наряда, серебряное очелье, золотые бусы, криновидные подвески, шлемовидные подвески, пара золотых и пара серебряных колтов, массивный витой серебряный и пластинчатый позолоченный браслеты и т. д.).

В археологии уже давно выделено вотчинное ремесло и намечены его центры [22, с. 391, 497 и др.]. Специальное исследование перегородчатых эмалей Киевской Руси позволило Т. И. Макаровой выделить несколько ювелирных школ — киевскую, новгородскую, рязанскую, владимирскую, по которым распределились почти все древнерусские ювелирные находки с перегородчатыми эмалями. Лишь несколько оставшихся изделий она отнесла к какому-то еще неизвестному ей центру [17, с. 96—99]. Центр этот, если и не равновелик Киеву и Новгороду, то скорее он равновелик Рязани, Владимиру и т. д. А таких центров на Руси было много, и говорить о местном производстве в Белоруссии в этих условиях мы не имеем права. У Н. Ф. Высоцкой есть в пользу местного производства и «косвенный» (как она называет) аргумент: ряд изделий был найден в «ремесленном квартале» Новогрудка. Но и это не строго: нужно помнить, что Новогрудок был совершенно особым, нетипичным для остальной Руси центром; и гораздо показательнее было бы, если бы автор привел те же аргументы, но относительно других белорусских городов. Итак, если доказать существование местного производства перегородчатых эмалей, сканного производства и т. д. нельзя, то не лучше ли сказать прямо, что судить об этом можно будет только в будущем?

Памятники декоративно-прикладного искусства домонгольского времени автор рассматривает как «фундамент» развития художественного ремесла последующей большой эпохи (XIV—XVIII вв.), когда в искусстве Белоруссии ведущим становится замечательный «художественный металл и ювелирное дело». В изделиях конца XV—XVII в. Н. Ф. Высоцкая склонна видеть освоение местными мастерами достижений западноевропейского прикладного искусства этого времени (Германия, Польша, а также и Италия). Шаг за шагом прослеживается становление «своей национальной школы», впитавшей традиции местного искусства предшествующего времени в соединении с «достижением европейской культуры». На примерах прикладного искусства Н. Ф. Высоцкая прослеживает проникновение в местное искусство черт ренессанса, барокко, рококо, классицизма. В середине — второй половине XVII в. белорусские ювелиры, выясняет она, освоили новые приемы чеканки, сочетали их

с уже существующими приемами и выработали, таким образом, «локальный вариант барочного искусства». Этот местный вариант, свидетельствует автор, во время русско-польской войны (1654—1667 гг.) попал в Россию, куда переселилось много выходцев из Белоруссии. Интересны наблюдения Н. Ф. Высоцкой (как и других исследователей — О. А. Трусов и др., на которых она опирается) над белорусскими изразцами, история которых представлена в альбоме в развитии (табл. 86, 87 — с белорусской территории, 88—96 — белорусские изразцы, которыми украшены светские здания и церкви Москвы). С начала XVIII в. в Белоруссии получили распространение расписные изразцы.

За изразцами и изделиями из фаянса в альбоме следует раздел, посвященный белорусскому стеклу (табл. 102—119). Автор начинает с коллекции бус из Минска (раскопки В. Р. Тарасенко и Э. М. Загорульского, табл. 102—103), которые датирует концом XI — первой половиной XIII в. Археолог сразу видит, что датировка не совсем точна: на таблице есть бусины, которые датируются не позднее первых двух десятилетий XI в. (например, глазчатая бусина в левой части рисунка, бусина-лимонка — в правой) [23, с. 177 и сл.], но это, конечно, мелочь. На табл. 108 представлена замечательная жирандоль из костела Троицы в Ружанах, сделанная в Уречской мануфактуре в XVIII в. Изделиям из стекла посвящены и таблицы 109—119. Раздел кончается царскими вратами из соломки (плетение) из церкви Божьей матери в с. Лемешевичи Брестской обл. (табл. 120) конца XVIII в. В примечании к этой таблице автор указывает, что в настоящее время в Белоруссии сохранилось еще двое таких царских врат — из с. Вавуличи Брестской обл. и из Коложской церкви в Гродно.

Альбом завершается художественными тканями из Белоруссии (табл. 124—174). Здесь и фрагменты шелковой пелены с золотной вышивкой текста из акафиста Богородицы (Софийский собор в Полоцке, XVI в.), и фрагменты различных католических богослужебных одеяний — фрагменты орната конца XV—XVI вв. итальянской (?) работы и т. д. Их публикацию автор снабжает весьма интересными собственными наблюдениями над техникой украшения тканей, проводит сравнительную характеристику (вышивки и т. д.) с подобными же украшениями западноевропейских и других тканей. Как и во всех описаниях издаваемых изделий, каждое из них и здесь снабжается большим и в значительной степени исчерпывающим библиографическим справочником, где часто используется редчайшая, найденная автором литература.

Рассматривая все три книги-альбома, мы сделали ряд (преимущественно мелких) замечаний, которые никак не влияют на общее весьма благоприятное впечатление от всего издания в целом. Издательство «Беларусь» сделало большое полезное дело, решив издать шедевры живописи, пластики, прикладного искусства, созданные в Белоруссии или тем или иным образом связанные с ней. Оно поступило вполне правильно, поручив это такому специалисту-энтузиасту, каким является, по-видимому, Н. Ф. Высоцкая. Ею проведена огромная работа по сбору материалов для всех трех книг и библиографии каждого памятника искусства. Написанные ею для каждой книги введения вводят читателя в круг рассматриваемых памятников, строго проанализированных и классифицированных автором. Такая работа в Белоруссии проведена впервые и явится фундаментом для дальнейших исследований. Будущему исследователю великолепные таблицы вещей будут крайне необходимы, и к ним еще много десятилетий будут прибегать искусствоведы и другие научные работники, интересующиеся древностями Белоруссии. Книги-альбомы Н. Ф. Высоцкой важны всем интересующимся мировым (не только белорусским или даже русским) искусством — на них будет воспитываться вкус многих поколений людей, недаром текст в них издан на белорусском, русском, английском, французском, испанском языках. Нельзя не отметить в заключение огромной работы, которую провели сотрудники систематических экспедиций Государственного художественного музея Белорусской ССР по сбору художественного материала Белоруссии, а также большой работы сотрудников Государственной центральной художественно-реставрационной мастерской, способствовавших тому, чтобы все белорусские шедевры не погибли.

Напрашивается еще один подобный художественный альбом, сделанный на таком высоком научном уровне,— «Архітектура Беларусі XI—XVIII стагоддзяў». Будем надеяться, что выход предлагаемого нами четвертого тома не за горами.

Л. В. Алексеев

ЛИТЕРАТУРА

1. *Штыхов Г. В.* Археологическая карта Белоруссии.— В кн.: Памятники железного века и эпохи феодализма. Вып. 2. Минск: Полымя, 1971.
2. *Алексеев Л. В.* Некоторые вопросы заселенности и развитие Западно-русских земель в IX—XIII вв.— В кн.: Древняя Русь и славяне. М.: Наука, 1978.
3. Жывапіс Беларусі XII—XVIII стагоддзяў. Фрэска, абраз, партрэт. Мінск: Беларусь, 1980.
4. Пластыка Беларусі XII—XVIII стагоддзяў. Мінск: Беларусь, 1983.
5. Дэкаратыўна — прыкладное мастацтва Беларусі XVII—XVIII стагоддзяў. Ювелірнае мастацтва. Мастацкі метал. Керамiка, фаянс, шкло, саломка, скура. Тканіны, вышаўка, карункі, шпалеры. Мінск: Беларусь, 1984.
6. *Алексеев Л. В.* По Западной Двине и Днепру в Белоруссии. М.: Искусство, 1974.
7. *Стороженко А.* Видение в Несвижском замке.— Вестн. Западной России. Вильна, 1864, № 12.
8. *Случевский К. К.* По Северо-Западной России. Т. II. СПб.. 1897.
9. *Кайгородов Н.* Полотск и его церковно-исторические древности.— Светильник, 1914, № 2.
10. *Щчэкаціхін М.* Фрэскі Полацкага манастыра.— Наш край, 1925, № 1.
11. *Глазунов И.* Что помнить, чем гордиться? — Известия, 1962, № 82.
12. *Алексеев Л. В.* К истории и топографии древнейшего Витебска.— СА, 1964, № 1.
13. *Штыхаў Г. В.* Полацкія фрэскі XII стагоддзя.— Помнікі гісторыі культуры Беларусі, 1970, № 1.
14. *Штыхов Г. В.* Древний Полоцк XI—XIII вв. Минск: Наука и техника, 1975.
15. *Алексеев Л. В.* Лазарь Богша — мастер-ювелир XII в.— СА, 1957, № 3.
16. *Алексеев Л. В.* Художественные изделия костерезов из древних городов Белоруссии.— СА, 1962, № 4.
17. *Макарова Т. И.* Перегородчатые эмали древней Руси. М.: Наука, 1975.
18. *Батюшков П. Н.* Белоруссия и Литва. Исторические судьбы Северо-Западного края. СПб., 1890.
19. *Алексеев Л. В.* Полоцкая земля. М.: Наука, 1966.
20. *Василенко В. М.* Русское прикладное искусство. М.: Искусство, 1977.
21. *Ваганова А. М.* Умацаваныя феадальныя сядзібы XI—XIII ст. Помнікі гісторыі і культуры Беларусі, 1980, № 3.
22. *Рыбаков Б. А.* Ремесло древней Руси. М.: Изд-во АН СССР, 1948.
23. *Щапова Ю. Л.* Стеклянные бусы древнего Новгорода.— МИА, 1956, № 55.

В. Н. Станко. Мирное. Проблемы мезолита степей Северного Причерноморья. Киев: Наук. думка, 1982. 176 стр., 45 илл.

Монография В. Н. Станко состоит из двух практически самостоятельных частей и двух приложений, очень важных для понимания природного окружения и хозяйственной деятельности обитателей поселения (статьи Г. А. Пашкевич и В. И. Бибиковой о палеоботанической характеристике и терпофауне поселения Мирное).

В главе 1 первой части монографии дана краткая историография исследований памятника; на основании новейших исследований приведены геоморфология района поселения и литологический разрез напластований голоценовой и позднеплейстоценовой эпох на площади поселения; кратко описаны флора и фауна. Дана характеристика культурного слоя и методики полевых исследований памятника. Необходимо отметить, что большая вскрытая площадь памятника, а также совершенная методика исследований позволили автору монографии достаточно полно изучить общую планировку поселения, хозяйственно-бытовые комплексы и планиграфию распределения категорий кремневых изделий и фауны.

Глава 2 посвящена всестороннему анализу производственного инвентаря, состоящего из многочисленных кремневых, костяных и каменных изделий, изученных при помощи петрографического, технико-морфологического и трассологического методов. Приведен также технико-типологический анализ коллекции кремневых изделий и характеристика кремневого и каменного сырья. Очень интересны данные трассологического изучения кремневых изделий, проведенного Г. Ф. Коробковой, которые позволяют значительную часть изделий, относимых ранее к заготовкам (иногда отходам), включить в категорию орудий. Дана характеристика всех орудий из камня с учетом их функционального назначения. Досконально описаны костяные изделия — наконечники, проколки, лощила, а также различные оригинальные орудия.

Рассмотрение хозяйственно-бытовых комплексов поселения приведено в главе 3.

В. Н. Станко на основании всестороннего изучения всех объектов, являющихся составной частью культурного слоя, достаточно успешно проводит реконструкцию экономической и социальной истории обитателей поселения (как этнической единицы) и всего позднемезолитического населения степей Северного Причерноморья. Исчерпывающе полно приводится планиграфия практически всех находок — кремневых изделий, каменных и костяных орудий, фауны.

Результаты исследований В. Н. Станко, Г. Ф. Коробковой, Г. А. Пашкевич и В. И. Бибиковой, опубликованные в первой части рецензируемой книги и статьях-приложениях, позволяют считать поселение Мирное наиболее полно изученным среди мезолитических памятников Украины. Необходимо отметить также достаточно многочисленные и на хорошем уровне выполненные иллюстрации, что, безусловно, способствует получению читателями исчерпывающих данных о памятнике.

Часть вторая монографии посвящена проблемам мезолита степей Северного Причерноморья. Она является фактически самостоятельной работой и состоит также из трех глав.

В главе 1 освещается палеоэкологическая ситуация в степях Северного Причерноморья в конце плейстоцена — раннем голоцене. Дается характеристика геоморфологии, флоры и фауны региона. Особое значение имеет рассмотрение вопросов возможности обитания человека в Северном Причерноморье в свете современных взглядов на процессы колебания уровня Черного моря в антропогене. Выводы В. Н. Станко в этой связи убедительны. Действительно, из-за существенных и неоднократных изменений гидрологической сети, размежевания и слияния отдельных речных бассейнов Северного Причерноморья пути расселения позднепалеолитических и мезолитических племен постоянно менялись. Часть палеолитических и мезолитических памятников, располагавшихся на различных стадиях колебания уровня Черного моря вдоль морского побережья, а также в устьях небольших речек и на террасах нижних участков крупных рек (Молочной, Днепра, Южного Буга, Днестра), сейчас, безусловно, затоплена.

При описании флоры и фауны конца плейстоцена — раннего голоцена автор монографии приводит взгляды ведущих специалистов, в частности выводы В. И. Бибиковой о смене в начале голоцена копытных в фаунистическом комплексе степей Северного Причерноморья. Ею установлено, что в это время полностью исчезает или резко сокращается ряд видов стадных животных (зубр, осел, сайга), широко населявших открытые пространства степей в плейстоцене. Произошла их смена новыми видами, приспособленными к закрытым ландшафтам лесостепного типа. Исследования В. И. Бибиковой показали, что фоновым видом вместо зубра в голоцене становится тур и одновременно широкое распространение получили отсутствовавшие ранее виды — косуля и кабан.

Интересна в этой связи мысль В. Н. Станко о том, что перестройка фаунистических комплексов степей в голоцене обусловлена не только изменением климата и ландшафта, но и связана с региональным экологическим кризисом. Вызван он тем, что основной промысловый вид — зубр — на протяжении позднего палеолита был в значительной мере уничтожен человеком. Этот фактор, по мнению автора монографии, явился одним из основных в переходе населения Северного Причерноморья к мезолиту. И наоборот, резкий скачок в совершенствовании охотничьего снаряжения, вызванный ростом производительных сил общества, способствовал интенсивному истреблению основного объекта специализированного охотничьего промысла в этом регионе — зубра (которого сменил продвинувшийся с запада тур).

В главе 2, посвященной проблемам сложения, хронологии, периодизации и культурно-исторического членения позднепалеолитических и мезолитических памятников Северного Причерноморья, В. Н. Станко приводит доводы в пользу сложения позднего палеолита Северо-Западного Причерноморья на основе мустьерской стинковской культуры. При этом автор монографии отрицает высказанное ранее им же мнение о возможных связях населения этого региона с более восточными племенами каменно-балковского культурного круга [1, с. 17]. В рецензируемой работе он считает реальным распространение на Нижнее Поднестровье традиций выделенной им анетовской культуры, но допускает также возможность культурных контактов и связей с племенами круга граветтоидных культур Молдавии. При решении вопроса о путях формирования позднего палеолита на остальной территории степей Северного Причерноморья В. Н. Станко отмечает, что до сих пор не удалось

проследить генетические связи между известными здесь мустьерскими и позднепалеолитическими комплексами. Безусловно, прав В. Н. Станко в том, что при решении проблем сложения мезолита Северного Причерноморья значительные трудности возникают из-за отсутствия единства среди исследователей при отнесении памятников к финальному палеолиту или мезолиту. В этой связи принципиально верным является замечание автора монографии о недопустимости при определении критериев выделения мезолитических памятников учета только изделий со вторичной обработкой, без полного анализа всего кремневого инвентаря. На наш взгляд, прав В. Н. Станко, относя третий слой Владимировки и III-В горизонт Осокоровки к финальному палеолиту, а не мезолиту. Аргументация этих выводов в данной работе (как и в предыдущих публикациях) вполне убедительна.

Возможно, прав автор монографии, включая стоянку Сурская V в круг финальнопалеолитических и раннемезолитических памятников Нижнего Днепра и Надпорожья (Ворона I — Осокоровка III-В — Леонтьевка) [2, с. 12—18; 3, с. 29, 30; 4, с. 35]. На наш взгляд, более четко прослеживается развитие этой этнической линии в материалах Царинки на Южном Буге [5, с. 86] и Прогона на Нижнем Днепре.

В главе 3, посвященной вопросам экономики и социального устройства общества в мезолите, автор справедливо отмечает, что бедность северопричерноморских степей кремневым сырьем повлекла за собой бережное отношение к нему в мезолитическое время. Этот вывод хорошо подтверждают материалы стоянок на Нижнеднепровских песках [6, с. 114—116; 7, с. 75—90].

Интересны и в целом достаточно убедительны палеодемографические расчеты по материалам мезолитических памятников Мирное и Белолесье, а также реконструкции социальной истории мезолитического общества Северного Причерноморья.

Имеются во второй части монографии и некоторые спорные выводы, а также незначительные неточности. Так, при рассмотрении схем геоморфологического, физико-географического и палеогеографического районирования Северного Причерноморья автор монографии приводит деление на четыре подобласти: Юго-Западное Причерноморье, Западное Причерноморье, Среднее Причерноморье, Восточное Причерноморье. Подобная терминология выглядит не очень удачной. При таком подходе, например, под Восточным Причерноморьем подразумевается Северное Приазовье, а не побережье Кавказа.

Спорным выглядит утверждение В. Н. Станко о том, что «на Нижнем Поднестровье процесс автохтонного развития был прерван в финальном палеолите проникновением населения из Крыма, носителей совершенно иных технологических традиций (памятники типа Большой Аккаржи)» (с. 92). При этом автор монографии считает, что техника расщепления кремня и набор ретушированных изделий Большой Аккаржи находят близкие аналогии в позднепалеолитических комплексах Сюрени I в Крыму [8, с. 143; 9, с. 90]. С этим мнением трудно согласиться. Если в технике расщепления действительно есть некоторые общие приемы, то типологически коллекции кремневых изделий этих памятников настолько различны, что генетическое родство между ними, на наш взгляд, практически невозможно. Для материалов трех слоев Сюрени I характерны нуклевидные скребки, многофасеточные резцы, которых практически нет в Большой Аккарже. Нет в материалах Аккаржи также pièces écaillées, которые есть в нижнем слое, а также сегментов и «ножей типа Ргани», имеющихся в верхнем слое Сюрени I, различны острия и другие категории изделий.

Спорным выглядит утверждение В. Н. Станко о том, что «путь продвижения из Польши носителей ориньякских традиций в степи Северного Причерноморья очерчивается достаточно четко (Гура Пулавская, Рашков VII, Сагайдак I, Мураловка, Золотовка)» (с. 90). Прежде всего, родство Гуры Пулавской, Сагайдака I и Мураловки спорно. Близость стоянки Сагайдак I к Гуре Пулавской и Мураловке заключается только в наличии во всех комплексах аналогичных своеобразных острий и пластинок с притупленным краем на мелких грубых заготовках. Думается, этого критерия для объединения памятников недостаточно. Рашков VII не может быть промежуточным звеном в указанном продвижении в Северное Причерноморье носителей ориньякских традиций, хотя бы по той простой причине, что этот памятник, безусловно, моложе Гуры Пулавской, Мураловки да и, вероятно, Сагайдака I. Во всяком случае приходится пока считаться с датой 12 220±500 до н. д., полученной для Рашкова VII [10, с. 148].

Очевидно, неуверенностью в периодизации можно объяснить отнесение автором монографии стоянки Рогалик II то к позднему палеолиту (с. 99), то к раннему мезолиту (с. 108). Преждевременно, на наш взгляд, В. Н. Станко (как, впрочем, Д. Я. Телегин и некоторые другие исследователи) относит Нижнее Поднепровье в зону расселения носителей кукрекских технических традиций. Можно было бы предположить, что в термин Нижнее Поднепровье автор монографии включает и Надпорожье, где действительно известны памятники с кукрекскими чертами. Но на той же странице (с. 114) дано четкое разграничение, где Надпорожье и Нижнее Поднепровье обозначены как самостоятельные регионы. На Нижнем Днепре пока неизвестен ни один кукрекский памятник. Нет даже случайных находок таких определяющих изделий этой культуры, как вкладыши кукрекского типа.

Отмеченные спорные моменты совершенно не снижают общего положительного впечатления от работы.

Н. П. Оленковский

ЛИТЕРАТУРА

1. *Станко В. Н.* Поздний палеолит и сложение мезолита в степях Северного Причерноморья.— В кн.: Северо-Западное Причерноморье в эпоху первобытно-общинного строя. Киев: Наук. думка, 1980.
2. *Смирнов С. В.* Місцева генетична підоснова Надпорізького мезоліту.— Археологія, 1970, т. XXIV.
3. *Оленковский Н. П.* Позднепалеолитическая стоянка Леонтьевка на Нижнем Днепре.— В кн.: Археологические исследования на Украине в 1978—1979 гг. Тез. докл. XVIII конференции ИА АН УССР. Днепропетровск, 1980.
4. *Телегін Д. Я.* Підсумки та завдання вивчення доби мезоліту і неоліту на Україні.— Археологія, 1982, № 40.
5. *Оленковский Н. П.* Стоянка Леонтьевка на Нижнем Днепре.— В кн.: Материалы по археологии Северного Причерноморья. Киев: Наук. думка, 1983.
6. *Оленковський М. П.* Пізньомезолітичні стоянки на Херсонщині.— Археологія, 1980, № 34.
7. *Оленковский Н. П.* Позднемезолитические и неолитические стоянки в Нижнем Поднепровье.— В кн.: Материалы каменного века на территории Украины. Киев: Наук. думка, 1984.
8. *Бибиков С. Н.* Раскопки в навесе Фатьма-Коба и некоторые вопросы изучения мезолита Крыма.— МИА, 1966, № 126.
9. *Григорьева Г. В.* Большая Аккаржа и ее место среди позднепалеолитических памятников юга СССР.— КСИА, 1967, вып. 111.
10. *Григорьева Г. В.* Позднепалеолитическая стоянка Рашков VIII.— СА, 1974, № 3.

Р. Г. Фахрутдинов. Очерки по истории Волжской Булгарии. М.: Наука, 1984. 216 с., 31 рис., 2 табл.

Р. Г. Фахрутдинов известен как специалист, почти четверть века занимающийся средневековой археологией Поволжья и Прикамья. Он автор ряда книг и статей, особенно много сделавший в области археологической картографии. В 1975 г. им была опубликована книга «Археологические памятники Волжско-Камской Булгарии и ее территория», в которой были изданы уточненные карты границ Волжской Булгарии в домонгольский и золотоордынский периоды, карта памятников Казанского ханства и Свод археологических памятников, содержащий 1855 номеров [1].

Новая, рецензируемая работа Р. Г. Фахрутдинова посвящена сравнительному анализу письменных источников средневековья с многочисленными археологическими материалами и освещению на этой основе вопросов социально-экономического, политического и культурного развития Булгарского государства, возникновения и развития крупных булгаро-татарских городов и этногенеза татарского народа. Автором включены в исследование материалы, собранные за 200 лет многими учеными. Достойно оценены труды его предшественников, среди которых особо выделяются работы С. М. Шпилевского, Ш. Марджани, Н. Ф. Катанова, А. П. Смирнова, Н. Ф. Калинина, Г. А. Федорова-Давыдова.

Рецензируемая работа благодаря своему обобщающему характеру представляет собой подлинно историческое исследование. В этом заключается несомненное достоинство книги. Археолог — это прежде всего историк, и большая правда заклю-

чается в крылатом афоризме А. В. Арциховского: «Археология есть история, вооруженная лопатой».

Разбор восточных и русских письменных сведений проведен Фахрутдиновым с такой тщательностью и объективностью, что не вызывает никаких сомнений. Автор разумно осторожен в истолковании разночтений и при этом нередко использует дополнительные проверочные факты. И здесь он показал себя вполне подготовленным историком и востоковедом, оперирующим не только тюркоязычными документами, но и сочинениями арабо- и персоязычных авторов.

Внимательное ознакомление с сочинением Р. Г. Фахрутдинова убеждает, что можно с полным доверием отнестись к умелому привлечению и использованию им как фольклорных материалов, так и данных анализа этнонимов, топонимов и других языковых явлений. Все они чрезвычайно важны для конкретизации и подтверждения многих исторических событий. В частности, достойно внимания отождествление адаптированного арабом Ибн-Фадланом (X в.) титула булгарского «царя» йылтывар с древнетюрским эльтебер (с. 22, 23). Как известно, у древних тюркоязычных народностей различались «эльтеберлиг будун» (народ, имеющий эльтебера) и «каганлыг будун» (народ, имеющий кагана). При этом последний народ в социальном отношении занимал господствующее положение. Это как раз совпадает с ситуацией IX — начала X в., когда булгарский правитель подчинялся хазарскому кагану, т. е. по отношению к последнему он был именно эльтебером.

Умело и глубоко изучив все виды письменных источников, Р. Г. Фахрутдинов для аналитического исследования разнообразных проблем, связанных с историей Волжско-Булгарского государства, широко использовал все возможные виды археологических памятников. Ценны карты Волжской Булгарии X — начала XIII в. и XIII—XV вв., отдельные карты городов, военных крепостей и феодальных замков. Каждая группа городищ представлена значительным числом планов, снятых самим автором на достаточно профессиональном топографическом уровне. Это хорошее продолжение публикаций сведений о булгарских городищах, начатых в свое время Н. Ф. Калининым [2, с. 63]. Р. Г. Фахрутдинов давал подобные публикации и раньше на страницах журнала «Советская археология», но в рецензируемой книге они сведены вместе и классифицированы по группам.

Кратко, но довольно убедительно представлена археология Старой Казани. И вновь здесь автор достойно продолжил исследования, успешно начатые в свое время Н. Ф. Калининым. Отрадно отметить, что Р. Г. Фахрутдинов сумел найти место древней Казани в общей истории столицы Татарской республики. Успешно использованы и в этом разделе данные эпиграфики, топонимики, фольклора и другие разнообразные источники.

Хотя большинство сведений собрано по крупицам, но в целом получилось ценное историко-археологическое исследование, являющееся определенным вкладом в науку и безусловным шагом вперед. В этом плане целенаправленно использован круг источников по вопросу о происхождении татарского народа — одного из больших тюркоязычных народов страны. Раздел написан в плане определенного обобщения историко-археологических материалов и данных некоторых других смежных наук по проблеме этногенеза татар Среднего Поволжья и Приуралья, в то же время автор сумел высказать и свою точку зрения по целому ряду вопросов (о роли пензенской группы булгарских археологических памятников в этнической истории татар-мишарей, о половцах-саксинах и др.). С нашей точки зрения, автор стоит в основном на правильных позициях в оценке роли волжских булгар в формировании этноса тюркоязычных и финно-угорских народов Поволжья, между которыми, как справедливо отмечал в свое время В. Ф. Каховский, и на которого ссылается автор рецензируемой работы, «существовали вековые исторические связи, сопровождавшиеся взаимным этнокультурным влиянием» [3, с. 198].

В монографии, как и в каждой большой работе, подводящей итоги многолетнего изучения важной темы, имеются разделы, связанные с дискуссионными вопросами. Автор не боится полемизировать, если имеющиеся в его распоряжении факты не согласуются с концепцией, выдвигаемой тем или иным ученым. Как известно, в нашей литературе в последние годы стали актуальными и дебатируются вопросы о столичном городе Булгарского государства, о времени и обстоятельствах основания города Казани. Очевидно, нет смысла излагать здесь существо всем известных разногласий. Многие помнят полемику, которая прошла на страницах «Советской археологии» по поводу столицы домонгольской Булгарии. Дискус-

сия шла между А. П. Смирновым, Т. А. Хлебниковой и Р. Г. Фахрутдиновым, с одной стороны, и А. Х. Халиковым — с другой.

В настоящей работе автор провел новое, скрупулезное исследование археологических, восточных, русских летописных, нумизматических и топографических данных. Вполне убеждает его вывод о том, что столицей государства в X—XI вв. был город Булгар на Волге, а во второй половине XII в. столица была перенесена в г. Биляр на Черемшане.

Отметим, что это строго научное исследование, написанное в то же время живым языком. Читается книга легко, с интересом. Бесспорно ценными являются приведенные в конце книги указатели, особенно указатель имен, служащий справочным документом: дано энциклопедическое определение, указаны годы или периоды жизни каждой личности, упомянутой в монографии,— средневековых или позднейших авторов, исторических деятелей. Такой указатель составлен, кажется, впервые в историографии средневековой истории народов Поволжья.

Теперь о недостатках и недочетах рецензируемой работы. Говоря о международной торговле Волжской Булгарии, можно было бы шире осветить ее восточные связи. Так, например, ал-Омари прямо указывает на поездки булгарских купцов на Чулыман (т. е. в бассейн р. Чулым) и на существование торгового пути, идущего через Западную Сибирь, Чулым и Енисей в г. Каракорум и дальше в г. Дайду.

Используя письменные тексты, автор не всегда действует логично. Не объяснено, например, почему он не верит в сообщение Никоновской летописи о походе Владимира на булгар в 997 г. (с. 44, 45). На с. 83, 84 допущено произвольное толкование текста Ибн ал-Надима (987 г.) о том, что булгары употребляют иероглифику и «письмена Мани». По автору, это якобы надо понимать как свидетельство использования ими рунической письменности, что весьма сомнительно. Не правомерна также, по нашему мнению, ссылка на татарский фольклор в случае, когда речь идет о Булгарии X—XI вв. (с. 75, 76). Прямого соответствия столь ранним событиям в фольклоре татар не найти, что, конечно, не умаляет его значения как исторического источника в целом.

Малоубедительным является утверждение автора о тождестве Малого минарета из Булгара и минарета Ханской мечети в Касимове (с. 182). Правда, он здесь ссылается на высказывание М. Г. Худякова, относящееся еще к 20-м годам. Однако этот тезис требует уточнений, дополнительных историко-археологических исследований.

Указанные недостатки работы носят частный характер. В целом исследование Р. Г. Фахрутдинова — это плод многолетней, неторопливой и добросовестной работы. Это в то же время результат серьезных раздумий над многими проблемами, связанными с историей зарождения, величия и падения одного из интереснейших ранних самобытных государств Восточной Европы — государства волжских булгар и его разноэтничного населения. Автор справедливо считает, что кроме булгар государство в различное время населяли и представители других средневековых народностей, например поволжско-камских финно-угров и в некоторой степени половцев-кипчаков.

Л. Р. Кызласов

ЛИТЕРАТУРА

1. *Фахрутдинов Р. Г.* Археологические памятники Волжско-Камской Булгарии и ее территория. Казань: Татар. кн. изд-во, 1975.
2. *Калинин Н. Ф., Халиков А. Х.* Итоги археологических работ за 1945—1952 гг.— Тр. КФАН СССР. Сер. истор. наук. Казань: Татар. кн. изд-во, 1954.
3. *Каховский В. Ф.* Булгарские традиции в культуре чувашского и татарского народов.— В кн.: Городище Хулаш и памятники средневекового чувашского Поволжья. Чебоксары, 1972.

Хроника

ШЕСТОЙ СИМПОЗИУМ МЕЖДУНАРОДНОЙ РАБОЧЕЙ ГРУППЫ ПО ПАЛЕОЭТНОБОТАНИКЕ
(Нидерланды, 1983)

С 30 мая по 3 июня 1983 г. в г. Гронингене (Нидерланды) состоялся VI симпозиум Международной рабочей группы по палеоэтноботанике [1]. Доклады и сообщения, заслушанные или присланные на симпозиум, сгруппированы соответственно следующей тематике: 1) этнографические и этноисторические данные; 2) археоботанические и документальные данные; 3) идентификация ископаемых пшениц; 4) методологические аспекты палеоэтноботанических исследований; 5) локальные и региональные исследования.

Особое внимание в первой группе привлекают доклады Г. Хильмана и Г. Джонса, посвященные возможностям использования этнографических моделей для интерпретации растительных остатков, обнаруженных при раскопках. В качестве таких моделей взяты способы уборки и обработки урожая на территории Турции и Греции — районов, где земледельческие традиции сохранились почти неизменными с древнейших времен. В обстоятельном докладе Г. Хильмана (Лондонский университет) приведены подробные схемы архаических способов уборки, обмолота, очистки и получения окончательного продукта голозерных и пленчатых злаков (пшеницы, ржи, ячменя, полбы-эммера, спельты и однозернянки). Показаны основные различия в технологии приемов обработки голозерных и пленчатых злаков, состав продуктов, как основных, так и побочных, и характер их использования. Приведены этнографические модели, которые дают возможность правильно идентифицировать ископаемые материалы из древних поселений не только названных территорий, но частично и с территории Западной и Северной Европы. В докладе также показаны различия в практике хранения урожая пленчатых пшениц в сухих и влажных районах, проанализированы возможности сохранения одних частей растений при пожарах и полная гибель других. Эти сведения хорошо объясняют специфику состава ископаемых остатков.

Этнографические исследования аналогичного характера выполнил Г. Е. М. Джонс (Кембриджский университет, Англия), на одном из греческих островов. Основное внимание автор уделил сорной растительности, определив ее видовой и количественный состав на различных этапах обработки урожая. В итоге были выделены различные категории видов сорной растительности, в большей или меньшей степени засоряющие окончательные продукты земледелия или же элиминирующиеся в процессе их обработки и поэтому в археологических материалах не встречающиеся.

В этом же разделе книги имеется сообщение Д. Р. Харриса (Лондонский университет), посвященное значению этноисторических данных в применении к археологическим исследованиям об использовании диких трав и полукустарничков. Автор останавливается на трудностях улавливания следов дикорастущих растений, особенно трав, использовавшихся человеком в пище задолго до возникновения земледелия. В связи с этим предлагается изучить этнографические модели — приемы собирательства, сохранившиеся почти до наших дней в некоторых районах Австралии и Северной Америки, и интерполировать их на далекое прошлое Юго-Западной Азии.

В коллективном сообщении А. Кларка (Недландский университет), Л. Кубиса (Сиднейский университет) и Б. Готта (Клейтонский университет) «Прогресс и проблемы палеоэтноботаники в Австралии» подчеркивается особое положение континента, на котором данные прошлого связываются с современным образом жизни некоторых сохранившихся еще племен аборигенов. Разделение областей исследований этноботанических и палеоботанических на Австралийском континенте часто бывает весьма условным. В мировой науке такие исследования являются уникальными, так как дают возможность проследить за переходом местных племен охотников-собирателей от охоты к земледелию.

Второй раздел сборника начинается весьма обстоятельным и очень интересным докладом У. Виллердинга (Геттингенский университет ФРГ), посвященным

[1] В 1984 г. вышел том трудов под редакцией проф. Виллема Ван Цейста и доктора В. А. Каспари (Биолого-Археологический Институт государственного университета в г. Гронингене), озаглавленный «Растения и древний человек» («Plants and ancient man.» A. A. Balkema, 1984. 344 с.).

сопоставлению палеоботанических исследований с письменными и иконографическими источниками в Центральной Европе. Последние появляются уже в римское время, однако автор останавливает свое внимание на средневековье. Источниками этого времени могут быть поваренные и бухгалтерские книги, налоговые списки, таможенная документация и другие материалы такого характера. Однако они не всегда достоверны, так как могут основываться на более ранней документации или же касаться в основном растений-экзотов.

Дополнением к документации такого рода, вносящей ясность в происхождение сведений о возделывавшихся растениях в той или иной местности в определенное время, являются картины художников, изображающие овощные лавки, лубочные картинки, а также иконы, на которых фон может быть представлен деревьями, кустами и цветами, имевшими распространение. Не менее интересны сохранившиеся названия угодий, на которых долгое время произрастали сады, были разбиты виноградники и хмельники. Иконография может давать также сведения об орудиях, способе обработки почвы, уборке урожая и обработке продуктов собранного урожая (напр., льна). Автор приводит сопоставление обнаруженных источников с данными раскопок средневековых памятников в районе Геттингена и останавливается на возможностях и часто возникающих затруднениях в исследовании взаимоотношений человека и растений в прошлом.

Ф. И. Грин (Археологический комитет, Ромсей, Хемпшир, Англия) в докладе «Археологические и документальные свидетельства о средневековых растениях в Англии» подтверждает значение документальных материалов, если они используются в комплексе с археологическими. Названные источники дополняют друг друга и помогают представить более четко картины растениеводства прошлого. Выводы основаны на примерах совпадений документальных и археоботанических данных для отдельных групп растений: злаков, бобовых, трав и овощей, плодовых и орнаментальных растений, сорных и дикорастущих.

В сообщении К.-Э. Бере (Вильгельмсхавен, ФРГ) рассматривались различные аспекты истории пивоварения. С древнейших времен для улучшения вкуса пива в него добавлялись ароматические растения, однако только хмель и восковник (Myrica gale) приобрели особое значение, так как кроме вкуса способствовали консервации продукта. С раннего периода известно несколько находок плодов (орешков) хмеля, однако они могли использоваться не только в пивоварении: шишки хмеля могли употребляться и с лекарственными целями. В IX—X вв. н. э. значение хмеля возрастает. Для этого же времени известны следы солода из раскопок. Начиная с IX в. появляются и письменные источники, свидетельствующие о культивировании хмеля для пивоварения. Первое спорадическое появление восковника известно тоже с ранних времен. В средневековье число находок семян этого растения также возрастает, а в XII в. появляются письменные свидетельства использования этого кустарника в пивоварении. Сопоставляя палеоботанические находки и письменные источники, можно заключить, что оба растения — хмель и восковник — использовались с периода Викингов (раннее средневековье). В позднем средневековье в Германии перешли к употреблению пива, изготовленного только с хмелем, а в XVIII в. хмель стал основной и единственной культурой для пивоварения во всех странах Европы.

В докладе Г. Форни (Аграрный музей, Милан, Италия) «От „пирофитов" к культурным растениям» представлены палеонтолого-лингвистические исследования для обоснования общей теории происхождения культурных растений и животных. В основу работы положены археологические и палеоэкологические, в особенности палеоботанические, данные и сопоставление их с лингвистическими (по материалам Ближнего Востока). Автор связывает их с огневой системой хозяйства эпохи первобытности (эпипалеолитической-неолитической). Растения делятся на устойчивые и неустойчивые к действию огня, т. е. способные и неспособные к возобновлению после выжигания леса, степи и т. д. В докладе проводятся лингвистические параллели между названиями растений и различными земледельческими и охотничье-собирательскими терминами, связанными с применением огня как в индоевропейском, так и в индосредиземноморском лексиконах. Сделан вывод о том, что «огнекультура» явилась первоначальным фоном для окультуривания растений и животных.

Третий раздел книги открывается обстоятельным докладом М. Е. Кислева (Бар-Иланский университет, Израиль). «Ботанические признаки древних (ископаемых) голозерных пшениц на Ближнем Востоке», посвященном наиболее ранним находкам пшеницы на древнем Ближнем Востоке. Они принадлежат к голозерным тетраплоидным видам типа твердой пшеницы. Результаты предыдущих исследований привели автора к выводу, что это независимый таксон Triticum parvicoccum.

Однако для доказательства такого предположения необходимо дать описание систематических признаков. К сожалению, информация, получаемая для ископаемых растений, всегда неполная. Основным компонентом находок обычно является обмолоченное зерно, тщательно очищенное и лишенное других частей растения. Находки более или менее комплектных чешуй или колосков бывают значительно реже, чем находки чистого зерна. Поэтому даже самая небольшая фракция чешуй и колосков, несущая диагностические признаки, не должна быть упущена в находках. Кроме того, детальное изучение даже самых незначительных признаков зерновок помогает идентификации их видовой принадлежности. В связи с этим автор предлагает провести инвентаризацию признаков видов пшениц. Сам он приводит 100 признаков и предлагает другим исследователям добавлять свои. Прежде

чем делать описание ископаемых материалов согласно перечисленным признакам, предлагается проводить описание современных растений. Автор останавливается на современном распространении различных видов пшениц, которое очень помогает при определении археоботанических остатков [2].

Разделы инвентаризации признаков видов пшениц, предлагаемые М. Е. Кисловым, следующие: 1) зерновки, 2) лемма и ость, 3) глюмма, 4) колоски, 5) членики стержня колоса, 6) стебель ниже колоса. Каждый раздел делится на подразделы.

Доклад С. Жакомет (Базельский университет, Швейцария) и Х. Шлихтерле (ФРГ) посвящен исследованию пшеницы свайных построек, описанных О. Геером, и новых находок пшеницы в Швейцарии и на юге ФРГ. В распоряжении авторов был материал из раскопок, проведенных в последнее время, а также ископаемые материалы, хранившиеся в различных музеях. Однако описанная ранее О. Геером мелкокруглозернистая пшеница типа мягкая-карликовая пересмотру не подвергалась, так как была утрачена. Материалы из новых находок были представлены в основном колосовыми остатками. Авторы провели изучение признаков чешуй, междоузлий с помощью электронного сканирующего микроскопа и пришли к выводу, что пшеницы изучаемого региона весьма полиморфны, причем многие образцы несут признаки тетраплоидной голозерной пшеницы. При этом неолитические колоски отличаются большей многозерностью (две — семь зерновок) по сравнению с современными колосками того же вида. К сожалению, в списке литературы, приведенном в докладе, авторы не упоминают работу К. А. Фляксбергера (1930), в которой обугленные образцы пшеницы О. Геера из Швейцарии были тщательно проанализированы.

Сообщение Р. Козина (Вроцлавский университет, Польша) касается также поисков возможностей ботанической идентификации ископаемых остатков пшеницы в целях определения их видовой принадлежности. Автор исследовал особенности строения брюшной бороздки у различных видов пшеницы, выполнив ряд измерений зерновок на поперечном их сечении в современных, ископаемых и искусственно обугленных образцах. Полученные данные по 10 параметрам измерений в многократных повторностях были подвергнуты математической обработке, что дало возможность выявить определенные закономерности строения зерновок у различных видов. Наиболее значительные различия были установлены между однозернянкой и мягкой пшеницей, выделилась также группа спельт. Однако достаточно убедительных различий между зерновками мягкой и твердой пшеницы установить не удалось. Причины этого — большой полиморфизм культиваров в пределах обоих видов и явление «захождения» признаков, что, по-видимому, имело место и в прошлом. Автор также пытался исследовать структуру эндосперма и толщину алейронового слоя у ископаемых и современных образцов и связать эти признаки со строением брюшной полости зерновок. Работа Р. Козина снабжена прекрасными фотографиями, дающими представление об особенностях строения зерновок у различных видов пшеницы.

Исследование Д. Г. Вильсона (Кембриджский университет) посвящено влиянию искусственной карбонизации на видовой состав сорняков и на интерпретацию состава макрофоссильных находок. Отмечено, что семена различных видов по-разному реагируют на огонь или высокие температуры. Испытывалось 12 видов, представляющих основные типы сорняков Европы. Смесь была подвергнута трем различным температурам, причем бралась смесь чистая, смесь, смешанная с почвой, и смесь в сухом и влажном состоянии. В режиме «влажные в почве» некоторые виды не обуглились. Наибольшие же изменения происходили в варианте «сухие без почвы» при температуре 350 и 550° С. Отмечена полная потеря диагностических признаков у видов Brassica, Atriplex, Salvia. Значение особенностей семян вида оказалось более заметным, чем значение условий обугливания. Таким образом, состав сорной растительности в макрофоссильных остатках не отражает состава ее до обугливания. Наиболее устойчивыми в широких интервалах условий оказались злаки.

В докладе С. Боттема (Биолого-Археологический институт, г. Гронинген) проведено изучение состава современных обугленных семян из печей в сельской местности на севере Сирии. В качестве топлива использовались сухие бурьяны, а также овечий навоз, оказавшийся богатым источником остатков семян сорной растительности. Автору удалось выделить 45 групп семян различных видов. Среди них культурных только пять видов. Сопоставление полученных данных с данными состава сорной растительности в ископаемых образцах показало, что и в прошлом в качестве топлива использовался овечий навоз. Этот факт может явиться свидетельством отсутствия лесов в данной местности в определенные периоды. Например, ранненеолитические печи содержат меньше семян сорной растительности, чем печи поселений эпохи бронзы. Эти наблюдения автора подтверждены и палинологической информацией.

Сообщение Дж. Грейга (Бирменгемский университет, Англия), «Палеоэкология различных типов Британских лугов» посвящено видовому составу сена с различных богатых по количеству видов лугов. При этом изучался и состав пыльцы. Работа имела целью сопоставить находки на археологических объектах с сеном,

[2] Например, Средняя Европа сейчас имеет только пять-шесть видов, страны Средиземноморья включают еще четыре вида, континентальная Анатолия и Иран имеют на шесть видов больше. По мере увеличения числа видов в каждом из регионов трудности их определения возрастают.

получаемым на современных лугах. Проведен ряд экспериментов по уборке и сбору образцов в современных условиях.

У. Кербер-Гроне (Штутгартский университет, ФРГ) в своем сообщении указала на необходимость регистрации, документирования и защиты диких и примитивных плодовых деревьев и сбора справочного материала для сопоставления с палеоботаническими находками [3].

В последнем разделе сборника Х. Кроль (Кильский университет, ФРГ), в своем докладе представил сведения о находках остатков растений на многослойном поселении Кастанас (Македония) в эпоху бронзы и раннего железного века. Автор обнаружил чрезвычайно богатый видовой состав культурных полевых, садовых и огородных растений, а также лекарственных, сорных и дикорастущих (лесных). Приводит количественные и качественные изменения в видовом составе их на разных этапах существования поселения. Основными видами во все периоды являлись однозернянка, эммер и пленчатый ячмень. Бобовые представлены несколькими видами; первое место по числу найденных семян принадлежит вике эрвилии. В качестве масличного растения возделывался лен, позже появились рыжик и мак. Мягкая пшеница и спельта первоначально являлись лишь редкими спутниками однозернянки и эммера, но находки в более поздних слоях свидетельствуют о появлении чистых посевов этих видов. Интересно, что найденные семена винограда из ранних и поздних слоев поселения отличаются по форме. Последние более тонкие и вытянутые, что может быть свидетельством смены сортов и появления крупноягодных клонов. Совершенно новыми являются наблюдения автора о наличии нескольких видов лекарственных растений на поселении и даже возможном их возделывании.

Д. Кукан (Вильгельмсхавен, ФРГ) сделала сообщение о видовом составе культурных растений в крепости Под в Центральной Боснии, датируемой VI—IV вв. до н. э. (гальштадт, латен). Здесь обнаружены многочисленные обугленные остатки однозернянки, двузернянки, спельты, карликовой пшеницы, проса, а также бобовых — вики эрвилии, чечевицы, конских бобов и полевого гороха. Новой и неожиданной явилась находка колосков овса с характерными морфологическими признаками дикорастущего вида Avena sterilis. По мнению автора, эта находка (3732 семени и множество чешуй) свидетельствует о том, что этот вид возделывался в Центральной Боснии, тем более что других видов сорных растений не обнаружено.

К. Василикова (Институт ботаники, Краков) сделала обстоятельный обзор фоссильных остатков древних пищевых растений на территории Польши. Автор суммировала результаты всех известных по литературе и собственных исследований палеоэтноботанических находок по видам и эпохам, использовала также данные пыльцевого анализа. В итоге наметилась специфика видового состава пищевых растений и их спутников — сорняков — в большом хронологическом интервале: от неолита по средневековье включительно. В неолите на территории Польши наибольшее значение имели ячмень и пшеница двузернянка. В эпоху бронзы отмечено относительное увеличение числа находок проса. В гальштадтский период наиболее часты находки ячменя и ржи, численность же находок пленчатой пшеницы и проса уменьшается. Появляются находки мягкой пшеницы и ржи в количествах, свидетельствующих об их возделывании, а также бобовых — горох, бобы, чечевица. Впервые появляются лен, мак, рыжик и вишня. В римское время попрежнему доминируют ячмень и рожь. Большее значение приобретают мягкая пшеница, просо, овес и горох. Впервые появляется конопля. В средневековье роль пленчатых пшениц наименьшая. Преобладают мягкая пшеница, ячмень, просо, рожь и конские бобы. Количество находок овса остается на том же уровне, что и в римское время. Интересны наблюдения за динамикой сорной растительности. Число видов, как и численность семян, заметно возрастает от неолита и бронзы к средневековью.

З. В. Янушевич (Ботанический сад, Кишинев) представила материал о видовом составе находок пшеницы в наиболее древних земледельческих центрах на территории СССР. На крайнем Юго-Западе (Молдавия, Украина) с начала V тыс. до н. э. доминируют следы пленчатой пшеницы, в особенности двузернянки, и лишь в средневековье происходит замена их голозерными — карликовой и мягкой. В Крыму на таврских поселениях, в греческих колониях (IV—II вв. до н. э.) и на поселениях поздних скифов (I—III вв. н. э.) широкое распространение приобрели популяции мелкокруглозерной пшеницы типа мягкой и карликовой. В Закавказье в слоях IV—III тыс. до н. э. обнаружены достоверные следы мягкой, карликовой и твердой пшеницы, а также пленчатых — однозернянки, двузернянки и спельты. В Южной Туркмении зафиксировано присутствие мягкой и карликовой пшеницы в слоях IV тыс. до н. э. Закавказье, по мнению автора, следует рассматривать как родину мягкой пшеницы и ряда других первичных видов.

---

[3] Например, определение косточек сливы (Prunus domestica ssp. insititia) на различных по времени поселениях представляет значительные трудности. Для правильной идентификации их необходим набор образцов современных форм этого вида. Когда же число образцов невелико, возникают трудности в идентификации ископаемых форм. Работа осложняется тем, что в последние 30—40 лет на территории ФРГ и в Верхней Австрии наиболее примитивные разновидности стали очень редки. Поэтому особенно важно отметить обстоятельные описания и измерения не только косточек сливы, но и семян других видов плодовых, наиболее часто встречающихся при археологических раскопках.

Г. А. Пашкевич (Институт археологии АН УССР, Киев) представила сообщение о находках растительных остатков на поселениях поздних скифов, расположенных в нижнем течении Днепра. В обугленном материале и в отпечатках на керамике и обмазке зафиксировано присутствие мягкой и карликовой пшениц и особых популяций, состоящих из обоих видов. Кроме того, найдены остатки пленчатого и голозерного ячменей, ржи, проса и овса. Наиболее многочисленны обугленные остатки пшеницы, причем кроме зерновок обнаружены и стержни колосьев, состоящие из нескольких соединенных вместе члеников. Размеры последних дают основание автору заключить, что в посевах на изучаемых поселениях действительно присутствовала карликовая пшеница с плотным сложением колоса и мелкими округлыми зерновками. По морфологии зерновок находка аналогична образцам пшеницы из памятников Крымского полуострова, представленных предыдущим докладчиком.

В сообщении Г. Н. Лисицыной (Институт археологии АН СССР, Москва) «Кавказ — центр древнейшего земледелия Евразии» приведены данные о палеоботанических находках на наиболее древних поселениях Кавказа — Чох, расположенном в горном районе на северо-востоке Дагестана (VI тыс. до н. э.) и на памятниках энеолитической культуры Шулавери—Шомутепе (V — начало IV тыс. до н. э.). Последние расположены в южной части Кавказа, в горах, на равнинах и в межгорных долинах. Видовой состав обнаруженных здесь культурных растений весьма богат — 19 видов. Чохская культура является переходной от собирательства к земледелию. На поселении Чох обнаружено только четыре вида: однозернянка, двузернянка, мягкая-карликовая пшеница и виноград. По мнению автора, земледелие Кавказа не было заимствованным, а развивалось самостоятельно. Кроме того, Закавказье отличается наибольшим богатством видов и разновидностей пшеницы, что также, согласно теории Н. И. Вавилова, свидетельствует в пользу Кавказа как самостоятельного земледельческого очага.

Исследования на территории Западной Европы являются локальными. Сделаны сообщения, относящиеся к трем поселениям неолитического периода: Кларво во Французской Юре (К. Лундстрем-Боде), Эбердинген-Хох-Дорф на юге ФРГ (Х. Кюстер) и Артсвуд в прибрежной зоне Голландии (Дж. П. Палс). В. Стракер (Лондонский музей) исследовала растительные остатки из слоев римского времени на территории Лондона, а Н. А. Паап представил материалы по средневековому Амстердаму. К. Г. Кнерцер (ФРГ) обратил внимание на возможности использования остатков выгребных ям для получения палеоботанической информации.

Симпозиумы Международной рабочей группы по палеоэтноботанике проходят раз в 3 года. На них обсуждаются результаты исследований растительных остатков, добываемых в процессе археологических работ в различных районах земного шара. Получаемые сведения и их обобщения находят широкий выход и применение в ряде других наук, прежде всего таких, как археология, и в частности в ее разделах, связанных с историей земледелия, этнография, палеоэкология, палеоэкономика, история и география культурной флоры.

Исследования последних лет выявили ряд трудностей, возникающих при определении растительных остатков и правильной их интерпретации. Эти трудности и проблемы в программе VI Международного симпозиума в Гронингене были в полной мере учтены. В нее вошли доклады и сообщения, отвечающие на ряд поставленных исследователями вопросов и, таким образом, поднимающие развитие палеоэтноботаники на новую, более высокую ступень.

З. В. Янушевич, Г. А. Пашкевич

МЕЖДУНАРОДНЫЙ КОНГРЕСС СЛАВЯНСКОЙ АРХЕОЛОГИИ
(Киев, 1985)

Международная уния славянской археологии ныне объединяет ученых 19 европейских стран, главным образом археологов, но также антропологов, лингвистов, топонимистов, медиевистов, искусствоведов, архитекторов, палеографов, нумизматов — всех, кто исследует самые различные вопросы истории, культуры и этногенеза славян начиная с самой отдаленной древности до XIV в. включительно. Высшим форумом унии являются Международные конгрессы славянской археологии, которые проводятся раз в пять лет.

V Международный конгресс славянской археологии состоялся в Киеве 18—25 сентября 1985 г. В его работе приняло участие 346 ученых. Из зарубежных наиболее крупными были делегации Болгарии (44 человека), Польши (33), ГДР (28), Чехословакии (23), затем Югославии и Венгрии. Кроме того, в работе конгресса участвовали исследователи из Румынии, ФРГ, Финляндии, Швеции, Бельгии и Норвегии. В составе делегации СССР, которую возглавлял президент конгресса Б. А. Рыбаков, было 177 исследователей. В их числе — ученые академических институтов, университетов, других вузов и крупных музеев Москвы, Киева, Ленинграда, Минска, Кишинева и 20 других городов РСФСР, Украины, Белоруссии и Прибалтийских республик. Кроме того, на заседаниях конгресса присутствовало до 250 представителей науки и общественности Киева, интересующихся историей и культурой славянства.

В работе конгресса анализировались все основные темы славянской археоло-

гии, но главной была избрана «Славянский средневековый город». Всего было заслушано 274 доклада и сообщения, из которых 10 было вынесено на пленарные заседания, остальные распределены по шести секциям. Работа конгресса проходила в деловой, доброжелательной атмосфере. В обсуждении докладов приняло участие свыше 100 человек.

В центре внимания участников конгресса был пленарный доклад Б. А. Рыбакова «Городское язычество Древней Руси», представивший интересный анализ духовной жизни древнерусского горожанина. Докладчик показал, что миропонимание, мифология, искусство и эпос в IX—XII вв. были целиком связаны со славянским язычеством, которое было стройным мировоззрением, сопоставимым в отдельных местах с греческой мифологией и уходящим корнями к индоевропейскому мифотворчеству. После принятия христианства на Руси язычество сохранилось в полной мере в духовной жизни и культуре в течение двух столетий. Языческая символика и миропознание пронизывают произведения прикладного искусства, архитектурные декоры и эпос. В городах проводились языческие обряды и празднества. На Руси было специальное жреческое сословие, выполнявшее ритуальные действия. Только на рубеже XII и XIII вв. устанавливается «двоеверие» — компромиссное равновесие языческих и христианских элементов. Языческая обрядность подключается к церковным празднествам. Русское христианство вошло в жизнь при сохранении или частичном видоизменении славянского язычества. Поражение Руси при нашествии татаро-монгольских орд усилило позиции христианской религии.

Мировоззрение и идеологию западного славянства исследовал В. Гензель (Польша) в докладе «Духовная культура городского населения в раннесредневековой Польше». На первых порах городской жизни и в западнославянском регионе определяющим во всех сторонах духовной культуры оставалось язычество. Археология фиксирует это в орнаментальных мотивах, некоторых элементах обрядности, бытовых особенностях и т. п. Славянское язычество, по утверждению докладчика, было сложной идеологической системой, напоминающей верования кельтов, римлян или германцев. Представление о славянском язычестве как о чем-то примитивном порождено его воинствующим противником — христианством. После принятия христианства исчезают публичные отправления языческого культа; ритуалы и идеологические представления, связанные с личной и семейной жизнью, сохраняются почти в полной мере или претерпевают небольшие изменения.

В изучении раннесредневекового города важнейшей является проблема его возникновения и эволюции на раннем этапе. Обсуждение этой тематики открылось тремя пленарными докладами, посвященными градообразованию в основных регионах славянского мира.

Начальный этап урбанизации восточнославянских земель рассмотрен В. В. Седовым (СССР) в докладе «Начало городов на Руси». Процесс градообразования здесь обусловлен исключительно внутренними социально-экономическими факторами. Докладчик выделяет четыре периода в истории начального градообразования. Первый, догородской (VII—VIII вв.), характеризуется появлением в ареале восточнославянского расселения протогородов — укрепленных и неукрепленных ремесленно-торговых поселений. В следующем периоде (IX — первая половина X в.) возникают ранние города. Они вырастают из протогородов, которые одновременно были и племенными центрами, т. е. сочетали в себе наряду с ремесленно-торговыми политические и военные функции. Для ранних городов свойственно двухчастное строение — княжеско-дружинный детинец и ремесленно-торговый посад. Третий период (вторая половина X—XI в.) характеризуется массовым строительством городов преимущественно в местах концентрации земледельческого населения. В четвертом периоде (XII — начало XIII в.) города широко строятся по всей восточнославянской территории. Возрастает роль княжеской администрации в градообразовании. В последних двух периодах города дифференцируются на большие — административно-культурные центры, имевшие, как правило, двухчастное строение, и малые — поселения ремесленников и торговцев с одночастной структурой.

Доклад Й. Геррманна (ГДР) «Роль прибрежных торговых факторий VIII—X вв. в развитии государственных объединений и городов» посвящен анализу историко-экономической ситуации в связи с зарождением городской жизни в землях балтийских славян. С VIII в. здесь возникают торговые поселения. Ведущая роль в них принадлежала купцам, владевшим крупными торговыми дворами, с которыми была связана и ремесленная и земледельческая деятельность. Такие торговые поселения сыграли основную роль в эволюции славянского общества и зарождении городской жизни. Однако сами они городами не стали. Параллельно с ними функционировали укрепленные поселения (бурги), в которых жили племенные князья и знать. Обладая военно-политической и экономической властью, они и стали основой раннесредневековых городов, а торговые фактории постепенно пришли в упадок.

В докладе Д. Ангелова, Д. Овчарова и А. Попова (Болгария) «Возникновение и развитие болгарского средневекового города» излагались результаты археолого-исторического изучения градообразования в Первом и Втором болгарском государстве. Раннесредневековый город в Болгарии начал складываться в VII в. в условиях освоения античного урбанистического наследия. Города периода Первого болгарского царства — Плиска, Преслав, Тырново — характеризуются монументальностью. Это были прежде всего административные, культурные и рели-

тиозные центры. В эпоху Второго болгарского государства города переживают упадок, они теряют свой монументальный облик и становятся поселениями феодальной знати с сепаратистскими тенденциями.

Три пленарных доклада были посвящены вопросам археологии крупнейших славянских городов. В. Л. Янин (СССР) в докладе «Новгород. Проблемы социальной структуры X—XI вв.» на основе многолетних раскопок в Новгороде показал, что здесь уже в X—XI вв была усадебная застройка и границы усадеб оставались почти неизменными до XIII—XV вв. Комплексным анализом археологических и исторических данных установлено, что начало крупного вотчинного землевладения в Новгородской земле относится к XII в. Экономической основой Новгорода X—XI вв. было также крупное землевладение феодального типа, но оно имело государственный характер. Эксплуатация земель осуществлялась княжеской администрацией, состоящей из представителей социальной верхушки, которая участвовала в получении части государственных доходов. Социальной верхушке и принадлежали городские усадьбы. Эти наблюдения важны для понимания путей формирования феодализма в Северо-Западной Руси и возникновения в Новгороде боярского государства в республиканской форме.

Результаты археологического изучения Киева были освещены в докладе П. П. Толочко (СССР), прослежены этапы эволюции от летописного «града» Кия, занимавшего Старокиевскую гору, до одного из крупнейших городов Европы. Наряду с массовой деревянной застройкой в Киеве широко было распространено каменное строительство — до 40-х годов XIII в. было возведено около 50 каменных культовых и гражданских строений. Заметные успехи достигнуты в изучении архитектурного облика города и характера его застройки на отдельных участках.

Б. Хроповский (Чехословакия) познакомил участников конгресса с итогами археологического изучения славянского города Нитравы. Первоначально это было крупное ремесленно-торговое поселение. В период Великоморавского государства оно становится городским княжеским центром с развитой культурой и церковным монументальным строительством.

В докладе В. Д. Барана (СССР) «Раннесредневековые древности славян Юго-Восточной Европы» были подведены итоги раскопочных исследований памятников V—VII вв. на территории Украины. Выделены комплексы V в., принадлежащие корчакской, пеньковской и колочинской культурам и занимающие территорию от верховьев Днестра и Прута до верховий Псла и Десны. Докладчик полагает, что это был регион формирования трех названных культур, которые он относит к славянам. На материалах раскопок поселения Рашков В. Д. Баран дает реконструкцию общественных отношений славян V—VII вв.

Ж. Выжарова (Болгария) посвятила свой доклад «Славянская деревня в Нижнем Подунавье» сельской округе города. Автором предложена типология средневековых поселений Северной Болгарии по функциональным признакам: селища, городища, крепости.

Самые различные вопросы истории, культуры и этногенеза славян догородского периода рассматривались на заседаниях секции «Древние славяне и их соседи». Доклады, прочитанные здесь, свидетельствуют прежде всего о том, что во всех регионах обширного славянского мира идет активный процесс накопления археологических материалов.

Наиболее ощутимые результаты получены в изучении древностей третьей четверти I тыс. н. э. Состоянию их исследований на территории Польши посвятил свое выступление М. Парчевский (Польша). Актуальные проблемы археологии славян междуречья Эльбы и Одера второй половины I тыс. н. э. проанализировал П. Донат (ГДР). Славянские памятники и находки в Сербском Подунавье были объектом анализа Г. Марьянович-Буйкович (Югославия). Вопрос о славянском расселении правобережной части Нижнего Подунавья в VI—VII вв. рассматривался Д. Димитровым (Болгария). Д. Теодор (Румыния) исследовал славянские культурные элементы VI—IX вв. в Карпато-Дунайском регионе.

Несомненный интерес представляет доклад польского археолога Я. Жака, выявившего некоторые дунайские элементы в культуре славянского населения VI—XI вв., заселявшего междуречье Вислы и Одры. Ряд выступлений был посвящен анализу древностей славян в сравнительно небольших регионах. Так, П. Крошец (Югославия) исследовала древности карантанских славян в связи с их этногенезом; Х.-И. Фогт (ГДР) рассказал о нескольких волнах славянского расселения VI—VII вв. в южных районах территории ГДР; В. Тимпель (ГДР) посвятил свое выступление проникновению славян в Тюрингию; И. Митря (Румыния) — славянским древностям VI—VII вв. в Молдове; Б. Сёке (Венгрия) — итогам изучения поселений XI в. в Юго-Восточной Венгрии.

С обобщающим докладом об общественно-хозяйственной структуре поселений по материалам пеньковской культуры выступил О. М. Приходнюк (СССР). С. П. Юренко (СССР) подвела основные итоги изучения волынцевской культуры Днепровского левобережья. Л. Д. Поболь (СССР) информировал о работах белорусских археологов в изучении памятников археологии середины и второй половины I тыс. н. э. Выступление А. М. Шовкопляс (СССР) было посвящено древностям, открытым и исследованным на территории Киева. Н. М. Кравченко (СССР) рассказала об итогах раскопок многослойного поселения Обухов II, позволивших судить об эволюции общины славян Восточной Европы.

Заслуживают внимания и информационные доклады о многолетних раскопках отдельных славянских поселений. Так, П. Томка (Венгрия) рассказал об иссле-

дованиях поселения в Дарножели-Паражсёге на Дунае, И. Эрделп и Е. Симонова (Венгрия) — о селище Вашарошнамень в Северо-Восточной Венгрии, Х. Кайлинг (ГДР) — о поселении близ Пархина в Шверинском округе.

Существенные результаты получены археологами в изучении взаимоотношений раннесредневековых славян с соседними этносами. Вопрос о контактах между славянскими и германскими племенами в междуречье Эльбы и Одера проанализирован в докладе Г. У. Фосс (ГДР). Контакты славян с франками рассматривались Э. Доннартом (ГДР) и А. Шош (Венгрия). Аварской тематике были посвящены выступления З. Кланица (Чехословакия) и Э. Тот-Хорват (Венгрия). М. Марку (Румыния) осветил взаимоотношения славян и автохтонного населения Трансильвании VI—VII вв.

Большая группа докладов посвящена была римскому и латенскому периодам в истории славян. И. С. Винокур (СССР) анализировал древности украинской лесостепи на протяжении нескольких столетий, от начала нашей эры до третьей четверти I тыс. н. э. включительно, придерживаясь традиционного мнения о славянстве носителей зарубинецкой и черняховской культур. Итогам изучения зарубинецкой культуры посвящено было выступление Е. В. Максимова (СССР). Носителями этой культуры, по мнению докладчика, были славяне, в предшествующее время представленные в Среднем Поднепровье скифскими лесостепными древностями, чернолесской и тшинецко-комаровской культурами, а в более позднее время древностями киевского типа и черняховскими. С интересом был выслушан доклад И. П. Русановой (СССР) об этнических компонентах пшеворской культуры, в котором сделана попытка выделить в составе этой культуры славянские, германские и кельтские элементы. С новыми исследованиями памятников киевской культуры познакомил Р. В. Терпиловский (СССР).

Основательно исследовались многие стороны черняховской культуры. Вопросам домостроительства посвящены были доклады А. И. Журко, А. В. Гудко и В. Н. Цыгылык (СССР). О хронологии черняховских могильников в лесостепной части Украины речь шла в докладе Е. Л. Гороховского (СССР). В. В. Кропоткин (СССР) доложил об исследовании костяных гребней III—IV вв. н. э. с зооморфными изображениями, Б. В. Магомедов (СССР) обобщил данные по черняховским памятникам Южного Побужья.

Археология соседних с черняховским ареалом территорий нашла отражение в докладах Л. В. Вакуленко (СССР) «Прикарпатье в первой половине I тысячелетия н. э.», Д. Н. Козака (СССР) «Волынь в первой половине I тысячелетия н. э.», Е. Пыргала (Польша) «Северо-восточные и восточные земли Польши в конце первобытной эпохи», В. Г. Котигорошко (СССР) «Этнокультурная принадлежность населения Потисья рубежа нашей эры», Э. А. Балагури (СССР) «История формирования славянских культур на территории Северо-Восточных Карпат».

Для раннего славянского этногенеза представляют несомненный интерес выступления С. С. Березанской (СССР), в котором обосновывается фракийская принадлежность чернолесской культуры, А. А. Егорейченко (СССР), где речь шла о принадлежности племен культуры штрихованной керамики балтам, и В. Ф. Генинга (СССР) о древнейших этапах эволюции индоевропейской этноязыковой общности.

Существенным моментом является участие в работах первой секции специалистов разных наук. С докладами выступили помимо археологов лингвисты, топонимисты, антропологи, нумизматы и палеоботаники. С интересом слушался доклад О. Н. Трубачева (СССР) «Языкознание и этногенез славян», в котором анализировались древнейшие языковые контакты славян с италиками, кельтами и германцами. Использование топонимики помогло локализовать ранних славян в Среднем Подунавье. Данные топонимики в связи с историей ранних славян исследовались в выступлениях Э.-С. Эйхлера (ГДР), И. М. Железняка (СССР) и др. Лексика в связи со способами захоронений древних славян анализировалась в докладе Т. Б. Лукиновой (СССР). Антропологическая характеристика древних и средневековых славян была дана в докладах В. Д. Дяченко (СССР) и В. Козак-Зыхман (Польша). С интересом был выслушан доклад Г. А. Пашкевич (СССР) о составе культурных растений, выращивавшихся племенами зарубинецкой, черняховской, пшеворской, липицкой, киевской культур и славянами третьей четверти I тыс. н. э.

В 46 докладах и сообщениях, заслушанных на секции «Происхождение и эволюция раннесредневекового города», а также в дискуссиях по ним обсуждался круг вопросов, связанных с историческими и экономическими условиями появления городов в различных регионах славянского мира, с выявлением закономерностей и основных тенденций в градостроительстве. М. Рихтер (Чехословакия) в докладе «Главные тенденции развития городов в Чехии» показал, что городской жизни здесь, как и на Руси, предшествовал период протогородов. Последние возникали в регионах концентрации земледельческого населения. Такие агломерации отчетливо выделяются по данным археологии с IX в. К X в. относятся первые города, они эволюционировали из протогородов с административными функциями. Ранние города Чехии были прежде всего административными центрами более или менее крупных регионов, а с XII в. они становятся крупными рынками, связав свои функции с торговой деятельностью.

Зарождению раннесредневековых городов на лужицко-шленском пограничье посвятил свое выступление Т. Доманский (Польша). Ранний этап развития го-

родов Польши стал объектом рассмотрения в докладе А. Зберского (Польша). А. Грингмут-Дальмер (ГДР) в докладе «Земледельческие поселения как предпосылка развития города между Эльбой и Одером» показал, что основным путем возникновения городской жизни здесь были концентрация поселений и дифференциация их на сельскохозяйственные и ремесленно-торговые. В. П. Коваленко (СССР) в докладе «Основные этапы развития летописных городов Чернигово-Северской земли», проведя анализ возникновения городов, выделил два этапа: 1 — протогородской (VIII—IX вв.) и 2 — формирования ранних городов (X в.). В. А. Булкин (СССР) сосредоточил внимание на географических условиях образования городов в Верхнем Поднепровье. А. П. Моця (СССР) исследовал градообразование в днепровском левобережье.

Большой интерес представляли доклады по этой проблематике, основанные на конкретных материалах из раскопок одного из славянских городов. Так, Е. Н. Носов (СССР) в докладе «Новгород и Рюриково городище в IX—X вв.» исследовал вопрос о происхождении Новгорода Великого. А. Н. Кирпичников (СССР) подвел итоги многолетним археологическим исследованиям Ладоги, проанализировав этапы ее развития от протогородского населения к раннему городу. Вопрос о начале Ладоги рассматривался и в выступлении Г. С. Лебедева (СССР). О предпосылках возникновения Ростова шла речь в докладе А. Е. Леонтьева (СССР).

Одному из великоморавских поселений — городищу Поганско было посвящено выступление Б. Достала (ЧССР), который показал, что в нем имеются все элементы раннесредневекового города. Конкретная картина эволюции догородского поселения в раннесредневековый город была показана на археологических материалах из раскопок Бранденбурга в докладе К. Гребе (ГДР). Доклад об исследованиях Волина прочитал В. Филиппповьяк (Польша), о Старграде Щецинском — Р.-Ф. Рогош (Польша), о Плиске — Р. Рашев (Болгария), о возникновении и развитии Тырнова — П. Славчев (Болгария), об Ольденбурге-Старигpаде, в раскопках которого участвуют украинские археологи,— К.-В. Штруве (ФРГ), о киевском детинце — С. Р. Килиевич (СССР), о Пскове — И. К. Лабутина (СССР), о Суздале — М. В. Седова (СССР).

Для лучшего познания начального процесса урбанизации в славянском мире большое значение имеют доклады, посвященные аналогичному явлению в соседних землях. Ш. Олтяну (Румыния) рассказал о становлении средневековых городов на территории Румынии; И. Холл (Венгрия) — о развитии города Шопрона от римского времени до средневековья; Э. Ю. Тыниссон и Ю. Я. Селиранд (СССР) в своих докладах анализировали предпосылки и условия возникновения городов на территории Эстонии и Латвии.

В докладе «Западноевропейские и древнерусские города» Ж. Бланкофф (Бельгия) показал различия между этими городами и исследовал общие моменты, проявляемые в социальной топографии, административных функциях и роли ремесел и торговли. Различия и общие черты в эволюции городской жизни Древней Руси и Западной Европы рассматривались и в выступлении З. Эпперляйн (ГДР).

В секции «Жизнь и быт средневекового города» было заслушано 47 докладов и сообщений по различным вопросам домостроительства, ремесла и его отдельных отраслей, технологии и быта. Среди выступлений, посвященных славянскому жилищу, доклады В. Шиманского (Польша) о строительных традициях VII—VIII вв. по материалам поселения в Вышеграде; Н. Н. Фараджевой (СССР) о домостроительстве X—XIII вв. в Новгороде; М. Г. Рабиновича (СССР) об этнографической характеристике дома русского горожанина; Р. Анчевой (Болгария) о жилищном строительстве в Тырнове.

Особенности различных ремесел нашли отражение в докладах: М. Ф. Гурина (СССР), посвященном кузнечному ремеслу западнорусских городов, М. Декувны (Польша) о технологии серебряных украшений IX—XII вв. западных славян, С. Бонева (Болгария) и Е. Цнотлывы (Польша) о костерезном деле в балканских и польских городах и др. В выступлениях Ю. Л. Щаповой и Р. С. Орлова (СССР) анализировались структура древнерусского ремесла, пути передачи производственного опыта ремесленниками.

С интересом выслушаны были доклады Я. Н. Щапова и Е. И. Соколовой (СССР) о сущности городского института архимандритии на Руси, А. С. Хорошева (СССР) о происхождении и социально-политической характеристике боярства древнего Новгорода, В. А. Бурова (СССР) об уличанской общине этого города. Заслуживают внимания также доклады Е. Гайналовой (Чехословакия) и К. Д. Эгера (ГДР) о развитии огородничества и полеводства в средневековых городах по материалам палеоботаники. Несколько докладов посвящены были антропологии славян и нумизматическим материалам.

Следующая группа из 32 докладов (секция «Средневековый город и его округа») была посвящена сельской округе, без изучения которой невозможно понять условия зарождения, становления и развития городской жизни. Среди этих докладов выделяются прежде всего выступления, в которых анализировались взаимоотношения между городом и сельской округой. Таковы доклады Н. Ф. Котляра (СССР), в котором исследовалась история формирования государственной территории Киевской Руси; С. С. Ширинского (СССР), где на материалах курганов выделены округа древнейших городов Среднего Поднепровья; Б. Бабича (Югославия), который исследовал систему и характер структуры расселения славян в Македонии; Ю. Береш (Чехословакия) о славянских укрепленных поселениях

в Восточной Словакии; Л. Дончевой-Петковой (Болгария) о поселениях Южной Добруджи и др.

В ряде докладов подводились итоги археологического изучения сельских поселений. Поселениям южнорусских земель посвятили свои выступления украинские археологи А. Т. Смиленко, А. А. Козловский, С. А. Беляева, О. В. Сухобоков. А. З. Винников (СССР) рассказал о поселениях бассейна Дона; Я. Г. Риер (СССР) сделал обзор археологического изучения древнерусской деревни в целом. Раннесредневековые поселения прибрежной части Добруджи были объектом рассмотрения К. Ботова (Болгария). Г.-В. Мехельк (ГДР) проанализировал поселенческую структуру VIII—X вв. в одном из микрорегионов Эльбо-Одерского междуречья; Л. Вандор (Венгрия) рассмотрел поселения IX—XIII вв. в Юго-Западном Задунавье.

Для освещения сельской округи и ее взаимосвязи с городами широко привлекались и материалы могильников. Таковы доклады Ф. Шмидта (ГДР), И. Койчевой (Болгария), Д. Серафимовой (Болгария), С. Симеонова (Болгария), Е. А. Шмидта (СССР).

Активно протекала работа секции «Города, их культурные и торговые связи», на которой было заслушано 45 докладов. Славянский мир жил и развивался в постоянных, часто тесных политических, торговых и культурных контактах как между отдельными землями и регионами, так и в международном масштабе, свидетельствуя о высоком уровне славянской культуры и общества. С большим интересом были выслушаны два доклада археологов из Швеции — И. Янссона «Контакты между Киевским государством и Швецией в X—XI вв.» и В. Душко «Киевские украшения с чернью X—XIII вв.» в Швеции, в которых анализировались находки древнерусского происхождения, обнаруженные в Скандинавии и позволяющие говорить о влиянии ювелирного дела Руси на развитие ремесла в этом регионе. Г. В. Глазырина и Т. Н. Джаксон (СССР) исследовали данные древнескандинавских письменных источников о городах Древней Руси. Е. А. Мельникова (СССР) рассказала о новых находках скандинавских рунических надписей на территории СССР.

Торговые связи Древней Руси с дунайскими и западнославянскими землями исследовались в докладах М. Комши (Румыния) и В. Б. Перхавко (СССР). О контактах Руси с Великой Моравией речь шла в выступлении Т. А. Пушкиной (СССР). Славяно-венгерские отношения нашли отражение в докладе А. Руттткая (Чехословакия). Интересным было выступление Д. Варике (ГДР) о культурных и торговых контактах между славянскими и неславянскими землями в регионе Балтийского моря. О берестяных грамотах Новгорода как источнике изучения средневековой торговли речь шла в докладе Е. А. Рыбиной (СССР). Нумизматические данные в связи с исследованием контактов между различными регионами анализировались в выступлениях Е. Кольниковой (Чехословакия) и А. В. Фомина (СССР).

Ряд докладов, прочитанных на этой секции, основывался на монографических исследованиях одного памятника. Таковы доклады В. П. Даркевича (СССР) о Старой Рязани. П. Ф. Лысенко (СССР) о Берестье, А. Г. Векслера (СССР) о Москве, Я. Гурбы (Польша) о Червене, В. Антоновой и Д. Владимировой-Аладжевой (Болгария) о Шумене и др.

В результате археологических раскопок постоянно пополняется источниковедческая база для исследований архитектуры и живописи, прикладного искусства и письменности. Эта тематика рассматривалась в 40 докладах и выступлениях в ходе работы шестой секции — «Архитектура, искусство, духовная культура».

Первая группа докладов охватывала проблематику зодчества Древней Руси и южнославянских земель. Ю. С. Асеев (СССР) проанализировал вопрос о месте и вкладе архитектуры Древней Руси в развитие мировой культуры. Памятники архитектуры Киева стали объектом исследования Г. Н. Логвина (СССР). М. В. Малевская (СССР) обратила внимание на раннеготические элементы в архитектуре Западной Руси, а И. О. Иоаннисян (СССР) сопоставил некоторые особенности древнерусского зодчества с романской архитектурой. Памятники архитектуры и живописи балканских славян исследовались в докладах П. Георгиева, В. Вылова, Г. Стояцова (Болгария). Некоторые выступления касались архитектурно-градостроительных особенностей славянских городов — Н. Г. Логвиной (СССР), М. Станчевой (Болгария) и др. Организации строительного дела в древнерусских городах посвятил свой доклад П. А. Раппопорт (СССР). Интерес представляют доклады по архитектуре рядового жилища славянского города (В. А. Харламов — СССР; В. Тодорова-Дочева — Болгария). Целый ряд выступлений был посвящен оборонительным сооружениям в городах и крепостях славянского мира.

В докладах, прочитанных С. А. Высоцким (СССР), В. Г. Пуцко (СССР), Е. Мановой (Болгария), М. Робовым (Болгария) и др., раскрывались художественные особенности славянской культуры на основе предметов прикладного искусства, фресковой росписи или мозаик.

Памятники славянской письменности были объектом рассмотрения в докладах А. А. Медынцевой (СССР), В. П. Яйленко (СССР), М. А. Аспарухова (Болгария) и др. В научный оборот были введены новые находки граффити, берестяных грамот, надписей на различных предметах. А. В. Чернецов (СССР) посвятил свое выступление феодальной эмблематике в чекане русских городов XIV—XV вв.

Проблема духовной культуры нашла отражение в докладах Б. Гедиги (Польша) «Следы традиций дохристианских верований в раннесредневековых городах Силезии» и Я. Е. Боровского (СССР) «Язычество древнего Киева».

В программу конгресса входили два выездных заседания. Одно из них состоялось в Чернигове, где выступили первый секретарь Черниговского обкома КПСС Л. И. Палажченко, рассказавший о современном социалистическом и культурном строительстве на Черниговщине, и В. П. Коваленко, познакомивший участников конгресса с археологией города. В Переяслав-Хмельницком был заслушан доклад Б. А. Рыбакова о «Слове о полку Игореве» в связи с 800-летием этого литературного памятника. В этих городах участники конгресса побывали на археологических раскопках, осмотрели музеи и памятники древнерусского зодчества. В Киеве в музее истории города была устроена археологическая выставка «Славяне и Русь», экспонировавшая важнейшие находки последнего десятилетия.

Конгресс стал важным событием в славяноведении. Он отразил успехи и современное состояние славянской археологии и безусловно станет мощным импульсом в дальнейших изысканиях в общих и частных вопросах истории, культуры и этногенеза славянства. Конгресс способствовал укреплению научных связей между европейскими странами и координации усилий ученых в разработке коренных тем славянской археологии.

Следующий, VI Международный конгресс славянской археологии, основной темой которого будет «Этногенез и расселение славян», состоится в Югославии в 1990 г.

В. В. Седов, А. В. Чернецов, В. Д. Баран

ВСЕСОЮЗНЫЙ НАУЧНЫЙ СЕМИНАР «НОВЫЕ МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ, КОНСЕРВАЦИИ И РЕСТАВРАЦИИ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ НАХОДОК» (Киев, 1984)

27—30 ноября 1984 г. в Киеве проходил Всесоюзный семинар по теме «Новые методы исследования, консервации и реставрации археологических находок». Его проводил Всесоюзный научно-исследовательский институт реставрации Министерства культуры СССР совместно с Государственной научно-исследовательской реставрационной мастерской Министерства культуры УССР. В работе семинара приняли участие 136 специалистов из 12 союзных республик.

Семинар открыла заместитель министра культуры УССР В. Б. Врублевская. Она подчеркнула настоятельную потребность ускоренной перестройки дела реставрации археологических находок в УССР и других союзных республиках. Прирост археологических фондов во много раз опережает существующие сегодня возможности их реставрационной обработки. Каждый полевой сезон приносит находки исключительной культурно-исторической значимости. Их необходимо сохранить в интересах науки и общества.

Директор ВНИИ реставрации И. П. Горин в своем выступлении отметил своевременность поднимаемых реставраторами проблем, важную практическую помощь семинара в повседневной работе реставраторов.

В первый день заседаний были заслушаны доклады и сообщения, посвященные общим проблемам консервации и реставрации археологических предметов.

О. В. Обельченко (Москва) в докладе «Проблемы консервации и реставрации археологических находок» проанализировал общие тенденции и закономерности развития современной археологической реставрации. Автор подчеркнул, что этот процесс неразрывно связан с применением в реставрационной практике новых материалов и методов. Современная реставрационная наука немыслима без использования достижений в области химии полимеров, без применения новейших физических и химических методов исследования, использования разнообразной технической аппаратуры. Особое значение имеют полевая консервация и первичная обработка археологических находок. Важной проблемой остается задача изъятия археологической находки из культурного слоя, упаковки и транспортировки ее в стационарную лабораторию. Наиболее надежным является метод изъятия находки в монолите, что создает максимальные условия сохранности до поступления предмета в лабораторию.

В докладе В. В. Зверева (Москва) «Понятие археологической реставрации (проблема толкования)» рассматривался важный и спорный вопрос содержания термина «археологическая реставрация». По мнению автора, этот термин допускает по крайней мере два толкования: сфера деятельности реставратора, занимающегося проблемами сохранения археологических объектов, и подход к решению реставрационной проблемы в целом. Традиционное представление о реставрации как восстановлении памятников в прежнем, «авторском» виде было переориентировано на их консервацию. Теоретической основой археологической реставрации стало представление об объекте реставрации как о памятнике прошлого, источнике для исторической науки. Целью археологической реставрации является сохранение материальных остатков. Археологическая реставрация в настоящее время является научно организованным процессом, предполагающим участие специалистов различных областей знания. Принципы археологической реставрации, разработанные в

начале XX в., сохраняют свою актуальность и в современной реставрационной практике. Они подтверждены Венецианской хартией 1964 г.

Доклад Н. Н. Жуковой (Москва) «У истоков научной реставрации в СССР: Институт археологической технологии» был посвящен деятельности Института археологической технологии, созданного в 1919 г. при Государственной академии истории материальной культуры. Институт просуществовал до 1931 г., а с 1925 г. на положении его филиала работала музейная секция Московского отделения ГАИМК. Специалисты института осуществляли исследования в области сохранения древнерусской живописи, металлических изделий, древних тканей, керамики. Н. Н. Владыко и О. Л. Фирсова (Москва) в докладе «Проблемы и состояние подготовки кадров художников-реставраторов археологических находок» затронули проблемы обучения современных реставраторов, специализирующихся в области реставрации археологических находок.

В докладе Л. А. Лелекова (Москва) «Реставрация археологических памятников за рубежом» рассматривались проблемы современной зарубежной археологической реставрации. Музеи и археологические службы Европы, США, Канады, Японии, Индии в последние годы все шире разворачивают региональные сети стационарных и передвижных реставрационных лабораторий с новейшим исследовательским и технологическим оснащением. Основной тенденцией в последние годы стали сокращение объема реставрационных работ непосредственно в полевых условиях и пропорциональное возрастание объема камеральных работ в условиях лабораторий. Это обеспечивает высокое качество процесса реставрации и максимально возможную полноту извлечения содержащейся в объекте технической и культурно-исторической информации.

Л. П. Новикова (Душанбе) в докладе «Археологические находки Таджикистана» подвела некоторые итоги работ реставраторов в этой республике. Материал, с которым приходится встречаться реставраторам при работе на археологических объектах в Таджикской ССР, разнообразен: глиняная, ганчевая и деревянная скульптура, настенная живопись, изделия из кости, металла, ткани, стекла, кожи, керамики. Сохранность их неодинакова, но практически все требуют реставрационной помощи. К числу наиболее эффективных методов, разработанных в последние годы, относится способ извлечения произведений искусства из завалов с помощью заливочного пенопласта. В докладе В. В. Шлеева (Киев) «К вопросу об использовании различных видов литературы при исследовании и реставрации археологических находок» были затронуты вопросы работы с различными видами литературы при исследовании и реставрации археологических экспонатов. В докладе «Консервация фрагментов древнего пола Софии Киевской» Ю. Н. Стриленко (Киев) рассказала о результатах работы группы специалистов по консервации фрагментов древнего пола XI в. из Софийского собора в Киеве. Консервация была проведена составом на основе полимолекулярных кремнийорганических соединений. Сохранившиеся фрагменты пола представляли собой конгломерат различных по структуре и плотности материалов — шиферных плит, мозаичного набора, плинфы, лессового грунта, известково-цемяночного раствора. Процесс консервации включал в себя очистку и последующее структурное укрепление при помощи специально разработанного состава «Силиокс».

В. Н. Ярош (Москва) в докладе «Использование физических методов при исследовании археологических находок» продемонстрировала методы определения подлинности разрозненных частей изделия из камня (на примере исследования фрагментов скульптуры Георгия из Музеев Московского Кремля). Для этих целей успешно применяются методы петрографического, рентгенофазового и микропалеонтологического анализа камня. В докладе С. С. Давыдова (Самарканд) «Регенерация физических свойств материалов как возможное направление реставрации» была рассмотрена проблема современной консервации археологических находок — восстановление утраченных физических свойств предмета за счет его внутренних материальных ресурсов. Доклад Б. Я. Ставиского (Москва) «Раскопки буддийского культового центра первых веков н. э. на холме Кара-тепе (Термез) как «полигон» по отработке методов исследования, консервации и реставрации археологических находок» был посвящен вопросам комплексной археологической консервации и реставрации. В докладе Н. А. Ковалевой и Е. И. Желтова (Москва) «Полевая консервация и реставрация живописи и скульптуры на лессово-ганчевых основаниях» подводились итоги работы сотрудников сектора среднеазиатской живописи ВНИИ реставрации по использованию в полевых условиях метода укрепления живописи и скульптуры, связанного с использованием растворов БМК-5 (сополимер бутилметакрилата с метакриловой кислотой). Главным достоинством метода является полное сохранение декоративных качеств объекта при достаточном силовом укреплении.

Доклад С. В. Вивденко и А. И. Апазиди (Ташкент) «Поиск закрепляющего состава для живописи на лессовом основании» освещал вопросы разработки нового укрепляющего состава для живописи на лессовом основании. Такой препарат был синтезирован из акриловых полимеров. Он проявил хороший укрепляющий эффект при отсутствии традиционных отрицательных качеств, характерных для старых материалов.

Во второй день работы семинара было прочитано 14 докладов и сообщений. С. И. Карпович (Минск) в докладе «Состав на основе синтетической смолы и антисептика для консервирования деревянных археологических объектов», подготовленном группой исследователей, подчеркнул актуальность вопроса сохранения

археологической древесины. Основные требования к консервирующему составу следующие: 1) обеспечить достаточную защиту от грибковых повреждений; 2) легко проникать во влажную древесину и распределяться в ней в результате диффузии; 3) не изменять внешнего вида древесины; 4) повышать механическую прочность древесины; 5) быть нелетучим, невзрывоопасным, неядовитым; 6) отверждаться в структуре древесины без термического воздействия. Наиболее полно этим требованиям отвечают составы, содержащие карбамидоформальдегидную смолу МФПС-1 с добавкой антисептика ББ-32 и хлористого аммония, а также состава на основе смолы МФПС-1 и кремнефтористого аммония. Консервирование древесины указанными составами проводилось методом инъектирования через специальные иглы. **В докладе Н. В. Переудиной** (Москва) «Вопросы исследования, консервации и реставрации археологических изделий из бересты» освещались проблемы, связанные с реставрацией берестяных грамот и предметов из бересты (туеса, коробки, грузила и др.).

Доклад С. Ю. Казанской (Минск) «Консервация насыщенной водой археологической древесины с использованием метода горяче-холодных ванн» был посвящен способам стабилизации формы и размеров мокрых деревянных находок с использованием горяче-холодных ванн, в которых холодная ванна содержит пропитывающий состав, а горячая — теплоноситель. Реализация этого способа позволяет решить важный технологический вопрос — замещение воды в структуре древесины на консервирующий состав и последующий его перевод в твердое состояние без полного высушивания древесины. Процесс консервации проходит за несколько (три—семь) циклов попеременной проводки находок через две ванны и заканчивается всегда в горячей ванне.

Доклад И. С. Лусе (Рига) «О возможности защиты древесины археологических раскопок препаратом „Эрлит" и защитно-красящими составами на основе политрибутилоловоакрилата», подготовленный группой исследователей, содержал сведения о созданном эффективном водорастворимом препарате «Эрлит», который обладает высокой защитной способностью по отношению к микроорганизмам, древоразрушающим грибкам и насекомым, понижает горючесть древесины и повышает его механическую прочность. «Эрлит» хорошо проникает в древесину, обладает высокой растворимостью в воде, менее вреден для человека, чем остальные препараты.

Е. П. Белецкая (Киев) представила доклад «Консервация археологической древесины составом „Стык"», также подготовленный группой исследователей. Раствор нового состава на основе полиуретановой смолы в органических растворителях обладает высокой проникающей способностью. Полимеризуясь в древесине, состав придает материалу значительную механическую прочность, эластичность, устойчивость к изменениям температурно-влажностного режима, а также биостойкость.

Доклад Э. И. Валк-Фалка (Таллин) «Консервация археологической кожи» был посвящен результатам работы реставрационной лаборатории Государственного художественного музея ЭССР в области консервации и реставрации ремесленных изделий из кожи, найденных в археологических раскопках, а также кожаных переплетов и покрытий мебели.

Ряд докладов был посвящен проблемам реставрации археологических тканей. Доклад Э. Ю. Пеэтс (Таллин) «О результатах лабораторных исследований археологических находок текстиля в Эстонии» касался проблем сохранения археологических находок ткани. Автор подчеркнул, что в процессе консервации с текстилем могут произойти различные химические и механические изменения, а потому находки нуждаются в комплексном исследовании уже в ходе консервации.

С. В. Левушкина (Ташкент) в докладе «Некоторые проблемы идентификации красящих веществ на археологических тканях» сообщила о применении способа идентификации красильного сырья на археологических тканях методом тонкослойной хроматографии. В. П. Голиков (Москва) в докладе «О возможности современных аналитических методов при исследовании археологического текстиля» обратил внимание специалистов на необходимость комплексного современного физического и химического исследования археологических текстильных изделий, включающего оптическую и электронную растровую микроскопию, микрохимический, эмиссионный спектральный и микрозондовый анализы, экстракцию различными растворителями, спектрофотометрию, тонкослойную хроматографию и другие методы. Полученные этими методами сведения необходимы для атрибуции и датировки текстиля и рационального выбора методов очистки, укрепления, дублировки и придания экспозиционного вида. В докладе А. К. Елкиной (Москва) и М. И. Степан (Киев) «Применение новых синтетических материалов в реставрации текстиля» были рассмотрены свойства новых полимерных материалов фторлона Н-26 и эластичных акрилатных сополимеров А-45-К и БАВ для консервации и дублирования археологических тканей в полевых условиях и реставрации крайне денатурированных музейных предметов.

Два сообщения были посвящены проблемам архитектурно-археологических объектов. Доклад И. Ючене (Вильнюс) «Исследование и консервация архитектурно-археологических находок Вильнюса, Тракая и Биржая» был посвящен проблемам консервации и реставрации таких всемирно известных памятников, как Вильнюсский замок, фрагменты вильнюсской оборонительной стены начала XVI в., Артиллерийского бастиона, деревянной застройки Вильнюса XIII—XIV вв., а также стен первичной застройки Тракайского и Биржайского замков и бастионных земляных укреплений.

Сообщение А. Жалнерюса и В. Жулкуса (Каунас) «Исследование и консервация археологических находок в Каунасе и Клайпеде» содержало информацию о проведении консервационных и реставрационных работ комплекса воскоплавильных печей, жилых домов и ремесленных мастерских на Ратушной площади в старом Каунасе.

В докладе В. М. Ромащенко (Киев) «Применение эндоскопии в исследованиях предметов прикладного искусства» анализировал опыт применения эндоскопии как метода исследования внутренней поверхности музейных объектов, в том числе и археологических находок. К. Ф. Никитина (Ленинград) в докладе «Консервация и реставрация археологической кости» рассматривала вопросы деструкции ископаемой кости, способы извлечения ее из слоя в процессе раскопок, этапы консервации и методы изучения. Методика отработана на богатом полевом опыте экспедиций Государственного Эрмитажа.

В третий день работы семинара было прочитано 13 докладов и сообщений. Доклад А. И. Минжулина (Киев) «Применение аппаратов, приборов оснастки и инструментов при реставрации археологического металла» содержал перечень приборов и инструментов с описанием методики их применения в практике реставрационной деятельности: электрошкаф вакуумный сушильный СНВС-4, Бокс-6, ПП1-ОС, ванна пропиточная ВПЗ-2, прибор ЗИ-1 У42, осветитель. Автор подчеркнул, что применение технических средств при реставрации археологических экспонатов позволяет достигнуть качественного улучшения консервационных и реставрационных процессов, их ускорения и обеспечить технику безопасности реставраторов. В сообщении Е. В. Черненко (Киев) были акцентированы вопросы необходимости тесной практической взаимосвязи археологов и реставраторов. Доклад Н. Г. Герасимовой и Н. И. Груздевой (Ленинград) «Измерение цвета в процессах реставрации» представил слушателям результаты научных опытов по измерению цветовой гаммы предметов в ходе реставрационного процесса. Сообщение И. Л. Зараковской (Новгород) «Реставрация археологических находок в Новгородском музее-заповеднике» ознакомил слушателей с результатами работы новгородских реставраторов по сохранению новгородских берестяных грамот.

Доклад М. С. Гринкруга и И. Г. Равич (Москва) «Реставрация серебряного археологического сосуда IV в. до н. э.» рассматривал методику восстановления серебряного сосуда иранской работы, найденного в 1981 г. при раскопках ритуального комплекса в ауле Уляп (Адыгейская АО). В докладе А. П. Белкина и М. В. Нацкого (Москва) «Метод обработки активных очагов коррозии медных сплавов» освещались проблемы предотвращения рецидивной прогрессирующей коррозии металла как наиболее важные при реставрации экспонатов из медных сплавов. Сообщение М. А. Салум (Таллин) «О предотвращении медного осадка при очистке предметов из цветных металлов» содержало сведения о способе удаления так называемой красной патины, которая возникает при удалении зеленых продуктов коррозии с изделий из бронзы и серебра химическим или электролитическим путем. В сообщении Ю. И. Кравченко (Киев) «О реставрации мозаик II в. памятника археологии Дзалиси Грузинской ССР» освещались вопросы консервационных и реставрационных работ на известном историческом памятнике. Сообщение О. А. Трусова (Минск) «Исследование, консервация и реставрация керамических изделий на примере кухонной и столовой посуды XII—XIX вв. и изразцов XIV—XX вв.» ознакомило реставраторов с технологией консервационных и реставрационных работ с силикатными материалами.

Два доклада было представлено И. А. Хазановой (Москва). Первый («Извлечение из земли сильно разрушенных археологических объектов из стекла») был посвящен проблеме сохранения археологических находок, разрушенных в результате механического и химического воздействия на предмет. Второй («Реставрация расписного стеклянного сосуда») содержал информацию о реставрации стеклянного сосуда, найденного в сарматском погребении в 1978 г.

Доклад М. Н. Лебель (Ленинград) «Реставрация археологического камня» был посвящен рассмотрению проблемы на материалах Государственного Эрмитажа. Сообщение В. И. Строгановой (Ленинград) «К проблеме сохранения и консервации археологических предметов из глины различной степени обжига (опыт работы с клинописными таблетками XXVI—XXI вв. до н. э.)» ознакомило участников семинара с практикой работы в этом направлении реставраторов Государственного Эрмитажа.

В последний день работы семинара было прочитано 5 докладов. В. И. Цитович (Киев) («К проблеме сохранения и реконструкции древнерусских курганных комплексов») посвятил доклад вопросам сохранения древнерусского курганного могильника как многофункционального памятника прошлого (археологического, архитектурного, мемориального), а также неотъемлемой части антропогенного реликтового ландшафта.

Доклад В. П. Голикова (Москва) «Комплексное исследование археологических материалов из Тилля-тепе (Афганистан)» содержал сведения о результатах исследования археологических образцов, найденных во время раскопок совместной советско-афганской экспедиции. В сообщении А. П. Белкина (Москва) «Античный ритон из Адыгеи — технологические особенности изготовления и реставрации» на конкретном примере была продемонстрирована практика работы с археологической находкой из серебра.

Сообщение Э. Додаржонова и М. Кабировой (Гиссар) «Исследование, реставрация и консервация археологических памятников на территории Гис-

сарского историко-культурного заповедника Таджикской ССР» касалось вопросов, связанных с созданием историко-культурного заповедника, в сферу деятельности которого входит и проведение реставрационных работ. Сообщение Н. Г. Герасимовой (Ленинград) «Исследование археологической древесины в связи с ее консервацией» ознакомило участников семинара с практикой работы по консервации археологических находок из дерева в Государственном Эрмитаже.

С завершающим докладом выступил директор Государственной научно-исследовательской реставрационной мастерской Министерства культуры УССР А. А. Ромейко. Он ознакомил присутствующих с результатами научной и практической деятельности украинских реставраторов.

Работа семинара завершилась научной дискуссией по вопросам консервации и реставрации археологических находок. Все выступавшие поддержали идею систематического проведения подобных семинаров, но с тематическими ограничениями повестки дня. С. Ю. Казанская высказалась за предельно узкую специализацию не только семинаров и конференций, но и всей учебной подготовки кадров специалистов в области реставрации археологических объектов. Эта позиция вызвала резкие возражения К. Ф. Никитиной и других участников семинара. Е. И. Желтов отмечал отсутствие необходимого рабочего контакта в полевых условиях между археологом и реставратором. Преследуя различные цели, оба специалиста еще не умеют рационально и без ущерба для обоих видов деятельности совмещать очередность раскопочных, исследовательских и реставрационных операций. О. А. Трусов настаивал на необходимости широкой пропаганды накопленного позитивного опыта использования новых методов исследования археологических памятников. Л. А. Лелеков критически отозвался о формировании программы семинара, предложил целенаправленно формировать повестку дня следующего такого мероприятия посредством отбора немногих проблемных выступлений, заранее поручаемых оргкомитетом конкретным докладчикам, и введением практики оппонирования хотя бы для двух-трех основных докладов. Это предложение было поддержано В. П. Голиковым и О. В. Обельченко.

Оживленная дискуссия развернулась по вопросам деструкции биополимеров в археологических объектах (В. П. Голиков, С. С. Давыдов).

Работа семинара прошла в деловой и творческой обстановке. За время пребывания в Киеве участники семинара совершили экскурсию по городу, посетили музеи и реставрационные организации, приняли участие в специализированных реставрационных советах. На заседаниях были продемонстрированы учебные и методические кинофильмы. Большой интерес собравшихся вызвал показ кинофильма о реставрации скифского защитного доспеха с поножами, щита, акинака, наконечников стрел и шлема, подготовленный реставраторами Государственной научно-исследовательской реставрационной мастерской Министерства культуры УССР.

Следующее совещание по вопросам реставрации археологических находок намечено провести осенью 1985 г. в Государственном Эрмитаже.

Н. Н. Владыко

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АИУ(АДУ) — Археологические исследования на Украине
АКМ — Археологическая карта Молдавской ССР. Кишинев
АСГЭ — Археологический сборник Гос. Эрмитажа
АО — Археологические открытия
АС — Археологический съезд
БКИЧП — Бюллетень Комиссии по изучению четвертичного периода. Москва
ВГПИ — Воронежский гос. педагогический институт
ВДИ — Вестник древней истории
ГАИМК — Гос. академия истории материальной культуры. Москва — Ленинград
ГИМ — Гос. Исторический музей. Москва
ГМГ — Гос. музей Грузии АН ГССР. Тбилиси.
ГНИМА — Гос. научно-исследовательский музей архитектуры им. А. В. Щусева. Москва
ГЭ — Гос. ордена Ленина Эрмитаж. Ленинград
ЗОРСА — Записки отделения русской и славянской археологии Русского археологического общества. СПб.
ЗРАО — Записки Русского археологического общества. СПб.
ЗРГО — Записки Русского географического общества. СПб.
ИАК — Известия Гос. Российской Археологической комиссии. СПб.
ИГН — Институт геологических наук АН СССР
ИИАЭ — Институт истории, археологии и этнографии
ИООН АН ТаджССР — Известия Отделения общественных наук Академии наук Таджикской ССР. Сталинабад
ИЯЛИ КФАН СССР — Институт истории языка и литературы Карельского филиала АН СССР. Петрозаводск
КГПИ — Куйбышевский гос. педагогический институт
КСИА — Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института археологии АН СССР
КСИИМК — Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры АН СССР
КФ АН СССР — Казанский филиал АН СССР
ЛОИА — Ленинградское отделение Института археологии АН СССР
ЛОИЭ — Ленинградское отделение Института этнографии АН СССР
МАД — Материалы по истории Дагестана. Махачкала
МАМЮ — Московский архив Министерства юстиции, хранящийся в ЦГАДА
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР. Москва — Ленинград
ОАК — Отчет Археологической комиссии
ОИПК ГЭ — Отдел истории первобытной культуры Гос. Эрмитажа
ПАО — Псковское археологическое общество. Псков
ПИДО — Проблемы истории докапиталистических обществ. Ленинград
ПСРЛ — Полное собрание русских летописей
ПТКЛА — Протоколы Туркестанского кружка любителей археологии
РАИМК — Российская академия истории материальной культуры
СА — Советская археология
САИ — Свод археологических источников. Москва — Ленинград
СГЭ — Сообщения Гос. Эрмитажа
СЭ — Советская этнография

ЮТАКЭ — Южнотуркменистанская археологическая комплексная экспедиция
AM — Arheologia Moldovei. Bucureşti
ATL — Archeologiniai tyrinejimai Lietuvoje. Vilnius
BAR — British Archaeological Reports. Oxford — Ethnografisch-Archaologische Zeitschrift. Berlin
ESA — Eurasia septentrionalis antiqua. Helsinki
MDAFA — Mémoires de la délégation archéologique française en Afghanistan. Paris
SzDRIP — Studia z dziejów rzemiosłu i przemysłu

Адрес редакции:
117036, Москва, ул. Дм. Ульянова, 19
Телефон 124-34-42

Зав. редакцией *Е. В. Бубнова*

Технический редактор *Е. В. Синицына*

Сдано в набор 17.04.86 Подписано к печати 06.06.86 Т-13821 Формат бумаги 70×108¹/₁₆
Высокая печать Усл. печ. л. 26,6 Усл. кр. отт. 97,5 тыс. Уч.-изд. л. 31,0 Бум. л. 9,5
Тираж 3643 экз. Зак. 2476

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Наука»,
103717, ГСП, Москва, К-62, Подсосенский пер., 21
2-я типография издательства «Наука», 121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 6

ВНИМАНИЮ АВТОРОВ

Журнал «Советская археология» публикует на своих страницах работы теоретического и научно-исследовательского характера по вопросам археологии и смежных дисциплин, археологические материалы, представляющие большой научный интерес, критические статьи и рецензии на новые книги по археологии.

Направляемые в журнал статьи должны быть оформлены в соответствии с правилами, принятыми в журнале.

1. Объем рукописи не должен превышать одного авторского листа (23—25 машинописных страниц) и 10 иллюстраций; для раздела «Заметки» — не более 5 страниц и 3 иллюстраций.

2. Статьи должны быть напечатаны на машинке с четким, контрастным шрифтом, через два интервала на одной стороне листа белой бумаги стандартного размера с полями. Материалы, напечатанные на портативной машинке, редакцией журнала не принимаются. Не допускаются поправки от руки в тексте статьи. Все страницы рукописи должны быть пронумерованы.

3. Все знаки, которые не могут быть напечатаны на машинке, должны быть вписаны в текст от руки, черными чернилами (пастой, тушью), отчетливо в единой системе написания. Необходимо пояснить на левом поле, какая именно буква, знак, символ вписаны, если они могут быть спутаны с другими, близкими по начертанию. Греческие буквы нужно подчеркивать красным карандашом. Знаки в тексте, которые не могут быть воспроизведены буквами русского, латинского или греческого алфавита, должны быть сдублированы на отдельном листе для изготовления клише.

4. Иллюстрации следует представлять в пригодном для воспроизведения виде. Размер авторских оригиналов иллюстраций должен быть в полтора — два раза больше размера иллюстраций в журнале. Рисунки представляются вычерченными тушью на ватмане или кальке, а также в виде четких фоторепродукций. Следует максимально сокращать пояснения на рисунке, переводя их в подписи. Эскизы карт должны быть выполнены либо непосредственно на картах, изданных ГУГК, либо на фотокопиях с них (не на самодельных ручных выкопировках). Фотографии должны быть представлены в двух экземплярах, контрастные, на белой глянцевой бумаге, хорошо проработанные в деталях. Все необходимые на фотографиях обозначения, пояснения следует делать только на втором экземпляре. Первый экземпляр фотографии не должен иметь никаких дефектов: пятен, надписей, изломов, следов от скрепок, трещин и т. д. Наклеивать первый экземпляр фотографии на бумагу или картон не разрешается. На авторских оригиналах иллюстраций с неясной ориентацией необходимо написать «верх» и «низ».

Иллюстрации должны быть пронумерованы в соответствии с порядком ссылок на них в тексте статьи (для всех видов иллюстраций дается общая нумерация). На обороте каждой иллюстрации карандашом следует указать фамилию автора, название статьи и номер рисунка. В рукописи на левом поле, в прямоугольнике должны быть указаны номера иллюстраций и таблиц напротив тех мест текста, где желательно их напечатать в издании. Подписи к иллюстрациям прилагаются на отдельном листе, где указывается фамилия автора и заглавие статьи. В подрисуночной подписи должны быть кратко расшифрованы все условные обозначения на иллюстрации.

5. Текстовые пояснения даются внизу на соответствующей странице под цифрой; нумерация сквозная: [1], [2], ...

6. Пронумерованный список использованной литературы (не в алфавитном порядке, а в порядке упоминания в тексте) дается в конце статьи на отдельной странице. Библиография оформляется в соответствии с ГОСТом 7.1—76 «Библиографическое описание произведений печати». Для книг указываются фамилии и инициалы авторов, название книги, город, издательство, год издания; для статей, опубликованных в журналах и продолжающихся изданиях (типа КСИА, МИА, Тр. ГИМ) — фамилии и инициалы всех авторов, название статьи, название журнала (издания), год издания, том, номер (выпуск); для архивных материалов — фамилии и инициалы авторов, заглавие, местонахождение документа (наименование архива, номер и название фонда, номера описи, дела). Ссылки на русские летописи дают ся в списке литературы с указанием принятого наименования летописи и изда Источником библиографического описания является титульный лист издания.

В тексте в квадратных скобках указывается порядковый номер библиог ческой ссылки и страница, если она необходима: [5, с. 80]. Для литератур иностранных языках — том, рисунок, таблица и страница указываются на рус

языке: т., рис., табл., с. При ссылке на рисунок позиция отмечается волнистой чертой: [8, рис. 5, 1, 2].

7. Ссылки на работы классиков марксизма-ленинизма и оригинальные работы древних авторов (Her., Plin. и т. д.) даются в тексте статьи и в список цитированной литературы не вносятся. Если используются переводные источники, они упоминаются, как обычно, в списке литературы с указанием переводчика.

8. К статье следует приложить список сокращений и русский текст резюме (краткое содержание статьи со ссылкой на рисунки, иллюстрирующие основные ее положения, объемом 0,5—1 страница машинописного текста). Для облегчения перевода резюме на английский язык необходимо: а) при употреблении названий периодов, типов, культур, вариантов, произведенных от географических названий, дать последние в именительном падеже единственного числа (например, кушнаренковский тип от Кушнаренково); б) наиболее специфические термины давать или в переводе, или в расшифровке.

9. Статьи следует присылать в двух экземплярах. Текст должен быть тщательно проверен и подписан автором с указанием фамилии, имени и отчества, полного почтового адреса, места работы, телефонов и даты отправления. При наличии нескольких авторов статья подписывается всеми авторами.

10. Статьи, отправленные авторам для доработки, должны быть возвращены в редакцию не позднее, чем через 4 месяца. Статьи, полученные с доработки позже указанного срока, будут рассматриваться как вновь поступившие.

11. Книги и журналы, присланные в редакцию для рецензирования, не возвращаются.

Статьи, оформленные без соблюдения указанных правил, к рассмотрению не принимаются.